

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, Борис СТРУГАЦКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в тридцати трех томах

ТОМ ПЯТЫЙ

1961

Концепция издания — Светлана Бондаренко и Александр Воронин

Составители: Светлана Бондаренко, Виктор Курильский, Юрий Флейшман

Редакционная коллегия: С. Бондаренко, В. Борисов, А. Горбов, В. Дьяконов, А. Заршиков, В. Казаков, А. Кузнецова, И. Кузнецова, В. Курильский, Р. Муринский, П. Поляков, Л. Рудман, Ю. Флейшман, И. Юдин

Подготовка иллюстративных материалов — А. Горбов, П. Северцов

В книге использованы фотографии из архива Аркадия Стругацкого, Бориса Стругацкого, в том числе фотографии Лидии Камионко

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с правообладателями.

© Стругацкий А., Стругацкий Б., текст, 1961, 2016

© Бондаренко С., Воронин А., концепция, 2016

© Бондаренко С., Курильский В., Флейшман Ю., составление, 2016

© Бондаренко С., Казаков В., варианты произведений, 2016

© Курильский В., Муринский Р., Рудман Л., комментарии, примечания, 2016

© Казаков В., Флейшман Ю., библиография, 2016

© Курильский В., указатели, 2016

I. Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Стажеры

Пролог

Подкатил громадный красно-белый автобус и остановился, мерно похрюкивая двигателем. Отлетающих пригласили садиться.

— Что ж, ступайте, — сказал Дауге.

Быков проворчал:

— Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто. Провожающих почему-то было совсем немного.

— Если они будут грузиться такими темпами, — сказал Гриша, — вам к старту не успеть.

Быков строго посмотрел на него.

— Застегни рубашку, — сказал он.

— Пап, жарко, — сказал Гриша.

— Застегни рубашку, — повторил Быков. — Не ходи расхлюстанный.

— Не бери пример с меня, — сказал Юрковский. — Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского — на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми сиренами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юрковский томно сказал:

— В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

— Печенка?

— Почему обязательно печенка? — сказал Юрковский. — Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что эссенуки от приступов не помогают.

— Ты, по крайней мере, взял свои пилюли? — спросил Быков.

— Что ты к нему пристал? — сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

— Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

— Если Арнаутов на Марсе, — сказал Юрковский.

— Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

— Я ему напомню, — пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

— Знаете что, идите вы, пожалуйста, — сказал Дауге.

— Да, пора идти, — вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. — Не печалься, Иоганыч, — сказал он тихо. — До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками, Дауге слабо оттолкнул его.

— Спокойной плазмы, — проговорил он.

Он пожал руку Юрковскому. Юрковский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель,

повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядел на него. Юрковский снова поднял портфель.

— Ах, да не кисни ты, Григорий, — страдающим голосом сказал он.

— Постараюсь, — сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

— Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

— Ладно, пап.

— Никаких рекордов.

— Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

— Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

— Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

— Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

— До свидания, дядя Володя, — сказал Гриша.

— До свидания, малыш, — сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. — Ты его навещай, что ли... Просто так, зайди, выпей чайку — и всё. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

— Хорошо было бы, если б рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

— Какой рейс? Наш?

— Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

— Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

— Перестань, — сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там, в розоватом мареве, виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

— Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

— Можно и в институт, — ответил Дауге.

Никуда мне не хочется, подумал он. Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракуют, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: «Григорий Иоганнович, довольно есть, что дают, и спать, где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить». А чему их учить? Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не нужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, утонув в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха

блестящие коробочки фонодемонстраторов. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата. Он методически затапливал в автомат жетон за жетоном, задумчиво глядя на табличку с надписью «выключен». Двое ребятшек — мальчик и девочка лет четырех-пяти — стояли позади него, с любопытством следя за его манипуляциями.

— Пойду объясню ему, — сказал Гриша.

Дауге рассеянно кивнул.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

— Зайдем выпьем, тезка, — сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

— Зачем, дядя Гриша? — просительно сказал он. — Зачем? Не надо.

— Ты полагаешь, не надо? — задумчиво спросил Дауге.

— Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

— Уж не воображаешь ли ты, — ядовито произнес он, — что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь? Один! В первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

— Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

— Дядя Миша тоже идет в последний рейс, — робко напомнил Гриша.

— Да, — согласился Дауге. — Миша наш состарился... Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела над пустым бокалом, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

— Что с вами, дядя Гриша? — встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

— Это моя жена, — сказал он спокойно. — Пойдем.

«Какая еще жена?» — подумал Гриша с испугом.

— Может быть, мне пойти подождать в машине? — спросил он.

— Чепуха, чепуха, — сказал Дауге. — Пойдем.

Они подошли к столику.

— Здравствуй, Маша, — произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.

Она медленно откинулась на спинку стула.

— Ты... не улетел? — сказала она.

— Нет.

— Ты летишь позже?

— Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

— Что значит — остаешься? — недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

— Можно нам посидеть с тобой? — спросил он. — Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

— Очень рада, — сказала она. — Садитесь, мальчики.

Гриша и Дауге сели.

— Меня зовут Мария Сергеевна, — сказала она, разглядывая Гришу. — Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

— Я знаю вашего отца, — продолжала она. Она перестала улыбаться. — Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

— Что ты будешь пить, Маша?

— Джеймо, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Это очень крепко? — спросил Дауге. — Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

— Вот мы и встретились, — сказал он. — А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, — проговорила она. — Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

— Ты провожала, — тихо сказал он.

Она кивнула.

— Кого? Неужели нас?

— Да.

У него остановилось сердце.

— Меня? — спросил он.

Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

— Нет, — ответила она.

— Володьку? — сказал он с горечью.

— Да.

Гриша тихонько ушел.

— Какой милый мальчик, — сказала она. — Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

— Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова.

Даже не рыжий.

— Да, время идет, — сказал Дауге. — Вот я уже и не летаю.

— Почему? — равнодушно спросила она.

— Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

— Да, ты неважно выглядишь. Скажи... — Она помолчала. — А Быков тоже скоро перестанет летать?

— Что? — спросил он с удивлением.

— Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, — сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. — Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

— А при чем здесь Быков? — спросил Дауге неприязненно.

— С Быковым безопасно, — сказала она просто. — Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты — и вдруг не летаешь.

— Буду работать в институте, — сказал Дауге.

— Работать... — Она покачала головой. — Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

— Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

— С какой стати? — возразила она.

— Я вот тоже так холостяком и остался.

— Неудивительно.

— Почему?

— Ты не годишься в мужья. Я знаю это по опыту.

Дауге неловко засмеялся.

— Не нужно нападать на меня, — сказал он. — Я просто хотел поговорить.

— Раньше ты умел говорить интересно.

— А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

— Нет, почему же? — вежливо сказала она. — Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

— А Володю я провожаю всегда, — сказала она. — У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетаете. И откуда. И я всегда его провожаю. — Она вынула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. — Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. — Она подняла бокал и отпила несколько глотков. — Сумасшедший мир. Дурацкое время, — сказала она устало. — Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это нужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще нужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, неявная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

— Понимаю, — сказал Дауге.

— Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос «зачем». — Она снова отпила из бокала. — Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девчонками из районной школы. Где уж тебе понять, подумал он. Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать. Он сказал:

— Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

— А что, если права я?

— Нет. — Дауге помотал головой. — Правы они. Они не задают вопроса «зачем».

— А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. «Что ты знаешь о широте мысли?» — подумал он.

— Ты пьешь холодную воду в жаркий день, — сказал он терпеливо. — И ты не спрашиваешь зачем. Ты просто пьешь, и тебе хорошо...

Она прервала его:

— Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

— Пусть, — спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная гнетущая тоска. — Мы ведь не об этом говорили. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек — это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще очень много людей на Планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

— Спасибо.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал Дауге. — Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов... Какая у вас может быть широта взглядов?

Она допила свой бокал.

— Ты очень красиво говоришь сегодня, — заметила она, недобро усмехаясь, — все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

— Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, — сказал Дауге. — Я даже был изрядным шалопаем.

— Не будем спорить, — сказала она. — С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее теперь?

— Конечно, я, — сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка — так меня, кажется, называет Володя? — или трудолюбивый муравей — конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

— Спроси у Гриши Быкова, — спокойно сказал Дауге.

— О, эти! — Она пренебрежительно махнула рукой. — Я знаю, что скажут они. Нет, меня интересует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

— Да, это бывает, — сказал Дауге. — Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это — и молчащий телефон, и ничего впереди, — но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. «Я свинья, — с раскаянием подумал он. — Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!»

— Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? — сказал он.

— Нет. — Она поднялась. — У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

— Куда ты сейчас? — спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

— Куда? — переспросила она. — Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

— Я мог бы тебя подвезти, — сказал Дауге.

— Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

— Прощай, старичок, — сказала она.

— Прощай, — сказал он, ласково улыбаясь. — Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Троица каких-то модных парней с рыжими бакенбардами уперлась в нее нахальными глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они».

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был включен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

— Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

— Без любви, конечно, обойтись можно, — вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

— Да, можно, — согласился он. — Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

— В институт, — сказал Дауге, — и постарайся успеть к часу. Не опоздаем?

— Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

— Дядя Гриша, вам не дуется? — спросил Гриша Быков.

Дауге повел носом и сказал:

— Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

1. Мирза-Чарле. Русский мальчик

Дежурная по пассажирским перевозкам очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна не существовало. Не существовало еще даже регулярного грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли — и того реже. Дежурная дважды послала запрос электронному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид, потому что напоследок она сказала с жалостью:

— Не надо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета. И зачем вам надо так далеко?

— Я от ребят отстал, — расстроено сказал Юра. — Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь...

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

— Пойдите, голубчик, — окликнула его дежурная. Юра сейчас же повернулся и пошел обратно. — Понимаете, голубчик, — сказала дежурная нерешительно, — случаются еще иногда специальные рейсы.

— Правда? — с надеждой сказал Юра.

— Да. Но сведения о них в наше управление не поступают.

— А меня могут взять в специальный рейс? — спросил Юра.

— Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома? — Она вопросительно посмотрела на Юру.

— К начальнику, наверное, не пробиться, — уныло сказал Юра.

— А вы попробуйте.

— Спасибо, — сказал Юра. — До свидания. Я попробую.

Он вышел из управления перевозок и огляделся. Справа над зелеными купами деревьев поднималось в жаркое белесое небо здание гостиницы. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. Этот купол Юра увидел еще с аэродрома. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра, конечно, спросил, что это такое, и ему коротко ответили: «СЭУК». Что такое СЭУК, Юра не знал.

Прямо перед зданием управления проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По обеим сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Шагах в двадцати от входа в управление в тени акаций стоял маленький квадратный белый атомокар. Над блестящим ветровым стеклом неподвижно торчали большие голубые каски с белыми буквами: «International Police. Mirza-Charlie».

Минуты две Юра стоял в полной нерешительности. Сначала на дороге никого не было. Потом откуда-то справа появился, широко шагая, рослый, докрасна загорелый человек в белом костюме. Поравнявшись с Юрой, он остановился, стащил с головы огромный белый берет и обмахнул лицо. Юра с любопытством посмотрел на него.

— Ш-жарко! — сказал человек в белом костюме. — А как ты? — Он говорил с сильным акцентом.

— Очень жарко, — согласился Юра.

Человек в белом костюме нахлобучил берет на выгоревшую шевелюру и извлек из кармана плоскую стеклянную флягу.

— Ви-пьем? — сказал он, раздвигая рот до ушей.

Юра помотал головой.

— Не пью, — сказал он.

— Я тош-же не пью, — объявил человек в белом костюме и сунул флягу обратно в карман. — Но я всегда имею виски на случай, если кто пьет.

Юра засмеялся. Человек ему нравился.

— Ш-жарко, — еще раз сказал человек в белом костюме. — Это наша беда. Меш-ждународни ракетодром в Гренландии — и я там мерзну. Меш-ждународни ракетодром в Мирза-Чарле — я мокрый, потный. А?

— Ужасно жарко, — сказал Юра.

— А куда летим? — осведомился человек в белом костюме.

— Мне нужно на Сатурн.

— О-о! — сказал человек в белом костюме. — Оч-шень молодой и уже на Сатурн! Знач-шит, нам встреч-шаться и встреч-шаться! — Он похлопал Юру по плечу и вдруг заметил полицейскую машину. — Меш-ждународни полиция, — сказал он торжественно. — Они долш-жны иметь все поч-шести.

Он важно кивнул Юре и пошел дальше. Поравнявшись с полицейским атомокаром, он подтянулся и приложил указательный палец к виску. Голубые каски над ветровым стеклом одновременно и медленно качнулись и снова застыли неподвижно.

Юра вздохнул и неторопливо пошел к гостинице. Нужно было искать где-то начальника ракетодрома. На дороге было пусто, и спросить было не у кого. Можно было, конечно, спросить у полицейских, но Юре не хотелось обращаться к ним. Ему не нравилось, что они сидят так неподвижно. Юра мимолетно пожалел, что не спросил о начальнике у человека в белом костюме, а потом вдруг подумал, что ласковая дежурная наверняка должна знать все о Мирза-Чарле.

Он даже остановился на секунду, но потом пошел дальше. В конце концов, неудобно отнимать у людей так много времени. «Ничего, узнаю где-нибудь», — подумал он и пошел быстрее.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых домиков, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, уставленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных крыш машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем. Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесово здоровье всем, кто пьет витаминизированное козье молоко «Голден Хорнз», мимо каких-то очень странных потрепанных людей, спавших прямо в траве, подложив под головы узелки, рюкзаки и чемоданчики, мимо застывших у обочины машин-дворников, мимо загорелых ребятишек, плескавшихся в арыке. Несколько раз его обгоняли пустые автобусы. Он прошел под плакатом, протянутым над дорогой: «Мирза-Чарле приветствует дисциплинированного водителя». Надпись была сделана по-английски. Он миновал голубую будку регулировщика, свернул направо и вышел на проспект Дружбы — главную улицу Мирза-Чарле.

Проспект был тоже пуст. Магазины, кинотеатры, бары, кафе были закрыты. «Сиеста», — подумал Юра. На проспекте было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячей газированной воды. «Да, — подумал он. — Сиеста. Хорошо бы забраться в холодильник».

Солнце жгло проспект — белое, словно затянутое туманом. Теней не было. В конце проспекта в горячей дымке розовела и синела громада гостиницы. Юра двинулся в путь, ощущая сквозь туфли раскаленный тротуар. Сначала он шел быстро, но быстро идти было нельзя — перехватывало дыхание, и пот катился по лицу, оставляя щекотные дорожки.

Длинная узкая машина с растопыренными надкрыльями подкатила к тротуару. Водитель в огромных черных очках открыл дверцу.

— Слушай, друг, где здесь гостиница?

— А вон прямо, в конце проспекта, — сказал Юра.

Водитель посмотрел, кивнул и спросил:

— А ты не туда?

— Туда, — со вздохом ответил Юра.

— Садись, — сказал водитель.

Юра с радостью полез в машину.

— Сразу видно, что ты приезжий, вроде меня, — сказал водитель. Он вел машину очень медленно. — Все местные сидят в тени. Меня предупреждали, что надо приезжать к вечеру, но такой уж я человек — неохота было ждать. И зря, видно, торопился. Сонное царство.

В машине было много прохладного чистого воздуха.

— А по-моему, — сказал Юра, — очень любопытный городок. Я никогда раньше не был в международных городах. Здесь все так забавно перепуталось. Каракумы и международная полиция. Видели — такие, в голубых касках?

— Видел, — хмуро сказал водитель. — Там их сейчас на шоссе... — он мотнул головой, — человек тридцать. Грузовики столкнулись.

— Как так — столкнулись? — сказал Юра. — Какие грузовики? Автоматы?

— Да нет, зачем автоматы, — проворчал водитель. — Эти... Варяжские гости. Дорвались... Мерзавцы пьяные.

Он остановил машину перед гостиницей и сказал:

— Приехали. Мне в первый переулок направо.

Юра вылез.

— Большое спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказал водитель. — До свидания.

Юра поднялся в холл и подошел к администратору. Администратор говорила по телефону, и Юра, присев в кресло, стал рассматривать картины на стенах. Здесь тоже все очень забавно перемешалось. Рядом с традиционными шишкинскими медведями красовалось большое полотно, покрытое флюоресцирующими красками и ничего особенного не изображавшее. Некоторое время Юра с тихой радостью сравнивал эти картины. Это было очень забавно.

— Слушаю вас, мсье, — сказала администратор, складывая руки на столе.

Юра засмеялся.

— Я, видите ли, не мсье, — сказал он. — Я простой советский товарищ.

Администратор тоже засмеялась:

— Откровенно говоря, я так и думала. Но я не хотела рисковать. У нас тут попадают иностранцы, которые обижаются, когда их называешь товарищами.

— Вот чудачки, — сказал Юра.

— Да уж, — сказала администратор. — Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

— Понимаете, — сказал Юра, — мне страшно нужно попасть к начальнику ракетодрома. Не можете ли вы посоветовать мне что-нибудь?

— А что тут советовать? — удивилась администратор. Она сняла трубку и набрала номер. — Валя? — спросила она. — Ах, Зоя? Слушай, Зочка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает? Ага?.. Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да... Ну хорошо, спасибо, извини, пожалуйста.

Экран видеодфона во время разговора оставался слепым, и Юра счел это за плохое предзнаменование. «Плохо дело», — подумал он.

— Так вот, дело обстоит следующим образом, — сказала администратор. — Начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... — Она торопливо писала на гостиничном бланке. — Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра встал, взял листок и поблагодарил.

— А где вы остановились? — спросила администратор.

— Понимаете, — сказал Юра, — я еще пока нигде не остановился. Я и не хочу останавливаться. Мне нужно улететь сегодня.

— А, — сказала администратор, — ну, счастливого пути. Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетчики.

Юра еще раз поблагодарил и пошел на улицу.

В тенистом переулке неподалеку от гостиницы он нашел кафе, в котором сиеста уже кончилась или еще не начиналась. Под широким цветастым тентом прямо на траве были расставлены столики и пахло жареной свининой. Над тентом висела вывеска: «Your old Mickey Mouse» с изображением знаменитого диснеевского мышонка. Юра несмело прошел под тент.

Конечно, такие кафе бывают только в международном городе. За длинной металлической стойкой на фоне бутылок с пестрыми этикетками восседал лысый румяный бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебристых колпаков, покрывавших блюда с бесплатными закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебристая машина, от которой поднимались струйки пахучего пара. Справа под стеклянной крышкой красовались всевозможные сэндвичи на картонных тарелочках. Над головой бармена были прибиты два плаката. Один, на английском языке, извещал, что «первая выпивка даром, вторая — двадцать четыре цента, остальные — по восемнадцать центов каждая». Другой плакат, на русском языке, гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания».

В кафе было всего двое посетителей. Один из них спал за столиком в углу, уронив на руки нечесаную голову. Рядом с ним на траве валялся сморщенный засаленный рюкзак.

Второй посетитель, здоровенный мужчина в клетчатой рубашке, неторопливо и со вкусом ел рагу и через два ряда столиков беседовал с барменом. Беседа велась по-русски. Когда Юра вошел, бармен говорил:

— Я не касаюсь фотонных ракет и атомных реакторов. Я хочу говорить о кафе и барах. В этом-то я кое-что понимаю. Возьмите здесь, в Мирза-Чарле, ваши советские кафе и наши западные кафе. Я знаю оборот каждого заведения в этом городе. Кто ходит в ваши советские кафе? И, главное, зачем? В ваши советские кафе ходят женщины кушать мороженое и танцевать по вечерам с непьющими пилотами. Какой же парень, набивший себе карман на космических копиях, пойдет в ваше кафе?..

Тут бармен увидел Юру и остановился.

— Вот мальчик, — сказал он. — Это русский мальчик. Он пришел в «Микки Маус» днем. Значит, он приезжий. Он хочет кушать.

Мужчина в клетчатой рубашке с любопытством поглядел на Юру.

— Здравствуйте, — сказал Юра бармену. — Я действительно хочу есть. Как это у вас делается?

Бармен гулко захохотал.

— У нас это делается точно так же, как у вас, — сказал он. — Быстро, вкусно и вежливо. Что бы вы хотели скушать, мальчик?

Человек в клетчатой рубашке сказал:

— Сделайте ему окрошку со льдом и свиную отбивную, Джойс. А вы, товарищ, подсаживайтесь ко мне. Во-первых, здесь почему-то сквонзничок, а во-вторых, так нам будет удобнее вести идеологическую борьбу со старым Джойсом.

Бармен опять захохотал и скрылся под стойкой. Юра, смущенно улыбаясь, сел рядом с клетчатой рубашкой.

— Я веду с «Микки Маусом» идеологическую борьбу, — объяснил человек в клетчатой рубашке. — Вот уже пять лет я пытаюсь доказать ему, что в Солнечной системе есть еще кое-что, кроме питейных заведений.

Бармен появился из-за стойки, неся на подносе глубокую картонную тарелку с окрошкой и хлеб.

— Пить я вам даже не предлагаю, — сказал он и ловко поставил поднос на стол. — Я сразу понял, что вы — русский мальчик. У вас у всех какое-то особенное выражение лица. Не могу сказать, Иван, чтобы оно мне не нравилось, но при виде вас почему-то пропадает жажда. И хочется соревноваться за какое-нибудь звание даже в ущерб заведению.

— В свободном предпринимателе заговорила совесть, — сказал Иван. — Еще год назад мне удалось убедить его в том, что сбывать спиртное ни в чем не повинным людям безнравственно.

— Особенно если это делается бесплатно, — сказал бармен и захохотал. Очевидно, он намекал на первую даровую выпивку.

Юра слушал, с удовольствием поедая ледяную, необыкновенно вкусную окрошку. По краю тарелки шла английская надпись, которую Юра перевел так: «Съешь до дна, на дне сюрприз».

— Дело даже не в том, Джойс, что из-за вашей клиентуры приходится содержать в Мирза-Чарле международную полицию, — сказал лениво Иван. — И я оставляю пока в стороне вопрос о том, что именно благодаря преимуществам западных кафе перед советскими человек имеет изумительно легкую возможность потерять свой натуральный человеческий облик. Очень печально глядеть на вас как такового, Джойс. Не на бармена, а на человека. Энергичный мужчина, золотые волосатые руки, далеко не дурак. И чем он занимается? Он торчит за стойкой, как старый торговый автомат, и каждый вечер, слюнявя пальцы, считает грязные бумажки.

— Вы этого не поймете, Иван, — величественно сказал бармен. — Такое понятие, как честь и оборот заведения, для вас чуждо. Кто не знает «Микки Мауса» и Джойса? Во

всех углах Вселенной знают мой бар! Куда идут наши пилоты, вернувшиеся с какого-нибудь Юпитера? К «Микки Маусу»! Где наши вербованные бродяги проводят свой последний день на Земле? У «Микки Мауса»! Здесь! У этой вот стойки! Куда идут залить горе или sprыснуть радость? Ко мне! А куда ходите обедать вы, Иван? — Он захохотал. — Вы идете к старому Джойсу! Конечно, вы никогда не заглянете ко мне вечером. Разве что в составе патруля порядка. И я знаю, что в глубине души вы предпочитаете ваши советские кафе. Но почему-то вы все-таки ходите сюда! К «Микки Маусу» или к старому Джойсу — что-то вам нравится, верно? Вот поэтому я и горжусь своим заведением. — Бармен перевел дух и выставил перед собой толстый указательный палец. — И еще одно, — сказал он. — Эти самые грязные бумажки, о которых вы говорите. В вашей сумасшедшей стране все знают, что деньги — это грязь. Но у меня в стране всякий знает, что грязь — это, к сожалению, не деньги. Деньги надо добывать! Для этого летают наши пилоты, для этого вербуются наши рабочие. Я старый человек и, наверное, поэтому никак не могу понять, чем измеряется успех и благополучие у вас. Ведь у вас все вверх ногами. А вот у нас все ясно и понятно. Где сейчас покоритель Ганимеда капитан Эптон? Директор компании «Минералз Лимитэд». Кто сейчас знаменитый штурман Сайрус Кэмпбэлл? Владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке. Конечно, когда-то их знал весь мир, а теперь они в тени, но зато раньше они были слугами и шли туда, куда их пошлют, а сейчас они сами имеют слуг и посылают их, куда захотят. Я тоже не хочу быть слугой. Я тоже хочу быть хозяином.

Иван сказал задумчиво:

— Кое-чего вы уже достигли, Джойс. Вы не хотите быть слугой. Теперь вам осталась самая малость — перестать хотеть быть господином.

Юра доел крошку и увидел сюрприз. На дне тарелки была надпись: «Это блюдо приготовлено электронной кухонной машиной “Орфей” фирмы “Кибернетикс Лимитэд”». Юра отодвинул тарелку и заявил:

— А по-моему, ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой.

Бармен поправил на стене табличку с английской надписью «Ношение огнестрельного оружия в Мирза-Чарле карается смертью» — и сказал:

— Что значит — скучно? Что такое скучная работа и что такое веселая работа? Работа есть работа.

— Работа должна быть интересной, — сказал Юра.

Бармен пожал плечами:

— Зачем?

— Ну как же так зачем? — сказал Юра удивленно. — Если работа неинтересная, надо... надо... Да кому это надо, чтобы работа была неинтересная? Какой от тебя прок, если ты работаешь без интереса?

— Так его, старого, — сказал Иван.

Бармен тяжело поднялся и заявил:

— Это нечестно. Ты вербуешь себе союзников, Иван. А я один.

— Вас тоже двое, — сказал Иван. Он ткнул пальцем в сторону спящего.

Бармен посмотрел, покачал головой и, собрав грязные тарелки, ушел за стойку.

— Каков орешек, — сказал Иван вполголоса. — Как он про честь заведения, а? Вот тебе бы с ним поспорить. Нипочем бы вы друг друга не поняли. Я вот все пытаюсь нащупать с ним общий язык. В общем-то ведь славный дядька!

Юра упрямо затряс головой.

— Нет, — сказал он. — Никакой он не славный. Самодовольный он и тупой. И жалко его. Ну зачем живет человек? Вот накопит денег, вернется к себе домой. Ну и что дальше?

— Джойс! — рявкнул Иван. — Тут к вам есть один вопрос!

— Иду! — откликнулся бармен.

Он появился из-за стойки и поставил перед Юрой тарелку с отбивной и запотевшую бутылочку виноградного сока.

— За счет заведения, — сказал он, указывая на бутылочку, и сел.

Юра сказал:

— Спасибо, зачем же?

— Слушайте, Джойс, — сказал Иван. — Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбогатеете?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

— Ладно, — сказал он. — Я знаю, какого ответа ждет мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Всю жизнь он будет заниматься своей... как это вы говорите... интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Иван откинулся на спинку стула и с удовольствием посмотрел на бармена. На лице его было прямо-таки написано: «Каков орешек, а?» Юра почувствовал, что у него запылали уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

— Я... не знаю, я как-то не думал... — Он замолчал.

Бармен серьезно и печально смотрел на него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием:

— Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать...

Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил:

— И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека — это красиво умереть!

Бармен молча поднялся, потрепал Юру по спине широкой ладонью и удалился за стойку. Иван сказал:

— Ну, брат, спасибо. Удружил. Этак ты мне всю идеологическую работу развалишь.

— Ну почему же? — пробормотал Юра. — Старость... Не работать... Человек должен всю жизнь бороться! Разве не так?

— Все так, — сказал бармен. — Вот я, например, всю жизнь борюсь с налогами.

— Ах, да ведь я не об этом, — сказал Юра, махнул рукой и уткнулся в тарелку.

Иван отпил виноградного сока за счет заведения и неторопливо сказал:

— Между прочим, Джойс, очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но, заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс.

Бармен задумчиво поскреб мизинцем лысину.

— Пожалуй, — сказал он.

— Вот в этом и разница, — сказал Иван. — И разница, по-моему, не в вашу пользу.

Бармен подумал, снова поскреб лысину и, не сказав ни слова, скрылся за дверью позади стойки.

— Ну вот, — сказал Иван с удовлетворением. — Сегодня я его уел. Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

— Из Вязьмы, — грустно сказал Юра. Он остро переживал свою житейскую несостоятельность.

— И зачем?

— Мне нужно на Рею. — Он взглянул на Ивана и пояснил: — Рея — это один из спутников Сатурна.

— Ах вот как, — сказал Иван. — Интересно. И что тебе надо на Рее?

— Там новое строительство. А я — вакуум-сварщик. Нас было одиннадцать человек, и я отстал от группы, потому что... Ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов пойду к начальнику ракетодрома.

— К Майкову?

— Н-нет, — сказал Юра. — То есть я не знаю, как его зовут. В общем, к начальнику ракетододрома.

Иван с интересом его рассматривал.

— Как тебя зовут?

— Юра... Юрий Бородин.

— Так вот что, Юрий Бородин, — сказал Иван и сокрушенно покачал головой. — Боюсь, что тебе придется красиво умереть. Дело в том, что начальник ракетододрома товарищ Майков, как мне это доподлинно известно, вылетел в Москву... — он посмотрел на часы, — двенадцать минут назад.

Это был страшный удар. Юра сразу сник.

— Как так... — пробормотал он. — Мне же сказали...

— Ну-ну, — сказал Иван. — Не нужно огорчаться. Старость еще не наступила. Всякий начальник, улетая в Москву, оставляет заместителя.

— Правда! — сказал Юра и воспрянул. — Вы меня извините: я должен немедленно пойти и позвонить.

— Иди позвони, — сказал Иван. — Телефон сразу за углом.

Юра вскочил и побежал к телефону.

Когда Юра вернулся, Иван стоял на тропинке перед входом в кафе.

— Ну что? — спросил он.

— Не везет, — с огорчением сказал Юра. — Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

— Вечером? — переспросил Иван.

— Да, после семи вечера.

Иван задумчиво уставился куда-то на кроны акаций.

— Вечером, — повторил он. — Да, это слишком поздно.

— Придется все-таки ночевать в гостинице, — сказал Юра со вздохом. — Пойду возьму номер.

По тропинке приближался, суетливо перебирая коротенькими ножками, толстенький, шикарно одетый человек в пробковом шлеме. Лицо у него было припухшее, с припухшими глазками. Под левым глазом темнела круто запудренная ссадина. Не доходя десяти шагов до Ивана, человек сорвал с головы шлем и, согнув туловище почти пополам, торопливо проскочил в кафе. Иван вежливо ему поклонился.

— Что это он так? — с изумлением спросил Юра.

— Пойдем, пойдем, — сказал Иван. — Нам по дороге.

— Минуточку, — сказал Юра. — Я только расплачусь.

— Я уже расплатился, — сказал Иван. — Пошли.

— Нет, зачем же, — сказал Юра с достоинством. — Деньги у меня есть... Нам всем выдали...

Иван оглянулся на кафе.

— А этот подхалимчик, — сказал он, — это мой добрый знакомый. Краса и гордость международного порта Мирза-Чарле.

Юра тоже оглянулся. «Краса и гордость Мирза-Чарле» уже взгромоздился на высокий табурет перед стойкой.

— Король стинкеро¹. Подпольный вербовщик. Самый процветающий мерзавец в городе. Два дня назад напился как свинья и приставал к девушке на улице. Тут я его побил немножко. Теперь он со мной очень любезен.

Они не спеша шли по тенистому зеленому переулку. Стало прохладно. С проспекта Дружбы доносился слитный гул моторов.

¹ Stinker — вонючка (англ.).

— А кого он вербует? — спросил Юра.

— Рабочих, — ответил Иван. — Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

— Нас рекомендовал наш завод, — сказал Юра. — А что это за рабочие? Неужели наши вербуются?

Иван удивился.

— Ну зачем же наши? Ребята с Запада. Всякие бедняги, которые с детства думают о старости и мечтают быть какими-нибудь хозяевами. Таких там еще много. Слушай-ка, Юра, — сказал он, — а если ты не доберешься до Реи? Что тогда?

— Ну что вы, — сказал Юра. — Я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень нехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться.

Некоторое время они шли молча.

— Ну, вот они вербуются, — сказал Юра. — А потом куда?

— Потом их сажают на корабли и отправляют на астероиды. Вербовщики получают с каждой головы, посаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле. И на других международных ракетодромах.

Они вышли на проспект Дружбы и повернули к гостинице. У большого белого дома Иван остановился.

— Мне сюда, — сказал он. — До свидания, Юра Бородин.

— До свидания, — сказал Юра. — Большое спасибо. И простите, что я наговорил ерунды там, в кафе.

— Ничего, — сказал Иван. — Главное, искренне было сказано.

Они пожали друг другу руки.

— Послушай, Юра, — сказал Иван и замолчал.

— Да? — сказал Юра.

— Насчет Реи, — сказал Иван. Он снова помолчал, глядя в сторону. Юра ждал. — Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты, брат, сегодня часов этак в девять вечера в триста шестой номер гостиницы.

— И что? — спросил Юра.

— Что из этого получится, я не знаю, — сказал Иван. — В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

— А кто он такой? — спросил Юра.

— До свидания, — сказал Иван. — Не забудь: номер триста шесть, после девяти.

Он повернулся и скрылся в белом здании. У входа в здание висела черная пластмассовая доска с белой надписью: «Штаб патрулей порядка. Мирза-Чарле».

— Номер триста шесть, — повторил Юра. — После девяти.

2. Мирза-Чарле. Гостиница, триста шестой номер

Юра убивал время. За несколько часов он обошел почти весь город. Он очень любил ходить по незнакомым городам и узнавать, что в них есть. В Мирза-Чарле был СЭУК. Под гигантский прозрачный купол не пускали, но теперь Юра знал, что СЭУК — это Система электронного управления и контроля, электронный мозг ракетодрома. Если пойти на север от СЭУК, то попадешь в обширный парк с кинотеатром под открытым небом, с двумя тирами, с большим стадионом, с аттракционом «Человек в ракете», с музыкальными кабинами, с качелями и танцплощадками и с большим прозрачным озером, вокруг которого росли араукарии и пирамидальные тополя и в котором Юра с наслаждением искупался. На южной окраине города Юра обнаружил низкое красное здание, сразу за которым начиналась пустыня. Возле здания стояло несколько квадратных атомокаров и расхаживал голубой полицейский с пистолетом. Полицейский объявил Юре, что красное здание — это тюрьма и что русскому юноше ходить здесь не нужно. К западу от СЭУК располагались жилые кварталы. Там было много больших и маленьких, красивых и не

очень красивых домов. Улицы были узкие, без покрытия. Жить там было, по-видимому, очень неплохо — прохладно, тенисто и недалеко от центра. Юре очень понравилось здание городской библиотеки, но заходить туда он не стал. На западной окраине города располагались административные здания, а за ними начинался огромный район, занятый складами.

Склады были бесконечно длинные, серые, из гофрированной пластмассы, с гигантскими белыми цифрами, намалеванными на стенах. Здесь Юра обнаружил такое количество грузовиков и грузовых вертолетов, какого не видел никогда в жизни. От непрерывного плотного рева моторов закладывало уши. Юра не успел сделать и десяти шагов, как позади него отвратительно взвыла сирена, и он отскочил в сторону, к какой-то стене, но стена вдруг раздвинулась, и через широкие, как триумфальная арка, ворота прямо на Юру выползло громадное красно-белое чудовище на колесах в два человеческих роста, и с высоты второго этажа на Юру неслышно заорал водитель в тубетейке. Чудовищный грузовик медленно развернулся в узком проезде между складами, а за ним из черных недр уже выползал второй, а за вторым — третий. Юра осторожно пробирался вдоль стен, пышущих жаром, оглушенный ревом, урчанием и тяжелым лязгом невиданных механизмов.

Потом он увидел низкую платформу, на которую грузили знакомые цилиндрические баллоны со смесью для вакуумной сварки. Он подошел поближе и, радостно улыбаясь, встал рядом с человеком, управлявшим погрузкой с помощью переносного пульта на шее. Некоторое время он стоял и смотрел, как стрелы лебедек аккуратно укладывают друг на друга упакованные штабеля баллонов. Потом он деловито сказал:

— Нет, это не пойдет.

— Что не пойдет? — с интересом спросил человек и поглядел на Юру.

— Вот этот баллон не пойдет.

— Почему?

— Вы же видите. У него сбит кран.

Несколько секунд человек колебался.

— Ничего, — сказал он. — Там разберутся.

— Нет уж, — возразил Юра. — Не будем мы там разбираться. Уберите этот штабель.

Человек снял руки с пульта и устался на Юру. Стрела лебедки замерла, очередной штабель, тихонько покачиваясь, повис в воздухе.

— Это же пустяк, — сказал человек.

— Это здесь пустяк, — снова возразил Юра.

Человек пожал плечами и снова положил руки на пульт. Юра придирчиво проследил за разгрузкой бракованного баллона, вежливо поблагодарил и пошел дальше. Очень скоро он обнаружил, что заблудился. Территория складов представляла собой целый город, улицы и переулки которого были удивительно похожи один на другой. Несколько раз он попадал в переулки, выходявшие прямо в пустыню. В конце таких переулков стояли огромные щиты с надписями: «Назад! Зона опасного излучения!» Быстро темнело, над складами вспыхнули прожектора. Юра пошел вслед за колонной каких-то машин на широких эластичных гусеницах и неожиданно для себя оказался на шоссе.

Юра знал, что город должен находиться справа, но слева, куда ушла колонна, совсем недалеко мигали разноцветные огоньки, и Юра повернул налево. По обе стороны от шоссе расстилалась пустыня. Здесь не было ни деревьев, ни арыков, только ровный черный горизонт. Солнце давно зашло, но воздух был еще горячий и сухой.

Разноцветные огоньки мигали над шлагбаумом. Сбоку от шлагбаума стоял небольшой грибообразный домик. Возле домика на скамеечке под фонарем сидел полицейский, держа на коленях голубую каску.

Другой полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошел навстречу. У Юры екнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.

— Пейпарс! — лающим голосом сказал он.

«Кажется, влип, — подумал Юра. — Если меня здесь задержат... Да пока будут выяснять... И зачем меня сюда понесло!..» Он торопливо полез в карман. Полицейский ждал с протянутой рукой. Второй полицейский надел каску и поднялся.

— Вейт э минут, — пробормотал Юра. — Сейчас... Сию минуту... Фу ты, елки-палки, куда она запропастилась...

Полицейский опустил руку.

— Русский? — спросил он.

— Да, — сказал Юра. — Сейчас... Видите ли, у меня только рекомендация от предприятия... Вязьминский завод металлоконструкций... — Он наконец извлек рекомендацию.

— Не надо, — сказал полицейский неожиданно добродушно.

Подошел второй полицейский и спросил:

— What's the matter? The chap hasn't got his papers?¹

— Нет, — сказал первый полицейский. — Это русский.

— А, — равнодушно сказал второй. Он повернулся и пошел обратно к своей скамейке.

— Я просто хотел посмотреть, что здесь, — сказал Юра.

— Здесь ракетодром, — сказал полицейский охотно. — Вон там. — Он показал рукой за шлагбаум. — Но туда нельзя.

— Нет-нет, — торопливо сказал Юра. — Я только посмотреть.

— Посмотреть можно, — сказал полицейский. Он пошел к шлагбауму. Юра двинулся за ним. — Это ракетодром, — повторил полицейский.

Под яркими среднеазиатскими звездами слабо мерцала плоская, словно остекленевшая равнина. Далеко впереди, там, куда уходило шоссе, вспыхивали неяркие зарницы и перебегали лучи прожекторов, выхватывая из темноты гигантские туманные силуэты. Время от времени над равниной прокатывался слабый рокочущий грохот.

«Космические корабли», — с удовольствием подумал Юра. Он, конечно, знал, что Мирза-Чарле, как и все другие ракетодромы на Земле, служит только для возлеземных сообщений, что настоящие планетолеты, фотонные ракеты типа «Хиус», «Джон Браун», «Янцзы», слишком громадны и могучи, чтобы стартовать прямо с Земли, но и эти темные силуэты за горизонтом тоже выглядели достаточно внушительно.

— Ракеты, ракеты, — неторопливо проговорил полицейский. — Сколько людей улетаёт туда! — Он поднял к черному небу голубую светящуюся дубинку. — Каждый со своими надеждами. И сколько их возвращается в свинцовых запаянных гробах! Вот здесь, у этого шлагбаума, мы выстраиваем траурный караул. Дух захватывает от их настойчивости! И все-таки, наверное, есть там, — он снова поднял дубинку, — есть там кто-то, кому очень не нравится эта настойчивость...

Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы.

— Двадцать-двенадцать, — сказал он. — Вечерний лунник.

В небе загрохотало. Громовые раскаты слабели, удаляясь, и наконец затихли совсем.

— Мне пора, — сказал Юра. — Как тут побыстрее добраться до города?

— Идите пешком, — ответил полицейский. — У поворота на склад поймаете попутную машину.

¹ Что случилось? У парня нет документов? (англ.)

Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный. Вечерний Мирза-Чарле был совершенно не похож на Мирза-Чарле днем. По улицам, пересеченным резкими черными тенями, сплошным потоком двигались автомобили. Огни реклам озаряли толпы на тротуарах. Двери всех баров и кафе были распахнуты настежь. Там ревели музыка и было сизо от табачного дыма. Пьяные иностранцы брели по тротуарам, обнявшись по трое, по четверо, горланя незнакомые песни. Через каждые двадцать-тридцать шагов стояли полицейские с каменными лицами под низко опущенными касками. Сквозь шевелящуюся толпу спокойно и неторопливо проходили тройки крепких молодых ребят с красными повязками на рукавах. Это были патрули порядка. Юра видел, как один такой патруль зашел в бар, и там мгновенно воцарилась тишина, и даже музыка перестала играть. У патрулей были скучающие брезгливые лица. Из другого бара, уже недалеко от гостиницы, двое с маленькими усиками вышвырнули на тротуар какого-то несчастного и принялись топтать его ногами. Несчастный громко кричал по-французски: «Патруль! На помощь! Убивают!» Юра, стиснув от омерзения зубы, прицелился уже дать в ухо одному из этих усатеньких, но тут его очень бесцеремонно отстранили, и длинная жилистая рука с красной повязкой ухватила одного из усатеньких за ворот. Другой усатенький пригнулся и нырнул в бар. Патруль небрежно стряхнул добычу в объятия подоспевших полицейских, и те, завернув усатенькому руки за спину, почти бегом поволокли его в ближайший переулок. Юра успел заметить, как один из полицейских, воровато оглянувшись на патрулей, изо всех сил стукнул усатенького по макушке светящейся дубинкой. Жаль, не успел я его, подумал Юра. На минуту ему даже расхотелось лететь на Рею. Захотелось надеть красную повязку и присоединиться к этим крепким, уверенным молодым ребятам.

— Ну и порядочки тут у вас! — вернувшись в гостиницу, возбужденно сказал Юра администратору. — Какое-то клопиное гнездо!..

— Вы о чем? — испуганно спросила администратор.

Юра пришел в себя.

— Да на улицах, понимаете, — сказал он, — такое болото!..

— Международный порт, пока приходится терпеть, — сказала администратор с улыбкой. — Ну, как ваши дела?

— Еще не знаю, — сказал Юра. — Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

— Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

— Спасибо, — сказал Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

— Войдите, — произнес за дверью низкий хрипловатый голос.

Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, оперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий — такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с брезгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть, даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

— Что вам? — глуховато спросил Быков.

— Это триста шестой номер? — неуверенно спросил Юра.

— Да-а, — бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. — Вам кого, юноша?

«Да ведь это Юрковский! — вспомнил Юра. — Планетолог с Венеры. Про них есть кино...»

— Я... я не знаю... — проговорил он. — Понимаете, мне нужно на Рею... Сегодня один товарищ...

— Фамилия? — сказал Быков.

— Чья? — не понял Юра.

— Ваша фамилия!

— Бородин... Юрий Михайлович Бородин.

— Специальность?

— Вакуум-сварщик.

— Документы.

Второй раз за последние два часа (и вообще в жизни) Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

— Вот, пожалуйста, — сказал Юра. Он положил рекомендацию на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные старомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

— Как случилось, что вы отстали от своей группы? — резко спросил он.

— Я... Понимаете, по семейным обстоятельствам...

— Подробнее, юноша, — пророкотал Юрковский. Он читал рекомендацию, держа ее в вытянутой руке и отхлебывая из бокала.

— Понимаете, у меня внезапно заболела мама, — сказал Юра. — Приступ аппендицита. Понимаете, я никак не мог уехать. Брат в экспедиции... Отец на полюсе сейчас... Я не мог...

— Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в космос? — спросил Быков.

— Да, конечно.

— Она согласилась?

— Д-да...

— Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

— Скажите, юноша, — спросил он, — а почему вас... э-э... не заменили?

Юра покраснел.

— Я очень просил, — ответил он тихо. — И все думали, что я догоню. Я опоздал всего на сутки...

Воцарилось молчание, и было слышно, как на проспекте Дружбы вразноголосицу орут «варяжские гости». Не то залившие горе, не то спрыснувшие радость. Возможно, у старого Джойса.

— У вас есть... э-э... знакомые в Мирза-Чарле? — осторожно спросил Юрковский.

— Нет, — сказал Юра. — Я только сегодня приехал. Я только познакомился в кафе с одним товарищем. Иваном его зовут, и он...

— А куда вы обращались?

— К дежурному по пассажирским перевозкам и к администратору гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

— Ну, это еще не страшно, — проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

— Совершенно не понимаю, зачем нам пассажир.

Быков думал.

— Честное слово, я никому не буду мешать, — убедительно сказал Юра. — И я готов на все.

— Готов даже красиво умереть, — проворчал Быков.

Юра прикусил губу. «Дрянное дело, — думал он. — Ох и плохо же мне. Ох плохо...»

— Мне очень надо на Рею, — сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

— М-м? — сказал Быков и посмотрел на Юрковского.

Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола — Юра даже попятился, такой он оказался громадный и грузный — и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радиодинамика. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

— Шарль? — глухо осведомился Быков. Он прижимал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. — Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17... Да, я беру стажера... Да, начальник экспедиции не возражает. — Юрковский сильно поморщился, но промолчал. — Что? Сейчас. — Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил в пальцы. — Сейчас... Так... От коллектива Вязьминского завода металлоконструкций... Боже мой, Шарль, это совершенно не твоё дело! В конце концов, это спецрейс!.. Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович... Восемнадцать лет. Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик... Стажер... Зачислен моим приказом от вчерашнего числа. Прошу тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы. Нет, не он, я сам заеду... Завтра утром. До свидания, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радиодинамик обратно в карман куртки.

— Это незаконно, Алексей, — негромко сказал Юрковский.

Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе. Стажер, можете сесть, — сказал он Юре.

Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку.

— Жилин, зайди ко мне. — Он повесил трубку. — Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит бортиженер Жилин, который сейчас придет.

— Алексей, — величественно сказал Юрковский. — Наш... э-э... кадет еще не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — сказал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О! — удивился Юрковский. — Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иван в той же самой клетчатой рубашке.

— Прибыл, Алексей Петрович, — весело сообщил он.

— Принимай своего крестника, — буркнул Быков. — Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

— Слушаю, — сказал Жилин, снял Юру со стула и вывел в коридор. Юра медленно осознавал происходящее.

— Это вы — Жилин? — спросил он. — Бортиженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

— Водку пьешь?

— Нет, — испуганно ответил Юра.

— В бога веруешь?

— Нет.

— Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

3. Марс. Астрономы

Матти, прикрыв глаза от слепящего солнца, смотрел на дюны. Краулера видно не было. Над дюнами стояло большое облако красноватой пыли, слабый ветер медленно относил его в сторону. Было тихо, только на пятиметровой высоте шелестела вертушка анемометра. Затем Матти услышал выстрелы — «пок, пок, пок, пок», — четыре выстрела подряд.

— Мимо, конечно, — сказал он.

Обсерватория стояла на высоком плоском холме. Летом воздух всегда был очень прозрачен, и с вершины холма хорошо просматривались белые купола и параллелепипеды Теплого Сырта в пяти километрах к югу и серые развалины Старой Базы на таком же плоском высоком холме в трех километрах к западу. Но сейчас Старую Базу закрывало облако пыли. «Пок, пок, пок», — снова донеслось оттуда.

— Стрелки, — горестно сказал Матти. Он осмотрел наблюдательную площадку. — Вот подлюга, — сказал он.

Широкоугольная камера была повалена. Метеобудка покосилась. Стена павильона телескопа была забрызгана какой-то желтой гадостью. Над дверью павильона зияла свежая дыра от разрывной пули. Лампочка над входом была разбита.

— Стрелки, — повторил Матти.

Он подошел к павильону и ощупал пальцами в меховой перчатке края пробоины. Он подумал о том, что может натворить разрывная пуля в павильоне, и ему стало нехорошо. В павильоне стоял очень хороший телескоп с прекрасно исправленным объективом, регистратор мерцаний, блинк-автоматы — аппаратура редкая, капризная и сложная. Блинк-автоматы боятся даже пыли, их приходится закрывать герметическим чехлом. А что может сделать чехол против разрывной пули?

Матти не пошел в павильон. «Пусть они сами посмотрят, — подумал он. — Сами стреляли, пусть сами и смотрят». Честно говоря, ему было просто страшно заходить туда. Он положил карабин на песок и, поднатужась, поднял камеру. Одна нога треножника была погнута, и камера встала криво.

— Подлюга! — сказал Матти с ненавистью. Он занимался метеоритными съемками, и камера была его единственным инструментом. Он пошел через всю площадку к метеобудке. Пыль на площадке была изрыта, Матти со злостью топтал характерные округлые ямы — следы «летучей пиявки». «Почему она все время лезет на площадку? — думал он. — Ну, ползала бы вокруг дома. Ну, вломилась бы в гараж. Нет, она лезет на площадку. Человечиной здесь пахнет, что ли?»

Дверца метеобудки была погнута и не открывалась. Матти безнадежно махнул рукой и вернулся к камере. Он свинтил камеру, с трудом снял ее и кряхтя положил на разостланный брезент. Потом он взял треногу и понес в дом. Он оставил треногу в мастерской и заглянул в столовую. Наташа сидела у рации.

— Сообщила? — спросил Матти.

— Ты знаешь, у меня просто руки опускаются, — сердито сказала она. — Честное слово, проще сбегать туда.

— А что? — спросил Матти.

Наташа резко повернула регулятор громкости. Низкий усталый голос загудел в комнате:

— Седьмая, седьмая, говорит Сырт. Почему нет сводки? Слышите, седьмая? Давайте сводку!

Седьмая забубнила цифрами.

— Сырт! — сказала Наташа. — Сырт! Говорит первая!

— Первая, не мешайте, — сказал усталый голос. — Имейте терпение.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала Наташа и повернула регулятор громкости в обратную сторону.

— А что ты, собственно, хочешь им сообщить? — спросил Матти.

— Про то, что случилось, — ответила Наташа. — Ведь это чепэ.

— Ну уж и чепэ, — возразил Матти. — Каждую ночь у нас такое чепэ.

Наташа задумчиво подперла кулачком щеку.

— А знаешь, Матти, — сказала она, — ведь сегодня первый раз пивка пришла днем.

Матти всей горстью взялся за физиономию. Это была правда. Прежде пивки приходили либо поздно ночью, либо перед самым восходом солнца.

— Да, — сказал он. — Да-а-а. Я это понимаю так: обнаглели.

— Я это тоже так понимаю, — заметила Наташа. — Что там, на площадке?

— Ты лучше сама сходи посмотри, — сказал Матти. — Камеру мою изуродовало.

Мне сегодня не наблюдать.

— Ребята там? — спросила Наташа.

Матти замялся.

— Да, в общем, там, — сказал Матти и неопределенно махнул рукой.

Он вдруг представил себе, что скажет Наташа, когда увидит пулевую пробоину над дверью павильона.

Наташа снова повернулась к рации, и Матти тихонько прикрыл за собой дверь. Он вышел из дома и увидел краулер. Краулер летел на предельной скорости, лихо прыгая с бархана на бархан. За ним до самых звезд вставала плотная стена пыли, и на этом красно-желтом фоне очень эффектно выделялась могучая фигура Пенькова, стоявшего во весь рост с упертым в бок карабином. Вел краулер, конечно, Сергей.

Он направил машину прямо на Матти и намертво затормозил в пяти шагах. Густое облако пыли заволокло наблюдательную площадку.

— Кентавры, — сказал Матти, протирая очки. — Лошадиная голова на человеческом туловище.

— А что? — сказал Сергей, соскакивая.

За ним неторопливо спустился Пеньков.

— Ушла, — сказал он.

— По-моему, ты в нее попал, — сказал Сергей.

Пеньков важно кивнул.

— По-моему, тоже, — сказал он.

Матти подошел к нему и крепко взял за рукав меховой куртки.

— А ну-ка пойдём, — сказал он.

— Куда? — осведомился Пеньков, сопротивляясь.

— Пойдем, пойдём, стрелок, — сказал Матти. — Я тебе покажу, куда ты попал наверняка.

Они подошли к павильону и остановились перед дверью.

— Ух ты, — сказал Пеньков.

Сергей, не говоря ни слова, кинулся внутрь.

— Наташка видела? — быстро спросил Пеньков.

— Нет еще, — сказал Матти.

Пеньков с задумчивым видом ощупывал края дыры.

— Это так сразу не заделаешь, — сказал он.

— Да, запасного павильона на Сырте нет, — ядовито сказал Матти.

Месяц назад Пеньков, стреляя ночью в пивок, пробил метеобудку. Тогда он отправился на Сырт и где-то достал там запасную. Пробитую будку он спрятал в гараже.

Сергей крикнул из павильона:

— Кажется, все в порядке!

— А есть там выходное отверстие? — спросил Пеньков.

— Есть...

Раздалось мягкое жужжание, крыша павильона раздвинулась и сдвинулась снова.

— Кажется, обошлось, — объявил Сергей и вылез из павильона.

— А у меня треногу помяло, — сказал Матти. — А метеобудку так покалечило, что придется опять новую доставать.

Пеньков мельком взглянул на будку и снова уставился на зияющую дыру. Сергей стоял рядом с ним и тоже смотрел на дыру.

— Будку я выправлю, — уныло сказал Пеньков. — А вот что с этим делать...

— Наташа идет, — негромко предупредил Матти.

Пеньков сделал движение, как будто собирался куда-то скрыться, но только втянул голову в плечи. Сергей быстро заговорил:

— Здесь пробоина небольшая, Наташенька, но это ерунда, мы ее сегодня же быстро заделаем, а внутри все цело...

Наташа подошла к ним, взглянула на пробоину.

— Свиньи вы, ребята, — тихо сказала она.

Теперь скрыться куда-нибудь захотелось всем, даже Матти, который был совсем ни в чем не виноват и выбежал на площадку последним, когда уже все кончилось. Наташа вошла в павильон и зажгла свет. В раскрытую дверь было видно, как она снимает футляры с блинк-автоматов. Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Сергей тихонько сказал:

— Пойду загоню машину.

Ему никто не ответил, он полез в краулер и завел мотор. Матти молча вернулся к своей камере и, согнувшись пополам, поволок ее в дом. Перед павильоном осталась только унылая, нелепо громоздкая фигура Пенькова.

Матти втащил камеру в мастерскую, снял кислородную маску, капюшон и долго возился, расстегивая просторную доху. Затем, не снимая унтов, он сел на стол возле камеры. В окно ему было видно, как необыкновенно медленно, словно на цыпочках, проехал в гараж краулер.

Наташа вышла из павильона и плотно закрыла за собой дверь. Потом она пошла через площадку, останавливаясь перед приборами. Пеньков плелся следом и, судя по всему, длинно и тоскливо вздыхал. Тучи пыли уже осели, маленькое красноватое солнце висело над черными, словно обглоданными, руинами Старой Базы, поросшими колючим марсианским саксаулом. Матти посмотрел на низкое солнце, на быстро темнеющее небо, вспомнил, что он сегодня дежурный, и отправился на кухню.

За ужином Сергей сказал:

— Наташенька наша сегодня серьезная, — и испытующе посмотрел на Наташу.

— Да ну вас, в самом деле, — сказала Наташа. Она ела, ни на кого не глядя, очень сердитая и нахмуренная.

— Сердитая Наташенька наша, — сказал Сергей.

Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Матти скорбно покачал головой.

— Не любит нас сегодня Наташенька, — добавил Сергей нежно.

— Ну правда, ну что это такое, — заговорила Наташа. — Ведь договорились же не стрелять на площадке. Ведь это же не тир все-таки. Там приборы... Вот разбили бы сегодня блинки, куда бы пошли? Где их взять?

Пеньков преданными глазами смотрел на нее.

— Ну что ты, Наташенька, — сказал Сергей. — Как можно попасть в блинк?

— Мы стреляем только по лампочкам, — проворчал Матти.

— Вот продырявили павильон, — сказала Наташа.

— Наташенька! — закричал Сережа. — Мы принесем другой павильон! Пеньков сбегает на Сырт и принесет. Он ведь у нас здоровенный!

— Да ну вас, — сказала Наташа. Она уже больше не сердилась.

Пеньков оживился.

— Когда же в нее стрелять, как не на площадке?.. — начал он, но Матти наступил ему под столом на ногу, и он замолчал.

— Ты, Володя, действительно просто ужас какой неуклюжий, — сказала Наташа. — Огромное чудовище ростом со шкаф, и ты целый месяц не можешь в него попасть.

— Я сам удивляюсь, — честно сказал Пеньков и сильно почесал затылок. — Может, прицел сбит?

— Гнутие ствола, — сказал ядовито Матти.

— Все равно, ребята, теперь этим забавам конец, — сказала Наташа. Все посмотрели на нее. — Я говорила с Сыртом. Сегодня пивяки напали на группу Азизбекова, на геологов, на нас и на участок нового строительства. И всё среди бела дня.

— И всё к западу и к северу от Сырта, — сказал Сергей.

— Да, в самом деле, — сказала Наташа. — А я и не сообразила. Ну, как бы то ни было, решено провести облаву.

— Это здорово, — сказал Пеньков. — Наконец-то.

— Завтра утром будет совещание, вызывают всех начальников групп. Я поеду, а ты останешься за старшего, Сережа. Да, и еще. Наблюдать сегодня не будем, ребята. Начальство распорядилось отменить все ночные работы.

Пеньков перестал есть и грустно посмотрел на Наташу. Матти сказал:

— Мне-то все равно, у меня камера полетела. А вот у Пенькова полетит программа, если он пропустит пару ночей.

— Я знаю, — сказала Наташа. — У всех летит программа.

— А может быть, я как-нибудь потихонечку, — сказал Пеньков, — незаметно.

Наташа замотала головой.

— И слышать не хочу, — сказала она.

— А может... — начал Пеньков, и Матти снова наступил ему на ногу.

Пеньков подумал: «И правда, чего слова тратить. Все равно все будут наблюдать».

— Какой сегодня день? — спросил Сергей. Он имел в виду день декады.

— Восьмой, — сказал Матти.

Наташа покраснела и стала глядеть всем в глаза по очереди.

— Что-то Рыбкина давно нет, — сказал Сергей, наливая себе кофе.

— Да, действительно, — глубокомысленно сказал Пеньков.

— И время уже позднее, — добавил Матти. — Уж полночь близится, а Рыбкина все нет...

— О! — сказал Сергей и поднял палец. В тамбуре звякнула дверь шлюза. — Это он! — торжественным шепотом провозгласил Сергей.

— Вот чудачки, вот чудачки, — сказала Наташа и смущенно засмеялась.

— Не трогайте Наташеньку, — потребовал Сережа. — Не смейте над нею смеяться.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали. Сергей, Матти и Пеньков одновременно приложили пальцы к губам и значительно посмотрели на Наташу.

— Ну что же вы? — шепотом сказала Наташа. — Отзовитесь же кто-нибудь...

Матти, Сергей и Пеньков одновременно замотали головами.

— Войдите! — с отчаянием сказала Наташа.

Вошел Рыбкин, как всегда аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке с отложным воротником, безукоризненно выбритый. Лицо его, как и у всех Следопытов, производило странное впечатление: дочерна загорелые скулы и лоб,

белые пятна вокруг глаз и белая нижняя часть лица там, где кожу прикрывают очки и кислородная маска.

— Можно? — сказал он тихо. Он всегда говорил очень тихо.

— Садитесь, Феликс, — пригласила Наташа.

— Ужинать будешь? — спросил Матти.

— Спасибо, — сказал Рыбкин. — Лучше чашечку кофе.

— Что-то ты сегодня запоздал, — сказал прямодушный Пеньков, наливая ему кофе.

Сергей скорчил ужасную мину, а Матти пнул Пенькова под столом ногой.

Рыбкин спокойно принял кофе.

— Я пришел полчаса назад, — сказал он, — и прошелся вокруг дома. Я вижу, сегодня у вас тоже побывала пиявка.

— Сегодня у нас тут была баталия, — сказала Наташа.

— Да, — сказал Рыбкин. — Я видел пробоину в павильоне.

— Наши карабины страдают гнутием ствола, — объяснил Матти.

Рыбкин засмеялся. У него были маленькие ровные белые зубы.

— А тебе приходилось попадать хоть в одну пиявку? — спросил Сергей.

— Вероятно, нет, — сказал Феликс. — В них очень трудно попасть.

— Это я и сам знаю, — проворчал Пеньков.

Наташа, опустив глаза, крошила хлеб.

— Сегодня у Азизбекова одну убили, — сказал Рыбкин.

— Да ну? — изумился Пеньков. — Кто?

Рыбкин опять засмеялся.

— Да никто, — сказал он. Он мельком поглядел на Наташу. — Забавная штука — сорвалась стрела экскаватора и раздавила ее. Наверное, кто-нибудь попал в трос.

— Вот это выстрел, — сказал Сергей.

— Это мы тоже умеем, — сказал Матти. — На бегу, с тридцати шагов прямо в лампочку над дверью.

— Вы знаете, ребята, — сказал Сергей, — у меня такое впечатление, что все карабины на Марсе страдают гнутием ствола.

— Нет, — сказал Феликс. — Потом обнаружили, что в пиявку у Азизбекова попало шесть пуль.

— Вот скоро будет облава, — сказал Пеньков, — мы им тогда покажем, где раки зимуют.

— А я этой облаве вот ни столечко не радуюсь, — сказал Матти. — Спокон веков у нас так: бах-трах-гарарах, перебьют всю живность, а потом начинают устраивать заповедники.

— Что это ты? — сказал Сергей. — Ведь они же мешают.

— Вот нам все мешает, — сказал Матти. — Кислорода мало — мешает, кислорода много — мешает, лесу много — мешает, руби лес... Кто мы такие, в конце концов, что нам все мешает?

— Салат был, что ли, плохой? — задумчиво сказал Пеньков. — Так ты его сам готовил...

— Не попадайся, не попадайся, Пеньков, — сказал Сергей. — Он просто хочет затеять общий разговор. Чтобы Наташенька высказалась.

Феликс внимательно посмотрел на Сергея. У него были большие светлые глаза, и он очень редко мигал. Матти усмехнулся.

— А может быть, вовсе не они нам мешают, — сказал он, — а мы им.

— Ну? — буркнул Пеньков.

— Я предлагаю рабочую гипотезу, — сказал Матти. — Летучие пиявки есть коренные разумные обитатели Марса, хотя они находятся пока на низкой ступени развития. Мы захватили районы, где есть вода, и они намерены нас выжить.

Пеньков ошарашенно смотрел на него.

— Что ж, — сказал он. — Возможно.

— Да ты спорь с ним, спорь, — сказал Сергей. — А то так ему никакого удовольствия.

— Все говорит за мою гипотезу, — продолжал Матти. — Живут они в подземных городах. Нападают всегда справа — потому что у них такое табу. И... э-э... они всегда уносят своих раненых...

— Ну, братец... — разочарованно сказал Пеньков.

— Феликс, — сказал Сергей, — уничтожь это изящное рассуждение.

Феликс сказал:

— Такая гипотеза уже выдвигалась. — Матти изумленно поднял брови. — Давно. До того, как была убита первая пиявка. Сейчас выдвигаются гипотезы поинтереснее.

— Ну? — спросил Пеньков.

— До сих пор никто не объяснил, почему пиявки нападают на людей. Не исключена возможность, что это у них очень древняя привычка. Напрашивается мысль, не обитает ли на Марсе все-таки раса двуногих прямоходящих.

— Обитает, — сказал Сергей. — Тридцать лет уже обитает.

Феликс вежливо улыбнулся.

— Можно надеяться, что пиявки наведут нас на эту расу.

Некоторое время все молчали. Матти с завистью смотрел на Феликса. Он всегда завидовал людям, перед которыми стоят такие задачи. Выслеживать летучих пиявок — занятие само по себе увлекательное, а если при этом еще ставится такая задача...

Матти мысленно перебрал все интересные задачи, которые пришлось решать ему самому за последние пять лет. Интереснее всего было конструирование дискретного искателя-охотника на хемостазерах. Патрульная камера превращалась в огромный любопытный глаз, следящий за появлением и движением «посторонних» световых точек на ночном небе. Сережка бегал по ночным дюнам, время от времени мигая фонариком, а камера бесшумно и жутко разворачивалась вслед за ним, следя за каждым его движением... «Что ж, — подумал Матти, — это тоже было интересно».

Сергей вдруг сказал с досадой:

— До чего же мы ничего не знаем! — Пеньков перестал тянуть с шумом кофе из чашки и поглядел на него. — И до чего не стремимся узнать! День за днем, декада за декадой бродим по шею в тоскливых мелочах... Копаемся в электронике, ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статеечки, отчетики... Противно! — Он взялся за щеки и с силой потер лицо. — Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир. И так хочется плюнуть на все и пойти куда глаза глядят через пустыню искать настоящего дела... Стыдно, ребята. Это же смешно и стыдно сидеть на Марсе и ничего не видеть, кроме блинк-регистрограмм и пеньковской унылой физиономии двадцать четыре часа в сутки...

Пеньков сказал мягко:

— А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу. — Он повернулся к Феликсу. — Возьмете его, а?

Феликс пожал плечами.

— Да нет, Пеньков, дружище, не поможет это. — Сергей, поджав губы, помотал светлым чубом. — Надо что-то уметь. А что я умею? Чинить блинки... Считать до двух и интегрировать на малой машине. Краулер умею водить, да и то не профессионально... Что я еще умею?

— Нить ты умеешь профессионально, — сказал Матти. Ему было неловко за Сережку перед Феликсом.

— Я не ною. Я злюсь. До чего мы самодовольны и самоограничены! И откуда это берется? Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем пройти планету по меридиану, от полюса до полюса? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что нам — нефти не хватает?

— Что тебе — тайн не хватает? — сказал Матти. — Сел бы и решил ограниченную Т-задачу...

— Да не хочу я ее решать! Скучно ее решать, бедный ты мой Матти! Скучно! Я же здоровый, сильный парень, я гвозди гну пальцами... Почему я должен сидеть над бумажками?

Он замолчал. Молчание было тяжелым, и Матти подумал, что неплохо было бы переменить тему, но не знал, как это сделать.

Наташа сказала:

— Я с Сережкой вообще-то не согласна, но это верно: мы немножко слишком погрязли в обычных делах. И такая иногда берет досада... Ну пусть не мы, пусть кто-нибудь все-таки занялся бы Марсом как новой землей. Все-таки ведь это не остров, даже не континент — терра инкогнита, — это же планета! А мы тридцать лет сидим тут тихонько и трусливо, жмемся к воде и ракетодромам. И мало нас до смешного. Это правда досадно. Сидит там кто-нибудь в управлении, какой-нибудь убеленный старец с боевым прошлым, и брюзжит: «Рано, рано».

Услыхав слово «рано», Пеньков вздрогнул и посмотрел на часы.

— Ох, мать честная, — пробормотал он, вылезая из-за стола. — Я уже две звезды здесь с вами просидел. — Тут он посмотрел на Наташу, открыл рот и торопливо сел. У него было такое забавное лицо, что все, даже Сергей, засмеялись.

Матти вскочил и подошел к окну.

— А ночь-то какая! — сказал он. — Качество изображения сегодня, наверное, наводит изумление. — Он оглянулся через плечо на Наташу.

Феликс оживился.

— Наташа, — сказал он, — если нужно, я могу посторожить, пока вы будете работать.

— А как же вы... Ведь вам пора идти... — Наташа покраснела. — Я хочу сказать, что обычно вы в это время уходите...

— Чего нас сторожить? — сказал Матти. — Я и сам могу посторожить. У меня все равно камера полетела.

— Так я пойду одеваться, — сказал Пеньков.

— Ну ладно, — уступила Наташа. — Во изменение моего приказа от семи часов вечера...

Пенькова уже не было. Сергей тоже поднялся и, ни на кого не глядя, вышел. Матти стал собирать со стола, и Феликс, аккуратно засучивая рукава, подошел к нему.

— Давайте я помогу, — предложил Феликс.

— А что тут помогать, — возразил Матти. — Пять чашек, пять тарелок...

Он взглянул на руки Феликса и осекся.

— А это зачем? — спросил он с удивлением. На правом и левом запястье у Феликса было по две пары часов.

Феликс серьезно сказал:

— Это тоже одна гипотеза. Так вы сами помоеете?

— Сам, — сказал Матти. «Странный все-таки парень этот Феликс», — подумал он.

— Тогда я пойду, — сказал Феликс и вышел.

Рация в углу комнаты вдруг зашипела, щелкнула, и густой усталый голос сказал:

— Первая, говорят Сырт. Сырт вызывает первую.

Матти крикнул:

— Наташа, Сырт вызывает!

Он подошел к микрофону и сказал:

— Первая слушает!

— Позовите начальника, — сказал голос из репродуктора.

— Одну минуту.

Вбежала Наташа в расстегнутой дохе и с кислородной маской на груди.

— Начальник слушает, — сказала она.

— Еще раз подтверждаю распоряжение, — сказал голос. — Ночные работы запрещаются. Теплый Сырт окружен пиявками. Повторяю...

Матти слушал и вытирал тарелки. Вошли Пеньков и Сергей. Матти с интересом следил, как у них вытягиваются лица.

— ...Теплый Сырт окружен пиявками. Как поняли меня?

— Поняла вас хорошо, — расстроено сказала Наташа. — Сырт окружен пиявками, ночные работы запрещаются.

— Спокойной ночи, — сказал голос, и репродуктор перестал шипеть.

— Спокойной ночи, Пеньков, — сказал Сергей и стал расстегивать доху.

Пеньков ничего не ответил. Он сердито засопел и ушел в свою комнату.

— Так я пойду, — сказал Феликс.

Все обернулись. Он стоял в дверях, маленький, крепкий, с непропорционально большим карабином у ноги.

— Как пойдешь? — сказал Матти.

Феликс показал пальцами, как он пойдет.

— Ты с ума сошел, — сказал Матти.

Феликс удивленно улыбнулся.

— Да что это с тобой?

— Вы слышали радио? — быстро спросила Наташа.

— Да, слышал, — сказал Феликс. — Но коменданту Сырта я не подчинен. Я же Следопыт.

Он натянул на лицо маску, опустил очки, махнул рукой в перчатке и вышел. Все остолбенело глядели на дверь.

— Как же это? — растерянно сказала Наташа. — Ведь его съедят...

Сергей вдруг сорвался с места и, застегивая доху, кинулся вслед.

— Куда?! — крикнула Наташа.

— Я подвезу его! — на ходу откликнулся Сергей и захлопнул дверь.

Наташа побежала за ним. Матти схватил ее за руку.

— Куда ты, зачем? — спокойно сказал он. — Сережа правильно решил.

— А кто ему позволил? — запальчиво спросила Наташа. — Почему он не слушается?

— Надо же человеку помочь, — рассудительно сказал Матти.

Они почувствовали, как мелко задрожал пол. Сергей вывел краулер. Наташа опустилась на стул, сжала руки.

— Ничего, — сказал Матти. — Через десять-пятнадцать минут он вернется.

— А если они бросятся на Сережу, когда он будет возвращаться?

— Не было еще такого, чтобы пиявка бросилась на машину, — сказал Матти. — И вообще Сережка был бы только рад...

Они сидели и ждали. Матти вдруг подумал, что Феликс Рыбкин уже раз десять приходил к ним на обсерваторию по вечерам и уходил вот так же поздно. А ведь пиявки каждую ночь возятся вокруг Сырта. Смелый парень этот Феликс, подумал Матти. Странный парень. Впрочем, не такой уж и странный. Матти посмотрел на Наташу. Способ ухаживания, может быть, действительно немножко странный: робкая осада...

Матти поглядел в окно. В черной пустоте видны были только острые немигающие звезды. Вошел Пеньков, неся в руках кипу бумаг, сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, кто мне поможет графики вычертить?

— Я могу, — сказал Матти.

Пеньков стал с шумом устраиваться за столом. Наташа сидела, выпрямившись, настороженно прислушиваясь. Пеньков, разложив бумаги, оживленно заговорил:

— Получается удивительно интересная вещь, ребята! Помните закон Дегá?

— Помним, — сказал Матти. — Секанс в степени две трети.

— Нет тебе на Марсе секанса две трети! — ликующе сказал Пеньков. — Наташ, посмотри-ка... Наташа!

— Отстань ты от нее, — сказал Матти.

— А что? — шепотом спросил Пеньков.

Наташа вскочила.

— Едет! — сказала она.

— Кто? — спросил Пеньков.

Пол под ногами снова задрожал, потом стало тихо, звякнула шлюзовая дверь. Вошел Сергей, сдирая с лица заиндевевшую маску.

— Ух и мороз — ужас! — сказал он весело.

— Ты где был? — изумленно спросил Пеньков.

— Рыбкина на Сырт отвозил, — сказал Сергей.

— Ну и молодец, — сказала Наташа. — Какой ты молодец, Сережка! Теперь я могу спокойно спать.

— Спокойной ночи, Наташенька, — вразноголосицу сказали ребята.

Наташа ушла.

— Что ж ты меня не взял? — с обидой сказал Пеньков.

На лице Сергея пропала улыбка. Он подошел к столу, сел и отодвинул бумаги.

— Слушайте, ребята, — сказал он вполголоса. — А ведь я Рыбкина не нашел. До самого Сырта доехал, сигналил, прожекторами светил — нигде нет. Как сквозь землю провалился.

Все молчали. Матти опять подошел к окну. Ему показалось, что где-то в районе Старой Базы медленно движется слабый огонек, словно кто-то идет с фонариком.

4. Марс. Старая база

В семь часов утра начальники групп и участков системы Теплый Сырт собрались в кабинете директора системы Александра Филипповича Лямина. Всего собралось человек двадцать пять, и все расселись вокруг длинного низкого стола для совещаний. Вентиляторы и озонаторы были пущены на полную мощность. Наташа была единственной женщиной в кабинете. Ее редко приглашали на общие совещания, и многие из собравшихся ее не знали. На нее поглядывали с благожелательным любопытством. Наташа услышала, как кто-то сказал кому-то сипловатым шепотом: «Знал бы — побрился».

Лямин, не вставая, сказал:

— Первый вопрос, товарищи, вне повестки дня. Все ли позавтракали? А то я могу попросить принести консервы и какао.

— А вкусенького ничего нет, Александр Филиппович? — осведомился полный розовощекий мужчина с забинтованными руками.

В кабинете зашумели.

— Вкусенького ничего нет, — ответил Лямин и сокрушенно покачал головой. — Вот консервированную курицу разве...

Раздались голоса:

— Правильно, Александр Филиппович! Пусть принесут! Не успели поесть!

Лямин кому-то махнул рукой.

— Сейчас принесут, — сказал он и встал. — Все собрались? — Он оглядел собравшихся. — Азизбеков... Горин... Барабанов... Накамура... Малумян... Наташа... Ван... Джефферсона не вижу... Ах да, прости... А где Опанасенко?.. От Следопытов есть кто-нибудь?

— Опанасенко в рейде, — сказал тихий голос, и Наташа увидела Рыбкина. Впервые она увидела его небритым.

— В рейде? — сказал Лямин. — Ну ладно, начнем без Опанасенко. Товарищи, как вам известно, за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали нападать днем. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовал решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок — старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда даже ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора наконец принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое — немедленная облава и посильное уничтожение пиявок. Второе — продолжение политики пассивной обороны, как паллиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет. Товарищи, — он прижал руки к груди, — я вас прошу сейчас высказываться в произвольном порядке. Но только, пожалуйста, постарайтесь обойтись без личных выпадов. Это нам совершенно ни к чему. Я знаю, все мы устали, раздражены и каждый чем-нибудь недоволен. Но убедительно прошу забыть сейчас все, кроме интересов дела. — Глаза его сузились. — Особенно горячих я буду удалять с совещания независимо от рангов.

Он сел. Сейчас же поднялся высокий, очень худой человек, с пятнистым от загара лицом, небритый, с воспаленными глазами. Это был заместитель директора по строительству — Виктор Кириллович Гайдадымов.

— Я не знаю, — начал он, — сколько времени продлится ваша облава — декаду, месяц, может быть, полгода. Я не знаю, сколько людей вы заберете на облаву — людей, по-видимому, самых лучших, может быть, даже всех. Я не знаю, наконец, выйдет ли что-нибудь из вашей облавы. Но вот что я твердо знаю и считаю своим долгом довести до сведения. Во-первых, из-за облавы придется прервать строительство жилых корпусов. А между прочим, через два месяца к нам прибудет пополнение, а жилищный кризис дает себя знать уже сейчас. На Теплом Сырте я не имею возможности выделить комнаты даже женатым. Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу. Но это между прочим. Во-вторых, из-за облавы задержится строительство завода стройматериалов. Что такое завод стройматериалов в наших условиях, вы должны понимать сами. Об оранжереях и теплицах, которые мы из-за облавы не получим и этим летом, я даже говорить не буду. В-третьих, самое главное. Облава сорвет строительство регенерационного завода. Через месяц начнутся осенние бури, и на этом строительстве придется поставить крест. — Он стиснул зубы, закрыл и снова открыл глаза. — Вы знаете, товарищи, что мы все здесь висим на волоске. Может быть, я раскрываю какие-то секреты администрации, но черт с ними в конце концов: мы все здесь взрослые и опытные люди! Запасы воды под Теплым Сыртом иссякают. Они уже фактически иссякли. Уже сейчас мы возим воду на песчаных танках за двадцать шесть километров. — За столом зашумели и задвигались, кто-то крикнул: «А куда раньше смотрели?!» — Если мы не закончим к концу месяца регенерационный завод, то осенью мы сядем на голодный паек, а зимой нам придется перетаскивать Теплый Сырт на двести километров отсюда. Я кончил.

Он сел и залпом выпил стакан остывшего какао. После минутной паузы Лямин сказал:

— Кто следующий?

— Я, — сказал кто-то. Встал маленький бородатый человек в темных очках — начальник ремонтных мастерских Захар Иосифович Пучко. — Я полностью присоединяюсь к Виктору Кирилловичу. — Он снял очки и подслеповато оглядел стол. — Как-то все у нас по-детски получается — облава, пиф-паф, ой-ей-ей... А я спрошу вас: а на чем это вы собираетесь гоняться за пиявками? Может быть, на палочке верхом, а? Вам сейчас Виктор Кириллович очень хорошо объяснил: у нас песчаные танки возят воду. А какие это танки? Это же горе, а не танки. Четверть нашего транспортного парка стоит у меня в мастерских, а ремонтировать их некому. Тот, кто умеет ремонтировать, тот не

ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. Обращаются с танками так, будто это авторучка — выбросил и купил новую. Я, Наташа, посмотрел на ваш краулер. Это ж довести машину до такого состояния! Можно подумать, вы на нем ходите сквозь стены...

— Захар, Захар, ближе к делу, — сказал Лямин.

— Я хочу только сказать вот что. Знаю я эти облавы, знаю. Половина машин останется в пустыне, другая половина, может быть, доползет до меня, и мне скажут: чини. А чем я буду чинить — ногами? Рук у меня не хватает. И тогда начнется: «Пучко такой, Пучко сякой. Пучко думает, что не мастерские для Теплового Сырта, а Теплый Сырт для мастерских». Я начну просить людей у товарища Азизбекова, и он мне их не даст. Я начну просить людей у товарища Накамуры — простите, у господина Накамуры, — и он скажет, что у него и так летит программа...

— Ближе к делу, Захар, — нетерпеливо сказал Лямин.

— Ближе к делу начнется, когда у нас не останется ни одной машины. Тогда мы начнем носить продукты и воду на своем горбу за сто километров, и тогда меня спросят: «Пучко, где ты был, когда делали облаву?»

Пучко надел очки и сел.

— Дрянь дела, — пробормотал кто-то.

Наташа сидела как пришибленная. «Ну какой я начальник! — думала она. — Ведь я же ничего этого не знала, и даже не могла предположить, и еще ругала, свинья такая, этих стариков за бюрократизм...»

— Разрешите мне, — послышался мягкий голос.

— Старший ареолог¹ системы Ливанов, — сказал Лямин.

Лицо Ливанова тоже было покрыто пятнистым загаром, широкое квадратное лицо с черными, близко посаженными глазами.

— Возражения против облавы, высказанные здесь, — проговорил он, — представляются мне чрезвычайно важными и значительными. — Наташа посмотрела на Гайдадымова. Гайдадымов спал, бессильно уронив голову. — И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Теплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти ученых вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Теплый Сырт. В мои намерения никоим образом не входит сколько-нибудь умалить значение соображений, высказанных здесь товарищами Гайдадымовым и Пучко. Эти соображения были учтены при составлении плана облавы, который я имею предложить совещанию от имени ареологов и Следопытов.

Все зашевелились и снова замерли. Гайдадымов вздрогнул и открыл глаза. Ливанов продолжал размеренным голосом:

— Наблюдения показали, что апексом² распространения пиявок в районе Теплового Сырта является участок так называемой Старой Базы — на карте отметка 211. Операция начинается за час до восхода солнца. Группа из сорока хорошо подготовленных стрелков на четырех песчаных танках с запасом продовольствия на три дня занимает Старую Базу. Две группы загонщиков — ориентировочно по двести человек в каждой — на танках и

¹ Специалист по геологии Марса.

² Апекс — здесь: центр.

краулерах развертываются в цепи из районов: первая группа — в ста километрах к западу от Сырта, вторая группа — в ста километрах к северу от Сырта. В час ноль-ноль обе группы начинают медленное движение соответственно к северо-востоку и к югу, производя на ходу как можно больше шума и истребляя пиявок, пытающихся прорваться через цепь. Двигаясь медленно и методически, обе группы смыкаются флангами, оттесняя пиявок в район Старой Базы. Таким образом, вся масса пиявок, оказавшаяся в зоне охвата, будет сосредоточена в районе Старой Базы и уничтожена. Такова первая часть плана. Я хотел бы выслушать возможные вопросы и возражения.

— Медленно и методически — это хорошо, — сказал Пучко. — Но все-таки сколько потребуется машин?

— И людей, — сказал Гайдадымов. — И дней.

— Пятьдесят машин, четыреста пятьдесят человек и максимум трое суток.

— Как вы думаете истреблять пиявок? — спросил Джефферсон.

— Мы очень мало знаем о пиявках, — сказал Ливанов. — Пока мы можем полагаться только на два средства: отравленные пули и огнеметы.

— А где это взять?

— Боеприпасы отравить несложно, а что касается огнеметов, то мы их изготавливаем из пульпомониторов.

— Уже изготавливаете? — удивился Джефферсон.

— Да.

— Хороший план, — сказал Лямин. — Как вы думаете, товарищи?

Гайдадымов поднялся.

— Против такого плана я не возражаю, — сказал он. — Только постарайтесь не брать у меня строителей. И разрешите мне сейчас удалиться.

За столом зашумели:

— Отличный план, что и говорить!

— А где вы возьмете стрелков?

— Наберутся! Это строителей не хватает, а стрелков хватит!..

— Ох, и постреляем же!

— Я еще не кончил, товарищи, — сказал Ливанов. — Есть вторая часть плана. Видимо, территория Старой Базы изрыта трещинами и кавернами, через которые пиявки выходят на поверхность. И там, конечно, полно подземных помещений. Когда кольцо замкнется и мы перебьем пиявок, мы можем либо зацементировать эти каверны, трещины и тоннели, либо продолжать преследование под землей. В обоих случаях нам совершенно необходим план Старой Базы.

— Нет, о преследовании под землей не может быть и речи, — сказал кто-то. — Это слишком опасно.

— А интересно было бы, — пробормотал розовый толстяк с перевязанными руками.

— Товарищи, этот вопрос мы решим после окончания облавы, — сказал Ливанов. — Сейчас нам нужен план Старой Базы. Мы обращались в архив, но там плана почему-то не оказалось. Может быть, кто-нибудь из старожилов имеет план?

За столом многие недоуменно переглядывались.

— Я не понимаю, — сказал сердито костлявый пожилой ареодезист. — О каком плане идет речь?

— О плане Старой Базы.

— Старая База была построена пятнадцать лет назад, на моих глазах. Это был бетонированный купол, и не было там никаких каверн и тоннелей. Правда, я улетал на Землю, может быть, без меня построили?

Другой ареодезист сказал:

— Кстати, Старая База находится не на отметке 211, а на отметке 205.

— Почему 205? — сказала Наташа. — На отметке 211! Это к западу от обсерватории.

— При чем здесь обсерватория? — Костлявый ареодезист совсем рассердился. — Старая База находится в одиннадцати километрах к югу от Теплового Сырта...

— Подождите, подождите! — закричал Ливанов. — Имеется в виду Старая База, расположенная на отметке 211, в трех километрах к западу от обсерватории.

— А! — сказал костлявый ареодезист. — Так вы имеете в виду Серые Развалины — остатки первопоселения. Кажется, там пытался обосноваться Нортон.

— Нортон высадился в трехстах километрах к югу отсюда! — закричал кто-то.

Поднялся шум.

— Тише, тише! — сказал Лямин и похлопал ладонью по столу. — Прекратите споры. Нам надо выяснить, кто знает что-нибудь о Старой Базе или о Серых Развалинах, как угодно, одним словом, о высоте с отметкой 211?

Все молчали. Ходить на развалины старых поселений никто не любил, да и некогда было.

— Одним словом, никто не знает, — сказал Лямин. — И плана нет.

— Могу дать справку, — сказал секретарь директора, он же зам по научной части, он же архивариус. — С этой Старой Базой вообще какая-то чепуха получается. На отчетных кроках Нортон эта база не отмечена, потом она появляется на отметке 211, а два года спустя на докладной записке Вельяминова, просившего разрешения исследовать развалины Старой Базы, тогдашний начальник экспедиции Юрковский собственноручно начертать соизволил... — Секретарь поднял над головой пожелтевший листок бумаги: — «Ничего не понял. Учитесь правильно читать карту. Отметка не 211, а 205. Разрешаю. Юрковский».

Все удивленно засмеялись.

— Разрешите предложение, — тихо сказал Рыбкин. Все посмотрели на него. — Можно сейчас же отправиться на отметку 211 и снять кроки Старой Базы.

— И то правильно, — сказал Лямин. — У кого есть время — поезжайте. Старшим назначается товарищ Ливанов. Совещание возобновим в одиннадцать часов.

От Теплового Сырта до Старой Базы по прямой было около шести километров. Отправились туда на двух песчаных танках. Желающих оказалось много — больше, чем участников совещания, — и Наташа решила ехать на своем краулере. Танки с ревом и скрежетом покатались к окраине Сырта. Чтобы не попасть в пыль, Наташа пустила краулер в обход. Поравнявшись с Центральной метеобашней, она вдруг увидела Рыбкина. Маленький Следопыт шел привычным быстрым шагом, положив руки на свой длинный карабин, висевший на шее. Наташа затормозила.

— Феликс! — крикнула она. — Куда вы?

Он остановился и подошел к краулеру.

— Я решил идти пешком, — сказал он, спокойно глядя на нее снизу вверх. — Мне не хватило места.

— Садитесь, — сказала Наташа. Она неожиданно почувствовала себя с Феликсом свободно, совсем не так, как по вечерам в обсерватории.

Феликс легко поднялся на сиденье рядом с нею, снял с шеи карабин и поставил между колен. Краулер тронулся.

— Я очень испугалась вчера вечером, когда вы ушли один, — призналась Наташа. — Сергей вас быстро догнал?

— Сергей? — Он посмотрел на нее. — Да... довольно быстро. Это была удачная мысль.

Они помолчали. В полукилометре слева шли танки, оставляя за собой над пустыней плотную неподвижную стену пыли.

— Интересное было совещание, правда? — сказала Наташа.

— Очень интересное, — сказал Рыбкин. — И что-то странное получается со Старой Базой.

— Я там бывала с ребятами, — сказала Наташа. — Еще когда строили нашу обсерваторию. Ничего особенного. Цементные плиты, все растрескалось, проросло саксаулом. Вы тоже думаете, что пиявки вылезают оттуда?

— Уверен, — сказал Рыбкин. — Там огромное гнездо пиявок, Наташа. Там под холмом огромная каверна. И она, наверное, имеет сообщение с другими пустотами под почвой. Хотя я этих ходов не нашел.

Наташа с ужасом на него посмотрела. Краулер вильнул. Справа из-за барханов открылась обсерватория. На наблюдательной площадке стоял длинный, как жердь, Матти и махал рукой. Феликс вежливо помахал в ответ. Купола и здания Теплового Сырта скрылись за близким горизонтом.

— Неужели вы их не боитесь? — спросила Наташа.

— Боюсь, — сказал Феликс. — Иногда, Наташа, просто до тошноты страшно бывает. Вы бы посмотрели, какие у них пасти. Только они еще более трусливы.

— Знаете что, Феликс, — сказала Наташа, глядя прямо перед собой, — Матти говорит, что вы странный человек. Я тоже думаю, что вы очень странный человек.

Феликс засмеялся.

— Вы мне льстите, — сказал он. — Вам, конечно, кажется странным, что я всегда прихожу к вам на обсерваторию поздним вечером только для того, чтобы выпить кофе. Но я не могу приходить днем. Днем я занят. Да и вечером я почти всегда занят. А когда у меня бывает свободное время, я прихожу к вам.

Наташа почувствовала, что начинает краснеть. Но краулер был уже у подножия плоского холма, того самого, который изображался на ареографических картах искривленным овалом с отметкой 211. На вершине холма среди неровных серых глыб уже копошились люди.

Наташа поставила краулер подальше от песчаных танков и выключила двигатель. Феликс стоял внизу, серьезно глядя на нее и протянув руку.

— Не надо, спасибо, — пробормотала Наташа, но на руку все-таки оперлась.

Они пошли среди развалин Старой Базы. Странные это были развалины: по ним никак нельзя было понять, каков первоначальный вид или хотя бы план сооружения. Проломленные купола на шестигранных основаниях, обвалившиеся галереи, штабеля растрескавшихся цементных блоков. Все это густо поросло марсианской колючкой и потонуло в пыли и песке. Кое-где под серыми сводами зияли темные провалы. Некоторые из них вели куда-то в глубокий, непроглядный мрак.

Над развалинами стоял гомон голосов.

— Еще одна каверна! Тут никакого цемента не хватит!

— Что за идиотская планировка!

— А что вы хотите от Старой Базы?

— Колючек-то, колючек! Как на солончаке...

— Вилли, не лезьте туда!

— Там пусто, никого нет...

— Товарищи, начинайте же съемку в конце концов.

— Доброе утро, Володя! Давно уже начали...

— Смотрите, а здесь следы ботинок!

— Да, кто-то здесь бывает... Вон еще...

— Следопыты, наверное...

Наташа посмотрела на Феликса. Феликс кивнул.

— Это я, — сказал он.

Он вдруг остановился, присел на корточки и стал что-то разглядывать.

— Вот, — сказал он. — Посмотрите, Наташа.

Наташа наклонилась. Из трещины в цементе свисал толстый стебель колючки с крошечным цветком на конце.

— Какая прелесть! — сказала она. — А я и не знала, что колючка цветет. Красиво как — красное с синим...

— Колючка дает цветок очень редко, — медленно сказал Феликс. — Известно, что она цветет раз в пять марсианских лет.

— Нам повезло, — сказала Наташа.

— Каждый раз, когда цветок осыпается, на его месте выступает новый побег, а там, где был цветок, остается блестящее колечко. Такое вот, видите?

— Интересно, — сказала Наташа. — Значит, можно подсчитать, сколько колючке лет... Раз... Два... Три... Четыре...

Она остановилась и посмотрела на Феликса.

— Тут восемь ободков, — сказала она неуверенно.

— Да, — сказал Феликс. — Восемь. Цветок — девятый. Этой трещине в цементе восемьдесят земных лет.

— Не понимаю, — сказала Наташа и вдруг поняла. — Значит, это не наша база? — сказала она шепотом.

— Не наша, — сказал Феликс и выпрямился.

— Вы об этом знали! — сказала Наташа.

— Да, мы об этом знаем, — сказал Феликс. — Это здание строили не люди. Это не цемент. Это не просто холм. И пиявки не зря нападают на двуногих прямоходящих.

Наташа несколько секунд глядела на него, а затем повернулась и закричала во весь голос:

— Товарищи! Сюда! Скорее! Все сюда! Смотрите! Смотрите, что здесь есть! Сюда!

Кабинет директора системы Теплый Сырт был набит до отказа. Директор вытирал лысину платком и ошалело мотал головой. Ареолог Ливанов, утратив сдержанность и корректность, орал надсаживаясь, стараясь перекрыть шум:

— Это просто уму непостижимо! Теплый Сырт существует шесть лет. За шесть лет не разобрались, что здесь наше и что не наше. Никому и в голову не пришло поинтересоваться Старой Базой!..

— А что там интересоваться! — кричал Азизбеков. — Я двадцать раз проезжал мимо. Развалины как развалины. Разве мало развалин оставили после себя первопоселенцы?

— А я там был года два назад! Смотрю, валяется ржавая гусеница от краулера. Посмотрел и поехал дальше.

— А сейчас она там валяется?

— Да что там говорить? Посередине Базы стоит с незапамятных времен тригонометрический знак. Тоже, может быть, марсиане ставили?

— Следопыты просто опозорились, срам на них смотреть!

— Ну почему? Это же они и открыли!

Начальник группы Следопытов Опанасенко, прибывший всего несколько минут назад, огромный, широкий, ухмыляющийся, обмахивался сложенной картой и что-то говорил директору. Директор мотал головой.

К столу пробирался, наступая всем на ноги, Пучко. Борода у него была взъерошенная, очки он держал высоко над головой.

— Потому что в системе творится тихий бедлам! — фальцетом закричал он. — Скоро ко мне будут приходить марсиане и просить, чтобы я им починил танк или там краулер, и я им буду чинить! У меня уже были случаи, когда приходят незнакомые люди и просят починить! Потому что я вижу — по городу ходят какие-то неизвестные люди! Я не знаю, откуда они приходят, и я не знаю, куда они уходят! А может быть, они приходят со Старой Базы и уходят на Старую Базу!

Шум в кабинете внезапно затих.

— Может быть, вы хотите пример? Пожалуйста! Один такой гражданин сидит здесь с нами с утра! Я о вас говорю, товарищ!

Пучко ткнул очками в сторону Феликса Рыбкина. Кабинет взорвался хохотом. Опанасенко сказал гулким басом:

— Ну-ну, Захар, это же мой Рыбкин.

Феликс покачал головой, почесал в затылке и искоса поглядел на Наташу.

— Ну и что же, что Рыбкин? — закричал Пучко. — А я откуда знаю, что он Рыбкин? Вот я и говорю, нужно, чтобы всех знали... — Он махнул рукой и полез на свое место.

Директор встал и громко постучал карандашом по столу.

— Хватит, хватит, товарищи, — строго сказал он. — Повеселились, и хватит. Открытие, которое сделали Следопыты, представляет огромный интерес, но мы собрались не для этого. Схема Старой Базы у нас теперь есть. Облаву начнем через три дня. Приказ на облаву будет отдан сегодня вечером. Предварительно сообщаю, что начальником группы облавы назначается Опанасенко, его заместителем — Ливанов. А теперь прошу всех, кроме моих заместителей, покинуть кабинет и разойтись по рабочим местам.

В кабинете была только одна дверь в коридор, и кабинет пустел медленно. В дверях вдруг образовалась пробка.

— Радиограмма директору! — закричал кто-то.

— Передайте по рукам!

Сложенный листок бумаги поплыл над головами. Директор, споривший о чем-то с Опанасенко, взял и развернул его. Наташа увидела, как он побледнел, а потом покраснел.

— Что случилось? — пробасил Опанасенко.

— С ума можно сойти, — сказал директор с отчаянием. — Завтра сюда прибывает Юрковский.

— Володя? — сказал Опанасенко. — Это хорошо!

— Кому Володя, — с тихим отчаянием сказал директор, — а кому генеральный инспектор Международного управления космических сообщений.

Директор еще раз перечитал радиogramму и тяжело вздохнул.

5. «Тахмасиб». Генеральный инспектор и другие

Мягкий свисток будильника разбудил Юру ровно в восемь утра по бортовому времени. Юра приподнялся на локте и сердито посмотрел на будильник. Будильник подождал немного и засвистел снова. Юра застонал и сел на койке. Нет, больше я по вечерам читать не буду, подумал он. Почему это вечером никогда не хочется спать, а утром испытываешь такие мучения?

В каюте было прохладно, даже холодно. Юра обхватил руками голые плечи и постучал зубами. Затем он спустил ноги на пол, протиснулся между койкой и стеной и вышел в коридор. В коридоре было еще холоднее, но зато там стоял Жилин, могучий, мускулистый, в одних трусах. Жилин делал зарядку. Некоторое время Юра, обхватив руками плечи, стоял и смотрел, как Жилин делает зарядку. В каждой руке у Жилина было зажато по десятикилограммовой гантели. Жилин вел бой с тенью. Тени приходилось плохо. От страшных ударов по коридору носился ветерок.

— Доброе утро, Ваня, — сказал Юра.

Жилин мгновенно и бесшумно повернулся и скользящими шагами двинулся на Юру, ритмично раскачиваясь всем телом. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное. Юра принял боевую стойку. Тогда Жилин положил гантели на пол и кинулся в бой. Юра кинулся ему навстречу, и через несколько минут ему стало жарко. Жилин хлестко и больно избивал его полураскрытой ладонью. Юра три раза попал ему в лоб, и каждый раз на лице Жилина появлялась улыбка удовольствия. Когда Юра взмок, Жилин сказал: «Брэк!» — и они остановились.

— Доброе утро, стажер, — сказал Жилин. — Как спалось?

— Спа... си... бо, — сказал Юра. — Ни... чего.

— В душ! — скомандовал Жилин.

Душевая была маленькая, на одного человека, и возле нее уже стоял с брезгливой усмешкой Юрковский в роскошном, красном с золотом халате, с колоссальным мохнатым полотенцем через плечо. Он говорил сквозь дверь:

— Во всяком случае... э-э... я отлично помню, что Краюхин тогда отказался утвердить этот проект... Что?

Из-за двери слабо слышался шум струй, плеск и неразборчивый тонкий тенорок.

— Ничего не слышу, — негодуяще сказал Юрковский. Он повысил голос. — Я говорю, что Краюхин отклонил этот проект, и если ты напишешь, что это была историческая ошибка, то ты будешь прав... Что?

Дверь душевой отворилась, и оттуда, еще продолжая вытираться, вышел розовый бодрый Михаил Антонович Крутиков, штурман «Тахмасиба».

— Ты тут что-то говорил, Володенька, — благодушно сказал он. — Только я ничего не слышал. Вода очень шумит.

Юрковский с сожалением на него посмотрел, вошел в душевую и закрыл за собой дверь.

— Мальчики, он не рассердился? — спросил встревоженный Михаил Антонович. — Мне почему-то показалось, что он рассердился.

Жилин пожал плечами, а Юра сказал неуверенно:

— По-моему, ничего.

Михаил Антонович вдруг закричал:

— Ах, ах! Каша разварится! — и быстро побежал по коридору на камбуз.

— Говорят, сегодня прибываем на Марс? — деловито сказал Юра.

— Был такой слух, — сказал Жилин. — Правда, тридцать-тридцать по курсу обнаружен корабль под развевающимся пиратским флагом, но я полагаю, что мы проскочим.

Он вдруг остановился и прислушался. Юра тоже прислушался. В душевой обильно лилась вода. Жилин пошевелил коротким носом.

— Чую, — сказал он.

Юра тоже принялся.

— Каша, что ли? — спросил он неуверенно.

— Нет, — сказал Жилин. — Зашалил недублированный фазоциклёр. Ужасный шалун этот недублированный фазоциклёр. Чую, что сегодня его придется регулировать.

Юра с сомнением посмотрел на него. Это могло быть шуткой, а могло быть и правдой. Жилин обладал изумительным чутьем на неисправности.

Из душевой вышел Юрковский. Он величественно посмотрел на Жилина и еще более величественно на Юру.

— Э-э... — сказал он, — кадет и поручик. А кто сегодня дежурный на камбузе?

— Михаил Антонович, — сказал Юра застенчиво.

— Значит, опять овсяная каша, — величественно сказал Юрковский и прошел к себе в каюту.

Юра проводил его восхищенным взглядом. Юрковский поражал его воображение.

— А? — сказал Жилин. — Громовержец! Зевес! А? Ступай мыться.

— Нет, — сказал Юра. — Сначала вы, Ваня.

— Тогда пойдем вместе. Что ты здесь будешь один торчать? Как-нибудь втиснемся.

После душа они оделись и явились в кают-компанию. Все уже сидели за столом, и Михаил Антонович раскладывал по тарелкам овсяную кашу. Увидев Юру, Быков посмотрел на часы и потом снова на Юру. Он делал так каждое утро. Сегодня замечания не последовало.

— Садитесь, — сказал Быков.

Юра сел на свое место — рядом с Жилиным и напротив капитана, — и Михаил Антонович, ласково на него поглядывая, положил ему каши. Юрковский ел кашу с видимым отвращением и читал какой-то толстый переплетенный машинописный отчет, положив его перед собой на корзинку с хлебом.

— Иван, — сказал Быков, — недублированный фазоциклёр теряет настройку. Займись.

— Я, Алексей Петрович, займусь им, — сказал Иван. — Последние рейсы я только им и занимаюсь. Надо либо менять схему, либо ставить дублер.

— Схему менять надо, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Устарело это все — и фазоциклёры, и вертикальная развертка, и телетакторы... Вот я помню, мы ходили к Урану на «Хиусе-8»... в две тысячи первом...

— Не в две тысячи первом, а в девяносто девятом, — сказал Юрковский, не отрываясь от отчета. — Мемуарщик...

— А по-моему... — сказал Михаил Антонович и задумался.

— Не слушай ты его, Михаил, — сказал Быков. — Какое кому дело, когда это было? Главное — кто ходил. На чем ходил. Как ходил.

Юра тихонько поерзал на стуле. Начинался традиционный утренний разговор. Бойцы вспоминали минувшие дни. Михаил Антонович, собираясь в отставку, писал мемуары.

— То есть как это? — сказал Юрковский, поднимая глаза от рукописи. — А приоритет?

— Какой еще приоритет? — сказал Быков.

— Мой приоритет.

— Зачем это тебе понадобился приоритет?

— По-моему, очень приятно быть... э-э... первым.

— Да на что тебе быть первым? — удивился Быков.

Юрковский подумал.

— Честно говоря, не знаю, — сказал он. — Мне просто приятно.

— Лично мне это совершенно безразлично, — сказал Быков.

Юрковский, снисходительно улыбаясь, помотал в воздухе указательным пальцем.

— Так ли, Алексей?

— Может быть, и неплохо оказаться первым, — сказал Быков, — но лезть из кожи вон, чтобы быть первым, — занятие нескромное. По крайней мере, для ученого.

Жилин подмигнул Юре. Юра понял это так: «Мотай на ус».

— Не знаю, не знаю, — сказал Юрковский, демонстративно возвращаясь к отчету. — Во всяком случае, Михаил обязан придерживаться исторической правды. В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана. Следующее исследование пятна было произведено годом позже.

— Кем? — с очень большим интересом спросил Жилин.

— Не помню, — сказал рассеянно Юрковский. — Кажется, Лекруа. Михаил, нельзя ли... э-э... освободить стол? Мне надо работать.

Наступали священные часы работы Юрковского. Юрковский всегда работал в кают-компании. Он так привык. Михаил Антонович и Жилин ушли в рубку. Юра хотел последовать за ними — было очень интересно посмотреть, как настраивают недублированный фазоциклёр, — но Юрковский остановил его.

— Э-э... кадет, — сказал он, — не считите за труд, принесите мне, пожалуйста, бьюар из моей каюты. Он лежит на койке.

Юра сходил за бьюаром. Когда он вернулся, Юрковский что-то печатал на портативной электромашинке, небрежно порхая по контактам пальцами левой руки. Быков уже сидел на обычном месте, в большом персональном кресле под торшером;

рядом с ним на столике возвышалась огромная пачка газет и журналов. На носу Быкова были большие старомодные очки.

Первое время Юра поражался, глядя на Быкова. На корабле работали все. Жилин ежедневно вылизывал ходовую и контрольную системы, Михаил Антонович считал и пересчитывал курс, вводил дополнительные команды на киберуправление, заканчивал большой учебник и еще ухитрялся как-то находить время для мемуаров. Юрковский до глубокой ночи читал какие-то пухлые отчеты, получал и отправлял бесчисленные радиogramмы, что-то расшифровывал и зашифровывал на электромашинке. А капитан корабля Алексей Петрович Быков читал газеты и журналы. Раз в сутки он, правда, выстаивал очередную вахту. Но все остальное время он проводил в своей каюте либо под торшером в кают-компании. Юру это шокировало. На третьи сутки он не выдержал и спросил у Жилина, зачем на корабле капитан. «Для ответственности, — сказал Жилин. — Если, скажем, кто-нибудь потеряется». У Юры вытянулось лицо. Жилин засмеялся и сказал: «Капитан отвечает за всю организацию рейса. Перед рейсом у него нет ни одной свободной минуты. Ты заметил, что он читает? Это газеты и журналы за последние два месяца». — «А во время рейса?» — спросил Юра. Они стояли в коридоре и не заметили, как подошел Юрковский. «Во время рейса капитан нужен только тогда, когда случается катастрофа, — сказал он со странной усмешкой. — И тогда он нужен больше, чем кто-нибудь другой».

Юра, ступая на цыпочках, положил рядом с Юрковским бьювар. Бьювар был роскошный, как и всё у Юрковского. В углу бьювара была врезана золотая пластина с надписью: «IV Всемирный Конгресс планетологов. 20.XII.02. Конакри».

— Спасибо, кадет, — сказал Юрковский, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел на Юру. — Вы бы сели да побеседовали со мной, стариком, — сказал он негромко. — А то через десять минут принесут радиogramмы, и опять начнется кавардак на целый день.

Юра сел. Он был безмерно счастлив.

— Вот давеча я говорил о приоритете и, кажется, немного погорячился. Действительно, что значит одно имя в океане человеческих усилий, в бурях человеческой мысли, в грандиозных приливах и отливах человеческого разума? Вот подумайте, Юра, сотни людей в разных концах Вселенной собрали для нас необходимую информацию, дежурный на Спу-5, усталый, с красными от бессонницы глазами, принимал и кодировал ее, другие дежурные программировали трансляционные установки, а затем еще кто-то нажмет на пусковую клавишу, гигантские отражатели заворочаются, разыскивая в пространстве наш корабль, и мощный квант, насыщенный информацией, сорвется с острия антенны и устремится в пустоту вслед за нами...

Юра слушал, глядя ему в рот. Юрковский продолжал:

— Капитан Быков, несомненно, прав. Собственное имя на карте не должно означать слишком много для настоящего человека. Радоваться своим успехам надо скромно, один на один с собой. А с друзьями надо делиться только радостью поиска, радостью погони и смертельной борьбы. Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда! И каждый из них работает. Или гонится. Или ищет. Или дерется насмерть. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно. Капитан Фрэд Дулитл ведет пассажирский лайнер, и за сто мегаметров до финиша выходит из строя питающий реактор, и у Фрэда Дулитла за пять минут седеет голова, но он надевает большой черный берет, идет в кают-компанию и хохочет там с пассажирами, с теми самыми пассажирами, которые так ничего и не узнают и через сутки разъедутся с ракетодома и навсегда забудут даже имя Фрэда Дулитла. Профессор Канаяма отдает всю свою жизнь созданию стереосинтетиков, и в одно жаркое сырое утро его находят мертвым в кресле возле лабораторного стола, и кто из сотен миллионов, которые будут носить изумительно красивые и прочные одежды из стереосинтетиков профессора Канаямы, вспомнит его имя? А Юрий Бородин будет в необычайно трудных условиях возводить жилые купола на маленькой каменистой Рее, и можно поручиться, что ни один из будущих обитателей этих

жилых куполов никогда не услышит имени Юрия Бородина. И вы знаете, Юра, это очень справедливо. Ибо и Фрэд Дулитл тоже уже забыл имена своих пассажиров, а ведь они идут на смертельно опасный штурм чужой планеты. И профессор Канаяма никогда в глаза не видел тех, кто носит одежду из его тканей, а ведь эти люди кормили и одевали его, пока он работал. И ты, Юра, никогда, наверное, не узнаешь о героизме ученых, что поселятся в домах, которые ты выстроишь. Таков мир, в котором мы живем. Очень хороший мир.

Юрковский кончил говорить и посмотрел на Юру с таким выражением, словно ожидал, что Юра тут же переменится к лучшему. Юра молчал. Это называлось «беседовать со стариком». Оба очень любили такие беседы. Ничего особенно нового для Юры в этих беседах, конечно, не было, но у него всегда оставалось впечатление чего-то огромного и сверкающего. Вероятно, дело было в самом облике великого планетолога — весь он был какой-то красный с золотом.

В кают-компанию вошел Жилин, положил перед Юрковским катушки радиogramм.

— Утренняя почта, — сказал он.

— Спасибо, Ваня, — расслабленным голосом сказал Юрковский. Он взял наугад катушку, вставил ее в машинку и включил дешифратор. Машинка бешено застучала. — Ну вот, — тем же расслабленным голосом сказал Юрковский, вытягивая из машинки лист бумаги. — Опять на Церере программу не выполнили.

Жилин крепко взял Юру за рукав и повлек в рубку. Позади раздавался крепнущий голос Юрковского:

— Снять его надо к чертовой бабушке и перевести на Землю, пусть сидит смотрителем музея...

Юра стоял за спиной Жилина и глядел, как настраивают фазоциклёр. «Ничего не понимаю, — думал он с унынием. — И никогда не пойму». Фазоциклёр был деталью комбайна контролера отражателя и служил для измерения плотности потока радиации в рабочем объеме отражателя. Следить за настройкой фазоциклёра нужно было по двум экранам. На экранах вспыхивали и медленно гасли голубоватые искры и извилистые линии. Иногда они смешивались в одно сплошное светящееся облако, и тогда Юра думал, что все пропало и настройку нужно начинать сначала, а Жилин со вкусом приговаривал: «Превосходно. А теперь еще на полградуса». И все действительно начиналось сначала.

На возвышении в двух шагах позади Юры сидел за пультом счетной машины Михаил Антонович и писал мемуары. Пот градом катился по его лицу. Юра уже знал, что писать мемуары Михаила Антоновича заставил архивный отдел Международного управления космических сообщений. Михаил Антонович трудолюбиво царапал пером, возводил очи горе, что-то считал на пальцах и время от времени грустным голосом принимался петь веселые песни. Михаил Антонович был добряк, каких мало. В первый же день он подарил Юре плитку шоколада и попросил прочитать написанную часть мемуаров. Критику прямодушной молодости он воспринял крайне болезненно, но с тех пор стал считать Юру непререкаемым авторитетом в области мемуарной литературы.

— Вот послушай, Юрик, — вскричал он. — И ты, Ванюша, послушай.

— Слушаем, Михаил Антонович, — с готовностью сказал Юра.

Михаил Антонович откашлялся и стал читать:

— «С капитаном Степаном Афанасьевичем Варшавским я встретился впервые на солнечных и лазурных берегах Таити. Яркие звезды мерцали над бескрайним Великим или Тихим океаном. Он подошел ко мне и попросил закурить, сославшись на то, что забыл свою трубку в отеле. К сожалению, я не курил, но это не помешало нам разговориться и узнать друг о друге. Степан Афанасьевич произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это оказался милейший, превосходнейший человек. Он был очень добр, умен, с широчайшим кругозором. Я поражаюсь обширности его познаний. Ласковость, с которой он относился к людям, казалась мне иногда необыкновенной...»

— Ничего, — сказал Жилин, когда Михаил Антонович замолк и застенчиво на них посмотрел.

— Я здесь только попытался дать портрет этого превосходного человека, — сказал Михаил Антонович.

— Да, ничего, — повторил Жилин, внимательно наблюдая за экранами. — Как это у вас сказано: «Над солнечными и лазурными берегами мерцали яркие звезды». Очень свежо.

— Где? Где? — засуетился Михаил Антонович. — Ну, это просто описка, Ваня. Ну, не нужно так шутить.

Юра напряженно думал, к чему бы это прицепиться. Ему очень хотелось поддержать свое реноме.

— Вот я и раньше читал вашу рукопись, Михаил Антонович, — сказал он наконец. — Сейчас я не буду касаться литературной стороны дела. Но почему они у вас все такие милейшие и превосходнейшие? Нет, они действительно, наверное, хорошие люди, но у вас их совершенно нельзя отличить друг от друга.

— Что верно, то верно, — сказал Жилин. — Уж кого-кого, а капитана Варшавского я отличу от кого угодно. Как это он выражается? «Динозавры, прохвосты, тунядцы несчастные».

— Нет, извини, Ванюша, — с достоинством сказал Михаил Антонович, — мне он ничего подобного не говорил. Вежливейший и культурнейший человек.

— Скажите, Михаил Антонович, — сказал Жилин, — а что будет написано про меня?

Михаил Антонович растерялся. Жилин отвернулся от приборов и с интересом на него смотрел.

— Я, Ванюша, не собирался... — Михаил Антонович вдруг оживился. — А ведь это мысль, мальчики! Правда, я напишу главу. Это будет заключительная глава. Я ее так и назову: «Мой последний рейс». Нет, «мой» — это как-то нескромно. Просто: «Последний рейс». И там я напишу, как мы сейчас все летим вместе, и Алеша, и Володя, и вы, мальчики. Да, это хорошая идея — «Последний рейс».

И Михаил Антонович снова обратился к мемуарам.

Успешно завершив очередную настройку недублированного фазоциклёра, Жилин пригласил Юру спуститься в машинные недра корабля — к основанию фотореактора. У основания фотореактора оказалось холодно и неудобно. Жилин неторопливо принялся за свой ежедневный «чек-ап»¹. Юра медленно шел за ним, засунув руки глубоко в карманы, стараясь не касаться покрытых инеем поверхностей.

— Здорово это все-таки, — сказал он с завистью.

— Что именно? — спросил Жилин.

Он со звоном откидывал и снова захлопывал какие-то крышки, отодвигал полупрозрачные заслонки, за которыми каббалистически мерцала путаница печатных схем, включал маленькие экраны, на которых тотчас возникали яркие точки импульсов, прыгающие по координатной сетке, запускал крепкие ловкие пальцы во что-то невообразимо сложное, многоцветное, вспыхивающее, и делал он все это небрежно, легко, не задумываясь и до того ладно и вкусно, что Юре захотелось сейчас же сменить специальность и вот так же непринужденно повелевать поражающим воображение гигантским организмом фотонного чуда.

— У меня слюнки текут, — сказал Юра.

Жилин засмеялся.

— Правда, — сказал Юра. — Не знаю, для вас это все, конечно, привычно и буднично, может быть, даже надоело, но это все равно здорово. Я люблю, когда большой

¹ Check-up — проверка, контроль (англ.).

и сложный механизм — и рядом один человек... повелитель. Это здорово, когда человек — повелитель.

Жилин чем-то щелкнул, и на шершавой серой стене радугой загорелись сразу шесть экранов.

— Человек уже давно такой повелитель, — сказал он, внимательно разглядывая экраны.

— Вы, наверное, гордитесь, что вы такой...

Жилин выключил экраны.

— Пожалуй, — сказал он. — Радуюсь, горжусь и прочее. — Он двинулся дальше вдоль заиндевевших пультов. — Я, Юрочка, уже десять лет хожу в повелителях, — сказал он с какой-то странной интонацией.

— И вам... — Юра хотел сказать «надоело», но промолчал.

Жилин задумчиво отвинчивал тяжелую крышку.

— Главное! — сказал он вдруг. — Во всякой жизни, как и во всяком деле, главное — это определить главное. — Он посмотрел на Юру. — Не будем сегодня говорить об этом, а?

Юра молча кивнул. «Ой-ёй-ёй, — подумал он. — Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно плохо, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты это дело разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то не похоже, чтобы Ивану было тошно...»

Он огляделся и сказал, чтобы переменить тему:

— Здесь должны водиться привидения...

— Чш-ш-ш! — сказал Жилин с испугом и тоже огляделся по сторонам. — Их здесь полным-полно. Вот тут, — он указал в темный проход между двумя панелями, — я нашел... только не говори никому... детский чепчик!

Юра засмеялся.

— Тебе следует знать, — продолжал Жилин, — что наш «Тахмасиб» — весьма старый корабль. Он побывал на многих планетах, и на каждой планете на него грузились местные привидения. Целыми дивизиями. Они, бедняжки, думали, что «Тахмасиб» останется на их земле, и теперь они очень тоскуют по родимым кладбищам, и по ночам, когда даже вахтенный спит в рубке, они устраивают диспуты на тему: какое кладбище лучше — из кристаллического аммиака или из мелкодробленого камня. Они таскаются по кораблю, стонут, ноют, набиваются в приборы, нарушают работу фазоциклера... Им, видишь ли, очень досаждают призраки бактерий, убитых во время дезинфекций! Однажды, когда мне показалось, что они особенно сильно расчихались, я вышел в коридор и предложил им фау-пенициллина. Но — увы! — это оказался Михаил Антонович... И никак от них не избавиться.

— Их надо святой водой.

— Пробовал. — Жилин махнул рукой, открыл большой люк и погрузился в него верхней частью туловища. — Все пробовал, — гулко сказал он из люка. — И простой святой водой, и дейтериевой, и тритиевой. Никакого впечатления. Но я придумал, как избавиться. — Он вылез из люка, захлопнул крышку и посмотрел на Юру серьезными глазами. — Надо проскочить на «Тахмасиб» сквозь Солнце. Ты понимаешь? Не было еще случая, чтобы привидение выдержало температуру термоядерной реакции. Кроме шуток, ты серьезно не слыхал о моем проекте сквозьсолнечного корабля?

Юра помотал головой. Ему никогда не удавалось определить тот момент, когда Жилин переставал шутить и начинал говорить серьезно.

— Странно, что ты не слыхал о нем. Эта идея получила большой резонанс.

— Но ведь внутри Солнца температуры достигают десятков миллионов градусов, — нерешительно сказал Юра.

— Значит? — сказал Жилин.

— Значит, корабль испарится.

— Правильно! Значит?

— Не знаю, — сказал Юра.

Жилин посмотрел на него с сожалением.

— А ведь это так просто, — сказал он. — Значит, надо проскочить через Солнце очень быстро, а на выходе поставить охладители — скажем, гигантские брендспойты. Пойдем наверх, я расскажу тебе подробнее, как это делается.

Наверху, однако, Юру поймал Быков.

— Стажер Бородин, — сказал он, — ступайте за мной.

Юра горестно вздохнул и поглядел на Жилина. Жилин едва заметно развел руками. Быков привел Юру в кают-компанию и усадил за стол напротив Юрковского. Предстояло самое неприятное: два часа принудительных занятий физикой металлов. Быков рассудил, что время перелета стажер должен использовать рационально, и с первого же дня усадил Юру за теоретические вопросы сварочного дела. Честно говоря, это было не так уж неинтересно, но Юру угнетала мысль, что его, опытного рабочего, заставляют заниматься, как школяра. Сопротивляться он не смел, но занимался с большой прохладцей.

Гораздо интереснее было смотреть и слушать, как работает Юрковский.

Быков вернулся в свое кресло, несколько минут смотрел, как Юра нехотя листает страницы книги, а затем развернул очередную газету. Юрковский вдруг перестал шуметь электромашинкой и повернулся к Быкову.

— Ты слышал что-нибудь о статистике безобразий?

— Каких безобразий? — спросил Быков из-за газеты.

— Я имею в виду безобразия... э-э... в космосе. Число неблагоприятных поступков и противозаконных действий быстро растет с удалением от Земли, достигает максимума в поясе астероидов и снова падает к границам... э-э... Солнечной системы.

— Нет ничего удивительного, — проворчал Быков, не опуская газеты. — Вы же сами разрешили всяким лишенцам вроде «Спэйс Пёрл» копать в астероидах, так чего ж вы теперь хотите?

— Мы разрешили! — Юрковский рассердился. — Не мы, а эти лондонские дурачки. И теперь сами не знают, что делать...

— Ты генеральный инспектор, тебе и карты в руки, — сказал Быков.

Юрковский некоторое время молча смотрел в бумаги.

— Душу выну из мер-рзавцев! — сказал вдруг он и снова зашумел машинкой.

Юра уже знал, что такое спецрейс 17. Кое-где в огромной сети космических поселений, охватившей всю Солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим раз и, по возможности, навсегда. Юрковский был генеральным инспектором МУКСа и имел, по видимому, неограниченные полномочия. Он обладал правом понижать в должности, давать выговоры, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать все это. Более того, Юрковский намеревался падать на виновных как снег на голову, и поэтому спецрейс 17 был совершенно секретным. Из обрывков разговоров и из того, что Юрковский зачитывал вслух, следовало, что фотонный планетолет «Тахмасиб» после кратковременной остановки у Марса пройдет через пояс астероидов, задержится в системе Сатурна, затем оверсаном выйдет к Юпитеру и опять-таки через пояс астероидов вернется на Землю. Над какими именно небесными телами нависла грозная тень генерального инспектора, Юра так и не понял. Жилин только сказал Юре, что «Тахмасиб» высадит Юру на Япете, а оттуда планетолеты местного сообщения перебросят его, Юру, на Рею.

Юрковский опять перестал шуметь машинкой.

— Меня очень беспокоят научники у Сатурна, — озабоченно сказал он.

— Умгу, — донеслось из-за газеты.

— Представь себе, они до сих пор не могут раскататься... э-э... и взяться наконец за программу.

— Умгу.

Юрковский сказал сердито:

— Не воображай, пожалуйста, что я беспокоюсь за эту программу оттого, что она моя...

— А я и не воображаю.

— Я думаю, мне придется их подтолкнуть, — заявил Юрковский.

— Ну что ж, в час добрый, — сказал Быков и перевернул газетную страницу.

Юра почувствовал, что весь разговор этот — и странная нервозность Юрковского, и нарочитое равнодушие Быкова — имеет какой-то второй смысл. Похоже было, что необозримые полномочия генерального инспектора имели все-таки где-то границы. И что Быков и Юрковский об этих границах великолепно знали.

Юрковский сказал:

— Однако не пора ли пообедать? Кадет, не могли бы вы вакуумно сварить обед?

Быков сказал из-за газеты:

— Не мешай работать.

— Но я хочу есть! — сказал Юрковский.

— Потерпишь, — сказал Быков.

6. Марс. Облава

В четыре часа утра Феликс Рыбкин сказал: «Пора», и все стали собираться. На дворе было минус восемьдесят три градуса. Юра натянул на ноги две пары пуховых носков, одолженных ему Наташей, тяжелые меховые штаны, которые ему дал Матти, нацепил поверх штанов аккумуляторный пояс и влез в унты. Следопыты Феликса, невыспавшиеся и мрачноватые, торопливо пили горячий кофе. Наташа бегала на кухню и обратно, нося бутерброды, кофе и термосы. Кто-то попросил бульону — Наташа побежала на кухню и принесла бульон. Рыбкин и Жилин сидели на корточках в углу комнаты над раскрытым плоским ящиком, из которого торчали блестящие хвосты ракетных гранат. Ракетные ружья привез на Теплый Сырт Юрковский. Матти в последний раз проверял электрообогреватель куртки, предназначенной для Юры.

Следопыты напились кофе и молча потянулись к выходу, привычным движением натягивая на лицо кислородные маски. Феликс с Жилиным взяли ящик с гранатами и тоже пошли к выходу.

— Юра, ты готов? — спросил Жилин.

— Сейчас, сейчас, — ответил Юра.

Матти помог ему облачиться в куртку и сам подключил электрообогреватели к аккумуляторам.

— А теперь беги на улицу, — сказал он. — А то вспотеешь.

Юра сунул руки в рукавицы и побежал за Жилиным.

На дворе было совсем темно. Юра пересек наблюдательную площадку и спустился к танку. Здесь в темноте негромко переговаривались, слышалось позвякивание металла о металл. Юра налетел на кого-то. Из темноты посоветовали надеть очки. Юра посоветовал не торчать на дороге.

— Вот чудак, — сказали из темноты. — Надень тепловые очки.

Юра вспомнил про инфракрасные очки и надвинул их на глаза. Намного лучше от этого не стало, но теперь Юра смутно различал силуэты людей и широкую корму танка, нагретую атомным реактором. На танк грузили ящики с боеприпасами. Сначала Юра встал на подачу, но потом рассудил, что места в танке может не хватить и тогда его наверняка оставят в обсерватории. Он тихонько отошел к танку и вскарабкался на корму. Там двое в надвинутых на самый нос капюшонах принимали ящики.

— Кого это несет? — добродушно спросил один.

— Это я, — отозвался Юра.

— А, столичная штучка? — сказал другой. — Ступай в кузов, задвигай ящики под сиденья.

«Столичной штучкой» Юру назвали местные сварщики, которым он накануне помогал оборудовать танки турелями для ракетных ружей и демонстрировал новейшие методы сварки в разреженных атмосферах.

В кузове были всё те же восемьдесят три градуса ниже нуля, поэтому тепловые очки не помогали. Юра с энтузиазмом таскал ящики по гремящему дну кузова и на ощупь запихивал их под сиденья, натываясь на какие-то острые твердые углы, торчащие отовсюду. Потом таскать стало нечего. Через высокие борта полезли молчаливые Следопыты и стали рассаживаться, гремя карабинами. Юре несколько раз чувствительно наступали на ноги, и кто-то надвинул ему капюшон на глаза. В передней части кузова послышался отвратительный скрип — по-видимому, Феликс пробовал турель. Потом кто-то сказал:

— Едут.

Юра осторожно высунул из-за борта голову. Он увидел серую стену обсерватории и блики прожекторов, скользящие по наблюдательной площадке. Это подходили остальные три танка центральной группы. Голос Феликса негромко сказал:

— Калинин!

— Я, — откликнулся Следопыт, сидевший рядом с Юрой.

— Петровский!

— Здесь.

— Хомерики!

Закончив переключку (фамилии Юры и Жилина названы почему-то не были), Феликс сказал:

— Поехали.

Песчаный танк «Мимикродон» заворчал двигателем, лязгнув и, грузно кренясь, с ходу полез куда-то в гору. Юра посмотрел вверх. Звезд видно не было — их заволокло пылью. Смотреть стало абсолютно не на что. Танк немилосердно трясло. Юра поминутно слетал с жесткого сиденья, натываясь все на те же острые твердые углы. В конце концов Следопыт, сидевший рядом, спросил:

— Ну что ты все время прыгаешь?

— Откуда я знаю? — сердито сказал Юра.

Он ухватился за какой-то стержень, торчавший из борта, и ему стало легче. Время от времени в клубах пыли, нависших над танком, вспыхивал свет прожекторов, и тогда на светлом фоне Юра видел черное кольцо турели и длинный ствол ракетного ружья, задранный к небу. Следопыты переговаривались.

— Боюсь, что после этой облавы от Старой Базы ничего не останется.

— Надо осторожно.

— Есть приказ — ни одного выстрела в сторону Старой Базы.

— Чей приказ?

— Опанасенки.

— Ну и глупо. Надо отдавать такие приказы, которые можно выполнять.

— Зря вы спорите. Ничего страшного не случится. Ну, попортим немного остатки стен. Самое интересное должно находиться внутри и внизу.

— Между прочим, я смотрел развалины и немножко разочаровался. Архитектура действительно только на первый взгляд кажется странной, а потом начинаешь чувствовать, что ты это где-то уже видел.

— Купола, параллелепипеды...

— Вот именно. Совершенно как Теплый Сырт.

— Потому никому и в голову не приходило, что это не наше.

— Еще бы... После чудес Фобоса и Деймоса...

— А мне вот как раз это сходство и странно.

— Материал анализировали?

Юре было неудобно, жестко и как-то одиноко. Никто не обращал на него внимания. Люди казались чужими, равнодушными. Лицо обжигал свирепый холод. В днище под ногами со страшной силой били фонтаны песка из-под гусениц. Где-то рядом находился Жилин, но его не было ни слышно, ни видно. Юра даже почувствовал какую-то обиду на него. Хотелось, чтобы скорее вошло солнце, чтобы стало тепло и светло. И чтобы перестало так трясти.

Быков отпустил Юру на Марс с большой неохотой и под личную ответственность Жилина. Сам он с Михаилом Антоновичем остался на корабле и крутился сейчас вместе с Фобосом на расстоянии девяти тысяч километров от Марса. Где был сейчас Юрковский, Юра не знал. Наверное, он тоже участвовал в облаве.

«Хоть бы карабин дали, — уныло думал Юра. — Я же им все-таки турели варил».

Все вокруг были с карабинами и, наверное, поэтому чувствовали себя так свободно и спокойно.

«Все-таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен, — с горечью подумал Юра. — И чем старше, тем больше. Вот если бы здесь были наши ребята, все было бы наоборот. У меня был бы карабин, я знал бы, куда мы едем и зачем. И я знал бы, что делать».

Танк вдруг остановился. От света прожекторов, метавшегося по тучам пыли, стало совсем светло. В кузове все замолчали, и Юра услышал незнакомый голос:

— Рыбкин, выходите на западный склон. Кузьмин — на восточный. Джефферсон, останьтесь на южном.

Танк снова двинулся. Свет прожектора упал в кузов, и Юра увидел Феликса, стоявшего у турели с радиофоном в руке.

— Становись своим бортом к западу, — сказал Рыбкин водителю.

Танк сильно накренился, и Юра расставил локти, чтобы не сползти на дно.

— Так, хорошо, — сказал Феликс. — Подай еще немного вперед. Там ровнее.

Танк снова остановился. Рыбкин сказал в радиофон:

— Рыбкин на месте, товарищ Ливанов.

— Хорошо, — сказал Ливанов.

Все Следопыты стояли, заглядывая через борта. Юра тоже посмотрел. Ничего не было видно, кроме плотных туч пыли, медленно оседающей в лучах прожекторов.

— Кузьмин на месте. Только тут рядом какая-то башня.

— Спуститесь ниже.

— Слушаюсь. В общем, Кузьмин на месте.

— Внимание! — сказал Ливанов. На этот раз он говорил в мегафон, и его голос громом покотился над пустыней. — Облава начнется через несколько минут. До восхода солнца остался час. Загонщики будут здесь через полчаса. Через полчаса включить ревуны. Можно стрелять. Всё.

Следопыты зашевелились. Снова послышался отвратительный скрежет турели. Борта танка оцетинились карабинами. Пыль оседала, и силуэты людей постепенно таяли, сливаясь с ночной темнотой. Снова стали видны звезды.

— Юра! — негромко позвал Жилин.

— Что? — сердито сказал Юра.

— Ты где?

— Здесь.

— Иди-ка сюда, — строго сказал Жилин.

— Куда? — спросил Юра и полез на голос.

— Сюда, к турели.

В кузове оказалось огромное количество ящиков. «И откуда они здесь взялись?» — подумал Юра. Мощная рука Жилина ухватила его за плечо и подтащила под турель.

— Сиди здесь, — строго сказал Жилин. — Будешь помогать Феликсу.

— А как? — спросил Юра. Он был еще обижен, но уже отходил.

Феликс Рыбкин тихо сказал:

— Вот здесь ящики с гранатами. — Он осветил фонариком. — Вынимайте гранаты по одной, снимайте колпачок с хвостовой части и подавайте мне.

Следопыты переговаривались:

— Ничего не вижу.

— Очень холодно сегодня, все остыло.

— Да, осень скоро. Погоды стоят холодные...

— Вот я, например, вижу на фоне звезд какой-то купол наверху и целюсь в него.

— Зачем?

— Это единственное, что я вижу.

— А спать можно?

Феликс над головой Юры тихо сказал:

— Ребята, за восточной стороной слежу я. Не стреляйте пока, я хочу опробовать ружье.

Юра сейчас же взял гранату и снял колпачок. На несколько минут наступила мертвая тишина.

— А славная девушка Наташа, правда? — сказал кто-то шепотом.

Феликс сделал движение. Турель скрипнула.

— Зря она так коротко стрижется, — отозвались с западного борта.

— Много ты понимаешь...

— Она на мою жену похожа. Только волосы короче и светлее.

— И чего это Сережка зевает! Такой лихой парень, не похоже на него.

— Какой Сережка?

— Сережка Белый, астроном.

— Женат, наверное.

— Нет.

— Они ее все очень любят. Просто по-товарищески. Она ведь на редкость славный человек. И умница. Я ее еще по Земле немножко знаю.

— То-то ты ее за бульоном гонял.

— А что такого?

— Да нехорошо просто. Она всю ночь работала, потом завтрак нам готовила. А тебе вдруг приспичило бульона...

— Тс-с-с!

В мгновенно наступившей тишине Феликс тихо сказал:

— Юра, хотите посмотреть на пивяку? Смотрите!

Юра немедленно высунулся. Сначала он увидел только черные изломанные силуэты развалин. Потом что-то бесшумно задвигалось там. Длинная гибкая тень поднялась над башнями и медленно закачалась, закрывая и открывая яркие звезды. Снова скрипнула турель, и тень застыла. Юра затаил дыхание. Сейчас, подумал он. Сейчас. Тень изогнулась, словно складываясь, и в ту же секунду ракетное ружье выпалило.

Раздался длинный шипящий звук, брызнули искры, огненная дорожка протянулась к вершине холма, что-то гулко лопнуло, ослепительно вспыхнуло, и снова наступила тишина. С вершины холма посыпались камешки.

— Кто стрелял? — проревел мегафон.

— Рыбкин, — сказал Феликс.

— Попал?

— Да.

— Ну, в добрый час, — проревел мегафон.

— Гранату, — тихо сказал Феликс.

Юра поспешно сунул ему в руку гранату.

— Это здорово, — с завистью сказал кто-то из Следопытов. — Прямо напополам.

— Да, это не карабин.

— Феликс, а почему нам всем таких не дали?

Феликс ответил:

— Юрковский привез всего двадцать пять штук.

— Жаль. Доброе оружие.

— Прямо напополам. Как горлышко от бутылки.

С восточного борта вдруг начали палить. Юра азартно вертел головой, но ничего не видел. Зашипела и лопнула над развалинами ракета, пущенная с какого-то другого танка. Феликс выстрелил еще раз.

— Гранату, — сказал он громко.

Пальба с небольшими перерывами продолжалась минут двадцать. Юра ничего не видел. Он подавал гранату за гранатой и вспотел. Стреляли с обоих бортов. Феликс со страшным скрежетом поворачивал ружье на турели. Затем включили ревуны. Госкливый грубый вой понесся над пустыней. У Юры заныли зубы и зачесались пятки. Стрелять перестали, но разговаривать было совершенно невозможно.

Быстро светало. Юра теперь видел Следопытов. Почти все они сидели, прижавшись спиной к бортам, нахохлившись, плотно надвинув капюшоны. На дне стояли раскрытые пластмассовые ящики с торчащими из них ключьями цветного целлофана, в изобилии валялись расстрелянные гильзы, пустые обоймы. Перед Юрой на ящике сидел Жилин, держа карабин между колен. На открытых щеках его слабо серебрилась изморозь. Юра встал и посмотрел на Старую Базу. Серые изъеденные стены, колючий кустарник, камни. Юра был разочарован. Он ожидал увидеть дымящиеся груды трупов. Только присмотревшись, он заметил желтоватое щетинистое тело, застрявшее в расщелине среди колючек, да на одном из куполов что-то мокро и противно блестело.

Юра повернулся и посмотрел в пустыню. Пустыня была серая под темно-фиолетовым небом, покрытая серой рябью барханов, мертвая и скучная. Но высоко над ровным горизонтом Юра увидел яркую желтую полосу, клочковатую, рваную, протянувшуюся через всю западную часть неба. Полоса быстро ширилась, росла, наливалась светом.

— Загонщики идут! — заорал кто-то еле слышно в реве сирен.

Юра догадался, что желтая яркая полоса над горизонтом — это туча пыли, поднятая облавой. Солнце поднималось навстречу загонщикам, на пустыню легли красные пятна света, и вдруг осветилось огромное желтое облако, заволакивающее горизонт.

— Загонщики, загонщики! — завопил Юра.

Весь горизонт — прямо, справа, слева — покрылся черными точками. Точки появлялись, и исчезали, и снова появлялись на гребнях далеких барханов. Уже сейчас было видно, что танки и краулеры идут на максимальной скорости и каждый волочит за собой длинный клубящийся шлейф. Вдоль всего горизонта сверкали яркие быстрые вспышки, и непонятно было — то ли это вспышки выстрелов, то ли разрывы гранат, а может быть, просто сверкание солнца на ветровых стеклах.

Юру пнули в бок, и он сел, споткнувшись, на ящики. Феликс Рыбкин лихо разворачивал на турели свой длинный гранатомет. Несколько Следопытов кинулись к левому борту. Загонщики стремительно приближались. Теперь до них было километров пять-семь, не больше. Горизонт заволкло совершенно, и было видно, что перед загонщиками катится по пустыне дымная полоса вспышек. Мегафон проревел, перекрывая вой сирен:

— Весь огонь на пустыню! Весь огонь на пустыню!

С танка начали стрелять. Юра видел, как широченные плечи Жилина вздрагивают от выстрелов, и видел белые вспышки над бортом, и никак не мог понять, куда стреляют и по кому стреляют. Феликс хлопнул его по капюшону, Юра быстро поддал гранату и сорвал колпачок со следующей. Тупо и упрямо выли сирены, грохотали выстрелы, и все были очень заняты, и не у кого было спросить, что происходит. Потом Юра увидел, как с

одного из приближающихся танков сорвалась длинная красная струя огня, похожая на плевок, и утонула в дымной полосе перед цепью загонщиков. Тогда он понял. Все стреляли по этой дымной полосе: там были пиявки. И полоса приближалась.

Из-за холма, кормой вперед, медленно выкатился танк Кузьмина. Танк еще не остановился, когда кузов его распахнулся и оттуда выдвинулась огромная черная труба. Труба стала задираться к небу, и, когда она застыла под углом в сорок пять градусов, Следопыты Кузьмина горохом посыпались через борта и полезли под гусеницы. Из кузова повалил густой черный дым, труба с протяжным хрипом выбросила огромный язык пламени, после чего танк заволокло тучами пыли. На минуту стрельба прекратилась. На гребне бархана, метрах в трехстах, ни к селу ни к городу вспучился лохматый гриб дыма и пыли.

Феликс опять шлепнул Юру по капюшону. Юра подал ему сразу одну за другой две гранаты и оглянулся на танк Кузьмина. В пыли было видно, как Следопыты с натугой выволакивают трубу из кузова. Юре даже показалось, что сквозь рев и треск выстрелов он слышит невнятные проклятья.

Дымная полоса, в которой вспыхивали огоньки разрывов, надвигалась все ближе. И наконец Юра увидел. Пиявки были похожи на исполинских серо-желтых головастиков. Гибкие, необычайно подвижные, несмотря на свои размеры и, вероятно, немалый вес, они стремительно выскакивали из тучи пыли, проносились в воздухе несколько десятков метров и снова исчезали в пыли. А за ними, почти по пятам, неслись, подсакивая на барханах, широкие квадратные танки и маленькие краулеры, сверкающие огоньками выстрелов. Юра нагнулся за гранатами, а когда он выпрямился, пиявки были уже совсем близко, огоньки выстрелов исчезли, танки замедлили ход, на крыши кабин выскакивали люди и размахивали руками, и вдруг откуда-то слева, огибая машину Кузьмина, на сумасшедшей скорости вылетел песчаный танк и пошел, пошел, пошел вдоль пыльной стены, через самую гущу пиявок. Кузов его был пуст. Вслед за ним из пыли выскочил второй такой же пустой танк, за ним третий, и больше уже ничего нельзя было разобрать в желтой, непроглядно густой пыли.

— Прекратить огонь! — заревел мегафон.

— Гони! Гони! — отозвался мегафон у загонщиков.

Пыль закрыла все, наступили сумерки.

— Берегись! — крикнул Феликс и пригнулся.

Длинное темное тело пронеслось над танком. Феликс выпрямился и круто развернул ракетное ружье в сторону Старой Базы. Внезапно сирены замолкли, и сразу стали слышны грохот десятков двигателей, лязг гусениц и крики. Феликс больше не стрелял. Он потихоньку передвигал ружье то вправо, то влево, и пронзительный скрип казался Юре райской музыкой после сирен. Из пыли появилось несколько человек с карабинами. Они подбежали к танку и поспешно вскарабкались через борта.

— Что случилось? — спросил Жилин.

— Краулер перевернулся, — быстро ответил кто-то.

Другой, нервно рассмеявшись, сказал:

— Медленное и методическое движение.

— Каша, — сказал третий. — Не умеем мы воевать.

Грохот моторов надвинулся, мимо медленно и неуверенно проползли два танка. У последнего за гусеницей тащилось что-то бесформенное, облепленное пылью.

— Будем надеяться, что это не Опанасенко, — пробормотал кто-то из Следопытов.

Удивленный голос вдруг сказал:

— Ребята, а сирены-то не воют!

Все засмеялись и заговорили.

— Ну и пылища.

— Словно осенняя буря началась.

— Что теперь делать, Феликс? Эй, командир!

- Будем ждать, — негромко сказал Феликс. — Пыль скоро сядет.
- Неужели мы от них избавились?
- Эй, загонщики, много вы там настреляли?
- На ужин хватит, — сказал кто-то из загонщиков.
- Они, подлые, все ушли в каверны.
- Здесь только одна прошла. Они сирен боятся.

Пыль медленно оседала. Стал виден неяркий кружок солнца, проглянуло фиолетовое небо. Затем Юра увидел мертвую пиявку — вероятно, ту самую, которая перепрыгнула через кузов. Она валялась на склоне холма, прямая как палка, длинная, покрытая рыжей жесткой щетиной. От хвоста к голове она расширялась, словно воронка, и Юра разглядывал ее пасть, чувствуя, как по спине ползет холодок. Пасть была совершенно круглая, в полметра диаметром, усаженная большими плоскими треугольными зубами. Смотреть на нее было тошно. Юра огляделся и увидел, что пыль почти осела и вокруг полным-полно танков и краулеров. Люди прыгали через борта и медленно брели вверх по склону к развалинам Старой Базы. Моторы затихли. Над холмом стоял шум голосов, да слабо потрескивал неизвестно как подожженный кустарник.

— Пошли, — сказал Феликс.

Он снял с турели ружье и полез через борт. Юра двинулся было за ним, но Жилин поймал его за рукав.

— Тихо, тихо, — сказал он. — Ты пойдешь со мной, голубчик.

Они вылезли из танка и стали подниматься вслед за Феликсом. Феликс направлялся к большой группе людей, толпившихся метрах в пяти ниже развалин. Люди обступили каверну — глубокую черную пещеру, круто уходившую под развалины. Перед входом, уперев руки в бока, стоял человек с карабином на шее.

- И много туда... э-э... проникло? — спрашивал он.
- Две пиявки наверняка, — отвечали из толпы. — А может быть, и больше.
- Юрковский! — сказал Жилин.
- Как же вы их... э-э... не задержали? — спросил Юрковский укоризненно.
- А они... э-э-э... не захотели задержаться, — объяснили в толпе.

Юрковский сказал пренебрежительно:

— Надо было... э-э... задержать! — Он снял карабин. — Пойду посмотрю, — сказал он.

Никто не успел и слова сказать, как он пригнулся и с неожиданной ловкостью нырнул в темноту. Вслед за ним тенью скользнул Феликс. Юра больше не раздумывал. Он сказал: «Позвольте-ка, товарищ», — и отобрал карабин у соседа. Ошарашенный сосед не сопротивлялся.

— Ты куда? — удивился Жилин, оглядываясь с порога пещеры.

Юра решительно шагнул к каверне.

— Нет-нет, — скороговоркой сказал Жилин, — тебе туда нельзя.

Юра, нагнув голову, пошел на него.

— Нельзя, я сказал! — рявкнул Жилин и толкнул его в грудь.

Юра с размаху сел, подняв много пыли. В толпе захохотали. Мимо бежали Следопыты, один за другим скрывались в пещере. Юра вскочил, он был в ярости.

— Пустите! — крикнул он. Он кинулся вперед и налетел на Жилина, как на стену.

Жилин сказал просительно:

— Юрик, прости, но тебе туда и правда не надо.

Юра молча рвался.

— Ну что ты ломишься? Ты же видишь, я тоже остался.

В пещере глухо забухали выстрелы.

— Вот видишь, прекрасно обошлись без нас с тобой.

Юра стиснул зубы и отошел. Он молча сунул карабин опомнившемуся загонщику и понуро остановился в толпе. Ему казалось, что все на него смотрят. «Срам-то, срам какой,

— думал он. — Только что уши не надрали. Ну пусть бы один на один — в конце концов, Жилин это Жилин. Но не при всех же...» Он вспомнил, как десять лет назад забрался в комнату к старшему брату и раскрасил цветными карандашами чертежи... Он хотел, как лучше. И как старший брат вывел его за ухо на улицу, и какой это был срам!

— Не обижайся, Юрка, — сказал Жилин. — Я нечаянно. Совершенно забыл, что здесь тяжесть меньше.

Юра упрямо молчал.

— Да ты не беспокойся, — ласково сказал Жилин, поправляя его капюшон. — Ничего с ним не случится. Там ведь Феликс возле него, Следопыты... А я тоже сгоряча решил, что пропадет старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился...

Жилин говорил еще что-то, но Юра больше не слышал ни слова. «Уж лучше бы мне надрали уши, — в отчаянии думал он. — Лучше бы публично побили по лицу. Мальчишка, сопляк, эгоист неприличный! Правильно Иван сделал, что треснул меня. Не так еще меня надо было треснуть. — Юра даже зашипел сквозь зубы, так ему стало стыдно. — Иван вот заботился и обо мне, и о Юрковском, и он нисколько не сомневается, что и я тоже заботился о Юрковском и о нем... А я?.. То, что Юрковский прыгнул в пещеру, я воспринял только как разрешение на геройские подвиги. Ни на секунду не подумал о том, что Юрковскому угрожает опасность. Жаждал, дурак, сразиться с пиявками и стяжать славу... Хорошо еще, что Иван не знает».

— Па-аберегись! — завопили сзади.

Юра машинально отошел в сторону. Сквозь толпу к пещере вскарабкался краулер, тащивший за собой прицеп с огромным серебристым баком. От бака тянулся металлический шланг со странным длинным наконечником. Наконечник держал под мышкой человек на переднем сиденье.

— Здесь? — деловито осведомился человек и, не дожидаясь ответа, направил наконечник в сторону пещеры. — Подведи еще поближе, — сказал он водителю. — А ну, ребята, посторонитесь, — сказал он в толпу. — Дальше, дальше, еще дальше. Да отойдите же, вам говорят! — крикнул он Юре.

Он прицелился наконечником шланга в черный провал пещеры, но на пороге пещеры появился один из Следопытов.

— Это еще что? — спросил он.

Человек со шлангом сел.

— Елки-палки, — сказал он. — Что вы там делаете?

— Да это же огнемёт, ребята! — догадался кто-то в толпе.

Огнемётчик озадаченно почесал где-то под капюшоном.

— Нельзя же так, — сказал он. — Надо же предупреждать.

Под землей вдруг стали стрелять так ожесточенно, что Юре показалось, что из пещеры полетели клочья.

— Зачем вы это затеяли? — спросил огнемётчик.

— Это Юрковский, — ответили из толпы.

— Какой Юрковский? — спросил огнемётчик. — Сын, что ли?

— Нет, пэр.

Из пещеры один за другим вышли еще трое Следопытов. Один из них, увидев огнемёт, сказал:

— Вот хорошо. Сейчас все выйдут, и дадим.

Из пещеры выходили люди. Последними выбрались Феликс и Юрковский. Юрковский говорил запыхавшимся голосом:

— Значит, вот эта вот башня над нами должна быть чем-то вроде... э-э... водокачки. Очень... э-э... возможно! Вы молодец, Феликс. — Он увидел огнемёт и остановился. — А-а, огнемёт! Ну что ж... э-э... можно. Можете работать. — Он благосклонно покивал огнемётчику.

Огнеметчик оживился, соскочил с сиденья и подошел к порогу пещеры, волоча за собой шланг. Толпа подалась назад. Один Юрковский остался возле огнеметчика, уперев руки в бока.

— Громовержец, а? — сказал Жилин над ухом Юры.

Огнеметчик прицелился. Юрковский вдруг взял его за руку.

— Пойдите. А собственно... э-э... зачем это нужно? Живые пиявки давно... э-э... мертвы, а мертвые... э-э... понадобятся биологам. Не так ли?

— Зевес, — сказал Жилин. Юра только повел плечом. Ему было стыдно.

Пеньков залпом допил чашку, отдулся и задумчиво сказал:

— Выпить, что ли, еще чашку кофе?

— Давай я налью, — сказал Матти.

— А я хочу, чтобы Наташа, — сказал Пеньков.

Наташа налила ему кофе. За окном была черная, кристально ясная ночь, какие часто бывают в конце лета, накануне осенних бурь. В углу столовой беспорядочной кучей громоздились меховые куртки, аккумуляторные пояса, унты, карабины. Уютно пощелкивали электрические часы над дверью в мастерскую. Матти сказал:

— Все-таки я не понимаю, уничтожили мы пиявок или нет!

Сережа оторвался от книжки.

— Коммюнике главного штаба, — сказал он. — На поле боя осталось шестнадцать пиявок, один танк и три краулера. По непроверенным данным, еще один танк застрял на солончаках в самом начале облавы, и извлечь его оттуда пока не удалось.

— Это я знаю, — объявил Матти. — Меня интересует, могу я теперь ночью сходить в Теплый Сырт?

— Можешь, — сказал Пеньков отдуваясь. — Но нужно взять карабин, — добавил он, подумав.

— Понятно, — сказал Матти необычайно язвительно.

— А зачем тебе, собственно, ночью на Теплый Сырт? — спросил Сергей.

Матти посмотрел на него.

— А вот зачем, — сказал он вкрадчиво. — Например, приходит время товарищу Белому Сергею Александровичу выходить на наблюдения. Три часа ночи, а товарища Белого, вы сами понимаете, на обсерватории нет. Тогда я иду в Теплый Сырт на Центральную метеостанцию, поднимаюсь на второй этаж...

— Лаборатория восемь, — вставил Пеньков.

— Я все понял, — сказал Сергей.

— А почему я ничего не знаю? — спросила Наташа обиженно. — Почему мне никогда ничего не говорят?

— Что-то Рыбкина давно нет, — задумчиво сказал Сергей.

— Да, действительно, — сказал Пеньков глубокомысленно.

— Уж полночь близится, — заявил Матти, — а Рыбкина все нет.

Наташа вздохнула.

— До чего вы мне все надоели, — сказала она.

В тамбуре звякнула дверь шлюза.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали.

— Войдите, — сказала Наташа и сердито посмотрела на ребят.

Вошел Рыбкин, аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке, безукоризненно выбритый.

— Можно? — спросил он тихо.

— Заходи, Феликс, — сказал Матти и налил кофе в заранее приготовленную чашку.

— Я немного запоздал сегодня, — сказал Феликс. — Было совещание у директора.

Все выжидательно посмотрели на него.

— Больше всего говорили о регенерационном заводе. Юрковский приказал на два месяца прекратить все научные работы. Все ученые мобилизуются в мастерские и на строительство.

— Все? — спросил Сергей.

— Все. Даже Следопыты. Завтра будет приказ.

— Полетела моя программа, — уныло сказал Пеньков. — И почему это наша администрация никак не может наладить работу?

Наташа сказала с сердцем:

— Молчи, Володя! Ведь ты же ничего не знаешь!..

— Да, — сказал Сергей задумчиво. — Я слышал, что с водой у нас неважно. А что еще было на совещании?

— Юрковский произнес большую речь. Он сказал, что мы захлебнулись в повседневщине. Что мы слишком любим жить по расписанию, обожаем насиженные места и за тридцать лет успели создать... как это он сказал... «скучные и сложные традиции». Что у нас сгладились извилины, ведающие любознательностью, чем только и можно объяснить анекдот со Старой Базой. В общем, говорил примерно то же, что и ты, Сергей, помнишь, на прошлой декаде? О том, что кругом тайны, а мы копаемся... Очень была горячая речь — по-моему, экспромтом. Потом он похвалил нас за облаву, сказал, что приехал нас подталкивать и очень рад, что мы сами на эту облаву решились... А потом выступил Пучко и потребовал голову Ливанова. Кричал, что покажет ему «медленно и методично»...

— А что такое? — спросил Пеньков.

— Очень сильно покалечили танки. А через два месяца нашу группу переводят на Старую Базу, так что будем соседями...

— А Юрковский уезжает? — спросил Матти.

— Да, сегодня ночью.

— Интересно, — задумчиво сказал Пеньков, — зачем он возит с собой этого сварщика?

— Турели варить, — сказал Матти. — Говорят, он собирается провести еще несколько облав — на астероидах.

— С Юрковским у меня был инцидент, — сказал Сергей. — Еще в институте. Сдавал я ему как-то курс теоретической планетологии, и он меня выгнал очень оригинальным способом. «Дайте, — говорит, — товарищ Белый, вашу зачетку и откройте, пожалуйста, дверь». Я с большим удивлением иду и открываю дверь. Тут он кидает мою зачетку в коридор и говорит: «Идите и возвращайтесь через месяц».

— Ну? — сказал Пеньков.

— Ну, я и пошел.

— А что это он так грубо? — спросил Пеньков с неудовольствием.

— А я молодой был тогда, — сказал Сергей. — Наглый...

— Ты и сейчас хорош, — заметила Наташа.

— Так перебили мы все-таки пиявок или нет? — спросил Матти.

Все посмотрели на Феликса.

— Трудно сказать, — сказал Феликс. — Убито шестнадцать штук, а мы никак не ожидали, что их будет больше десяти. Практически, наверное, перебили.

— А ты пришел с карабином? — спросил Матти.

Феликс кивнул.

— Понятно, — сказал Матти.

— А правда, что Юрковского чуть из огнемета не сожгли? — спросила Наташа.

— И меня вместе с ним, — сказал Феликс. — Мы спустились в каверну, а огнеметчики не знали, что мы там. С этой каверны мы начнем работу через два месяца. Там, по-моему, сохранились остатки водопровода. Водопровод очень странный — не круглые трубы, а овальные.

— Ты еще надеешься найти двуногих прямоходящих? — спросил Сергей.

Феликс помотал головой.

— Нет, здесь мы их не найдем, конечно.

— Где здесь?

— Возле воды.

— Не понимаю, — сказал Пеньков. — Наоборот! Если их нет здесь, у воды, значит, их и вообще нет.

— Нет-нет-нет, — сказала Наташа. — Я, кажется, понимаю. У нас на Земле марсиане стали бы искать людей в пустыне. Это же естественно. Подальше от ядовитой зелени, подальше от областей, закрытых тучами. Искали бы где-нибудь в Гоби. Так, Феликс? Я хочу сказать, что я тоже так думаю.

— Значит, мы должны искать марсиан в пустынях? — сказал Пеньков. — Хорошенькое дело! А зачем же им тогда водопроводы?

— Может быть, это не водопроводы, — сказал Феликс, — а водоотводы. Вроде наших дренажных канав.

— Ну, это ты, по-моему, слишком, — сказал Сергей. — Скорее уж они живут в подземных пустотах. Впрочем, я сам не знаю, почему это, собственно, скорее, но все равно — то, что ты говоришь, это слишком уж смело... Ненормально смело.

— А иначе нельзя, — сказал Феликс тихо.

— Мать честная! — сказал Пеньков и вылез из-за стола. — Мне ведь пора!

Он пошел через комнату к груде меховой одежды.

— И мне пора, — сказала Наташа.

— И мне, — сказал Сергей.

Матти принялся убирать со стола, Феликс аккуратно подвернул рукава и стал ему помогать.

— Так зачем у тебя так много часов? — спросил Матти, косясь на Феликсовы запястья.

— Забыл снять, — пробормотал Феликс. — Теперь это, наверное, ни к чему.

Он ловко мыл тарелки.

— А когда они были к чему?

— Я проверял одну гипотезу, — тихо сказал Феликс. — Почему пиявки нападают всегда справа. Был только один случай, когда пиявка напала слева — на Крейцера, который был левша и носил часы на правой руке.

Матти с изумлением воззрился на Феликса.

— Ты думаешь, пиявки боялись тиканья?

— Вот это я и хотел выяснить. На меня лично пиявки не нападали ни разу, а ведь я ходил по очень опасным местам.

— Странный ты человек, Феликс, — сказал Матти и снова принялся за тарелки.

В столовую вошла Наташа и весело спросила:

— Феликс, вы идете? Пошли вместе.

— Иду, — сказал Феликс и направился в переднюю, на ходу опуская засученные рукава.

7. «Тахмасиб». Польза инструкций

Жилин читал, сидя за столом. Глаза его быстро скользили по страницам, время от времени влажно поблескивая в голубоватом свете настольной лампы. Некоторое время Юра следил за Жилиным и вдруг поймал себя на том, что любуется им. У Ивана было тяжеловатое коричневое лицо, четкое, как гравюра. Такое по-настоящему мужественное лицо настоящего человека.

Хороший человек Ваня Жилин. Можно прийти к нему в любое время и сидеть и болтать, что в голову взбредет, и никогда ты ему не мешаешь. И он всегда тебе рад. Есть

такие люди на свете, и это здорово. Женька Сегал, например. С ним можно идти на любое дело, на любой риск, и точно известно, что не придется его подгонять, он сам кого хочешь подгонит. Юра представил себе Женьку на Рее, как он вместе с ребятами варит щелевые конструкции в черной пустоте. Белый огонь окситана пляшет на силикетоном забрале, и он орет песни на весь эфир, придерживая локтями цилиндр смесителя, который у него всегда висит на груди, а не на спине, как требует инструкция. Так ему удобно, и ни за что его не переубедить, пока кто-нибудь с цилиндром на спине не обгонит его на инерционном шве, на продольном стыке или хотя бы на простой косоугольной распорке без троса. Вот тогда он посмотрит и, возможно, перебросит цилиндр за спину, да и то не обязательно. А на инструкцию он плевал. «Инструкция — это для тех, кто еще не умеет». Но вот слуха у него нет. Поет он просто безобразно. И это даже хорошо, потому что куда годится человек, к которому и придраться нельзя? У порядочного человека всегда должна быть такая дырка в способностях, лучше даже несколько, и тогда он будет по-настоящему приятен. Тогда ты точно знаешь, что он не перл какой-нибудь. Вот Женька — стоит ему запеть, и сразу видно, что он не перл, а славный парень.

— Ваня, — сказал Юра, — у вас есть слух?

— Что ты, братец, — сказал Жилин, не отрываясь от книжки. — За кого ты меня принимаешь?

— Я так и думал, — сказал Юра с удовлетворением. — А что это у вас за книжка?

Жилин поднял голову, некоторое время смотрел на Юру, затем медленно произнес:

— «Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества».

Юра фыркнул. Было, однако, ясно, что Иван не хочет говорить, что это за книга. Что ж, в этом нет ничего такого...

— Я сегодня одолел наконец «Физику металлов», — сказал Юра. — Ну и скучища. Разве можно так писать книги? Алексей Петрович меня слегка проэкзаменовал, — последнее слово Юра выговорил с особым отвращением, — и все время придирается. Почему он ко мне все время придирается, вы не знаете, Ваня?

Жилин закрыл книжку и спрятал в стол.

— Это тебе кажется, — сказал он. — Капитан Быков никогда не придирается. Он только требует то, что следует требовать. Он очень справедливый человек, наш капитан.

Несколько минут Юра размышлял, удобно ли и честно будет сказать то, что ему хочется сказать. В глаза Быкову сказать такое, пожалуй, не рискнешь. За глаза говорить нехорошо. А сказать очень хочется...

— Ваня, а каких людей вы больше всего не любите?

Жилин немедленно ответил:

— Людей, которые не задают вопросов. Есть такие — уверенные...

Он прищурил глаз, посмотрел на Юру, схватил карандаш и быстро нарисовал его портрет. Стажер Бородин, очень похожий, вот с таким носом, сидел, перекосив физиономию, за чтением толстой книги «Физика металлов».

— А я так не люблю скучных, — заявил Юра, разглядывая рисунок. — Можно, я его возьму? Спасибо... Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь. На работе пишут бумажки или считают на машинах, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются. Им и в голову не приходит что-нибудь придумать. Они все делают «как люди». Вот примутся рассуждать: эти ботинки красивые и прочные, а эти нет; и не умеют у нас в Вязме красивую мебель делать, придется из Москвы выписать; а вот об этой книге говорят, что ее надо прочесть; и пойдемте завтра по грибы — по слухам, хорошие в этом году грибы... Елки-палки, меня по эти грибы ничем на свете не загонишь!

Жилин задумчиво слушал, тщательно разрисовывая на бумаге огромный интеграл от нуля до бесконечности.

— Всегда у них уйма свободного времени, — продолжал Юра, — и никогда они не знают, куда это время девать. Катаются на машинах большой глупой компанией, и тошно смотреть, как они это по-идиотски делают. Сначала по грибы, потом идут в кафе и едят так — просто от безделья, потом начинают гонять по шоссе, только по самым лучшим и благоустроенным, где, значит, безопасно, и ремонтные автоматы под рукой, и мотели, и все что хочешь. Потом собираются на какой-нибудь даче и там опять ничего не делают, даже не беседуют. Скажем, перебирают эти свои паршивые грибы и спорят, где подберезовик, а где подосиновик. А уж начнут спорить о чем-нибудь дельном, тут уж беги — спасайся. Почему, видите ли, их до сих пор не пускают в космос? А спроси, зачем им это, — ничего толком ответить не могут, бормочут что-то про свои права. Ужасно они любят говорить про свои права. Но самое противное у них — это то, что у них всегда масса времени, и они это время убивают. Я тут на «Тахмасибе» не знаю, куда деваться от безделья, мне работать не терпится, а они были бы здесь как рыба в воде...

Юра потерял нить и замолчал. Жилин все разрисовывал свой интеграл, лицо у него стало почему-то печальное. Потом он сказал:

— А при чем здесь капитан Быков?

Юра вспомнил, с чего он начал.

— Алексей Петрович, — нерешительно пробормотал он, — он... какой-то скучноватый...

Жилин кивнул.

— Я так и думал, — сказал он. — Но ты ошибаешься, дружище, если мешаешь все в одну кучу — и Быкова, и любителей безопасных шоссе...

— Я совсем не это имел в виду...

— Я понимаю тебя. Так вот. Быков любит свое дело — раз. Не мыслит себя в каком-либо другом качестве — два. И потом, ведь Алексей Петрович работает даже тогда, когда читает журналы или дремлет в своем кресле. Ты никогда не задумывался над этим?

— Н-нет...

— Зря. Знаешь, в чем работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжелая, изматывающая. Нужно быть Быковым, чтобы выдерживать все это. Чтобы привыкнуть к постоянному напряжению, к состоянию непрерывной готовности. Не понимаешь?

— Не знаю... Если это действительно так...

— Но это действительно так! Он солдат космоса. Ему можно только позавидовать, Юрочка, потому что он нашел главное в себе и в мире. Он нужен, необходим и труднозаменяем. Понимаешь?

Юра молча нерешительно кивнул. Перед ним встала осточертевшая картина: прославленный капитан в шлепанцах и полосатых носках в позе бургера в своем любимом кресле под торшером.

— Я знаю, тебя покорила Владимир Сергеевич. Что ж, это понятно. С одной стороны, Юрковский, который считает, что жизнь — это довольно скучная возня с довольно скучными делами и нужно пользоваться всяким случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. С другой стороны, Быков, который полагает истинную жизнь в непрерывном напряжении, не признает никаких случаев, потому что он готов к любому случаю, и никакой случай не будет для него неожиданностью... Но есть еще и третья сторона. Представь себе, Юра, — Жилин положил ладони на стол и откинулся в кресле, — огромное здание человеческой культуры: все, что человек создал сам, вырвал у природы, переосмыслил и сделал заново так, как природе было бы не под силу. Величественное такое здание! Строят его люди, которые отлично знают свое дело и очень любят свое дело. Например, Юрковский, Быков... Таких людей меньше пока, чем других. А другие — это те, на ком стоит это здание. Так называемые маленькие люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И

вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец Мысли и Духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы... — Жилин помолчал. — Конечно, хочется, чтобы каждый и держал, и строил. Очень, брат, хочется. И так обязательно будет когда-нибудь. Но на это нужно время. И силы. Такое положение вещей тоже ведь надо создать.

Юра сосредоточенно думал. Что-то было в словах Ивана. Что-то непривычное.

Это надо было еще осмыслить.

Жилин заложил руки за голову.

— Я вспоминаю одну историю, — проговорил он. Он глядел прямо на лампу, зрочки у него стали как точки. — У меня был товарищ, звали его Толя. Мы вместе в школе учились. Он был всегда такой незаметный, все, бывало, копался в мелочах. Мастерил какие-то тетрадошки, клеил коробочки. Очень любил переплетать старые зачитанные книжки. Добряк был большой, до того добряк, что обидных шуток не понимал. Воспринимал их как-то странно и, на наш тогдашний развеселый взгляд, как-то даже дико. Запустишь ему, бывало, в кровать тритона, а он его вытащит, положит на ладонь и долго рассматривает. Мы вокруг гогочем, потому что смешно, а он его разглядывает, а потом скажет негромко: «Вот бедняга» — и отнесет в пруд. Потом он вырос и стал где-то статистиком. Всем известно, работа эта тихая и незаметная, и все мы считали, что так ему и надо и ни на что другое наш Толя не годится. Работал он честно, без всякого увлечения, но добросовестно. Мы летали к Юпитеру, поднимали вечную мерзлоту, строили новые заводы, а он все сидел в своем учреждении и считал на машинах, которые не сам придумал. Образцовый маленький человек. Хоть обложи его ватой и помести в музей под колпак с соответствующей надписью: «Типичный самодовлеющий человек конца двадцатого века». Потом он умер. Запустил пустяковое заболевание, потому что боялся операции, и умер. Это случается с маленькими людьми, хотя об этом никогда не пишут в газетах.

Жилин замолчал, словно прислушиваясь. Юра ждал.

— Это было в Карелии, на берегу лесного озера. Его кровать стояла на застекленной веранде, и я сидел рядом и видел сразу и его небритое темное лицо... мертвое лицо... и огромную синюю тучу над лесом на той стороне озера. Врач сказал: «Умер». И тотчас же ударил гром невиданной силы, и разразилась такая гроза, какие на редкость даже на южных морях. Ветер ломал деревья и кидал их на мокрые розовые скалы, так что они разлетались в щепки, но даже их треска не было слышно в реве ветра. Озеро стеной шло на берег, и в эту стену били не по-северному яркие молнии. С домов срывало крыши. Повсюду остановились часы — никто не знает почему. Животные умирали с разорванными легкими. Это была неистовая, зверская буря, словно весь неживой мир встал на дыбы. А он лежал тихий, обыкновенный, и, как всегда, это его не касалось. — Жилин снова прислушался. — Я, Юрик, человек не трусливый, спокойный, но тогда мне было страшно. Я вдруг подумал: «Так вот ты какой был, наш маленький скучный Толик. Ты тихо и незаметно, сам не подозревая ни о чем, держал на плечах равновесие Мира. Умер — и равновесие рухнуло, и Мир встал дыбом». Если бы мне тогда прокричали на ухо, что Земля сорвалась с орбиты и ринулась на Солнце, я бы только кивнул головой. И еще я тогда подумал... — Жилин помолчал. — Я подумал: почему он был таким скучным и таким маленьким? Ведь он был очень скучным человеком, Юра. Очень. Если бы эта буря случилась у него на глазах, он наверняка бы закричал: «Ах! Тапочки! Тапочки мои сохнут на крыльце!» И побежал бы спасать тапочки. Но почему, как он стал таким?

Жилин замолчал и строго посмотрел на Юру.

— Но он же сам был виноват... — робко сказал Юра.

— Неправда. Никто никогда не бывает виноват только сам. Такими, какими мы становимся, нас делают люди. Вот в чем дело. А мы... Как часто мы не платим этот должок... Почти никогда. А ведь нет ничего важнее этого. Это главное. Сейчас это главное. Раньше главным было дать человеку свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-

человечески счастливым. Вот это сейчас главное. — Жилин посмотрел на Юру и вдруг спросил: — Правда?

— Наверное, — сказал Юра. Все это было правильно, но как-то чуждо ему. Как-то не трогало. Безнадежным казалось это дело. Или скучным.

Жилин сидел, настороженно прислушиваясь. Глаза у него совсем остановились.

— Что случилось? — спросил Юра.

— Тихо! — Жилин поднялся. — Странно, — сказал он. Он все прислушивался.

Юра вдруг ощутил, как пол тихонько дрогнул под ногами, и в ту же секунду пронзительно завывла сирена. Он вскочил и кинулся к двери. Жилин поймал его за плечо.

— Спокойно, — сказал он. — Свое место по расписанию помнишь?

— Да! — сказал Юра и задохнулся.

— Обязанности тоже? — Жилин отпустил его. — Марш!

Юра кинулся в коридор.

Он бежал по кольцевому коридору в вакуум-отсек, где было его место по аварийному расписанию, бежал быстро, но все же сдерживался, чтобы не пуститься во всю прыть. Стажеру надлежит быть «спокойну, выдержану и всегда готову», однако когда по кораблю несется тоскливый угрожающий вой, когда корабль судорожно вздрагивает, словно раненый, у которого копаются в ране неумелыми пальцами, когда плохо понимаешь, что ты должен делать, и совсем не понимаешь, что происходит... В конце коридора вспыхнули красные лампы. Юра не выдержал и кинулся со всех ног.

Навалившись, он откатил тяжелую дверь и влетел в серую комнату, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с вакуум-скафандрами. Надо было поднять все шторы, проверить комплектность скафандров, давление в баллонах, энергопитание, перевести крепление каждого скафандра в аварийное положение и сделать что-то еще... Потом надо было надеть свой скафандр и с откинутым колпаком ждать дальнейших распоряжений.

Юра проделал все это довольно быстро и, как ему показалось, толково, хотя сильно дрожали пальцы и он ощущал напряжение во всем теле, сильное и неприятное, похожее на затянувшуюся судорогу. Сирена замолчала, наступила зловещая тишина. Юра покончил с последним скафандром и огляделся. В боксах под поднятыми шторами горел сильный голубой свет, блестели огромные с раскинутыми рукавами скафандры, похожие на уродливые безголовые статуи. Юра вытащил свой скафандр и влез в него. Костюм был великоват, в нем было жестко и неудобно, совсем не так, как в костюме сварщика, удобном, гибком, уютном. А в этом сразу стало жарко. Юра включил потоуловитель, потом, тяжело переставляя толстые ноги, лязгая металлом о металл, подошел к двери.

Корабль все вздрагивал, было тихо, вдоль коридора горели под потолком красные аварийные сигналы. Юра прислонился спиной к одному косяку двери и уперся ногой в противоположный. Он перегородил дверь, и теперь войти в отсек можно было, только сбив его с ног. (Было странно читать это место в инструкции, где предписывалось охранять вакуум-отсек во время тревоги. От кого охранять? Зачем?) Войти в отсек во время тревоги имел право только тот человек — член экипажа или пассажир, — о котором капитан лично распоряжался: «Пропустить». Для этого в косяке вмонтирован радифон, постоянно работающий на волне капитанского радифона. Юра посмотрел на радифон и вспомнил, что он еще не сделал. Он торопливо ткнул коленчатым пальцем в кнопку вызова.

— Слушаю, — сказал голос Быкова. Голос был, как всегда, скрипучий и равнодушный.

— Стажер Бородин занял пост по расписанию, — сообщил Юра.

— Хорошо, — сказал Быков и сейчас же отключился.

Юра сердито посмотрел на радифон и произнес скрипучим голосом: «Хорошо». «Дерево», — подумал он и скорчил рожу, высунув язык. Корабль тряхнуло, и он чуть не прикусил язык. Он стыдливо огляделся, а затем ему в голову пришла мысль: что, если всезнающий и всепредусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы прищемить

язык обнаглевшему стажеру. Можно было легко представить себе, как Быков делает это. «Наверное, жизнь у него была нелегкая, — подумал Юра. — Наверное, жизнь терла его и перемалывала, пока не содрала с него шелуху всяких эмоций, которые, в общем-то, не нужны, но без которых человек уже не человек, а дерево. Жилин как-то сказал, что с годами человек меняется только в одном — становится терпимее. К Быкову это, вероятно, не относится...»

Корабль снова дрогнул, и Юра уперся попрочнее. Непонятно было, что происходит. На метеоритную атаку не похоже, на какое-нибудь там столкновение — тем более. Мишка Ушаков сказал, что опасность в космосе — словно удар шпаги, от нее либо умирают сразу же, либо вообще не умирают... Это заявил Мишка Ушаков, который в космосе был только на практике по строительной сварке и который даже о космосе судит в терминах мушкетерских романов.

У Юры свело икру, и он переменял ногу. Вдоль коридора светились красные огни. Юра все пытался вспомнить, что это ему напоминает, и никак не мог, но было какое-то неприятное воспоминание, это он знал твердо. Хоть бы пришел кто, подумал он. Спросить бы, что случилось, чего надо ждать... Он посмотрел на кнопку вызова. Взять и обратиться прямо к Быкову: «Товарищ капитан, прошу объяснить задачу...» Потом Юра вдруг представил себе, сколько стажеров стояло здесь, потных от волнения, уперев ногу в косяк; страшно переживали, пытались понять, что происходит, и все прикидывали: «Успею надвинуть колпак или не успею?» Это были славные ребята, с которыми можно отлично сыграть в бок-ап-штаг или почесать язык насчет смысла жизни. Теперь они все уже опытные и умудренные, теперь они все в рубках, и их корабли носятся в пространстве... и тоже иногда трясутся и вздрагивают... От этих мыслей ни с того ни с сего представилось вдруг залитое потом и кровью лицо Быкова, который с чисто человеческим понятным отчаянием следит остановившимися глазами за чем-то, что учесть не удалось и что приближается теперь совершенно неотвратно...

В глазах у Юры все поплыло, он потерял равновесие и очутился на полу. Под низким потолком залязгало, загремело. Юра, торопливо царапая башмаками по металлическому полу, перевернулся на живот, поднялся и бросился к двери. Он стал в прежнюю позу и изо всех сил растопырился между косяками.

Теперь «Тахмасиб» вибрировал непрерывно, словно ему тоже было страшно. Юра весь напрягся, стараясь унять дрожь. Хоть бы пришел кто-нибудь, хоть бы понять, что к чему, хоть бы Быков приказал что-нибудь... Мама будет горевать ужасно — как ей скажут? Кто найдет такой, чтобы это сказать? Она ведь умереть может, она недавно оперировалась, у нее сердце ну куда не годится, ей нельзя этого говорить... Юра закусил губу и крепко сжал зубы. Стало больно, но дрожь не проходила. Ну что это, в самом деле... Нет, надо немедленно сходить и посмотреть. Сунуть голову в рубку, небрежно бросить: «Ну, долго еще?» — и уйти... А вдруг их всех поубивало? Юра с ужасом посмотрел в коридор, ожидая, что вот-вот из-за поворота выползет Жилин, посмотрит потухшими глазами и уронит голову на закоченевшие руки...

Юра отпустил ногу, оттолкнулся от косяка и сделал несколько неуверенных шагов по коридору. По трясущемуся полу, мимо красных огней, к лифту, навстречу тому, кто ползет... Он остановился и вернулся к двери. «Поспокойнее, — сказал он и откашлялся, чтобы не хрипело в горле. — Воображение любит пошутить, но шутит оно зло и нечестно. Не свой друг — воображение». Он снова прочно растопырился в дверях. Так вот оно каково, подумал он вдруг. Так вот оно каково — ждать и всегда быть готовым в шлепанцах и полосатых носочках, под скучным торшерчиком, с прошлогодней газеткой, чтобы никто не заметил и не подумал... Ничего не знать наверняка и быть всегда готовым...

Вибрация усиливалась, и спадала, и снова усиливалась. Юра представил себе «Тахмасиб», километровое сооружение из титановых сплавов, похожее на гигантский бокал. Сейчас вдоль всего тела корабля, от грузового трюма до кромки отражателя,

волной проходят судороги вибрации. То усиливаются, то спадают... Тут не надо быть сверхчутким, чтобы разобраться, что к чему. Если бы так завибрировал, скажем, окситановый датчик, все было бы ясно — надо отрегулировать компрессор или хотя бы сменить гаситель... Юра отчетливо ощутил, как корабль заваливается набок — это стало заметно по давлению на ступню. «Тахмасиб» разворачивался сначала плавно, а потом начались рывки. От каждого рывка тряслась голова и все, что в голове... Что же это, думал Юра, упираясь изо всех сил в косяки. Что же у них там, а?.. И тут в страшной глухой тишине раздались шаги. Неторопливые, уверенные, незнакомые шаги, а может быть, Юра просто не узнавал их. Он смотрел вдоль коридора, а шаги все приближались, и вот из-за поворота появился Жилин в рабочем комбинезоне, с плоским ящиком тестера на груди. Лицо у него было серьезное и как будто недовольное, на глаза падал светлый чуб. Жилин подошел вплотную и, похлопав Юру по коленке, сказал негромко:

— Ну-ка...

Он хотел войти в вакуум-отсек. Юра открыл и закрыл рот, но ногу не убрал. Это был Жилин, милый, славный, долгожданный Жилин, но Юра ногу не убрал, а вместо этого спросил:

— Что там у вас?

Он хотел произнести это небрежно, но на последнем слогe глотнул, и впечатление было испорчено.

— Да что у нас может быть... — неохотно сказал Жилин. — Пропусти-ка меня, — сказал он. — Мне там нужно взять кое-что...

В голове у Юры была каша, и в этой каше из собственных Юриных принципов и понятий в целости оставалась одна только инструкция.

— Подождите, Ваня, — пробормотал он и нажал кнопку вызова.

Капитан не отвечал.

— Юрка, — сказал Жилин, — да что с тобой, братец? Пропусти же меня, я оставил в скафандре...

— Не могу, — сказал Юра и облизнул губы. — Как я могу?.. Вот сейчас капитан отзовется...

Жилин внимательно смотрел на него.

— А если не отзовется?

— Почему же не отзовется? — Юра уставился на Жилина круглыми глазами и вдруг схватил его за рукав. — Что случилось?

— Да ничего не случилось. — Жилин вдруг заулыбался. — Так не пропустишь?

Юра отчаянно замотал головой.

— Ведь нельзя же, Ваня... Ты же должен понять! — Он даже перешел на «ты» от избытка чувств, ему очень хотелось расплакаться, и в то же время было отчего-то хорошо и спокойно, и он знал, что ни за что не пропустит Жилина. — Ведь ты сам был стажером.

— Да-а... — неопределенно протянул Жилин, разглядывая его. — Соблюдаем букву и дух инструкции?

— Не знаю... — пробормотал Юра. Ему было стыдно и вместе с тем он знал, что ногу он не отпустит. «Если тебе действительно надо войти, то не стой так, — мысленно зывал он к Жилину. — Бей меня в челюсть и бери, что тебе тут нужно...»

— Капитан Быков слушает, — раздалось из радифона.

Юра все еще не в силах был собраться с мыслями.

— Алексей Петрович, — сказал Жилин в радифон, — я хочу пройти в вакуум-отсек, а стажер меня не пускает.

— Зачем тебе понадобился вакуум-отсек? — осведомился Быков.

— Я оставил там «сириус» в прошлый раз... В скафандре забыл.

— Так, — сказал Быков. — Стажер Бородин, пропустите бортинженера Жилина.

Быков выключился. Юра с огромным облегчением убрал ногу. Он только сейчас заметил, что корабль больше не вибрирует. Жилин ласково посмотрел на него и похлопал по плечу.

— Ваня, вы только не сердитесь... — пробормотал Юра.

— Наоборот! — сказал Жилин. — На тебя исключительно интересно было смотреть.

— У меня такая каша в голове...

— Вот-вот... — Жилин остановился перед своим скафандром. — На этот случай и сочиняются инструкции. Хорошее дело, правда?

— Не знаю. Я теперь что-то перестал понимать, что к чему. Что хоть случилось?

Жилин снова потускнел.

— Что у нас могло случиться? — сказал он сквозь зубы. — Искусственное питание. Таблетки вместо котлетки. Учебная тревога, стажер Бородин, только и всего. Рутинная, не реже одного-двух раз в течение рейса. В целях проверки знания инструкций. Великая вещь — инструкция! — Он вытащил из скафандра белый цилиндрок толщиной в палец и со злостью грохнул штормой. — Бежать мне пора отсюда, Юра. Бежать со всех ног, пока не надоело.

Юра глубоко вздохнул и посмотрел в коридор. Красные огни больше не горели. Пол больше не вибрировал. Юра увидел, как из каюты вышел Юрковский, посмотрел на Юру, величественно кивнул и неспешно скрылся за поворотом.

Жилин проворчал:

— Рыба ищет, где глубже, а человек — где хуже. Понял, Юрка? Здесь все хорошо. Тревоги учебные, аварии понарошку. А вот кое-где — похуже. Гораздо хуже. Туда и надо идти, а не ждать, пока тебя поведут... Ты меня слушаешь, стажер? По инструкции ты меня должен слушать.

— Подождите, Ваня, — сказал Юра сморщившись. — Я еще, кажется, не очухался...

8. Эйномия. Смерть-планетчики

— Стажер Бородин, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, сунул ее в шкаф. Не буду сегодня читать, подумал он. Надо наконец выспаться.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответил Быков и развернул очередную газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский спросил:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш кадет. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь, более важного. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От этой идиотской канцелярщины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя, печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он очень любит Жилина и не любит одного бармена в Мирза-Чарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят... И я подался в космос.

— Стихи ты писал и в космосе, — заметил Быков.

— М-да-а, — сказал Юрковский, задумчиво улыбаясь. — А теперь вот не пишу. Проща молодость. Да. К чему это я все?

— Не знаю, — сказал Быков. — По-моему, ты просто отлыниваешь от работы.

— Нет-нет, позволь... Да! Меня интересует внутренний мир нашего стажера.

— Стажер есть стажер, — сказал Быков.

— Стажер стажеру рознь, — возразил Юрковский. — Ты тоже стажер, и я стажер. Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажиремся всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

— Или не выдают, — задумчиво сказал Быков, глядя в потолок. — Как правило, к сожалению, не выдают.

— Ну что же, это наша вина, а не наша беда. Между прочим, знаешь, кому всегда достается диплом?

— Да?

— Тем, кто воспитывает смену. Таким, как Краюхин.

— Пожалуй, — сказал Быков. — И вот что интересно: эти люди, не в пример многим иным, нимало не заботятся о дипломах.

— И напрасно. Меня вот всегда интересовал вопрос: становимся ли мы лучше от поколения к поколению? Поэтому я и заговорил о кадете. Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла. Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики, Владимир. Краюхин так не говорил.

— Краюхин просто не любил теории. Он брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал в них равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. — Стажер Бородин сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочницей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — возразил Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают-компанию вошел Михаил Антонович в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с большим термосом в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это неплохо, — оживился Быков.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол, Михаил Антонович разложил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

— А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.

— Спит, — ответил Быков.

— А Ванюша?

— На вахте, — терпеливо ответил Быков.

— Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и добавил: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!

— А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.

— Как это?

— А как в романах. «Юная марсианка закрыла глаза и потянулась ко мне полукроткими устами. Я страстно и длинно обнял ее».

— «Всю», — добавил Юрковский.

Михаил Антонович зарделся.

— Ишь, покраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?

Быков захохотал и поперхнулся чаем.

— Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и заявил вдруг: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?

— Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?

Михаил Антонович испугался.

— А что случилось? Он нашалил что-нибудь?

— Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.

— Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пиявками в пещеру полез.

Быков поднял голову.

— За какими это пиявками? — спросил он.

Михаил Антонович виновато заерзал.

— А, это легенды, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще... э-э... давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единственный в своем роде шанс посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто... э-э...

— Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен... как бы это сказать... фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим...

— Настоящего человека, — веско сказал Юрковский, — отличает широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик...

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полнокровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик...

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик...

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйномии. Вы знаете, что такое Эйномия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономические единицы, эксцентриситет...

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйномии уже три года функционирует единственная в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же, — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же...

— Люди работают там в исключительно сложных условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать пять человек, крепкие, как алмазы, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомить мальчишку с настоящей жизнью!

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это...

— И как раз сейчас они собираются произвести интереснейший эксперимент. Они изучают распространение гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент целиком превращается в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович, который понял, что Юрковский во что бы то ни стало хочет произнести речь.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы — разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков наконец заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно небезынтересно.

— Уверю тебя, Алексей! — воскликнул Юрковский с подъемом. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно пробормотал Быков.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Юрковский. Он посмотрел на Быкова и спросил: — Тебя что-то смущает, Алексей?

— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копиями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера. И еще кое-что. Одного там нет. Эйнумии там нет.

— Н-ну, как тебе сказать... — опустив глаза и барабаня пальцами по столу, сказал Юрковский. — Будем считать, что это недосмотр управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйнумию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша. Э-э... Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, сказать... э-э... во изменение маршрута...

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами.

— Н-ну, воспитательные задачи, конечно, тоже... да.

— Штурман, — сказал Быков, — генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйнумию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского. — Ты знаешь, Володенька, горячего у нас маловато. Эйнумия — это крючок... Ведь два раза тормозить придется. И один раз разогнаться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э... вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

— Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.

— Будет горячее, — сказал Юрковский.

— Будет горячее — будет и Эйнумия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишей стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибири.

— Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибираться со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйнумия» двигалась вокруг Солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйнумия. Гигантская скала диаметром в

двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиденький рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами и вращающихся вокруг общей оси.

В обсерватории работали двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепкие, как алмаз, умные, смелые» и зачастую «отчаянно смелые». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астероиды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» были объявлены смерть-планетами: они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щебня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно и постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это был единственный в Солнечной системе космогонический полигон, и если возлезные обсерватории обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда? Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномии» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории остались всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный, веснушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э... здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юрковский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервой встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клацая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Пойдите! — вскричал Юрковский. — А где здесь... э-э... начальник?

Голубоглазый не оборачиваясь сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Странные, однако... э-э... порядки. Удивительные...

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли...

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отойти на сто километров, ведь там опасно! Третий! Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в створе со мной! Там, где ты есть, тебя не нужно! Тебя нужно, где тебя нет! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой и в белой рубашке с черным галстуком.

— Костя, — позвал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, изысканно поздоровался, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну, прогуляйся еще чуть вперед... Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю? Вернись на двадцать километров, я все прощу.

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернул из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Вот кстати! — воскликнул он. — Тогда встаньте вон к тому пульта. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», — чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка... У вас это получится.

— Но позвольте, однако... — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли! — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подплыл к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять команду! Все сейчас стоят хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не касайтесь больше управления! Выключаюсь на две минуты. — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — спросил он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я...

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай чем-нибудь полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит, как дяди делают бах.

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел... э-э... попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На космоскафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

Юрковский величественно пожал плечами.

— Н-ну, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шарик. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Оборудование. Дрянь. Устарело.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и

глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на экран. На экране светилось несколько ярких округлых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Сгори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Ах, фотонное корыто? Это к нам прибыл генеральный инспектор. Зачем он прибыл, я не знаю. Сейчас он держит ось. Его уговорил Эзра. Не надо смеяться, вы мне сглазите весь опыт. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь...

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— ...пятнадцать... четырнадцать... Владимир Сергеевич, держите ось... десять... девять...

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-нибудь ось.

— ...три... два... один... Ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздевайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно, не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была очень горькая.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? — осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел... э-э... присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну и заодно... э-э... выяснить положение на станции... нужды работников... жалобы наконец... Что? Вот я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений... Тесно. Плохая автоматизация, устаревшее оборудование... Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я жалуясь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуясь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы, это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются. Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе, и вы узнаете, каково было слепому, который ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году! Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что физики

привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну, а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-какеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно... Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетологом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костю. Юра весь сжался, ожидая, что вот-вот разразится гром. Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э... — хмурясь, затянул Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же хороший ученый, вы же были папа и мама современной планетологии! Из вас же с детства бил фонтан идей, как у Самсона в Петродворце! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение, — спросите у Эзры, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-какеры!

— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь... э-э... простой ученый...

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить как два лунатика и уступать друг другу дорогу перед люками. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это ж нужно собрать все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже из уважения к генеральному инспектору, потому что тесно, и один у нас даже живет в лифте...

— Вы напрасно думаете... э-э... что меня это радует, — казенным голосом перебил его Юрковский. — Я имею в виду такую... э-э... перенаселенность станции. Насколько мне известно, станция рассчитана на экипаж из пяти гравиметристов. И если бы вы как руководитель станции придерживались существующих положений, утвержденных МУКСом...

— Так ведь, Владимир Сергеевич! — воскликнул веселый Костя. — Товарищ генеральный инспектор! Люди же хотят работать! Гравиметристы хотят работать? Хотят. Релятивисты хотят? Тоже хотят. Я уже не говорю про космогонистов, которые втиснулись сюда прямо через мой труп. И на Земле еще полтора человека роют землю от нетерпения... Подумаешь, ночевать в лифте! Что же, ждать, пока МУКС закончит постройку новой станции? Нет, планетолог Юрковский рассудил бы совсем иначе. Он не стал бы выговаривать мне за перенаселенность. И не стал бы требовать, чтобы я ему все объяснял. Тем более что он не Гейзенберг и все равно понял бы не больше половины. Нет, планетолог Юрковский сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтобы вы экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра вздохнул с облегчением. Гром так и не разразился. Лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы... э-э... Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком... э-э... качестве. И я вам... э-э... завидую, Костя. С вами я бы поработал с удовольствием. Но... э-э... есть станции и есть... э-э... станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось... э-э... сделаться генеральным инспектором Юрковским.

— Безобразия, — быстро сказал Костя, — это дело космической полиции...

— Не всегда, — сказал Юрковский, — к сожалению, не всегда.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное клацанье магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть предупреждение-е! На три миллисекунды!..

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работнички, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сообщить, что танкер будет только завтра?

— Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы бог. Вдвое подает тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В люк один за другим протиснулись четверо, и в помещении сразу стало негде повернуться. Юру затиснули в угол и огородили широкими спинами. По-настоящему хорошо он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзры, чей-то зеркально выбритый череп и еще один затылок, мускулистый, с фиолетовыми следами фурункулов. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертymi подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просветы между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костин профиль и густо бородатое лицо четвертого работничка. Юрковского видно не было, вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал наскоро, но три миллисекунды, по моему, совершенно бесспорно...

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность.

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Ненавистный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати, о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра посчитает как следует.

— Правильно... Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трясутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя таким творцом, человеком будущего...

— Послушай, человек будущего, я тебя поздравляю, у тебя опять на щеке преогромный фурункул.

— А, шут его подери. Когда они меня в покое оставят?

— Ты же обещал, что больше не будешь.

— Милый Костя, очень легко выдумывать обещания, гораздо труднее их выполнять.

Но в общем-то, конечно, надо быть осторожнее.

— Ничего, залечим.

— Слушай, Костя, что это Пагава говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Если нет — сходи в коридор, там в углу чья-то валяется. Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчишки? Такое богатое воображение иметь опасно.

— Ой, Фанас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово — золото!

— Ошибка плюс-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

Юра не выдержал и прошептал Эзру прямо в ухо:

— Что случилось? Почему все так радуются?

Эзра, слегка повернув голову, пробубнил:

— Получили упреждение. Доказали. Что гравитация распространяется. Быстрее света. Впервые доказали.

— Три и восемь, ребята, — объявил бритоголовый, — это значит, что мы утерли нос этому кое-какому из Ленинграда. Как, бишь, его...

— Отличное начало. Сейчас бы только поест, перебить космогонистов и взяться за дело по-настоящему.

— Слушайте, ученые, а для чего здесь нет Крамера?

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим пиршество тощих — по банке на четырнадцать человек.

— Пиршество тощих телом и нищих духом.

— Тихо, ученые, и я вас пораду.

— А про какие консервы врал Валерка?

— По слухам, там у него банка компота из персиков и банка кабачков...

— Колбаски бы...

— Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалуется на ящик консервов со своего стола!

— Ну-у? — сказал кто-то.

— Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит?

Откуда-то из угла послышалось:

— Э-э... Здравствуйте.

— Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?

— Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!

— Владимир Сергеевич! Про консервы это правда?

— Истинная правда, — сказал Юрковский.

— Ура!

— И еще раз...

— Ура!

— И еще раз...

— Ур-р-а-а!

— Консервы мясные, — сказал Юрковский.

По комнате пронесся голодный стон.

— Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!

В открытый люк просунулась еще одна борода.

— Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что лопать нечего — вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.

Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с мускулистым затылком сказал задумчиво:

— Узнаю космогониста по изящным словесам.

— Ребята, а ведь он голоден.

— Еще бы! Космогонисты всегда голодны!

— А не послать ли его за консервами?

— Павел, друг мой, — сказал Костя, — сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень вакуум-скафандр.

Бородатый парень подозрительно на него посмотрел.

— Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Тахмасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь в улыбке. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— Зря я при нем про фурункулы распространялся.

— А нельзя, чтобы он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспекторы не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдемте искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с мускулистым затылком подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

«Эйномия» осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астероид Бамбергу — в царство таинственной «Спэйс Пёрл Лимитэд». Юра проснулся глубокой ночью — болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало». Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособочившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре.

Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собою дверь и осторожно сел рядом с Юрой.

— Ты чего не спишь? — сказал он шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. — Вам плохо?..

— Ерунда, печень.

Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам, словно оцепеневшие, руки.

— Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы побывали на «Эйнонии». Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают. — Он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подsunул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры» — правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пиявок... Ты-то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — Он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут... засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

9. Бамберга. Нищие духом

Бэла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка: «The chief manager of Bamberga mines. Space Pearl Limited»¹. «Сволочь скользкая», — подумал Бэла. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний уголок таблички, и трещина проходила через заглавную букву «В». «Подлый слизняк, — подумал Бэла. — «Уверю вас, на копях нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет». Мерзавец».

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни, ты — пайщик. Интересы компании — твои интересы». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. Боже мой, подумал он. Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну какой я комиссар? Ведь я же ничего не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу...

Где-то с лязгом захлопнулся люк. Бэла опустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но, может быть, удастся узнать, в кого стреляли? Бэла вошел в полицию. За столом, подперев рукой щеку, дремал сержант Хиггинс, начальник полиции и один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа — рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко сиплый.

— Что нового, Хиггинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хиггинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хиггинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хиггинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хиггинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

¹ Главный управляющий копиями Бамберги. Спэйс Пёрл Лимитэд (англ.).

— Видите ли, Хиггинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хиггинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад... Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел — отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэла вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов, следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело — информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими обязанностями.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. «Напитья, что ли? — подумал Бэла. — Налиться, как свинья, лечь в постель и проспать двое суток. А потом встать и опять налиться». Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «Бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компании — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «Бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «Бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бессмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных — они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «Бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколona. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и вошел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одиноким глазом грустно смотрел в низкий потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почему я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул... Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. — Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

«Ну, вот что ты с ним сделаешь! — подумал он. — Убеждать его, что пить вредно, — он и сам это знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет черный лучевой паралич и никогда не будет детей или будут рождаться уроды».

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы, — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрыли. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

«Вот, — думал он, направляясь к себе. — А попробуй закрой салун, и ты же сам будешь орать на митингах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Нет никакого выхода из этого круга. Никакого».

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздоровался и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не мути воду, пока цел. Доброжелатели». Бэла вздохнул и отложил записку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Бэла в молчании разыграл защиту Каро-Канн. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — сказал Бэла без особой надежды.

— Нет, — сказал инженер. — Вы обречены. Посмотрите вокруг, вы сами видите, что вы обречены.

— Я? — спросил Бэла. — Или мы?

— Все вы со своим коммунизмом. Нельзя быть идеалистами в нашем мире.

— Ну, это нам двадцать раз говорили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Вам говорили правильно. Кое-что, конечно, недооценили и потому часто говорили ерунду. Смешно было говорить, что вы уступите военной силе или проиграете экономическое соревнование. Всякое крепкое правительство и всякое достаточно богатое государство в наше время непобедимо в военном и экономическом отношении. Да, да, коммунизм как экономическая система взял верх, это ясно. Где они сейчас, прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Круппов, всяких Мицуи и Мицубиси? Все лопнули и уже забыты. Остались жалкие огрызки вроде нашей «Спэйс Пёрл», солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления... да и те вынуждены прикрываться лозунгами всеобщего благоденствия. Еще раз шах. И несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, унылых ремесленников. Все это тоже обречено. Все это держится только на том, что в обеих Америках еще имеют хождение деньги. Но тут вы зашли в тупик. Есть сила, которую даже вам не побороть. Я имею в виду мещанство. Косность маленького человека. Мещан не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мещанство органически не приемлет никаких идей.

— Вы были когда-нибудь в коммунистических государствах, Сэм?

— Был. И видел там мещан.

— Вы правы, Сэм. Они еще есть и у нас. Пока есть, и вы это заметили. Но вы не заметили, что у нас их гораздо меньше, чем у вас, и что у нас они тихие. У нас нет воинствующего мещанина. Пройдет еще поколение, другое, и их не станет совсем.

— Так я беру слона, — сказал инженер.

— Попробуйте, — сказал Бэла.

Некоторое время инженер раздумывал, затем взял слона.

— Через два поколения, говорите вы? А может быть, через двести тысяч поколений? Снимите наконец розовые очки, Бэла. Вот они вокруг вас, эти маленькие люди. Я не беру авантюристов и сопляков, которые играют в авантюристов. Возьмите таких, как Джошуа, Смит, Блэкуотэр. Таких, кого вы сами называете «сознательными» или «тихими», в зависимости от вашего настроения. У них же так мало желаний, что вы ничего им не можете предложить. А того, чего они хотят, они добьются безо всякого коммунизма. Они станут владельцами тракторов, заведут жену, детей и будут тихо жить в свое удовольствие. Коммунизм, капитализм — какое им до этого дело? Капитализм даже лучше, потому что капитализм благословляет такое бытие. Человек же по натуре — скотинка. Дайте ему полную кормушку, не хуже, чем у соседа, дайте ему набить брюшко и дайте ему раз в день посмеяться над каким-нибудь нехитрым представлением. Вы мне сейчас скажете: мы можем предложить ему большее. А зачем ему большее? Он вам ответит: не лезьте не в свое дело. Маленькая равнодушная скотинка.

— Вы клеветеете на людей, Сэм. Джошуа и компания кажутся вам скотами только потому, что вы очень много потрудились, чтобы сделать их такими. Кто с пеленок внушал им, что самое главное в жизни — это деньги? Кто учил их завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому бакалейщику? Вы забивали их головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками и говорили им, что выше бога не прыгнешь. И вы вдалбливали им, что есть бог, есть дом и есть бизнес, и больше ничего нет на целом свете. Так вы и делаете людей скотами. А человек ведь не скотина, Сэм. Внушите ему с пеленок, что самое важное в жизни — это дружба и знание, что, кроме его колыбельки, есть огромный мир, который ему и его друзьям предстоит завоевать, — вот тогда вы получите настоящего человека. Ну вот, теперь я ладью прозевал.

— Можете переходить, — сказал инженер. — Не буду с вами спорить. Может быть, роль воспитания действительно так велика, как вы говорите. Хотя и у вас при вашем воспитании, при государственной нетерпимости к мещанству все-таки ухитряются как-то вырастать... как это говорят по-русски... чертополохи. А у нас при нашем воспитании ухитряются как-то вырастать те, кого вы называете настоящими людьми. Может быть, в процентном отношении мещан у вас и меньше, чем у нас... хотя никто, наверное, не проводил такой статистики... Шах... Все равно я не знаю, куда вы намерены девать два миллиарда мещан капиталистического мира. У нас их перевоспитывать не собираются. Да, капитализм — труп. Но это опасный труп. А вы еще открыли границы. И пока открыты границы, мещанство во всех видах будет течь через эти границы. Как бы вам не захлебнуться в нем... Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

— Я закроюсь на же-восемь, и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо было бы отрицать опасность мещанства, — сказал Бэла. — Кто-то из ваших деятелей правильно сказал, что идеология маленького хозяйчика представляет для коммунизма бóльшую опасность, чем забытая теперь водородная бомба. Только адресовал он эту опасность неправильно. Не для коммунизма, а для всего человечества опасно мещанство. Потому что в ваших рассуждениях, Сэм, есть одна ошибка. Мещанин — это все-таки тоже человек, и ему всегда хочется большего. Но поскольку он в то же время и скотина, это стремление к большему по необходимости принимает самые чудовищные формы. Например, жажда власти. Жажда поклонения. Жажда популярности. Когда двое таких вот сталкиваются, они рвут друг друга, как собаки. А когда двое таких сговариваются, они рвут в клочья окружающих. И начинаются веселенькие штучки вроде фашизма, сегрегации, геноцида. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не

задохнуться в собственном навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — И помню, чем он кончился. И если вы в этом тоже правы, это означает только, что мы все обречены задохнуться в собственном навозе. Потому что бороться с мещанством — это все равно что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла, — это утверждение столь же голословно, как Апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там?.. «Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить; ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Были и такие времена. И я, конечно, пессимист. С чего это мне быть оптимистом? Да и вам тоже.

— Я не пессимист, — сказал Бэла. — Я просто плохой работник. Но время нищих духом прошло, Сэм. Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.

Дверь распахнулась, и на пороге остановился высокий человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Бэла застыл всматриваясь. Через секунду он узнал его. «Ну вот и все, — подумал он с тоской и облегчением. — Вот и конец». Человек скользнул взглядом по инженеру и шагнул в комнату. Теперь он смотрел только на Бэлу.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. «Так, — подумал он. — Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую фазу. Надо срочно принять меры».

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дому, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столику, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиограмму.

— Отправьте срочно, Майкл, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем это вам понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Пёрл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла и глотнул.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего, спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Я тоже не знаю. Из клетчатки гонят спирт, товарищ Барабаш. Это ясно даже и ежу.

Бэла молчал.

— Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Не знаю, — сказал Бэла. — Я не мог выяснить.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

— Вы обращались к управляющему?

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что у меня плохие источники информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда снимайте к чертовой матери, либо дайте мне полномочия расстреливать гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Я даже пытался бить морды. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа — красное пугало. Разговаривать со мной никто не желает. «I don't know nothing and it's not any damn business of yours»¹. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво смотрел на него, вертя в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сдохнет она после этого или нет. Ведь у них настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогеном. Тогда этот подлец, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернуться к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов, в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих оборотов! Да провались они все...

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товарищ, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар...

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

— Это мой корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

¹ Ничего я не знаю, и не ваше это проклятое дело (англ.).

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла.

Юрковский пожал плечами.

— Ну, естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла.

Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, — с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно, — я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберги сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «Бродвей». Еще не было шести часов, но «Бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица рабочих. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Рабочие расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс покрикивал:

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды. Теперь сержант Хиггинс пошел впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые морды протискивались в первые ряды толпы, перекликаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, они все красные, как томатный сок...

— Они насквозь красные, внутри и снаружи...

— Не верю, хочу посмотреть...

— Посмотри, я тебе мешать не стану...

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну и в компанию же ты попал!

Жилину подставили ножку. Он не обернулся, но стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатými магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распорядитесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался наконец до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд и только за ними, в табачном дыму, хмурые ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский, — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад..

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да! — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О, мистер Барабаш, — сказал он укоризненно, — неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, встроенный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский просмотрел патент, сложил его вчетверо и сунул в карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного законодательства, — небрежно сказал Юрковский.

Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, развел руками.

— Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства.

Изумлению мистера Ричардсона не было границ.

— Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете арестованы и отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, расстегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревущие молодчики, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена серых комбинезонов и злобных, угрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было гораздо более свирепо, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней...

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штук.

— Каких штук? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать...

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгнить заживо.

— А я говорю вам, что это не ваше дело! — заорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— Уо-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высоком гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, дармоеды! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие, подлежит расстрелу на месте. Я облакаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш пристально уставившись на ближайшего гангстера, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко шелкнул. Вокруг гангстера мгновенно образовалось пустое пространство. Тот побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла пинком отшвырнул оружие в угол и повернулся к молодчику, поддерживающему Ричардсона.

— Ты!

Молодчик отпустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим типам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

— Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оставим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обыкновенные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, в течение очень долгого времени подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся, осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года надрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего потому, что на Бамберге никогда не соблюдается постановление Международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах больше шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки помирают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слушать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров, я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — Он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взятчиков кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вмешивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я заработаю. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь...

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налился кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! Ваше дело, ваше дело, — он снова заговорил нормальным голосом. — Вас здесь, дураков, от силы четыреста человек. А нас — четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, этого не понять. Это только ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Человечество приняло закон, по которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безобразий, все равно каких — свехурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты, а Бамберга будет смешана с космической пылью. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то.

Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкое представление о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых дамочек, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа — желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и на спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти вонючие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — Зато работа у вас будет на всю жизнь, и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь, и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, это нам не подходит, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя...

— Так всю жизнь и промыкаешься в рабочих...

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду, этого господина, — он указал на мистера Ричардсона, — этого господина я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джошуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим заработать? А вы, коммунисты, еще хвастаете, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский, — коммунисты совсем за других рабочих. За рабочих, а не за хозяйчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растяпа, — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяйчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А нервы у вас... э-э... Бэла, действительно... неважные.

Жилин захохотал.

— Как он его стулом!..

— А верно, гадкая рожа? — спросил Бэла.

— Нет, почему же, — сказал Жилин. — Очень культурный и обходительный человек.

Юрковский брюзгливо заметил:

— Вежливый наглец. А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я этим займусь, я этого так не оставлю.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта канитель...

— Боже мой, — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях, ни о том, что все люди

скоты... Владимир Сергеевич, — умоляюще сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь.

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати, об акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам...

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радисту. Глаза на лоб, морды в мыле... Ой, когда же я отсюда выберусь!..

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте, я посмотрю все протоколы.

Бэла пошел к сейфу.

— Кстати, Бэла, получится здесь из кого-нибудь хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же, — сказал он. — Получится, конечно. Инженеры здесь — люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластырями Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро.

Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему открытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. — Я собрал. А то у нас тут народ разный.

10. «Тахмасиб». Гигантская флюктуация

Был час обычных предобеденных занятий. Юра изнывал над «Курсом теории металлов». Взъерошенный, невыспавшийся Юрковский вяло перелистывал очередной отчет. Время от времени он сладострастно зевал, деликатно прикрывая рот ладонью. Быков сидел в своем кресле под торшером и дочитывал последние журналы. Был двадцать четвертый день пути, где-то между орбитой Юпитера и Сатурном.

«Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры в области малых температур определяется, как мы видели, соотношением...» — читал Юра. Он подумал: «Интересно, что случится, когда у Алексея Петровича кончатся последние журналы?» Он вспомнил рассказ Колдуэлла, как парень в жаркий полдень состругивал ножом маленькую палочку и как все ждали, что будет, когда палочка кончится. Он прыснул, и в тот же момент Юрковский резко повернулся к Быкову.

— Если бы ты знал, до чего мне все это надоело, Алексей, — сказал он, — до чего мне хочется размяться...

— Возьми у Жилина гантели, — посоветовал Быков.

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал Юрковский.

— Догадываюсь, — проворчал Быков. — Давно уже догадываюсь.

— И что ты по этому поводу... э-э... думаешь?

— Неугомонный старик, — сказал Быков и закрыл журнал. — Тебе уже не двадцать пять лет. Что ты все время лезешь на рожон?

Юра с удовольствием стал слушать.

— Почему... э-э... на рожон? — удивился Юрковский. — Это будет небольшой, абсолютно безопасный поиск...

— А может быть, хватит? — сказал Быков. — Сначала абсолютно безопасный поиск в пещеру к пиявкам, потом безопасный поиск к смерть-планетчикам — кстати, как твоя печень? — наконец, совершенно фанфаронский налет на Бамбергу.

— Позволь, но это был мой долг, — сказал Юрковский.

— Твой долг был вызвать управляющего на «Тахмасиб», мы вот здесь сообща намылили бы ему шею, пригрозили бы сжечь шахту реактором, попросили бы рабочих выдать нам гангстеров и самогонщиков — и все обошлось бы безо всякой дурацкой стрельбы. Что у тебя за манера из всех вариантов выбирать наиболее опасный?

— Что значит — опасный? — сказал Юрковский. — Опасность — понятие субъективное. Тебе это представляется опасным, а мне — нисколько.

— Ну вот и хорошо, — сказал Быков. — Поиск в кольце Сатурна представляется мне опасным. И поэтому я не разрешу тебе этот поиск производить.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Юрковский. — Мы еще об этом поговорим. — Он раздраженно перевернул несколько листов отчета и снова повернулся к Быкову. — Иногда ты меня просто удивляешь, Алексей! — заявил он. — Если бы мне попался человек, который назвал бы тебя трусом, я бы размазал наглеца по стенам, но иногда я гляжу на тебя, и... — Он затряс головой и перевернул еще несколько страниц отчета.

— Есть храбрость дурацкая, — наставительно сказал Быков, — и есть храбрость разумная!

— Разумная храбрость — это катахреза¹! «Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца», — как говорит Киплинг. Безумству храбрых поем мы песню!..

— Попели, и хватит, — сказал Быков. — В наше время надо работать, а не петь. Я не знаю, что такое катахреза, но разумная храбрость — это единственный вид храбрости, приемлемый в наше время. Безо всяких там этих... покойников. Кому нужен покойник Юрковский?

— Какой утилитаризм! — воскликнул Юрковский. — Я не хочу сказать, что прав только я! Но не забывай же, что существуют люди разных темпераментов. Вот мне, например, опасные ситуации просто доставляют удовольствие. Мне скучно жить просто так! И слава богу, я не один такой..

— Знаешь что, Володя, — сказал Быков. — В следующий раз возьми себе капитаном Баграта — если он к тому времени еще будет жив — и летай с ним хоть на Солнце. А я потакать твоим удовольствиям не намерен.

Оба сердито замолчали. Юра снова принялся читать: «Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры...» «Неужели Быков прав? — подумал он. — Вот скука-то, если он прав. Верно говорят, что самое разумное — самое скучное...»

Из рубки вышел Жилин с листком в руке. Он подошел к Быкову и сказал негромко:

— Вот, Алексей Петрович, это Михаил Антонович передает...

— Что это? — спросил Быков.

— Программа на киберштурман для рейса от Япета.

— Хорошо, оставь, я погляжу, — сказал Быков.

«Вот уже программа рейса от Япета, — подумал Юра. — Они полетят еще куда-то, а меня уже здесь не будет». Он грустно посмотрел на Жилина. Жилин был в той самой клетчатой рубаше с закатанными рукавами.

Юрковский неожиданно сказал:

— Ты вот что пойми, Алексей. Я уже стар. Через год, через два я навсегда уже останусь на Земле, как Дауге, как Миша... И, может быть, нынешний рейс — моя последняя возможность. Почему ты не хочешь пустить меня?..

Жилин на цыпочках пересек кают-компанию и сел на диван.

— Я не хочу тебя пускать не столько потому, что это опасно, — медленно сказал Быков, — сколько из-за того, что это бессмысленно опасно. Ну что, Владимир, за бредовая идея — искусственное происхождение колец Сатурна! Это же старческий маразм, честное слово...

¹ Катахреза — соединение несовместимых понятий.

— Ты всегда был лишен воображения, Алексей, — сухо сказал Юрковский. — Космогония колец Сатурна не ясна, и я считаю, что моя гипотеза имеет не меньше прав на существование, чем любая другая, более, так сказать, рациональная. Я уже не говорю о том, что всякая гипотеза несет не только научную нагрузку. Гипотеза должна иметь и моральное значение — она должна будить воображение и заставлять людей думать...

— При чем здесь воображение? — сказал Быков. — Это же чистый расчет. Вероятность прибытия пришельцев именно в Солнечную систему мала. Вероятность того, что им взбредет в голову разрушать спутники и строить из них кольцо, я думаю, еще меньше...

— Что мы знаем о вероятностях? — провозгласил Юрковский.

— Ну хорошо, допустим, ты прав, — сказал Быков. — Допустим, что действительно в незапамятные времена в Солнечную систему прибыли пришельцы и зачем-то устроили искусственное кольцо около Сатурна. Отметим, так сказать. Но неужели ты рассчитываешь найти подтверждение своей гипотезе в этом первом и единственном поиске в кольце?

— Что мы знаем о вероятностях? — повторил Юрковский.

— Я знаю одно, — сердито сказал Быков, — что у тебя нет совершенно никаких шансов и вся эта затея безумна.

Они снова замолчали, и Юрковский взялся за отчет. У него было очень грустное и очень старое лицо. Юре стало его невыносимо жалко, но он не знал, как помочь. Он посмотрел на Жилина. Жилин сосредоточенно думал. Юра посмотрел на Быкова. Быков делал вид, что читает журнал. По всему было видно, что ему тоже очень жалко Юрковского.

Жилин вдруг сказал:

— Алексей Петрович, а почему вы считаете, что если шансы малы, то и надеяться не на что?

Быков опустил журнал.

— А ты думаешь иначе?

— Мир велик, — сказал Жилин. — Мне очень понравились слова Владимира Сергеевича: «Что мы знаем о вероятностях?»

— Ну и чего же мы не знаем о вероятностях? — спросил Быков.

Юрковский, не поднимая глаз от отчета, насторожился.

— Я вспомнил одного человека, — сказал Жилин. — У него была очень любопытная судьба... — Жилин в нерешительности остановился. — Может, я мешаю вам, Владимир Сергеевич?

— Рассказывай, — потребовал Юрковский и решительно захлопнул отчет.

— Это займет некоторое время, — предупредил Жилин.

— Тем лучше, — сказал Юрковский. — Рассказывай.

И Жилин начал рассказывать.

Рассказ о гигантской флюктуации

Я был тогда еще совсем мальчишкой и многого тогда не понял и многое забыл, может быть, самое интересное. Была ночь, и лица этого человека я так и не разглядел. А голос у него был самый обыкновенный, немножко печальный и сиплый, и он изредка покашливал, словно от смущения. Словом, если я увижу его еще раз где-нибудь на улице или, скажем, в гостях, я его, скорее всего, не узнаю.

Встретились мы на пляже. Я только что искупался и сидел на камне. Потом я услышал, как позади посыпалась галька — это он спускался с насыпи, — запахло табачным дымом, и он остановился рядом со мной. Как я уже сказал, дело было ночью. Небо было покрыто облаками, и на море начинался шторм. Вдоль пляжа дул сильный теплый ветер. Незнакомец курил. Ветер высекал у него из папиросы длинные оранжевые

искры, которые неслись и пропадали над пустынным пляжем. Это было очень красиво, и я это хорошо помню. Мне было всего шестнадцать лет, и я даже не думал, что он заговорит со мной. Но он заговорил. Начал он очень странно.

— Мир полон удивительных вещей, — сказал он.

Я решил, что он просто размышляет вслух, и промолчал. Я обернулся и посмотрел на него, но ничего не увидел, было слишком темно. А он повторил:

— Мир полон удивительных вещей. — И затем затянулся, осыпав меня дождем искр.

Я снова промолчал: я был тогда стеснительный. Он докурил папиросу, закурил новую и присел на камни рядом со мной. Время от времени он принимался что-то бормотать, но шум воды скрадывал слова, и я слышал только неразборчивое ворчание. Наконец он заявил громко:

— Нет, это уже слишком. Я должен это кому-нибудь рассказать.

И обратился прямо ко мне, впервые с момента своего появления:

— Не откажитесь выслушать меня, пожалуйста.

Я, конечно, не отказался. Он сказал:

— Только я вынужден буду начать издалека, потому что, если я сразу расскажу вам, в чем дело, вы не поймете и не поверите. А мне очень важно, чтобы мне поверили. Мне никто не верит, а теперь это зашло так далеко...

Он помолчал и сообщил:

— Это началось еще в детстве. Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюдце.

— Как это так? — спросил я. Я сразу вспомнил какой-то анекдот, где одна дама говорит другой: «Вы представляете, вчера дворник бросал нам дрова и разбил люстру». Есть такой старый анекдот.

Незнакомец этак грустно рассмеялся и сказал:

— Вот представьте себе. В течение первого же месяца обучения. Уже тогда мой преподаватель сказал, что он в жизни не видел ничего подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно. Я представил себе, как он размахивает смычком и время от времени попадает в буфет. Это действительно могло завести его довольно далеко.

— Это известный физический закон, — пояснил он неожиданно. — Явление резонанса. — И он, не переводя дыхания, изложил мне соответствующий анекдот из школьной физики, как через мост шла в ногу колонна солдат и мост рухнул. Потом он объяснил мне, что стаканы и блюдца тоже можно дробить резонансом, если подобрать звуковые колебания соответствующих частот. Должен сказать, что именно с тех пор я начал отчетливо понимать, что звук — это тоже колебания.

Незнакомец объяснил мне, что резонанс в обыденной жизни (в домашнем хозяйстве, как он выражался) вещь необычайно редкая, и очень восхищался тем, что какой-то древний правовой кодекс учитывает такую ничтожную возможность и предусматривает наказание владельцу того петуха, который своим криком расколет кувшин у соседа.

Я согласился, что это действительно, должно быть, редкое явление. Я лично никогда ни о чем таком не слыхал.

— Очень, очень редкое, — сказал он. — А я вот своей скрипкой разбил за месяц четыре стакана и блюдце. Но это было только начало.

Он закурил очередную папиросу и сообщил:

— Очень скоро мои родители и знакомые отметили, что я нарушаю закон бутерброда.

Тут я решил не ударить в грязь лицом и сказал:

— Странная фамилия.

— Какая фамилия? — спросил он. — Ах, закон? Нет, это не фамилия. Это... как бы вам сказать... нечто шутовское. Знаете, есть целая группа поговорок: чего боялся, на то и

нарвался... бутерброд всегда падает маслом вниз... В том смысле, что плохое случается чаще, чем хорошее. Или в наукообразной форме: вероятность желательного события всегда меньше половины.

— Половины чего? — спросил я и тут же понял, что сморозил глупость. Он очень удивился моему вопросу.

— Разве вы не знакомы с теорией вероятностей? — спросил он.

Я ответил, что мы этого еще не проходили.

— Так тогда вы ничего не поймете, — сказал он разочарованно.

— А вы объясните, — сердито сказал я, и он покорно принялся объяснять. Он объявил, что вероятность — это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

— А при чем здесь бутерброды? — спросил я.

— Бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх, — сказал он. — Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он будет падать то так, то эдак. В половине случаев он упадет маслом вверх, в половине — маслом вниз. Понятно?

— Понятно, — сказал я. Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал.

— В таких случаях говорят, что вероятность желаемого исхода равна половине — одной второй.

Дальше он рассказал, что если бросать бутерброд, например, сто раз, то он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или двадцать, и что только если бросать его очень долго и много, масловерху окажется приблизительно в половине всех случаев. Я представил себе этот несчастный бутерброд с маслом (и, может быть, даже с икрой) после того, как его бросали тысячу раз на пол, пусть даже на не очень грязный, и спросил, неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он стал рассказывать, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монетой, как в игре в орлянку, и начал объяснять, как это делалось, забираясь во всё более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, пойдет дождь. Из этой первой лекции по теории вероятностей я запомнил только полужнакомый термин «математическое ожидание». Незнакомец употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял себе большое помещение, вроде зала ожидания, с кафельным полом, где сидят люди с портфелями и бюварами и, подбрасывая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. До сих пор я часто вижу это во сне. Но тут незнакомец оглушил меня звонким термином «предельная теорема Муавра — Лапласа» и сказал, что все это к делу не относится.

— Я, знаете ли, совсем не об этом хотел вам рассказать, — проговорил он голосом, лишенным прежней живости.

— Простите, вы, вероятно, математик? — спросил я.

— Нет, — ответил он уныло. — Какой я математик? Я флюктуация.

Из вежливости я промолчал.

— Да, так я вам, кажется, еще не рассказал своей истории, — вспомнил он.

— Вы говорили о бутербродах, — сказал я.

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя, — продолжал он. — Я был, знаете ли, рассеян и часто ронял бутерброды. И бутерброды у меня всегда падали маслом вверх.

— Ну и хорошо, — сказал я.

Он горестно вздохнул.

— Это хорошо, когда изредка... А вот когда всегда! Вы понимаете — всегда!

Я ничего не понимал и сказал ему об этом.

— Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне попробовать бросить монетку. Мы ее бросали вместе. Я сразу тогда даже не понял, что я конченный человек, а мой дядя это понял. Он так и сказал мне тогда: «Ты конченный человек!»

Я по-прежнему ничего не понимал.

— В первый раз я бросил монетку сто раз, и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня девяносто восемь. У дяди, знаете ли, глаза на лоб вылезли. И у меня тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз, и, представьте себе, орел у меня выпал сто девяносто шесть раз. Мне уже тогда следовало понять, чем такие вещи должны кончиться. Мне надо было понять, что когда-нибудь наступит и сегодняшний вечер! — Тут он, кажется, всхлипнул. — Но тогда я, знаете ли, был слишком молод, моложе вас. Мне все это представлялось очень интересным. Мне казалось очень забавным чувствовать себя средоточием всех чудес на свете.

— Чем? — изумился я.

— Э-э-э... средоточием чудес. Я не могу другого слова подобрать, хотя и пытался.

Он немножко успокоился и принялся рассказывать все по порядку, непрерывно куря и покашливая. Рассказывал он подробно, старательно описывая все детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он поразил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Он осыпал меня терминами из физики, математики, термодинамики и кинетической теории газов, так что потом, уже став взрослым, я часто удивлялся, почему тот или иной термин кажется мне таким знакомым. Зачастую он пускался в философские рассуждения, а иногда казался просто несамокритичным. Так, он неоднократно величал себя «феноменом», «чудом природы» и «гигантской флюктуацией». Тогда я понял, что это не профессия. Он мне заявил, что чудес не бывает, а бывают только весьма маловероятные события.

— В природе, — наставительно говорил он, — наиболее вероятные события осуществляются наиболее часто, а наименее вероятные осуществляются гораздо реже.

Он имел в виду закон неубывания энтропии, но тогда для меня все это звучало веско. Потом он попытался мне объяснить понятия наименее вероятного состояния и флюктуации. Мое воображение потряс тогда этот известный пример с воздухом, который весь собрался в одной половине комнаты.

— В этом случае, — говорил он, — все, кто сидел в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшедшее чудом. А это отнюдь не чудо, это вполне реальный, но необычайно маловероятный факт. Это была бы гигантская флюктуация — ничтожно вероятное отклонение от наиболее вероятного состояния.

По его словам, он и был таким отклонением от наиболее вероятного состояния. Его окружали чудеса. Увидеть, например, двенадцатикратную радугу было для него пустяком — он видел их шесть или семь раз.

— Я побью любого синоптика-любителя, — удрученно хвастался он. — Я видел полярные сияния в Алма-Ате, Брокенское видение на Кавказе и двадцать раз наблюдал знаменитый зеленый луч, или «меч голода», как его называют. Я приехал в Батуми, и там началась засуха. Тогда, спасая урожай, я отправился путешествовать в Гоби и трижды попал там под тропический ливень.

За время обучения в школе и в вузе он сдал множество экзаменов и каждый раз вытаскивал билет номер пять. Однажды он сдавал спецкурс, и было точно известно, что будет всего четыре билета — по числу сдающих, — и он все-таки вытащил билет номер пять, потому что за час до экзамена преподаватель вдруг решил добавить еще один билет. Бутерброды продолжали у него падать маслом вверх. («На это я, по-видимому, обречен до конца жизни, — сказал он. — Это всегда будет мне напоминать, что я не какой-нибудь обыкновенный человек, а гигантская флюктуация».) Дважды ему случалось присутствовать при образовании больших воздушных линз («Это макроскопические флюктуации плотности воздуха», — непонятно объяснил он), и оба раза эти линзы зажигали спичку у него в руках.

Все чудеса, с которыми он сталкивался, он делил на три группы. На приятные, неприятные и нейтральные. Бутерброды маслом вверх, например, относились к первой группе. Неизменный насморк, регулярно и независимо от погоды начинающийся и

кончающийся первого числа каждого месяца, относился ко второй группе. К третьей группе относились разнообразные редчайшие явления природы, которые имели честь происходить в его присутствии. Однажды в его присутствии произошло нарушение второго закона термодинамики: вода в сосуде с цветами неожиданно принялась отнимать тепло от окружающего воздуха и довела себя до кипения, а в комнате выпал иней. («После этого я ходил как пришибленный и до сих пор, знаете ли, пробую воду пальцем, прежде чем ее, скажем, пить...») Неоднократно к нему в палатку — он много путешествовал — залетали шаровые молнии и часами висели под потолком. В конце концов он привык к этому и использовал шаровые молнии как электрические лампочки: читал.

— Вы знаете, что такое метеорит? — спросил он неожиданно.

Молодость склонна к плоским шуткам, и я ответил, что метеориты — это падающие звезды, которые не имеют ничего общего со звездами, которые не падают.

— Метеориты иногда попадают в дома, — задумчиво сказал он. — Но это очень редкое событие. И зарегистрирован только один, знаете ли, случай, когда метеорит попал в человека. Единственный, знаете ли, в своем роде случай...

— Ну и что? — спросил я.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Так этот человек — я!

— Вы шутите, — сказал я, вздрогнув.

— Нисколько, — грустно сказал он.

Оказалось, что все это произошло на Урале. Он шел пешком через горы, остановился на минутку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Раздался резкий шелестящий свист, и он ощутил толчок в заднюю, знаете ли, часть тела и боль от ожога.

— На штанах была вот такая дыра, — рассказывал он. — Кровь текла, знаете, но не сильно. Жалко, что сейчас темно, я бы показал вам шрам.

Он подобрал там несколько подозрительных камешков и хранил их в своем столе — может быть, один из них и есть тот метеорит.

Случались с ним и вещи, совершенно необъяснимые с научной точки зрения. По крайней мере пока, при нынешнем уровне науки. Так, однажды ни с того ни с сего он стал источником мощного магнитного поля. Выразилось это в том, что все предметы из ферромагнетиков, находившиеся в комнате, сорвались с места и по силовым линиям ринулись на него. Стальное перо вонзилось ему в щеку, что-то больно ударило по голове и по спине. Он закрылся руками, дрожа от ужаса, с ног до головы облепленный ножами, вилками, ложками, ножницами, и вдруг все кончилось. Явление длилось не больше десяти секунд, и он совершенно не знал, как его можно объяснить.

В другой раз, получив письмо от приятеля, он после первой же строчки, к изумлению своему, обнаружил, что совершенно такое же письмо получал уже несколько лет назад. Он вспомнил даже, что на оборотной стороне, рядом с подписью, должна быть большая клякса. Перевернув письмо, он действительно увидел кляксу.

— Все эти вещи не повторялись больше, — печально сообщил он. — Я считал их самыми замечательными в своей коллекции. Но только, знаете ли, до сегодняшнего вечера.

Он вообще очень часто прерывал свою речь, для того чтобы заявить: «Все это, знаете ли, было бы очень хорошо, но вот сегодня... Это уже слишком, уверяю вас».

— А вам не кажется, — спросил я, — что вы представляете интерес для науки?

— Я думал об этом, — сказал он. — Я писал. Я, знаете ли, предлагал. Мне никто не верит. Даже родные не верят. Только дядя верил, но теперь он умер. Все считают меня оригиналом и неумным шутником. Я просто не представляю себе, что они будут думать после сегодняшнего события. — Он вздохнул и бросил окурок. — Да, может быть, это и к лучшему, что мне не верят. Предположим, что мне бы кто-нибудь поверил. Создали бы комиссию, она бы за мной везде ходила и ждала чудес. А я человек от природы

нелюдимый, а тут еще от всего этого характер у меня испортился совершенно. Иногда не сплю по ночам — боюсь.

Насчет комиссии я был с ним согласен. Ведь и в самом деле, он не мог вызывать чудеса по своему желанию. Он был только средоточием чудес, точкой пространства, как он говорил, где происходят маловероятные события. Без комиссии и наблюдения не обошлось бы.

— Я писал одному известному ученому, — продолжал он. — В основном, правда, о метеорите и о воде в вазе. Но он, знаете ли, отнесся к этому юмористически. Он ответил, что метеорит упал вовсе не на меня, а на одного, кажется японского, шофера. И он очень язвительно посоветовал мне обратиться к врачу. Меня очень заинтересовал этот шофер. Я подумал, что он, может быть, тоже гигантская флюктуация — вы сами понимаете, это возможно. Но оказалось, что он умер много лет назад. Да, знаете ли... — Он задумался. — А к врачу я все-таки пошел. Оказалось, что я с точки зрения медицины ничего особенного собой не представляю. Но он нашел у меня некоторое расстройство нервной системы и послал сюда, на курорт. И я поехал. Откуда я мог знать, что здесь произойдет? — Он вдруг схватил меня за плечо и прошептал: — Час назад у меня улетела знакомая!

Я не понял.

— Мы прогуливались там, наверху, по парку. В конце концов, я же человек, и у меня были самые серьезные намерения. Мы познакомились в столовой, пошли прогуляться в парк, и она улетела.

— Куда? — закричал я.

— Не знаю. Мы шли, вдруг она вскрикнула, ойкнула, оторвалась от земли и поднялась в воздух. Я опомниться не успел, только схватил ее за ногу, и вот...

Он ткнул мне в руку какой-то твердый предмет. Это была босоножка, обыкновенная, светлая, среднего размера.

— Вы понимаете, это не совершенно невозможно, — бормотал феномен. — Хаотическое движение молекул тела, броуновское движение частиц живого коллоида стало упорядоченным, ее оторвало от земли и унесло совершенно не представляю куда. Очень, очень маловероятное... Вы мне теперь только скажите, должен я считать себя убийцей?

Я был потрясен и молчал. В первый раз мне пришлось в голову, что он, наверное, все выдумал. А он сказал с тоской:

— И дело, знаете ли, даже не в этом. В конце концов, она, может быть, зацепилась где-нибудь за дерево. Ведь я не стал искать, потому что побоялся, что не найду. Но вот, знаете ли... Раньше все эти чудеса касались только меня. Я не очень любил флюктуации, но флюктуации, знаете ли, очень любили меня. А теперь? Если эти штуки начнут происходить и с моими знакомыми?... Сегодня улетает девушка, завтра проваливается сквозь землю сотрудник, послезавтра... Да вот, например, вы. Ведь вы сейчас ни от чего не застрахованы.

Это я уже понял сам, и мне стало удивительно интересно и жутко. Вот здорово, подумал я. Скорее бы! Мне вдруг показалось, что я взлетаю, и я вцепился руками в камень под собой. Незнакомец вдруг встал.

— Вы знаете, я лучше пойду, — сказал он жалобно. — Не люблю я бессмысленных жертв. Вы сидите, а я пойду. Как это мне раньше в голову не пришло!

Он торопливо пошел вдоль берега, оступаясь на камнях, а потом вдруг крикнул издали:

— Вы уж извините меня, если с вами что случится! Ведь это от меня не зависит!

Он уходил все дальше и дальше и скоро превратился в маленькую черную фигурку на фоне чуть фосфоресцирующих волн. Мне показалось, что он размахнулся и бросил в волны что-то белое. Наверное, это была босоножка. Вот так мы с ним и расстались.

К сожалению, я не смог бы узнать его в толпе. Разве что случилось бы какое-нибудь чудо. Я никогда и ничего больше не слышал о нем, и, по-моему, ничего особенного в то

лето на морском побережье не случилось. Вероятно, его девушка все-таки зацепилась за какой-нибудь сук, и они потом поженились. Ведь у него были самые серьезные намерения. Я знаю только одно. Если когда-нибудь, пожимая руку новому знакомому, я вдруг почувствую, что становлюсь источником мощного магнитного поля, и вдобавок замечу, что новый знакомец много курит, часто покашливает, этак «кхым-кхум», — значит, это, знаете ли, он, феномен, средоточие чудес, гигантская флюктуация.

Жилин закончил рассказ и победоносно оглядел слушателей. Юре рассказ понравился, но он, как всегда, так и не понял, выдумал все это Жилин или рассказывал правду. На всякий случай он в течение всего рассказа скептически усмехался.

— Прелестно, — сказал Юрковский. — Но больше всего мне нравится мораль.

— Что же это за мораль? — сказал Быков.

— Мораль такова, — объяснил Юрковский. — Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

— И кроме того, — сказал Жилин, — мир полон удивительных вещей — это раз. И два. Что мы знаем о вероятностях?

— Вы мне тут зубы не заговаривайте, — сказал Быков и встал. — Тебе, Иван, я вижу, не дают покоя писательские лавры Михаила Антоновича. Рассказ этот можешь вставить в свои мемуары.

— Обязательно вставлю, — сказал Жилин. — Правда, хороший рассказ?

— Спасибо, Ванюша, — сказал Юрковский. — Ты меня отлично рассеял. Интересно, как это у него могло появиться электромагнитное поле?

— Магнитное, — поправил Жилин. — Он говорил мне о магнитном.

— М-да, — сказал Юрковский и задумался.

После ужина они остались в кают-компании втроем. Сменившийся с вахты Михаил Антонович с наслаждением забрался в быковское кресло почитать на сон грядущий «Повесть о принце Гэндзи», а Юра с Жилиным устроились перед экраном магнитовизора поглядеть что-нибудь легкое. Свет в кают-компании был притушен, только переливались на экране глухими мрачными красками страшные джунгли, по которым шли первооткрыватели, да поблескивала в углу под бра глянцевиная лысина штурмана. И было совсем тихо.

Жилин «Первооткрывателей» уже видел, гораздо интереснее ему было смотреть на Юру и штурмана. Юра глядел на экран не отрываясь и только иногда нетерпеливо поправлял на голове тонкий обруч фонодемонстратора. Первооткрыватели страшно нравились ему, а Жилин посмеивался про себя и думал, до чего же нелеп и примитивен этот фильм, особенно если смотришь его не в первый раз и тебе уже за тридцать. Эти подвиги, похожие на упоенное самоистязание, нелепые с начала и до конца, и этот командир Сандерс, которого бы немедленно сместить, намылить ему шею и отправить назад на Землю архивариусом, чтобы не сходил с ума и не губил невинных людей, не имеющих права ему противоречить. И в первую очередь прикончить бы эту истеричку — Прасковину, кажется, — послать ее в джунгли одну, раз уж у нее так пятки чешутся. Ну и экипаж подобрался! Сплошные самоубийцы с инфантильным интеллектом. Доктор был неплох, но автор прикончил его с самого начала, видимо, чтобы никто не мешал идиотскому замыслу ополоумевшего командира.

Самое забавное, что Юра все это, конечно, не может не видеть, но попробуй вот оторвать его сейчас от экрана и засадить, скажем, за того же принца Гэндзи!.. Издавна так повелось и навсегда, наверное, останется, что каждый нормальный юноша до определенного возраста будет предпочитать драму погони, поиска, беззаветного самоистребления драме человеческой души, тончайшим переживаниям, сложнее, увлекательнее и трагичнее которых нет ничего в мире... О, конечно, он подтвердит, что Лев Толстой велик как памятник человеческой душе, что Голсуорси монументален и

замечателен как социолог, а Дмитрий Строгов не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека. Но все это будут слова, пришедшие извне. Настанет, конечно, время, когда он будет потрясен, увидев князя Андрея живого среди живых, когда он задохнется от ужаса и жалости, поняв до конца Сомса, когда он ощутит великую гордость, разглядев ослепительное солнце, что горит в невообразимо сложной душе строговского Токмакова... Но это случится позже, после того как он накопит опыт собственных душевных движений.

Другое дело — Михаил Антонович. Вот он поднял голову и уставился маленькими глазками в темноту комнаты, и сейчас перед ним, конечно, далекий красавец в странной одежде и странной прическе, с ненужным мечом за поясом, тонкий и насмешливый грешник, японский донжуан — именно такой, каким он выскочил в свое время из-под пера гениальной японки в пышном и грязном хэйанском дворце и отправился невидимкой гулять по свету, пока не нашлись и для него такие же гениальные переводчики. И Михаил Антонович видит его сейчас так, словно нет между ними десяти веков и полутора миллиардов километров, и видит его только он, а Юре пока это не дано, и будет дано только лет через пять, когда войдут в Юрину жизнь и Токмаков, и Форсайты, и Катя с Дашей, и многие, многие другие...

Последний первооткрыватель умер под водруженным флагом, и экран погас. Юра стащил с затылка фонодемонстратор и задумчиво произнес:

— Да, отлично сделан фильм.

— Прелесть, — серьезно откликнулся Жилин.

— Какие люди, а? — Юра дернул себя за хохол на макушке. — Как стальной клинок... Герои последнего шага. Только Прасковина какая-то неестественная.

— Н-да, пожалуй...

— Но зато Сандерс! До чего же он похож на Владим Сергеича!

— Мне они все напоминают Владим Сергеича, — сказал Жилин.

— Ну что вы! — Юра оглянулся, увидел Михаила Антоновича и перешел на шепот: — Конечно, все они настоящие, чистые, но...

— Пойдем-ка лучше ко мне, — предложил Жилин.

Они вышли из кают-компании и направились к Жилину. Юра говорил:

— Все они хороши, я не спорю, но Владимир Сергеевич — это, конечно, совсем другое, он мощнее их как-то, значительнее...

Они вошли в комнату. Жилин сел и стал смотреть на Юру. Юра говорил:

— А какое болото! Как это все изумительно сделано — коричневая жижа с громадными белыми цветами, и блестящая скользкая шкура чья-то в тине... и крики джунглей... — Он замолчал. — Ваня, — сказал он осторожно, — а вам, я вижу, картина не очень?..

— Ну что ты! — сказал Жилин. — Просто я уже видел ее, да и староват я для всех этих болот, Юрик. Я по ним хаживал и знаю, что там на самом деле...

Юра пожал плечами. Он был недоволен.

— Право же, дружище, не в болотах суть. — Жилин откинулся на спинку кресла и принял любимую позу: закинул голову, сцепил пальцы на затылке и растопырил локти. — И не подумай, пожалуйста, что я намекаю на разницу в наших годах. Нет. Это ведь неправда, что бывают дети и бывают взрослые. Все на самом деле сложнее. Бывают взрослые и бывают взрослые. Вот, например, ты, я и Михаил Антонович. Стал бы ты сейчас в трезвом уме и здравой памяти читать «Повесть о Гэндзи»? Вижу ответ твой на лице твоём. А Михаил Антонович перечитывает сейчас «Гэндзи» чуть ли не пятый раз, а я впервые почувствовал прелесть его только в этом году... — Жилин помолчал и пояснил: — Прелесть этой книги, конечно. Прелесть Михаила Антоновича я почувствовал гораздо раньше.

Юра с сомнением смотрел на него.

— Я, разумеется, знаю, что это классика и все такое, — сообщил он. — Но читать «Гэндзи» пять раз я бы не стал. Там все запутано, усложнено... А жизнь по сути своей проста, много проще, чем ее изображают в таких книгах.

— А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают ее такие фильмы, как «Первооткрыватели». Если хочешь, мы попробуем разобраться. Вот командир Сандерс. У него есть жена и сын. У него есть друзья. И все же как легко он идет на смерть. У него есть совесть. И как легко он ведет на смерть своих людей...

— Он забыл обо всем этом, потому что...

— Об этом, Юрик, не забывают никогда. И главным в фильме должно быть не то, что Сандерс героически погиб, а то, как он сумел заставить себя забыть. Ведь гибель-то была верной, дружище. Этого в кино нет, поэтому все кажется простым. А если бы это было, фильм показался бы тебе скучнее...

Юра молчал.

— Ну-с? — сказал Жилин.

— Может быть, — неохотно проговорил Юра. — Но мне все-таки кажется, что на жизнь надо смотреть проще.

— Это пройдет, — пообещал Жилин.

Они помолчали. Жилин, прищурясь, глядел на лампу. Юра сказал:

— Есть трусость, есть подвиг, есть работа — интересная и неинтересная. Надо ли все это перепутывать и выдавать трусость за подвиг и наоборот?

— А кто же перепутывает, кто этот негодяй? — вскричал Жилин.

Юра засмеялся.

— Я просто схематически представил, как это бывает в некоторых книгах. Возьмут какого-нибудь типа, напустят вокруг слюней, и потом получается то, что называют «изящным парадоксом» или «противоречивой фигурой». А он — тип типом. Тот же Гэндзи.

— Все мы немножко лошади, — проникновенно сказал Жилин. — Каждый из нас по-своему лошадь. Это жизнь все перепутывает. Ее величество жизнь. Эта благословенная негодяйка. Жизнь заставляет гордого Юрковского упрашивать непримиримого Быкова. Жизнь заставляет Быкова отказывать своему лучшему другу. Кто же из них лошадь, то бишь тип? Жизнь заставляет Жилина, который целиком согласен с железной линией Быкова, сочинять сказочку о гигантской флюктуации, чтобы хоть так выразить свой протест против самой непоколебимости этой линии. Жилин тоже тип. Весь в слюнях, и никакого постоянства убеждений. А знаменитый вакуум-сварщик Бородин? Не он ли видел смысл жизни в том, чтобы положить живот на подходящий алтарь? И кто поколебал его — не логикой, а просто выражением лица? Растреленный кабатчик с Дикого Запада. Поколебал ведь, а?

— Н-ну... в каком-то смысле...

— Ну, не тип ли этот Бородин? Ну, не проста ли жизнь? Выбрал себе принцип — и валяй. Но принципы тем и хороши, что они стареют. Они стареют быстрее, чем человек, и человеку остаются только те, что продиктованы самой историей. Например, в наше время история жестко объявила Юрковским: баста! Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, — там кончается жизнь простая и начинается сложная. Такова жизнь.

— Да, — сказал Юра. — Наверное.

Они замолчали, и Жилин опять ощутил мучительное чувство раздвоенности, не оставлявшее его вот уже несколько лет. Как будто каждый раз, когда он уходит в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей, необычайно

важное, важнее всей остальной Вселенной, важнее самых замечательных творений рук человеческих.

На Земле оставались люди, молодежь, дети. Там оставались миллионы и миллионы таких вот Юриков, и Жилин чувствовал, что может здорово помочь им, хотя бы некоторым из них. Все равно где. В школьном интернате. Или в заводском клубе. Или в Доме пионеров. Помочь им входить в жизнь, помочь найти себя, определить свое место в мире, научить хотеть сразу многого, научить хотеть работать взахлеб.

Научить не кланяться авторитетам, а исследовать их и сравнивать их поучения с жизнью.

Научить настороженно относиться к опыту бывалых людей, потому что жизнь меняется необычайно быстро.

Научить презирать мещанскую мудрость.

Научить, что любить и плакать от любви не стыдно.

Научить, что скептицизм и цинизм в жизни стоят дешево, что это много легче и скучнее, нежели удивляться и радоваться жизни.

Научить доверять движениям души своего ближнего.

Научить, что лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому.

Научить, что дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других.

И научить их, что один человек ни черта не стоит.

Юра вздохнул и сказал:

— Давайте, Ваня, в шахматы сыграем.

— Давай, — сказал Жилин.

11. Диона. На четвереньках

Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще когда тот был аспирантом в Институте планетологии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского спецкурс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил за дерзость ума и исключительную целенаправленность.

Шершень вышел встречать старого наставника прямо в кессон.

— Не ожидал, не ожидал, — говорил он, ведя Владимира Сергеевича под локоток к своему кабинету.

Шершень был уже не тот. Не было больше стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Шершень стал бледен, он облысел, располнел и все время улыбался.

— Вот не ожидал! — повторял он с удовольствием. — Как же это вы к нам надумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил...

В кабинете он усадил Юрковского за свой стол, сдвинув в сторону пружинный пресс с кипой фотокорректур, а сам сел на табурет напротив. Юрковский озирался, благожелательно кивал. Кабинет был невелик и гол. Настоящее рабочее место ученого на межпланетной станции. И сам Владислав был под стать этому месту. На нем был поношенный, но выглаженный комбинезон с подвернутыми рукавами, полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Владислав, — сказал Юрковский с сожалением. — И... э-э... фигура не та. Ведь вы спортсменом были, Владислав.

— Шесть лет здесь, почти безвыездно, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на Планете, эспандерами изнурять себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да к чему мне стройность, Владимир Сергеевич? Жене все равно, какой я, а девушек ради худеть — темперамент не тот, да и положение не позволяет...

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да, — сказал Юрковский. — Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в институте? — спросил Шершень. — Как дела у Габдула Кадыровича?

— Габдул застрял, — сказал Юрковский. — Очень ждет ваших результатов, Владислав. По сути, вся планетология Сатурна держится на вас. Избаловали вы их, Владислав... э-э... Избаловали.

— Что ж, — сказал Шершень, — за нами дело не станет. В следующем году начнем глубинные запуски... Вы вот только людей бы мне подбросили, Владимир Сергеевич, специалистов. Опытных, крепких специалистов...

— Специалисты, — сказал, усмехаясь, Юрковский. — Специалисты всем нужны. Только это, между прочим, ваше дело, Владислав, — готовить специалистов. Вы, вы должны их институту давать, а не институт вам. А я слышал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Даже то, что мы вам дали, вы упускаете.

Шершень покачал головой.

— Дорогой Владимир Сергеевич, — сказал он, — мне работать нужно, а не специалистов готовить. Подумаешь, Мюллер. Ну, хороший атмосферник, два десятка неплохих работ. Так ведь Дионе программу надо выполнять, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами. И таких, как Мюллер, пусть институт держит у себя. Никто на них не польстится. А нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята... Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да, — сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Ну, ну, Владислав, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в Пространстве. И всем нужны люди.

— Ну так, товарищи! — сказал Шершень. — Надо же планировать по-человечески! Обсерваторий стало больше, а специалистов не прибавилось? Нельзя же так!

— Ладно, — весело сказал Юрковский, — ваше... э-э... неудовольствие, Владислав, я непременно передам Баркану. И вообще, Владислав, готовьте ваши жалобы и претензии. Насчет людей, насчет оборудования. Пользуйтесь случаем, ибо в настоящее время я облечен властью разрешать и вязать, высшей властью, Владислав.

Шершень удивленно поднял брови.

— Да, Владислав, вы разговариваете с генеральным инспектором МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах... вот как? — медленно сказал он. — Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался. — А я, дурень, ломаю голову: как случилось, что глава мировой планетологии так внезапно, без предупреждения... Интересно, по каким же это наветам удостоилась наша маленькая Диона генерального посещения?

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте... э-э... Владислав, — сказал Юрковский. — Мы довольны работой обсерватории, вы это знаете. Я очень доволен вами, Владислав. Отчетливо... э-э... работаете. И я вовсе не собирался беспокоить вас в моем, так сказать... э-э... официальном качестве. Но вот все тот же вопрос о людях. Понимаете, Владислав, некоторое — я бы сказал законное — недоумение вызывает тот факт, что у вас... э-э... Вот за последний год у вас здесь закончено двадцать работ. Хорошие работы. Некоторые просто превосходные. Например... э-э... эта, об определении глубины экзосферных слоев по конфигурации тени колец. Да. Хорошие работы. Но среди них нет ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин. Шершень и Свирский. Шершень и Шатрова... Возникает вопрос: а где просто Аверин и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Конечно, более всего важен результат, победителя не судят... э-э... но при всей вашей загруженности вы не имеете права упускать из виду подготовку

специалистов. Им ведь рано или поздно придется работать самостоятельно. И, в свою очередь, людей учить. Как же это у вас получается?

— Вопрос законный, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень после некоторого молчания. — Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно. Я бы сказал, мерзко. Я уж тут несколько раз пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы спасти лицо. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю! Вот Толя Кравец. — Он похлопал ладонью по фотокорректуре. — Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но... — он развел руками, — недостаточно опыта у него, что ли... Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовывать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли, с какой стати. Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну... у мальчика же самолюбие... Так и появляется — Шершень и Кравец.

— М-да, — сказал Юрковский. — Это бывает. Да вы не беспокойтесь, Владислав, никто ничего страшного не предполагает... Мы отлично знаем вас. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его... э-э... припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню. Очень, помню, был старательный студент. Я почему-то думал, что он на Земле, в Абастумани... Э... да. Знаете, Владислав, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудниках. Я уже всех их перезабыл.

— Что ж, — сказал Шершень. — Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек на всей Дионе. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженеры-контролеры. Славные, умные ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем, итогу у нас остается всего пять собственно астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях не нравилось. Потому мы и с Мюллером не сошлись. Так. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте, — сказал Юрковский, просяив. — Аверин и Свирский! Как же... Это была чудесная пара! Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был бунт... Потом я у них принимал экзамен у обоих сразу, и они еще отвечали мне с этакой... лихостью. Дескать, знай, кого выгоняешь. Большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу, — грустно сказал Шершень.

— А что... э-э... случилось?

— Девушка, — сердито сказал Шершень. — Оба влюбились по уши в Зину Шатрову...

— Помню! — воскликнул Юрковский. — Маленькая такая, веселая, глаза синие, как... э-э... незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница, — сказал Шершень. — Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич. Нет, воля ваша. Я в этом отношении всегда выступал против вас и буду впредь выступать. Молодым девчонкам на дальних базах не место, Владимир Сергеевич.

— Оставьте, Владислав, — сказал Юрковский, нахмурясь.

— Дело, в конце концов, не в этом. Хотя я тоже многого ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериним, а Свирский работает отдельно. Так вот Свирский. Спокойный, выдержанный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда уйду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен, приходится помогать. Полагаю, дело в том, что он привык работать с Авериним. Ну о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова... — Шершень замолчал и шибко почесал затылок. — Девушка! — сказал

он. — Знающая, конечно, но... Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Эмоции. Впрочем, особых претензий к ее работе у меня нет. Свой хлеб на Дионе она, пожалуй, оправдывает. И, наконец, Базанов.

Шершень замолчал и задумался. Юрковский покосился на фотокорректуру, затем не выдержал и сдвинул крышку пресса, закрывавшую титульный лист. «Шершень и Кравец, — прочитал он. — Пылевая составляющая полос Сатурна». Он вздохнул и стал глядеть на Шершня.

— Так что же? — сказал он. — Что же... э-э... Базанов?

— Базанов — отличный работник, — решительно сказал Шершень. — Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов... Что-то я не помню его последних работ. Чем он занимается?

— Атмосферник. Вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ему еще Мюллер помогал, нужно публиковать — так нет! Все он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным... Вы знаете, есть такие... очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся... Получается глупое положение, не имеем возможности ссылаться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Да и упрям он ужасно и раздражителен.

— Да, — сказал Юрковский. — Такой... э-э... очень самостоятельный студент был. Да... очень. — Он как бы невзначай протянул руку к фотокорректуре и словно в рассеянности стал ее листать. — Да... э-э... интересно. А вот эту работу я у вас еще не видел, Владислав, — сказал он.

— Это моя последняя, — сказал Шершень улыбаясь. — Корректуру, вероятно, сам на Землю отвезу, когда в отпуск поеду. Парадоксальные результаты получены, Владимир Сергеевич. Просто изумительные. Вот взгляните...

Шершень обошел стол и нагнулся над Юрковским. В дверь постучали.

— Простите, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень и выпрямился. — Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись в три погибели, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, добродушный, очень справедливый юноша, умница и добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов только холодно кивнул ему, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Вот расчеты, — сказал он. — Коэффициенты поглощения.

Юрковский спокойно сказал:

— Что же это вы, Петр... э-э... не помню отчества, и поздороваться со мной не хотите?

Базанов медленно повернул к нему худое лицо и, прищурясь, поглядел в глаза.

— Прошу прощения, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Здравствуйте. Боюсь, я немного забылся.

— Боюсь, вы действительно немного забылись, Базанов, — негромко произнес Шершень.

Базанов пожал плечами и вышел, захлопнув за собой люк. Юрковский резко выпрямился, и его вынесло из-за стола. Шершень поймал его за руку.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, товарищ генеральный инспектор, — сказал он смеясь. — Это вам не «Тахмасиб».

Юрковский смотрел на закрытый люк. «Неужели это Базанов?» — с удивлением думал он.

Шершень стал серьезен.

— Вы не удивляйтесь поведению Базанова, — сказал он. — Мы с ним повздорили из-за этих коэффициентов поглощения. Он полагает ниже своего достоинства считать коэффициенты поглощения и уже двое суток терроризирует всю обсерваторию.

Юрковский сдвинул брови, пытаясь вспомнить. Затем он махнул рукой.

— Не будем об этом, — сказал он. — Давайте, Владислав, показывайте ваши парадоксы.

...От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий трос. Юра неторопливо и осторожно двигался вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что период подготовки в условиях невесомости не прошел для него даром. Впереди, шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна и вообще самый крупный спутник в Солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Колец с Дионы видно не было. Юра увидел только тонкий серебристый луч, режущий серп пополам. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рея.

Михаил Антонович подождал Юру, и они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параблоиды антенн, похожие на исполинские блюдца. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович сказал:

— Я, Юрик, пойду в библиотеку, а ты здесь прогуляйся, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься... А часа через два встретимся... Или возвращайся прямо на корабль...

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнитными подковами, пошел по коридору налево. Юра пошел направо. Коридор был круглый, облицованный матовым пластиком, только под ногами лежала неширокая стальная дорожка, исцарапанная подковами. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и нагретым металлом.

Юра прошел мимо открытого люка. Там никого не было, только мигали цветные огоньки на пультах. «Тихо как, — подумал Юра. — Никого не видно и не слышно». Он свернул в поперечный коридор и услышал музыку. Кто-то где-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. «Неужели и на Рее так?» — подумал вдруг Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и пели. Ему стало грустно. Потом он подумал, что все сейчас, должно быть, на работе, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что люди не могут не скучать в круглых пустых коридорах — здесь ли или на других далеких планетах. Вероятно, виновата была гитара.

Вдруг кто-то злобно сказал над самым ухом:

— А вот это уже тебя не касается! Понимаешь? Совершенно не касается!

Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Другой голос, мягкий и извиняющийся, сказал:

— Я не имел в виду ничего плохого, Виталий. Ведь это действительно не нужно ни тебе, ни ей, ни Владиславу Кимовичу. Никому это не нужно. Я только хотел сказать...

Злобный голос перебил:

— Я уже слышал, и надоело! И отстаньте вы от меня с вашим Авериным, не лезьте в мои дела! Я прошу только одного: дайте мне отработать мои три года — и провалитесь вы в самые глубокие тартарары...

Слева от Юры распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихры его были взъерошены, покрасневшее лицо перекошено. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я... — сказал Юра, — я с «Тахмасиба».

— А, — с отвращением сказал беловолосый. — Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары! Провалитесь вы все...» Юра холодно спросил ему вслед:

— Вы что, палец прищемили, юноша?

Беловолосый не обернулся.

«Ну и ну, — подумал Юра. — Здесь совсем не так скучно».

Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет не без изящества. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да, — сказал Юра.

— С Владимиром Сергеевичем Юрковским? Здравствуйте. — Человек протянул руку. — Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, — сказал Юра. — Я здесь проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и прохладная.

— Юрий Бородин, — сказал Юра.

— Очень приятно, — сказал Кравец и отпустил Юрину руку. — Так вы проездом. Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не знаю, — сказал Юра.

Румяное лицо Анатолия Кравца стало совсем печальным.

— Ну конечно, откуда вам знать... Тут у нас, знаете ли, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Месяц, — неохотно сказал Юра. Он уже понял, что Кравец ему не нравится. Может быть, потому, что он говорил с белобрысым извиняющимся голосом. Или потому, что все время задавал вопросы.

— А я его знаю больше, — сказал Кравец. — Я у него учился. — Он вдруг спохватился. — Что же мы тут стоим? Заходите!

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стояли матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько небольших электрических машин для ручных вычислений.

— Это наш мозг, — сказал Кравец. — Присаживайтесь.

Юра остался стоять. Молчание затянулось.

— На «Тахмасибе» тоже такая же машина, — сообщил Юра.

— Сейчас все наблюдают, — заговорил Кравец. — Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы... — Он махнул рукой и засмеялся. — Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея, и каждый почитает другого дураком. Объясняются через меня. И мне же от обоих попадает.

Кравец замолчал и выжидательно посмотрел на Юру.

— Что ж, — сказал Юра, глядя в сторону. — Бывает.

Конечно, подумал он, никому неохота сор из избы выносить.

— Нас здесь мало, — сказал Кравец, — все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже занят. Так что на первый взгляд может показаться, что у нас очень скучно. А на самом деле мы круглыми сутками сидим каждый со своей работой.

Он снова выжидательно поглядел на Юру. Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас тут действительно пусто немножко. Только где-то гитара играет.

— А, — сказал Кравец, улыбаясь, — это наш Дитц погрузился в размышления.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это, Зиночка, Юрий Бородин, он прибыл вместе с Владимиром Сергеевичем Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Юра старался сообразить, ко всем ли прибывшим на «Тахмасиб» с Юрковским работники обсерватории относятся так странно. Он взглянул на Кравца. Кравец смотрел на Зину и, кажется, что-то подсчитывал. Зина молча перебирала листки. Когда она придвинула к себе электрическую машину и стала звонко шелкать цифровыми клавишами, Кравец обернулся к Юре и сказал:

— Ну что, Юра, хотите...

Его прервало мягкое пение радифонного вызова. Он извинился и поспешно вытащил из кармана радифон.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Он в библиотеке.

Кравец взглянул на Юру.

— У меня... — начал он.

Голос в радиэфоне стал вдруг далеким.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич... Да-да, схемы я приготовил...

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радифон в карман и нерешительно поглядел на Зину и на Юру.

— Мне придется уйти, — сказал он. — Директор просит меня помочь нашему атмосфернику... Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича, надо принять его получше.

Зина не ответила. Она словно не слышала Кравца и только низко опустила лицо над машиной. Кравец улыбнулся Юре грустной улыбкой, поднял брови, слегка развел руками и вышел.

Юра отошел к пульту и украдкой взглянул на девушку. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Что все это значит: «Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?» «Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича». «Провалитесь вы все в тартарары!» Юра чувствовал, что все это означает что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться. Уйти и оставить все в таком же положении было решительно невозможно. Он опять посмотрел на Зину. Девушка прилежно работала. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. «Да ее же обидели! — подумал вдруг он. — Ясно как Солнце, что ее обидели. Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват, — машинально вспомнил он. — Ну ладно...»

— Это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза.

Юра храбро сказал:

— Вот именно, это.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите, — спросила она, — вы будете работать у нас?

— Нет, — сказал Юра и подошел вплотную к столу. — Я не буду у вас работать. Я здесь проездом. Я спешу на Рею. Не на ту рею, на которой вешали пиратов, а на спутник Сатурна. И никакой я не друг Владимира Сергеевича, а просто мы слегка знакомы. И я не любимчик. Я вакуум-сварщик.

Она провела ладонью по лицу.

— Погодите, — пробормотала она. — Вакуум-сварщик? Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы и нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что каким-то непостижимым образом это имеет огромное значение, и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще так не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите, — сказала девушка. — Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала... Не знаю. Это не важно.

Юра обошел стол и остановился рядом с нею, глядя на нее сверху вниз.

— Рассказывайте, — потребовал он.

— Что?

— Все. Все, что здесь делается.

И вдруг Юра увидел, как на блестящую полированную поверхность стола закапали частые капли. У него подкатил ком к горлу.

— Ну вот еще, — сердито сказал он.

Зина затрясла головой, и брызги полетели в разные стороны. Он испуганно оглянулся на люк и грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам... бы... так, — проговорила она.

Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытирать щеки.

— Опять глаза красные будут, — сказала она почти спокойно. — Опять он за обедом будет спрашивать: «В чем дело, Зинаида? Когда же кончатся ваши эмоции?»

— Кто это вас? — тихо спросил Юра. — Кравец? Так я пойду и сейчас набью ему морду, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться. Затем она спросила:

— Слушайте, вы правда вакуум-сварщик?

— Правда. Только, пожалуйста, не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

— А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Какого протеже? — изумился Юра.

— У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика...

— Что за чушь? — сказал Юра. — На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну конечно, правда! И вообще — у Юрковского любимцы! Это же надо придумать! Кто это вам сказал? Кравец?

Она опять помотала головой.

— Хорошо. — Юра нашарил ногой табурет и сел. — Вы все-таки рассказывайте. Все рассказывайте. Кто вас обидел?

— Никто, — сказала она тихо. — Я просто плохой работник. Да еще с неуравновешенной психикой. — Она невесело усмехнулась. — Наш директор вообще против женщин на обсерватории. Спасибо, что хоть не сразу на Планету вернул. Со стыда бы сгорела. На Земле пришлось бы менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть и ничего не получается, зато я на обсерватории, у мощного ученого. Я ведь люблю все это. — Она судорожно глотнула. — Ведь я думала, что у меня призвание...

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело?

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь, — сказала она.

— Как это может быть?

— Не знаю.

Юра прикусил губу и задумался.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте, Зина, ну, а другие как же?

— Кто?

— Другие ребята...

Зина судорожно вздохнула.

— Они здесь стали совсем другие, чем на Земле. Базанов всех ненавидит, а эти два дурачка вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают...

— А Кравец?

— Кравец — холуйчик, — равнодушно сказала она. — Ему на все наплевать. — Она вдруг растерянно посмотрела на него. — Только вы никому не говорите того, что я вам здесь рассказала. Ведь мне совсем житья не будет. Начнутся всякие укоризненные замечания, общие рассуждения о сущности женской натуры...

Юра сузившимися глазами смотрел на нее.

— Как же так? — сказал он. — И никто об этом не знает?

— А кому это интересно? — Она жалко улыбнулась. — Ведь мы — лучшая из дальних обсерваторий...

Люк распахнулся. Давешний беловолосый парень просунулся по пояс в комнату, уставился на Юру, неприятно сморщив нос, затем взглянул на Зину и снова уставился на Юру. Зина встала.

— Познакомьтесь, — сказала она дрожащим голосом. — Это Свирский, Виталий Свирский, астрофизик. А это Юрий Бородин...

— Сдаешь дела? — неприятным голосом осведомился Свирский. — Ну, не буду мешать.

Он стал закрывать люк, но Юра поднял руку.

— Одну минуту, — сказал он.

— Хоть пять, — любезно осклабился Свирский. — Но в другой раз. А сейчас мне не хочется нарушать ваш тет-а-тет, коллега.

Зина негромко охнула и прикрыла лицо рукой.

— Я тебе не коллега, дурак, — тихо сказал Юра и пошел на Свирского. Свирский бешеными глазами глядел на него. — И я буду говорить с тобой сейчас, понял? А сначала ты извинишься перед девушкой, скотина этакая.

Юра был в пяти шагах от люка, когда Свирский, зверски выпятив челюсть, полез в комнату ему навстречу.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял, прислонившись к двери в рубку. Юрковский, сцепив пальцы, сидел за столом. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую руку.

— ...И поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал столько гадостей о людях. Все гадкие, дурные, один Базанов хороший. Шершень, видите ли, тиран и диктатор, всех измотал, нагло диктует свою волю, а кто ему не подчиняется, тому творческой работы не видать на обсерватории как своих ушей. Все его боятся. Был один

смелый человек на Дионе, Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Нет-нет, Базанов не отрицает научных заслуг Шершня, он, видите ли, даже восхищается ими, и в том, что обсерватория пользуется такой славой, заслуга именно Шершня, но зато, видите ли, внутри там царит упадок нравов. У Шершня есть специальный осведомитель и провокатор, некий бездарь Кравец. Этот Кравец, видите ли, везде подслушивает, а потом наушничает, а потом по указанию директора распространяет слухи и всех между собой ссорит. Так сказать, разделяй и властвуй. Кстати, пока мы беседовали, этот несчастный Кравец зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов накричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой милый, симпатичный юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не мог сдержаться и здорово отчитал Базанова. Я ему прямо сказал: «Что же вы, Петя? Разве можно?»

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну вот, — продолжал он. — Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он не выносит, когда кто-нибудь за кем-нибудь ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница Зина, астрофизик, так он приклеил к ней сразу двух кавалеров да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки... Причем сам, заметьте, добавляет, что это только слухи, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Мало того, что Базанов склочничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки... У меня волосы дыбом вставали, когда я это слышал! Вообрази, Володенька... Знаешь, кого он считает главным виновником всего этого?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрковский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом. — Я прямо ушам не поверил! Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, чтобы их там пристроить! Набил все обсерватории в космосе своими протеже-недоучками, а простых работников, придравшись к мелочи, увольняет и возвращает на Землю. Всюду насадил своих ставленников, вроде Шершня! Я этого уже не выдержал. Я ему сказал! «Извините, — говорю, — голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах».

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков принялся расхаживать по кают-компани.

— Так, — сказал Юрковский. — Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович гордо сказал:

— Я больше не мог его слушать. Я не мог слышать, как обливают грязью тебя, Володенька, и коллектив лучшей дальней обсерватории. Я встал, язвительно попрощался и ушел. Надеюсь, ему сделалось стыдно.

Юрковский сидел, опустив глаза. Быков сказал с усмешкой:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Я на твоём месте, Володенька, принял бы меры, — сказал Михаил Антонович. — Базанова надо вернуть на Землю без права работать на внеземных станциях. Такие люди ведь очень опасны, Володенька, ты сам знаешь...

Юрковский сказал, не поднимая глаз:

— Хорошо. Спасибо, Михаил. Меры принять придется.

Жилин тихо сказал:

— Может быть, он просто устал?

— Кому от этого легче? — сказал Быков.

— Да, — сказал Юрковский и тяжело вздохнул. — Базанова придется убрать.

В коридоре послышался торопливый стук магнитных подков.

— Юра возвращается, — сказал Жилин.

— Что ж, давайте обедать, — сказал Быков. — Ты с нами обедаешь, Владимир?

— Нет. Я обедаю у Шершня. Мне еще о многом надо договориться с ним.

Жилин стоял у входа в рубку и первым увидел Юру. Он вытаращил глаза и поднял брови. Тогда к Юре обернулись все остальные.

— Что это значит, стажер? — осведомился Быков.

— Что с тобой, Юрик? — воскликнул Михаил Антонович.

Выглядел Юра предосудительно. Левый глаз был залит красно-синим синяком, нос деформировался, губы распухли и почернели. Левую руку он держал несколько на весу, пальцы правой были облеплены пластырями. Спереди на куртке виднелись наспех замытые темные пятна.

— Я дрался, — хмуро ответил Юра.

— С кем вы дрались, стажер?

— Я дрался со Свирским.

— Кто это?

— Это один молодой астрофизик на обсерватории, — нетерпеливо пояснил Юрковский. — Почему вы подрались, кадет?

— Он оскорбил девушку, — сказал Юра. Он глядел прямо в глаза Жилину. — Я потребовал, чтобы он извинился.

— Ну?

— Ну и мы подрались.

Жилин едва заметно одобрительно кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глубоко засунув руки в карманы халата.

— Я так понимаю, кадет, — сказал он холодно, — что вы устроили в обсерватории мерзкий дебош.

— Нет, — сказал Юра.

— Вы избili сотрудника обсерватории.

— Да, — сказал Юра. — Но я не мог иначе. Я должен был заставить его извиниться.

— Заставил? — быстро спросил Жилин.

Юра поколебался немного, затем сказал уклончиво:

— В общем, он извинился. Потом.

Юрковский раздраженно сказал:

— А, черт, при чем тут это, Иван!

— Извините, Владимир Сергеевич, — смиренно сказал Иван.

Юрковский снова повернулся к Юре.

— Все равно это был дебош, — сказал он. — Так это выглядит, во всяком случае. Послушайте, кадет, я охотно верю, что вы действовали из самых лучших побуждений, но вам придется извиниться.

— Перед кем? — сейчас же спросил Юра.

— Во-первых, разумеется, перед Свирским.

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы должны будете извиниться перед директором обсерватории.

— Нет! — сказал Юра.

— Придется.

— Нет.

— Что значит нет? Вы устроили драку в его обсерватории. Это отвратительно. И вы отказываетесь извиниться?

— Я не стану извиняться перед подлецом, — ровным голосом сказал Юра.

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и качал головой. Юрковский с изумлением глядел на Юру.

Жилин вдруг оттолкнулся от стены, подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович, — сказал он. — Мне кажется, надо дать Бородину рассказать все по порядку.

— А кто ему мешает? — сердито сказал Быков. Было видно, что он очень недоволен всем происходящим.

— Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

— Что тут рассказывать? — тихо начал Юра. Затем он закричал: — Это надо видеть! И слышать! Этих дураков надо немедленно спасать! Вы говорите — обсерватория, обсерватория! А это притон! Здесь люди плачут, понимаете? Плачут!

— Спокойно, кадет, — сказал Юрковский.

— Я не могу спокойно! Вы говорите — извиняться... Я не стану извиняться перед инквизитором! Перед мерзавцем, который науськивает дураков друг на друга и на девушку! Куда вы смотрите, генеральный инспектор? Все это заведение пора давно эвакуировать на Землю, они скоро на четвереньки станут, начнут кусаться!

— Успокойся и расскажи по порядку, — сказал Жилин.

И Юра рассказал. Как он встретился с Зиной Шатровой, и как она плакала, и как он понял, что необходимо вмешаться немедленно, и он начал со Свирского, который до того оброс шерстью, что верил всяким гадостям о любимой девушке. Как он заставил Аверина со Свирским «поговорить по душам», и как выяснилось, что Свирский никогда не называл Аверина бездарью и подхалимом и что Аверин даже не подозревал, что его неоднократно выводили ночью из комнаты Зиной. Как отобрали у контролера Дитца гитару и узнали, что он никогда не распускал слухов про Базанова и Таню Оленину... И как сразу обнаружилось, что все это проделки Кравца и что Шершень не может не знать о них, и он-то и есть главный негодяй...

— Ребята прислали меня к вам, Владимир Сергеевич, чтобы вы что-нибудь сделали. И вы лучше что-нибудь сделайте, иначе они сами сделают... Они уже готовы.

Юрковский сидел в кресле за столом, и лицо у него было такое старое и жалкое, что Юра остановился и растерянно оглянулся на Жилина. Но Жилин опять еле заметно кивнул.

— За эти слова вы тоже ответите, — процедил сквозь зубы Шершень.

— Замолчи! — закричал маленький смуглый Аверин, сидевший рядом с Юрой. — Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжил:

— Все это до того омерзительно, что я вообще исключал возможность такого явления, и понадобилось вмешательство постороннего человека, мальчишки, чтобы... Да. Омерзительно. Я не ждал этого от вас, молодые. Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган. И вы согнулись, озверели, потеряли человеческий облик. Молодые, веселые, честные ребята... Какой стыд!

Юрковский сделал паузу и оглядел астрономов. Все это сейчас зря, подумал он. Им не до меня. Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца.

— Ладно. Нового директора вам пришлют с Титана. Два дня можете митинговать и думать. Думайте. Вы, бедные и слабые, вам говорю: думайте! А сейчас идите.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо качаясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство, — сипло сказал он. — Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, Шершень, — сказал он. — На вашем месте я бы застрелился.

12. «Кольцо-1». Баллада об одноногом пришельце

— Знаешь, — сказал Быков, глядя на Юрковского поверх очков и поверх «Физики металлов», — а ведь Шершень, пожалуй, считает себя незаслуженно оскорбленным. Как-никак лучшая обсерватория и так далее...

— Шершень меня не интересует, — сказал Юрковский. Он захлопнул бювар и потянулся. — Меня интересует, как могли эти ребята дойти до такой жизни... А Шершень — прах, мелочь.

Несколько минут Быков размышлял.

— И как же, по-твоему? — спросил наконец он.

— У меня есть одна теория... Вернее, гипотеза. Я полагаю, что у них уже исчез необходимый в прошлом иммунитет к социально вредному, но еще не исчезли их собственные антиобщественные задатки.

— Попроще, — сказал Быков.

— Пожалуйста. Возьмем тебя. Что бы ты сделал, если бы к тебе подошел сплетник и сказал, что... э-э... скажем, Михаил Крутиков ворует и продает продовольствие? Ты повидал на своем веку много сплетников, знаешь им цену, и ты бы сказал ему... э-э... удалиться. Теперь возьмем нашего кадета. Что бы он сделал, если бы ему сказали... э-э... ну, скажем, то же самое? Он бы принял все за чистую монету и моментально помчался бы к Михаилу объясняться. И сразу же понял бы, что это чепуха, вернулся бы и... э-э... побил бы негодяя.

— Ага, — с удовольствием сказал Быков.

— Ну так вот. А наши друзья на Дионе — это уже не ты, но еще и не кадет. Они принимают гадость за чистую монету, но неистраченные запасы ложной гордости мешают им пойти и все выяснить.

— Что ж, — сказал Быков. — Может быть, что и так.

Вошел Юра, сел на корточках перед открытым книжным шкафом и стал выбирать себе книгу на вечер. События на Дионе совсем выбили его из колеи, и он все никак не мог прийти в себя. Прощание с Зиной Шатровой было молчаливым и очень трогательным. Зина и подавно не успела прийти в себя. Правда, она уже улыбалась. Юре очень хотелось остаться на Дионе до тех пор, пока Зина не начнет смеяться. Он был уверен, что сумел бы развеселить ее, в какой-то мере помочь ей забыть о страшных днях владычества Шершня. Он очень жалел, что остаться нельзя. Зато в коридоре он поймал белобрысого Свирского и потребовал, чтобы с Зиной здесь были особенно внимательны. Свирский бешено взглянул на него и невпопад ответил: «Морду мы ему еще набьем».

— Э... Алексей, — сказал Юрковский. — Я никому не помешаю в рубке?

— Ты генеральный инспектор, — сказал Быков. — Кому же ты можешь помешать?

— Я хочу связаться с Титаном, — сказал Юрковский. — И вообще послушать эфир.

— Валяй, — сказал Быков.

— А мне можно? — спросил Юра.

— И тебе можно, — сказал Быков. — Всем все можно.

Утром Быков дочитал последний журнал, долго и внимательно разглядывал обложку и даже, кажется, посмотрел, каков тираж. Затем он вздохнул, отнес журнал в свою каюту, а когда вернулся, Юра понял, что «парень достругал палочку до конца». Быков был теперь очень ласков, словоохотлив и всем все позволял.

— Пойду-ка и я с вами, — сказал Быков.

Все втроем они ввалились в рубку. Михаил Антонович изумленно поглядел на них со своего пьедестала, расплылся в улыбке и помахал им ручкой.

— Мы тебе мешать не будем, — сказал Быков. — Мы на рацию.

— Только смотрите, мальчики, — предупредил Михаил Антонович, — через полчаса невесомость.

По требованию Юрковского «Тахмасиб» шел к станции «Кольцо-1», искусственному спутнику Сатурна, движущемуся вблизи Кольца.

— А нельзя ли без невесомости? — капризно спросил Юрковский.

— Видишь ли, Володенька, — виновато ответил Михаил Антонович, — очень тесно здесь «Тахмасибу». Все время приходится маневрировать.

Они прошли мимо Жилина, копавшегося в комбайне контроля, и сели перед рацией. Быков принялся манипулировать верньерами. В динамике завывало и заверещало.

— Музыка сфер, — прокомментировал позади Жилин. — Подключите дешифратор, Алексей Петрович.

— Да, действительно, — сказал Быков. — Я почему-то решил, что это помехи.

— Радист, — презрительно сказал Юрковский.

Динамик вдруг заорал неестественным голосом: «...минут слушайте концерт Александра Блюмберга, ретрансляция с Земли. Повторяю...»

Голос уплыл и сменился сонным похрапыванием. Потом кто-то сказал: «...чем не могу помочь. Придется вам, товарищи, подождать». — «А если мы пришлем свой бот?» — «Тогда ждать придется меньше, но все-таки придется». Быков включил самонастройку, и стрелка поползла по шкале, ненадолго задерживаясь на каждой работающей станции: «...восемьдесят гектаров селеновых батарей для оранжереи, сорок километров медного провода шесть сотых, двадцать километров...», «...масла нет, сахару нет, осталось сто пачек «Геркулеса», сухари и кофе. Да, и еще сигарет нет...», «...And hear me? I'm not going to stand this impudence... Hear me? I'm...»¹, «Ку-два, ку-два, ничего не понял... Что у него за рация?.. Ку-два, даю настройку. Раз, два, три...», «...очень соскучилась. Когда же ты вернешься? И почему не пишешь? Целую, твоя Анна. Точка», «...Чэн, не пугайся, это очень просто. Берешь объемный интеграл по гиперболоиду до «ц»...», «Седьмой, седьмой, для вас очищен третий сектор. Седьмой, выходите на посадку в третий сектор...», «...Саша, ходят слухи, что какой-то генеральный инспектор прилетел. Чуть ли не сам Юрковский...».

— Хватит, — сказал Юрковский. — Ищи Титан. Паршивцы, — проворчал он. — Уже знают.

— Интересно, — глубокомысленно сказал Быков. — Всего-то их в системе Сатурна полтора человека, а сколько шуму...

Рация крякала и подвывала. Быков настроился и стал говорить в микрофон:

— Титан, Титан. Я «Тахмасиб». Титан. Титан.

— Титан слушает, — сказал женский голос.

— Генеральный инспектор Юрковский вызывает директора системы. — Быков весело посмотрел на Юрковского. — Я правильно говорю, Володя? — спросил он.

Юрковский благосклонно покивал.

— Алло, алло, «Тахмасиб»! — Женский голос стал немножко взволнованным. — Подождите минуту, я соединю вас с директором.

— Ждем, — сказал Быков и пододвинул микрофон к Юрковскому.

Юрковский откашлялся.

— Лизочка! — закричал кто-то в динамике. — Дай-ка мне директора, голубчик! Быстренько!

— Освободите частоту, — строго сказал женский голос. — Директор занят.

— Как это занят? — оскорбленно сказал голос. — Ференц, это ты? Опять без очереди?

— Освободите частоту, — строго сказал Юрковский.

— Всем освободить частоту, — раздался медлительный скрипучий голос. — Директор слушает генерального инспектора Юрковского.

¹ ...И слышите? Я не намерен терпеть эту наглость... Слышите? Я... (англ.)

— Ух ты... — испуганно сказал кто-то. Юрковский самодовольно посмотрел на Быкова.

— Зайцев, — сказал он. — Здравствуй, Зайцев.

— Здравствуй, Володя, — проскрипел директор. — Какими судьбами?

— Я... э-э... слегка инспектирую. Прибыл вчера. Прямо на Диону. Шершня я снял. Подробности после. Значит, сделаем... э-э... так. На смену Шершню пришли Мюллера. Шершня постарайся как можно скорее отправить на Землю. Шершня и еще там одного. Кравец его фамилия. Из молодых, да ранний. За отправкой проследи лично. И учти, что я тобой недоволен. С этим делом... э-э... ты мог бы справиться сам, и гораздо раньше. Далее... — Юрковский замолчал. В эфире царила почтительная тишина. — Я наметил себе следующий маршрут. Сейчас я иду к «Кольцу-1». Задержусь там на двое-трое суток, а затем загляну к тебе на Титан. Прикажи там, чтобы приготовили горючее для «Тахмасиба». И, наконец, вот что. — Юрковский опять замолчал. — У меня на борту находится один юноша. Это вакуум-сварщик. Один из группы добровольцев, что работают у тебя на Рее. Будь добр, посоветуй, где я его могу высадить, чтобы его немедленно отправили на Рею. — Юрковский снова замолчал. В эфире было тихо. — Так я слушаю тебя, — сказал Юрковский.

— Одну минуту, — сказал директор. — Сейчас здесь наводят справки. Ты что, на «Тахмасибе»?

— Да, — сказал Юрковский. — Вот тут со мной рядом Алексей.

Михаил Антонович крикнул из штурманской:

— Привет Феденьке, привет!

— Вот Миша тебе привет передает.

— А Григорий с тобой?

— Нет, — сказал Юрковский. — А ты разве не знаешь?

В эфире молчали. Потом скрипучий голос осторожно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, — сказал Юрковский. — Ему просто запретили летать. Вот уже год.

В эфире вздохнули.

— Да-а, — сказал директор. — Вот скоро и мы так же.

— Надеюсь, еще не скоро, — сухо сказал Юрковский. — Ну, как там твои справки?

— Так, — сказал голос. — Минутку. Слушай. На Рею твоему сварщику лететь не нужно. Добровольцев мы перебросили на «Кольцо-2». Там они нужнее. На «Кольцо-2», если повезет, отправишь его прямо с «Кольца-1». А если не повезет — отправим его отсюда, с Титана.

— Что значит — повезет, не повезет?

— Два раза в декаду на Кольцо ходят швейцарцы, возят продовольствие. Возможно, ты застанешь швейцарский бот на «Кольце-1».

— Понимаю, — сказал Юрковский. — Ну что ж, хорошо. У меня к тебе пока больше ничего нет. До встречи.

— Спокойной плазмы, Володя, — сказал директор. — Не провалитесь там в Сатурн.

— Тьфу на тебя, — проворчал Быков и выключил рацию.

— Ясно, кадет? — спросил Юрковский.

— Ясно, — сказал Юра и вздохнул.

— Ты что, недоволен?

— Да нет, работать все равно где, — сказал Юра. — Не в этом дело.

Обсерватория «Кольцо-1» двигалась в плоскости Кольца Сатурна по круговой орбите и делала полный оборот за четырнадцать с половиной часов. Станция была молодая, ее постройку закончили всего год назад. Экипаж ее состоял из десяти планетологов, занятых исследованием Кольца, и четырех инженер-контролеров. Работы у инженер-контролеров было очень много: некоторые агрегаты и системы обсерватории —

обогреватели, кислородные регенераторы, гидросистема — еще не были окончательно отрегулированы. Неудобства, связанные с этим, нимало не смущали планетологов, тем более что большую часть времени они проводили в космоскафах, плавая над Кольцом. Работе планетологов Кольца придавалось большое значение в системе Сатурна. Планетологи рассчитывали найти в Кольце воду, железо, редкие металлы — это дало бы системе автономность в снабжении горючим и материалами. Правда, даже если бы эти поиски увенчались успехом, воспользоваться такими находками пока не представлялось возможным. Не был еще создан снаряд, способный войти в сверкающие толщи колец Сатурна и вернуться оттуда невредимым.

Алексей Петрович Быков подвел «Тахмасиб» к внешней линии доков и осторожно пришвартовался. Подход к искусственным спутникам — дело тонкое, требующее мастерства и ювелирного изящества. В таких случаях Алексей Петрович вставал с кресла и сам поднимался в рубку. У внешних доков уже стоял какой-то бот, судя по обводам — продовольственный танкер.

— Стажер, — сказал Быков. — Тебе повезло. Собирай чемодан.

Юра промолчал.

— Экипаж отпускаю на берег, — объявил Быков. — Если пригласят к ужину — не увлекайтесь. Здесь вам не отель. А лучше всего захватите с собой консервы и минеральную воду.

— Увеличим круговорот, — вполголоса сказал Жилин.

Снаружи послышался скрип и скрежет — это дежурный диспетчер прилаживал к внешнему люку «Тахмасиба» герметическую перемышку. Через пять минут он сообщил по радио:

— Можно выходить. Только одевайтесь потеплее.

— Это почему? — осведомился Быков.

— Мы регулируем кондиционирование, — ответил дежурный и дал отбой.

— Что значит — теплее? — возмутился Юрковский. — Что надевать? Фланель? Или как это там называлось — валенки? Стеганки? Ватники?

Быков сказал:

— Надевай свитер. Надевай теплые носки. меховую куртку неплохо надеть. С электроподогревом.

— Я надену джемпер, — сказал Михаил Антонович. — У меня есть очень красивый джемпер. С парусом.

— А у меня ничего нет, — грустно сказал Юра. — Могу вот надеть несколько безрукавок.

— Безобразие, — сказал Юрковский. — У меня тоже ничего нет.

— Надень свой халат, — посоветовал Быков и отправился к себе в каюту.

В обсерваторию они вступили все вместе, одетые очень разнообразно и тепло. На Быкове была гренландская меховая куртка. Михаил Антонович тоже надел куртку и натянул на ноги унты. Унты были лишены магнитных подков, и Михаила Антоновича тащили, как привязной аэростат. Жилин натянул свитер и один свитер дал Юре. Кроме того, на Юре были меховые штаны Быкова, которые он затащил под мышками. Меховые штаны Жилина были на Юрковском. И еще на Юрковском были джемпер Михаила Антоновича с парусом и очень красивый белый пиджак.

В кессоне их встретил дежурный диспетчер в трусах и майке. В кессоне была душливая жара, как в шведской бане.

— Здравствуйте, — сказал диспетчер. Он оглядел гостей и нахмурился. — Я же сказал: одеться потеплее. Вы же замерзнете в ботинках.

Юрковский зловеще сказал:

— Вы что, молодой человек, шутки со мной хотите шутить?

Диспетчер непонимающе посмотрел на него.

— Какие там шутки? В кают-компани минус пятнадцать.

Быков вытер со лба пот и проворчал:

— Пошли.

Из коридора пахнуло ледящим холодом, ворвались клубы пара. Диспетчер, обхватив себя руками за плечи, завопил:

— Да поскорее же, пожалуйста!

Обшивка коридора была местами разобрана, и желтая сетка термоэлементов бесстыдно блестела в голубоватом свете. Возле кают-компания они столкнулись с инженер-контролером. Инженер был в невообразимо длинной шубе до пяток, из-под которой проглядывала голубая майка. На голове инженера красовалась ушанка с торчащими ушами.

Юрковский зябко повел плечами и открыл дверь в кают-компанию.

В кают-компания за столом сидели, пристегнувшись к стульям, пять человек в шубах с поднятыми воротниками. Они были похожи на будочников времен Алексея Тишайшего и сосали горячий кофе из прозрачных термосов. При виде Юрковского один из них отогнул воротник и, выпустив облако пара, сказал:

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич. Что-то вы легко оделись. Садитесь. Кофе?

— Что у вас тут делается? — спросил Юрковский.

— Мы регулируем, — сказал кто-то.

— А где Маркушин?

— Маркушин ждет вас в космоскафе. Там тепло.

— Проводите меня, — сказал Юрковский.

Один из планетологов поднялся и выплыл с Юрковским в коридор. Другой, долговязый вихрастый парень, сказал:

— Скажите, среди вас больше нет генеральных инспекторов?

— Нет, — сказал Быков.

— Тогда я вам прямо скажу: собачья у нас жизнь. Вчера по всей обсерватории была температура плюс тридцать, а в кают-компания даже плюс тридцать три. Ночью температура внезапно упала. Лично я отморозил себе пятку, работать при таких перепадах температуры никому неохота, поэтому работаем мы по очереди в космоскафах. Там автономное кондиционирование. У вас так не бывает?

— Бывает, — сказал Быков. — Во время аварий.

— И это вы так целый год живете? — с ужасом и жалостью спросил Михаил Антонович.

— Нет, что вы! Всего около месяца. Раньше перепады температур были не так значительны. Но мы организовали бригаду помощи инженерам, и вот... сами видите.

Юра старательно сосал горячий кофе. Он чувствовал, что замерзает.

— Бр-р-р, — сказал Жилин. — Скажите, а нет ли здесь какого-нибудь оазиса?

Планетологи переглянулись.

— Разве что в кессоне, — сказал один.

— Или в душевой, — сказал другой. — Но там сыро.

— Неуютно очень, — пожаловался Михаил Антонович.

— Ну вот что, — сказал Быков. — Пойдемте все к нам.

— И-эх, — сказал долговязый планетолог. — А потом опять сюда возвращаться?

— Пойдемте, пойдемте, — сказал Михаил Антонович. — Там и побеседуем.

— Как-то это не по правилам гостеприимства, — нерешительно сказал долговязый.

Наступило молчание. Юра сказал:

— Как мы забавно сидим — четыре на четыре. Прямо как шахматный матч.

Все посмотрели на него.

— Пошли, пошли к нам, — сказал Быков, решительно поднимаясь.

— Как-то это неловко, — сказал один из планетологов. — Давайте посидим у нас.

Может, еще разговоримся.

Жилин сказал:

— У нас тепло. Маленький поворот регулятора — и можно сделать жарко. Мы будем сидеть в легких красивых одеждах. Не будем шмыгать носами.

В кают-компанию просунулся угрюмый человек в шубе на голое тело. Глядя в потолок, он неприветливо сказал:

— Прошу прощения, конечно, но разошлись бы вы, в самом деле, по каютам. Через пять минут мы перекроем здесь воздух.

Человек скрылся. Быков, не говоря ни слова, двинулся к выходу.

— Пойдемте, что ли, — сказал долговязый планетолог. — Посмотрим хоть, как люди живут.

Планетологи поднялись и потянулись за Быковым. Юра слышал, как Михаил Антонович отчетливо стучит зубами.

В торжественном молчании они прошли коридор, захлебнулись горячим воздухом в пустом кессоне и вступили на борт «Тахмасиба». Долговязый планетолог проворно стащил с себя шубу и пиджак и принялся сматывать с шеи шарф.

Теплую амуницию запихали в стенной шкаф. Потом состоялись представления и взаимные пожимания ледяных рук. Долговязого планетолога звали Рафаил Горчаков. Остальные трое, как выяснилось, были Иозеф Влчек, Евгений Садовский и Павел Шемякин. Оттаяв, они оказались веселыми, разговорчивыми ребятами. Очень скоро выяснилось, что Горчаков и Садовский исследуют турбулентные движения в Кольце, не женаты, любят Грэма Грина и Строгова, предпочитают кино театру, в настоящий момент читают в подлиннике «Опыты» Монтеня, неореалистическую живопись не понимают, но не исключают возможности, что в ней что-то есть; что Иозеф Влчек ищет в Кольце железную руду методом нейтронных отражений и при помощи бомб-вспышек, что по профессии он скрипач, был чемпионом Европы по бегу на четыреста метров с барьерами, а в систему Сатурна попал, мстя своей девушке за холодность и нечуткое к нему отношение; что, наконец, Павел Шемякин, напротив, женат, имеет детей, работает ассистентом в Институте планетологии, яро выступает за гипотезу об искусственном происхождении Кольца и намерен «голову сложить, но превратить гипотезу в теорию».

— Вся беда в том, — горячо говорил он, — что наши космоскафы как исследовательские снаряды не выдерживают никакой критики. Они очень тихходны и очень непрочны. Когда я сижу в космоскафе над Кольцом, мне просто плакать хочется от обиды. Ведь рукой подать... А спускаться в Кольцо нам решительно запрещают. А я совершенно уверен, что первый же поиск в Кольце дал бы что-нибудь интересное. По крайней мере, какую-нибудь зацепку...

— Какую, например? — спросил Быков.

— Н-ну, я не знаю!..

— Я знаю, — сказал Горчаков. — Он надеется найти на каком-нибудь булыжнике след босой ноги. Знаете, как он работает? Опускается как можно ближе к Кольцу и рассматривает обломки в сорокакратный биноктар. А в это время сзади подбирается здоровенный астероид и бьет его под корму. Паша надевается глазами на биноктар, а пока он свинчивается, другой астероид...

— Ну и глупо, — сердито сказал Шемякин. — Если бы удалось доказать, что Кольцо — результат распада какого-то тела, это уже означало бы многое, а между тем ловлей обломков нам заниматься запрещено.

— Легко сказать — поймать обломок, — сказал Быков. — Я знаю эту работу. Весь в поту и так до конца и не знаешь, кто кого поймал, а потом выясняется, что ты сбил аварийную ракету и горючего у тебя не хватит до базы. Не-ет, правильно делают, что запрещают эту ерунду.

Михаил Антонович вдруг сказал, мечтательно закатив глаза:

— Но зато, мальчики, как это увлекательно! Какая это живая, тонкая работа!

Планетологи посмотрели на него с почтительным удивлением. Юра тоже. Ему никогда не приходило в голову, что толстый добрый Михаил Антонович занимался когда-

то охотой на астероиды. Быков холодно посмотрел на Михаила Антоновича и звучно откашлялся. Михаил Антонович испуганно оглянулся на него и торопливо заявил:

— Но это, конечно, очень опасно... Неоправданный риск... И вообще не надо...

— Кстати, о следах, — задумчиво сказал Жилин. — Вы тут далеки от источников информации, — он оглядел планетологов, — и, наверное, не знаете...

— А о чем речь? — спросил Садовский. По его лицу было видно, что он основательно изголодался по информации.

— На острове Хонсю, — сказал Жилин, — недалеко от бухты Данно-ура, в ущелье между горами Сираминэ и Титигатакэ, в непроходимом лесу археологи обнаружили систему пещер. В этих пещерах нашли множество первобытной утвари и — что самое интересное — много окаменевших следов первобытных людей. Археологи считают, что в пещерах двести веков назад обитали первояпонцы, потомки коих были впоследствии вырезаны племенами Ямато, ведомыми императором Дзимму-тэнно, божественным внуком небоблистающей Аमतэрасу.

Быков крикнул и взялся за подбородок.

— Эта находка всполошила весь мир, — сказал Жилин, — вероятно, вы слышали об этом.

— Где уж нам... — грустно сказал Садовский. — Живем как в лесу...

— А между тем об этом много писали и говорили, но не в этом дело. Самая любопытная находка была сделана сравнительно недавно, когда основательно расчистили центральную пещеру. Представьте себе: в окаменевшей глине оказалось свыше двадцати пар следов босых ног с далеко отставленными большими пальцами, и среди них... — Жилин обвел круглыми глазами лица слушателей. Юре было все ясно, но тем не менее эффектная пауза произвела на него большое впечатление. — След ботинка... — сказал Жилин обыкновенным голосом.

Быков поднялся и пошел из кают-компания.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Куда же ты?

— Я уже знаю эту историю, — сказал Быков не оборачиваясь. — Я читал. Я скоро приду.

— Ботинка? — переспросил Садовский. — Какого ботинка?

— Примерно сорок пятого размера, — сказал Жилин. — Рубчатая подошва, низкий каблук, тупой квадратный носок.

— Бред, — решительно сказал Влчек. — Утка.

Горчаков засмеялся и спросил:

— А не отпечаталась ли там фабричная марка «Скороход»?

— Нет, — сказал Жилин. Он покачал головой. — Если бы там была хоть какая-нибудь надпись! Просто след ботинка... Слегка перекрыт следом босой ноги — кто-то наступил позже.

— Ну это же утка! — сказал Влчек. — Это же ясно. Массовый отлов русалок на острове Мэн, дух Буонапарте, вселившийся в Массачусетскую счетную машину...

— Солнечные пятна расположены в виде чертежа Пифагоровой теоремы! — провозгласил Садовский. — Жители Солнца ищут контакта с МУКСом!

— Что-то ты, Ванюша, немножко... это... — сказал Михаил Антонович недоверчиво.

Шемякин молчал. Юра тоже.

— Я читал перепечатку из научного приложения к «Асахи симбун», — сказал Жилин. — Сначала я тоже думал, что это утка. В наших газетах такое сообщение не появлялось. Но статья подписана профессором Усодзуки — крупный ученый, я слышал о нем от японских ребят. Там он, между прочим, пишет, что хочет своей статьей положить конец потоку дезинформации, но никаких комментариев давать не собирается. Я понял так, что они сами не знают, как это объяснить.

— Отважный европеец в лапах разъяренных синантропов! — провозгласил Садовский. — Съеден целиком, остался только след ботинка фирмы «Шуз Маджестик».

Покупайте изделия «Шуз Маджестик», если хотите, чтобы после вас хоть что-нибудь осталось.

— Это были не синантропы, — терпеливо сказал Жилин. — Большой палец отличается даже на глаз. Профессор Усодзуки называет их нихонантропами.

Шемякин наконец не выдержал.

— А почему, собственно, обязательно утка? — спросил он. — Почему мы всегда из всех гипотез выбираем наивероятнейшие?

— Действительно, почему? — сказал Садовский. — Следы оставил, конечно, Пришелец, и первый контакт закончился трагически.

— А почему бы и нет? — сказал Шемякин. — Кто мог носить ботинок двести столетий назад?

— Елки-палки, — сказал Садовский. — Если говорить серьезно, то это след одного из археологов.

Жилин замотал головой.

— Во-первых, глина там совершенно окаменела. Возраст следа не вызывает сомнений. Неужели вы думаете, что Усодзуки не подумал о такой возможности?

— Тогда это утка, — упрямо сказал Садовский.

— Скажите, Иван, — сказал Шемякин, — а фотография следа не приводилась?

— А как же, — сказал Жилин. — И фотография следа, и фотография пещеры, и фотография Усодзуки... Причем учтите, у японцев самый большой размер сорок второй. От силы сорок третий.

— Давайте так, — сказал Горчаков. — Будем считать, что перед нами стоит задача построить логически непротиворечивую гипотезу, объясняющую эту японскую находку.

— Пожалуйста, — сказал Шемякин. — Я предлагаю — Пришелец. Найдите в этой гипотезе противоречие.

Садовский махнул рукой.

— Опять Пришелец, — сказал он. — Просто какой-нибудь бронтозавр.

— Проще предположить, — сказал Горчаков, — что это все-таки след какого-нибудь европейца. Какого-нибудь туриста.

— Да, это либо какое-нибудь неизвестное животное, либо турист, — сказал Влчек. — Следы животных имеют иногда удивительные формы.

— Возраст, возраст... — тихонько сказал Жилин.

— Тогда просто неизвестное животное.

— Например, утка, — сказал Садовский.

Вернулся Быков, солидно устроился в кресле и спросил:

— Н-ну, что тут у вас?

— Вот товарищи пытаются как-то объяснить японский след, — сказал Жилин. — Предлагаются: Пришелец, европеец, неизвестное животное.

— И что же? — сказал Быков.

— Все эти гипотезы, — сказал Жилин, — даже гипотеза о Пришельце, содержат одно чудовищное противоречие.

— Какое? — спросил Шемякин.

— Я забыл вам сказать, — сказал Жилин. — Площадь пещеры — сорок квадратных метров. След ботинка находится в самой середине пещеры.

— Ну и что же? — спросил Шемякин.

— И он один, — сказал Жилин.

Некоторое время все молчали.

— Н-да, — сказал Садовский. — Баллада об одноногом Пришельце.

— Может, остальные следы стерты? — предположил Влчек.

— Абсолютно исключено, — сказал Жилин. — Двадцать пар совершенно отчетливых следов босых ног по всей пещере и один отчетливый след ботинка посередине.

— Значит, так, — сказал Быков. — Пришелец был одноногий. Его принесли в пещеру, поставили вертикально и, выяснив отношения, съели на месте.

— А что? — сказал Михаил Антонович. — По-моему, логически непротиворечиво. А?

— Плохо, что он одноногий, — задумчиво сказал Шемякин. — Трудно представить одноногое разумное существо.

— Возможно, он был инвалид? — предположил Горчаков.

— Одну ногу могли съесть сразу, — сказал Садовский.

— Бог знает какой ерундой мы занимаемся, — сказал Шемякин. — Пойдемте работать.

— Нет уж, извини, — сказал Влчек. — Надо расследовать. У меня есть такая гипотеза: у Пришельца был очень широкий шаг. Они все там такие ненормально длинноногие.

— Он бы разбил себе голову о свод пещеры, — возразил Садовский. — Скорее всего, он был крылатый — прилетел в пещеру, увидел, что его нехорошо ждут, оттолкнулся и улетел. А сами-то вы что думаете, Иван?

Жилин открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого поднял палец и сказал:

— Внимание! Генеральный инспектор!

В кают-компанию вошел красный, распаренный Юрковский.

— Ф-фу! — сказал он. — Как хорошо, прохладно. Планетологи, вас зовет начальство. И учтите, что у вас там сейчас около сорока градусов. — Он повернулся к Юре. — Собирайся, кадет. Я договорился с капитаном танкера, он забросит тебя на «Кольцо-2».

Юра вздрогнул и перестал улыбаться.

— Танкер стартует через несколько часов, но лучше пойти туда заблаговременно. Ваня, проводишь его. Да! Планетологи! Где планетологи? — Он выглянул в коридор. — Шемякин! Паша! Приготовь фотографии, которые ты сделал над Кольцом. Мне надо посмотреть. Михаил, не уходи, погоди минуточку. Остайся здесь. Алексей, брось книжку, мне нужно поговорить с тобой.

Быков отложил книжку. В кают-компании остались только он, Юрковский и Михаил Антонович. Юрковский, неуклюже раскачиваясь, пробежался из угла в угол.

— Что это с тобой? — осведомился Быков, подозрительно следя за его эволюциями.

Юрковский резко остановился.

— Вот что, Алексей, — сказал он. — Я договорился с Маркушиным, он дает мне космоскаф. Я хочу полетать над Кольцом. Абсолютно безопасный рейс, Алексей. — Юрковский неожиданно разозлился. — Ну чего ты так смотришь? Ребята совершают такие рейсы по два раза в сутки уже целый год. Да, я знаю, что ты упрям. Но я не собираюсь забираться в Кольцо. Я хочу полетать над Кольцом. Я подчиняюсь твоим распоряжениям. Уважь и ты мою просьбу. Я прошу тебя самым нижайшим образом, черт возьми. В конце концов, друзья мы или нет?

— В чем, собственно, дело? — сказал Быков спокойно.

Юрковский опять пробежался по комнате.

— Дай мне Михаила, — отрывисто сказал он.

— Что-о-о? — сказал Быков, медленно выпрямляясь.

— Или я полечу один, — сейчас же сказал Юрковский. — А я плохо знаю космоскафы.

Быков молчал. Михаил Антонович растерянно переводил глаза с одного на другого.

— Мальчики, — сказал он. — Я ведь с удовольствием... О чем разговор?

— Я мог бы взять пилота на станции, — сказал Юрковский. — Но я прошу Михаила, потому что Михаил в сто раз опытнее и осторожнее, чем все они, вместе взятые. Ты понимаешь? Осторожнее!

Быков молчал. Лицо у него стало темное и угрюмое.

— Мы будем предельно осторожны, — сказал Юрковский. — Мы будем идти на высоте двадцать-тридцать километров над средней плоскостью, не ниже. Я сделаю несколько крупномасштабных снимков, понаблюдаю визуально, и через два часа мы вернемся.

— Алешенька, — робко сказал Михаил Антонович. — Ведь случайные обломки над Кольцом очень редки. И они не так уж страшны. Немного внимательности...

Быков молча смотрел на Юрковского. «Ну что с ним делать? — думал он. — Что делать с этим старым безумцем? У Михаила большое сердце. Он в последнем рейсе. У него притупилась реакция, а в космоскафах ручное управление. А я не могу водить космоскаф. И Жилин не может. А молодого пилота с ним отпускать нельзя. Они уговорят друг друга нырнуть в Кольцо. Почему я не научился водить космоскаф, старый я дурак?»

— Алеша, — сказал Юрковский. — Я тебя очень прошу. Ведь я, наверное, больше никогда не увижу колец Сатурна. Я старый, Алеша.

Быков поднялся и, ни на кого не глядя, молча вышел из кают-компании. Юрковский закрыл лицо руками.

— Ах, беда какая! — сказал он с досадой. — Ну почему у меня такая отвратительная репутация? А, Миша?

— Очень ты неосторожный, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Право же, ты сам виноват.

— А зачем быть осторожным? — спросил Юрковский. — Ну скажи, пожалуйста, зачем? Чтобы дожить до полной духовной и телесной немощи? Дождаться момента, когда жизнь опротивеет, и умереть от скуки в кровати? Смешно же, Михаил, в конце концов, так трястись над собственной жизнью.

Михаил Антонович покачал головой.

— Экий ты, Володенька, — сказал он тихо. — И как ты не понимаешь, голубчик, ты-то умрешь — и всё. А ведь после тебя люди останутся, друзья. Знаешь, как им горько будет? А ты только о себе, Володенька, все о себе.

— Эх, Миша, — сказал Юрковский, — не хочется мне с тобой спорить. Скажи-ка ты мне лучше, согласится Алексей или нет?

— Да он, по-моему, уже согласился, — сказал Михаил Антонович. — Разве ты не видишь? Я-то его знаю, пятнадцать лет на одном корабле.

Юрковский снова пробежался по комнате.

— Ты-то хоть, Михаил, хочешь лететь или нет? — закричал он. — Или ты тоже... «соглашаешься»?

— Очень хочется, — сказал Михаил Антонович и покраснел. — На прощанье.

Юра укладывал чемодан. Он никогда как следует не умел укладываться, а сейчас вдобавок торопился, чтобы незаметно было, как ему не хочется уходить с «Тахмасиба». Иван стоял рядом, и до чего же грустно было думать, что сейчас с ним придется проститься и что они больше никогда не встретятся. Юра как попало запихивал в чемодан белье, тетрадки с конспектами, книжки — в том числе «Дорогу дорог», о которой Быков сказал: «Когда эта книга тебе начнет нравиться, можешь считать себя взрослым». Иван, насвистывая, веселыми глазами следил за Юрой. Юра наконец закрыл чемодан, грустно оглядел каюту и сказал:

— Вот и все, кажется.

— Ну, раз все, пойдем прощаться, — сказал Жилин.

Он взял у Юры невесомый чемодан, и они пошли по кольцевому коридору, мимо плавающих в воздухе десятикилограммовых гантелей, мимо душевой, мимо кухни, откуда пахло овсяной кашей, в кают-компанию. В кают-компании был только Юрковский. Он сидел за пустым столом, обхватив ладонями затылок, и перед ним лежал прижатый к столу зажимами одинокий чистый листок бумаги.

— Владимир Сергеевич, — сказал Юра.

Юрковский поднял голову.

— А, кадет, — сказал он, печально улыбаясь. — Что ж, давай прощаться.

Они пожали друг другу руки.

— Я вам очень благодарен, — сказал Юра.

— Ну-ну, — сказал Юрковский. — Что ты, брат, в самом деле. Ты же знаешь, я не хотел тебя брать. И напрасно не хотел. Что же тебе пожелать на прощание? Побольше работай, Юра. Работай руками, работай головой. В особенности не забывай работать головой. И помни, что настоящие люди — это те, кто много думает о многом. Не давай мозгам закиснуть. — Юрковский посмотрел на Юру со знакомым выражением, как будто ожидал, что Юра вот сейчас, немедленно, изменится к лучшему. — Ну, ступай.

Юра неловко поклонился и пошел из кают-компаний. У дверей в рубку он оглянулся. Юрковский задумчиво смотрел ему вслед, но, кажется, уже не видел его. Юра поднялся в рубку. Михаил Антонович и Быков разговаривали возле пульта управления. Когда Юра вошел, они замолчали и посмотрели на него.

— Так, — сказал Быков. — Ты готов, Юрий. Иван, значит, ты его проводишь.

— До свидания, — сказал Юра. — Спасибо.

Быков молча протянул ему огромную ладонь.

— Большое вам спасибо, Алексей Петрович, — повторил Юра. — И вам, Михаил Антонович.

— Не за что, не за что, Юрик, — заговорил Михаил Антонович. — Счастливой тебе работы. Обязательно напиши мне письмецо. Адресок ты не потерял?

Юра молча похлопал себя по нагрудному карману.

— Ну вот и хорошо, ну вот и прекрасно. Напиши, а если захочешь — приезжай. Право же, как вернешься на Землю, так и приезжай. У нас весело. Много молодежи. Мемуары мои считаешь.

Юра слабо улыбнулся.

— До свидания, — сказал он.

Михаил Антонович помахал ручкой, а Быков прогудел:

— Спокойной плазмы, стажер.

Юра и Жилин вышли из рубки. В последний раз открылась и закрылась за Юрой дверь кессона.

— Прощай, «Тахмасиб», — сказал Юра.

Они прошли по бесконечному коридору обсерватории, где было жарко, как в бане, и вышли на вторую доковую палубу. У раскрытого люка танкера сидел на маленькой бамбуковой скамеечке голенастый рыжий человек в расстегнутом кителе с золотыми пуговицами и в полосатых шортах. Глядясь в маленькое зеркальце, он расчесывал пятерней рыжие бакенбарды и, выпятив челюсть, дудел какой-то тирольский мотив. Увидев Юру и Жилина, он спрятал зеркальце в карман и встал.

— Капитан Корф? — сказал Жилин.

— Йа, — сказал рыжий.

— На «Кольцо-2», — сказал Жилин, — вы доставите вот этого товарища. Генеральный инспектор говорил с вами, не так ли?

— Йа, — сказал рыжий капитан Корф. — Отчень корошо. Багаж?

Жилин протянул ему чемодан.

— Йа, — сказал капитан Корф в третий раз.

— Ну, прощай, Юрка, — сказал Жилин. — Не вешай ты, пожалуйста, носа. Что за манера, в самом деле?

— Ничего я не вешаю, — сказал Юра печально.

— Я отлично знаю, почему ты вешаешь нос, — сказал Жилин. — Ты вообразил, что мы больше никогда не встретимся, и не замедлил сделать из этого трагедию. А трагедии никакой нет. Тебе еще сто лет встречаться с разными хорошими и плохими людьми. А

можешь ты мне ответить на вопрос: чем один хороший человек отличается от другого хорошего человека?

— Не знаю, — сказал Юра со вздохом.

— Я тебе скажу, — сказал Жилин. — Ничем существенным не отличается. Вот завтра ты будешь со своими ребятами. Завтра все тебе будут завидовать, а ты будешь хвастаться. Мы, мол, с инспектором Юрковским... Расскажешь, как ты стрелял в пиявок на Марсе, как своими руками вот таким стулом изничтожил мистера Ричардсона на Бамберге, как спас синеглазую девушку от злодея Шершня. Про смерть-планетчиков ты тоже чего-нибудь наврешь.

— Да что вы, Ваня, — сказал Юра, слабо улыбаясь.

— Ну а почему же? Воображение у тебя живое. Могу себе представить, как ты споешь им балладу об одноногом Пришельце. Только учти. Честно говоря, там было два следа. Про второй след я не успел рассказать. Второй след был на потолке, в точности над первым. Не забудь. Ну, прощай.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — тихонько завопил сзади капитан Корф.

— До свидания, Ваня, — сказал Юра. Он двумя руками пожал руку Жилина.

Жилин похлопал его по плечу, повернулся и вышел в коридор. Юра услышал, как в коридоре крикнули:

— Иван! Есть еще одна гипотеза! Там, в пещере, не было никакого Пришельца. Был только его ботинок.

Юра слабо улынулся.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — распевал позади капитан Корф, расчесывая рыжие бакенбарды.

13. «Кольцо-1». Должен жить

— Володенька, подвинься немножко, — сказал Михаил Антонович. — А то я прямо в тебя локтем упираюсь. Если вдруг придется, скажем, делать вираж...

— Изволь, изволь, — сказал Юрковский. — Только мне, собственно, некуда. Удивительно тесно здесь. Кто строил эти... э-э... аппараты...

— А вот так... И хватит, и хватит, Володенька...

В космоскафе было очень тесно. Маленькая круглая ракета была рассчитана только на одного человека, но обычно в нее забирались по двое. Мало того, по правилам безопасности при работах над Кольцом экипажу надлежало быть в скафандрах с откинутым колпаком. Вдвоем, да еще в скафандрах, да еще с колпаками, висящими за спиной, в космоскафе было не повернуться. Михаилу Антоновичу досталось удобное кресло водителя с широкими мягкими ремнями, и он очень переживал, что другу Володеньке приходится корчиться где-то между чехлом регенератора и пультом бомбосбрасывателя.

Юрковский, прижимая лицо к нарамнику биноктара, время от времени щелкал затвором фотокамеры.

— Чуть-чуть притормози, Миша, — приговаривал он. — Так... остановись... Фу ты, до чего у них тут все неудобно устроено...

Михаил Антонович, с удовольствием покачивая штурвал, глядел, не отрываясь, на экран телепроектора. Космоскаф медленно плыл в двадцати пяти километрах от средней плоскости Кольца. Впереди исполинским мутно-желтым горбом громоздился водянистый Сатурн. Ниже, вправо и влево, на весь экран тянулось плоское сверкающее поле. Вдали оно заволакивалось зеленоватой дымкой, и казалось, что гигантская планета рассечена пополам. А под космоскафом проползало каменное крошево. Радужные россыпи угловатых обломков, мелкого щебня, блестящей искрящейся пыли. Иногда в этом крошеве возникали странные вращательные движения, и тогда Юрковский говорил: «Притормози, Михаил... Вот так...» — и несколько раз щелкал затвором. Эти

неопределенные и непонятные движения привлекали особенное внимание Юрковского. Кольцо не было пригоршней камней, брошенных в мертвое инертное движение вокруг Сатурна; оно жило своей странной, непостижимой жизнью, и в закономерностях этой жизни еще предстояло разобраться. Михаил Антонович был счастлив. Он нежно сжимал податливые рукоятки штурвала, с наслаждением чувствуя, как мягко и послушно отзывается ракета на каждое движение его пальцев. Как это было прекрасно — вести корабль без киберштурмана, без всякой там электроники, бионики и кибернетики, надеяться только на себя, упиваться полной и безграничной уверенностью в себе и знать, что между тобой и кораблем — только этот мягкий удобный штурвал, и не приходится привычным усилием воли подавлять в себе мысль, что у тебя под ногами клокочет хотя и усмиренная, но страшная сила, способная разнести в пыль целую планету. У Михаила Антоновича было богатое воображение, в душе он всегда был немножко ретроградом, и медлительный космоскаф с его слабосильными двигателями казался ему уютным и домашним по сравнению с фотонным чудовищем «Тахмасибом» и с другими такими же чудовищами, с которыми пришлось иметь дело Михаилу Антоновичу за двадцать пять лет штурманской работы.

Кроме того, его, как всегда, приводили в тихий восторг сверкающие радугой алмазные россыпи Кольца. У Михаила Антоновича всегда была слабость к Сатурну и к его кольцам. Кольцо было изумительно красиво. Оно было гораздо красивее, чем об этом мог рассказать Михаил Антонович, и все же каждый раз, когда он видел Кольцо, ему хотелось рассказывать.

— Хорошо как, — сказал он наконец. — Как все переливается. Я, может быть, не могу...

— Притормози-ка, Миша, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович притормозил.

— Вот есть лунатики, — сказал он. — А у меня такая же слабость...

— Притормози еще, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович замолчал и притормозил еще. Юрковский щелкал затвором. Михаил Антонович помолчал и позвал в микрофон:

— Алешенька, ты нас слушаешь?

— Слушаю, — басом отозвался Быков.

— Алешенька, у нас все в порядке, — торопливо сообщил Михаил Антонович. — Я просто хотел поделиться. Очень красиво здесь, Алешенька. Солнце так переливается на камнях... и пыль так серебрится... Какой ты молодец, Алешенька, что отпустил нас. Напоследок хоть посмотреть... Ах, ты бы посмотрел, как тут камушек один переливается! — От полноты чувств он снова замолчал.

Быков подождал немного и спросил:

— Вы долго еще намерены идти к Сатурну?

— Долго, долго! — раздраженно сказал Юрковский. — Ты бы шел, Алексей, занялся бы чем-нибудь. Ничего с нами не случится.

Быков сказал:

— Иван делает профилактику. — Он помолчал. — И я тоже.

— Ты не беспокойся, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Шальных камней нет, все очень спокойно, безопасно.

— Это хорошо, что шальных камней нет, — сказал Быков. — Но ты все-таки будь повнимательнее.

— Притормози, Михаил, — приказал Юрковский.

— Что это там? — спросил Быков.

— Турбуленция, — ответил Михаил Антонович.

— А, — сказал Быков и замолчал.

Минут пятнадцать прошло в молчании. Космоскаф удалился от края Кольца уже на триста километров. Михаил Антонович покачивал штурвал и боролся с желанием

разогнаться посильнее, так, чтобы сверкающие обломки внизу слились в сплошную сверкающую полосу. Это было бы очень красиво. Михаил Антонович любил делать такие вещи, когда был помоложе.

Юрковский вдруг сказал шепотом:

— Остановись.

Михаил Антонович притормозил.

— Остановись, говорят! — сказал Юрковский. — Ну?

Космоскаф повис неподвижно. Михаил Антонович оглянулся на Юрковского. Юрковский так втиснул лицо в нарамник, словно хотел продавить корпус космоскафа и выглянуть наружу.

— Что там? — спросил Михаил Антонович.

— Что у вас? — спросил Быков.

Юрковский не ответил.

— Михаил! — закричал вдруг он. — По вращению Кольца... Видишь, под нами длинный черный обломок? Иди прямо над ним... точно над ним, не обгоняя...

Михаил Антонович повернулся к экрану, нашел длинный черный обломок внизу и повел космоскаф, стараясь не выпускать обломок из визирного перекрестия.

— Что там у вас? — снова спросил Быков.

— Какой-то обломок, — сказал Михаил Антонович. — Черный и длинный.

— Уходит, — сказал Юрковский сквозь зубы. — Медленнее на метр! — крикнул он.

Михаил Антонович снизил скорость.

— Нет, так не получится, — сказал Юрковский. — Миша, смотри, черный обломок видишь? — Он говорил очень быстро и шепотом.

— Вижу.

— Прямо по курсу на два градуса от него группа камней...

— Вижу, — сказал Михаил Антонович. — Там что-то блестит так красиво.

— Вот-вот... Держи на этот блеск... Не потеряй только... Или у меня в глазах что-то такое?

Михаил Антонович ввел блестящую точку в визирное перекрестие и дал максимальное увеличение на телепроектор. Он увидел пять округлых, странно одинаковых белых камней, а между ними — что-то блестящее, неясное, похожее на серебристую тень растопыренного паука. Словно камни расходились, а паук цеплялся за них расставленными голыми лапами.

— Как забавно! — вскричал Михаил Антонович.

— Да что там у вас? — заорал Быков.

— Погоди, погоди, Алексей, — пробормотал Юрковский. — Здесь надо бы снизиться...

— Начинается, — сказал Быков. — Михаил! Ни на метр ниже!

Взволнованный Михаил Антонович, сам того не замечая, уже вел космоскаф вниз. Это было так удивительно и непонятно — пять одинаковых белых глыб и совершенно непривычных очертаний серебристая тень между ними.

— Михаил! — рявкнул Быков и замолчал.

Михаил Антонович опомнился и резко затормозил.

— Ну что же ты? — не своим голосом закричал Юрковский. — Упустишь!

Длинный черный обломок медленно, едва заметно для глаза напознал на странные камни.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Здесь в самом деле что-то очень странное! Можно я еще немножко спущусь? Плохо видно!

Быков молчал.

— Упустишь, упустишь, — рычал Юрковский.

— Алешенька! — отчаянно закричал Михаил Антонович. — Я спущусь! На пять километров, а?

Он судорожно сжимал рукоятки штурвала, стараясь не выпускать блестящий предмет из перекрестия. Черный обломок надвигался медленно и неумолимо. Быков не отвечал.

— Да спускайся же, спускайся, — сказал Юрковский неожиданно спокойно.

Михаил Антонович в отчаянии посмотрел на спокойно мерцающий экран метеоритного локатора и повел космоскаф вниз.

— Алешенька, — бормотал он. — Я чуть-чуть, только чтобы из виду не упустить. Вокруг все спокойно, пусто.

Юрковский торопливо щелкал затворами фотокамер. Черный длинный обломок напозал, напозал и наконец надвинулся, закрыл белые камни и блестящего паучка между ними.

— Эх, — сказал Юрковский. — С твоим Быковым...

Михаил Антонович затормозил.

— Алешенька! — позвал он. — Вот и всё.

Быков все молчал, и тогда Михаил Антонович посмотрел на рацию. Прием был выключен.

— Ай-яй-яй-яй! — закричал Михаил Антонович. — Как же это я... Локтем, наверное?

Он включил прием.

— ...хаил, назад! Михаил, назад! Михаил, назад!.. — монотонно повторял Быков.

— Слышу, слышу, Алешенька! Здесь я нечаянно прием выключил.

— Немедленно возвращайтесь назад, — сказал Быков.

— Сейчас, сейчас, Алешенька! — сказал Михаил Антонович. — Мы уже всё кончили, и всё в порядке... — Он замолчал.

Продолговатый черный обломок постепенно уплывал, открывая снова группу белых камней. Снова вспыхнул на солнце серебристый паучок.

— Что у вас там происходит? — спросил Быков. — Можете вы мне толком объяснить или нет?

Юрковский, отпихнув Михаила Антоновича, нагнулся к микрофону.

— Алексей! — крикнул он. — Ты помнишь сказочку про гигантскую флюктуацию? Кажется, нам выпал-таки один шанс на миллиард!

— Какой шанс?

— Мы, кажется, нашли...

— Смотри, смотри, Володенька! — пробормотал Михаил Антонович, с ужасом глядя на экран. Масса плотной серой пыли надвигалась сбоку, и над ней плыли наискосок десятки блестящих угловатых глыб. Юрковский даже застонал: сейчас заволоклет, закроет, сомнет и утащит невесть куда и эти странные белые камни, и этого серебристого паучка, и никто никогда не узнает, что это было...

— Вниз! — заорал он. — Михаил, вниз!..

Космоскаф дернулся.

— Назад! — крикнул Быков. — Михаил, я приказываю: назад!

Юрковский протянул руку и выключил прием.

— Вниз, Миша, вниз... Только вниз... И поскорее.

— Что ты, Володенька! Нельзя же — приказ! Что ты! — Михаил Антонович потянулся к рации. Юрковский поймал его за руку.

— Посмотри на экран, Михаил, — сказал он. — Через двадцать минут будет поздно...

Михаил Антонович молча рвался к рации.

— Михаил, не будь дураком... Нам выпал один шанс на миллиард... Нам никогда не простят... Да пойми ты, старый дурак!

Михаил Антонович дотянулся-таки до рации и включил прием. Они услышали, как тяжело дышит Быков.

— Нет, они нас не слышат, — сказал он кому-то.

— Миша, — хрипло зашептал Юрковский. — Я тебе не прощу никогда в жизни, Миша... Я забуду, что ты был моим другом, Миша... Я забуду, что мы были вместе на Голконде... Миша, это же смысл моей жизни, пойми... Я ждал этого всю жизнь... Я верил в это... Это Пришельцы, Миша...

Михаил Антонович взглянул ему в лицо и зажмурился: он не узнал Юрковского.

— Миша, пыль надвигается... Выводи под пыль, Миша, прошу, умоляю... Мы быстро, мы только поставим радиобакеи и сразу вернемся. Это же совсем просто и неопасно, и никто не узнает...

— Ну вот, что ты с ним будешь делать! — вскричал Быков.

— Они что-то нашли, — сказал голос Жилина.

Михаил Антонович торопливо забормотал:

— Нельзя ведь. Не проси. Нельзя. Ведь я же обещал. Он с ума сойдет от беспокойства. Не проси...

Серая пелена пыли надвинулась вплотную.

— Пусти, — сказал Юрковский. — Я сам поведу.

Он стал молча выдирать Михаила Антоновича из кресла. Это было так дико и страшно, что Михаил Антонович совсем потерялся.

— Ну хорошо, — забормотал он. — Ну ладно... Ну подожди... — Он все никак не мог узнать лица Юрковского, это было похоже на жуткий сон.

— Михаил Антонович! — позвал Жилин.

— Я, — слабо сказал Михаил Антонович, и Юрковский изо всех сил ударил по рычажку бронированным кулаком. Металлическая перчатка срезала рычажок, словно бритвой.

— Вниз! — заревел Юрковский.

Михаил Антонович, ужаснувшись, бросил космоскаф в двадцатикилометровую пропасть. Он весь содрогался от жалости и страшных предчувствий. Прошла минута, другая...

Юрковский сказал ясным голосом:

— Миша, Миша, я же понимаю...

Ноздреватые каменные глыбы на экране росли, медленно поворачивались. Юрковский привычным движением надвинул на голову прозрачный колпак скафандра.

— Миша, Миша, я же понимаю, — услышал Жилин голос Юрковского.

Быков, сгорбившись, сидел перед рацией, обеими руками вцепившись в стойку бесполезного микрофона. Он мог только слушать, и пытаться понять, что происходит, и ждать, и надеяться. Вернутся — избыю в кровь, думал он. Этого паиньку штурмана и этого генерального мерзавца. Нет. Не избыю. Только бы вернулись. Только бы вернулись. Рядом — руки в карманы — молчал угрюмый Жилин.

— Камни, — жалобно сказал Михаил Антонович, — камни...

Быков закрыл глаза. Камни в Кольце. Острые, тяжелые. Летят, ползут, крутятся. Обступают. Подталкивают, отвратительно скрипят по металлу. Толчок. Потом толчок посильнее. Это еще ерунда, не страшно, горохом сыплется по обшивке ползучая мелочь, и это тоже ерунда, а вот где-то сзади надвигается тот самый тяжелый и быстрый, словно пущенный из гигантской катапульты, и локаторы еще не видят его за пеленой пыли, а когда увидят, будет все равно поздно... Лопаются корпус, гармошкой складываются переборки, на миг мелькнет в трещине забитое камнем небо, пронзительно свистнет воздух, и люди становятся белыми и хрупкими, как лед... Впрочем, они в скафандрах. Быков открыл глаза.

— Жилин, — сказал он. — Иди к Маркушину и узнай, где второй космоскаф. Пусть приготовит для меня пилота.

Жилин исчез.

— Миша, — беззвучно позвал Быков. — Как-нибудь, Миша... Как-нибудь...

— Вот он, — сказал Юрковский.

— Ай-яй-яй-яй-яй, — сказал Михаил Антонович.

— Километров пять?

— Что ты, Володенька! Гораздо меньше... Правда, хорошо, когда камней нет?

— Тормози понемногу. Я буду готовить бакен. Эх, зря я рацию сломал, дурак...

— Что же это может быть, Володенька? Смотри, какое чудовище!..

— Он их держит, видишь? Вот они где, Пришельцы. А ты ныл!

— Что ты, Володенька? Разве я ныл? Я так...

— Как-нибудь стань, чтобы его, спаси-сохрани, не задеть...

Наступило молчание. Быков напряженно слушал. Может быть, и обойдется, думал он.

— Ну, чего ты куксишься?

— Не знаю, право... Как-то мне все это странно... Не по себе как-то...

— Выйди под лапу и выброси магнитную кошку.

— Хорошо, Володенька...

«Что они там нашли? — думал Быков. — Что еще за лапа? Что они там копаются?

Неужели нельзя побыстрее?»

— Не попал, — сказал Юрковский.

— Подожди, Володенька, ты не умеешь. Дай я.

— Смотри, она словно выросла в камень... А ты заметил, что они все одинаковые?

— Да, все пять. Мне это сразу странным показалось...

Вернулся Жилин.

— Нет космоскафа, — сказал он.

Быков даже не стал спрашивать, что это значит — нет космоскафа. Он оставил микрофон, поднялся и сказал:

— Пошли к швейцарцам.

— Так у нас ничего не получится, — сказал голос Михаила Антоновича.

Быков остановился.

— Да, действительно... Что ж тут придумать?

— погоди, Володенька. Давай я сейчас вылезу и сделаю это вручную.

— Правильно, — сказал Юрковский. — Давай вылезем.

— Нет уж, Володенька, ты сиди здесь. Толку от тебя мало... мало ли что...

Юрковский сказал, помолчав:

— Ладно. А я еще несколько снимков сделаю.

Быков поспешно пошел к выходу. Жилин вслед за ним вышел из рубки и запер люк в рубку на ключ. Быков на ходу сказал:

— Возьмем танкер, по пеленгу выйдем к этому месту и будем их ждать там.

— Правильно, Алексей Петрович, — сказал Жилин. — А что они там нашли?

— Не знаю, — сказал Быков сквозь зубы. — И знать не хочу. Пока я буду говорить с капитаном, ступай в рубку и займись пеленгом.

В коридоре обсерватории Быков поймал распаренного дежурного и приказал:

— Мы сейчас идем на танкер. Снимешь перемышку и задраишь люк.

Дежурный кивнул.

— Второй космоскаф возвращается, — сказал он.

Быков остановился.

— Нет-нет, — сказал дежурный с сожалением. — Он будет не скоро, часа через три.

Быков молча двинулся дальше. Они миновали кессон, прошли мимо бамбукового стульчика и по узкому, тесному колодцу поднялись в рубку танкера. Капитан Корф и его штурман стояли над низким столиком и рассматривали голубой чертеж.

— Здравствуйте, — сказал Быков.

Жилин, не говоря ни слова, прошел к радию и принялся настраиваться на волну космоскафа. Капитан и штурман в изумлении воззрились на него. Быков подошел к ним.

— Кто капитан? — спросил он.

— Капитан Корф, — сказал рыжий капитан. — Кто ви? Потшему?

— Я Быков, капитан «Тахмасиба». Прошу мне помочь.

— Рад, — сказал капитан Корф. Он посмотрел на Жилина.

Жилин возился над рацией.

— Двое наших товарищей забрались в Кольцо, — сказал Быков.

— О! — На лице капитана изобразилась растерянность. — Как неосторожно!

— Мне нужен корабль. Я прошу у вас ваш корабль.

— Мой крабль, — растерянно повторил Корф. — Идти в Кольцо?

— Нет, — сказал Быков. — В Кольцо только в крайнем случае. Если случится несчастье.

— А где ваш крабль? — спросил Корф подозрительно.

— У меня фотонный грузовик, — ответил Быков.

— А, — сказал Корф. — Да, это нельзя.

В рубке раздался голос Юрковского:

— Погоди, я сейчас вылезу.

— А я тебе говорю, сиди, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

— Ты очень долго копаешься.

Михаил Антонович ничего не ответил.

— Это они в Кольце? — спросил Корф, показывая пальцем на радию.

— Да, — сказал Быков. — Вы согласны?

Жилин подошел и стал рядом.

— Да, — сказал Корф задумчиво. — Надо помогать.

Штурман вдруг заговорил так быстро и неразборчиво, что Быков понимал только отдельные слова. Корф слушал и кивал. Затем он, сильно покраснев, сказал Быкову:

— Штурман не хочет лететь. Он не обязан.

— Он может сойти, — сказал Быков. — Спасибо, капитан Корф.

Штурман произнес еще несколько фраз.

— Он говорит, что мы идем на верную смерть, — перевел Корф.

— Скажите ему, чтобы он уходил, — сказал Быков. — Нам надо спешить.

— Может быть, господину Корфу тоже лучше сойти? — осторожно сказал Жилин.

— Хо-хо-хо! — сказал Корф. — Я капитан!

Он махнул штурману и пошел к пульту управления. Штурман, ни на кого не глядя, вышел. Через минуту гулко бухнул наружный люк.

— Девушки, — сказал капитан Корф не оборачиваясь, — они делают нас слабыми. Слабыми, как они. Но надо сопротивляться. Приготовимся.

Он полез в боковой карман, вытащил фотографию, поставил на пульт перед собой.

— Вот так, — сказал он. — И никак по-другому, если рейс опасен. По местам, господа.

Быков сел у пульта рядом с капитаном. Жилин пристегнулся в кресле перед рацией.

— Диспетчер! — сказал капитан.

— Есть диспетчер, — откликнулся дежурный обсерватории.

— Прошу старт!

— Даю старт!

Капитан Корф нажал стартер, и все сдвинулось. И тогда Жилин вдруг вспомнил: «Юрка!» Несколько секунд он глядел на радию, вздыхающую грустными вздохами Михаила Антоновича. Он просто не знал, как поступить. Танкер уже покинул зону обсерватории, и капитан Корф, маневрируя рулями, выводил корабль на пеленг. Не будем-ка паниковать, подумал Жилин. Не так уж плохи дела. Пока еще не случилось ничего страшного.

— Михаил! — позвал голос Юрковского. — Скоро ты там?

— Сейчас, Володенька, — отозвался Михаил Антонович. Голос у него был какой-то странный — не то усталый, не то растерянный.

— Хо! — сказал позади голос Юры.

Жилин обернулся. В рубку входил Юра, заспанный и очень обрадованный.

— Вы тоже на «Кольцо-2»? — спросил он.

Быков дико взглянул на него.

— Химмельдоннерветтер! — прошептал капитан Корф. Он тоже начисто забыл о Юре. — Пассажиер! Ф-в каюта! — крикнул он грозно. Его рыжие бакенбарды страшно растопырились.

Михаил Антонович вдруг громко сказал:

— Володя... Будь добр, отведи космоскаф метров на тридцать. Сумеешь?

Юрковский недовольно заворчал.

— Ну, попробую, — сказал он. — А зачем это тебе понадобилось?

— Так мне будет удобней, Володя. Пожалуйста.

Быков вдруг встал и рванул на себе застежки куртки. Юра с ужасом глядел на него. Лицо Быкова, всегда красно-кирпичное, сделалось бело-синим. Юрковский вдруг закричал:

— Камень! Миша, камень! Назад! Бросай все!

Послышался слабый стон, и Михаил Антонович сказал дрожащим голосом:

— Уходи, Володенька. Скорее уходи. Я не могу.

— Скорость, — прохрипел Быков.

— Что значит — не могу? — завизжал Юрковский. Было слышно, как он тяжело дышит.

— Уходи, уходи, не надо сюда... — бормотал Михаил Антонович. — Ничего не выйдет... Не надо, не надо...

— Так вот в чем дело, — сказал Юрковский. — Что же ты молчал? Ну, это ничего. Мы сейчас. Сейчас... Эх тебя угораздило...

— Скорость, скорость... — рычал Быков.

Капитан Корф, перекосив веснушчатое лицо, навис над клавишами управления. Перегрузка нарастала.

— Сейчас, Мишенька, сейчас... — бодро говорил Юрковский. — Вот так... Эх, лом бы мне...

— Поздно, — неожиданно спокойно сказал Михаил Антонович.

В наступившей тишине было слышно, как они тяжело, с хрипом, дышат.

— Да, — сказал Юрковский. — Поздно.

— Уйди, — сказал Михаил Антонович.

— Нет.

— Зря.

— Ничего, — сказал Юрковский, — это быстро.

Раздался сухой смешок.

— Мы даже не заметим. Закрой глаза, Миша.

И после короткой тишины кто-то — непонятно, кто, — тихо и жалобно позвал:

— Алеша... Алексей...

Быков молча отшвырнул капитана Корфа, как котенка, и впился пальцами в клавиши. Танкер рвануло. Вдавленный в кресло страшной перегрузкой, Жилин успел только подумать: «Форсаж!» На секунду он потерял сознание. Затем сквозь шум в ушах он услышал короткий оборвавшийся крик, как от сильной боли, и через красную пелену, застилавшую глаза, увидел, как стрелка автопеленгатора дрогнула и расслабленно закачалась из стороны в сторону.

— Миша! — закричал Быков. — Ребята!

Он упал головой на пульт и громко, неумело заплакал...

...Юре было плохо. Его тошнило, сильно болела голова. Его мучил какой-то странный двойной бред. Он лежал на своей койке в тесной, темной каюте «Тахмасиба», и в то же время это была его светлая большая комната дома на Земле. В комнату входила мама, клала холодную приятную руку ему на щеку и говорила голосом Жилина: «Нет, еще спит». Юре хотелось сказать, что он не спит, но это почему-то нельзя было делать. Какие-то люди, знакомые и незнакомые, проходили мимо, и один из них — в белом халате — нагнулся и очень сильно ударил Юру по больной разбитой голове, и сейчас же Михаил Антонович жалобно сказал: «Алеша... Алексей...», — а Быков, страшный, бледный как мертвец, схватился за пульт, и Юру кинуло вдоль коридора головой на острое и твердое. Играла печальная до слез музыка, и чей-то голос говорил: «...при исследовании Кольца Сатурна погибли генеральный инспектор Международного управления космических сообщений Владимир Сергеевич Юрковский и старейший штурман-космонавт Михаил Антонович Крутиков...» И Юра плакал, как плачут во сне даже взрослые люди, когда им приснится что-нибудь печальное...

Когда Юра пришел в себя, то увидел, что находится действительно в каюте «Тахмасиба», а рядом стоит врач в белом халате.

— Ну вот, давно бы так, — сказал Жилин, печально улыбаясь.

— Они правда погибли? — спросил Юра.

Жилин молча кивнул.

— А Алексей Петрович?

Жилин ничего не сказал.

Врач спросил:

— Голова сильно болит?

Юра прислушался.

— Нет, — сказал он. — Не сильно.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дней пять полежишь и будешь здоров.

— Меня не отправят на Землю? — спросил Юра. Он вдруг очень испугался, что его отправят на Землю.

— Нет, зачем же, — удивился врач, а Жилин бодро сообщил:

— О тебе уже справлялись с «Кольца-2», хотят тебя навестить.

— Пусть, — сказал Юра.

Врач сказал Жилину, что Юру надо через каждые три часа поить микстурой, предупредил, что придет послезавтра, и ушел. Жилин сказал, что скоро заглянет, и пошел его проводить. Юра снова закрыл глаза. Погибли, подумал он. Никто больше не назовет меня кадетом и не попросит побеседовать со стариком, и никто не станет добрым голосом застенчиво читать свои мемуары о милейших и прекраснейших людях. Этого не будет никогда. Самое страшное — что этого не будет никогда. Можно разбить себе голову о стену, можно разорвать рубашку — все равно никогда не увидать Владимира Сергеевича, как он стоит перед душевой в своем роскошном халате, с гигантским полотенцем через плечо и как Михаил Антонович раскладывает по тарелкам неизменную овсяную кашу и ласково улыбается. Никогда, никогда, никогда... Почему никогда? Как это так можно, чтобы никогда? Какой-то дурацкий камень в каком-то дурацком Кольце дурацкого Сатурна... И людей, которые должны быть, просто обязаны быть, потому что мир без них хуже, — этих людей нет и никогда больше не будет...

Юра помнил смутно, что они что-то там нашли. Но это было неважно, это было не главное, хотя они-то считали, что это и есть главное... И, конечно, все, кто их не знает, тоже будут считать, что это самое главное. Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг — это хорошо, но человек должен жить.

Юра подумал, что через несколько дней встретит ребят. Они, конечно, сразу станут спрашивать, что да как. Они не будут спрашивать ни о Юрковском, ни о Крутикове, они будут спрашивать, что Юрковский и Крутиков нашли. Они будут прямо гореть от любопытства. Их будет больше всего интересоваться, что успели передать Юрковский и Крутиков о своей находке. Они будут восхищаться мужеством Юрковского и Крутикова, их самоотверженностью и будут восклицать с завистью: «Вот это были люди!» И больше всего их будет восхищать, что они погибли на боевом посту. Юре даже стало тошно от обиды и от злости. Но он уже знал, что им ответить. Чтобы не закричать на них: «Дураки сопливые!», чтобы не заплакать, чтобы не полезть в драку, я скажу им: «Подождите. Есть одна история...», и я начну так: «На острове Хонсю, в ущелье горы Титигатакэ, в непроходимом лесу нашли пещеру...»

Вошел Жилин, сел у Юры в ногах и потрепал его по колену. Жилин был в клетчатой рубашке с засученными рукавами. Лицо у него было осунувшееся и усталое. Он был небрит. «А как же Быков?» — подумал вдруг Юра и спросил:

— Ваня, а как же Алексей Петрович?

Жилин ничего не ответил.

Эпилог

Автобус бесшумно подкатил к низкой белой ограде и остановился перед большой пестрой толпой встречающих. Жилин сидел у окна и смотрел на веселые, покрасневшие от мороза лица, на сверкающие под солнцем сугробы перед зданием аэровокзала, на одетые инеем деревья. Открылись двери, морозный воздух ворвался в автобус. Пассажиры потянулись к выходу, отпуская прощальные шутки бортпроводнице. В толпе встречающих стоял веселый шум — у дверей обнимались, пожимали руки, целовались. Жилин поискал знакомые лица, никого не нашел и вздохнул с облегчением. Он посмотрел на Быкова. Быков сидел неподвижно, опустив лицо в меховой воротник гренландской куртки.

Бортпроводница взяла из сетки свой чемоданчик и весело сказала:

— Ну что же вы, товарищи? Приехали! Автобус дальше не идет.

Быков тяжело встал и, не вынимая рук из карманов, через опустевший автобус пошел к выходу. Жилин с портфелем Юрковского последовал за ним. Толпы уже не было. Люди группами направлялись к аэровокзалу, смеясь и переговариваясь. Быков ступил в снег, постоял, хмуро жмурясь на солнце, и тоже пошел к вокзалу. Снег звонко скрипел под ботинками. Сбоку бежала длинная голубая тень. Потом Жилин увидел Дауге.

Дауге торопливо ковылял навстречу, сильно опираясь на толстую полированную палку, маленький, закутанный, с темным морщинистым лицом. В руке у него, в теплой мохнатой варежке, был зажат жалкий букетик увядших незабудок. Глядя прямо перед собой, он подошел к Быкову, сунул ему букетик и прижался лицом к гренландской куртке. Быков обнял его и проворчал:

— Вот еще, сидел бы дома, видишь, какой мороз...

Он взял Дауге под руку, и они медленно пошли к вокзалу — огромный сутулый Быков и маленький, сгорбленный Дауге. Жилин шел следом.

— Как легкие? — спросил Быков.

— Так... — сказал Дауге, — не лучше, не хуже...

— Тебе нужно в горы. Не мальчик, нужно беречься.

— Некогда, — сказал Дауге. — Очень многое нужно закончить. Очень многое начато, Алеша.

— Ну и что же? Надо лечиться. А то и кончить не успеешь.

— Главное — начать.

— Тем более.

Дауге сказал:

— Решен вопрос с экспедицией к Трансплутону. Настаивают, чтобы пошел ты. Я попросил подождать, пока ты вернешься.

— Ну что ж, — сказал Быков, — съезжу домой, отдохну... Пожалуйста.

— Начальником назначен Арнаутов.

— Все равно, — сказал Быков.

Они поднимались по ступенькам вокзала. Дауге было неудобно, видимо, он еще не привык к своей палке. Быков поддерживал его под локоть. Дауге тихонько сказал:

— А я ведь так и не обнял их, Алеша... Тебя обнял, Ваню обнял, а их не обнял...

Быков промолчал, и они вошли в вестибюль. Жилин поднялся по лестнице и вдруг увидел в тени за колонной какую-то женщину, которая смотрела на него. Она сразу же отвернулась, но он успел заметить ее лицо под меховой шапочкой — когда-то, наверное, очень красивое, а теперь старое, обрюзгшее, почти безобразное. «Где я ее видел? — подумал Жилин. — Я ведь ее много раз где-то видел. Или она на кого-то похожа?»

Он толкнул дверь и вошел в вестибюль. «Значит, теперь Трансплутон, он же Цербер. Далекий-далекий. От всего далекий. От Земли далекий, от людей далекий, от главного далекий. Снова стальная коробка, снова чужие, обледеневшие, такие неглавные скалы. Главное останется на Земле. Как всегда, впрочем. Но ведь так нельзя, нечестно. Пора решиться, Иван Жилин, пора! Конечно, некоторые скажут — с сожалением или насмешливо: «Нервы не выдержали. Бывает». Алексей Петрович может так подумать. — Жилин даже приостановился. — Да он так и подумает: «Нервы не выдержали. А ведь крепкий парень был». А ведь это здорово! По крайней мере ему не так будет обидно, что я бросаю его сейчас, когда он остается один... Конечно, ему будет легче думать, что у меня нервы не выдержали, чем видеть, что я ни во что не ставлю все эти трансплутоны. Он ведь упрям и очень тверд в своих убеждениях... и заблуждениях. Твердокаменные заблуждения...

Главное — на Земле. Главное всегда остается на Земле, и я останусь на Земле. Решено, — подумал он. — Решено. Главное — на Земле...»

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Экипаж «СКИФа»

Плутон. Свирепый ветер несет тучи черной пыли над дикими нагромождениями скал, воем и свистит в горных вершинах, гонит в низком багровом небе толпы меняющихся облаков. Сквозь рев бури прорывается далекий гул и грохот — словно далеко-далеко за горизонтом бурлит, закипая, исполинский котел со смолой.

Между скал, тяжело переваливаясь через валуны, ползет человек. На нем просторный скафандр с кислородными баллонами за спиной, голову покрывает прозрачный шлем. Скафандр и шлем испачканы в пыли и жидкой грязи. Человек ползет из последних сил, время от времени он останавливается и в изнеможении опускает голову в шлеме на землю. И чей-то голос устало и настойчиво повторяет:

— Мехти... Мехти... Отзовись... Мехти...

Человек приподнимается на локтях и стирает перчаткой грязь с лицевой стороны шлема. Видно его лицо — изможденное, с заплывшими глазами, с сухими запекшимися губами. На щеке и на подбородке — черная застывшая кровь.

Человек с трудом шевелит губами. Хриплый шепот едва слышен:

— Я здесь... Здесь... Я сейчас... Сейчас...

Но снова звучит усталый и настойчивый призыв:

— Мехти... Мехти... Где ты, Мехти... Отзовись...

И тогда Мехти с прежним упорством переползает через обломок скалы, скатывается и ползет дальше. Ветер обрушивает на него целую кучу черной пыли, переворачивает его, человек судорожно цепляется за землю, за камни.

— Мехти... Ты слышишь меня?... Отзовись, Мехти...

— Сейчас, сейчас... Я спешу... Я сейчас...

Мехти огибает огромный валун, и перед ним открывается обширная неровная поляна. Посередине поляны торчит, упираясь тонким, как игла, шпилем в багровое небо, покосившаяся ракета. На полированных боках ее светятся темно-красные отблески далекого зарева. Рядом с ракетой сидит прямо на земле Ермаков, сгорбленный, придавленный полуторакратной силой тяжести на Плутоне. Он в таком же просторном скафандре и прозрачном шлеме. Его ноги занесло черной пылью. Это его голос слышится сквозь вой бури и грохот далекого кипящего котла:

— Мехти... Мехти... Отзовись...

Он вдруг замечает ползущего и вскакивает на ноги. Вернее, хочет вскочить, но просто тяжело поднимается и так же тяжело и неуклюже спешит к Мехти. Мехти продолжает ползти к нему навстречу.

— Мехти, друг, что с тобой?

Мехти исчерпал все силы. Голова его падает, он лежит неподвижно. Ермаков опускается около него, кладет его голову в шлеме к себе на колени.

— Что с тобой, Мехти? Мехти!

Мехти открывает глаза.

— Анатолий... там... страна чудес... только я не успел...

Он вновь закрывает глаза и вдруг начинает быстро-быстро говорить по-азербайджански. Ермаков склоняется к нему так низко, что касается шлемом его шлема.

— Мехти... погоди, Мехти...

Мехти, не открывая глаз, говорит громко и отчетливо:

— Это... планета сокровищ, Толя... Там бесчисленные сокровища... Их нужно взять...

Подарить Земле... — Голос его падает до шепота. — Только там опасно... Там смерть...

— Мехти, о чем ты? Какие сокровища?

Но Мехти опять принимается быстро-быстро говорить по-азербайджански.

Ермаков трясет его за плечи.

— Мехти! Говори по-русски! Мехти! О чем ты?

Страшное, окровавленное лицо Мехти вдруг преобразается. Он улыбается и шепчет:

— Хорошо как... Голубое небо... Толя... Смотри... голубое небо...

Он умолкает, голова его скатывается набок. Мехти умер. Ермаков поднимает лицо и смотрит в ту сторону, откуда пришел Мехти. По щекам его катятся слезы. Багровые отблески светятся на прозрачном материале шлема, на каплях слез и в сверкающих яростью глазах...

А там, откуда приполз Мехти, за черными исполинскими скалами, сквозь черную бурю, разливается в полнеба ослепительное фиолетовое зарево и раздается грохот чудовищного взрыва...

* * *

Кабинет Председателя Комитета межпланетных сообщений. Огромное светлое помещение. На стенах портреты выдающихся деятелей космонавтики. По углам модели различных ракет, начиная от старинных многоступенчатых и кончая последними — атомными. За большим письменным столом в креслах пятеро — члены Комитета, старые испытанные межпланетники, руководители космонавтики Советского Союза.

Председатель Комитета Николай Захарович Краюхин резко говорит:

— Гибель Мехти — это серьезное предупреждение. Некоторые здесь воображают, что мы всё еще живем в эпоху первых космических полетов...

Головин, приземистый лысый пожилой человек, ворчливо замечает:

— Когда я высаживался на Церере, для меня опорных баз не делали...

КРАЮХИН. И вернулся ты без пяти ребер.

Громов, высокий, с лицом словно отлитым из бронзы, добавляет:

— И сидишь теперь в Комитете вместо того, чтобы летать.

ГОЛОВИН. Можно подумать, что вы летаете!

КРАЮХИН (*продолжает*). И мы должны строго предупредить всех членов экипажа о недопустимости бессмысленного риска... Никаких рискованных шагов вне главных целей экспедиции!

ГОЛОВИН. А в чем же теперь главные цели? Я уже совсем ничего не понимаю!

КРАЮХИН (*терпеливо*). Повторяю для непонимающих. Мы утверждаем вторую комплексную экспедицию к Плутону на фотонном планетолете «СКИФ», имеющую цель: А. Создать опорную базу-ракетодром как плацдарм для широких исследовательских работ в области, именуемой «Страной Мехти». Б. Разведать предполагаемые геологические богатства области, именуемой «Страной Мехти». Ясно?

Ляхов, широкоплечий, седой, в темных очках, замечает:

— Ты забыл, Николай, пункт В: обязательно вернуться на Землю!

ГРОМОВ. С целыми ребрами.

ГОЛОВИН (*обиженно*). Накинулись...

КРАЮХИН. Да, да, Андрей, вернуться целыми и невредимыми. Ну, и состав экспедиции... Начальником идет, как договорились, Ермаков... Возражений нет?

ЛЯХОВ. Лучше не придумашь...

ГРОМОВ (*задумчиво*). У Анатолия свои счета с Плутоном... Забыть Мехти не может.

КРАЮХИН. Штурманом-инженером идет Спицын.

ЛЯХОВ. Ну, Богдан — это небожитель...

КРАЮХИН. Геолог — Юрковский.

ГОЛОВИН (*ехидно улыбаясь*). Не понимаю. Если вам нужны целые ребра — при чем здесь Юрковский?

ГРОМОВ. Это правда. (*Краюхину.*) Владимир всегда лезет в самое пекло.

КРАЮХИН (*строго*). Юрковский, как вам отлично известно, самый способный из молодых геологов. А что касается его темперамента, то рядом Ермаков и Спицын, крепкие люди.

ЛЯХОВ. Ясно, у них не порезвишься.

КРАЮХИН. К тому же у нас есть еще один крепкий человек, четвертый и последний член экспедиции инженер Быков.

ГРОМОВ. Это твой инженер из Антарктики?

КРАЮХИН. Да.

ГРОМОВ. А тебя не смущает все-таки его возраст, Николай Захарович?

КРАЮХИН. Двадцать пять лет? Если мне не изменяет память, мы с тобой ходили в первый рейс двадцати лет...

ГРОМОВ (*уточняет*). Двадцати двух!

КРАЮХИН. А у этого хлопца за плечами уже пять лет Антарктиды и спасение французской экспедиции!

ЛЯХОВ (*усмехаясь*). Французы прозвали его Стальным Капитаном.

ГРОМОВ. Хорошо, хорошо, я ведь не против.

КРАЮХИН (*нажимает кнопку на краю стола и говорит в микрофон*). Попросите ко мне товарища Быкова.

Дверь открывается. В кабинет неторопливо входит высокий молодой человек атлетического телосложения, в белом спортивном костюме. Он останавливается у порога и негромко здоровается:

— Здравствуйте, товарищи!

КРАЮХИН. Здравствуйте, Алексей Петрович. Садитесь, пожалуйста. Вот сюда, поближе...

Быков садится. Все внимательно рассматривают его.

КРАЮХИН (*мягко*). Вы не изменили вашего решения? Плутон вас не пугает?

БЫКОВ. Нет.

ГОЛОВИН (*хмуро*). И вы не побежите в последний момент освободиться по семейным обстоятельствам? Или по состоянию здоровья?

Ляхов и Громов засмеялись.

БЫКОВ (*вполне серьезно*). Нет, не побегу. Почему вы так думаете?

ГРОМОВ (*ласково*). За последние четверть века, товарищ Быков, нам приходилось видеть всякое. Космос дело не шуточное.

КРАЮХИН. Вы командир вездехода. Судьба экспедиции во многом будет зависеть от вас.

БЫКОВ (*по-прежнему серьезно*). Нет, нет. Я взвесил все. Я не раздумывал. И если вы не изменили вашего решения, я готов!

Краюхин переглядывается с членами Комитета.

КРАЮХИН. Ваше мнение, товарищи?

ГОЛОВИН (*ворчливо*). Утвердить. Посмотрим.

ГРОМОВ и ЛЯХОВ (*в один голос*). Согласны.

КРАЮХИН (*официально*). Государственный Комитет утверждает товарища Быкова Алексея Петровича инженер-водителем и химиком комплексной экспедиции к Плутону.

Все поднимаются. Члены Комитета молча пожимают руку Быкову.

ГОЛОВИН (*со вздохом, вполголоса*). Ох, счастливцев!

ГРОМОВ (*хлопает его по плечу и смеется*). Нечего завидовать, старый ворчун! Мы с тобой свое отлетали. Эстафета у молодежи.

КРАЮХИН (*кладет руку на плечо Быкова*). Они правы, Алексей Петрович. И когда завидуют, и когда говорят, что эстафета у молодежи. Пожалуй, никогда еще перед

космонавтами не стояла такая ответственная и тяжелая задача. В дни нашей молодости мы и мечтать не смели о таком рывке к границам Солнечной системы...

ГОЛОВИН (*мрачно*). Еще бы... Шесть миллиардов километров за сто суток!..

В дверях появляется секретарь:

— Николай Захарович, ваш стратоплан на старте.

КРАЮХИН (*весело и энергично*). Полетели, Алексей Петрович!

Глаза Быкова округляются.

БЫКОВ. На Плутон?

Все смеются.

КРАЮХИН. Ну нет, не так скоро. Пока поработаем на Земле. Есть такой ракетодром, «СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН». Слыхали?

* * *

Стратоплан вертикального взлета уносится в синее безоблачное небо. В кабине, полулежа в креслах, беседуют Краюхин и Быков.

КРАЮХИН. Полстолетия космонавты всего мира смотрели на Плутон, как лиса на виноград.

БЫКОВ (*улыбаясь*). Видит око, да зуб неймет.

КРАЮХИН. Вот именно. Каждому мечталось преодолеть чудовищную пропасть пространства, первому водрузить знамя своей родины на этой последней, крайней планете Солнечной системы.

БЫКОВ. Я недавно подсчитал, что на нынешних ракетах при инерционном полете такое путешествие заняло бы больше столетия...

КРАЮХИН. Значительно больше. Нет, нынешние ракеты для этого не годятся. Проблема была решена только тогда, когда советские космонавты получили в свои руки новое, небывалое орудие исследования Космоса — фотонный планетолет.

БЫКОВ. «СКИФ»?

КРАЮХИН. Да, «СКИФ». В нем сконцентрировалась вся мощь советской науки и техники. Мы строили его более двадцати лет. И вот два года назад он покинул лунные доки и отправился в пробный рейс к Плутону.

БЫКОВ (*усмехается*). Пробный рейс в шесть миллиардов километров!

КРАЮХИН. А как вы думаете, такую фантастическую машину можно испытывать только на фантастических дистанциях. На девяносто третьи сутки «СКИФ» вышел на орбиту вокруг Плутона.

БЫКОВ. Я представляю себе, как ликовал экипаж!

КРАЮХИН. Да нет, они даже обрадоваться не успели...

БЫКОВ. Почему?

КРАЮХИН. То, что они увидели на Плутоне, просто ошеломило их. Плутон оказался необычайной планетой. Вместо сугробов замерзшего газа — бешеная раскаленная атмосфера. Вместо вечного мрака и неподвижности — электрические бури, грандиозные выбросы ионизированных паров. И не удивительно, что неистовый азербайджанец Мехти потребовал немедленной разведки на десантной ракете.

БЫКОВ. Что же там оказалось, Николай Захарович?

КРАЮХИН (*помолчав*). Этого мы до сих пор не знаем. Мехти погиб и успел перед смертью сказать всего несколько слов. Он говорил о каких-то несметных сокровищах.

БЫКОВ. Но хоть какие-то предположения существуют?

КРАЮХИН. У нас есть результаты наблюдений с борта «СКИФа», и у нас есть слова Мехти. Мощная ионизация, бурное истечение раскаленных газов, сокровища... Предположения возникают самые фантастические...

БЫКОВ. Какие же?

КРАЮХИН. Например, возможно, что процессы, происходящие обыкновенно в глубоких недрах планет, на Плуtone происходят почему-то на поверхности!

БЫКОВ. При чем же здесь соковища?

КРАЮХИН. Имеются в виду процессы непрерывного образования и распада трансураниевых элементов...

БЫКОВ (*напряженно хмурится*). Невероятно. Природные трансураниды, да еще на поверхности планеты! Тогда это должны быть действительно сказочные богатства! Мы-то знаем, чего стоит изготовить на Земле хотя бы миллиграмм менделевия!

КРАЮХИН. Вот проверить это, создать плацдарм для широких исследовательских работ в этом направлении и есть цель вашей экспедиции.

ГОЛОС ШТУРМАНА (*в микрофон*). Через три минуты «СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН».

КРАЮХИН. Узнайте, чем занят экипаж.

ГОЛОС ШТУРМАНА (*после паузы*). Экипаж обедает.

* * *

Ресторан гостиницы «СЕДЬМОГО ПОЛИГОНА». Экипаж «СКИФа» за столом. Едят второе. Геолог Юрковский, красивый, немного стильный молодой человек, лениво ковыряет вилкой в куске телятины. Штурман-инженер Богдан Спицын, невысокий, полный, аккуратно подчищает корочкой подливку с уже пустой тарелки. Командир корабля Ермаков, сухощавый, совсем седой, аккуратный, ест неторопливо и методично. Спицын вздыхает и рассматривает свою пустую тарелку. Юрковский, украдкой поглядывая на Ермакова, отрезает половину своего куса телятины и медленно двигает свою тарелку к тарелке штурмана. Тот делает то же. Тарелки сближаются. Вилка Юрковского двигает телятину к штурману. Штурман тянется к телятине своей вилкой.

ЕРМАКОВ (*не поднимая глаз*). Владимир Сергеевич.

Юрковский замирает. Спицын торопливо придвигает к себе тарелку.

ЮРКОВСКИЙ. Э-э... Что вы сказали, командир?

ЕРМАКОВ. Доедайте второе.

ЮРКОВСКИЙ (*кладет вилку*). Мне не хочется что-то, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ (*поднимает на него глаза, говорит тихо и спокойно*). Владимир Сергеевич, я прошу вас доесть второе.

ЮРКОВСКИЙ. Неужели это так важно?

ЕРМАКОВ (*спокойно*). Мы не можем позволить себе дать Плутону хотя бы один шанс против нас.

ЮРКОВСКИЙ. Даже в виде этого несчастного кусочка телятины?

ЕРМАКОВ. Нарушение режима начинается с малого. У одних с кусочка телятины, у других с контрабандных пирожных!

СПИЦЫН (*бормочет растерянно*). Какое пирожное? Я понятия не имею о пирожных, Анатолий Борисович. Ах, пирожное...

Спицын вытаскивает из-за графина тарелку, полную пирожных, и разглядывает ее, словно видит впервые. Затем радостно восклицает:

— Ах, это? Впервые вижу... Я пирожные терпеть не могу...

Стараясь не глядеть ни на кого, штурман относит пирожные на буфет, затем вздыхает и вытирает корочкой уже и без того чистую тарелку.

Ермаков прикладывает к губам салфетку, следит, как Юрковский неохотно доедает, и говорит холодно:

— Как дети, черт бы вас побрал!

ГОЛОС ДЕЖУРНОГО (*в репродукторе*). Председатель Государственного Комитета прибыл и приглашает экипаж «СКИФа» в кабинет начальника космодрома.

Юрковский вскакивает и сейчас же садится под тяжелым взглядом Ермакова. Торопливо запихивает в рот остаток телятины.

ЕРМАКОВ. Обед закончен. Прошу в кабинет начальника.

* * *

Кабинет начальника космодрома инженера Смирнова. Светлое помещение с окном во всю стену. На столе несколько видеофонов, прибор селектора. За окном сад. Краюхин отчитывает Смирнова. Быков смиренно сидит в стороне, положив руки на колени.

КРАЮХИН. Сколько раз нужно повторять вам, Федор Григорьевич? Я категорически запрещаю посылать стажеров в трансмарсианские рейсы! А вы опять отпустили двух стажеров с Федотовым!

СМИРНОВ (*оправдываясь*). М-19-й очень надежный корабль, и сам Федотов...

КРАЮХИН. Он лентяй, ваш Федотов! И я отлично знаю, зачем он берет стажеров! И вы это отлично знаете...

ГОЛОС СЕКРЕТАРЯ (*в микрофон*). Экипаж «СКИФа» явился по вашему приказанию, товарищ Председатель Комитета!

КРАЮХИН. Приси...

Входят Ермаков, Юрковский и Спицын. Краюхин и Смирнов выходят из-за стола им навстречу. Молча, но сердечно здороваются.

КРАЮХИН. Рад сообщить вам, товарищи, что приказ о старте подписан. Личный состав утвержден безоговорочно. Поздравляю!

Ермаков спокойно кивает головой. Богдан Спицын радостно потирает руки. Юрковский самодовольно оглядывается.

КРАЮХИН (*продолжает*). Представляю вам четвертого члена экипажа — инженера Алексея Петровича Быкова.

Все смотрят на Быкова. Быков торопливо вскакивает и застенчиво кланяется. Краюхин подводит Быкова к Ермакову.

КРАЮХИН. Командир корабля и начальник экспедиции Анатолий Борисович Ермаков. С этой минуты поступаете в его распоряжение.

Ермаков пожимает руку Быкова, пристально глядя ему в глаза.

ЕРМАКОВ. Рад, товарищ Быков.

КРАЮХИН (*поворачивается к Юрковскому*). Геолог... точнее, планетолог и опытный межпланетник Владимир Сергеевич Юрковский. Между прочим, большой романтик.

ЮРКОВСКИЙ (*с полупоклоном*). Это мой порок, Николай Захарович?

КРАЮХИН. Напротив. Это ваше достоинство.

ЮРКОВСКИЙ. Тогда я спокоен! (*Поворачивается к Быкову*.) Очень рад. (*Пожимает ему руку*.) У вас большой опыт межпланетной деятельности?

БЫКОВ (*скромно*). Я лечу в первый раз.

Юрковский хочет что-то еще сказать, но Краюхин уже отводит Быкова к Спицыну.

КРАЮХИН. Богдан Богданович Спицын. Штурман-инженер и гордость советской космогации.

СПИЦЫН (*в крайнем смущении*). Ну что вы, Николай Захарович, право... Товарищ Быков может подумать... Очень рад, Алексей Петрович... (*Обмениваются рукопожатиями*.)

КРАЮХИН (*возвращается к столу*). Садитесь, товарищи. Несколько слов о порядке работы.

Все садятся.

КРАЮХИН. Старт через месяц. Штурман-инженеру ориентироваться на 12 июля.

СПИЦЫН. Есть, Николай Захарович.

КРАЮХИН. Приказ вам известен. Комплексная задача — всестороннее испытание эксплуатационно-технических качеств фотонной ракеты «СКИФ», высадка на Плутоне в

районе «Страны Мехти», оборудование в «Стране Мехти» базы-ракетодрома, первичная оценка предполагаемых геологических богатств...

ЮРКОВСКИЙ (*перебивает*). Почему — предполагаемых?

КРАЮХИН (*терпеливо*). В том, что эти богатства существуют, Владимир Сергеевич, уверены пока только вы... Все остальное человечество пока только предполагает.

ЮРКОВСКИЙ (*картинно вздыхает*). Ну, раз все человечество — уступаю.

КРАЮХИН (*продолжает*). Итак, первичная оценка предполагаемых геологических богатств и сбор геологических образцов, приближенный расчет экономической эффективности предполагаемого месторождения и при всех условиях благополучное возвращение на Землю!

ЕРМАКОВ (*спокойно*). Приказ ясен.

КРАЮХИН. Детальный план работы уточните на месте, мы не можем в этом кабинете предвидеть обстоятельства, с которыми вам придется столкнуться. Но помните одно — смерть Мехти должна быть последней жертвой на Плутоне! Это прямое указание Центрального Комитета, а мы с вами все коммунисты!

СПИЦЫН (*убежденно*). Ну, разумеется, Николай Захарович.

КРАЮХИН. Тогда у меня все. Есть вопросы?

ЮРКОВСКИЙ (*вкрадчиво*). У меня есть один вопрос... Если можно, конечно...

КРАЮХИН. Слушаю вас, Владимир Сергеевич.

ЮРКОВСКИЙ. Вот Комитет исключил из состава экспедиции второго геолога, моего помощника, видимо, его заменили товарищем Быковым, а что будет делать товарищ Быков в нашей экспедиции — лично мне не понятно. Новичок... Такой рейс все-таки...

КРАЮХИН. Товарищ Быков утвержден командиром вашего атомного вездехода.

ЮРКОВСКИЙ. Ах, он водитель?

КРАЮХИН (*терпеливо*). Инженер-водитель и химик-радиолог.

ЮРКОВСКИЙ (*Ермакову*). Это забавно...

КРАЮХИН. Больше вопросов нет?.. (*Молчание.*) Завтра начинаем проверку оборудования. Товарищ Ермаков, экипаж ваш.

ЕРМАКОВ (*повернувшись к экипажу*). Экипажу отдыхать!

Все уходят. Быкова уводит под руку Спицын.

КРАЮХИН (*Смирнову*). Дайте сводку загрузки «СКИФа» горючим.

* * *

«СКИФ» грузится. Он почти не виден за решетчатыми конструкциями кранов, он опутан покрытыми инеем трубопроводами. Броня на колпаке поднята. Многочисленные причудливые машины — грузовики, цистерны, контейнеры — стоят вблизи и вдали, подъезжают и уходят. Снуют люди. Внизу, у похожего на башню реакторного кольца, окруженный инженерами Краюхин.

Сверху голос Ермакова:

— Товарищ Председатель Комитета!

Краюхин поднимает голову. Ермаков стоит, высунувшись из люка.

ЕРМАКОВ. Шестой отсек заполнен.

КРАЮХИН. Вызывайте «Черепашу»!

* * *

У распахнутых настежь ворот длинного низкого ангара стоит «Черепаша» — атомный вездеход последнего выпуска, огромный обтекаемый танк с прозрачной лобовой броней. Возле «Черепашки» — Быков, вытирающий паклей руки, и представители завода, построившего танк, — пожилой инженер и молодая девушка.

ИНЖЕНЕР. Вы не волнуйтесь, Алексей Петрович. «Черепаша» — отличная машина. Она гораздо лучше горьковской модели, а ведь та как отлично себя в Антарктике показала!

БЫКОВ. То Антарктика, а то Плутон...

ИНЖЕНЕР (*категорически*). Никакой разницы.

БЫКОВ. То есть как это никакой разницы? Одна полторакратная тяжесть что значит!

ИНЖЕНЕР (*пренебрежительно*). Так здесь же на рессорах тройной запас прочности... А броня! А ширина гусениц! Да нет, можете ехать совершенно спокойно.

В кармане у Быкова гудит зуммер. Быков достает из кармана радифон, нажимает кнопку.

БЫКОВ. Слушаю.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Алексей Петрович, на погрузку!

БЫКОВ. Есть на погрузку! (*Прячет радифон.*) Ну вот и все. Прощайтесь со своим дитятей.

ИНЖЕНЕР. Ну, «Черепашка», счастливого пути. (*Хлопает танк по броне.*)

ДЕВУШКА (*торопливо*). Не забывайте, Алексей Петрович... Все замечания по машине... Аккуратненько записывайте... По возвращении, знаете... У вас всегда такие толковые замечания. Помните, по «Пионеру»?

БЫКОВ (*забирается в люк*). Не забуду, Танечка. Если только...

ДЕВУШКА. Понимаю, понимаю... Плутон! Ой, и зачем вы согласились!

«Черепаша» срывается с места и мчится по дороге... Останавливается... Встает на четыре ноги... Делает несколько неуклюжих шагов... Снова опускается на гусеницы. Неожиданно, вытянув железную лапу манипулятора, срывает цветок у обочины и... подает его девушке... «Черепаша» мчится по полю... Перескакивает через холм...

«Черепаша» приближается к «СКИФу». Она минует решетчатые постройки, несколько громоздких машин. Регулировщик с флажком показывает Быкову, где остановиться. Быков вылезает из люка, неотрывно глядя вверх. Он подавлен и даже не замечает, как за его спиной металлические щупальца кранов подхватывают и уносят его танк.

Быков делает несколько шагов и останавливается. Над его головой — блестящий свод отражателя фотонной ракеты — пятидесятиметровое вогнутое зеркало с круглой дырой в центре.

Чья-то рука опускается на плечо Быкова. Он вздрагивает и оборачивается. Перед ним улыбающийся Краюхин.

КРАЮХИН. Любуетесь, Алексей Петрович?

БЫКОВ. Да, я ведь впервые такое чудо вижу...

КРАЮХИН. Пойдемте, я вам покажу. (*Выводит Быкова в центр, под черное сопло фотореактора.*) Вот здесь, где мы с вами стоим, — фокус отражателя. Здесь протекает сумасшедшая реакция синтеза легких ядер. Полмиллиона водородных взрывов в секунду.

БЫКОВ. А как же земля, Николай Захарович? Ведь здесь все сгорит на тысячу километров вокруг...

КРАЮХИН (*посмеиваясь*). Для старта с Земли фотореактор, конечно, не годится. Он включается только в пространстве. А с Земли мы уходим вот на этих пяти обычных ракетах. (*Показывает на реакторные кольца.*)

БЫКОВ. Грандиозная махина...

КРАЮХИН. Эта махина — ключ ко Вселенной. Пойдемте, я познакомлю вас с нею поближе.

Они входят в кабину лифта... Поднимаются к куполу... Входят в кубическое помещение кессона...

КРАЮХИН. Тамбур-кессон.

Они поднимаются по трапу, оказываются в коридоре. Краюхин толкает двери с высокими комингсами и объясняет на ходу.

— Каюта...

— Каюта...

— Душевая...

— Радиообсерватория...

— Резервная штурманская...

Быков с любопытством заглядывает в каждую дверь. Он видит небольшие, прекрасно оборудованные помещения, обшитые блестящим и матовым пластиком, откидные койки, откидные столики, сверкающие стеклом и металлом сложные приборы, низкие мягкие кресла особого устройства, с широкими ремнями.

КРАЮХИН. Кают-компания...

Они входят в круглое помещение. Стол, мягкие кресла, экраны магнитовидеофонов, дверцы шкафов, вделанных в стены.

КРАЮХИН. Здесь будете отдыхать, развлекаться, а самое главное — переживать старты и финиши. А теперь поднимемся в мозговой центр корабля, в рубку. Поглядите, во время рейса вход туда воспрещен.

Они поднимаются в рубку. Вдоль изогнутой стены — высокие, до сферического потолка, светло-серые шкафы — это кибернетический штурман, мозг корабля. На шкафах перемигиваются крошечные светлые глазки. Корабль еще на Земле, но он уже живет своей огромной и сложной, скрытой от глаз жизнью. Посредине рубки на возвышении — штурманский стол, рядом впритык — электронно-счетная машина. Между штурманским столом и стеной — кресло командира, перед креслом сравнительно небольшой пульт. По сторонам пульта, закрытые пластмассовыми чехлами, коробки ручного биоточного управления.

Ермаков и Спицын вводят программы в киберштурман. Краюхин ведет Быкова по рубке.

КРАЮХИН *(бегло показывая)*. Киберштурман... Электронно-счетная машина... Комбайн контроля отражателя... Комбайн контроля реакторов... Пульт контроля фотореактора... Ручное биоточное управление... Пульт управления электронным проектором... Контроль противометеоритного устройства... Что еще? *(Останавливается возле Ермакова и Спицына.)* О, самое главное, чуть не забыл... Два пилота, которые искусно управляют этим хозяйством... В настоящий момент они... *(Нагибается и заглядывает через плечо Ермакова.)* ...вводят стартовую программу в киберштурман.

СПИЦЫН *(поднимается)*. Уже ввели, Николай Захарович... *(Быкову.)* Тут посложнее, чем атомный вездеход, правда, Алексей Петрович?

БЫКОВ *(неуверенно)*. Так мне кажется, во всяком случае.

КРАЮХИН. Ничего, ничего, вот вернется с Плутона, пошлем в Школу Высшей Космогации. Пойдете, Алексей Петрович?

БЫКОВ *(подумав)*. Надо сначала подумать... *(Кашлянул.)* Вернуться.

Все смеются. Краюхин грозит Быкову пальцем.

КРАЮХИН. Но-но, смотрите у меня! Задание не помните?

В дверь просовывается голова Юрковского.

ЮРКОВСКИЙ *(сухо)*. Командир, отметьте. Маяки погружены.

ЕРМАКОВ. Отлично.

КРАЮХИН. А теперь, Алексей Петрович, поднимемся для полноты впечатления на купол.

Все пятеро выходят на купол «СКИФа» и молча смотрят на землю. Под ними бескрайние степи, голубая дымка на горизонте, белые домики городка, зелень садов, блестящие нитки дорог. Гигантские эстакады рейсовых планетолетов.

За горизонтом поднимается пыль, гремит далекий гром, встает столб огня. В синюю высь, набирая скорость, уходит ракета.

ЮРКОВСКИЙ. Лунник стартовал.

СПИЦЫН (*мечтательно*). Скоро и мы вот так двинем...

КРАЮХИН. И через три месяца вы увидите отсюда совсем другие пейзажи.

Быков искоса глядит на межпланетников. Лица: спокойное — Ермакова, гордое — Юрковского, довольное — Спицына, задумчивое — Краюхина.

КРАЮХИН. Завидую вам, мальчишки!

* * *

Утро старта. Автомобили движутся по улицам городка. Вдоль улиц сплошной стеной стоят люди — работники «Седьмого Полигона» и их семьи. Люди молчат и только смотрят. Дорога усыпана живыми цветами.

Быков сидит в машине между Спицыным и Юрковским.

БЫКОВ (*едва слышно*). Богдан Богданыч, почему так тихо?

СПИЦЫН (*тоже шепотом*). Такой закон в городке... Чтобы на нервы не действовать...

БЫКОВ. Ага...

СПИЦЫН. Это ведь работа — то, что мы делаем. Обычный рейс. Вот когда вернемся... (*Улыбается.*) Вот тогда тишины не будет.

Машины несутся по ракетодрому... Подкатывают к «СКИФу»... Все выходят. Экипаж выстраивается в ряд. Ермаков, Юрковский, Спицын, Быков. За их спинами громоздится «СКИФ», уже свободный от лесов, озаренный розовым утренним солнцем.

КРАЮХИН (*останавливается перед строем*). Ну, что вам сказать на прощание... Вы молоды и органически лишены драгоценного дара осторожности. Говорить с вами о благоразумии — это сотрясать атмосферу. Но я хочу еще раз напомнить вам об одном. И это не пустые слова. Ваш рейс — необычный рейс. От вас сейчас зависит — получит ли человечество сокровища девятой планеты для превращения нашей Земли в цветущий сад. Никому, кроме вас, советских космонавтов, коммунистов, не дано совершить это. Я кончил.

Краюхин неуклюже обнимает всех членов экипажа по очереди.

За ним с экипажем прощаются остальные провожающие.

КРАЮХИН (*командует*). К старту!

ЕРМАКОВ. По местам!

Экипаж направляется к подъемнику. Провожающие во главе с Краюхиным возвращаются к машинам. С поднимающейся площадки лифта видно, как машины с места трогаются на полный ход и стремительно удаляются в пустыню.

Кают-компания. Ермаков и Спицын быстро проходят по трапу в рубку. Юрковский и Быков садятся в кресла и пристегиваются ремнями.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Внимание!

Загорается зеленая лампа.

— Старт!

Лицо Краюхина в амбразуре наблюдательного пункта.

Несколько секунд «СКИФ» стоит неподвижно — один среди бескрайней равнины. Затем из-под реакторных колец вырываются клубы пламени. Туча пыли заволакивает ракету до самого колпака. Секунда, другая — и «СКИФ» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее поднимается в синее небо. Вот он блеснул на мгновение в лучах солнца и исчез.

Кают-компания. Юрковский с усмешкой смотрит на Быкова, судорожно вцепившегося в подлокотники кресла.

Из рубки спускается веселый Спицын.

СПИЦЫН. Развязывайтесь, друзья! Мы в пространстве!

БЫКОВ (*растерянно*). Уже!

ЮРКОВСКИЙ. Ну, разумеется. А вы как думали? «Отважные межпланетники, героически сопротивляясь все возрастающей силе тяжести, мужественно глядели в глаза опасности...»

СПИЦЫН. А что? Так и было когда-то!

* * *

Космос... Через черное поле, усыпанное звездами, стремительно несется, вспыхивая фотонным реактором, «СКИФ». Земля и Луна — два огромных серпа перед пылающим Солнцем. «СКИФ» исчезает среди звезд...

Рубка планетолета. Ермаков у пульта. Нагибается над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время — ноль суток, восемь часов, ноль-ноль минут... Скорость относительно Солнца шесть тысяч метров в секунду... Ускорение один запятая один «же»... Двигатель в норме... Экипаж работает по распорядку...

Кают-компания. Юрковский, расстелив на столе карту Плутона, прикидывает циркулем и курвиметром возможные маршруты передвижений в «Стране Мехти».

Радиообсерватория. Спицын производит измерения радиоизлучения Солнца. На круглом экране оптического преобразователя — мохнатый солнечный диск. Быков, затаив дыхание, наблюдает за работой Спицына.

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время одиннадцать суток, восемь часов, ноль-ноль минут... Скорость шестьдесят тысяч метров в секунду...

Кают-компания. Спицын и Быков сидят за столом. Спицын придирчиво проверяет столбцы вычислений, немилосердно чиркая красным карандашом.

СПИЦЫН (*ворчливо*). Забыли интегралы, Алексей Петрович, забыли! Как же мы с такими знаниями к тензорному исчислению перейдем?

БЫКОВ (*крайне скромно*). Может быть, постепенно?

СПИЦЫН. К завтрашнему дню восемь задач на дифференциальные уравнения. Любые, прямо по задачнику...

БЫКОВ. Есть восемь задач.

* * *

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время двадцать пять суток, восемь часов, ноль-ноль минут...

Грузовой отсек «СКИФа». Перед прозрачной лобовой броней «Черепахи», стиснутые в тесных стенах отсека, Быков, Спицын и Юрковский. Быков читает лекцию. Спицын слушает внимательно, держа наготове блокнот и карандаш. Юрковский томно зевает, облокотившись на гусеницу танка.

БЫКОВ (*наставительно*). Незнание особенностей транспортера, особенно в незнакомой местности, например, в Антарктиде, или, скажем, на Плуtone, может повлечь чрезвычайно тяжелые последствия. Вот почему каждый из вас обязан знать эксплуатационно-технические качества атомного вездехода «ЗИЛ-86Л»...

ЮРКОВСКИЙ (*сквозь зевок*). Именуемого в просторечье «Черепаха».

БЫКОВ. Вот товарищ Юрковский и расскажет нам сейчас...

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время тридцать двое суток, восемь часов, ноль-ноль минут... Скорость относительно Солнца два запятая четыре мегаметра в секунду... Ускорение один «же»... Двигатель в норме...

Ермаков встает и подходит к одному из аппаратов у стены. Нажимает кнопку. Из щели в аппарате толчками выползает узкая голубая лента с волнистой чертой вдоль нее.

ЕРМАКОВ (*не оборачиваясь*). Богдан Богданович.

Спицын сидит за штурманским столом. В руках у него тонкая брошюрка, глаза подняты к потолку, он шепчет что-то про себя...

Ермаков подходит к нему.

ЕРМАКОВ. Что это у вас, Богдан Богданович?

Спицын молча показывает ему обложку брошюрки.

Брошюрка озаглавлена: «Атомный вездеход ЗИЛ-86Л»...

СПИЦЫН (*со вздохом*). Загонял нас Быков! Юрковский — и тот учит!

ЕРМАКОВ. Быков мне нравится. Он с характером. А как у вас с программой выхода к Плутону?

СПИЦЫН. Мало данных. Придется уточнить на подходе.

ЕРМАКОВ. Хорошо. Вы знаете, что первый слой отражателя выгорел? (*Протягивает Спицыну ленту записи.*)

СПИЦЫН (*просматривает ленту*). А что вы хотите, Анатолий Борисович, второй миллиард километров пошел!

В репродукторе деловитый голос Быкова:

— Экипажу обедать!

Спицын вскакивает и торопливо собирает бумаги на столе.

* * *

Кают-компания. Все за столом. Быков подает последнее блюдо — виноградный сок в высоких бокалах.

СПИЦЫН (*с наслаждением отхлебывая*). Ну, накормил нас, Алексей Петрович!.. Придется тебе по математике пятерку поставить!

ЮРКОВСКИЙ. По кулинарии. Одни бифштексы можно оценить на пять с плюсом!

Неожиданно на стене тускло загорается экран электронного проектора. Появляется размытое изображение лица. Далекий, едва слышный голос произносит:

— «СКИФ»... «СКИФ»... Говорит база Бамберга... Говорит Костиков. Все работники базы Бамберга передают привет и наилучшие пожелания командиру Ермакову, штурман-инженеру Спицыну, планетологу Юрковскому, инженеру Быкову... Успеха, друзья...

Слышится сигнал, похожий на сигнал точного времени. Тот же голос говорит:

— Пятнадцатого августа девять ноль-ноль мирового времени.

Экран гаснет. Ермаков смотрит на часы.

ЕРМАКОВ. Девять ноль-пять. Спасибо, Бамберга.

БЫКОВ (*удивлен*). У кого же часы правильнее?

ЕРМАКОВ. И у нас, и у них. От Бамберги радиоволны идут до нас пять минут.

БЫКОВ. А что это такое — Бамберга?

ЕРМАКОВ (*рассеянно*). Это наша планетологическая база на астероиде Бамберга. Последний пост человечества в Солнечной системе. Дальше только мертвая материя, пустота и мы.

ЮРКОВСКИЙ. Я знаю Костикова. Работал с ним на Луне когда-то. Дельный парень. Умница.

Быков собирает и уносит посуду.

В камбузе он некоторое время стоит неподвижно, затем гордо и торжественно говорит вслух:

— Дальше только мертвая материя, пустота... и мы!

* * *

Рубка планетолета. Ермаков над микрофоном.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время тридцать восемь суток, восемь часов, ноль-ноль минут...

Каюта Спицына. Богдан Богданович сладко спит, причмокивая губами.

Кают-компания. Юрковский возлежит в кресле и читает «Овода».

Каюта Быкова. Здесь тесно. Между койкой и стеной едва можно повернуться. Быков лежит на узкой койке и пытается уснуть. Вертится с бока на бок. Сначала он не замечает тонкого свиста, проникшего в каюту. Свист усиливается. На лицо Быкова падают розовые отблески. Быков открывает глаза. Лицо его искажается ужасом, когда он видит, как крошечная лампочка в обшивке стены над дверью наливается кровавым светом. Свист сменяется пронзительными трелями звонка.

Быков срывается с койки и в халате на голом теле выскакивает в коридор. В коридоре тоже красные лампочки и звон. Быков бежит по коридору и скатывается по трапу в кают-компанию...

БЫКОВ (*кричит*). Излучение!

В кают-компании уже все остальные. Ермаков, Спицын и Юрковский неподвижно замерли, каждый на том месте, где его застал тревожный сигнал. Все смотрят на лампочку и слушают звон.

БЫКОВ (*значительно тише*). Излучение!

ЮРКОВСКИЙ (*не поворачивая головы*). Видим и слышим.

БЫКОВ. Почему? Откуда?

ЮРКОВСКИЙ. Праздный вопрос.

БЫКОВ (*подходит к Спицыну*). Может быть, можно закрыться?

СПИЦЫН. Спецкостюмы?

БЫКОВ. Ну да!

ЮРКОВСКИЙ. Ерунда! Спецкостюмы! Пробило оболочку и защитный слой...

Тревожный сигнал усиливается... Еще ярче вспыхивают красные сигналы тревоги.

ЕРМАКОВ (*задумчиво*). Да... От этого не закроешься.

СПИЦЫН. Будем ждать и считать секунды...

Быков видит, как все наблюдают за секундной стрелкой электрических часов на стене.

ЮРКОВСКИЙ. Рентген сто, не меньше.

СПИЦЫН. Больше.

ЕРМАКОВ. Сто пятьдесят.

Юрковский берет со стола циркуль Спицына и принимается сгибать его трясущимися пальцами.

ЮРКОВСКИЙ. Сто пятьдесят — раз, сто пятьдесят — два... Честное слово, я прямо чувствую, как в меня врезаются протоны... Интересно, долго это будет продолжаться?

СПИЦЫН. Если больше пяти минут — нам труба!

БЫКОВ. А сколько же прошло?

ЕРМАКОВ (*после паузы*). Прошло три минуты пятнадцать секунд.

Все смотрят на лампочки... Звенит сигнал... Отсчитывая секунды, неумолимо движется стрелка часов...

Юрковский не выдерживает. Он срывается с места и стремительно идет по кают-компании...

ЮРКОВСКИЙ. Слушайте, командир, нельзя ли выключить этот проклятый перезвон? Я не привык умирать в таких условиях!

Юрковский, как в подтверждение своих слов, сжимает циркуль в кулаке, и тот ломается. Юрковский бросает обломки на стол. Спицын невозмутимо смотрит на обломки, на Юрковского...

СПИЦЫН *(спокойно)*. Первая жертва лучевой атаки... Владимир Сергеевич, будь другом, засунь руки в карманы.

Юрковский, намеревавшийся взять в руки счетную линейку, невольно отдергивает руку и снова устремляется в свой поход по кают-компани.

ЕРМАКОВ. Четыре минуты...

Внезапно все стихает. Сигнальные лампы гаснут. Некоторое время все молчат.

ЕРМАКОВ. Четыре минуты двенадцать секунд... Отбой!

СПИЦЫН *(облегченно)*. Ф-фу... Пронесло... *(Поворачивается к Юрковскому.)* А ты все-таки фат, Володенька Сергеевич, да еще и психопат притом...

ЮРКОВСКИЙ. Ну-ну...

СПИЦЫН. Ты не нукай, а достань-ка лучше новый циркуль... И в следующий раз ломай свои циркули...

ЮРКОВСКИЙ. Тебе хорошо... а у меня и без того на счету целая куча этих рентгенов!

ЕРМАКОВ *(задумчиво)*. Удивительное невезение. Такие вещи раз в сто лет бывают.

БЫКОВ. А что это было?

ЮРКОВСКИЙ. Ясно даже и ежу — космическое излучение. Впрочем, в Антарктике вы этого не проходили.

Быков так рад, что не реагирует на выпад.

БЫКОВ. А я, признаться, думал, что у нас кожух фотореактора пробило...

СПИЦЫН. Если бы лопнул кожух, мы с тобой, Алексей Петрович, путешествовали бы дальше в виде космической пыли.

ЕРМАКОВ. Нет. Это был, конечно, блуждающий пакет.

БЫКОВ *(удивленно)*. Блуждающий кто?

ЮРКОВСКИЙ *(авторитетно)*. Блуждающий пакет, товарищ химик-водитель, есть не что иное, как туча протонов сверхвысоких энергий. Какая-нибудь звезда в оное время выплюнула протуберанец, и потащился он между звездами, подгоняемый магнитными полями, а мы в него и врезались...

ЕРМАКОВ. А он таскался, может быть, миллионы лет...

СПИЦЫН. Редчайший случай.

ЕРМАКОВ *(с обычной сухостью)*. Экипажу немедленно в медотсек, на прививку арадиотина.

СПИЦЫН *(жалобно кряхтя)*. А может, обойдемся, Анатолий Борисович?

ЕРМАКОВ. Нет, не обойдемся. Вы, Спицын, первый. Жду вас в медотсеке через две минуты. *(Уходит.)*

СПИЦЫН *(снимая куртку)*. Терпеть не могу уколов, братцы...

ЮРКОВСКИЙ. А я терпеть не могу лучевой болезни. Иди, а то я пойду вне очереди.

СПИЦЫН. Вне очереди командир все равно не пустит... Пойду, ладно уж... *(Уходит.)*

БЫКОВ *(с иронией)*. Все-таки, Владимир Сергеевич, «отважным межпланетникам» приходится иногда «мужественно смотреть в глаза опасности»?

ЮРКОВСКИЙ *(усмехается)*. Это, дорогой товарищ, еще не опасность... Это элементарный первобытный страх, всего-навсего!.. А вот...

ГОЛОС ЕРМАКОВА *(по радио)*. Юрковский, в медотсек!

* * *

Рубка. Ермаков, нагнувшись над микрофоном бортового журнала, говорит:

— Абсолютное время сорок шесть суток, восемь часов, семь минут. Скорость девять миллионов восемьсот тридцать три тысячи метров в секунду. Ускорение один запятая один «же». Готовимся к повороту для торможения.

Кают-компания. Юрковский с презрительным видом выносит посуду на камбуз. Быков, развалившись в кресле, делает вид, что читает книгу.

ГОЛОС ЕРМАКОВА (*в микрофон*). Подготовиться к повороту — Юрковскому и Быкову закрепить в креслах.

Юрковский выскакивает из камбуза и с радостным видом бросается в кресло. Быков в недоумении.

ЮРКОВСКИЙ. Пристегивайтесь, юноша. Будем переворачиваться.

БЫКОВ (*медленно начинает пристегиваться*). Как переворачиваться?

ЮРКОВСКИЙ. А так, вверх ногами. Пристегнулись?

БЫКОВ. Пристегнулся. А что все-таки будет?

ЮРКОВСКИЙ. Я же говорю, пойдем к Плутону кверху ногами.

Руки Быкова судорожно вцепляются в подлокотники.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Готовы?

ЮРКОВСКИЙ (*небрежно*). Вполне.

БЫКОВ (*неуверенно*). Кажется, да...

Рубка. Ермаков и Спицын, пристегнутые к креслам, глядят на приборы.

СПИЦЫН (*тихо*). Пять... четыре... три... два... один... Ноль!

Палец Ермакова нажимает клавишу.

В космосе. «СКИФ» плавно, но быстро переворачивается на сто восемьдесят градусов. Вспышки плазмы направлены теперь вправо от зрителя.

В кают-компании. Заканчивается момент поворота, словно взмах гигантских качелей. Напряженное лицо Быкова. Дверь на камбуз распахивается, выкатываются грязные тарелки.

Из рубки спускается Спицын.

СПИЦЫН. Вот и все. Расстегивайтесь.

Быков расстегивается, робко поднимается.

БЫКОВ. Богдан Богданыч, правда, что мы сейчас вверх ногами?

Спицын удивлен, затем, поняв, в чем дело, поворачивается к Юрковскому.

СПИЦЫН. Мы? Нет, мы с тобой нормально. Это Юрковский вверх ногами.

Юрковский молча ползает по полу и собирает посуду.

СПИЦЫН (*говорит, показывая руками*). Мы просто начинаем торможение, Алеша. Прошли половину пути реактором к Солнцу, набрали скорость в десять тысяч километров в секунду, а теперь перевернулись реактором к Плутону, чтобы прийти к цели с нулевой скоростью.

БЫКОВ. Только и всего?

ЮРКОВСКИЙ (*из-под стола*). Только и всего! Святая простота!

* * *

Рубка планетолета. Ермаков у микрофона бортового журнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время пятьдесят шесть суток... Скорость девять мегаметров в секунду... Экипаж занимается по распорядку...

Наплывом: Спицын работает у счетной машины... Юрковский спит, вытянувшись на своей узкой койке, положив книгу на грудь... Быков в камбузе готовит какое-то оригинальное блюдо...

ЕРМАКОВ (*у микрофона*). Абсолютное время шестьдесят пять суток... Скорость семь мегаметров в секунду...

Наплывом: Спицын дремлет в кресле у включенного магнитовидеофона... На экране кадры веселой музыкальной комедии... Быков принимает экзамены у Юрковского в тесном грузовом отсеке, где закреплена «Черепашка»...

ЕРМАКОВ (*у микрофона*). Абсолютное время восемьдесят семь суток, шестнадцать часов, десять минут... Скорость относительно Солнца двадцать три тысячи метров в

секунду... Ускорение один запятая два «же»... Двигатель в норме... Выгорел третий слой отражателя... Готовимся к выходу на орбиту возле Плутона... *(Поворачивается к Спицыну, напряженно работающему за штурманским столом.)* Богдан Богданович, пора?

СПИЦЫН *(заметно волнуясь)*. Можно начинать.

ЕРМАКОВ. Оповестите экипаж!

Камбуз. Юрковский с недовольным видом приготовляет незамысловатое блюдо... На пороге появляется Спицын.

СПИЦЫН. Володя! Выходим к Плутону!

Юрковский, не говоря ни слова, бросает все и выскакивает в кают-компанию.

Каюта. Быков спит, свернувшись калачиком под простыней. Распахивается дверь, и входит Спицын.

СПИЦЫН *(громко)*. Алеша! Плутон! *(Быков не реагирует.)* Вставай же, тебе говорят! *(Трясет за плечо.)*

Быков недовольно мычит и переворачивается на другой бок. Тогда Спицын встряхивает его и с трудом переводит в сидячее положение. Быков открывает глаза.

БЫКОВ *(недовольно)*. В чем дело?

СПИЦЫН. Подходим к Плутону!

БЫКОВ *(все еще не проснувшись)*. К какому Плутону?.. *(Вдруг сообразив.)* Ах, к Плутону!.. *(Вскакивает.)*

* * *

Космос. «СКИФ» с погашенным реактором медленно ползет среди звезд. На экран выползает гигантский тускло-зеленый диск Плутона...

* * *

Кают-компания. Юрковский и Быков сидят, пристегнувшись, в креслах. Помещение слабо освещено. Одна стена кают-компании служит экраном электронного проектора. На фоне черного неба медленно поворачивается тусклый зеленоватый диск Плутона... Тяжести на «СКИФе» нет, поэтому Быков и Юрковский придерживаются за подлокотники кресел. Через помещение протянуты несколько тонких шнурков. В воздухе медленно плавают забытые предметы — записная книжка, авторучка, листки бумаги... Юрковский и Быков молчат, пристально разглядывая страшную планету... Атмосферный панцирь Плутона кипит, это заметно по движениям теней на его поверхности.

ЮРКОВСКИЙ *(вдруг вскидывается)*. Страна Мехти!..

БЫКОВ. Где? *(Резко наклоняется вперед и чуть не вылетает из кресла.)*

ЮРКОВСКИЙ. Тише, расшибете голову... Вон, видите?

Плутон на экране поворачивается теневой стороной... На терминаторе (границе света и тени) видно нечто вроде огромного завихрения. На теневой стороне оно слабо отсвечивает розовым.

БЫКОВ. Таинственная «Страна Мехти»... Что же это такое?

ЮРКОВСКИЙ. Скоро мы это узнаем... Мы пройдем ее из конца в конец... Перевернем там каждый камешек... *(Нетерпеливо и с досадой оглядывается на люк в рубку.)* Ну чего они тянут там?

«СКИФ» выходит на теневую сторону Плутона. Диск планеты почти не виден, только красноватые искры там и сям обозначают его.

ЮРКОВСКИЙ *(словно в бреду)*. Вулканы... Кипящая атмосфера... Какая планета!

БЫКОВ *(очень искренне)*. Владимир Сергеевич...

ЮРКОВСКИЙ. Вы хоть чувствуете, какой это рай для геологов?

БЫКОВ. Владимир Сергеевич, вот об этом я и хочу сказать... У вас нет второго геолога...

ЮРКОВСКИЙ *(резко)*. Не напоминайте мне об этом!

БЫКОВ. Может быть, я могу в какой-то степени заменить вам его?

ЮРКОВСКИЙ *(поворачивается к Быкову, несколько секунд с недоумением глядит на него, затем качает головой)*. Геологом нужно родиться.

В рубке. Мир без тяжести. Ермаков и Спицын, переползая от машины к машине, делают последнюю проверку готовности аппаратуры. Здесь экраном служит сферический потолок, рассеченный координатной сеткой. На экране плывет толстеющий на глазах серп Плутона.

СПИЦЫН. Кажется, все в порядке, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ. Да, можно начинать посадку.

СПИЦЫН *(с сомнением)*. Не слишком ли к северу мы взяли? Ведь уходим от «Страны Мехти»...

ЕРМАКОВ *(сухо)*. Нет. Лишние сто километров ничего не значат. А точно будем садиться — когда построим ракетодром.

Ермаков, цепляясь за тросик, пробирается к своему креслу у пульта и пристегивается ремнями.

ЕРМАКОВ. Богдан Богданович, ступайте в каюту.

СПИЦЫН. Почему?

ЕРМАКОВ. Так мне будет спокойнее. Идите, идите. Я... Один.

Кают-компания. Спицын быстро и ловко спускается в свое кресло.

ЮРКОВСКИЙ. Почему ты не в рубке?

СПИЦЫН *(пристегиваясь)*. Сейчас командир начинает свой второй поединок с Плутоном.

Рубка. Ермаков наклоняется над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время восемьдесят восемь суток, один час, тринадцать минут. Начинаю посадку на Плутон. *(Поворачивается к микрофону интеркома — внутреннего телефона.)* Старт через пять минут. Даю Солнце.

Кают-компания. Экран гаснет и загорается снова. На этот раз он полон звезд и между ними — одна, ослепительно яркая...

БЫКОВ. Что это?

СПИЦЫН. Солнце, Алеша. Перед спуском на планету есть обычай последний раз посмотреть на Солнышко.

ЮРКОВСКИЙ *(задумчиво)*. Сколько раз спускался на другие планеты, но никогда еще не видел его таким крошечным.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Три минуты до старта.

СПИЦЫН *(отвечая Юрковскому)*. Шесть с половиной миллиардов километров за спиной.

Экран гаснет, вспыхивает свет.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Старт!

Все обретает вес. Оседают в креслах люди. Падают книжка, катится по полу авторучка.

БЫКОВ. А почему Анатолий Борисович в рубке? Разве спуск не автоматический?

ЮРКОВСКИЙ *(с досадой)*. Кто же спускается на автоматах в кипящей атмосфере?

СПИЦЫН. Нас же раздавило бы, как улиток под каблуком.

БЫКОВ *(недоуменно)*. А я думал, машина...

ЮРКОВСКИЙ. Машина — она дура. В непредвиденных обстоятельствах она легко идет на самоубийство.

СПИЦЫН. А нам это ни к чему.

Помещение дрогнуло. «СКИФ» качнулся. Спуск начался.

Рубка. Глаза Ермакова прикованы к приборам. Мокрые от пота кисти рук лежат на панелях биоточного управления. Внешне напряженная работа командира выражается только в движении глаз по приборам и по едва заметному дрожанию пальцев. Приборы —

несколько десятков крошечных светящихся окошечек на пульте — в непрерывном изменении. Они вспыхивают разноцветными огнями. Рубка непрерывно и неритмично покачивается. Чувствуется, что «СКИФ» уже находится в сфере действия каких-то огромных сил. И полная тишина.

ГОЛОС СПИЦЫНА. Анатолий Борисович, трудно?

ЕРМАКОВ (*сквозь зубы*). Трудно.

ГОЛОС СПИЦЫНА. Бесится Плутон...

ЕРМАКОВ. Не мешай!

Кают-компания. Толчки всё усиливаются. Космонавтов то глубоко вдавливают в кресла, то чуть не выбрасывают, так, что ремни впиваются в тело.

Быков, держась за ремень, нервно покашливая, осторожно косится на товарищей. Видимо, даже бывалым межпланетным волкам не по себе. Юрковский внешне спокоен, но бледен и весь мокрый от пота. Спицын откровенно охает при каждом толчке. Но он бодрится.

СПИЦЫН. Ничего, ничего, голубчик, все равно сядем... все равно наш будешь...

ЮРКОВСКИЙ (*с нарочитой бодростью*). Может, споем?

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Внимание!

СПИЦЫН (*тихо*). Все. Садимся.

Пол встает дыбом. Начинаются невообразимые рывки и толчки. Кто-то стонет. Крупно — лицо Быкова, мокрое и несчастное. У него широко раскрыты глаза.

В его глазах кают-компания расплывается в бесформенные цветные пятна. Возникают радужные круги.

В вихрях черной бури, озаряемый багровыми вспышками, раскачиваясь и кренясь, «СКИФ» идет на посадку. Из-под отражателя вспыхивает слепящее пламя. При каждой вспышке «СКИФ» словно подпрыгивает. Вот внизу стремительно проносится вершина черной скалы. Навстречу «СКИФу» поднимаются огромные клубы фиолетового пара. «СКИФ» медленно снижается и исчезает в облаках пара. Мертвая тишина.

Рубка. Руки Ермакова сползают с пультов биоточного управления. Ермаков откидывается на спинку кресла. Закрывает глаза.

ЕРМАКОВ (*шепотом*). Вот и все.

Кают-компания. Пассажиры лежат неподвижно, необычайно глубоко провалившись в кресла. Первым приходит в себя Спицын. Он пытается приподняться, но сейчас же охает и снова валится.

СПИЦЫН. Вот это встряска... Алексей, Володя! Живы? Кажется, мы сели!

ЮРКОВСКИЙ (*стонет*). Что такое... я пошевелиться не могу...

СПИЦЫН (*радостно кричит*). Значит, мы сели! Слышите, ребята? Мы сели! Мы на Плутоне! Вот она — полуторакратная тяжесть! (*Смеется, с видимым усилием поднимает руки.*)

ЮРКОВСКИЙ (*брюзгливо*). Черт, я совсем забыл... Нужно быть осторожным теперь... а то с непривычки все кости переломаеть...

БЫКОВ (*слабым голосом*). А где командир?

Рубка. Ермаков склонился над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Абсолютное время восемьдесят восемь суток, два часа, двадцать пять минут... «СКИФ» на Плутоне... Посадка прошла благополучно... Состояние экипажа...

ГОЛОС ЗА КАДРОМ. Отличное!

Ермаков оглядывается. В дверях рубки три улыбающихся лица.

ЕРМАКОВ (*в микрофон*). Удовлетворительное.

* * *

«СКИФ» на Плутоне. Обширная ледяная равнина. Из фиолетового льда торчат нагромождения черных скал. Базальтовые глыбы, подобно клыкам исполинских

животных, окружают сверкающий лиловым инеем межпланетный корабль, вмерзший в лед на треть высоты. Вечная буря несет тучи черной пыли, по низкому небу несутся багровые облака. Свист и вой ветра. На горизонте дрожит далекое голубое зарево. Слышится приглушенный гул «Страны Мехти».

Купол «СКИФа». Откидывается люк. На купол выбираются, поддерживая друг друга, Ермаков, Юрковский, Спицын и Быков. Они в спецкостюмах. Ермаков, Юрковский и Спицын взволнованно, но деловито и внимательно осматриваются. Только Быков заморожен дикой и страшной красотой этого места.

ЕРМАКОВ (*указывает рукой на далекие зарницы*). «Страна Мехти» там... Километров сто пятьдесят...

ЮРКОВСКИЙ. Может, поднимем «СКИФ» и перелетим?

СПИЦЫН. Мало тебя трясло?..

ЕРМАКОВ. Нет, пойдем на «Черепaxe». Алексей Петрович!

Ответа нет. Быков, не отрываясь, глядит в сторону «Страны Мехти».

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович!

БЫКОВ (*поворачивается и восторженно сообщает*). Анатолий Борисович!.. Товарищи!.. Мне кажется... Я думаю... «Страна Мехти» вон там! Там!

Юрковский и Спицын смеются.

ЮРКОВСКИЙ. Вы подумайте, какой нюх! Быков, назначаю вас своим заместителем.

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович, сгружайте «Черепaxу». Готовность к маршу через два часа. Юрковский и Спицын — приготовить к погрузке маяки и оборудование. Всё.

* * *

Два часа спустя. У подножья «СКИФа» «Черепaxа» готова к старту. Под ее гусеницами уже намело черной пыли. Быков и Юрковский прощаются со Спицыным и лезут в танк.

ЕРМАКОВ (*пожимая руку Спицына*). Приказ понятен?

СПИЦЫН. Да. Связь ежесуточно в восемнадцать ноль-ноль по абсолютному. От «СКИФа» не отлучаться ни на шаг ни при каких обстоятельствах.

ЕРМАКОВ. Все правильно. До свидания, Богдан.

Он поворачивается и скрывается в люке танка. Танк трогается и вскоре исчезает в черной метели.

Спицын медленно машет вслед рукой.

* * *

«Черепaxа» медленно сползает с отрогов ледяной равнины. Впереди неоглядная черная пустыня. Ветер несет черную поземку. На фоне багрового неба, величественно раскачиваясь, проползают вдали тонкие, похожие на змей, столбы смерчей.

В кабине. Быков ведет машину, уверенно манипулируя клавишами управления. Позади, на ящиках с оборудованием, Юрковский отмечает на карте движение «Черепaxи».

Счетчики радиации. Медленно мигают красные огоньки. Ермаков поворачивается, смотрит.

ЕРМАКОВ. Пятнадцать рентген.

БЫКОВ. Многовато для начала.

ЮРКОВСКИЙ. Хорошо бы начать брать пробы грунта... Вон там слева...

ЕРМАКОВ. Нет. Выходить будем только при крайней необходимости.

ЮРКОВСКИЙ. Всего на пять минут — зачерпнуть пыли в контейнер.

ЕРМАКОВ. А потом пятнадцать литров воды на дезактивацию.

БЫКОВ. А зачем выходить, Анатолий Борисович? Если разрешите... Где ваш контейнер, Владимир Сергеевич?

Юрковский пожимает плечами, затем неохотно лезет в бортовой отсек.

Танк останавливается. Из-под днища выдвигаются манипуляторы, которые ловко выхватывают из люка контейнер, зачерпывают пыль и подают контейнер обратно в люк.

ЮРКОВСКИЙ (*очень вежливо*). Благодарю вас, товарищ Быков. Не ожидал.

Быков молча трогает клавиши. Танк идет вперед.

Внезапно впереди за горизонтом вспыхивает на полнеба ослепительное зарево.

ЕРМАКОВ. «Страна Мехти» приветствует нас. Приготовьтесь, товарищи. Сейчас что-то будет. Всем пристегнуться.

На горизонте, гася багровое небо, встает непроглядная стена клубящейся черной пыли. Танк замедляет ход, и вдруг на него обрушивается бешеный ураган. Танк встает дыбом. Наступает тьма, озаряемая вспышками молний. Ураган несет миллионы тонн пыли, обломков скал.

В кабине Быков напряженно манипулирует клавишами.

С бортов танка выдвигаются и втыкаются в почву опорные лапы. Ураган давит, нажимает на танк, и видно, как мощные стальные опоры начинают прогибаться.

В кабине Быков согнулся в три погибели над пультом управления, словно ураган бьет ему в лицо. Ермаков и Юрковский с тревогой следят за действиями водителя.

Выдвигается вторая пара опорных лап. Танк опускается на брюхо и с невероятными усилиями начинает зарываться в нанесенную массу черного песка. Ослепительно блестят молнии, грохочет гром, но «Черепеха» уже в безопасности.

В кабине Быков вытирает потный лоб, оглядывается на Ермакова.

ЕРМАКОВ. Хорошо.

Буря стихает внезапно. «Черепехи» не видно под черной насыпью. Затем песок вдруг начинает шевелиться, и «Черепеха», как крот, выбирается на поверхность.

В кабине. Усталый Быков поворачивает к Ермакову счастливое лицо.

БЫКОВ. Отличная машина, Анатолий Борисович.

ЕРМАКОВ. Впереди равнина, Алексей Петрович. Отдохните. Машину поведу я.

«Черепеха» уносится вдаль по равнине, поднимая гусеницами за собой тучи черной пыли. Ветер несет пыль, несет красные облака по черному небу. Бесперывно глухо грохочет далекая «Страна Мехти».

* * *

В кабине. Быков спит на ящиках, положив руки под голову. Внезапно тряска прекращается. Рука Ермакова трясет Быкова за плечо.

ЕРМАКОВ. Алексей Петрович, проснитесь. Кажется, сейчас понадобится все ваше искусство.

Быков, еще не совсем проснувшись, молча перелезает на водительское место и механическим движением кладет руки на клавиши. Его полусонные глаза вдруг широко раскрываются.

— Ну и дорожка, — говорит он.

Через переднюю прозрачную броню «Черепехи» виден Каменный лес — бесконечные ряды черных каменных зубьев в несколько метров высоты, торчащих прямо из растрескавшейся голой почвы.

ЮРКОВСКИЙ. Вот они, зубы старого Плутона...

ЕРМАКОВ (*вопросительно смотрит на Быкова*). Пройдем?

БЫКОВ. Поищем объезд.

Быков нажимает на клавиши.

«Черепеха» разворачивается и неторопливо ползет вдоль гряды каменных столбов...

Медленно проползает сплошной каменный забор...

Между столбами намечается что-то вроде просвета...

«Черепаша» круто сворачивает, выезжает в проход, на секунду исчезает за каменными столбами и сейчас же пятась выбирается обратно.

В кабине.

БЫКОВ. Поищем еще.

Снова перед глазами экипажа ползет каменный забор... И снова просвет... И снова «Черепаша» ныряет в этот просвет...

Теперь уже «Черепаша» осторожно, словно нащупывая путь, пробирается в сплошном каменном лабиринте. Над вершинами черных остроконечных скал несутся красные тучи. «Черепаша» останавливается — впереди опять сплошная каменная стена.

В кабине.

ЮРКОВСКИЙ (*с досадой*). Так мы до завтра проползаем.

ЕРМАКОВ (*Быкову*). Что будем делать?

БЫКОВ (*спокойно*). Будем рвать.

«Черепаша» пятась отходит от опушки каменного леса. Одновременно над командирской башней выдвигается короткий толстый ствол ракетометателя.

В кабине. Быков припал глазом к окуляру оптического прицела.

БЫКОВ. Готов!

ЕРМАКОВ. Огонь!

Ствол извергает пламя... Опушка Каменного леса заволакивается пылью и дымом... Грохочут взрывы. Раз за разом из жерла ракетометателя вылетают оранжевые молнии. Раз за разом вспыхивают взрывы в клубах черного дыма, повисшего над вершинами Каменного леса.

В кабине. Быков отрывается от оптического прицела.

Все трое молча смотрят, как медленно оседает, разбрасывается ветром черная туча, заволакивающая Каменный лес. Постепенно в дыму обрисовывается картина страшного разрушения. Через Каменный лес легла широкая просека, заваленная глыбами черного камня...

БЫКОВ (*с радостной улыбкой*). Ну вот вам и дорога!

ЮРКОВСКИЙ (*возмущенно*). Конечно, если ваша «Черепаша» альпинистка...

БЫКОВ. Вы еще не знаете, что такое «Черепаша». Анатолий Борисович, разрешите вперед?

ЕРМАКОВ (*нерешительно откашливается*). Да... Безусловно... Если можно...

Быков кладет руки на клавиши.

«Черепаша», на ходу убирая ракетометатель, подходит к каменному завалу. Из ее бортов выдвигаются опорные лапы.

В кабине.

БЫКОВ. Прошу всех пристегнуться.

Ермаков и Юрковский послушно и поспешно выполняют распоряжение.

Словно громадный фантастический жук, «Черепаша», шаря вокруг себя стальными лапами, начинает карабкаться через завал.

В кабине Ермаков и Юрковский, затаив дыхание, следят за руками Быкова. Кабину немилосердно мотает.

«Черепаша» медленно, но уверенно движется через завал. Одна из лап упирается в громадную глыбу и сталкивает ее с дороги. Другая осторожно нащупывает опору, закрепляется. Весь танк словно приподнимается в воздухе и переваливается через стену высотой в несколько метров.

В кабине. Быков напряженно манипулирует клавишами.

«Черепаша» уже движется не на гусеницах. Покачиваясь, она пробирается через беспорядочное нагромождение скал, шагая на всех четырех опорных лапах.

Каменный лес впереди редет, открывая яркое багровое зарево над угольно-черным гребнем холма. «Черепаша» преодолевает последний завал, опускается на гусеницы и стремительно выносится на гребень.

В кабине.

ЮРКОВСКИЙ *(с благоговением)*. Товарищи... Вот она, «Страна Мехти»!

* * *

«Страна Мехти». Исполинское, в несколько сот километров в поперечнике жерло атомного вулкана. Тяжело колышется Дымное море, окаймляющее кратер. Дым розоватый, вязкий. Временами там вспыхивает огонь, и дым струями взлетает к багровым тучам, расплывается грибовидными облаками и медленно оседает. Из огнедышащего жерла поднимается незаметно для глаз огромная гора черного дыма. В ее мглистом мраке бешено проносятся разноцветные молнии. Атомный вулкан грохочет невыносимо. Это сплошной непрерывный рев.

«Черепеха», чуть накренившись, стоит на гребне холма. Она совсем крошечная перед тусклой стеной Дымного моря. У танка замерли Ермаков, Юрковский и Быков.

Все трое ошеломлены. Глаза их широко раскрыты.

ЕРМАКОВ. Я знал, что Мехти сделал необычайное открытие... но такого я не ожидал! Уму непостижимо... Что это? Вулкан? Или здесь планета вывернута наизнанку?

ЮРКОВСКИЙ *(лихорадочно)*. Что напрасно гадать? Отсюда мы все равно ничего не узнаем... Разгадка там... Нужно идти туда... и немедленно...

Из Дымного моря вылетает крутящийся вихрь огня, сворачивается в тугой клубок и лопается со страшным грохотом. Это как раз напротив «Черепехи», и почва под ногами космонавтов содрогается.

ЕРМАКОВ *(сквозь стиснутые зубы)*. Торопиться не надо. Я понимаю ваше нетерпение. Но вы забыли о ракетодроме.

ЮРКОВСКИЙ *(нетерпеливо)*. Сначала надо узнать, стоит ли вообще строить этот самый ракетодром!.. Может, это пустышка...

ЕРМАКОВ *(жестко)*. Ракетодром необходим при всех обстоятельствах. А что здесь не пустышка — вы это сами прекрасно знаете!

ЮРКОВСКИЙ. Тем более!

ЕРМАКОВ. Мы здесь не только ради ваших геологических восторгов. За нами идут другие. А если мы пойдем туда и...

ЮРКОВСКИЙ *(вдруг успокоившись)*. Я понимаю. Вы правы. Мы не можем рисковать. У меня есть предложение. Давайте поделимся. Вы с Быковым на «Черепехе» ищите место для ракетодрома, а я — туда... На одни сутки, мне больше не надо!

ЕРМАКОВ *(терпеливо)*. Два года назад я дал такое разрешение одному геологу... Второму — не дам никогда!.. Экипаж, в машину!

* * *

Танк медленно ползет прочь от берега Дымного моря, обходя гигантские дымящиеся воронки. Вот он скрывается за нагромождением черных скал и вновь появляется в вихрях крутящейся пыли. Перед танком обширная холмистая равнина. Танк останавливается.

* * *

Рубка «СКИФа». Богдан Богданович у радиоаппарата.

СПИЦЫН *(усталым голосом)*. Я «СКИФ»... Я «СКИФ»... «Черепеха», отзовись... Я «СКИФ»...

Ответа нет, только далекая трескотня разрядов...

* * *

Кабина «Черепахи». Ермаков над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Связь со «СКИФом» потеряна, по-видимому, из-за сильной ионизации атмосферы... Проникновение в «Страну Мехти» сопряжено с большим риском, поэтому я принял решение развернуть ракетодром в пятидесяти километрах от предполагаемой границы кратера, которую мы условно назвали Дымным морем... Место для ракетодрома найдено... Через час приступаем к установке первого маяка... Состояние экипажа удовлетворительное.

* * *

Холмистая равнина — будущий ракетодром «Страны Мехти»...

Быков в неторопливом ритме работает вибробуром. Чувствуется, что даже этому здоровяку трудно работать в условиях полуторакратной тяжести. Лицо в поту, движения замедлены.

Площадка расчищена от пыли. Пыль вокруг лежит невысоким валом.

Ермаков вытаскивает из грузового люка детали маяка.

Юрковский торопливо выносит ящик на колесах, устанавливает его рядом с танком.

ЕРМАКОВ. Владимир Сергеевич, я просил вас не торопиться...

ЮРКОВСКИЙ. Я не тороплюсь... С чего вы взяли...

Он нажимает кнопки на панели управления... Боковая стенка ящика откидывается, и оттуда выскакивают и взвиваются в небо маленькие шары-зонды.

ЮРКОВСКИЙ (*проводя их взглядом*). Счастливо, родимые... (*Снова наклоняется над ящиком.*)

Быков выпрямляется и пытается вытереть лицо тыльной стороной ладони. Ладонь натывается на прозрачную преграду. Быков тяжело вздыхает и замечает Юрковского. Заинтересованно смотрит. Юрковский выпускает еще серию шаров-зондов и оглядывается.

ЮРКОВСКИЙ (*Быкову*). Почему вы не работаете? Вы устали?

БЫКОВ. Нет, нет, что вы, Владимир Сергеевич... Просто интересно!

ЮРКОВСКИЙ. Ничего интересного. Обыкновенные шары-зонды.

БЫКОВ. Нет, интересно, что они нам расскажут!

Юрковский некоторое время молча, но внимательно смотрит на Быкова, затем с трудом поднимает тяжелую стойку маяка и тащит ее к Быкову.

БЫКОВ (*испуганно*). Осторожно! Это же центнер!

ЕРМАКОВ (*обернувшись на крик*). Я же приказал, стойки поднимать вдвоем!

ЮРКОВСКИЙ (*кряхтя от натуги*). Ничего! Для меня это... (*Роняет стойку.*) Черт бы тебя взял!..

БЫКОВ (*подходит к Юрковскому*). Владимир Сергеевич... Так вас надолго не хватит... Вы бы лучше вот такой работы не касались...

ЮРКОВСКИЙ (*в первый раз, Быкову, ласково*). Алексей Петрович... Алеша, как вас зовет Спицын... Ведь здесь же надо скорее кончать... Чем скорее мы кончим с маяками, тем больше времени останется на «Страну Мехти»... На геологию, понимаете?

БЫКОВ. Я понимаю, но...

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Перерыв!

* * *

В кабине. Все трое без спецкостюмов, в одних трусах, мокрые и усталые жадно пьют фруктовый сок. Из лабораторного радиоприемника с тиканьем потянулась лента с

записью. Юрковский со стаканом в руке торопливо бросается к приемнику, просматривает запись и торжественно кричит.

ЮРКОВСКИЙ. Вот оно!.. Анатолий Борисович!.. Смотрите!..

Ермаков берет запись, просматривает.

ЕРМАКОВ. Что это?.. Трансураниды?.. В атмосфере, в виде газа?.. Откуда они здесь?

ЮРКОВСКИЙ (*радостно хохочет*). Молодцы мои шарики! А?

ЕРМАКОВ. Это значит, что «Страна Мехти» — атомный вулкан?.. Гигантский атомный котел?

ЮРКОВСКИЙ. Ну, пока рано говорить об этом, у нас слишком мало данных... Но я не удивлюсь, если мы откроем нечто вроде гигантского природного реактора, в котором идет непрерывное образование трансуранидов.

БЫКОВ. Владимир Сергеевич, принято считать, что такие процессы идут только в глубоких недрах планет...

ЕРМАКОВ. Или при вспышках новых звезд...

ЮРКОВСКИЙ (*со счастливой улыбкой*). А мы видели это собственными глазами! Вы представляете, какое это открытие?! Котел сокровищ!

ЕРМАКОВ (*задумчиво*). Недаром Мехти назвал Плутон планетой сокровищ...

ЮРКОВСКИЙ. Да. Мехти не ошибся. Он был настоящий геолог! И переоценить значение его открытия невозможно. Если наши выводы верны, мы навеки обеспечим нашу Землю энергией...

ЕРМАКОВ (*с иронией*). Значит, ракетодром необходим?

ЮРКОВСКИЙ. Категорически!.. Но все-таки скорее...

ЕРМАКОВ. С завтрашнего дня работать строго в режиме... Нарушителей буду запирать в танке.

БЫКОВ. Вы уж действительно, Владимир Сергеевич, слишком...

ЮРКОВСКИЙ (*величественно*). Не надо меня учить. Я уже очень взрослый!

Юрковский достает из столика толстую тетрадь геологического дневника, берет ленту записи и усаживается на свою койку.

ЮРКОВСКИЙ (*после паузы*). Я сегодня даже разозлиться на вас не могу по настоящему...

* * *

Маяк № 1 на границе ракетодрома. Багровые отблески горят на его грибообразном куполе. Ветер несет черную пыль, заносит следы танка, уходящие за горизонт.

* * *

Кабина «Черепахи». Быков за пультом управления. Ермаков над картой ракетодрома. На карте отчетливо показан участок берега Дымного моря и неправильный пятиугольник ракетодрома. По углам пятиугольника надписи — «Маяк № 1», «Маяк № 2» и т. д. до «Маяка № 5». «Маяк № 2» самый удаленный от Дымного моря. «Маяк № 4» — самый близкий.

Ермаков красным карандашом отчеркивает «Маяк № 2» («Маяк № 1» уже отчеркнут). Затем Ермаков нагибается над микрофоном бортжурнала.

ЕРМАКОВ. Поставлен и запущен «Маяк № 2»... Снова повернули к югу, к «Стране Мехти»... Состояние экипажа удовлетворительное...

Юрковский лежит на откидной койке, закинув руки за голову.

ЮРКОВСКИЙ (*неожиданно и желчно*). Не нравится мне ваша «Черепаха»!

БЫКОВ (*не оборачиваясь, обиженно*). Это почему же, Владимир Сергеевич?

ЮРКОВСКИЙ. Хода настоящего не вижу! Ползем, действительно, как черепаха!

ЕРМАКОВ (*не отрываясь от карты*). Тише едешь, дальше будешь...

ЮРКОВСКИЙ. От «Страны Мехти», куда едешь!

БЫКОВ (*Ермакову*). Разрешите, товарищ командир, прибавить скорость?

ЕРМАКОВ. Попробуйте.

Быков нажимает на клавиши. Машина увеличивает скорость. Начинается тряска. Крутой вираж. Юрковский валится с койки. Быков останавливает машину и оглядывается.

ЮРКОВСКИЙ (*поднимаясь*). Солдатские шутки! (*Укладывается на койку, пристегивается.*) И вообще это безобразие — два маяка за две недели!

ЕРМАКОВ (*сердито*). Свободным от вахты спать! (*Гасит общий свет.*)

* * *

Черная холмистая равнина, озаренная ярким, но неровным заревом «Страны Мехти». Экипаж устанавливает «Маяк № 3». Юрковский трудится очень старательно, таскает баллончики со сжатым газом, детали конструкции. Быков работает вибробуром. Ермаков с помощью Юрковского, пошатываясь, подносит к Быкову и опускает на землю стойку маяка.

ЕРМАКОВ. Закрепляйте стойку, а я пойду посмотрю шурфы. (*Уходит.*)

Юрковский в нерешительности топчется возле Быкова.

БЫКОВ (*выключая вибробур*). Ну, вот щель и готова... Установим, Владимир Сергеевич?

Они поднимают стойку и опускают ее в щель. Быков заливает щель пластраствором. Небо озаряется дрожащим лиловым светом, гремит далекий взрыв.

БЫКОВ (*работая*). Дышит «Страна Мехти»...

ЮРКОВСКИЙ. А что, Алексей Петрович, «Черепаха» не подведет нас там?

БЫКОВ. Не-ет. «Черепаха» не подведет. Меня вот другое тревожит.

ЮРКОВСКИЙ (*живо*). Что именно?

БЫКОВ. Вода у нас кончается. При такой работе дезактивационная вода выйдет у нас на четвертом маяке. А питьевой очень мало.

ЮРКОВСКИЙ (*испуганно оглядывается*). Вы, Алексей Петрович, не говорите об этом Ермакову. Это его может расстроить.

БЫКОВ. Да он и сам это прекрасно знает. Каждый день баки проверяет.

ЮРКОВСКИЙ (*тревожно*). Так что же, если не хватит воды, мы не сможем идти в «Страну Мехти»?

Быков молча пожимает плечами. Он с огромным напряжением поднимает и насаживает на стойку колпак. На колпаке четкая цифра «3».

* * *

Дезактивационная камера «Черепахи». Все трое космонавтов поворачиваются, подставляя шлемы и спецкостюмы под мощные струи воды.

ЮРКОВСКИЙ (*нетерпеливо*). Может, хватит уже?

ЕРМАКОВ. Взгляните на индикаторы. (*Индикаторы мерцают красными огоньками.*) Здесь хозяева они.

ЮРКОВСКИЙ (*злобно*). Сколько воды зря пропадает! Будь она неладна, эта автоматика!

Быков и Ермаков понимающе переглядываются.

* * *

В кабине. Юрковский и Ермаков просматривают показания приборов.

ЮРКОВСКИЙ. Просто глазам не верю. Вот смотрите — линия менделевия, вот технеций, эйнштейний... все святое семейство актинидов! За что нам такое счастье? Здесь работы до конца жизни!

ЕРМАКОВ. И еще детям нашим останется. А вот радиация растет, и это мне не нравится.

ЮРКОВСКИЙ *(с досадой)*. Ну что радиация... Подумаешь! При такой концентрации продуктов распада иного и ждать нельзя.

ЕРМАКОВ. Все-таки с завтрашнего дня наружные работы производить только под прикрытием щитов.

ЮРКОВСКИЙ. Помилосердствуйте, Анатолий Борисович! Таскать еще и такие машины!

БЫКОВ *(с кресла водителя)*. Придется таскать, Владимир Сергеевич. Вот полюбуйтесь! *(Он легко выдирает у себя клочок волос.)*

Лицо Ермакова с неподвижными глазами.

ЕРМАКОВ *(отрывисто)*. Когда заметили?

БЫКОВ. Только что.

ЕРМАКОВ. Раздевайтесь. Я сделаю вам укол. И вам, Владимир Сергеевич.

ЮРКОВСКИЙ *(возмущенно)*. А мне зачем? Ведь у меня...

Он проводит рукой по голове. В пальцах остаются пряди волос.

Берег «Страны Мехти». Танк снова в нескольких шагах от Дымного моря. Свирепо ревет и клокочет атомный котел. Ослепительные вспышки прорезают непроглядный мрак вечной черной тучи над кратером. В дымной пелене непрерывные взрывы. Там без конца образуются гнезда трансурановых элементов, в них молнией распространяется цепная реакция, и над Дымным морем встают грибовидные шапки ядерных взрывов.

Юрковский, Ермаков и Быков монтируют четвертый маяк... Они работают, стоя на толстых листах из бористой стали. (Щиты прикрывают их от смертоносной радиации почвы.)

Ермаков уходит за танк, где установлены автоматические контрольные приборы.

Быков стоит на коленях на щите и неторопливо, строго размеренными движениями закрепляет стойку маяка.

БЫКОВ. Владимир Сергеевич!.. *(Ответа нет.)* Владимир Сергеевич!..

Он поднимает голову и видит, что Юрковский, не отрываясь, смотрит в Дымное море...

Вечная дымная пелена над «Страной Мехти» расступается... В тумане испарений на короткое мгновение возникает фантастический мираж: нагромождение раскаленных оплавленных глыб, бездонные щели, из которых поднимаются, выются мерцающие всеми цветами радуги струи дыма и пара... Серая дымная пелена смыкается вновь...

ЮРКОВСКИЙ *(словно в бреду)*. Я больше не могу... У меня больше нет сил...

БЫКОВ *(встревоженно)*. Переутомились вы, Владимир Сергеевич. Вам плохо?

ЮРКОВСКИЙ. Нет. Мне очень хорошо.

БЫКОВ. Давайте, я отведу вас в танк...

Юрковский, не отрывая глаз от дымной пелены, нетерпеливо рвет из нагрудного кармана пластмассовый футляр с записями автоматических приборов и протягивает его Быкову.

ЮРКОВСКИЙ *(отрывисто)*. Вот... передайте Ермакову... Здесь последние данные... Остальное в танке... Он знает где...

БЫКОВ *(недоуменно)*. Как это — передайте? Почему я?

ЮРКОВСКИЙ. Потому что я, возможно, не вернусь... Я пойду и погибну там... но я увижу... как Мехти...

Он делает шаг в сторону Дымного моря, но тяжелая рука Быкова ложится на его плечо.

БЫКОВ. Вы никуда не пойдете!

ЮРКОВСКИЙ (*вырывается и поворачивает к нему разъяренное лицо*). Не мешайте мне, Быков!

БЫКОВ (*свистящим шепотом*). Я ваш товарищ и друг, Владимир Сергеевич, но я вас своими руками свяжу, брошу в танк и верну на Землю!

ЮРКОВСКИЙ (*злобно*). Попробуйте!

Быков хватает его за пояс и рывком поднимает в воздух.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Алексей Петрович, что это за игры?

Быков отпускает Юрковского на землю и оглядывается. Из-за танка выходит Ермаков, сгибаясь под тяжестью двух переносных приборов.

Ермаков ставит приборы и пристально смотрит сначала на Быкова, а затем на Юрковского.

Искаженное бешенством лицо Юрковского.

ЕРМАКОВ (*не сводя глаз с лица Юрковского, медленно*). Я хотел показать вам новые данные... но сейчас, пожалуй, не время... Экипажу отдыхать!

* * *

В кабине. Быков открывает жестянки с соками. Дверь открывается. Из кессона выходит мокрый полуголый Юрковский. Он тяжело садится на койку. Быков протягивает ему открытую банку.

ЮРКОВСКИЙ (*резко*). Не хочу!

БЫКОВ (*робко*). Владимир Сергеевич... Это надо... Надо пить...

Юрковский ложится и отворачивается к стене.

ЮРКОВСКИЙ. Пейте сами...

ЕРМАКОВ (*тихо*). Оставьте его, Алексей Петрович. Он должен отдохнуть.

* * *

«Черепаша» ползет вдоль дымной стены... Взрыв... Ослепительная вспышка, грохот... Танк ползет через кучу взметнувшейся пыли...

Наплывом. Юрковский, Быков и Ермаков устанавливают башню последнего маяка. На башне большая цифра «5»...

Наплывом. Быков привязывает к стойке маяка алый флаг с серпом и молотом. Алый флаг плещется в струях черной пыли.

На фоне огненного зарева «Страны Мехти» неподвижно застыли силуэты трех победителей.

ЕРМАКОВ (*ясным и четким голосом*). Мы, экипаж советского планетолета «СКИФ», именем Союза Советских Коммунистических Республик, объявляем «Страну Мехти» со всеми ее сокровищами собственностью человечества!.. Салют!

Все трое поднимают ракетницы. Гремит залп. В черное небо взвиваются огненные звезды ракет.

* * *

В кабине. Звучит веселая музыка. Экипаж сидит вокруг откидного столика, на котором красуется бутылка шампанского, блюдо с фруктами, шоколадом. Быков грызет яблоко, Ермаков разливает шампанское, Юрковский сидит неестественно прямо, притворно улыбаясь.

ЕРМАКОВ. А теперь, когда мы выпили в честь дня рождения первой опорной базы на Плутоне, я предлагаю тост в честь другого, не менее важного события — в честь дня рождения крупного межпланетника и геолога Владимира Сергеевича Юрковского!

БЫКОВ. Ура!

ЮРКОВСКИЙ *(с изумлением)*. Позвольте... Позвольте, как же так?

ЕРМАКОВ. Пятнадцатое ноября, Владимир Сергеевич, ничего не поделаешь...

ЮРКОВСКИЙ. Действительно... Пятнадцатое ноября... Тридцать шесть лет!

ЕРМАКОВ *(поднимая бокал)*. За ваше здоровье, Владимир Сергеевич, за ваши успехи!

Юрковский подносит к губам бокал и вдруг опускает голову. Быков встревоженно смотрит на него.

ЮРКОВСКИЙ. Товарищи... Я должен... Я хотел бы прежде всего принести извинения... Я вел себя недостойно. Я...

ЕРМАКОВ *(мягко)*. Можно подумать, что вы впервые на чужой планете. Здесь всякое может случиться.

ЮРКОВСКИЙ *(упрямо)*. Мне это непростительно.

БЫКОВ. Да пейте же вы, Владимир Сергеевич... Газ выходит!

Ермаков и Юрковский хохочут. Звенят бокалы. Космонавты пьют.

ЕРМАКОВ. А теперь, если позволите, друзья, к делу. Ракетодром построен. Первый пункт приказа мы выполнили. Остается решить главное: как быть со вторым пунктом приказа.

ЮРКОВСКИЙ. Да что тут решать? Давайте приказ на марш, командир.

ЕРМАКОВ. Принимать решение единолично я не могу, Владимир Сергеевич. Приказ не предусматривал спуск в действующий вулкан. Решение принять должны мы все.

ЮРКОВСКИЙ. Я — за.

БЫКОВ. Я тоже не против. Мы с «Черепухой» не возражаем.

ЕРМАКОВ. Сколько осталось воды?

БЫКОВ. Десять литров питьевой и пятьдесят литров дезактивационной.

ЕРМАКОВ. Не считая НЗ в скафандрах?

БЫКОВ. Безусловно.

ЕРМАКОВ. Значит, на двое суток хорошей работы... На суточный переход. Давайте ваши соображения, новорожденный.

Ермаков еще не успевает закончить, как Юрковский уже разглаживает на столе лист бумаги.

ЮРКОВСКИЙ. Вот. Это программа глубокого поиска. Она рассчитана, правда, на тридцать дней, но если мы осуществим хотя бы первый этап... содрогнутся геологи всего мира!

Ермаков наклоняется над схемой.

ЕРМАКОВ. Так... Это что у вас?

ЮРКОВСКИЙ. Первая вылазка... Внешний дозиметрический контроль... масс-спектрометрия... Здесь два шурфа. Дальше еще пять километров, еще одна вылазка... *(Задумывается.)*

ЕРМАКОВ. Что же вы замолчали?

ЮРКОВСКИЙ *(вздыхая)*. Если мы успеем сделать это за сутки, то это будет геройский поступок... Даже для Быкова. Но зато мы своими глазами увидим великую кухню природы... ее сокровеннейший тайник...

Пауза.

ЕРМАКОВ. Решено. Выступаем через час.

* * *

«Черепуха», тяжело переваливаясь, проходит мимо маяка с красным знаменем на стойке.

Стена дыма, озаряемого вспышками далеких взрывов. Граница «Страны Мехти». «Черепуха» на мгновение останавливается перед Дымным морем, затем ныряет в него.

В кабине. Быков ведет «Черепашу» по «Стране Мехти». За прозрачной стеной — струи дыма. Юрковский и Ермаков напряженно следят за приборами.

ЮРКОВСКИЙ (*отрывисто*). Еще температурный скачок! 413 градусов!

ЕРМАКОВ. Радиация усиливается. 750 рентген.

ЮРКОВСКИЙ. Через пять минут прошу остановку.

Танк выползает на груды радиоактивного шлака и останавливается. Откидывается люк. Выскакивают Юрковский и Быков и, торопливо двигаясь от танка, расставляют дозиметрические приборы.

ГОЛОС ЕРМАКОВА. Скорее, скорее обратно!

В кабине. Быков усаживается на свое место.

ЕРМАКОВ. Вперед!

БЫКОВ. А как же приборы?

ЕРМАКОВ. Захватим на обратном пути.

Тяжелый грохот. Вся лобовая броня озаряется невероятной вспышкой синего пламени. Танк качается как на волнах. Ярким зловещим светом наливаются лампы индикаторов радиоактивности.

ЮРКОВСКИЙ (*кричит*). Я был прав! Здесь каждую секунду образуются микрогнезда трансуранидов... Цепная реакция, взрыв!

ЕРМАКОВ (*бормочет*). Какие богатства!.. Прямо под ногами... В воздухе!..

Снова грохот и снова вспышка...

Глазок прибора над креслом водителя вспыхивает зеленым светом. Раздается короткий резкий звонок.

БЫКОВ (*сквозь стиснутые зубы*). Нейтроны!.. Теперь «Черепашу» сто лет не отчистишь!

ЮРКОВСКИЙ. Ничего, ничего, Алексей Петрович, с нашими способностями...

Снаружи. Танк идет через пылающие скалы. Раскаленные камни остывают на глазах. Бьет фонтан расплавленной лавы.

В кабине.

ЕРМАКОВ (*вытирает со лба пот*). Все! Дистанционные термомпары вышли из строя.

ЮРКОВСКИЙ. Слушай, Анатолий, может, повернем?.. Не сгореть бы!

ЕРМАКОВ. Рано. Алексей, выводи машину вон к той скале... Там, кажется, спокойнее.

ЮРКОВСКИЙ. Здесь бы парочку шурфов... и тогда все!

«Черепаша» круто огибает уже остывшую скалу и останавливается. Это совершенно голое место, ровная каменная плита, на которой «Черепаша» выглядит как памятник на грандиозном постаменте.

В кабине.

ЕРМАКОВ. Всем на вылазку... Живо! Алексей, бери вибробур!

Люк у «Черепашки» откидывается, все трое, неуклюже спотыкаясь, спешат к краю каменной плиты. Помогая друг другу, спускаются на раскаленную землю.

ЮРКОВСКИЙ. Здесь!

Быков принимается бурить. Ермаков и Юрковский сидят рядом на корточках и налаживают масс-спектрограф (прибор, определяющий элементарный состав веществ).

ЮРКОВСКИЙ. Мы купаемся в парах трансуранидов... Все, что здесь нужно, — это самоходные обогатители-автоматы...

ЕРМАКОВ. Работай, работай!

БЫКОВ. Давайте приборы!

Оглушительный взрыв... Позади танка взлетает веер синего пламени. Видно, как медленно наливается красным светом каменная плита, на которой стоит «Черепаша»... Взрывная волна бросает космонавтов на землю. Сыплется град каменных обломков.

Каменная плита тает, как восковая, и «Черепеха», светясь раскаленными бортами, погружается в нее, заваливаясь на борт... Все заволакивается красным туманом...

* * *

Красный туман рассеивается. На раскаленных дымящихся обломках скал, полусасыпанные щебнем, лежат неподвижно Ермаков, Быков и Юрковский. Юрковский приподнимает голову и снова роняет ее. Быков, кряхтя, становится на четвереньки.

БЫКОВ. Кто живой? Отзовитесь!

ЮРКОВСКИЙ. Кажется, я...

БЫКОВ. Вот это был взрыв... А где командир?

Быков и Юрковский с трудом поднимаются. У их ног, почти скрытый обломками щебня, лежит Ермаков. Быков и Юрковский осторожно берут его под плечи и приподнимают.

ЮРКОВСКИЙ. Командир!.. Толя!..

Где-то совсем рядом грохочет громовой раскат. Все вокруг озаряется ярким кровавым светом, сыплются камни. Юрковский и Быков пригибаются, прикрывая собой Ермакова.

БЫКОВ. Анатолий Борисович!..

Лицо Ермакова осунувшееся, с запекшимися губами. Ермаков открывает глаза. Смотрит на Быкова, на Юрковского, с трудом улыбается...

ЕРМАКОВ (*едва слышно*). Кажется, пора возвращаться... Как «Черепеха»?

Юрковский и Быков оглядываются... На черном дымящемся постаменте, глубоко вплавившись в камень, почерневшая, окутанная дымом стоит «Черепеха», точнее, то, что от нее осталось...

ЕРМАКОВ. Я спрашиваю, как «Черепеха»?..

БЫКОВ. Плохо... Нет «Черепехи»...

Ермаков закрывает глаза, теряя сознание. Юрковский и Быков наклоняются над ним.

Пауза.

БЫКОВ. Что будем делать, Владимир Сергеевич?

ЮРКОВСКИЙ (*глухо*). Не знаю.

Пауза. Грохот взрывов. Стелется серый дым, скрывая искалеченный танк.

БЫКОВ. Тогда я знаю... Пойдем пешком.

ЮРКОВСКИЙ. Командир не может идти, у него сломана нога... и, кажется, шок...

БЫКОВ. На руках понесем.

ЮРКОВСКИЙ. Нам не вытянуть.

БЫКОВ (*жестко*). Надо вытянуть.

ЮРКОВСКИЙ. Кислорода не хватит.

БЫКОВ. Должно хватить.

Юрковский оглядывается. Кругом озаряемый багровыми вспышками серый дым... Грохочет атомный вулкан... Дрожит земля под ногами...

ЮРКОВСКИЙ (*усмехнувшись*). Ну, командуй, водитель!

БЫКОВ (*выпрямляется*). До первого маяка километров пятнадцать. И оттуда до «СКИФа» километров семьдесят пять. Идем переходами по пять километров. Пить только с моего разрешения. Пошли!

* * *

Дымное море. Мечутся клочья серых испарений, вспышки далеких разрывов. Сухая, растрескавшаяся почва, там и сям — груды раскаленного шлака. Бредут Юрковский и Быков. Быков несет командира.

ЮРКОВСКИЙ (*огорченно*). Не повезло нам... Остановились у самого гнезда... Но кто мог знать, что под гусеницами «Черепахи» собралась годовая продукция всех промышленных реакторов Земли... Ты слышишь, Алексей Петрович?

БЫКОВ (*равнодушно*). Слышу. Годовая продукция.

ЮРКОВСКИЙ. Впрочем, почему я говорю «не повезло»?.. Нам удивительно повезло!.. Мы теперь знаем то, чего никто на Земле не знает! Ты слышишь, Алексей?

БЫКОВ. Слышу. Нам повезло...

Нарастающий оглушительный свист.

БЫКОВ. Ложись!

Они бросаются на землю. Шагах в десяти от них в почву врезается раскаленный камень. Столб дыма, фонтан искр. Пауза.

БЫКОВ (*поднимаясь*). Пошли, и меньше разговаривай... Надо беречь кислород...

* * *

Серая колышущаяся стена Дымного моря — берег «Страны Мехти».

Из дыма, шатаясь, выходят, как тени, Юрковский с Ермаковым на спине и вслед за ним Быков. Оба сейчас же опускаются в черную пыль. Лицо Юрковского мокрое, с закрытыми глазами. Он тяжело дышит, глотая воздух раздвинутым ртом.

БЫКОВ. Не думал я, что мы живыми выберемся...

ЮРКОВСКИЙ (*тяжело дыша*). Привык... на танках разъезжать... А ты вот ножками... ножками... Как геологи...

БЫКОВ. А почему это у геолога такое тяжелое дыхание?

ЮРКОВСКИЙ. Разве?.. (*Делает вид, что прислушивается к собственному дыханию.*) И верно! Одышка какая-то... Откуда?.. Старею, видно... Да ты не беспокойся... я сейчас посижу немного, и всё... Сколько нам осталось?

Быков приближает свой шлем к шлему Юрковского и пристально смотрит ему в лицо.

БЫКОВ. Сто тысяч шагов... Пятьдесят километров, не больше... Ты попей, Володя.

ЮРКОВСКИЙ (*оскорбленно*). Зачем? Не время.

БЫКОВ (*солидно*). Разрешаю. Три глотка.

ЮРКОВСКИЙ. Ты совсем как Ермаков. (*Делает два длинных жадных глотка из соска сифона, спрятанного в скафандре, смеется.*) «Товарищи, мы не должны дать Плутону ни одного шанса. Пейте сок и ешьте телятину».

БЫКОВ. Смотри-ка, ожил геолог!

* * *

Ракетодром. Черная холмистая равнина. Увязая в черной пыли, Быков несет Ермакова. Юрковский бредет за ним. Низкий грохочущий рев, ветер несет черную поземку. За спинами космонавтов пылает на полнеба зарево «Страны Мехти».

Они проходят мимо маяка со знаменем на стойке. Алое полотнище с серпом и молотом плещется в струях черной пыли. Багровые отблески играют на полированном металле излучателя.

ЮРКОВСКИЙ (*останавливается и салютует маяку*). Прощай, «Страна Мехти», ракетодром номер один!.. До свидания!.. Скоро мы вернемся!

* * *

Привал на опушке Каменного леса... Юрковский молча ложится ничком. Быков, кряхтя, опускает рядом с ним Ермакова и садится сам.

ЮРКОВСКИЙ (*не поднимая головы*). Как... командир?

БЫКОВ. Не знаю... Дышит, лицо розовое...

Юрковский приподнимается, подползает и заглядывает ему в лицо.

БЫКОВ (*устало*). Разве так узнаешь...

ЮРКОВСКИЙ (*с тоской*). Если бы ты знал, Алексей, как я люблю этого человека...

И ничего нельзя сделать... Ничего!

БЫКОВ (*сердито*). Нести надо!

ЮРКОВСКИЙ. Мы его обязательно должны донести, Алеша...

БЫКОВ. И донесем.

ЮРКОВСКИЙ. Силы у меня что-то иссякают... Алеша... Я, может, и не дойду.

БЫКОВ. Ты это брось, Владимир Сергеевич. Что же мы — зря в это пекло ходили? Ты же геолог... Ты сам говорил, что узнал, чего никто на Земле не знает!

ЮРКОВСКИЙ. Что мои знания... (*Лезет в карман скафандра и достает пластмассовый футляр.*) Вот они... Все тут. А таких пилотов на Земле единицы... и среди них Ермаков первый.

БЫКОВ (*угрюмо*). Насчет пилотов мы уже договорились. О геологах тоже. Ложись, спи!..

* * *

Каменный лес. Бесконечный лабиринт черных каменных зубьев в несколько метров высотой, торчащих прямо из растрескавшейся почвы.

На вершинах скал — отблески уже далекой «Страны Мехти». Над острыми зубьями несутся вечные багровые тучи. Далекий рокочущий гул. Крошечные фигурки Юрковского и Быкова с Ермаковым на плечах.

Быков несет Ермакова. Впереди, шатаясь и хватаясь за бока черных валунов, бредет Юрковский.

Обходя каменный столб, Юрковский спотыкается и падает. Быков останавливается над ним с Ермаковым на плечах. Юрковский приподнимается и опять падает.

ЮРКОВСКИЙ (*хрипит*). К черту...

БЫКОВ (*спокойно*). Ну как так — к черту?

ЮРКОВСКИЙ. Не могу больше...

БЫКОВ. Пошли, пошли, Володя... Пустяки остались...

ЮРКОВСКИЙ. Нам не дойти... Ты сам еле стоишь...

БЫКОВ (*хрипло смеется*). Я?.. Хочешь, и тебя прихвачу? На другое плечо...

ЮРКОВСКИЙ (*поднимаясь*). Терпеть не могу хвастунов...

Юрковский шатается и чуть не падает. Быков поддерживает его под локоть.

БЫКОВ. Пошли, пошли... Музыку бы сейчас... Удивительно помогает на марше.

* * *

Внешняя опушка Каменного леса. Нагромождение плоских каменных глыб. Над скалистыми зубьями верхушек несутся багровые тучи, гудит далекая «Страна Мехти», тоскливо воет в скалах ветер.

В сугробах черной пыли, наметенных под скалами, лежат измученные космонавты. Вытянувшись, лежит на спине неподвижный Ермаков. Спит, поджав колени к подбородку, Быков. Юрковский не спит, лежит с открытыми глазами. Лицо его почернело, ко лбу прилипли пряди волос. Рот запекся, глаза страшно ввалились.

ЮРКОВСКИЙ (*негромко*). Алеша... (*Ответа нет.*) Алеша... (*Тишина.*)

Юрковский, с трудом приподнявшись, всматривается в неподвижные фигуры товарищей и вдруг принимается торопливо снимать с себя оборудование — баллоны с кислородом, сифоны с соком, электробатареи рефрижератора. Он складывает все в кучу под камнем и сверху бережно кладет футляр с записями приборов.

Последний взгляд на товарищей, и Юрковский, неуклюже переваливаясь, уползает в черную мглу.

* * *

Рубка «СКИФа». Спицын, грустный, похудевший, сидит у радиопередатчика.

СПИЦЫН (*тоскливо*). «Черепаша»... «Черепаша»... Я «СКИФ»... «Черепаша»...

Ответа нет. Спицын медленно спускается в кают-компанию, подходит к буфету, машинальным движением открывает дверцу. В буфете шеренги консервных банок, фрукты, флаги с соками. Спицын вздыхает и закрывает дверцу.

* * *

Черный холм у опушки Каменного леса. Юрковский скатывается со склона и лежит на спине, задыхаясь, пытаясь скрюченными пальцами разорвать на груди прочную ткань скафандра. Он задыхается, в скафандре кончается кислород.

Мощная рука хватает его за шиворот и сажает.

Перед Юрковским разъяренный Быков. Не говоря ни слова, быстрыми точными движениями Быков втискивает в заспинный ранец баллоны с кислородом, судорожно присоединяет отводные шланги и поворачивает клапаны. Юрковский делает глубокий вздох, второй, третий и закрывает глаза.

БЫКОВ (*яростно*). Дезертир!.. Если бы ты знал, как я тебя сейчас ненавижу!.. Пижон!

ЮРКОВСКИЙ (*жалобно*). Алеша...

БЫКОВ (*не слушая*). Венец великомученика приобрести хочешь? Жертву на алтарь отечества?

ЮРКОВСКИЙ. Алешенька... Я не могу...

БЫКОВ. Коробочку мне оставил, видите ли... Романтик задрипанный!

Быков одним движением вскидывает Юрковского на плечо и уходит через холм...

...Быков усаживает Юрковского рядом с неподвижным Ермаковым.

БЫКОВ (*сурово*). Я хочу спать. Я очень устал. Дай слово, что ты не удерешь. Слышишь, ты?

ЮРКОВСКИЙ (*тихо и покорно*). Слышу. Даю. Спи. Ты мне только скажи — сколько еще осталось?

Быков не отвечает. Юрковский заглядывает ему в лицо и видит, что он уже спит.

Юрковский плачет.

* * *

Черная пустыня. Плоская как стол равнина, покрытая толстым слоем мельчайшей вулканической пыли. Ветер поднимает черные облака, на фоне красного неба движутся гибкие, как змеи, смерчи.

Быков по-прежнему тащит на себе неподвижное тело командира. Юрковский, все более отставая, плетется позади...

...Пустыня кажется бесконечной. Быков, проваливаясь по колено, тяжело дыша, несет Ермакова и поддерживает под локоть окончательно ослабевшего Юрковского...

...Гребень длинного пылевого наноса. По гребню, шатаясь, бредет Быков с Ермаковым на спине. За ним, далеко отставая, ползет на четвереньках Юрковский. Быков опускает Ермакова в пылевой сугроб, возвращается к Юрковскому, подхватывает его под мышки и тащит за собой...

ЮРКОВСКИЙ (*задыхаясь*). Видишь, Алеша... Назад... К предкам... На четвереньках...

БЫКОВ (*задыхаясь*). Ничего... Главное — и на четвереньках остаться человеком...

* * *

Отроги ледяного плато. Под багровым небом — фиолетовый лед, причудливые торосы, скалы, выпирающие из-под ледяной корки.

Ползет Быков, волоча за собой неподвижного Ермакова. Опустив Ермакова на лед, возвращается к Юрковскому. Перетаскивает его к Ермакову, укладывает, подхватывает Ермакова и тащит дальше, вперед метров на десять. Возвращается к Юрковскому, берет его, тащит к Ермакову, берется за Ермакова, но обессиленный падает.

БЫКОВ. Володя... Володя...

ЮРКОВСКИЙ. Ты что... дружище...

БЫКОВ. Что-то я... устал вроде... Жаль, ракетницы... в «Черепяхе»... Богдан бы... увидел...

* * *

Рубка «СКИФа». Нагнувшись над микрофоном бортжурнала, Спицын в скафандре с откинутым шлемом говорит в микрофон.

СПИЦЫН (*глухо*). Я больше ждать не могу... Связи с «Черепяхой» нет тридцать пять суток... Иду искать... Нарушаю приказ, но иду.

Богдан Богданович окидывает взглядом рубку и выходит...

...Проходит по кают-компани...

...По коридору...

...Выходит в кессон...

Спицын накрывает голову колпаком, застегивает ворот и берется за рукоятки затворов люка. Рука Спицына рывком отодвигает затвор... Люк распахивается... Перед Спицыным стоит Быков.

Быков шатается. Лицо его страшно — многодневная щетина, выпирающие скулы, запекшийся рот широко разинут.

БЫКОВ (*едва слышимым сильным шепотом*). Они живы, Богдан... Их надо внести...

* * *

Космос. Полыхая фотореактором, от Плутона уносится «СКИФ».

Кают-компания. Весь экипаж снова в сборе. Все чистые, выбритые, но исхудавшие. Ермаков, весь перебинтованный, лежит в кресле. Спицын поит его из соусника. Юрковский жадно ест телятину. Быков не отстает от него.

ЮРКОВСКИЙ. До чего вкусно... Неужели это я сам готовил?

БЫКОВ (*деловито, протягивая к нему тарелку*). Дай-ка добавки...

ЮРКОВСКИЙ (*нравоучительно*). Нарушение режима начинается с малого: у одних с пирожных, у других — с кусочка телятины...

СПИЦЫН (*испуганно*). Где пирожные? Какие пирожные? Анатолий Борисович, честное слово...

Ермаков молча улыбается бледными губами.

ЕРМАКОВ. Разрешаю... Впереди — Земля...

* * *

Космос. В черном звездном небе — два огромных серпа — Земля и Луна. Аппарат отъезжает, и мы видим, что это изображение на экране электронного проектора в кают-компани.

Перед экраном сидят космонавты — Спицын, Быков и Юрковский. Ермаков полулежит в кресле, его тонкие исхудалые пальцы манипулируют клавишами приемопередаточного устройства.

Далекий, приближающийся голос Краюхина повторяет.

КРАЮХИН. «СКИФ»... «СКИФ»... Отзовись!.. Говорит Земля... Я Краюхин!.. Отзовись же, «СКИФ»!

ЕРМАКОВ (*в микрофон, волнуясь*). Говорит «СКИФ»! Говорит «СКИФ»! Мы здесь, отец! Мы живы и здоровы...

КРАЮХИН. Покажитесь! Не верю! Покажитесь все!

Ермаков нажимает клавиши.

На экране проектора медленно возникает сначала расплывчатое, а затем все более и более резкое лицо Краюхина. Старый космонавт наклонился и напряженно вглядывается. На лице его появляется улыбка, а на глазах выступают слезы.

Быков и Спицын поднимают Ермакова.

ЕРМАКОВ. Здравствуй, отец!

КРАЮХИН. Здравствуй, Анатолий, здравствуйте, дети! Все-таки покалечились?

ЕРМАКОВ. Отец!.. Слушай голос Плутона!..

Ермаков нажимает одну из клавиш, и из невообразимой дали, заглушаемые треском помех, звучат позывные маяков нового ракетодрома.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий В наше интересное время¹

...уравновешенными и добропорядочными людьми. Я вздохнул и посмотрел в окно. Дачный поселок спал. Было тихо, только дождь шуршал да подвывала во сне дворняга соседей. Мокрая, унылая, свернувшаяся в клубок под крыльцом. Я взялся за вторую папку и проработал еще часа полтора.

Академик успел стусеваться и уйти с головой в научную работу, аспирантка сделала небольшое открытие и ушла от Володи, когда сквозь шум дождя я услышал какие-то новые звуки. Сначала я подумал, что это мокрая дворняга бродит в палисаднике. Но потом кто-то отворил дверь в сени, и в сенях что-то загремело — наверное, канистра, в которой я носил керосин из лавки. В дверь постучали, и раньше, чем я ответил, дверь отворилась. На пороге стоял совсем незнакомый человек в очень странном костюме. От удивления я даже, кажется, открыл рот. Человек затворил за собой дверь и сказал:

— Извините, можно у вас погреться?

Я смотрел на него. Он был весь мокрый и грязный с ног до головы, и у него зуб на зуб не попадал от холода. Я на всякий случай встал и сказал нерешительно:

— З-заходите...

На нем была толстая куртка с множеством карманов, стеганая, словно ватник, а из-под куртки торчали ноги в черном балетном трико в обтяжку. Обувь на ногах не было никакой. Это уже само по себе было странно, но он еще весь был вывален в грязи, даже лицо было в грязи, будто его километра три протащили по деревенской улице волоком.

Он присел на табурет и улыбнулся. Улыбнулся весело, но с трудом — у него лицо сводило от холода. Я молча притащил керогаз и стал его разжигать, а незнакомец сидел скорчившись, обхватив себя руками за плечи, и звонко стучал зубами. Я разжег керогаз. Незнакомец с трудом выговорил «спасибо» и протянул руки к огню. От куртки сразу повалил пар и запахло сыростью.

— Где это вы так? — спросил я. — Машина застряла?

Он посмотрел на меня, засмеялся и сказал:

— Ага, машина.

¹ Первые две страницы рассказа утеряны.

Он совсем не походил на человека, у которого застряла машина. У него было худое веселое лицо, очень смуглое, какое-то хитрое и довольное, словно он только что кого-то очень ловко обманул или перехитрил. И весь он был ловкий, крепкий, прочно сбитый. Было в нем что-то от молодого Мефистофеля.

— Далеко? — спросил я.

— Километров пять отсюда, — сказал он. — Я зашел в поселок, смотрю — везде спят. Ну, думаю, имею один грипп. А тут ваше окно. Я так обрадовался, ей-богу!

— Слушайте, — сказал я. — Снимите ваш балахон. Он же мокрый насквозь.

Он посмотрел на меня, подумал и стал снимать куртку. Никогда в жизни я не видел такой сложной куртки. На ней было штук двадцать молний, и больше всего она напоминала пробковый пояс для спасающихся на водах. Он снимал ее минут пять, не меньше, время от времени вздрагивая и судорожно поводя плечами.

— А где ваши ботинки? — не вытерпел я.

— В грязи утопил, — ответил он и опять засмеялся. — Грязь у вас здесь прямо первобытная. Хорошо!

Под курткой у него оказалось все то же облегающее трико без ворота. Я хотел взять у него куртку и развесить в сених, но он сказал:

— Нет, не надо, спасибо. Я так.

— Что значит — так? — удивился я. Он свернул куртку в рулон и положил у своих ног. — Так она и до утра не просохнет...

Он хихикнул.

— Не беспокойтесь, ей-богу. Мне до утра ждать не придется. Пусть здесь полежит.

И тут я заметил одну странную вещь. Эта черная рубашка у него тоже была вся в грязи. Грязь уже подсохла и отваливалась серыми струпьями. Я сразу подумал: как это так много грязи могло попасть ему под куртку? С другой стороны — глупо лазить под машиной в трико, если есть толстая стеганая куртка.

Незнакомец грел руки над керогазом и смотрел на огонь. Он задумчиво улыбался. Странное у него было лицо. По-моему, он совершенно забыл обо всем — и обо мне, и о первобытной грязи... Конечно, про машину он врал, но кому придет в голову бродить ночью под дождем в таком балетном наряде? Чем-то он мне нравился все-таки — может быть, по контрасту с нудным престарелым академиком.

Я сказал:

— Хотите водки? — Он все еще вздрагивал и поеживался.

Он поднял на меня глаза, и я увидел, что он колеблется. Тогда я встал, сходил за водкой и принес два стакана. Он уставился на водку, затем снова посмотрел на меня.

— Знаете... — нерешительно сказал он. — Пожалуй, не стоит... — Он снова посмотрел на водку и вдруг махнул рукой. — А ну их всех! Выпью!

Он взял свой стакан, чокнулся со мной и выпил залпом. Я пододвинул ему холодные котлеты и налил еще. Он подмигнул мне, снова махнул рукой и выпил.

— Все равно никто не узнает, — заявил он. — А узнают, так тоже не беда.

Я заметил у него на ладони свежие царапины. Под ногтями было полно грязи, а один ноготь был сломан и надорван, и на нем запеклась кровь.

Он взял с тарелки котлету, сунул ее целиком в рот и невнятно спросил:

— Что у вас тут новенького?

— Где это — у нас?

Он немножко смешался.

— Ну здесь, в этих краях... И вообще... Я на своей машине газет не получаю.

Я сказал, что на своей даче тоже не получаю газет. Он кивнул и протянул руки к огню.

— А тут у вас ничего... Только холодно.

— Погода дрянная, — сказал я. — Лето называется...

— Да, погодка не летняя, — сказал он с удовольствием. — Дождь. Кругом дождь. Я здесь влез в кусты — мокро, ужас! — Он радостно засмеялся.

Станный он был человек: грязный, мокрый, промерзший и все-таки чем-то необычайно довольный.

— Так что же у вас за машина? — спросил я иронически.

— «Победа», — быстро ответил он. Слишком быстро.

— Не вездеход?

— Да нет, пожалуй, не вездеход.

— И вас, конечно, снесло в кювет, — сказал я.

— А почему — конечно? Впрочем, действительно снесло. И представьте себе — именно в кювет... А скажите, сельсовет у вас тут есть?

Врал он совершенно откровенно и даже не пытался скрывать этого.

— Нет, сельсовета у нас нет, — сказал я медленно. — У нас дачный поселок. А зачем вам сельсовет?

Он засмеялся мне в лицо:

— А как же! Машину вытащить надо? Надо. А чем тащить? Трактором?

— Да, — сказал я неопределенно. — Действительно... Трактором.

Наступило молчание. Он смотрел на меня с откровенной насмешкой. Тогда я сказал внушительно:

— А вот милиция у нас есть. Совсем рядом — через два дома...

Незнакомец замахал на меня руками.

— Ну зачем же милиция?! — закричал он. — Давайте как-нибудь обойдемся без милиции!..

— Давайте, — согласился я. Он мне очень нравился, несмотря ни на что. Бдительность моя дремала.

— Славный у вас поселок, — заявил он неожиданно. — Тут можно дачу снять?

— Чего славного? — проворчал я. — Грязища да скука...

— Скука? Какая же это скука? Кругом зелень, речка, наверное, есть...

— Речка есть, — сказал я.

— Ну вот видите! И девушки здесь, наверное, приятные.

— Откуда здесь девушки, — сказал я сердито. — Одни жены дачные — поперек себя шире...

Он так и залился смехом, совершенно детским, и долго не мог остановиться, а потом вдруг настороженно прислушался и спросил:

— До города далеко отсюда?

— Километров тридцать.

Я увидел, что вокруг его свернутой куртки натекло воды. Я нагнулся и протянул к куртке руку. Он поймал меня за запястье.

— Не надо, — попросил он. Пальцы у него были горячие и твердые, как железо.

— Она же вся мокрая, — сказал я и попытался освободиться.

Он легко отвел мою руку.

— Ей-богу, не надо. Так высохнет. И потом я скоро все равно пойду.

Он отпустил мою руку.

— Куда же вы пойдете в такой дождь? — сказал я. — Оставайтесь ночевать.

Он подмигнул мне.

— А машина? Вдруг сопрут!..

— Как хотите, — сухо сказал я. Все-таки он очень утомлял — этот странный человек.

А он весело запел: «Как в моем садочке...», опустил на корточки и стал разворачивать свою неприкосновенную куртку. Когда он развернул ее, откуда-то выпала маленькая черная коробочка и стукнулась о пол. Он ее сразу подхватил и сунул обратно в куртку. Я заметил только, что на коробочке горел зеленый огонек.

— Чуть не расколол... — прошептал незнакомец и снова свернул куртку изнанкой внутрь. Я промолчал.

Он легко вскочил и бесшумно подошел к окошку. Я сидел и смотрел, как он вглядывается в темноту, прижав лицо к стеклу.

— Это главная улица, да? — спросил он не оборачиваясь.

Я сказал, что главная. Великолепного сложения был этот человек — стройный, плечистый, настоящий боец. Черное трико словно обливало его.

Он повернулся, несколько раз прыгнул на месте и сказал весело:

— Вот я и обсох. Спасибо.

— Пожалуйста, — буркнул я и подумал, а не спросить ли у него документы.

Но в эту минуту на улице взревели моторы, и в окна ударил свет прожектора.

— Прекрасно, — сказал незнакомец. — Это за мной.

Он сразу как-то подтянулся, перестал улыбаться, торопливо подобрал и набросил на плечи свою куртку и снова подошел к окну. Я увидел, что он открывает окно, и на всякий случай поднялся. На улице под дождем стояли две огромные машины на гусеницах. Послышались голоса. Незнакомец открыл окно и высунулся по пояс. «Сейчас он сунет руку в задний карман», — подумал я и приготовился на него прыгнуть. Но он только крикнул:

— Ксан Ксаныч, я здесь!

На улице радостно заорали в несколько голосов. Послышался беспорядочный топот, зачавкала грязь. Злобно взвыла испуганная соседская дворняга. В сенях загремело — вероятно, все та же канистра, — кто-то чертыхнулся сдавленным голосом.

Незнакомец повернулся и шагнул мимо меня. Дверь распахнулась. В комнату ввалились сразу трое — удивительно, как они втиснулись. Один, маленький, в мокром черном плаще, остался на пороге, а двое — бородатый и в очках — сразу кинулись к незнакомцу и принялись его обнимать.

— Жив. Вовка, жив!..

— У-у, медведь здоровый!

— Руки-ноги целы? Ой, не дави так!..

— А где она? — спросил незнакомец.

— Кончилась, Вова! — сказал бородатый и лихо сдвинул шляпу на затылок. — Ничего, главное — ты остался.

— ...нашли? — Незнакомец употребил какое-то сложное слово, которого я не запомнил.

— Все нашли, — нежно сказал бородатый и обнял незнакомца. — Все нашли и еще полмешка луку в придачу.

— Штаны твои нашли, — сказал очкастый.

Маленький в черном плаще все время смотрел на меня, приятно улыбаясь одними губами. У меня было такое ощущение, будто я ему очень не нравлюсь.

— А я искал-искал, — сказал незнакомец. — Нет штанов! В грязи вывалялся как свинья. Куртку сразу нашел, а штаны — нет.

— Ну, пошли, — сказал бородатый и поволок незнакомца к выходу.

Незнакомец дошел до дверей и вдруг остановился.

— Подождите, с хозяином надо проститься. — Он повернулся ко мне. — Спасибо вам за ласку, товарищ... Простите, не знаю вашего имени-отчества...

Он добродушно и растроганно улыбнулся и вдруг подмигнул. Я молча поклонился. Мне было неловко. Все смотрели на меня, особенно маленький в черном плаще. Незнакомец все-таки сунул руку в задний карман, покопался, что-то вытащил, вложил мне в руку и вышел. Остальные последовали за ним, разговаривая во весь голос, и даже двери за собой не закрыли.

Я поднял руку к глазам. На ладони лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник. Голоса уже раздавались во дворе. Отчаянно заливалась дворняга. В голове у меня все шло кругом, и я ничего не понимал.

Вдруг кто-то сказал: «Извините». Передо мной стоял тот, в черном плаще, и приятно улыбался.

— Извините, — повторил он и осторожно взял камешек у меня с ладони.

— Что это? — спросил я.

Он внимательно посмотрел на меня, потом на камешек, потом снова на меня.

— Это так... Шутка... Спокойной ночи. Простите за беспокойство.

Он повернулся и вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

За окном взревели моторы, и свет фар снова скользнул по окну. Я посмотрел на пустую ладонь. Шутка, подумал я. Вот так шутка. Я стоял посреди комнаты, смотрел на стол, где громоздилась история престарелого академика, на пустой табурет, на воняющий керогаз, на мокрый след неприкасаемой куртки на полу и слушал, как затихает, удаляясь, рев могучих моторов.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **[Из повести о Горбовском]**

Прямая дорога

Антон остановил вездеход под брюхом свайного танка. В свете фар брюхо выглядело очень неопрятно. Антон, задрав голову, рассматривал его сквозь мутный от пыли спектролитовый фонарь кабины. С брюха свисали грязные сталактиты раствора, оно было заляпано жирной грязью графитовой смазки, в которую влипли фестоны мелкого щебня и песка, и все это было покрыто скрученными фестонами вырванного с корнем саксаула.

— Саша, — позвал Антон в микрофон.

— Да, — отозвался Саша. Он сидел в рубке управления танка где-то в двадцати метрах над головой Антона.

— Саша, ты хочешь кушать?

— Спрашиваешь! — сказал Саша. — Это ты, Антон? Четыре желудка из пяти у меня пусты.

— Ну вот и хорошо, — сказал Антон. — Ваша мать пришла, молочка принесла. Открой ротик, Саша.

Брюхо танка раскрылось пополам. По спектролиту забарабанили осколки сталактитов. Антон подал вездеход вперед и, приподнявшись на сиденье, оглянулся. Из угольно-черных недр танка высунулись, блестя в свете прожектора, стальные трубы с магнитными присосками, впились в переднюю цистерну и рывком подняли ее.

— Ну как? — спросил Антон. — Вкусно?

Было слышно, как Саша пыхтит, манипулируя механической рукой. На освободившуюся платформу грохнулась пустая цистерна. Автопоезд качнулся. Антон, не глядя, подал вездеход еще немного вперед. Снова блеснули стальные трубы, и вторая цистерна исчезла в брюхе танка.

— Еще? — спросил Антон.

— Давай еще, — отозвался Саша.

— Только не грохай так порожняк, — попросил Антон. — Ты мне платформы разобьешь.

Саша с грохотом сбросил вторую пустую цистерну и сказал:

— Платформы — это мертвая материя. Почему мы все так заботимся о мертвой материи и забываем о живой?

Антон присвистнул. Саша втянул в танк третью цистерну и продолжал:

— Даже ты. Ты же отлично знаешь, что я умею работать. Ты прекрасно знаешь, что я не роняю порожняк, а бросаю. Но беспокоят тебя только платформы, коим цена — дерьмо.

Третья порожняя цистерна аккуратно легла на платформу. Автопоезд даже не вздрогнул.

— Ты опять собой недоволен? — спросил Антон сочувственно.

Брюхо танка закрылось.

— Спасибо, — сказал Саша. — Заезжай.

Антон тронул вездеход и повел автопоезд между двумя рядами бешено вращающихся буров. Двенадцать буров, по шесть с каждой стороны. И каждый выгрызает колодец глубиной в двадцать метров, а потом в колодец заливается воняющий тухлыми яйцами раствор, который застывает, образуя гигантскую сваю. Вся магистраль Трансгобийского шоссе будет стоять на этих сваях — сто свай на километр. Танк пожирал невообразимые количества раствора — в хвосте колонны медленно тащился передвижной завод, непрерывно изготавливающий раствор.

Поезд выехал из-под танка. Поперек магистрали свирепый ветер нес тучи песка и пыли вперемешку со снегом. Гусеницы вездехода лязгали по неровному застывшему бетону, уминая черные от окалины железные прутья. Сквозь мутную мглу далеко впереди маячили красные хвостовые огни плитуукладочного агрегата. По сторонам трассы, еле видимые в темноте, громоздились черные кучи щебня. По ним что-то ползало, светя маленькими фонариками.

«К плитуукладчикам мне, пожалуй, и не нужно, — думал Антон. — Цемент им завезли вчера». И вдруг ему очень захотелось к плитуукладчикам. Там работали девушки, и они очень любили его. «Минут на десять можно, — решил Антон. — Заброшу им немного шоколаду». Интересно, что опять приключилось с Сашкой? Впрочем, он всегда такой — недовольный. Только один раз я видел его довольным. Нет, два раза. Первый раз, когда он нашел дохлого олгой-хорхоя. А второй — когда Галина позволила ему поднести чемодан. Но все же, зачем платформы ломать? «А в этом ведь что-то есть, — подумал он. — Нам всегда прежде всего бросаются в глаза внешние результаты поведения человека, даже когда он ведет себя через машину. Интересно, научатся когда-нибудь люди точно определять душевное состояние человека по характеру разрушений, которые этот человек наносит окружающей мертвой материи?»

В лучах фар вдруг появилась черная фигура, ужасно размахивающая руками. Антон изо всех сил нажал на тормоза и успел только мимолетно подумать: «Ну, теперь всему конец». Но он не зажмурился и, только вцепившись в руль, изо всех сил откинулся на сиденье. Он услышал, как позади загрохотали цистерны. Вездеход занесло и поставило поперек дороги. Человек исчез — может быть, под гусеницами. «Сволочь», — подумал Антон, с трудом отклеиваясь от спинки сиденья. Он был весь мокрый от напряжения и ужаса. В фонарь забарабанили. Антон непослушной рукой откинул дверцу, и в кабину сейчас же ворвался ледяной ветер. На зубах захрустела пыль. В дверь всунулся человек в полушубке с меховым капюшоном, надвинутым на глаза. Нижняя часть его лица была закутана пестрым шарфом.

— Браток, — сказал человек хрипло. — Закурить есть?

Антон застонал, взял человека за яркий шарф и втащил его в кабину.

— Что, дуэт? — участливо спросил человек. — Так ты закрой, закрой фонарь. Я не тороплюсь.

— Что же это ты? — сказал Антон шепотом. — А?

Человек, вертя головой, выпростал подбородок из шарфа.

— Тут впереди завальчик, — сказал он добродушно, — сейчас мы его раз-два разберем, и поедешь дальше.

Антон посмотрел на шоссе. Там ничего не было видно, кроме бело-желтых струй метели.

— Ну что мне с тобой делать? — спросил он спокойно.

— Тормоза у тебя неважные, — сказал человек. — Тормоза должны быть — нажал и стоишь как столб. Высокий, и стройный, и вкопанный.

— Откуда завал? — спросил Антон.

— Опрокинулся там один.

— Наверное, ты его останавливал, — сказал Антон.

— Нет, сопляк какой-то. Занесло на ровном месте. Так как насчет закурить?

— Я не курю, — сказал Антон.

— Понимаю. Жаль. А что, если мы сделаем так? Вездеход у тебя хороший, отцепим его и растащим этого товарища, который завалил дорогу.

— Да кто он такой?

— Заправщик, вроде тебя.

Антон подумал.

— Нет, — сказал он. — Свяжитесь с диспетчерской, пусть вышлют тягач. Меня ждут.

— Та-ак. — Человек принялся натягивать шарф на физиономию. — В диспетчерскую мы звонили. Тягачи в разгоне. Ну да ладно, приятель. Спасибо за ласку.

Он стал шарить рукой дверь.

— Выпусти-ка меня.

Антон опустил дверь.

— Прощай, голубок, — сказал человек и полез вон. Антон подождал, пока он спрыгнет на дорогу, и закрыл фонарь.

«Все-таки надо было дать ему по зубам, — думал Антон, разворачивая вездеход. — Дурак и нахал». Он осторожно объехал вездеход, лежащий на боку. «Ну так и есть — Гришенька Скворцов. Опять трепался по радио со своими кисками».

— Скворцов, — окликнул он в микрофон.

— Я, — угрюмо пробасили в ответ.

— Где твой поезд?

— Под плитоукладчиком остался.

От опрокинутого вездехода отделилась темная фигура. Фигура слегка хромала.

— Кого подвозил? — осведомился Антон.

— Да понимаешь... — Скворцов забрался на гусеницу и приплюснул лицо к спектролиту снаружи. — Девчонки, понимаешь, упростили. Отвези, мол, к Саше...

— Отвез?

Скворцов только вздохнул.

— Павел узнает — выгонит с трассы, — сказал Антон. — Шляпа ты, Скворцов.

— У меня нежное сердце, — угрюмо сообщил Скворцов. — Я не могу отказывать девушкам.

— Что это за кретин там с тобой?

— Это? — Скворцов оглянулся и несколько секунд смотрел куда-то в темноту. — Это журналист один из Москвы.

— То-то я его никогда не видел, — сказал Антон. — Что ему надо?

— Не знаю. Таскается по трассе со вчерашнего дня. Подвиги ищет.

— А ты бы его подальше...

— Да ну, связываться еще. Слушай, Тоша, у меня к тебе громадная просьба. Когда будешь возвращаться, оттащи мой порожняк к хвосту.

— Хорошо, — сказал Антон и включил двигатель. — Шляпа ты все-таки, — повторил он.

— А ты бы что — не подвез?

— Я бы подвез, но я бы не опрокинул вездеход.

— А я что, виноват, что он из-под гусениц, видите ли, выскочил — закурить ему захотелось!..

Антон выключил мотор.

— Слушай, — сказал он и отодвинул колпак. — Пойдем набьем ему морду.

[Заметки к повести]

Только пусть это будет не тот Горбовский. Надо создать немного другой образ.

Надо изыскать случай, по которому к Горбовскому одновременно собираются несколько человек — либо день рождения Горбовского, либо день его похорон, либо день его торжества, либо его судилища.

Как бы то ни было, к Горбовскому собираются, к примеру, пять человек: трое мужчин и две женщины. Назовем их:

1. Марта.
2. Катерина.
3. Поль.
4. Иван.
5. Кобольд.

Из них:

1. Поль — приятель юношеских лет Горбовского. Не виделись уже тридцать лет, но переписываются и любят друг друга. Никого из собравшихся не знает.

2. Марта — женщина, любившая Горбовского и отвернувшаяся от него из-за его трусости, как ей показалось. Любит его до сих пор. Из самолюбия ошибки своей не признает. Никого из собравшихся не знает.

3. Иван — верный друг Горбовского, ученик его, пришел почтительно приветствовать. Знает Катерину. Вместе летали.

4. Катерина — бывшая жена Горбовского. Ушла от него, не выдержав напряжения от его вечных полетов за гибелью. Не понимает Горбовского. Сидит на покое, рóстит сыночка от Горбовского. Знает Ивана и не любит его. Знает Кобольда.

5. Кобольд — человек «надо». Без поэзии. Сухая железная вера в науку, все, что ей «надо» — добыть любой ценой. Жертвами и прочим.

И сам Горбовский, человек с удивительной биографией, которую надо придумать.

Можно так: начать с того, что все одновременно собираются у Горбовского, ждут чего-то. Тут читатель знакомится с ними и получает их первые характеристики.

Писать это так, чтобы сначала не было понятно время — наше или будущее. Не называть по возможности имен звезд и планет, давать их условно. Цель: дать читателю понять, что это люди — не чета ему. Они чище, благороднее, убежденнее, сильнее.

Биография Горбовского:

1. Интернат — Поль.
2. Стройка в пустыне — Марта. («Зачем рисковать, когда и без этого можно обойтись?»)
3. Что-нибудь а-ля «Десантники» — Катерина.
4. Провал Горбовского — не сговорился с людьми долга, с Кобольдом, и остался один. А один — ни черта не может.
5. Горбовский-учитель — Иван.

Но здесь треба дать мощную психологическую разработку, и не прямую, а вывернутую и запутанную. Так, напр<имер>: Марта любит, знает, что это не трус, но продолжает презирать — в отместку за испорченную любовь. Кобольд — чувствует свое превосходство, тупое превосходство носорога, но растерян и теряется в присутствии Горбовского. Иван — восхищен Горбовским на всю жизнь, но не прощает ему преклонения перед безопасностью. Иван — идейный последователь Юрковского.

Катерина — страшится и думать о временах, когда ждала Горбовского из полетов, но страшно и жестоко наказывает сына за трусость. А Поль? Подумать.

Одним словом, эти пятеро, во-первых, служат прожекторами, освещающими переменчивую и противоречивую суть Горбовского, во-вторых — каждый сам по себе является антиподом ему, одной из его сторон, и считает недостижимым идеалом какую-то сторону.

Думать надо.

Дни рождения. Коммунар

Сергей Алёхин.

Шесть дней рождения. Памятных, и все свидетели и участники являются на шестой. Ждут.

25 января	возраст	кто
1960	15	Поль — юность.
1963	18	Марта — Алёхин-лаборант восстает против рискованного эксперимента. Человек ни черта не может сделать один.
1970	25	Катерина — любовь, развод.
1975	30	Иван — в туземной стране, во время мятежа.
1980	35	Кобольд — история с таинственным убийством на Венере.
1985	40	Сергей Алёхин — командир предприятия, экспедиции — не знаю. Или отец. Или муж.

Итого: для начала написать 6 биографий.

В 1985 г. Алёхин возвращается, повидавшись с сыном от Катерины. Это новый Алёхин, ему 14 лет. И ему некогда. А старый Алёхин возвращается от сына. Огорченный. Он забыл, что у него день рождения.

И без штампов, без фальши, ради бога.

Итого: 2-я очередь — шесть новелл сплошных и одна вразрядку.

М<ожет> б<ыть>, главное — вопросы воспитания? Пронизать мыслью, что самое главное — воспитание молодого поколения.

Учи их не преклоняться перед авторитетами, но изучать их и сверять полученные знания с жизнью. Учи их не слишком доверять опыту бывалых людей. Учи их презирать мещанскую мудрость. Учи их, что любить — не стыдно. Учи их, что скепсис и цинизм — это самая дешевая игра, а вот если скептика и циника распять и снять с них заживо шкуру — то-то взвоют! Учи их с доверием относиться к движениям души своего ближнего. Учи, что лучше двадцать раз ошибиться, чем всегда недолюбливать людей. Учи, что дело не в тебе, а в твоём влиянии на других. Не в том, как на тебя влияют другие. Учи, что один человек ни черта не сделает.

Родился завтра

Алёхин Антон Николаевич. Родился в Л<енингра>де в 2017 г. Отец — историк-архивариус, мать — врач, ларинголог. Старший брат — 2012 г. — лепролог, живет на о<стро>ве Н. (группа Соломоновых). Младшая сестра — 2020 г. — химик-полимерщик.

8 лет — попал в Ленобловский интернат. Приятели детских лет: Анка Волина и Павел Зубов. Эпизод на озере. Арбалет с инфракрасным прицелом. Радио-пуговицы, любовь. 16-ти лет уходит из интерната, поступает на завод полупроводниковых

аккумуляторов. 19-ти лет поступает в институт дорожного машиностроения, одновременно работает лаборантом в том же институте. В 20 лет — трагедия в лаборатории, захотелось славы, взрывает здание. Его порицают. Не лезь, мол, один. А он пошел на это главным образом от злости. Институту не давали заказанных приспособлений. Война между институтами. Вспоминает об этом его тогдашняя сотрудница и любовь Катерина Травинская. Она от него тогда понесла. Его выгоняют из института. После этого он два года таскается коллектором или шофером с археологами. Там знакомится с будущими героями венерианской драмы. В 25 лет поступает на строительство Трансгобийской магистрали. Схватка Антона с администратором, сторонником прямолинейности. Мертвый город. Рассказ от лица Анки, которая тоже там работает. Антона выгоняют со строительства. Анка уходит с ним. Археолог, прибывший слишком поздно, беседует с начальником, разрушившим город: что же ты сделал? «Я проложил прямую дорогу», — угрюмо сообщает тот. Уйдя с работы, Антон поступает в институт дорожного машиностроения и за пять лет оказывается на пути создания лучших в мире дорожных машин для Меркурия и Венеры. Но тут — Павел ослеп. И он бросает все и мчится к нему, и два года возится с ним, не отступает ни на шаг до дня прозрения, а затем уходит. Говорит: «Надоело мне с тобой возиться! Можно, я поеду? А то меня вот зовут». И он улетает на Венеру. И через два года на Венере он предсказывает невиновность Администратора, с которым восемь лет назад схватился в Гоби.

Отводит в сторону Павла: «Паша, друг, сходи к соседям, позвони по этому номеру и скажи, что я сегодня не приду».

1. Цель жизни: жизнь имеет смысл, если живешь так, чтобы было полезно и интересно другим.

2. Основная движущая сила при коммунизме: стремление масс максимальным образом удовлетворить свои духовные потребности. Противоречие между вечным недостатком материального потенциала обещества и вечным избытком духовного потенциала.

3. Коммунизм — эпоха активного добра. Может ли добро быть активно?

Эпиграф: дело писателя — думать и писать. Дело читателя — читать и думать.

4. Использовать фразу: то было время, когда выживали не самые лучшие, а самые приспособленные.

Эстетические взгляды Алёхина. Любовь к книге. Споры о форме в искусстве. Искусство может быть данному конкретному человеку дано и не дано. Существуют произведения, которые понятны всем, но не существует произведения, которое вызывало бы у всех одинаковые эмоции.

На всем своем пути Алёхин сеет в друзьях и товарищах сомнение в безусловной правоте, вообще во всякой уверенности обывательского типа.

Стрелки из арбалета	15 лет	2032 г.
Трагедия в лаборатории	20 лет	2037 г.
На магистрали	25 лет	2042 г.
Слепая Анка	30 лет	2047 г.
Тайна Венеры	35 лет	2052 г.
День рождения	40 лет	2057 г.

Тексты подготовлены: С. Бондаренко

Варианты рукописей и изданий

«Стажеры»

Хотя повесть «Стажеры» была написана очень быстро (по словам Б. Стругацкого, «единым духом и за один присест в мае-июне 1961-го»), в архиве АБС сохранился по ней обширный материал: два полных текста рукописей, планы разных вариантов, в изобилии представлены наброски, заметки и отрывки.

Все это (кроме двух черновиков полного текста) находится в той же папке, что и материалы «Пути на Амальтею». Порядок материалов в папке оказался отнюдь не хронологическим, и если установить последовательность работы над ПНА все-таки не составляет большого труда, то однозначно выстроить путь Стругацких от первых замыслов до конечного результата «Стажеров» нелегко. Из нескольких возможных вариантов компоновки планов и фрагментов ранних версий далее выбран такой, где тексты рукописей как бы постепенно приближаются к окончательному варианту. Однако нельзя исключить, что какие-то планы Авторы разрабатывали параллельно, выбирая далее один из нескольких, или что новые идеи вводили в сторону от окончательного сюжета, а потом все возвращалось к прежним наброскам...

Один из первых планов, имеющих отношение к «Стажерам», называется «Следопыты». Это, собственно, даже не столько план, сколько наброски сюжета. Пока что нет никакого стажера, все герои СБТ и ПНА по-прежнему бодры и летают, Юрковский еще не чиновник, да и полет к Сатурну не предвидится. Все появится позже.

Но время написания этого плана — после ПНА и до «Стажеров». Ибо, с одной стороны, в нем Жилин уже полноправный член экипажа, с другой стороны — все еще живы...

СЛЕДОПЫТЫ

Быков, Крутиков, Жилин, Юрковский, Дауге прилетают на Трансплутон. Трансплутон открыт не очень давно, на нем побывали две экспедиции. Задача экспедиции Юрковского — организовать первые поиски следов Пришельцев, оставивших искусственные спутники у Марса. Одновременно с «Тахмасибом» на Трансплутон прибывают еще три планетолета — два английских и один японский. Они все высаживаются в разных местах планеты и начинают поиски. Связь по радио через планетолеты, которые кружатся как искусственные спутники. Скафандры новых типов — удобные, весьма прочные, с неограниченным запасом кислорода и еды. Передвигаются на гусеничных платформах — «ползунах». Юрковский — начальник экспедиции, это из пакета, который А<лексей> П<етрович> вскрывает при приземлении. Находят несколько объектов и становятся в тупик. Предположения: 1) Природные образования. 2) Оставлены предыдущими экспедициями. 3) Оставлены пришельцами. Гадания и умозаключения. Приключения.

Обрисовать:

- а) Сотрудничество между экспедициями.
- б) Старую дружбу и самоотверженность.
- в) Логический ход мыслей.
- г) Странные пейзажи.

А также все, что понадобится впредь.

От этого плана в окончательном тексте «Стажеров» останется разве что предложение Быкову лететь на Трансплутон в эпилоге.

Следующий по времени написания план тоже мало похож на окончательный, но точек совпадения стало больше. В их числе — некая загадка, скрытая в кольцах Сатурна.

«СТАРЫЙ ЖЕЛТЫЙ САТУРН»

Действие в 2015 году. Планетолог Юрковский возвращается из дежурной экспедиции на кольцо Сатурна. У Сатурна производятся огромные работы по созданию Второго Солнца — зажечь Сатурн и использовать его в качестве местного источника энергии для системы его спутников. Это одно. Второе: провести наблюдения за новыми грандиозными реакциями в природных условиях. Третье, самое фантастическое — периодически менять яркость Сатурна, сигнализировать возможным наблюдателям из Космоса о наличии разумной жизни. Первый эксперимент назначен в июле 2016 г. Сейчас — февраль 2015. Юрковский приехал, чтобы снарядить к кольцу исследовательскую экспедицию по поискам странного Следа, обнаруженного и сразу затерянного в вихре астероидов. Он обратился в Высший Совет Космогации, там ему предложили: корабль вам дадим, но команду и сотрудников ищите сами. У нас людей не хватает. И Юрковский вспоминает про старых друзей.

Между тем друзья: Быков — по-прежнему работает на трансмарсианских трассах «космическим извозчиком». У него два сына (дочь?). Дауге — давным-давно не летает, руководит сектором больших планет в Институте Планетологии и Планетологии в Новонисейске. Крутиков — вышел в отставку, работает по теории в вычислительном центре. Жилин по-прежнему у Быкова бортинженером, женат на дочери Крутикова (или собирается жениться?).

Их и собирается привлечь к своей работе Юрковский. С ним работают два японских планетолога Юкава и Маки.

И еще у Быкова молодой штурман Ермаков.

Герои: Быков, Юрковский, Крутиков, Дауге, Жилин, Ермаков, Юкава, Маки. Жилина посылают наводить порядок на Титане — там такая неприятность: кто-то рвался исследовать засатурновое пространство, его не пустили, он для вида смирился, а затем самочинно захватил один из больших кораблей, предназначенных для «Операции Сатурн» (возжигание Сатурна), забрал огромное количество горючего и удрал. Жилина посылают выправлять положение.

Все трансмарсианские капитаны на учете, все хотят работать для «Операции Сатурн», Юрковскому предложили: хочешь вести свою работу — ступай и найди капитана, который бы захотел пойти на это. В приказном порядке выделить капитана из Великого Дела мы не можем.

Возражение: если вы в кольце затеряетесь, то как вас искать? А дело на носу, и тогда неизбежна отсрочка. Всюду подчеркивать, что работа в кольце — это сложнейшее и смертельное дело.

1. Старт Ляхова — пролог. Быков говорит, что зажигать новое солнце — это не менее важно, чем летать к новым солнцам.

2. [Далее текст отсутствует.]

В дальнейшем АБС пытаются разрабатывать именно этот сюжет, пишут более подробный план, в котором «молодого штурмана Ермакова» заменяют «стажером бортинженером Борисом Пановым». Авторы намереваются использовать не востребуемые отрывки из ранних вариантов ПНА, поэтому появляются Спу-17 и Диспетчерская. Появляется и мысль большинство эпизодов дать с точки зрения Панова — поэтому название меняется на «Стажер».

Новый план изобилует интересными деталями, юмористическими подробностями, насыщен идеями, которых у Авторов уже возникло куда больше, чем могут вместить рамки одного произведения.

СТАЖЕР

(научно-фантастическая повесть)

СОДЕРЖАНИЕ: Действие начинается в феврале 2015 года. Отправляется первая межзвездная пилотируемая экспедиция. На землеподобных планетах — прочные базы и исследовательские партии, готовятся эксперименты по созданию атмосферы на Луне и на Марсе. Планетологические партии исследуют астероиды и спутники больших планет. Период активного исследования и освоения Солнечной системы, международное сотрудничество.

Готовится грандиозный опыт по определению возможности «зажечь» большую планету — создать в глубине большой планеты термоядерный костер (очаг распада) с тем, чтобы а) использовать большую планету для обогрева крупных спутников; б) проверить на практике некоторые теории по особенностям течения термоядерных реакций в сверхмакроскопических масштабах; в) попробовать создать такую реакцию, чтобы ее можно было по желанию быстро гасить и зажигать — способ световой сигнализации с другими планетными системами и с космическими кораблями своими, кои скоро устремятся к звездам. Это пока первый опыт, и никто не знает, что из него получится. Поэтому решили проводить на Сатурне — возле Юпитера боятся повредить ионолгическим станциям, а до Урана слишком далеко. К тому же меньшая плотность Сатурна должна позволить забросить иницирующую аппаратуру в более глубокие слои. Первый опыт назначен на май 2016 года. База эксперимента — Титан.

2014 год Юрковский провел в исследованиях кольца Сатурна. Он неожиданно обнаружил небольшую планетку в кольце, на которой оказался След — не то обломки космического корабля, не то остатки базы одной из прежних экспедиций, не то необычное природное образование. Это надо придумать. Но он упустил планетку из виду, не определив точно ее координаты, и вновь не нашел. Для исследования и поисков необходимо снарядить новую экспедицию. По возвращении на Землю он спешит в Управление Космогации и выясняет, что а) все трансмарсианские корабли заняты на обслуживании «Операции Желтый Сатурн»; б) нельзя уделить для такого дела ни одного межпланетника — все заняты; в) никто ему не верит и все пожимают плечами. В конце концов ему удастся добиться: а) ему дадут на Тритоне десантный бот; б) штурмана и пилота он должен найти и уговорить на поиски сам; в) ему придется найти командира, который согласится взять с собою его и его экспедицию до Тритона. Все осложняется тем, что кораблей, обслуживающих «ОЖС», очень мало — всего около десятка, каждый из них загружен до предела грузами и пассажирами; во-вторых, кольца Сатурна почти не исследованы из-за огромных трудностей в пилотировании в них, а все самые искусные штурманы заняты в другой работе. Тогда Юрковский вспоминает про старых друзей.

С Юрковским солидаризируется только один человек — японский планетолог, крупнейший специалист по кольцам Сусуму Окада. Он просит Юрковского взять его с собой, Юрковский с радостью соглашается. Кроме того, он надеется склонить на свою сторону Дауге. Старых друзей он не видел с 2005 года. Им всем уже по пятьдесят. Десять лет они не виделись, со времени катастрофы на Юпитере. Прежде всего он мчится найти опытного штурмана для пилотирования в кольцо — это должен быть Михаил Антонович. Кстати, необходимо торопиться, остался всего год, во время «ОЖС» их не допустят в кольцо. Он узнаёт, что штурман уже три года назад ушел в отставку и преподает в Новосибирском университете. Юрковский едет к нему и заручается его поддержкой. Затем к Дауге — тот уже пять лет пишет книгу «Планетология и проблемы космогонии». Удастся уговорить и его. Теперь вопрос о корабле, который доставит их на Тритон. И тут Дауге сообщает, что на этой трассе работает Быков, что он неделю назад вернулся и готовится к новому рейсу и что он никогда не берет пассажиров, потому что идет всегда кратчайшими и опаснейшими маршрутами. У него самый отчаянный экипаж в мире. Но он, возможно, согласится по старой дружбе взять пассажиров на этот раз. Едут к

Быкову. Он в Мирза-Чарле. Дружно уговаривают его. Он страшно нехотя соглашается ради друзей, однако говорит, что поведет планетолет в этот рейс самым безопасным путем. На том и решено. Экипаж Быкова — штурман Сергей Гоцкало, бортинженер и суперкарго Жилин и стажер бортинженер Борис Панов. Большая часть повести ведется от лица Панова. Вся кодла перебирается на Спу-17, где Юрковский читает гранки книжки Дауге, Дауге осматривает Диспетчерскую, экипаж занимается подготовкой к старту, а Сусуму слегка запаздывает. Наконец все в сборе и стартуют на фотонном грузовике «Тахмасиб».

По прибытии на Титан события развиваются следующим образом... Но сначала хорошо бы забить хорошие гвозди в период рейса. «Тахмасиб» — старый корабль, можно что-нибудь скрыть в его трюмах, кстати, показать, что в рейсах не скучают, какие-нибудь хохмы с невозмутимым Окада и развеселым хохлом Гоцкало, дать вставные эпизоды — из приключений первых Следопытов и о находках первых Следов, можно в виде рассказа Юрковского дать рассказ о Гигантской Флюктуации — хотя трудно предположить, чтобы Юрковский не знал о том, что такое математическое ожидание.

Итак, что случилось на Титане. Титан — крупная планетка, больше Луны. Метано-азотная атмосфера, нефтяные океаны, два крупных острова, несколько архипелагов, бактериальная и грибковая анаэробная жизнь, в океанах — некоторые виды моллюсков. Черные аммиачные тучи. Оба острова-материка находятся, как и полагается, в северном полушарии. Один — Материк Кушакова, на нем База «ОЖС», строятся склады и пусковые устройства для запуска иницирующих снарядов. Другой, Материк Оранжевый, пустынен, там работают только планетологи, ведется глубокое бурение. Оба материка лежат на пути вулканического пояса, который большей частью проходит по дну нефтяных океанов. Вообще, Титан почти не изучен. На него возлагаются большие надежды, если «ОЖС» удастся: с Сатурном вместо солнца Титан можно будет очистить и дать пригодную для жилья атмосферу. Атмосфера сейчас на нем исключительно спокойная, густая, плотная, почти земного атмосферного давления. Электрических разрядов мало, радиосвязь идеальная. Единственная опасность — вулканы. Есть установка по производству искусственных материалов на природном сырье — метане, азоте и нефти, а также для производства топлива для импульсных ракет.

Базой «ОЖС» руководит Совет Директоров из трех ведущих энтузиастов-ученых (русского, француза, англичанина). На Базе уже свыше тысячи человек, из них триста занято на основных, остальные — на обеспечивающих работах. Часть людей перебрасываются на внутренние спутники — на Мимас, Энцелад и Диону, где строятся укрытия с обсерваториями. Около Титана обращается наскоро построенный перевалочный пункт — ИС Титан-2. К нему пристают фотонные гиганты и перегружают грузы на импульсные ракеты, заряженные атомарным водородом. Прибыв к Титану-2, Быков разгружается и сопровождает Юрковского и его товарищей на Титан. Разговор с Советом Директоров. Они довольно равнодушны. Они бы с радостью, но свободных ботов нет. Все заняты на рейсах в системе Сатурна — перевозят оборудование и пассажиров со спутника на спутник. Юрковский кипит, показывает бумагу от Совета Космогации, но те только улыбаются и пожимают плечами: на Земле плохо представляют местные условия. Впрочем, вызывают пилота Санчо — испанца, командира эскадры ботов. Он старый друг Быкова и знает Юрковского, почитает Крутикова. Он дает понять Быкову, что сделать ничего не может, но потихоньку сообщает ему, что еще год назад вынужден был передать превосходный бот титанологам, которые им почти не пользуются. Нужно попытаться отнять у них. Он, Санчо, вынужден умыть руки, но ничего не будет иметь против того, чтобы планетологи завладели ботом хотя бы силой. Начинается военная хитрость. Группа титанологов — швейцарцы и бельгийцы, всего десяток человек — располагаются на другой стороне Титана, на Оранжевом материке. Быков и Ко прибывают к ним. Переговоры. Титанологи отказываются. Драка. Быков блокирует выход, а Юрковский и его друзья при помощи стажера Панова овладевают ботом. Быков взят в

плен, но экспедиция начинается. Хохот над Титаном. Быков потирает помятые бока и ухмыляется. Бот летит в кольцо. Ругань идет по линии: «Разбой!» — «Да, действительно. Но сознайтесь, ведь бот вам не нужен!» — «Это наше дело! Это наше имущество!» — «Да, им не следовало так поступать. Но сознайтесь, ведь бот вам не нужен!» Все заканчивается мирной выпивкой.

В кольце. Экспедиция началась. План Юрковского: прочесать все 26 тыс. км кольца Б, где был замечен таинственный объект. За год это сделать очень трудно, но попытаться стоит. Здесь все зависит от умения штурмана. Михаил Антонович предложил идти над поверхностью кольца, удаляясь от него максимум на сто километров, дважды за оборот проходить сквозь него, и все по суживающейся спирали, пока не будет пройдена вся ширина. В кольце сразу же были обнаружены астероиды диаметром до десяти километров, но исследование их ничего не дало. Вот здесь надобно найти мощные гвозди. Передать ужасное напряжение всех, в первую очередь Юрковского как начальника экспедиции, затем Михаила Антоновича и Панова как пилотов, наконец, Дауге и Окада как участников, между гибелью и великим открытием. Радиосвязь с Быковым — он возвращается на Землю за очередным грузом, увозя эрбий с Япета. По указанию Совета Директоров и по просьбе Санчо станция на Мимасе держит программную связь с ботом. Работа экспедиции: обвязавшись веревками, лезут по всем мало-мальски крупным астероидам. А тем временем со станций к ним летят приказания и просьбы расследовать «заодно» то-то и то-то. Юрковский чертыхается, но расследует.

Пейзажи в кольце, немножко жути. Странный, чрезвычайно причудливый мир. Камни, плывущие медленно и важно вокруг, и вдруг среди них, стучаясь и высекая искры, пролетает какой-то болид — это камень с большим эксцентриситетом. Или пролетает таким же образом разогретая столкновениями добела туча пыли. Михаил Антонович только потеет, а Панов стажируетя вовсю. Панов мечтает найти гигантские скелеты каких-нибудь пришельцев, разбитые чужие звездолеты и даже развалины циклопических сооружений. Вместо этого находит что-либо другое. Например — плачущую девицу, она кончила Школу на год раньше, пожелала стажироваться на Мимасе и обуревалась мыслью побывать в кольцах. Она тайком завладела одноместной телеуправляемой ракеткой, переключила управление на ручное и удрала «на денек». Но, высадившись на одном из астероидов, забыла причалить ракетку, и та у нее уплыла и затерялась в каменном небе. Девица сидела в скафандре трое суток, ничего не ела, считала себя погибшей и плакала навзрыд, призывая маму. Передатчик у нее был слишком маломощный, кроме того, радиолуч не мог пробиться через каменную гряду. Девица была ничегё, Панов почувствовал себя героем и проникся к ней благородной жалостью и снисхождением. Но когда он притащил ее на бот — и что тут было! Юрковский ругал ее матом. Дауге ругал ее по-латышски. Михаил Антонович ругал ее по-отечески. Окада ругал ее вежливо и язвительно. Панов, как добрый юноша, но впечатлительный, в душе жалея, тоже стал относиться сурово. Вот тут и хорошо показать проблему зайца в ракете. Во-первых, экспедиция все время в опасности. Во-вторых, мало еды. В-третьих, можно, конечно, выскочить на Мимас и вернуть ее, но это — потеря двух-трех дней, а главное — потеря ориентировки и риск, что при возвращении не удастся найти то место, на котором остановились. Собирается совещание. Что делать? У девицы весьма жалкий вид. Она виновата и хлюпает. Михаил Антонович тоже начинает хлюпать. Юрковский чертыхается и говорит: раз равноправие, так пусть здесь и сидит. Ведь сидит же здесь Варечка! Вопрос решен.

А ровно через сутки Окада обнаруживает «астероид Юрковского» — пирамидальный обломок базальта, покрытый водным инеем и метановым льдом, высотой в тринадцать километров и шириной в десять километров. И на нем находят предполагаемый След. Полагаю, можно представить его себе так. Это неправильный полиэдр, общей формой и размерами похожий на усеченный эллипс с большой полуосью в два метра. К базальту прикреплен тонкой металлической ножкой. Цвета стального, ко

всеобщему изумлению мягок на ощупь. Черт, надо бы придумать, что это может быть. Одним словом, они закончили работу, забирают находку и возвращаются за полгода до начала «ОЖС». Торжественное возвращение бота титанологам, несколько дней еще и прибытие Быкова. Обратный перелет.

В эпилоге вся компания собирается у Михаила Антоновича в день «ОЖС». Смотрят в бинокли и телескопы. И видят, как Сатурн разгорается и начинает светиться вместо желтого голубым светом. Опыт удался. И разговор о находке.

Основная идея вещи — философия жизни во Вселенной, вероятность экспансии жизни и вероятность перекрытия одной цивилизации — другой, идея о том, что наша Вселенная сравнительно молода, всего несколько десятков миллиардов лет как возникли из прежних нынешние формы материи, что каждая форма материи должна долго «учиться» существовать, усложняться, что существует естественный отбор и у форм материи, и прежние формы вымерли или переродились, как древние ящеры. Эту идею объединить с идеей вероятности — почему существует энтропия и почему чаще получаются наиболее вероятные состояния — это тоже результат развития материи, стремление материи к усложнению. Свойства материи объясняются свойствами пространства и времени, которые в свою очередь развиваются по неведомым причинам. Загнуть это поглубже и тогда можно спокойно дать а) историю гигантской флюктуации и б) столкновение с древнейшей формой жизни во Вселенной, дряхлой, несовершенной, но разумной.

Есть еще одна идея, которая может стать центральной: кто-нибудь, напр<имер> сам Юрковский, увлечен мыслью о совершенной необходимости и неизбежности расселения любой цивилизации по всем звездам космоса. Сейчас, когда Вселенная еще молода, такое расселение успели произвести только самые древние цивилизации, которые, таким образом, наиболее физически и физиологически несовершенны. Им, этим цивилизациям, миллиарды лет, они могут всё, и вместе с тем с точки зрения землян они очень несовершенны. И вот в кольце Сатурна расселились представители этих суперменшей — здесь приплести и идею Циолковского о непременности заселения человеком пустоты. «Из воды на сушу, с суши в пустоту». Юрковский эти свои взгляды скрывает, боится, что его засмеют. Это внесет в повесть привкус тайны.

Существа, живущие в пустоте, неизмеримо далекие от нас, медлительные и величественно-равнодушные. Они готовятся эвакуировать Солнечную систему, поскольку в ней человек вышел в космос. И они обладают необычайными способностями — полтергизмом, телепатией, полнейшей властью над материей без машин. И это дать с нарастанием по всем правилам классического романосложения — капельки, ручеек, река, водопад событий, океан — и эпилог.

К «истории гигантской флюктуации» необходимо дать некоторые пояснения. У Стругацких имелся написанный в 1958 году рассказ «Гигантская флюктуация», который к моменту работы над «Стажерами» опубликован не был. Два последовательных варианта его рукописи представлены в настоящем издании отдельно, среди архивных материалов 1958 года. Первый вариант сохранился не полностью (а может быть, просто не был дописан). Второй вариант, уже практически полный, отличается как степенью завершенности, так и добавлением всяческих мелких, но интересных деталей. Помимо прочего, в нем уже отсутствует даже намек на то, что какие-то необычные события (вроде ночной радуги) происходят на самом деле, фантастичен лишь рассказ незнакомца. Время действия соответствует, видимо, времени написания рассказа.

После дополнительной переработки «Рассказ о гигантской флюктуации» (только от лица не Юрковского, как первоначально планировали АБС, а Жилина) вошел в повесть в виде почти не связанной с основным сюжетом вставной новеллы.

Многие же другие пункты плана (или, если угодно, краткого конспекта) реализованы не были. Авторы вновь переделывают его и, как теперь можно понять, находятся на полпути между первоначальными задумками и окончательным текстом.

СТАЖЕР
(научно-фантастическая повесть)

Действующие лица:

1. Командир фотонного корабля «Тахмасиб» Алексей Петрович Быков.
2. Начальник трансмарсианского отделения Комитета внеземных ресурсов Владимир Сергеевич Юрковский.
3. Штурман Михаил Антонович Крутиков.
4. Бортинженер Иван Александрович Жилин.
5. Стажер бортинженер Юрий Николаевич Чибисов.

Главы

Пролог.

1. На стартовом спутнике.
2. Первый день рейса. Жилин работает с увлечением. Рассказ «Суета вокруг дивана».
3. Марс. Облава.
4. Рейс. Запасы Михаила Антоновича. Рассказ «Сказка о желании».
5. Астероиды. Смерть-планета.
6. Юпитер. Диктатор.
7. Рейс. Рассказ «Гигантская флюктуация».
8. Следопыты. Кольца Сатурна.
9. Сцена в Гостинице. Обман Юрковского. Захват бота. Стажер отражает атаки бельгийцев. Быков не поспевает. Звук.
10. Гибель Портоса.
11. Букет незабудок.

Стажер — уже Юра, но еще с другой фамилией и по-прежнему бортинженер. Юрковский — уже администратор, но еще не инспектор. В списке посещений нет Бамберги. А начинаться повесть должна была все-таки на Спу-17.

Зато появляется идея сопровождать повествование о рейсе маленькими рассказиками-вставочками, куда АБС в какой-то момент собирались поместить и «Суету вокруг дивана» — тогда еще маленький эпизод, о котором БНС подробно рассказывает в «Комментариях» в главе про «Понедельник начинается в субботу». О том, что это не было сделано, сожалеть не стоит — потеря вставной (и, в конечном счете, необязательной) главы обернулась для читателей чуть позже обретением замечательной повести-сказки...

Где-то в это время принято решение сделать Юрковского инспектором. Такому герою куда проще колесить по Солнечной системе, посещая «по долгу службы» все объекты, которые нужны в интересах сюжета Авторам. План начинает разрабатываться подробнее:

1. Марс. Юрковский инспектирует общегеологические работы. Участие в облаве.
2. Астероиды. На некоторых Юрковский инспектирует новые системы, введенные в ход недавно.

Но тут Авторы останавливаются, потому что видят, сколь непросто учесть все возможные объекты, действия, проблемы и конфликты. Удобнее отобразить это в виде таблицы. И она появляется:

	Что делают люди	Что делает Юрковский
Марс	1. Следопыты.	1. Журит, что больше обращают внимание на пиявок, а не на археологию.
	2. Биологи — животный и растительный мир Марса. Показать ископаемые Марса.	2. Очень доволен.
	3. Геологи — ищут полезные ископаемые. Геофизики и геодезисты —	3. Интересуется, когда будет готов проект. Он очень нужен. Он должен решить, что делать: бросить ли силы на уничтожение

	триангуляция, физическое строение Марса: атмосфера, реки, горы, химия, сейсмология, метеорология и т. д. Приспособить Марс к самосодержанию.	или на охранение. Облава.
	4. Строители, дорожники. Ок. 1000 чел. Женщины и дети.	4. Ругает за вялую работу и спрашивает, что им нужно? А нужно больше машин.
Астероиды	1. Геологи-космогонисты — пытаются определить происхождение.	
	2. Физики.	
	3. Служба заправки и ремонта.	Юрковскому не подчиняются.
Церера	— смерть-планета. Физики ведут наблюдение за изменением гравитационного поля в момент взрыва. Уникальный эксперимент. Нестационарное гравиполе, скорость распространения гравитации.	Юрковский спешит и наблюдает.
Ганимед	$g = 1/8 \omega$. Обращен одной стороной к Юпитеру. Одна станция, 20 чел<овек>. Астрономы — изучают законы движения спутников. Геологи-космогонисты. Идея частых астрономических открытий.	Низложение диктатора.

Кроме тематических наработок, Стругацкие обсуждают и мысли, которые хотелось бы высказать и обсудить в повести. Перечисляются идеи, записываются маленькие монологи:

К «Стажеру»

1. Рассказ о «Каравелле». Равнодушие Быкова. Он и не видит никакого другого пути и считает, что главное в этой истории — набить морду механикам за отвратительное обслуживание.

2. Рассказ о маленьком кирпичике в башне мироздания. Вот что такое маленький человек. Никто не знает, что из него может получиться и на что он способен. Надо беречь его, и лелеять его, и всячески помогать ему — и в этом смысл жизни. (Быков)

3. Быков — борец за правду. Ненавидит ложь во спасение, отрицает ее. Придумать бешеный спор с Юрковским, сохранившим кастовость.

4. Юра должен по-настоящему прорезаться на Дионе. Ищет Шершня — убить.

5. Разговоры. Юра — Жилин об угрозе мещанства. Быков — Крутиков о детях (Быков — нежный, беспокойный отец). Показать мятущегося Жилина, которого не удовлетворяет то, что он имеет. Он считает, что он не на месте, что способен на большее.

6. Проблемы переходного периода:

а) мещанство;

б) воспитание;

в) судорожное неспевание за успехами науки (дать на Марсе).

7. Разговор о рационализации человека. О рассудочности и потере чувств.

8. М<ожет> б<ыть,> дать Юру — человека поиска. Старается узнать как можно больше и не поспевает. И Жилин — то же. Юра человек нового времени — вмешивайся во всё и для этого все предпосылки. Лучше суматоха и неразбериха, чем стоячее болото.

— Мы были поколением молчаливых и сменили поколение запуганных или отказавшихся. Теперь растёт ещё поколение, но они не молчаливы, они кричат. Они воспитаны так, чтобы вмешиваться во всё. Мне это не всегда нравится. Я уверен, что есть вещи, которые не исправить никаким вмешательством. Но, по-моему, они правы в общем. Вмешиваться надо. Если не вмешиваться — море человеческое застоится и превратится в болото. Они вмешиваются, поднимают массу шума, делают тысячи ошибок по неопытности, и вокруг них всегда — взрыв. Они как маленькие бомбы. Они всё разносят в клочья и не любят тишины, тайны и замкнутости. Давайте шуметь! И наверное, так и надо. Нет ничего страшнее болота. Нет ничего страшнее мира, где люди говорят: «Что нам лезть в это дело. Есть люди поумнее, они разберутся». А те принимаются разбираться, и над серым болотом вспучиваются вонючие пузыри мерзостей и исторических ошибок, калечащих миллионы.

— Жил-был маленький человек. У него была жена-врач и дети-школьники. У него была немудреная работа, без которой не обойтись, но которую можно делать только втысячером. В этой работе не бывало героев, и шли на эту работу те, кто не считал себя способным на борьбу в одиночку. Но маленький человек был хорошим славным товарищем, отличным семьянином, его все любили, и никто не принимал его всерьёз — ни его самого, ни его дело. Он был счастлив и, умирая, не жалел о своей жизни, потому что был уверен, что она прожита не зря, хотя и не узнал о ней весь мир. И он умер. И в день его смерти океаны волной пошли на берега, сметая целые страны; солнце затянуло красной пылью, звезды пропали на небе, потому что свет их стал инфракрасным, Луна стала вращаться быстрее, а Юпитер сорвался с орбиты и канул в Пространстве. Правое стало левым, и целый час время шло назад. Правда, потом все стало на свои места и жизнь пошла своим чередом, и, конечно уж, никому не пришло в голову, что во всем была виновата смерть, которая унесла маленького человека. Только одному из его друзей пришла в голову мысль, что покойник при всей своей малости и незаметности был, наверное, той самой песчинкой, на которую опиралось чудовищное строение Мироздания. Песчинку унес ветер, и строение покачнулось. Не рухнуло, но покачнулось, а теперь снова стоит твердо, опираясь на какую-то другую песчинку, а может быть, на миллиард песчинок сразу. Я люблю этого маленького и незаметного, которого никто не знает и я не знаю. И именно потому, что я не знаю его, я люблю всех и не люблю смерти.

Какие-то моменты уже легко просматриваются в окончательном тексте «Стажеров», что-то туда так и не попало. Но разработки, видимо, нравятся Авторам, и они, продолжая работу над планом, начинают писать пролог и первую главу повести.

ПРОЛОГ

Вместо эпиграфа:

В Высшей Школе Космогации было четыре факультета — Штурманский, Инженерный, Дистанционного управления и Переподготовки. Учебный год кончался в июне, выпускные экзамены длились иногда до ноября. Выпускники получали в Школе так называемые общие назначения. Конкретное назначение каждый получал в соответствующем Управлении. Впрочем, это касалось только штурманов и инженеров. Девушки и ребята с факультета Дистанционного управления знали свои назначения ещё на четвертом курсе, потому что полгода пятого курса они учились на местах своей будущей стажировки. Капитаны с факультета переподготовки возвращались, как правило,

на свои прежние корабли. Но инженеры и штурманы узнавали о том, где и с кем им придется работать, только на базовых ракетододромах. Там их никто не знал, и распределение проводила кибернетическая машина, в которую оператор вводил закодированные характеристики будущего стажера. Предварительно в машину вводились данные о кораблях, рейсах и капитанах, у которых имелись вакансии. Машина сравнивала, подбирала, останавливалась на оптимальном варианте и давала на выход в простом буквенном коде: «Такой-то к капитану такому-то, корабль такой-то, рейс такой-то». Решение машины, запрограммированной лучшими космопсихологами и самыми опытными капитанами мира, было окончательным и обжалованию не подлежало.

Снега было много, как всегда в ноябре, и он все падал и падал с низкого белесого неба. За пеленой медленных пушистых снежинок, словно за кисейной завесой, смутно виднелись торчащие из сугробов верхушки голого кустарника и — еще более смутно — темная опушка леса. Было очень тихо, воздух был неподвижен, и от этой тишины и неподвижности и от низкого неба казалось, что весь мир завернут в толстые слои ваты. И было тепло, не ниже двух-трех градусов мороза.

Юра взбежал на холм, воткнул палки в снег и, сдвинув рукав, поглядел на часы. Двенадцать километров за сорок четыре минуты — для первого зимнего выхода это было неплохо. Для первого и последнего. Он вытянул из кармана платок и вытер лицо. Растаявший на лице снег был солоноватым от пота. Взяв палки под мышки, Юра подошел к скамейке. Скамейка едва поднималась над снегом, на ней вырос пухлый чистый сугроб. Юра нагнулся, чтобы смахнуть сугроб, но услышал хруст ломающихся веток и обернулся.

Вот и Нина пришла. Она поднималась на холм правее его лыжни, прямо через кустарник, равномерно взмахивая палками. Она была уже шагах в двадцати, и он хорошо видел ее милое румяное лицо под вязаным красным колпаком, запорошенные брови, и влажный лоб с прилипшей к нему прядкой, и яркий полуоткрытый рот, из которого вырывались облачка пара. Сколько раз они встречались на этом холме, и зимой, и весной, и осенью, и она всегда приходила хоть на минуту, но позже него, и он всегда стоял у скамейки и глядел, как она поднимается на холм, в брюках и свитере, как сейчас, или в цветастом платье, или в блестящем дождевике, туго затянутом в поясе, и он всегда думал, какая она красивая, и всегда немножко боялся, что она слишком красивая и встречается с ним просто так, потому что не успела познакомиться с кем-нибудь более интересным. Позже он заметил, что она чуть-чуть широковата в плечах и бедрах, но все равно считал, что она необычайно красива.

Она поднялась на холм, подъехала к нему, бросила палки и сказала улыбаясь:

— Здравствуй, инженер.

— Здравствуй, — буркнул он и принялся неловко счищать перчаткой снег с ее плеч. Она начала называть его инженером чуть ли не с первых дней знакомства, еще на третьем курсе, но теперь это звучало совсем по-другому.

— Оставь, — сказала она. — Все равно опять засыплет.

Он взял ее за плечи и поцеловал. Губы у нее были сухие и горячие, а нос мокрый и холодный.

— Уезжаешь? — спросила она.

Он кивнул.

— Когда?

— Сегодня. Через три часа.

Она медленно покивала.

— Да, — сказала она. — Вот ты и уезжаешь.

Они помолчали.

— Что ж, — сказала она. — Посидим?

— Давай. Только подожди, я скамейку почищу.

Он сгреб снег со скамейки. Нина сбросила лыжи и села. Он сел рядом и обнял ее за плечи. Она закрыла глаза.

— У меня сегодня весь день все идет кувырком, — сказала она. — Два раза центрифуга в лаборатории ломалась. Мотор у сепаратора перегорел. Как назло.

Она открыла глаза и отстранилась от него.

— Ну ладно, — сказала она. — Рассказывай.

— Да что рассказывать, — сказал он и вздохнул.

— Не лицемерь, пожалуйста, — сказала она быстро. — Я же отлично знаю, что тебе хочется ехать.

— Я не лицемерю.

— Нет, ты лицемеришь. Ты притворяешься, как подлый Ахав.

— Кто это — Ахав?

— Понятия не имею, — сказала она и отвернулась. — Все равно, ты пять лет ждал этого дня, и нечего притворяться.

Ему показалось, что она вот-вот расплачется, и он испугался.

— Ниночка, — сказал он. — Я совсем не притворяюсь. Мне действительно тяжело, что мы с тобой не увидимся теперь год, а то и больше.

— Вот именно. — Она снова повернулась к нему, и он увидел, что она и не думает плакать. — Ничего, — сказала она спокойно. — Через год ты вернешься, и мы увидимся. Так что ты не огорчайся.

— И я вообще никогда не притворяюсь, — сказал он. — Ты могла бы заметить это за три года.

— Ну конечно, я заметила, — сказала она. — Не сердись. — Она обхватила его шею, притянула его голову к себе и поцеловала в щеку. — Просто мне показалось, что ты рад удрать от меня.

— Глупости, — растерянно сказал он.

— Ну конечно, глупости, — сказала она. — Ладно, рассказывай.

— Что?

— Все. Во-первых, куда ты едешь.

— В Мирза-Чарле.

Она наморщила лоб.

— Что это?

— Базовый ракетодром. В Казахстане.

Она вытянула руку и раскрыла ладонь. Снежинки опускались на маленькую розовую ладонь, таяли и распadaлись на мельчайшие капли.

— Ну? — сказала она.

— Что?

— Рассказывай дальше. Не собираешься же ты весь год сидеть в Казахстане.

Он развел руками.

— Больше я ничего не знаю.

— Не может быть, — убежденно сказала она.

— Правда, Ни.

— Не верю. Ты ведь получил назначение?

— Получил.

— И не знаешь, куда полетишь?

— Правда не знаю, Ни.

Она сцепила пальцы и сунула руки между колен.

— Ты морочишь мне голову, инженер.

Он принялся обстоятельно объяснять. Да, он получил назначение. Так называемое общее назначение. Школа распределяет выпускников по ракетодромам. Он, например, откомандирован в распоряжение базового ракетодрома в Мирза-Чарле. А уж ракетодром даст ему конкретное назначение. Так всегда делается, потому что данные о вакансиях собираются у начальников ракетодромов. В Мирза-Чарле он явится к начальнику ракетодрома и предъявит свой пакет.

— Пакет? — переспросила она. Она слушала очень внимательно.

— Пакет с документами. Командировочное предписание, характеристики, медицинская книжка... все такое.

— Чепуха какая, — пробормотала она.

Он пожал плечами.

— Так всегда делается.

Они снова помолчали. Потом она спросила, глядя в сторону:

— Ты куда мечтаешь попасть?

Он удивился. Странно, подумал он. А мы ведь ни разу не говорили об этом. За все три года ни разу. Он небрежно махнул рукой.

— А, — сказал он. — Это решительно все равно. Лет через несколько я буду звездолетчиком. А сейчас это неважно. Не все ли равно, где проходить стажировку? В межзвездные стажеров не берут. Даже в исследовательские межпланетные не берут.

— Куда же тебя могут взять?

— На лунную трассу, например. — Он подумал. — Или вот иногда берут стажеров на трансмарсианские рейсовики. Буду возить людей, продовольствие. Это интереснее. Хотя у них обычно очень длительные рейсы. Лучше уж стажироваться на лунниках. Раз в месяц недельный отпуск, а стаж все равно идет. И мы сможем часто видеться.

— Тоже неплохо, — сказала она, невнятно усмехаясь.

Он, улыбаясь, смотрел на темнеющий за снежной пеленой лес.

— А потом я добьюсь, чтобы меня взяли бортиженером в межзвездную. Может быть, в первую экспедицию к Проксиме. Или к УВ Кита. Вот тогда начнется настоящая жизнь.

Она вдруг встала и сказала:

— Давай танцевать.

Он изумленно взглянул на нее, поглядел под ноги и сказал с сомнением:

— Ну... давай, если хочешь...

— Последний танец, — сказала она. — Приглашают дамы.

Он достал из кармана приемник и повертел верньер. Он поймал какой-то радиомаяк и поставил приемник на скамейку. Передавали медленный вальс. Они встали, и он обнял ее за талию. Они начали танцевать, проваливаясь в снег, но снег был рыхлый и пушистый, а танец медленный, и танцевать было можно. Нина уткнулась лбом в его плечо, и ему опять показалось, что она едва удерживается от слез.

— У нас сегодня был случай... — торопливо сказал он.

— Ну? — сказала она ему в плечо.

— Ни, ты плачешь?

Она подняла лицо. Она не плакала.

— С чего ты взял?

— Мне показалось, — мрачно сказал он.

Они остановились.

— Почему все-таки ты решил, что я плачу? — спросила она.

— Я не решил. Я же говорю... мне показалось.

— Но почему? Слезы расставания, да? Ариадна брошенная. Любезный друг сделал ей амур и уплыл, видишь парус?

Он молча смотрел на нее сверху вниз.

— Ох, — сказала она. — Давай лучше сядем. Терпеть не могу задирать голову.

Они сели. Он выключил приемник и сунул в карман.

— Слушай, любезный друг, — сказала она. — Сколько тебе лет?

— Двадцать два.

— А мне и того меньше. Так что ты не огорчайся.

— Почему это я должен огорчаться?

— Я и говорю, что ты не должен огорчаться. — Она постучала в его грудь мокрым пальцем. — Ни в коем случае. У тебя еще все впереди.

Он задумчиво потер подбородок.

— Что ты имеешь в виду, Ни?

— Удивительно, — сказала она и покачала головой. — Как это ты не понимаешь, что все портишь?

— Ничего не понимаю.

— Тогда давай объясняться. Давай?

— Давай.

— Хочешь, я скажу тебе, что ты думаешь, инженер? Вернее, не думаешь, а чувствуешь.

— Скажи.

— Ты чувствуешь себя виноватым. Только условимся: не перебивать. Так вот, ты чувствуешь себя виноватым. Я дружил с нею три года. Я даже любил ее. Во всяком случае, эти три года она была самым близким моим другом. Три года мы бегали друг к другу на свидания, целовались и шептались друг другу на ухо разные интересные вещи. А теперь я уезжаю в новую, ослепительную жизнь, а она, бедняжка, остается там же, где была. Ах, как неловко получается! Как мне совестно, бедному!

— Слушай, Нинка, — сказал он, притворяясь раздраженным. — Что на тебя нашло сегодня?

— Мы условились: не перебивать. Так вот. Все это так, но ты, как и подобает мужчине — настоящему мужчине, — стараешься не поддаваться всяким там сантиментам. Это ничего, мужественно думаешь ты. Ведь я не навсегда. Я еще буду работать на луннике, и мы будем еще встречаться, целоваться, шептаться и так далее. А потом я улечу на Проксиму или даже на УВ Кита, совершу подвиги и вернусь в сиянии славы, великий и могучий, и в награду за ее любовь предложу ей руку и сердце. Мы поженимся, и я опять уйду в ослепительную жизнь навстречу необычайным приключениям на неведомых мирах, а она будет преданно и трепетно ждать меня, гордясь, что она жена такого человека, а когда я опять вернусь, она будет подливать мне вина в бокал, и ловить каждое слово моих необыкновенных рассказов, и ахать и замирать от запоздалого ужаса, и требовать, чтобы я обещал в следующий раз сворачивать при встрече с этим ужасным чудовищем, и я буду снисходительно обещать все что угодно, зная, что обещания все равно не сдержу... А затем она приведет перед мои светлые очи моих детей и расскажет, что дочка учится на круглые пятерки, а сын уже гуляет с девочкой из соседнего дома...

Она задохнулась и замолчала. У нее даже глаза потемнели от злости.

— Чепуха какая, — неуверенно сказал он.

— А подумавши?

Он добросовестно подумал.

— Ну? Только честно!

— Честно... Ну не надо сердиться на меня, Нинка. Ну что я могу поделать, право?

Она покачала головой.

— Безднадежен, — сказала она со вздохом.

Тогда он тоже рассердился.

— Ты сама намотала на меня знамена всякой глупой романтики, а теперь сердишься и восстаешь против этого. Делаешь из меня какого-то павлина.

Она ласково погладила его плечо.

— Ты не павлин, Юрочка. Просто ты мальчишка.

— Ну вот еще!

— Правда. Ну, не будем об этом.

Он ссутулился, упираясь локтями в колени.

— Глупо, — сказал он. — Ужасно глупо.

— Конечно, глупо. Я ведь пришла прощаться, Юра. Мы с тобой уже не мальчик и девочка. Мы взрослые люди. Давай прощаться.

Он смотрел себе под ноги на утоптаный снег.

— Ладно, — сказал он вяло. — Давай прощаться.

Она не должна была говорить так. Ведь она не права. И даже если она права... Он вдруг сжался от стыда и ужаса. Она права, конечно.

Они поднялись и, не глядя друг на друга, надели лыжи. Она взяла палки и несколько раз подпрыгнула на месте, проверяя крепления.

— Проводить тебя? — сказал он.

— Нет, не надо, инженер.

Он взглянул на нее. Как необыкновенно красива была она, крепкая, стройная, в синем свитере и синих брюках, в яркой красной шапочке, из-под которой выбивался на лоб присыпанный снегом локон, с яркими синими глазами и ярким ртом, и пушистыми щеками, на которых таяли пушистые снежинки. Он ощутил странный болезненный толчок в сердце и не понял, что это такое, не понял, что он уже знает, что никогда в жизни не повторится этот день, и другие дни, которые были раньше, что даже если они встретятся еще когда-нибудь, все будет по-другому. Совершенно по-другому.

— Прощай, Юрик, — сказала она. — Как это у вас говорится? Спокойной плазмы.

Она придвинулась к нему, и они поцеловались.

— Прощай, — повторила она.

Ничего нельзя было сделать. Она повернулась и быстро пошла с холма, равномерно взмахивая палками. Он стоял и смотрел, как быстро уменьшается темная фигурка в красном колпачке, как бледнеет и замывается за пеленой падающего снега крошечный силуэт.

Тогда он в последний раз поглядел на скамейку, на истоптанный снег вокруг и, оттолкнувшись палками, тоже пошел с холма. Стратоплан на Мирза-Чарле стартовал через полтора часа, а до Школы было двенадцать километров — минут сорок пять хорошего хода.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Юра Чибисов, выпускник инженерного факультета Высшей Школы Космогации, допил кефир, доел булочку с маком и отправился представляться капитану. Он неторопливо шел по круглому тоннелю Большого Спутника, рассеянно поглядывая по сторонам, и обдумывал слова приветствия. На Большом Спутнике Юра бывал неоднократно, еще когда учился в Школе, и знал здесь все уголки и переходы. Капитан Быков остановился в номере седьмом гостиницы. Значит, надо будет, пройдя тоннель, свернуть направо, миновать библиотеку, подняться на лифте на второй горизонт, встать на кольцевую дорогу и соскочить у дверей номера седьмого. Не забыть постучать. Говорят, Быков — мужчина свирепый и погрязший в предрассудках. Юра вздохнул и впервые подумал о Школе с сожалением.

Он вышел из тоннеля, свернул направо, прошел мимо библиотеки и поднялся на лифте. На кольцевой дороге его окликнули.

— Здравствуй, Волк!

— Привет, Крокодил! — откликнулся Юра и с удовольствием остановился.

Это был Костя Младенцев, выпускник прошлого года. На Спутнике он работал диспетчером. Они пожали друг другу руки.

— Давно с Планеты? — осведомился Костя.

— Сегодня, — сказал Юра. — Иду представляться капитану Алексею Быкову.

Костя присвистнул.

— А что? — спросил Юра с некоторым беспокойством.

— Ничего, — сказал Костя. — Ты к нему сам попросился?

— Почему — сам? Машина распределила. А в чем дело?

Костя внимательно осмотрел Юру с ног до головы и сказал:

— Быков свернет из тебя ленту Мёбиуса и загонит в бутылку Клейна.

— Ах, как страшно, — сказал Юра. — Что такое твой Быков? Быков — это старый брюзга.

— Это ты ему скажи, — предложил Костя. — При первом свидании.

— Ладно, ладно, — сказал Юра. — Нечего меня пугать. Годик я у него постажируюсь, а потом — адью. Что тут у вас новенького на Большом?

— А что тебя волнует?

— Зиночка вернулась?

— Вернулась, — сказал Костя. — Вдвоем.

— Ну да? А он кто?

— Ты его не знаешь. Планетолог один. А куда вы с Быковым идете?

— Повезем какого-то инспектора, — сказал Юра. — По всей Системе. Он главный надзиратель над базами.

— А, — сказал Костя, — Юрковский Владимир Сергеевич...

— Как Юрковский? Юрковский же на покое.

— Эх ты, — сказал Костя. — Это Дауге на покое.

— Юрковский — это здорово, — сказал Юра задумчиво. — Всегда хотел с ним познакомиться.

Они уже третий раз проезжали мимо номера седьмого.

— А тебе не пора? — спросил Костя.

Юра посмотрел на часы и скривился.

— Мне уже двадцать минут как пора, — сказал он.

— Ну, это ты зря.

— Подумаешь, — легкомысленно сказал Юра. — Переведу стрелки, скажу, что часы отстают.

Костя с сомнением покачал головой.

— Самое главное, — продолжал Юра, — не дать начальству с самого начала сесть тебе на шею. Утвердить свое человеческое право на свободу воли. Чем я рискую? Парой рапортов. А выигрываю я свободу.

Костя сказал:

— Быков не пишет рапортов.

— Тем более, — сказал Юра.

Они подъезжали к номеру седьмому в четвертый раз.

— Ты бы все-таки шел, — посоветовал Костя.

— Ну, раз ты просишь... — сказал Юра. Он протянул руку. — Вечером увидимся.

Костя пожал ему руку и сказал:

— Думаю, что не увидимся.

Юра соскочил у дверей.

— Почему? — крикнул он вдогонку.

— Вечером ты будешь сидеть в бутылке Клейна... — донеслось из-за поворота.

Юра небрежно усмехнулся, перевел стрелки часов на двадцать пять минут назад, приосанился и постучал в дверь. Дверь открылась.

За круглым столом сидели Быков и Юрковский. Юра сразу узнал обоих, хотя раньше видел их только в кино. На столе между ними стояла ваза с яблоками и сифон с

шампанским. Юрковский полулежал в кресле, держа в руке бокал, оставив мизинец. Быков чистил яблоко пластмассовым ножиком.

— Разрешите, — сказал Юра.

Быков и Юрковский посмотрели на него.

— Заходите, — сказал Быков.

Юра вошел и сказал:

— Я к вам, Алексей Петрович.

Быков мельком взглянул на часы. Юрковский сказал холемым голосом:

— Что это за мальчик, Алексей?

— Это стажер, — сказал Быков.

Юрковский отставил бокал и спросил с изумлением:

— Зачем нам стажер?

Юра почувствовал себя уничтоженным и неловко переступил с ноги на ногу. Быков пожал плечами и сказал:

— Я вас слушаю, стажер.

— Совершенно не понимаю, зачем нам стажер, — сказал Юрковский.

Быков глянул на него, и Юрковский деликатно махнул на него рукой:

— Ну хорошо, хорошо, Алексей. Разбирайся.

— Выпускник Школы, Юрий Чибисов, бортинженер, прибыл в ваше распоряжение, — сказал Юра металлическим голосом.

— Решительно не понимаю, зачем нам еще один бортинженер, — негромко сказал Юрковский в бокал.

— Садитесь, стажер, — сказал Быков.

Юра чинно сел. Быков глядел на него не мигая.

— Шифр вашего радифона, стажер, — сказал Быков.

— Семь один два один, — торопливо сказал Юра.

— Возьмите записную книжку, — сказал Быков. Юра достал записную книжку. — Пишите. Шифр капитана Быкова: три нуля три. Шифр штурмана Крутикова: ноль один семь два. Шифр бортинженера Жилина: ноль один семь три.

Юра исправно записывал.

— Найдете бортинженера Жилина, — продолжал Быков, — представитесь и узнаете свои обязанности. Мы стартуем сегодня в двадцать три ноль ноль. Дайте ваши часы.

Юра с неподвижным лицом снял с руки часы и протянул Быкову. Быков перевел стрелки и вернул часы Юре.

— Стажер Чибисов, вы свободны.

Он принялся за яблоко.

Юра поднялся.

— А что? — сказал Юрковский. — От стажера отказаться уже нельзя? Уже поздно?

Быков не ответил, тогда Юрковский обратился непосредственно к Юре:

— Э... слушайте, стажер, — сказал он. — Водку пьете?

— Нет, — сказал Юра угрюмо.

— А в бога веруете?

— Нет.

— И на том спасибо, — сказал Юрковский. — Знатный межпланетник. Вы свободны, стажер.

Юра щелкнул каблуками, повернулся и вышел.

— Э... Алексей, — сказал Юрковский. — Я несколько удивлен. Почему я узнаю об этом стажере... э... последним?

— А почему бы нет? — сказал Быков, отправляя в рот ломоть яблока.

Юрковский поиграл белыми пальцами и стал рассматривать ногти.

— Немного странно все-таки, — сказал он. — Начальник экспедиции не получил в свое время сведений о составе экспедиции... Согласись, это... э... странно, Алексей.

— Что ты ко мне привязался? — сказал Быков спокойно. — Чем он тебе не потрафил, этот мальчуган? Будешь им командовать.

— Нет, извини, — сказал Юрковский, выдвигаясь из кресла. — Ты заметил, что этот паршивец опоздал? Судя по манипуляциям с часами этого паршивца, я понял, что он опоздал. Недисциплинированный молокосос, а рейс сложный, ответственный, могут быть трудности, даже... э... серьезные трудности...

— Эту песенку ты мне не пой, товарищ начальник, — сказал Быков, тщательно пережевывая яблоко. — Ни о каких... э... трудностях не может быть и речи. Рейс будет очень простой, и я тебя попрошу без авантюр.

Юрковский, полузакрыв глаза, тянул из бокала шампанское.

— Не знаю, что ты... э... подразумеваешь под авантюрами. Нам придется иметь дело с иностранными базами, а там состав не всегда... э... на высоте. Кроме того, могут потребоваться и некоторые дополнительные исследования чисто научного характера.

Быков неторопливо сложил огромный веснушчатый кулак и принялся его рассматривать.

— Вот что, Владимир, — сказал он. — Возьми лист бумаги и вот сейчас же, не сходя с места, составь план этих самых научных исследований. А я сейчас же его посмотрю. И я тебя попрошу: не употребляй, пожалуйста, на корабле спиртных напитков.

— Ты имеешь в виду шампанское? — вежливо осведомился Юрковский.

— Именно шампанское. Тебе придется придерживаться режима, Володя.

Некоторое время Юрковский думал.

— Хорошо, — сказал он. — А теперь дай мне, пожалуйста, листок бумаги.

Бортинженера Жилина Юра нашел в рубке «Тахмасиба», фотонного грузового планетолета дальнего сообщения. «Тахмасиб» висел на стартовом рейде в ста пятидесяти километрах от Большого Спутника.

Позже эти фрагменты переписываются еще раз, и если пролог остается, в сущности, неизменным (Авторы лишь чуть сокращают его и проводят стилистическую правку), то действие в первой главе переносится на Землю, в Мирза-Чарле.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, по преимуществу информационная

Юра Чибисов, выпускник инженерного факультета Высшей школы космогации, допил кефир, доел булочку с маком и отправился представляться капитану. Он неторопливо шел по широкому, с низким потолком коридору гостиницы, рассеянно поглядывая по сторонам, и обдумывал слова приветствия. В Мирза-Чарле он никогда раньше не был, но все базовые ракетодромы на Планете строились по единому стандарту, и легко было догадаться, что гостиница в Мирза-Чарле ничем не отличается от гостиницы любого другого ракетодрома. Капитан остановился в номере семнадцатом, значит, сейчас надо будет свернуть налево, миновать массивные двери кабинета справочной библиотеки и свернуть направо. Не забыть постучать и дожидаться разрешения войти. Говорят, капитан — мужчина свирепый и погрязший в старческих предрассудках. Юра вздохнул и впервые вспомнил о Школе с сожалением.

У дверей библиотеки он едва не столкнулся с высокой полной женщиной в просторном жакете и широкой плиссированной юбке. Женщина остановилась.

— Юра? — сказала она.

— Женечка? — сказал Юра и с удовольствием остановился. Это была Женя Коврова с факультета дистанционного управления, выпускница позапрошлого года. Женя работала диспетчером на Спу-пятом. Они поздоровались.

— Давно из Школы? — осведомилась Женя.

— Вчера, — сказал Юра. Он оглядел ее и стесненно пробормотал: — Тебя прямо не узнать.

Женя засмеялась:

— Да уж, — сказала она. — Меняемся. Качественно и количественно. Назначение получил?

— Только что. Иду представляться капитану Быкову.

Женя присвистнула.

— А что? — спросил Юра с некоторым беспокойством.

— Ничего. Ты к нему сам напросился?

— Почему — сам? — сказал Юра. — Начальство распределило. А в чем дело?

Женя задумчиво посмотрела на него.

— Очень интересно, — сказала она. — А тебе сказали, куда вы с Быковым идете?

— Повезем какого-то инспектора. По всей системе. Он главный над базами.

— Какого-то, — сказала Женя. — Вы повезете Юрковского.

— Юрковского? Планетолога? Но ведь он, кажется, на покое.

— Эх ты, малек. Это Дауге на покое.

— Слушай, Женька, — умоляюще сказал Юра. — Не морочь мне голову. Расскажи толком, в чем дело?

Женя неторопливо раскрыла сумочку, погляделась в зеркало и попудрила нос.

— Ну? — сказал Юра.

Женя захлопнула сумочку.

— Я думаю, тебе очень повезло, — серьезно сказала она. — Быков не даст тебе резвиться и сделает из тебя работника.

— И только-то? — разочарованно спросил Юра.

— Только-то. Быков свернет из тебя ленту Мёбиуса и загонит тебя в бутылку Клейна.

— Ах, как страшно, — сказал Юра. — Что такое твой Быков? Быков — это старый брюзга.

— Это ты ему скажи, — предложила Женя. — При первом свидании. Только подожди, пока я уйду. Мне сейчас вредно видеть поверженную юность.

— Ладно, ладно, — сказал Юра. — Нечего меня пугать. Годик я у него постажируюсь, а потом — адью. Расскажи лучше, что у вас новенького на Пятом.

— А что тебя волнует?

— Зиночка вернулась?

— Вернулась, — сказала Женя. — Вдвоем.

— Серьезно? А кто он?

— Ты его не знаешь, физик один. А что нового в Школе?

Юра пожал плечами.

— Ничего особенного.

— Обязательно заеду в Школу, — сказала Женя. Она помолчала. — Жалко уходить с работы, — сказала она. — У меня такая интересная работа.

— Ничего, ты еще вернешься, Женечка.

— Обязательно вернусь. Но все равно жалко.

Юра сказал как можно мягче:

— Но ты же знала, Женечка...

— Знала, еще бы. Но как же иначе? Ведь иначе нельзя.

— Я понимаю.

Женя рассмеялась.

— Ничего ты не понимаешь. Кстати, тебе не пора?

Юра посмотрел на часы.

— Мне давно пора, — сказал он. — Ничего, обойдется. Имею я, в конце концов, право поговорить с товарищем, которого не видел два года?

Женя с сомнением поджала губы.

— И вообще, — сказал Юра, — нельзя давать начальству с самого начала садиться тебе на шею. Главное — утвердить свое человеческое право на свободу воли. Чем я рискую? Каким-то рапортом. А выигрываю...

— Быков не пишет рапортов, — сказала Женя.

— Тем более. А откуда ты это знаешь?

— Это все знают. Ты бы все-таки шел, Юрик.

Юра вздохнул.

— Ну, раз ты просишь...

— Ступай, ступай.

Женя протянула ему руку.

— Может быть, вечером увидимся? — сказал Юра. — Приходи в концертный зал.

— Нет, — сказала Женя. — Вечером мы не увидимся.

— Почему?

— Во-первых, через час я улетаю домой.

— А во-вторых?

— Во-вторых, — серьезно сказала Женя, — вечером ты будешь сидеть в бутылке Клейна. Желаю удачи, Юрочка. И постарайся быть послушным мальчиком.

Она отняла у него руку и, не оборачиваясь, ушла по коридору. Юра задумчиво поглядел ей вслед. Женя чего-то недоговорила. Странно. Диспетчерам на стартовых спутниках известно многое. Но говорят они, к сожалению, не все, что знают.

У двери номера семнадцатого Юра приосанился, провел ладонью по волосам и постучал. «Войдите», — сказал неприятный скрипучий голос. Дверь открылась.

За круглым столом посередине комнаты сидели двое. Юра сразу узнал обоих, хотя раньше видел их только на фотографиях. На столе между ними стояла ваза с желтыми алма-атинскими яблоками и сифон с шампанским. Юрковский, длинный, седой, в роскошном сером костюме, полулежал в кресле и рассматривал на свет бокал, который держал двумя пальцами, отставив мизинец. Быков в потертой кожаной куртке сидел, ссутулившись, напротив и чистил яблоко пластмассовым ножиком.

— Разрешите, — сказал Юра.

Быков и Юрковский посмотрели на него.

— Войдите, — повторил Быков.

Юра шагнул в комнату, дверь бесшумно закрылась за ним.

— Я к вам, Алексей Петрович, — сказал Юра.

Быков мельком взглянул на часы. Юрковский осведомился холемым голосом:

— Что это за мальчик, Алексей?

— Это стажер, — сказал Быков.

Юрковский отставил бокал и спросил с изумлением:

— Зачем нам стажер?

Юра стиснул зубы. Быков пожал плечами и сказал:

— Я вас слушаю, стажер.

— Совершенно не понимаю, зачем нам стажер, — сказал Юрковский. Быков глянул на него. Юрковский деликатно помахал на него рукой: — Хорошо, хорошо, Алексей. Разбирайся.

Юра металлическим голосом представился:

— Выпускник Высшей школы космогации Чибисов прибыл в ваше распоряжение.

Юрковский откинул голову на спинку кресла и со скучающим видом принялся рассматривать стерильный потолок.

— Садитесь, стажер, — сказал Быков.

Юра чинно сел. Быков глядел на него, не мигая. Юра глядел в угол поверх его рыжей головы.

- Ваше полное имя, — сказал Быков.
- Юрий Николаевич Чибисов.
- Родители?
- Мать — детский врач. Отец — электротехник.
- Братья и сестры?
- Сестра Валентина, тринадцать лет.
- Женаты?
- Нет.
- Невеста?

Юра подобрался и взглянул Быкову в глаза. У Быкова были жесткие холодные глаза. Юра снова уставился в угол.

- Невесты нет.
- Чем занимались до Школы?
- Три года работал на ремонтной станции.
- Взыскания на работе?
- Не было.
- Взыскания в Школе?

Юра помедлил.

— Два выговора. Один на третьем курсе — от начальника Школы за тренировку на перегрузки без разрешения врача, второй на четвертом — от начальника факультета. За опоздание на занятия.

Юрковский взял бокал и стал маленькими глотками прихлебывать шампанское.

- Шифр вашего радиодона, стажер, — сказал Быков.
- Семь-один-два-один, — сказал Юра.

— Возьмите записную книжку, — сказал Быков. Юра торопливо достал записную книжку. — Пишите. Шифр капитана Быкова — три нуля три. Шифр штурмана Крутикова — два нуля семь-два. Шифр бортинженера Жилина — два нуля семь-три. Общий шифр корабля — а-эс-три.

Юра исправно записывал.

— Шифры выучить наизусть. Спрошу после старта. Сейчас отправляйтесь к бортинженеру Жилину, тридцать третий номер, налево по коридору, восьмая дверь справа. Представитесь и узнаете свои обязанности. Бортинженер Жилин будет вашим непосредственным начальником на весь период стажировки. По вахтенному расписанию вы будете числиться вторым бортинженером.

Юрковский негромко сказал в бокал:

- Решительно не понимаю, зачем нам второй бортинженер.
- Стажер Чибисов, — сказал Быков, — можете идти.

Юра встал, четко, как в гимнастическом зале, повернулся кругом и вышел. Выходя, он услышал, как Юрковский противным томным голосом спросил Быкова:

- А что, от стажера отказаться уже нельзя? Уже поздно?

Дверь захлопнулась, и ответа Быкова Юра не услышал.

Вероятно, недоумение Юрковского сочли резонным и сами Авторы. А может быть, продолжать «Путь на Амальтею», вводя очередного стажера, им показалось неуместным. Так или иначе, они изменяют специальность Юры, делая его «как бы стажером», а на самом деле — вакуум-сварщиком, отставшим от группы и оказавшимся в экипаже «Тахмасиба» только волей обстоятельств.

Где-то в это время, видимо, появилась и глава под названием «Венера. Архаизмы». Как рассказывает БНС в «Комментариях», она была написана Аркадием Натановичем в одиночку с целью более ясно протянуть некую ниточку преемственности от СБТ к «Стажерам». Но, как оказалось, в новые авторские представления о структуре повести глава уже не вписывалась. Впрочем, совсем бесследно она не пропала: некоторые идеи эпизода оказались созвучны задуманной позже других главе о Бамберге (хотя сюжетное решение там было совершенно иным).

В новейшие времена эта пропущенная глава несколько раз печаталась как самостоятельное произведение наряду с другими неопубликованными текстами АБС. В настоящем издании правильнее представить ее, конечно, в числе подготовительных материалов к «Стажерам». Сохранилось и начало черного варианта главы, имеющее любопытные разночтения с полной версией:

7. ВЕНЕРА. БЕРЕГ ЕРМАКОВА

Памятник находился в центре города, посередине широкой квадратной площади — черные, объединенные адским огнем обломки на грубой черной глыбе базальта. С северной стороны в исхлестанном бурями базальте была вырублена надпись: «ПЕРВЫМ». По площади мела стремительная, тонкая, как дым, поземка, а в небе неслись вечные кровавые тучи. И слабо, но настойчиво отдавалось в шлемофонах далекое бормотание укрощенной Голконды.

Быков первым пошевелился, поднял руку, стряхнул черно-серый пепел с плеча. За ним зашевелились остальные. Юрковский молча, на негнущихся ногах пошел к своему вездеходу. Жилин, помахав рукой Юре, отправился за ним. Юра остался стоять на месте, в нерешительности переводя взгляд с бесформенной груды на вершине памятника на двух людей, оставшихся перед ним. У него было странное чувство, словно он участвует в каком-то фильме. И не в каком-то, а в фильме о завоевании Венеры. Все здесь было — и люди, которые первыми высадились здесь, и их легендарный вездеход-транспортер, погибший в атомном взрыве, и грохот Голконды, и багровое небо, и вечный ветер, несущий вечный песок.

— Пойдем, Михаил, — сказал негромко Быков.

В красноватых сумерках Юра увидел, как под прозрачным колпаком спецкостюма тряслась лысая голова Михаила Антоновича.

— Сейчас, сейчас, Алешенька, — сдавленно пробормотал Михаил Антонович. — Минуточку только...

Быков промолчал. Он стал глядеть в сторону, где Жилин и Юрковский упаковывались в ракетомобиль.

— Мы поехали, Алексей, — сухо сообщил Юрковский.

— Поезжайте, — сказал Быков и добавил, когда ракетомобиль медленно задвигался: — Не забывайте, жду вас к девятнадцати. Жилин!

— Слушаю вас, Алексей Петрович...

— Помните... — Юра увидел, как лицо Быкова искривилось в безрадостной усмешке, — помните, что вы сопровождаете Генерального инспектора.

— Я бы попросил, Алексей... — сказал Юрковский.

Из-под ракетомобиля взвилось облако черной пыли. Блеснул язык пламени. Блестящая тонкая машина подпрыгнула, на мгновение повисла в серых потоках поземки и вдруг, развернув крылья, взлетела в красное небо. Затем она четкой тенью ринулась к куполам зданий на другом конце площади и исчезла.

— Пойдем, Михаил, — снова позвал Быков.

Михаил Антонович всхлипнул, повернулся и побрел к вездеходу, загребая носками пыль.

— Пойдемте, стажер, — сказал Быков и пошел вслед за ним. Юра двинулся за Быковым.

Им выделили первоклассный пятиосный вездеход и прикомандировали водителя — честь неслыханная на Венере, как узнал краем уха Юра, потому что здесь постоянно не хватало транспорта, людей и много чего еще. Но то ли потому, что Быков привез

генерального инспектора МУКСа, то ли потому, что Быков представлял объект уважения сам по себе, ему ни в чем не отказывали.

От города на север, к берегам Урановой Голконды, пролегало широкое стеклянное шоссе. Юра уселся рядом с водителем, а Быков и Михаил Антонович сели позади. Пока все усаживались, водитель держал руки на пульте управления и, полубернувшись, ждал.

— Поехали, — кряхтя, сказал Быков.

Водитель нажал на клавиши. Вездеход мягко взял с места и покатил по шоссе почти без толчков. Некоторое время водитель молчал. Молчал и Юра, глядя вперед на блестящую красноватым светом дорогу, на черную пустыню по сторонам, на черную мглу, пронизанную голубоватыми вспышками далеко впереди. Затем водитель спросил:

— Тебя как зовут?

Юра поглядел на него сбоку. Водителю было лет двадцать, не больше. Юра ответил обдуманно:

— Юрий. А тебя?

— Василий, — сказал водитель, нисколько не обидевшись. — Ты пилот?

— Нет. Я рабочий. Сварщик. А ты?

— Метеоролог.

Что-то широкое и темное соскользнуло с низкого красного неба, пересекло дорогу и мгновенно скрылось в пустыне.

— Что это? — спросил Юра.

Василий ответил не сразу. Он что-то тронул на пульте, сейчас же приглушенно завывала сирена и вспыхнули яркие фары.

— Не знаю, — сказал Василий. — Никто не знает. Здесь много такого, чего никто не знает. Черным-черно, как чёрна вёрона.

— Птица?

— Почему птица? Я говорю — никто не знает. Да нужды нет, и так справляемся.

Юра презрительно сказал:

— Тоже мне... местные жители.

Василий спокойно заметил:

— Ты это брось, младший. А то я тебя того... выше дерева стоячего.

— Любопытно посмотреть.

Некоторое время водитель молчал. Затем сказал в своей странной былинной манере:

— Наказать бы тебя, добер молодец, по нагому телу за нахальны речи.

— Ладно, не сердись, — примирительно сказал Юра. — Я только удивился, что вы здесь живете и не знаете, что здесь водится.

— Только нам здесь и дела, что этим барахлом заниматься!

А в полном виде глава выглядит так:

7. ВЕНЕРА. АРХАИЗМЫ

Юра стоял рядом с Жилиным, глядел на Памятник Первым, и ему казалось, что он прокрался в фильм о завоевании Венеры. Ему даже было немного не по себе, словно он был самозванцем и не имел никакого права находиться вблизи людей, которые первыми здесь высадились, перед грубо обтесанной базальтовой глыбой, на которой застыли обломки легендарного танка, погибшего в атомном взрыве, под низким небом, по которому неслись вечные багровые тучи. Такое чувство испытывает, наверное, мальчишка, наткнувшийся где-нибудь в роще под Брянском на забытую ржавую пушку, вросшую лафетом в землю. Сразу же начинает работать воображение, и перед глазами мелькают в бутафорском дыму мужественные профили из кинофильмов.

Они стояли так посередине широкой квадратной площади довольно долго, глядя на надпись, вырубленную в базальте. По площади мела стремительная, легкая, как дым,

поземка, красные отсветы лежали на низких куполах зданий, слабо, но настойчиво отдавалась в ногах далекая дрожь Голконды.

Первым зашевелился генеральный инспектор. Он поднял руку, стряхнул с плеча черно-серый пепел и на негнущихся ногах направился к ракетомобилю. У ракетомобиля он остановился, откинул дверцу, но не полез в кабину, а обернулся и удивленно-обиженно позвал:

— Ну что же ты... э-э... Иван?

Жилин торопливо сжал Юрину руку выше локтя, кивнул ему за прозрачной стенкой шлема и побежал к Юрковскому. Юрковский сухо сообщил:

— Алексей... э-э... Мы поехали.

— Поезжайте, — сказал Быков. — Жилин!

— Слушаю вас, Алексей Петрович.

— Помните... — Тут Быков повернул голову, и Юра увидел на его лице безрадостную усмешку. — Помните, что вы сопровождаете генерального инспектора.

— Я бы попросил, Алексей, — сказал Юрковский.

Он кашлянул и головой вперед полез в ракетомобиль. Жилин влез вслед за ним и захлопнул дверцу. Из-под машины взлетело облачко черной пыли. Блеснул язык голубого пламени. Узкий, остроносый, как торпеда, ракетомобиль подпрыгнул, развернул короткие чешуйчатые крылья, ринулся через багровое небо к куполам на другом конце площади и исчез. Ай да Жилин!

— Пойдем, Михаил, — негромко сказал Быков.

Он стоял за спиной Михаила Антоновича и смотрел, как под прозрачным колпаком спецкостюма мелко трясется лысая голова старого штурмана.

— Пойдем, — повторил Быков.

— Сейчас, Алешенька, — сдавленно пробормотал Михаил Антонович. — Одну минуточку еще...

Он постоял перед Памятником еще немного, затем всхлипнул, повернулся и побрел, загребая башмаками, к вездеходу. Водитель почтительно соскочил навстречу и придержал люк.

— Пойдемте, стажер, — сказал Быков.

Комендант города Порт-Голконда выделил им великолепный пятиосный вездеход и прикомандировал водителя. Даже Юре было известно, что это неслыханная честь — на венузианских базах постоянно не хватало транспортных средств, людей и многого другого. Но Быкову эта честь была оказана то ли потому, что капитан «Тахмасиба» был старинным другом генерального инспектора МУКСа, то ли потому, что Быков был капитаном «Тахмасиба».

— Сядете рядом с водителем, — приказал Быков.

Он с крихтением полез на заднее сиденье к Михаилу Антоновичу. Юра прыгнул за ним, водитель положил пальцы на пульт управления и, полуобернувшись, вопросительно поглядел на Быкова.

— Шоссе номер три, — сказал Быков. — На северо-запад. Знаете?

— Знаю, Алексей Петрович, — ответил водитель. — Берег Ермакова?

— Да. Берег Ермакова.

Водитель нажал на клавиши. Вездеход мягко, без толчков тронулся, пересек площадь, свернул в широкий проезд между низкими плоскими зданиями и выкатился на стеклянное шоссе. Открылась ровная, как стол, черная пустыня. Далеко впереди, у горизонта, она скрывалась в тусклом лиловом мареве, пронизанном смутными вспышками. Первые километры проехали в молчании. Юра сосредоточенно глядел на отсвечивающую красным блеском прямую ленту шоссе, бегущую под колеса вездехода. Затем водитель задумчиво спросил:

— А не познакомиться ли нам?

Юра с любопытством поглядел на него. Водителю было тоже не больше двадцати лет, у него было смуглое живое некрасивое лицо, и не знакомиться у Юры не было никаких оснований.

— Меня зовут Юрий, — сказал Юра. — Бородин.

— Меня зовут Василий, — сказал водитель. — Горчаков. Сын Иванович.

— Рабочий? — деловито спросил Юра.

— Рабочий. Сервомеханик.

— А я — сварщик, — сообщил Юра.

Водитель изумленно поглядел на него.

— Как сварщик? Вы же стажер.

— Это я как бы стажер, — доверительно сказал Юра. — На самом деле я сварщик.

Вы давно здесь?

— На Венере? Скоро два месяца. Мне скоро сменяться.

Что-то широкое и темное соскользнуло с низкого красного неба, пересекло дорогу и скрылось в пустыне. Юра привстал.

— Что это? — взволнованно спросил он. — Живность какая-нибудь?

Василий помолчал, включил яркую фару и ответил:

— Не знаю. Возможно, действительно живность. С болота залетает тут всякое. На болоте этих тварей черным-черно, как чёрна ворона.

— Птицы?

— Почему именно птицы? Я же говорю — никто не знает. Да нужды нет, и так обходимся.

Юра презрительно сказал:

— А надо бы знать.

— Мы здесь не для этого, — веско сказал Вася. — Мы здесь для того, чтобы работать.

Юра огорченно пожал плечами. Его всегда огорчали нелюбопытные люди и люди без фантазии. Не интересоваться такими предметами, как живность на иной планете, представлялось ему признаком духовного убожества. Василий Горчаков сын Иванович, словно оправдываясь, пояснил:

— В свободную охоту нас не пускают, это только биологи на болота таскаются. А мы — до Голконды и обратно. Как-то несколько человек сходили на болота, не послушались — так их, добрых молодцев, того... выше дерева стоячего.

— Что? — не понял Юра.

— Ну... наказали, стало быть, по нагому телу, рассекли белы бедра до черна мяса...

— Не понял, — честно сказал Юра, отогнав с некоторым затруднением от себя мысленные зрелища телесной расправы.

— Короче, сразу с аттестацией вернули на Планету.

— Почему сразу так нельзя сказать? — возмутился Юра.

Водитель только улыбнулся. Юра сердито замолк. Дорога была пустынна, только раз навстречу промчался такой же вездеход, мчавшийся со страшной скоростью на четырех колесах. Остальные шесть его колес были поджаты. Под прозрачной броней кузова Юра успел заметить плотные ряды каких-то блестящих цилиндрических предметов.

— Что это он повез? — спросил за спиной Быков.

— Готовую продукцию, Алексей Петрович, — ответил Василий.

— Упаковка странная какая-то...

— Это недавно введено, — сообщил Василий. — Транспортировка в глубоком вакууме. Необычайно удобно. В возгоненном состоянии.

— А, — сказал Быков. — Я слышал.

По тону водителя Юра понял, что водитель весьма уважает Алексея Петровича и преклоняется перед ним. Объяснения он давал каким-то виноватым тоном, словно ему было неловко, что он знает больше, чем прославленный Быков. А ведь что в нем такого?

— подумал — в сотый раз — Юра и поглядел в овальное зеркало над ветровым щитом. Быков сидел, откинувшись на спинку сиденья, и смотрел вправо, в черную курящуюся пустыню. Кирпичное лицо его было спокойным и угрюмым. А ведь он смотрел на черные дюны, через которые двадцать лет назад, израненный, умирающий, тащил на себе Юрковского. Не было тогда здесь ни этой блестящей дороги, ни города под гибким прозрачным куполом, ни мощных машин, работающих где-то впереди, на дымных берегах Голконды... только сгоревший транспортер был уже тогда, и в нем обгорелый труп командира экспедиции. А разве скажешь про Быкова, что это — Быков? Ни за что. И артист в кино, который играет его — это высокий стройный человек с мужественным профилем... Такой какой-то особенный человек, ни на кого не похожий, всех вдохновляющий, заражающий мужеством, ведущий... Вот это слово: человек с внешностью ведущего. А у Быкова внешность не ведущего. Скорее ведомого. Да и повадки тоже. Поставить рядом Жилина и Быкова и спросить: кто из них волевой командир прославленного корабля, вершитель подвигов? Сразу скажешь: Жилин. И никто не поверит, что Жилин не просто подчиняется Быкову как капитану, не просто уважает Быкова как мастера и героя, а еще и изучает Быкова, словно учебник. И сам Юра еще до сих пор не понимает, что можно такого изучать в Быкове, если рядом находится его великолепный старый друг Юрковский, и однако же разве не Юрковский то и дело выдает свое уважение и преклонение перед Быковым, хотя почти ни в чем не соглашается с ним? Или все дело в том, что артист играл героя старого времени, не эпохи покорения космоса, а Быков — герой нового времени, не романтическая фигура вроде Юрковского, выделяющаяся на любом фоне, а фигура незаметная, сливающаяся с другими людьми, и тем не менее ведущая этих людей, и в то же время черпающая у этих людей силы.

— Сворачивайте вправо, — сказал Быков.

— Да, это где-то здесь, — пробормотал Михаил Антонович.

Юра огляделся. Вездеход сворачивал на холмистую равнину, которую, словно сухой горелый лес, обступали острые колонноподобные скалы. Обломки каменных глыб причудливой формы виднелись повсюду, полузасыпанные черным прахом. Вездеход скатился в расщелину.

Интересно, какой видят Венеру Михаил Антонович и капитан? Для меня это мрачная злобная пустыня, черное со зловеще-багровым, работа — да что там, просто само пребывание в этом аду — уже подвиг, акт бессмертной славы. Я смогу похвастать: я был на Венере. Там страшнее, чем в пустом пространстве Вселенной. Там черная радиоактивная пустыня, и багровое адское небо, и бездушное непрерывно работающее железо, и горстка людей, прячущихся под прозрачными и непрозрачными укрытиями от угарного газа, от смертельной радиации, от пятисотградусных температур. И я там был и даже совершил поездочку по стеклянной дорожке, которая ведет в самое пекло. В самом пекле я, правда, не был, туда меня не пустили, туда пускают только механизмы, но зато я видел каменные зубы Венеры и смотрел, как великий капитан стоит среди этих зубов и вспоминает минувшие дни. Итак, как же видит Венеру капитан? И, скажем, Михаил Антонович? Про Васю говорить не будем, он видит ее так же, как и я, и ужасно гордится своей смелостью и своими мужественными друзьями. Хотя люди здесь сменяются каждые три месяца. Итак, что видят Быков и Михаил Антонович?

Если идти по стеклянной дороге на север, выйдешь к берегам Дымного моря. Его показывали в кино — чудовищная каша вздыбленного праха, дыма, паров, атомных вспышек. На берегах Дымного моря неутомимо работают всевозможные агрегаты. Они грызут, жуют, глотают прах Голконды, их утробы переваривают и рожают драгоценное сырье, которое в баках глубокого вакуума отправляют на Планету. Как фамилия инженера, который получил первую премию МУКСа за универсальный агрегат? Впрочем, неважно... Так вот, на севере лагерь машин. Где-то среди машин ползают титановые черепахи с рабочими. Они следят за машинами и сменяются через два часа. Вообще работа на Голконде идет непростительно осторожно — в двенадцать смен, с трехкратным

запасом безопасности. Да... Рабочие в титановых черепахах. Веселые молодые ребята, вроде меня. Так. А если пойти по стеклянной дороге на юг, вернешься в город. Тебя впустят через шлюз, дезактивируют твое облачение, ты вернешься в подземную гостиницу (мимо базальтовой глыбы с надписью «Первым»), поужинаешь, напьешься чаю или каких-либо соков и ляжешь отдохнуть. И рядом с тобой будут веселые молодые ребята, и клубы, и оранжереи, и концертный зал, и библиотека, и все такое... правда, в двух шагах от черно-красного пекла. Вот и вся разница. Я вижу пекло и ужас, а Быков видит машины, дорогу, город с читальнями. Там, где сейчас дорога, он полз на карачках, спасая друга и спасая огромное предприятие. Там, где он сейчас стоит, тяжело ворочая головой, он потерял одного из своих товарищей, там, где сейчас гостиница с соками, там он выл от нестерпимой жажды и кусал себе язык, чтобы не выпить последний глоток воды в термосе.

Честно? Все честно. Но я все равно прав. Мне здесь не нравится, и я все равно прав, хотя тут же стоит Быков, подвигом которого выросли на Голконде города. А мне теперь мало этих городов, мне нужна здесь зелень садов, синее небо и много чего еще, чтобы люди не прятались под землю... Ага, вот оно, что самое неприятное. Этого не было даже на Марсе. Раз человек пришел куда-нибудь, он должен добиваться того, чтобы ходить во весь рост.

Быков и Михаил Антонович медленно пошли прочь от вездехода, обходя гранитные валуны и остроконечные торчащие скалы. Вася и Юра остались у вездехода. Водитель с любопытством вертел головой, осматривался.

— Ты что, в первый раз здесь? — спросил Юра.

— Да считай, что в первый, — ответил тот. — Два месяца назад ездил сюда... вернее, дальше к востоку... ставили автометеостанции, и с тех пор не был. Неприятное место, правда?

Юра усмехнулся. Точно такие же слова на этом самом месте произнес Богдан Спицын в фильме о завоевании Венеры.

— Ты скоро обратно на Планету? — спросил он помолчав.

— Да, — сказал Василий. — Через месяц-полтора. Мне экзамены сдавать пора.

— А потом?

— Вернусь, может быть, — неуверенно сказал водитель. — Да у нас мало кто возвращается сюда.

— Почему?

— С одной стороны... — Василий подумал. — Понимаешь, работа здесь не очень интересная. Производство налажено, с новинками работают только производственники, а у остальных рутинная наладка приборов — и всё. Экспедиции нам запрещены, это специальные люди прилетают. Скучно, друг мой добер молодец. А с другой стороны, большая очередь добровольцев на Земле. Годами ждут своей очереди.

— Это верно, — согласился Юра. Года два назад он тоже возмечтал о Венере. Очередь состояла главным образом из неквалифицированных мальков, квалифицированная опытная рабочая сила направлялась на Марс и на астероиды. Венера сейчас требовала не столько рабочих-творцов, сколько обслуживателей автоматике. Поэтому Юру без труда отговорили от этой затеи.

— Но ты не скажи, — сказал вдруг Василий. — Закалка здесь хорошая. Не в производственном смысле, правда, а в дисциплинарном. Работа здесь нудная и несложная, а вот правила дисциплины такие, что ребята рассказывают, на Земле потом еще целый год заходит человек к себе домой и полчаса в прихожей стоит по привычке — дезактивируется. Чуть отклонился от правил — и готов, заболел или покалечился. Валяй назад на Землю.

— Многих отсылают? — полюбопытствовал Юра.

— Человек пять в месяц набирается. Сразу же, в первые же дни новой смены. Большею частью итальянцы почему-то и греки. Нетерпеливый народ, темпераментный.

— Опасно это?

— Нет, что ты. Но здесь оставаться уже нельзя, конечно. Ну и срам большой. Отчислен по болезни, вызванной недисциплинированностью.

Вернулись Быков и Михаил Антонович. Лица у обоих были серьезные и сосредоточенные. Быков сказал: «Едем дальше на север». Вездеход развернулся, на несколько секунд забуксовал в насыпи легчайшего праха (Василий сказал сквозь зубы: «Ай ты волчья сыть, травяной мешок...») и выкатился на шоссе. Через полчаса пояс «зубов Венеры» закончился, вездеход выбрался на пригорок, и тогда Юра своими глазами увидел Урановую Голконду.

Впереди, километрах в пяти, стояла стена дыма и пыли, тянущаяся вправо и влево и исчезающая в серо-черном мареве у горизонта. Стена шевелилась, пучилась, колыхалась, словно исполинская занавеска на сквозняке. Над стеной, заслоняя красное небо, вздымалась угольно-черная, пронизанная вспышками гора неподвижного дыма — известный всему миру столб сжатых газов, рвущийся из бездонных недр атомного вулкана. До жерла было очень далеко, не менее сотни километров, и раскаленный фонтан газов пополам с камнем казался совершенно неподвижным. Почва под вездеходом тряслась, черный жирный песок подбрасывался, как на дрожащем жестяном листе.

Водитель повернулся к Быкову:

— Внешнюю акустику включить, Алексей Петрович?

— Нет, — сказал Быков.

Он тоже смотрел вперед, но не на черную гору над дымной стеной, а вниз, под дымную стену, где среди нагромождений раскаленных скал копошились казавшиеся отсюда крохотными и незначительными механизмы. Многорукие роботы разрушали скалы, проделывали проходы, ворочали валуны и грызли, грызли, грызли породу, неутомимо и однообразно. За пеленой пыли, в тусклом красноватом сумеречном свете движения металлических сочленений были едва видны, округлые корпуса экскаваторов-универсалов оставались совсем незаметными, но это они оставили среди скал глубокие траншеи выработок и рыхлые насыпи отвалов и пустой породы. Быков должен быть доволен.

Василий, бормоча что-то себе под нос, возился с радиопеленгатором. Через несколько минут он опять обернулся к Быкову:

— Дежурный этого участка находится в семи километрах к западу, Алексей Петрович. Вызвать?

— Нет, — сказал Быков.

— Давайте подъедем поближе, — сказал Михаил Антонович.

Водитель с готовностью тронул клавиши управления. Шоссе заканчивалось на обширной площадке — ремонтном доке, где в пластметалловых стойлах стояли укутанные в целлофан и капрон резервные механизмы. За ремонтным доком начиналась целина, и вездеход начало немилосердно трясти. Через несколько минут Быков сказал:

— Стой.

Вездеход остановился.

— Дальше подъезжать вообще небезопасно, — сказал Быков. — Мы можем...

— Можно еще на полкилометра, — предложил Василий.

— Мы можем, — словно не слыша водителя, продолжал Быков, — выйти здесь, постоять и понаблюдать. Подходить к Дымному морю ближе нет никакой необходимости.

Они снова вышли из машины. Увязая по колено в рыхлой породе, Юра вслед за Быковым поднялся на небольшой холм. Василий остановился рядом с ним. Дымная стена была совсем недалеко, всего в километре, не больше. Зато машин больше видно не было, только кое-где над отвалами взлетали правильные струи красно-зеленого пара и фонтаны песка. Юра поглядел в другую сторону. Место было ужасно неприятное, напоминало виденный в каком-то историческом фильме рудничный двор царских времен. Всюду ржавая развороченная земля, ободранные скалы, какие-то горячие дымящиеся лужи... Над

всем этим нездоровый гнусный желтоватый туманец. А Быков, наверное, ужасно доволен. И он прав, конечно, что доволен. Венера запряжена и работает на Землю, на людей. Но все равно, здесь надо сделать лучше.

Туман медленно поднимался от развороченных рыхлых холмов. На секунду Юре показалось, что метрах в двухстах между рыжими отвалами что-то зашевелилось и метнулось в сторону. Он хотел сказать об этом Василию, но вместо этого спросил:

— Здесь есть живность какая-нибудь? Или этого ты тоже не знаешь?

Василий покачал головой.

— Здесь, палица ты булатная, триста пятьдесят по Цельсию. Какая же здесь может быть живность?

— А красная пленка? — воинственно спросил Юра.

— Пленка — это не живность.

— А что же это по-твоему... калика переходящая?

Василий изумленно воззрился на Юру. Затем он веско сказал:

— Красная пленка — это радосиликат. Вещество. То, что оно обладает некоторыми свойствами живого, еще ничего не значит. Мы из него футляры для микрокниг делаем.

— Из чего?

— Из радосиликата. Вот вернемся — подарю тебе на память. У нас один техник есть, он этим занимается. Хорошо у него получается это — футлярчики всякие, обложки для книг, пояса нарядные для девушек. Цвет красивый, материал прочный, гибкий, не мнется... Не хуже кожи. Вот посмотришь.

— Футлярчики, — пробормотал Юра. — Загадка Тахмасиба.

— Что? Да... Загадка Тахмасиба. Ну так что же? Многие загадки так кончаются. А если тебя живность интересует, попросись с группой биологов на тяжеловодные болота. Там этого добра много...

— Вот он! — прервал Юра.

На этот раз они совершенно отчетливо увидели в полукилометре к западу на гребне отвала несколько быстрых темных силуэтов.

— Кто это? — изумленно спросил Юра.

— Аутсайдеры, наверное, — проговорил Василий, встревоженно вглядываясь в туман. — Шляются здесь, подлецы... — Он нервно передвинул на живот продолговатый чехол с пистолетом.

— Ого, — сказал Юра. — Дай посмотреть.

— Нечего смотреть, — сказал Василий. Он отвернулся и направился к Быкову. — Алексей Петрович, — сказал он, понизив голос, — здесь аутсайдеры таскаются.

— Где? — спросил Быков.

Василий протянул руку.

— Там. Мы со стажером сейчас видели.

— Черт с ними, пускай таскаются, — равнодушно сказал Быков и снова отвернулся к Михаилу Антоновичу, который что-то ему объяснял. Василий, сильно смущенный, вернулся к Юре.

— Кто это — аутсайдеры? — спросил Юра.

— Видишь ли, — сказал Василий, все еще держа руку на кобуре, — здесь на Венере только два промышленных предприятия: наше — международная фабрика по добыче и переработке трансуранитового сырья — и частная лавочка «Бамберга», принадлежащая «Спэйс Пёрл Лимитэд». Они, конечно, не трансураниды добывают — это частникам запрещено категорически, — а копают так называемый космический жемчуг. Эта «Бамберга» находится в шестистах километрах отсюда.

— Знаю, — сказал Юра. — Туда сейчас Юрковский с Жилиным уехали.

— Серьезно? — Василий с интересом уставился на Юру.

— Серьезно, — сказал Юра. — А в чем дело?

— Так, ничего. Так вот — аутсайдеры. Рабочих компания вербует, привозит сюда. По контракту они обязаны отработать столько-то. Но некоторые авантюристы заключают этот самый контракт только для того, чтобы добраться до Венеры. Здесь они удирают с Бамберги и ведут жемчугоискательство на свой страх и риск. Некоторые находят крупные жемчужины и затем под разными предлогами влезают в наши корабли. Обычно как больные. Они действительно бывают очень больны, когда их поиски приходят к концу.

— А почему ты их испугался?

— Я? Испугался? — Василий снял наконец руку с кобуры. — И не подумал. Но народ это мерзкий, с ними нужно ухо остро. В прошлом году ограбили и убили одного нашего парня-техника. Кислородный регенератор отобрали. Ну, наши им дали...

— А что они здесь-то делают?

— В отвалах роются. Нам же этот самый жемчуг не нужен, мы его не берем, а в рыхлой породе взять его легче...

Страшный отчаянный вопль прозвучал вдруг в наушниках. Юра даже подпрыгнул от неожиданности. Василий тоже вздрогнул и стал оглядываться. Быков и Михаил Антонович замолчали и тоже ворочали головами, стараясь определить, где кричат.

— Это по внешней радиосвязи, — уверенно сказал Быков.

— Но откуда?

Вопль повторился. Это был пронзительный визг смертельно перепуганного человека. И непонятно было, где этот человек находился. Пеленгаторов в скафандрах не было.

— Спасите! На помощь! — кричал человек.

— Внимание, — сказал Быков. — На поиск. Михаил — на восток, водитель — на юг, стажер — на запад, я — на север. Марш!

Они побежали в разные стороны. Юра бежал к тому месту, где четверть часа назад мелькнули тени аутсайдеров. Почему-то он был уверен, что крик этот связан с появлением аутсайдеров.

— Спасите! Помогите, люди добрые! — надрывался человек.

Несмотря на напряжение, Юра чуть не рассмеялся. В интонациях неизвестного было что-то диковинно архаичное, плаксивое, нездешнее. Юра мог бы сказать: таким тоном в наше время на помощь не зовут. И какой странный призыв: люди добрые!

И тут Юра увидел его.

Он бешено и беспомощно барахтался на дне глубокого котлована в рыхлой и полужидкой грязи, которая напозвала на него со всех сторон. Он лежал на животе и отчаянно бил руками и ногами, весь облепленный черной и коричневой грязью, от которой поднимался желтоватый туман, и все время погружался в эту грязь, так как она лилась на него вязкими лавинами со стен котлована, и снова выкарабкивался на поверхность и бил руками и ногами и вопил:

— Помогите, люди добрые! Не дайте погибнуть!

Юра крикнул:

— Алексей Петрович, Михаил Антонович! Здесь!

Он помахал над головой руками и стал примериваться, как спуститься. Человек поднял голову, перестал биться и, погружаясь, попытался рассмотреть Юру сквозь залепленное грязью окно в шлеме.

— Милый! — хрипло простонал он. — Помоги, милоч! А? Не брось!

— Не брошу, не беспокойтесь, — сердито сказал Юра и стал спускаться. Рыхлая порода под его ногами посыпалась вниз.

— Стажер, не смей! — загремел в наушниках голос Быкова.

— Так что же, пропадать человеку? — сердито отозвался Юра.

Порода под ним обрушилась, и он съехал сразу метров на пять. Человек больше не кричал, он только упорно высигивал из грязи, падал животом и грудью на скользкие стены и съезжал снова по шею в дымящееся болото.

— Мальчишка, — прохрипел в наушниках запыхавшийся голос. — Я приказываю, остановитесь!

«Поздно», — подумал Юра и соскользнул еще на несколько метров.

— У меня веревка, Алексей Петрович, — крикнул Василий. — Юра, держи!

По шлему хлестнула нейлоновая петля. Юра поспешно продел ее под мышки. В то же мгновение человек в яме снова прыгнул и ухватил Юру за ногу. Юра сейчас же обрушился на него и очутился по пояс в грязи. Человечек ворочался под ним, затем показалась его голова в залепленном шлеме.

— Не дай пропасть, не оставь, милый человек, — бормотал он, пытаясь забраться Юре на плечи.

«Вот еще дерьмо», — с отвращением подумал Юра. Он крикнул:

— Василий!

— Держу!

— Кинь, если есть, еще конец, вытяни этого дурака, а то он меня потопит.

— Стажер! — прогудел Быков. — Держишься?

— Все хорошо, Алексей Петрович, — как можно веселей отозвался Юра. — Тяните этого...

— Вот так, — сказал Василий. Видимо, незнакомец вцепился в веревку, и его потянули вверх, потому что Юрий почувствовал облегчение. Он поднял голову и увидел ноги незнакомца, бешено скребущие по рыхлой стене. Тащили его Быков и Василий. Конец с Юрой держал Михаил Антонович.

— Ну как ты там, Юрик? — заботливо спрашивал добрый штурман.

— Хорошо, — кратко отвечивал Юра.

Василий срывающимся от натуги голосом продекламировал:

— Крепок, поганый, на жилочках, ай и тянется поганый, сам не рвется...

Затем подняли Юру. Когда он вылез на сухое место, незнакомец сидел, торопливо обтирая грязь со шлема, и бормотал тонким плаксивым голосом:

— Погубители, негодяи, ах, ну и погубители окаянные...

— Ты с какого участка? — сердито спросил Василий. — Что с тобой случилось?

Быков возвышался над незнакомцем, как монумент, глядя на него сверху вниз. Михаил Антонович сидел перед ним на корточках и помогал счистить тину.

— Мы-то? — сказал своим странным стилем незнакомец. — Мы не ваши, люди добрые, дай бог вам здоровья. Мы оттуда... — Он не пояснил откуда. — Да вот надсмеелись надо мною, ограбили да столкнули в ямину-то... Чуть было не потоп...

— Кто ты таков? — сердито спросил Быков. — Как ты сюда попал?

Незнакомец наконец поднялся на ноги, и Юра сквозь стекло помятого шлема увидел крошечное личико с красными веками, ввалившимися щеками, в рыжей жесткой неопрятной щетине.

— Простите великодушно, — сипло сказал незнакомец и поклонился. — Приятно встретить соотечественника. А мы молококане, вот понес черт на небеса за кладами. Камушки мы ищем. Камушки.

— Вербованный?

— Нет, сами по себе мы. Ни от кого, значит, не зависим.

— Аутсайдер, — брезгливо сказал Василий.

— Точно, аутсайдерами мы ищем, сами по себе. Ой, да что же мне теперь делать? Как же я теперь-то? А? И на что вы спасли меня?

У него началась настоящая истерика, и потребовались две здоровенные плюхи от разозленного Василия и глоток алкоголя из походной аптечки в вездеходе, чтобы это странное чудовище пришло в себя и рассказало о том, что произошло.

Под кровавым небом Венеры, на черном песке Урановой Голконды, в двух шагах от гигантского предприятия, где гением человека богатства чужой планеты уходили на питание Земли, прозвучал унылый и пошлый рассказ, напомнивший пошлейшие времена

«золотой лихорадки» — рассказ об обмане, о предательстве, о годах, прожитых впустую, о мечте разбогатеть и открыть свое дело...

— Дурак, — сказал безжалостный Василий.

Человечек вдруг взорвался.

— Ты меня не дурачи! — завизжал он. — Молод еще дурачить-то! Молоко еще... Ты мне скажи, что делать? Полгода я здесь гнил, а теперь ограбили, по миру пустили подлецы! На мои кровные, на пот мой и кровь мою жить в роскошестве будут, а я что? Подыхать здесь? Да?

— Дурак, — убежденно повторил Василий. — Иди к нам работать. Денег у нас, правда, не платят, так ведь жить как человек будешь.

Быков молчал, с брезгливым равнодушием глядя поверх головы подонка. Михаил Антонович вздыхал. Юра с изумлением заметил у него на добрых глазах слезы. «Жалеет эту мразь?» — подумал он.

Человечек неожиданно успокоился.

— Нет уж, — сказал он. — Этак не пойдет. Это уж вы, коммунисты, работайте без денег. А я еще так поживу. У меня кое-что еще есть. — Он хвастливо похлопал себя по груди, затем испуганно замолк, искательно улыбнулся Быкову и сказал: — Спасибо вам за спасение, добрые люди. Спасибочка. А я уж теперь пойду. Может, мне еще пофартит.

Он попятился, кланяясь, затем повернулся и торопливо зашагал прочь. Быков стоял, расставив ноги, смотрел ему вслед, и багровые отсветы ползали по его неподвижному лицу. Затем он резко повернулся к Михаилу Антоновичу. Михаил Антонович стоял с непередаваемо печальным выражением лица. Быков сказал сквозь зубы:

— Ничего подобного, Михаил. Мы это делали не для них. Это так, отходы. Издержки производства.

Все помолчали. Затем Юра тихонько спросил:

— Что это значит — пофартит?

Василий уверенно ответил:

— От слова «фартук». Наберу, мол, полный фартук драгоценностей.

Следующий этап разработки сюжета повести отражен в так называемом «обратном плане действия», и в самом деле написанном от конца повествования к началу. В плане появляется глава о Бамберге (правда, без упоминания этого названия и еще не на окончательном месте).

Эпилог.

Н. Букет незабудок — Дауге встречается на ракетодроме потрясенного Быкова.

Н — 1. Стажер прибыл к месту работы, встречается товарищей, приступает к работе. Квинтэссенция смысла книги — изменения в душе стажера.

Н — 2. Гибель Портоса. С момента, когда они начинают гибнуть, гибель, появление Быкова и отчаяние Быкова.

Н — 3. Сцена первая: Юрковский тайно будит Мих<аила> Ант<оновича>, и они улетают. Сцена вторая: Жилина поднимает Быков — в погоню! Быков — попытка связи с М<ихаилом> А<нтоновичем>, диспетчерская, подсл<ушанный> разгов<ор>. Сцена третья: бой в ракете, где в ход вступает стажер. Сцена четвертая: старт на пеленг бота. Жилин ловит последний зов Крутик<ова>.

Н — 4. Стажер прощается и переносит пожитки на швейцарский корабль. Быков не поддается Юрковскому, Крутиков ночует на боте.

Н — 5. Рейс, критика следопытства, гигантская флюктуация.

Н — 6. Юрковский расправляется с автократом.

Н — 7. Планета под пятой автократа.

Н — 8. Астероиды, смерть-планеты. Расправа Юрковского с лихачами. В основном расправу чинит Быков. Ворчание Юрковского, что Быков превышает власть. Опыт с гравитацией.

Н — 9. Умиротворение разложившейся базы. Рудники астероида. Космический жемчуг. Спэйс-пёрл. Большая часть рудников принадлежит компании. И банда свободных охотников. Грызня и стрельба. Советский надзиратель — незаинтересованная сторона. Не справившись, послал СОС. В ужасе, что Юрковский один, без армии. «А где остальные?» Арест, атомные торпеды. «Смертники... коммунисты» — из глубины комнаты по-русски, змеиным шепотом. Быков, не оборачиваясь: «А ты как думал, сволочь!» Юрковский напоследок пригрозил сообщить американскому патрулю. Хихикают. «Капитану Джонсону. Он мой личный друг и не откажет мне в маленькой любезности». Лица вытягиваются.

Н — 10. Бытовая сцена. Показать Юрковского барином, зазнайкой. Подписывает бумаги. «Ванюша, это передай через час открыто, а это — моим кодом. Э... Юра. Сбегай в мою каюту и принеси бювар». Подготовка к концовке Н — 6: «Вот и из Володьки может получиться такое». Володя, знаешь, о чем я сейчас подумал? Знаю, — угрюмо ответил Юрковский.

Н — 11. Облава на Марсе.

Н — 12. Подготовка облавы. Необходимость облавы.

Н — 13. Один из первых дней рейса. Стажер бродит по кораблю и приглядывается. Описание корабля. Корабль — уютный дом межпланетника. Приглядывается к людям.

Н — 14. Мирза-Чарле. Мучения стажера.

Немного подробнее — о «марсианской» части плана. Первая попытка обосновать необходимость облавы на марсианских пиявок, еще мало похожая на окончательный вариант, была, видимо, сделана в незавершенном фрагменте, сохранившемся под заглавием «Облава». Видно, что Стругацкие писали его не специально для повести: внимательный читатель заметит, сколь многое здесь перекликается с ранними вариантами «Ночи на Марсе». Это явно линейное продолжение предыдущего рассказа, хотя с именем марсианского хищника Авторы, в отличие от первой же публикации «Ночи на Марсе», еще не определились. В рамки «Стажеров» представленные события не вписываются и хронологически — они должны происходить за много лет до этого, в самом начале колонизации Марса. Тем не менее, при данном порядке материалов уместно увязать этот фрагмент именно с очередным вариантом плана, поскольку в предыдущем плане еще нет главы, где обсуждалась бы необходимость облавы.

ОБЛАВА

1

У начальника Базы был кабинет — маленькая низкая комната без окон, со стенами из гофрированной пластмассы. Начальник сидел за столом и, рассеянно щелкая переключателем селектора, слушал, как его заместитель по строительству Виктор Гайдадымов орет на его заместителя по материально-техническому обеспечению Ибрагима Константиновича Иваненко. Гайдадымов требовал вездеходы, которые Иваненко накануне поставил на профилактический ремонт. Иваненко, красноглазый от усталости и зверски небритый, отбивался очень ловко. Характерно, что ни тот, ни другой не смели обратиться за поддержкой к начальнику: в глубине души каждый сознавал, что прав все-таки противник. Начальнику наконец надоел этот крик, и он сердито сказал:

— Достаточно. Садитесь оба.

Заместители сели. Иваненко сейчас же сунул руки в рукава, втянул голову в пушистый воротник дохи и прикрыл глаза. Гайдадымов яростно шмыгнул покрасневшим носом и уставился на начальника. У обоих заместителей были бледные худые лица с дочерна загорелыми скулами и надбровьями.

— Договоримся так, — сказал начальник. — Сколько у вас инженеров на строительных работах, Виктор?

Гайдадымов снова шмыгнул носом и сказал:

— У меня программа летит. Меня астрономы едят.

— Я спрашиваю, сколько инженеров ты взял на стройки?

— Ну, восемь, — неохотно сказал Гайдадымов.

— Отдашь их в ремонтные мастерские. Ибрагим Константинович, за двое суток кончите ремонт?

Иваненко спал.

— Кончит, — сказал начальник. — Через двое суток получишь свои вездеходы и моих инженеров.

— За двое суток астрономы меня съедят, — сказал Гайдадымов.

— Да нет, не съедят, Витя, — сказал начальник. — Посылай их ко мне. Пошли ко мне Рихтера, хорошо?

— Они к вам не пойдут. — Он достал платок и шумно высморкался. — Собственно, они и меня-то не едят. Просто работают как бешеные. Мне на них смотреть стыдно.

В коридоре загремели свинцовые подметки, и в дверь постучали.

— Войдите, — сказал начальник. Он покосился на часы. Было десять часов вечера.

В кабинет вошли четверо, и в кабинете сразу не осталось ни вершка свободного места. Это были Следопыты, археологи, работающие вне Базы. Они месяцами копались в марсианских песках, разыскивая Следы исчезнувшей цивилизации, и появлялись на Базе очень редко. Следопыты работали совершенно самостоятельно, База только снабжала их продовольствием и иногда машинами. Начальник даже не всех знал в лицо, но этих он знал: Опанасенко, Морган, Альварес и Хасэгава — старожилы и самые лучшие разведчики Марса.

— Здравствуйте, Борис Максимович, — прогудел Опанасенко.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал начальник. — Рад вас видеть, садитесь. Садитесь, правда, не на что.

— Благодарю вас, — сказал Хасэгава. — Мы будем стоять.

— Мы к вам с просьбой, — сказал Опанасенко. — Нам нужны машины.

При слове «машины» Гайдадымов нехорошо усмехнулся, а Иваненко, не открывая глаз, сказал:

— Очень сожалею, но машин, извините, нет.

— Здравствуйте, Ибрагим Константинович, — сказал Опанасенко. — А мы нефть нашли.

— Где? — Иваненко приподнял набрякшие веки и поглядел на археолога.

— Шестьдесят километров к востоку. Подступы идеальные.

— Это хорошо, — сказал Иваненко. — Кроки сняли?

Опанасенко, широко улыбаясь, расстегнул доху, вытянул планшет и извлек из него несколько сложенных листков бумаги.

— А ну-ка, дайте-ка, — сказал Иваненко. Он развернул листки и стал рассматривать кроки.

— Нам нужны все машины, какие есть на базе, — сказал Опанасенко. — Все краулеры и вездеходы. И все люди, которые умеют стрелять. И побольше динамиту. И ракеты.

— И два мешка луку, — мрачно сказал Гайдадымов.

— Здравствуйте, Виктор Петрович, — радостно сказал Опанасенко. — Вот кстати, ваше поручение мы выполнили. Шесть мачт релейной передачи поставили, до самой биостанции.

— Спасибо, — хмуро сказал Гайдадымов.

— А зачем вам все это нужно? — спросил начальник.

— Бладсакер, — сказал Морган.

— Тора, — сказал Хасэгава.

— Перро, — сказал Альварес.

— Одним словом, рысь, — сказал Опанасенко. — Надо кончать с рысью.

— Что-нибудь случилось? — спросил начальник.

— Две рыси бродят вокруг лагеря, — сказал Опанасенко. — Они все время ходят вдоль трассы.

— Какая там еще рысь, — проворчал Иваненко, тяжело поднимаясь со стула. — Вот нефть — это хорошо. Это вы молодцы. Завтра же пошлю ареологов.

— Какая рысь? — сказал Опанасенко. — Спросите у Хлебникова, какая рысь.

— Нечего было шататься без оружия, — сказал Иваненко. — Сто раз предупреждали.

— А что вы нам скажете, Борис Максимович? — сказал Опанасенко, поворачиваясь к начальнику.

— У нас очень трудно с машинами, Федор Алексеевич, — сказал начальник. — А что вы хотите предпринять?

— Облаву, — сказал Опанасенко.

В кабинете воцарилось молчание.

— Ну, я пошел в мастерские, — сказал Иваненко. — До свидания, Борис Максимович.

— Нет уж, вы погодите, Ибрагим Константинович, — сердито сказал Гайдадымов. — Это дело надо решить.

— Мне некогда решать такие дела, — сказал Иваненко. — Мне надо работать. И вам тоже.

— Правильно, — сказал Опанасенко. — Нам надо работать. А мы работать не можем. Мы не можем к каждому работнику приставлять часового.

— Здоровые парни, — сказал Иваненко. — С пушками. Смешно, честное слово.

— По-вашему, таскать на работу пушки нормально? — осведомился Опанасенко. — Ареологи завтра тоже поедут с пушками? Что-то не помню, кто там из них умеет стрелять.

— Хорошо, — сказал Иваненко и снова сел. — Чего вы от меня хотите?

— Поясните себе полёжение, — сказал Морган. — В нее очень трудно попасть. Она летает быстро. Ее нужно долго гнать, загнать и расстрелять в упор.

— А потому, — сказал Опанасенко, — нам нужно, — он стал загибать пальцы, — все быстроходные машины базы, все лучшие водители, все стрелки, побольше динамиту, побольше ракет...

— ...и два мьешок лука, — сказал Морган, улыбаясь.

— Так, — зловеще сказал Иваненко. — Вы собираетесь гнать краулеры на полной скорости по пустыне, пережжете моторы, порвете ходовую часть, поперетопите машины в зыбучках...

— Но зачем так пьечально? — сказал Морган.

— ...перекалечите сами, спалите все горючее... Не дам машин! — рявкнул он неожиданно.

Опанасенко грохнул кулаком в стену.

— Черт побери, — сказал он. — Да кто же для кого? Мы для машин или машины для нас?! Неужели же трудно понять! Да ваших же врачей эта гадина чуть не сожрала на той неделе!

— Спокойно, спокойно, — сказал начальник.

— Надо машины дать, — сказал Гайдадымов. — Я сам одну поведу.

— Черта лысого ты поведешь! — заорал Иваненко. — Нет, я так не могу! Я в таких условиях работать не могу! Охоты, облавы, а на Базе люди живут впятером в такой вот комнатухе! Для женщин комнату едва выделил! Строить надо, а не гарцевать на краулерах!

Опанасенко вдруг успокоился.

— Хорошо, — сказал он. — Не надо машин. Мы пойдем цепью. Все, конечно, пойдем. Пусть облава будет пешая. И горючее будет цело, и в комнатах после облавы станет посвободнее. Это вас устраивает, товарищ Иваненко?

— Не смейте разговаривать со мной в таком тоне, — прошипел Иваненко. — Не смейте!..

Начальник хлопнул ладонью по столу.

— Достаточно, — сказал он. — Это ругань, а не серьезный разговор. Товарищ Опанасенко, расскажите, пожалуйста, что такое эта рысь? О ней много говорят, и никто ничего не знает.

— Мы тоже мало знаем, Борис Максимович, — сказал Опанасенко. — Какое-то хищное животное. Никто его толком не видел. Охотится ночью, нападает длинным прыжком, всегда почему-то справа. Нападает почему-то на людей и всегда норовит вцепиться в правый бок. Что еще? Длинная, с серебристой шерстью, конечностей не заметно, глаз тоже. Вот и все, пожалуй.

— А где она скрывается днем? — спросил начальник.

— Неизвестно. Может быть, зарывается в песок. А может быть, у нее есть логово — передвигается она очень быстро.

— Дело вот в чем, — сказал начальник. — Через четыре месяца с Земли придут два корабля. Они привезут еще пять краулеров. С машинами будет легче. С другой стороны, за это время мы, по-видимому, закончим самые необходимые постройки и станет легче с грузовыми перевозками. Может, имеет смысл подождать с рысью?

Опанасенко поглядел на Моргана. Морган пожал плечами.

— Подождать, конечно, можно, — сказал Опанасенко, — но это опасно. Вам придется либо запретить выход с территории, либо, — он принялся загибать пальцы, — ввести непрерывный патруль вдоль трассы. На краулерах, конечно. Выделить отряд стрелков для охраны биологов, ареологов, связистов, работающих в поле. Поставить вокруг Базы высоковольтное ограждение. Одним словом, это дороже обойдется.

— Мы ее не знаем, — сказал Морган, — а она наглейет. Вчера я видел ее следы у экскаватора. Раньше этого не было. Скоро она начнет нападать на краулер, а краулер есть открытая машина.

— Да-а, — сказал начальник. — Ну, что вы скажете, Ибрагим Константинович?

— Делайте как хотите, — сказал Иваненко. — А я бы так просто запретил выход с Базы.

— Ну уж нет, — сказал Гайдадымов. — Такой приказ выполняться не будет. Запереть ученых на четыре месяца!.. Они скажут, что не для того сюда летели, и будут правы.

— Делайте как хотите, — повторил Иваненко.

— Хорошо, — сказал начальник. — Сколько времени нужно на подготовку, Федор Алексеевич?

— Двое суток, я думаю, хватит, — сказал Опанасенко и поглядел на Моргана. — А, Гэмфри?

— Да, — сказал Гэмфри.

— У нас на Базе сто восемьдесят три человека, — сказал начальник.

— Сто восемьдесят четыре, — поправил Гайдадымов, улыбаясь.

— Почему? — сказал начальник. — Сто восемьдесят три.

— А Богдан Богданыч Спицын? Ему уже неделя.

— Да, правда, — сказал начальник. Все улыбались, даже Иваненко. — Одним словом, не считая женщин и... гм... детей, у нас полтора боееспособных мужчин.

— Боееспособных мужчин у нас человек сорок, — сказал Опанасенко, — и то считая Следопытов. Да нам больше и не нужно. Десять машин, сорок человек. Это не проблема, Борис Максимович. Поручите это нам с Гэмфри.

— Хорошо, — сказал начальник. — Готовьте облаву. И помните, Федор Алексеевич, вы поведете самое ценное, что у нас есть — людей и машины. Берегите, пожалуйста, людей, но не забывайте и о машинах.

— Конечно, — сказал Опанасенко.

Стругацкие продолжают дорабатывать сюжет. Основная работа еще впереди — сам текст повести не начат, за исключением ранних вариантов пролога и пары глав. Зато план продолжает совершенствоваться. Очередная фамилия для стажера, другой порядок глав, появление в прологе и эпилоге Марии Юрковской...

«СТАЖЕР»

Пролог. Дауге и Мария Юрковская после проводов экспедиции.

1. Мирза-Чарле. Вакуум-сварщик Юрий Николаевич Кочин, двадцать лет. Отстал от группы добровольцев. Визит к Быкову после многих мыканий.

2. Один из первых дней рейса. Стажер бродит по кораблю и приглядывается. Описание корабля — уютного дома межпланетника. Стажер приглядывается к людям. Юрковский за работой — радиogramмы, переговоры, распоряжения. Капитан на корабле не нужен — только до старта и при катастрофе. Стажер — неутолимое любопытство, добр, наивен, «послушайте, скажите мне, пожалуйста...», очень всех любит. Юрковский называет его кадетом. Рассуждения Юрковского насчет пистолета. Выпендривается перед Кочиним. «Э-э... Кадет, не можете ли вы вакуумно сварить обед?» Может быть, называет прапорщиком. Быков систематически и методически читает журналы и газеты за два прошлых месяца и смотрит кино. Мих<аил> Ант<онович> считает курс, вздыхает про пенсию, жалуется, что это его последний рейс. Разговоры о политике и о текущих событиях. Жилин считает, следит за режимами двигателя, составляет диаграммы, на вопрос стажера — отвечает, что работает над проектом корабля, который пролетит сквозь солнце. Всё на полном серьезе, «а для охлаждения на другом конце солнца поставим души». Жилин — фантазер и хохмач. И не понять, где он говорит серьезно. Его идея о передаче предметов в виде лучистой энергии. «Обнадеживают работы средневековых фокусников». Показывает фокусы.

3. Марс. Проблема пиявок. Мнения: ареологи, ареодезисты, следопыты (марсианская цивилизация или пришельцы?), астрономы, строители, ареобиологи. Дети на Марсе. Песчаный танк «Мимикродон». Решение предпринять облаву. Сомнения ареобиологов: облава не поможет, часть пиявок уйдет в пустоты под поверхностью Марса, где они, вероятно, размножаются. Смутные планы экспедиций в пустоты.

4. Облава. Юрковский в пешем строю. Удовлетворение Юрковского по поводу того, что вопрос решили без него. Упреки Быкова, рассуждения Юрковского об опасности и храбрости. Юра в облаве участвует.

5. Рейс. Быт. Крутиков: эврика, нашел, что какое-то пространство пронцаемо деритринитивно в сигма-смысле. Из наивного хвастовства Юры вытекает спор о смысле жизни. Юра: самое хорошее — красиво умереть. Остальное — по ходу. Юрковский — барин: Ваня, отправьте эту телеграмму моим шифром, эту — открытым текстом. Юра, принесите из моей каюты бювар. Телеграмма. Юрковский сильно мрачнеет, показывает Быкову. Кажется, будет тяжело. Это пострашней пиявок. Юра как ни бьется, не понимает, в чем дело. Жилин загадочно молчит.

6. Подавление бунта. Нищие духом. Космические рудники «Спэйс Пёрл Лимитэд» на астероиде Затравленный представитель комитета МКК, албанец. Держится геройски, но ничего не может сделать. Меры: усовещивал слезами, прятал спиртное, отбирал оружие, бил, вызывал полицию — все куплено компанией. На базе — пьянство, пренебрежение мерами личной и общей безопасности, «компания набрала сброду, хорошие люди с Запада в космос не идут, омещанились». Резня, бои с аутсайдерами. Откуда-то появились и неизвестно куда исчезли три девки. Возможно — убиты. Последнее (телеграмма) — перехвачен и разграблен автотранспорт с медикаментами

(спирт). Есть группа культурных рабочих — опереться можно на них. Но они не желают сотрудничать. Представитель компании — первейшая сволочь и мерзавец. Инициатива боев с аутсайдерами принадлежит ему. Оружие прячут, не отдают. Комитетчик в ужасе спрашивает: а где же остальные корабли. Юрковский прибыл только с Жилиным. Арест, атомные торпеды, «смертники-коммунисты» — по-русски змеиным шепотом, Жилин, не оборачиваясь: «А ты как думал, сволочь». Речь Юрковского о нищих духом. Предложение плюнуть и пойти на чистую работу встречено неловким молчанием. Юрковский назначает самоуправление из группы крепких и грозит закрыть рудник. «Человечество от этого не пострадает».

7. Смерть-планеты. Юрковский мягко журит лихачей, просит их быть осторожнее. Быков учиняет разнос. Юрковский ворчит про превышение полномочий. Опыт с гравитацией. Юре ужасно хочется остаться со смерть-планетчиками.

8. Планета под пятой автократа.

9. Юрковский расправляется с автократом. Юра и киска. Конец главы. Быков думает: вот и из Володьки может получиться такое. Говорит: Знаешь, о чем я сейчас думаю, Владимир? Знаю, угрюмо отвечает тот.

10. Рейс на Япет. Критика следопытства. Гигантская флюктуация.

11. Гостиница, Порт-Япет. Юра прощается, собирает пожитки, идет на швейцарский корабль, который доставит его к месту назначения. Баллада об одноногом пришельце. Юрковский клянчит у Быкова бот. Крутиков ушел ночевать на бот.

12. Глубокой ночью Быков звонит Мих<аилу> Ант<оновичу>, но тот не отзывается. Быков идет в диспетчерскую и подслушивает разговор. Ему кажется — не все ладно. Будит Жилина и штурмом берет ракету со стажером. Старт на пеленг бота. Жилин ловит последний зов Михаила Антоновича.

13. Начать со слов, встревоживших Быкова. Гибель обоих. Появление Быкова, отчаяние Быкова. Юра смотрит круглыми глазами.

14. Юра на месте назначения, приступает к работе с товарищами. Показать изменение его характера. Рассуждение: неужели два умных человека должны погибнуть, чтобы один дурак научился ценить жизнь.

Эпилог. Букет незабудок. Женский силуэт в стороне.

Многие принципиально важные для АБС мысли уже присутствуют. А вот эпизода с барменом пока нет, и свою идею («Главное — красиво умереть») Юра высказывает уже в рейсе. Астероиду, где добывается космический жемчуг, еще не присвоено имя. А наблюдатель на астероиде — уже не советский, но еще и не венгр (впрочем, очередное изменение национальности с учетом резко ухудшившихся советско-албанских отношений практически неизбежно).

К этому плану Авторы пишут подробную разработку нового пролога и двух первых глав. Порой они хорошо совпадают с окончательным текстом, порой не очень. Здесь, кстати, ясно видно, с каким это Шарлем Быков разговаривает в Мирза-Чарле...

«СТАЖЕР»

Пролог

Ракетодром Мирза-Чарле. Дауге только что проводил своих друзей в рейс. Впервые вся компания отправилась в рейс без него. Ему мутрно. Он старенький, изглоданный, летать ему больше нельзя. Да и друзья постарели. Мих<аил> Ант<онович> тоже летит в свой последний рейс. Быкова пригласили возглавить Школу Космогации (международную). Юрковский давно уже работает в высших организациях и тоже летает все реже и реже. Старость, немощь. «Странно, почему это мне так захотелось еще раз обнять Мишу?»

И вдруг Дауге наталкивается на необычайно красивую женщину в бальзаковском возрасте. Это Маша Юрковская, его бывшая жена, с которой он не виделся уже двадцать лет, с тех пор, как перед стартом «Хиуса» на Венеру она отказалась от него. Встреча —

сгорбленный, седой, волочащий ноги, опирающийся на палочку Дауге и красивая, элегантная, прямая и стройная женщина с надменным, ослепительно прекрасным лицом.

Она не говорит, что нарочно встретила с ним, и у читателя не будет тому прямых доказательств. И он, и она совершенно спокойны, даже как будто благодарны друг другу за вновь ожившие полузабытые ощущения далекой молодости. Садятся на скамеечку в парке и спокойненько беседуют. Обычные малозначительные для них, но небезынттересные для читателя вопросы и ответы про жизнь. Неизбежный вопрос Дауге: а ты здесь зачем? Я провожала Володьку, — отвечает она. — Я всегда его провожаю. Дауге поражен. Он знает, как они ненавидят друг друга. Она, оказывается, его любит. Каждый раз, когда Юрковский улетает, она тайком стоит где-нибудь за колонной и смотрит ему вслед, и молится, чтобы он вернулся целым и невредимым. Дауге пожимает плечами, молчит. Маша: Он страшно ненавидит меня. Как-то сказал: Мария, границы открыты, ушивалась бы ты из Союза к чертовой матери. Но я не хочу ушиваться, здесь моя родина и все, что я люблю. Затем Маша спрашивает: на что все это нужно? что вы ищете в пустоте? Дауге: знания и могущества. Маша: а на что это нам, женщинам? Ее монолог о жене межпланетника. Ее ненависть к Быкову, презрение к Мих<аилу> Ант<оновичу>. Дауге сначала поражен, затем холодно смеется. Это не вы — женщины. Женщины работают так же, как мы. Настоящие женщины тоже ищут знания и могущества. Они холодно расстаются.

Глава первая ЮРА КОЧИН ГОЛОСУЕТ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГЕ

1. Юра разговаривает с девушкой в справочном бюро ракетодрома Мирза-Чарле. Ему сочувствуют, но помочь ничем не могут. Пассажирских кораблей в систему Сатурна не будет в течение года, а на грузовые и исследовательские проситься бесполезно. Юра уныло вздыхает, вежливо благодарит и уходит. Мельком: чемодан он оставил на скамейке у птеробусной остановки.

2. Юра сидит в аллее и думает, что делать дальше. Встречаются два межпланетника, разговаривают, смеются, расходятся. Юра идет в ресторан. (Один из межпланетников — забеременевшая девушка со спутника?)

3. А стоит ли идти в ресторан? Может, беременная девушка обращает на него внимание и заговаривает с ним? Он излагает ей свои горести, она задумывается. Наконец решает: следует обратиться к начальнику ракетодрома непосредственно. Начальник может дать указание грузовику захватить Юру. А кто начальник? Не к начальнику, к его заместителю по связи — Шарлю Моллару. Он добрый мужик, его все капитаны любят. Если он попросит, не откажут.

4. Визит к Моллару. Моллар весел и доброжелателен. Как жизнь — хорошё-о? Ничего, это мы попробуем устроить. Доброволец — это отлично. Приятно работать с такими ребятами. Не то что эти головорезы с Запада. Кто же у нас идет в систему Сатурна? Ах, какое несчастье, никого нет. Девушка (вполголоса): А Быков? А Юрковский? Моллар задумывается, чешет голову. У них спецрейс, говорит он нерешительно. Ладно. Попробуем. Я попрошу. Сделаем так. Идите прямо к нему, а я позвоню ему. Если вы уже будете знать, что он отказал, вы не пойдете. А так вы не будете знать. И придете к нему невинно.

5. Визит к Быкову. У Быкова Юрковский. Юра, чуть не плача, рассказывает о себе: Юрий Николаевич Кочин, двадцать лет, вакуум-сварщик, записался добровольцем на работы в системе Сатурна. Добровольцев была масса, но отобрали десять лучших, в том числе его, Кочина. Вот путевка, если не верите. Но он опоздал. По домашним обстоятельствам. И очень стыдно ему, и вина перед тем, кто мог бы поехать и не опоздал бы. Прошу взять меня. Быков слушает, задает вопросы. Юрковский барствует, попивает шампанское. Быков берет трубку, звонит Моллару: Ладно. Беру. Оформите ко мне

стажером. Возьму грех на душу. Обращается к Юре жестко: Дисциплина железная. Ощущений неприятных будет много. Будет риск. Вызывает Жилина. Вот тебе подчиненный. Жилин: Водку пьешь? в бога веруешь? истинный межпланетник. Бегом за вещами. На пороге Юра слышит, как звонит телефон. Дауге приехал? Дальше Юра не слушает. Это его не касается.

Глава вторая УЮТНЫЙ ДОМ МЕЖПЛАНЕТНИКА

Эта глава — соответствует «Быту мушкетеров» у Дюма. Характеристики всех действующих лиц, их нравы и привычки с точки зрения Юры. И попутно — описание превосходного межпланетного корабля. Все через восприятие Юры. Поражен, что Быков почти ничего не делает. Капитан на корабле не нужен — только перед стартом и на случай катастрофы. Это Юрковский, не поднимая головы, сквозь зубы: «Или в случае бедствия». Быков проводит дни в кают-компании, рассеянно принимает донесения от Крутикова и Жилина, главным образом — систематически и методически читает журналы и газеты за два последних месяца и смотрит кино. В каюте — никаких украшений, только фото жены и детей. Юрковский, напротив, работает очень много и легко — непрерывно принимает и отправляет радиодепеши, читает какие-то материалы, сердится, ругается. Под внешним барским хладнокровием большая тревога и нетерпение. Юру называет прапорщиком: «Э... послушайте, прапорщик, а не можете ли вы вакуумно сварить обед?» Привык выпендриваться. Пытается выпендриваться и перед Быковым, но тот его хладнокровно осаживает. Рассуждение Юрковского про пистолет. В каюте — все признаки роскоши. Очень много подушек специального назначения. Михаил Антонович считает курс, вздыхает насчет пенсии, жалуется, что это его последний рейс, сообщает, что вот теперь пойдет детишек нянчить — внуков и внучек. В кают-компании разговоры о текущих событиях, о политике. Чаще всего это связано с депешами, которые принимает Юрковский. Жилин становится лучшим другом Юры. Юра за ним, как тень. Очень вежливый, добрый мальчик. Жилин — фантазер и хохмач, непрерывно его разыгрывает. Не понять, где он говорит серьезно, где шутит. Для примера — рассказ о пути на Амальтею и проект проскока через Солнце. Развивает идею передачи предметов лучистой энергией. «Обнадеживают работы средневековых фокусников». И показывает фокусы.

И вот — последний вариант плана. Фактически это уже оглавление известной нам повести, отличающееся пока что отсутствием главы «Тахмасиб». Польза инструкций» и «Кольцом-2» вместо «Кольца-1» в последней главе.

Пролог

1. Мирза-Чарле. Русский мальчик
2. Мирза-Чарле. Гостиница. Триста шестой номер
3. Марс. Астрономы
4. Марс. Старая База
5. «Тахмасиб». Генеральный Инспектор и др.
6. Марс. Облава
7. Эйномия. Смерть-планетчики
8. Бамберга. Нищие духом
9. «Тахмасиб». Гигантская флюктуация
10. Диона. На четвереньках
11. «Кольцо-1». Баллада об одноногом пришельце
12. «Кольцо-2». Должен жить

Эпилог

План готов. Все продумано, теперь можно писать повесть.

Анализ сохранившихся черновиков дает пищу для интересных умозаключений. С одной стороны, здесь уже просматривается будущий печатный вариант повести. С другой стороны, отличий — множество. Мелких и крупных, непринципиальных и важнейших.

Прежде всего — о названии. В рукописи повесть — все еще «Стажер». Но, как писал в своих «Комментариях» БНС, «многочисленные рецензенты (как штатные, так и доброты) дружно упрекали нас за то, что роман получился у нас про что угодно, но никак не про мальчика-стажера». Да Авторы и сами, видимо, это понимали. Был придуман вариант «Генеральный инспектор», но не тут-то было: «заявка, редакционный план, издательский план — везде стоит уже черным по белому «Стажер», менять нельзя, ни-ни, ни в коем случае, и думать не можете!..» Дело кончилось компромиссом: название оставить как бы прежним, дописав единственную букву. Теперь подразумевалось, что новая повесть — «о Стажерах Будущего — Быкове, Жилине, Юрковском и иже с ними», а это, разумеется, потребовало дополнительных обоснований в самом тексте. В том числе и памятных многим читателям слов Юрковского: «Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажуемся всю жизнь, каждый по-своему».

При создании черновиков, а затем при подготовке публикации с некоторыми героями повести произошли важные изменения.

Юра Бородин никак не вписывался в первоначально намеченный возраст — двадцать лет, и Авторы делают Юру восемнадцатилетним.

Еще более серьезные изменения претерпел образ Ивана Жилина. Видимо, увлекшись описанием того, как повлияли произошедшие события на Юру, Стругацкие сначала не уделили столь же пристального внимания эволюции мыслей и поступков Жилина. В рукописи он более похож на Юру, чем на старших членов экипажа, и ведет себя соответственно. Вот так, к примеру, он во время охоты на пиявок не пускает Юру в пещеру, куда ушел Юрковский:

— Слушай, Юрка, прости, но тебе туда нельзя, — сказал Жилин просительно. Юра молча рвался. Жилин тряхнул его и сказал: — Тебе нельзя, и мне из-за тебя нельзя.

Он оглянулся на пещеру, там глухо забухали выстрелы.

— Эх! — с досадой сказал Жилин и даже стукнул прикладом о землю.

И на информацию о предстоящем полете к Трансплутону Иван реагировал сначала совершенно по-другому:

Трансплутон, подумал он. Это здорово. Это будет отличный рейс. Надо сейчас же позвонить Сережке, пусть порадует. А может быть, не обрадуется? Нет, обрадуется. Таким вещам надо радоваться. А маме скажу, что улечу на Марс. К Марсу она уже привыкла.

Уже завершая работу над рукописью, АБС вносят необходимые исправления. Теперь Жилин предстает перед нами более умудренным, уравновешенным и ответственным. Изменяется и судьба Ивана — он решает оставить космос и заняться земными делами. Так возникает хорошо знакомый нам теперь финал повести, так появляется лозунг «Главное — на Земле», ставший и лозунгом самих Авторов, кратко и емко определившим их творческую позицию.

Пожалуй, наибольшим изменениям в процессе работы над повестью подвергся образ Юрковского. Это заметно даже по особенностям его речи. Авторам важно показать не только ЧТО говорит персонаж, но и КАК говорит. Так, в прологе раннего черновика Владимир Сергеевич еще изъясняется просто: «В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выпью...» Затем подчеркивается вальяжность, нарочитая манерность речи: не просто «сказал», но «томно сказал», не «выпью», но «выкушаю». Изменены всего два слова — а образ рисуется уже иной... Или, скажем, Юрковский говорит Дауге в том же прологе: «Ах, да не кисни ты, Григорий» — в рукописях «неожиданно тонким» голосом, позже — «страдающим».

Эволюцию мыслей, слов и поступков Юрковского можно проследить, например, по неоднократно переделывавшейся (не менее пяти вариантов!) главе «Диона. На четвереньках». Ниже приводится первый черновой вариант главы, дополненный в скобках откомментированными фрагментами более поздних вариантов.

Директора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще в те времена, когда тот был аспирантом Института планетологии и планетографии. Владислав Кимович

Шершень слушал тогда у Юрковского курс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил. Владислав Кимович вышел встречать Юрковского прямо в кессон, едва в кессоне установилось нормальное давление. Юрковский вылез из скафандра, и они крепко пожали друг другу руки.

— Не ожидал, не ожидал, — говорил Владислав Кимович, ведя Юрковского под локоток к своему кабинету. Он был уж не тот. Не было больше стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Владислав Кимович был бледен, он облысел, располнел и много улыбался. — Не ожидал, не ожидал, — повторял он с удовольствием. — Как же это вы к нам надумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил...

В кабинете он усадил Юрковского в единственное кресло, а сам сел за свой стол, небрежно отодвинув в сторону кипу фотокорректур. Юрковский благожелательно озирался, кивал головой. Кабинет был гол, очень скромный и невелик. Да и сам Славка производил впечатление человека на месте. На нем был несколько потертый комбинезон с подвернутыми рукавами, но полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Слава, — сказал Юрковский с сожалением. — И... э-э... фигура не та. Ведь вы спортсмен были, Слава.

— Шесть лет здесь почти безвыездно, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на Планете, эспандерами изнурять себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да и к чему мне стройность, Владимир Сергеевич, посудите сами. Жене все равно, какой я, девушек ради худеть — темперамент не тот, и положение не позволяет.

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да, — сказал Юрковский. — Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в Институте? — спросил Шершень. — Как идут дела у Габдула Кадыровича? Очень, очень ждем результатов.

— Габдул застрял, — сказал Юрковский. — Получил несколько... э-э... парадоксальных выводов и теперь не знает, что делать. Ходит, держась за голову. Аспирантов своих загонял. У него там сла-авные ребята растут.

— Это хорошо, — сказал Шершень. — Я рад, что он застрял. Мы вот понемножечку продвигаемся в том же направлении. Догнать и перегнать Габдула Кадыровича!

— Догоняйте, Слава, догоняйте, — сказал Юрковский. — Только вот я слышал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Если вы таких сотрудников будете упускать, не догоните вы Габдула, Слава.

Шершень усмехнулся.

— Догоним, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Подумаешь, Мюллер. Мюллером больше, Мюллером меньше... Беда не в этом, Владимир Сергеевич. Снабжение плохое, вот что нас по-настоящему задерживает. Мазеры приходится своими руками изготавливать. Как в прошлом веке, Владимир Сергеевич. Я уже не говорю о струйных усилителях. Эта проклятая, извечная проблема снабжения! У меня от нее все волосы повывезали.

— Так вот значит, почему ушел Мюллер, — рассеянно сказал Юрковский. — Действительно, он все время работает на мазерах.

Шершень внимательно на него посмотрел.

— В наше время все работают на мазерах, — сказал он. — А в Институте этого никак не могут понять. Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да, — сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Нет, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в пространстве. И всем нужны мазеры.

— Ну так, товарищи, — сказал Шершень, — надо же планировать все-таки по-человечески. Обсерваторий стало больше, а аппаратуры не прибавилось? Нельзя же так.

— Ладно, — весело сказал Юрковский, — ваше... э-э... неудовольствие, Слава, я непременно передам Баркану. Вы и представления не имеете, Слава, как вам повезло, что вы... э-э... жалуетесь именно мне. — Шершень удивленно поднял брови. — Вы жалуетесь, Слава, непосредственно генеральному инспектору МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах... вот как? — медленно сказал он. — Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался. — Так это же прекрасно, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Я вам сейчас поднесу такой рулон жалоб... Вы ведь, кажется, на грузовике прилетели? Очень кстати. — Он засмеялся. — Двадцать тонн жалоб. Могу больше.

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте... э-э... Слава, — сказал Юрковский. — Мы очень довольны работой обсерватории. Работаете... э-э... хорошо. Но вот некоторое недоумение вызывает тот факт, что у вас... э-э... Вы понимаете, Слава, вот за последний год у вас закончено двадцать работ. И среди них ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин, Шершень и Свирский, Шершень, Кравец и Шатрова... Возникает вопрос — а где просто Кравец и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Как это у вас получается?

Шершень развел руками.

— В самую точку, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Вопрос совершенно законный. Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно, я бы сказал, мерзко выглядит, я уж тут несколько раз пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы лицо спасти. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю. Вот Толя Кравец. — Он положил руку на фотокорректуру. — Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но, — он снова развел руками, — недостаточно опыта у него, что ли... Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовывать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли, — с какой стати? Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну... у мальчика же самолюбие... Так и появляется — Шершень и Кравец.

— М-да, — сказал Юрковский. — Это бывает. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его... э-э... припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню. Очень, помню, был старательный студент. Э... да. Знаете, Слава, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудиках. Я уже всех их позабыл.

— Ну что ж, — сказал Шершень. — Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженер-контролеры. Славные, умелые ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем, итого у нас остается пять собственно астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях особенно не нравилось. Приходится иногда его придерживать. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте, — сказал Юрковский. — Аверин и Свирский. Как же, как же... Это была чудесная пара. Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был... э-э... бунт. Потом я у них принимал экзамен у обоих сразу, и они еще отвечали мне с этакой... лихостью. Дескать, знай, кого выгоняешь. Большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу, — грустно сказал Шершень.

— А что... э-э... случилось?

— Девушка, — сердито сказал Шершень. — Не успели явиться на обсерваторию, как оба влюбились в Зину Шатрову...

— Помню, — воскликнул Юрковский. — Маленькая такая, веселая, глаза синие, как... э-э... незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница, — сказал Шершень. — Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич, год уже мучаюсь. Но в конце концов, речь не об этом. Хотя я тоже многого ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериным, а Свирский работает отдельно. Так вот, Свирский. Спокойный, выдержанный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда поеду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен в научной работе. Приходится помогать. Полагаю, дело в том, что он привык работать с Авериным. Ну, о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова. — Шершень замолчал и шибко почесал затылок. — Девушка, — сказал он. — Знающая, конечно, но... Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Пустячки все, Владимир Сергеевич. Эмоции. Но я ею, в общем, доволен. Свой хлеб на Дионе она оправдывает. И, наконец, Базанов.

— Базанов, — сказал Юрковский и сел прямо. Его вынесло из кресла, он повис над столом и увидел титульный лист фотокорректур. Шершень и Свирский, «Пылевая составляющая полос Сатурна». Почему Свирский? — подумал он. Кравец, наверное, Шершень говорил о Кравце. Шершень поймал Юрковского за руку и, смеясь, усадил обратно в кресло.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Это вам не «Тахмасиб».

— Да уж, — сказал Юрковский. — Так вы говорили о Базанове.

— Базанов — отличный работник, — сказал Шершень. — Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов, — повторил Юрковский. — Что-то я не помню его последних работ. Чем он занимается?

— Да вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ее можно публиковать, однако — нет! Все время он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным... Вы знаете, есть такие... очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся... Получается глупое положение, не имеем возможности сослаться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Это пройдет. Пусть работает так, как ему нравится.

— Может быть, мне с ним... э-э... побеседовать?

— Как угодно, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Не думаю, чтобы это помогло, не думаю, что в этом есть смысл, но если вы найдете нужным... Отчего же? Упрям он ужасно, Владимир Сергеевич, вы, наверное, должны помнить.

— Да, — сказал Юрковский. — Такой... э-э... очень самостоятельный студент был. Так вот, Слава, раз уж я у вас, не откажите старику, покажите поподробнее, чем и как сейчас занимается молодежь. Черновики, так сказать, черновики, наброски. Хочется посмотреть, как они... э-э... подходят к делу.

(В следующем варианте этого абзаца Юрковского уже интересует не «подход к делу», а само дело:

— Ну хорошо, Владислав, будем считать, что с официальной частью мы покончили. Давайте теперь... э-э... займемся делом. Раз уж я попал к вам, не откажите старику, покажите, чем вы тут занимаетесь. И покажите, пожалуйста, черновики, наброски... Меня всегда интересовала ваша метода, Владислав. Хочется посмотреть, как вы ее сейчас применяете. И я, кстати, от своей канцелярии немного отдохну...)

— Ну конечно, — сказал Шершень. — Правда, новых инструментов у нас пока не прибавилось, методика, так сказать, пожилая...

В дверь постучали.

— Извините, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, славный мягкий юноша, умница, добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов, даже не взглянув на него, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Это расчеты, — сказал он. — Коэффициенты поглощения.

— Вот, Владимир Сергеевич, — весело сказал Шершень. — Это наш Базанов, о котором я вам сейчас говорил.

— Узнаю... э-э... узнаю, — сказал Юрковский. — Ну и как вам, Петр... э-э... не помню отчества... самостоятельная работа?

Базанов холодно поглядел на него и снова повернулся к Шершню.

— А о Генрихе Мюллере вы ничего не рассказывали? — спросил он.

Шершень с грустной усмешкой сказал Юрковскому:

— Вот вам наш Базанов, Владимир Сергеевич.

— Что же это вы... э-э... Петр, — спокойно сказал Юрковский, — и поздороваться со мной не хотите?

Базанов снова холодно посмотрел на него.

— Простите, Владимир Сергеевич, — сказал он без улыбки. — Здравствуйте. С этой самостоятельной работой становишься невежливым.

Он повернулся и вышел, захлопнув за собой люк. Юрковский озадаченно смотрел ему вслед. И это Базанов? — подумал он.

— Вы не удивляйтесь, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Мы с ним немножко повздорили из-за этих коэффициентов поглощения, он полагает ниже своего достоинства считать коэффициенты поглощения и уже два дня терроризирует всю обсерваторию.

Юрковский все смотрел на закрытый люк. Какой же это Базанов? — думал он.

От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий стальной трос. Юра неторопливо и осторожно шел вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что практика в условиях невесомости, приобретенная еще в период подготовки, не пропала даром. Впереди, шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна. И вообще самый крупный спутник в Солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Колец с Дионы видно не было, Юра видел только тонкий серебристый луч. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рея.

Михаил Антонович уже добрался до башни лифта и ждал Юру. Они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параболоиды антенн, похожие на исполинские блюда. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович озабоченно сказал:

— Я, Юрик, должен идти в библиотеку, а ты здесь походи, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься... А часа через два заходи за мной в библиотеку.

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнитными подковами, пошел по коридору налево. Юра сейчас же пошел направо. Коридоры были круглые, облицованные матовым

пластиком, только под ногами лежала неширокая стальная дорожка. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и картофельным супом. Видимо, где-то неподалеку была кухня. Юра прошел мимо открытого люка и заглянул в него. Там мигали разноцветные огоньки на пультах и никого не было. Тихо как, подумал Юра. Никого не видно и не слышно. Скучища здесь, наверное, смертная. Он свернул в поперечный коридор и услышал музыку. Где-то кто-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. Вот тоска-то, подумал Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и спорили, и ругались, и пели. Впервые ему пришлось в голову, что самое страшное на далеких планетах — это не смертельная пустота за толстыми стенами, не несчастные случаи на работе, не все эти действительные и воображаемые опасности, а самая обыкновенная тоска, когда друзья устают друг от друга, когда все надоедает и ничего не хочется, кроме смены обстановки. Потом он подумал, что со своими друзьями он никогда не скучал, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что здесь, в этих круглых пустых коридорах, людям очень и очень скучно.

Вдруг кто-то яростно крикнул над самым его ухом: «Какого черта ты мне все это рассказываешь?» Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Извиняющийся голос заговорил:

— Виталий, ты только пойми меня правильно. Мне самому очень неприятно все это слышать. Я ему так и сказал. По-моему, он поступает очень некрасиво. Но я же не могу молчать...

Яростный голос сказал:

— Лучше бы уж ты помолчал. Когда это вам всем надоеет? Сплетни, сплетни, шушуканье... Он сказал, она сказала... Наплевать мне на это, ты понимаешь или нет? Дайте мне отбарабанить мои три года и провалитесь в тартарары совсем...

Слева от Юры бесшумно распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихры его были взъерошены, покрасневшее лицо искажено бешенством. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они остолбенело глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я... — сказал Юра, — я с «Тахмасиба».

— А, — с отвращением сказал беловолосый. — Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары... Провалитесь вы все...» Юра, вытаращив глаза, глядел ему вслед. Ну и ну, думал он. Здесь совсем не так скучно, как я думал. Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет с большим изяществом. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да, — сказал Юра.

— Здравствуйте, — сказал человек, протягивая руку. — Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, что вы, — сказал Юра. — Я так, проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и горячая.

— Юрий Бородин, — сказал Юра.

— Очень приятно, — сказал Кравец и отпустил Юрину руку.

— Я вакуум-сварщик, — пояснил Юра. — Меня везут на Рею.

— Как интересно, — сказал Кравец. — Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не могу вам сказать, — сказал Юра. — Не знаю.

— Ну конечно, откуда вам знать? — подхватил Кравец. — Тут у нас, знаете, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Скоро месяц, — отметил Юра не без важности.

— А я его знаю больше, — сказал Кравец. — Я у него учился. — Он вдруг спохватился. — Что же мы тут стоим? Заходите.

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стоял матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько небольших электрических машин для ручных вычислений.

— Это наш мозг, — сказал Кравец. — Присаживайтесь.

Юра остался стоять, с любопытством осматриваясь.

— На «Тахмасиб» тоже такая же машина, — сказал он. — Только поменьше.

— Сейчас все наблюдают, — сказал Кравец. — Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы... — Кравец махнул рукой и засмеялся. — Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея и каждый другого — дураком. Объясняются через меня.

Юра вспомнил: «Дайте мне отбарабанить три года и провалитесь». Кравец выжидательно смотрел на него.

— Что ж, — сказал Юра, глядя в сторону. — Бывает.

— Постороннему человеку, — сказал Кравец, — может показаться, что у нас здесь невыносимо скучно. Да так это и есть — для постороннего. Нас здесь мало, все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже очень занят. Вот мы и сидим круглыми сутками каждый со своей работой. — Он снова выжидательно посмотрел на Юру.

Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас здесь действительно пустовато немножко. Я тут прошелся по коридорам — никого нет, тихо, только где-то гитара играет. Печально-печально.

— А, — сказал Кравец, улыбаясь, — это наш Дитц думает.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это Юрий Бородин, Зиночка, приехал вместе с Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Наступило неловкое молчание. Юра старался сообразить, почему вот уже второй человек на обсерватории относится к нему как-то странно. Он взглянул на Кравца. Кравец, прикусив губу, прищурившись, смотрел на Зину. Зина молча перебирала листки. Потом придвинула к себе электрическую машину и принялась считать, звонко щелкая цифровыми клавишами. Кравец сказал:

— Ну что ж, Юра, хотите...

Его прервало мягкое пение радиофонного вызова. Он поспешно вытащил из кармана радиофон.

— Слушаю.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Немедленно. Он в библиотеке.

Кравец покосился на Юру.

— У меня... — начал он.

Голос в радиофоне стал вдруг далеким.

— А вот и вы, Владимир Сергеевич... У меня все готово.

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радиодфон в карман и стал смотреть по очереди на Юру и на Зину.

— Мне придется уйти, — сказал он. — Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Он хороший друг Владимира Сергеевича, надо его принять получше.

— Хорошо, — едва слышно сказала девушка. Кравец вышел. Зина встала и, по-прежнему не поднимая глаз, сказала: — Что бы вы хотели посмотреть?

— Что я хотел бы посмотреть? — сказал Юра задумчиво. Он все время смотрел на Зину. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Юра вдруг почувствовал, что у него подкатил ком к горлу. — Ничего я не хочу смотреть, — сердито сказал он. — Работайте себе, пожалуйста.

— Хорошо, — беззвучно сказала Зина и снова села.

Юра, искоса поглядывая на нее, подошел к пульту и уставился на мигающие огоньки. Зина прилежно работала. О чем она думает? И что все это вообще значит? Юра инстинктивно чувствовал, что все это должно означать что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться, кому-то помочь. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. Было очень тихо, только откуда-то доносились еле слышные утомляюще-печальные переборы гитары.

— А это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза. Юра с испугом посмотрел на лампу. Сморозил я что-то, подумал он. Затем, разозлившись, сказал:

— Да, вот эта лампа.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите, — спросила она, — вы будете работать у нас?

— Да нет же, — сказал Юра и прижал к груди руки. — Не буду я у вас работать. Я вакуум-сварщик. Я здесь проездом. Я спешу на Рею. Не на ту рею, на которой вешают пиратов, а на спутник Сатурна. Соседями будем. И никакой я не любимчик.

— Вакуум-сварщик? — переспросила она и провела ладонью по лицу. — Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что это имеет огромное значение и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите, — сказала девушка. — Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала... Не знаю. Это не важно.

И вдруг она заплакала. Она уронила голову на стол, на кипу исписанных листков, жирно перечеркнутых красным карандашом, и заплакала во весь голос, как плачут маленькие дети. Юра остолбенело стоял, открывая и закрывая рот.

— Погодите! — закричал он в ужасе. — Пойдите! Да погодите же, не надо, я вас прошу!

Он с разбегу перепрыгнул через стол, сбросив какие-то папки, и схватил девушку за плечи.

— Что же это такое? — сказал он в отчаянии. — Кто вас так?

Девушка отпихнула его локтем, и он отступил, опустив руки. Она все плакала, только уже не в голос, а просто всхлипывая. Тогда он грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она остановилась и подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам бы... так... — проговорила она. Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытирать щеки. — Опять глаза красные будут, — сказала она

почти спокойно. — Опять он за обедом будет спрашивать: «В чем дело, Зинаида? Когда же кончатся ваши эмоции?»

— Кто он? — спросил Юра. — Кравец? Так я ему пойду и сейчас морду набью, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться.

— Что Кравец? — сказала она. — Кравец — это холуйчик. Такая же бездарь, как я.

Юра нашарил ногой стул и сел.

— Ну? — сказал он.

— Слушайте, — сказала она. — Вы правда вакуум-сварщик?

— Правда, — сказал Юра. — Только, пожалуйста, не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

Она уже улыбалась. Затем она снова насторожилась.

— А почему же вы друг Юрковского?

Юра озадаченно на нее посмотрел.

— Ну... друг — это сильно сказано. Просто мы случайно попали на один корабль. — Она внимательно смотрела на него. — А что? — сказал он. — Это нехорошо, когда вакуум-сварщик дружит с Юрковским?

Она не ответила. Юра лихорадочно соображал. Она отложила платок и взялась за свои листки. Листки были исписаны мелким красивым почерком. Там было много сложных замысловатых формул. И все это было жирно, крест-накрест перечеркнуто красным карандашом.

— Кто это вам начеркал? — спросил Юра.

Она прикрыла листки ладонью.

— Не надо смотреть, — попросила она. — Это все ерунда. Так у меня всегда.

— Не получается что-нибудь? — сочувственно спросил Юра.

— У меня ничего не получается, — едва слышно сказала она. — Меня, наверное, скоро отправят на Землю. Шершню нужны настоящие работники.

— Кому? — спросил Юра.

— Директору. А у меня здесь одни глупости выходят. Он правильно рассуждает. Незачем здесь держать бездарей, вроде меня. Он мне уже два предупреждения сделал. Спасибо еще, что хоть сразу на Землю не вернул. От стыда бы сгорела.

— Это что — директор? — спросил Юра.

Она кивнула.

— И поделиться не с кем. Базанов вообще всех ненавидит, а эти два дурака вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают.

Ну и обстановочка, подумал Юра.

— А Кравец? — спросил он.

— Кравец — холуйчик, — равнодушно сказала она. — Ему на все наплевать.

— Знаете что, — сказал Юра. — Я здесь ничего не знаю. Вот кто все знает, так это Жилин. Пойдемте к Жилину, расскажите ему все.

— К какому Жилину? — спросила она устало.

— К Ване Жилину. Это бортинженер. Он очень хороший человек.

— Зачем? — сказала она. — Мне он все равно не поможет. Лучше от этого не станет, а хуже — может быть. Лучше вообще помалкивать. У нас всякие разговоры к хорошему не приводят. И без того полно слухов и сплетен. — Она вдруг повернулась к Юре. — Вы, пожалуйста, никому не рассказывайте, что я здесь ревела. А то опять начнутся всякие укоризненные замечания. — Она помолчала. — А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Кого? — спросил Юра, наморща лоб.

— Своего протеже. У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика...

— Что за чушь? — сказал Юра. — На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких протеже, никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну конечно, правда! И вообще дико — у Юрковского любимцы! Это надо придумать...

— А, — устало сказала Зина. — Значит, опять врал. У нас здесь все время врут.

— Пойдите, — сказал Юра. — Так вы меня принимали за этого самого... протеже? — Он с ужасом на нее посмотрел.

— Да, — сказала она. — Так говорили. Мне сказали, что меня, возможно, заменят.

Юра ожесточенно вцепился в свою шевелюру.

— Слушайте, — сказал он. — Что у вас тут за гадости творятся? Как вы здесь можете работать?

Она пожала плечом.

— Слушайте, да уезжайте вы отсюда! — сказал Юра. — Пропади они здесь все пропадом!

— Я думала об этом, — сказала она. — А куда мне деваться? Кому нужен плохой работник? — Она что-то вспомнила и усмехнулась. — Да еще с неуравновешенной психикой. Здесь меня как-то держат. Свою работу я очень люблю, а на Земле придется менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть и ничего не получается, зато я на обсерватории, у талантливого руководителя. Я очень люблю все это, — повторила она тихо, положив руку на листы. — Ведь я думала, что у меня... призвание.

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она снова дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело? — спросил Юра.

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь, — сказала она.

— Как это может быть? — закричал Юра.

— Не знаю, — сказала она тихо.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял, прислонившись к двери в рубку. Юрковский сидел за столом, сцепив пальцы. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую ручку.

— ...Поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал за каких-нибудь полчаса столько гадостей о других людях. Все гадкие, все дурные, и только Базанов хороший. Владислав Кимович, видите ли, шантажист и вымогатель. Базанов выполнил три великолепные работы, а Шершня эти работы почему-то не удовлетворяют, Шершень требует доработки и, видите ли, соавторства. На обсерватории все боятся Шершня. Был один смелый человек, Генрих Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Хотя заметь, в конечном итоге прав-таки был тот же негодник Шершень, это вынужден признать даже сам Базанов. Шершень завел себе осведомителя и клеветника. Подумай только, ни дать ни взять прошлый век! Клеветник этот — некто бездарь Кравец. Этот Кравец везде подслушивает, а потом наушничает директору, а потом по указанию директора распространяет всякие гнусные слухи! Кстати, этот Кравец потом зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов закричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой симпатичный юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не сдержался, я был очень возмущен и сделал Базанову выговор. Я ему прямо сказал: «Что же это вы, Петя? Разве можно так?» Но он даже внимания на меня не обратил.

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну вот, — продолжал он. — Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он совсем не может видеть, как кто-то за кем-то ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница, Зина Шатрова, астрофизик, так он приклеил к ней сразу двух кавалеров, да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки... Причем сам, заметьте, добавляет, что это все слухи, что он этим слухам не верит, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Сам, между прочим, Базанов особой нравственностью не отличается. Во всяком случае, инженер-контролер обещает отхлестать его. Мало того, что он склочничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки... У меня волосы дыбом вставали, когда я все это слышал! Извините меня, мальчики, но я уже, наверное, двадцать лет ничего подобного не слышал. Вообрази, Володенька... Как ты думаешь, кого он считает главным виновником всего этого, как он говорит, кабака?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрковский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом. — Я прямо ушам не поверил. Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит с собой по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, чтобы их там пристроить! Набил все обсерватории в космосе своими протеже-недоучками и своими ставленниками, вроде Шершня! Этого я уже не выдержал. Я возмутился! Я ему сказал: «Извините, — говорю, — голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах. Как вам не стыдно», — говорю.

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков снова стал расхаживать по кают-компаниям.

— Так, — сказал Юрковский ровным голосом. — Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович смущенно задвигался на диване.

— Ты знаешь, Володенька, — сказал он. — Базанов произвел на меня гадкое впечатление. Но разговор кончился как-то странно. Может быть, если бы не эти последние слова, я бы не стал тебе рассказывать. Я его спросил: «Петя, — спрашиваю, — а зачем вы мне все это рассказываете?» Он вдруг как-то странно осекся, как-то странно на меня посмотрел и как-то странно сказал: «Может быть, — говорит, — Михаил Антонович, вы это еще кому-нибудь расскажете?» И пошел из библиотеки. Мне вдруг его стало так жалко, так жалко. Я кричу: «Петя!» А он не обернулся и вышел.

Михаил Антонович помолчал.

— И все-таки Базанов гадкий человек. Я бы на твоём месте, Володенька, сделал выводы.

Юрковский сидел, опустив глаза. Все молчали.

— Да, — сказал наконец Юрковский ржавым голосом. — Базанов — гадкий человек. Петр Базанов — отвратительный склочник. Мерзкая личность Петр Базанов — лучший студент своего курса, любимец всего выпуска, человек, который никогда не врал.

(Последнего абзаца в более позднем варианте уже нет. И здесь вновь интересно посмотреть, не только ЧТО говорится, но и КАК.)

— Ну хорошо, — сказал Юрковский, не поднимая глаз. — Спасибо, Михаил. Придется принять меры. Видимо, Базанова придется убрать.

А теперь, для наглядности — поздний рукописный вариант, перешедший и в окончательную редакцию. Последовательность реплик здесь несколько иная, а интересующий нас фрагмент расширен:

Юрковский сказал, не поднимая глаз:

— Хорошо. Спасибо, Михаил. Меры принять придется.

Жилин тихо сказал:

— Может быть, он просто устал?

— Кому от этого легче? — сказал Быков.

— Да, — сказал Юрковский и тяжело вздохнул. — Базанова придется убрать.

Непосредственная оценка Базанова заменяется краткой непрямой характеристикой: «тяжело вздохнул». Вдумчивому читателю этого хватит.)

Михаил Антонович ошарашенно глядел на него. Быков сказал:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Давайте я пойду, поговорю с ребятами, — тихо предложил Жилин.

В коридоре послышался стук магнитных подков.

— Не надо, — сказал Юрковский. — С ребятами говорил Юра.

(Итак, первоначально Юрковский о многом догадывается и многое предвидит. В более позднем варианте, однако, Авторы отказывают Владимиру Сергеевичу в априорном всеведении. Он уже не ждет Юру, чтобы получить от него подтверждение тому, что творится на станции:

Жилин спросил тихо:

— А где Юра?

— Да, — сказал Быков. — Где стажер, Михаил?

Михаил Антонович растерянно поглядел на него.

— Он... там... в обсерватории. Он разве не вернулся? Странно... Значит, он еще там...

— С астрономами заболтался, вероятно, — решил Быков. — Что ж, пора, пожалуй, обедать. Ты обедаешь с нами, Владимир?

— Нет, — сказал Юрковский и поднялся. — Я совсем забыл. Шершень опять приглашал нас всех на обед. Прошу собираться.

И в этот момент в коридоре послышался стук магнитных подков.)

Все посмотрели на него.

— Как это понимать? — сказал Быков.

— Сейчас увидишь, — сказал Юрковский.

Дверь распахнулась, и в кают-компанию влетел Юра. Быков поймал его за плечо и поставил на пол. Юра вырвался от него.

— Ваня! — закричал он отчаянно. Глаза у него были совершенно круглые. — Владимир Сергеевич! Немедленно пойдете на обсерваторию! Сейчас же! Нельзя терять ни минуты!

— Тихо, тихо, кадет, — сказал Юрковский.

— Ты говорил с Базановым? — спросил Быков.

— С каким Базановым? — закричал Юра. — Я говорил с девушкой! Понимаете? Надо ее немедленно спасать! Она там умрет! Тут любой умрет! В этом притоне! Куда вы смотрите, Владимир Сергеевич? Это же застенки! Вы понимаете, она плачет!

— Плачет? — сказал Юрковский. — Значит, это Зина Шатрова.

— Да, Зина, — сказал Юра. — Откуда вы знаете?

— Я сообразил, — медленно сказал Юрковский. — Если плачет, значит это Зина Шатрова, которую в Институте никогда никто не видел хмурой, у которой каждое третье слово было шуткой. Только она может здесь плакать.

— Так что же вы сидите? — закричал Юра.

— Молчать, стажер, — жестко сказал Быков. Он повернулся к Юрковскому: — Пойдем?

— Пойдем, — сказал Юрковский. Он достал из кармана радифон и морщась набрал какой-то номер. — Шершень? — сказал он. — Это Юрковский. Соберите астрономов в свой кабинет. Я сейчас буду у вас.

(В более позднем варианте речь о Зине не идет, а Юра уже «выглядит предосудительно», что неудивительно после нескольких драк. Их число при последующей правке будет постепенно сведено к минимуму.)

— Я дрался, — хмуро ответил Юра.

— Господи! С кем?

— Сначала я дрался со Свирским...

— Ну?

— Затем, пока Свирский отлеживался, я дрался с Авериным.

— Кто это — Аверин? — брезгливо осведомился Быков.

— Это один молодой астрофизик, — нетерпеливо пояснил Юрковский. — И Свирский тоже. Продолжайте, кадет.

— Затем мы все вместе пошли искать Кравца...

— Господи! — сказал Михаил Антонович. — Кравца? Этого симпатичного юношу?

— Да. Аверин и Свирский решили его покарать немедленно, я отговаривал, но им очень хотелось.

— Ну?

— Кравца мы не нашли, зато встретили Базанова.

— Ну?

Юра опустил голову и печально вздохнул.

— Базанов нокаутировал меня на второй минуте. Я совершенно не учел, что у него...

— Одну минуту, кадет... Ты мне разрешишь, Алексей?

Быков кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глубоко засунув руки в карманы.

— Я так понимаю, кадет, что вы устроили на обсерватории отвратительный дебош. Вы избili сотрудников обсерватории...

— Не всех, — быстро сказал Юра. — К сожалению, не всех.

— Вы хамите, кадет, — холодно сказал Юрковский.

— Не всех, — упрямо повторил Юра. — К сожалению, я не добрался до Кравца и до Шершня...

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и кивал головой. Юрковский в задумчивости глядел на Юру. Быков, насупясь, расхаживал по каюте. Жилин все стоял у входа в рубку. Глаза его блестели.

Вдруг Жилин оттолкнулся от стены, неслышно подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович, — сказал он. — Я думаю, Юра знает что-то очень важное. Надо его выслушать.

— Пусть рассказывает, разумеется, — раздраженно сказал Быков. — Только безо всякой этой... литературщины. Терпеть этого не могу.

— Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

Далее Юра рассказывает примерно то же, что в окончательном тексте.)

— ...Вы совершили преступление, Шершень, — говорил Юрковский. Он говорил с омерзением, как будто жевал улитку. — Вы за три года отбросили вверенных вам людей на полстолетия назад. Вы мерзавец, Шершень.

Шершень процедил сквозь зубы:

— За эти слова вы тоже ответите.

— Замолчи! — закричал маленький смуглый парень, сидевший рядом с Юрой. Это был Аверин. — Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжал:

— Вы, Шершень, сделали из обсерватории маленькую империю. По-моему, этого достаточно, чтобы называть вас мерзавцем. Ну, о вас разговаривать больше не будем. Теперь вы, молодые люди.

Он повернулся к астрономам. Они сидели кучкой. Они собрались в кучку уже в середине перекрестного допроса, который учинил Юрковский, когда выяснилось, что Аверин никогда не называл Свирского бездарем и подхалимом; что Свирский понятия не имел о том, что его, оказывается, вывели ночью из комнаты Зины; что Базанов никогда не распускал слухов, порочащих Таню Ленину; что считать Зину Шатрову недоучкой, неспособной к самостоятельной работе, невозможно даже из педагогических соображений... Теперь они сидели вместе и с ненавистью смотрели на Шершня. Только Кравец сидел отдельно.

— Шершня и Кравца я с работы снимаю, — говорил Юрковский. — Только прошу без эксцессов. Их отправят на Землю, и я надеюсь, что никто из вас с ними больше не встретится. Нового начальника вам пришлют через неделю с Титана. Пока посидите и подумайте. Вы мне очень, очень не нравитесь. Ведь я же вас всех помню еще по Институту. И я никак не ожидал, что вас будет так легко поставить на четвереньки. Вам еще предстоит искупить эту вину друг перед другом. Бедные слабые людишки. Идите. И думайте.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо раскачиваясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство, — сипло сказал он. — Это вам даром не пройдет. Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, э-э... Шершень, — сказал он. — На вашем месте я бы застрелился.

(В более позднем варианте рукописи есть слова Юрковского, которых не могло быть в начальном варианте, ибо там он если не все, то многое знал заранее.

— Да, я отвечу. Мне придется отвечать за многое. Видимо, я изрядно устарел. Мне все казалось, что больше всего важен результат... Да. Самая лучшая обсерватория, изумительные открытия. Понадобилось вмешательство совершенно постороннего человека... Мальчишки... Да. — Он повернулся к астрономам. Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца. — Пожалуй, больше я самобичеваться перед вами не буду, молодые люди. Не заслужили.

В последующем черновике Юрковский уже не «самобичуется», но все-таки более жестко, чем в окончательной версии, упоминает о своей ошибке: «...Что ж, сочетание жадности бесконтрольной власти и подлости — это не такое уж частое явление в наши дни. Настолько редкое, что я, старый дурак, вообще исключил всякую возможность такого явления...»

Вообще говоря, финальная речь генерального инспектора на Дионе переделывалась неоднократно и основательно. Есть промежуточные варианты, где Юрковский говорит и гораздо более длинно, и гораздо более жестко. В том числе и так:

— Да, здесь совершалось преступление. Три года выжигали из людей дружбу, любовь, элементарную порядочность. Три года старались поставить людей на четвереньки — и поставили. Это ваша работа, Шершень. Вы отбросили вверенных вам людей на полстолетия назад, и этого вам не простят. Ни вам, ни вашему Кравцу.

...И далее в том же стиле, уже про остальных сотрудников обсерватории. В дальнейшем от подобной риторики АБС отказались, заменив слова Юрковского теми, что вошли в окончательный вариант «Стажеров».

Несколько раз переделывалась в черновиках и открывающая финальный фрагмент главы инвектива Юрковского в адрес Шершня. Но затем было принято, видимо, самое правильное решение: убрать ее вообще. И о форме, и о содержании сказанного мы теперь можем судить только косвенно, по ответной реплике Шершня: «За эти слова вы тоже ответите».

В следующей главе в первом и втором вариантах рукописи Юрковский говорит директору Титана: «Ты оказался прав, Федя». Отказавшись от идеи его априорной информированности, Стругацкие убрали и этот фрагмент.)

Вообще говоря, анализ постепенной (по мере работы над повестью) эволюции образа Юрковского мог бы стать темой отдельного увлекательного исследования. Возможно, такая работа о восприятии Юрковского Авторами и читателями когда-то будет кем-то написана — материалов для нее достаточно.

Продолжим, однако, рассмотрение черновиков повести. Придумывая новые специальности для людей будущего, Стругацкие поначалу употребляют эти термины с заглавной буквы. Так было с «Десанниками», так будет с «Прогрессорами», так в «Стажерах» происходит с термином «Следопыты». Вообще же будущее Авторы не стремились изобразить уж слишком фантастично. Если они могли еще заменить в автомобиле Гриши Быкова привычное «рулевое колесо» на «рулевую дугу» (как у самолета), то, опробовав название «Вязьминский завод пластконструкций», АБС заменяют его на более привычное «Вязьминский завод металлоконструкций».

Труднее Авторам приходится с описанием увлечений людей будущего. Планетологи на Кольце «не понимают» неореалистическую живопись — это уже в опубликованном варианте. В рукописи они не понимали живопись абстрактную. (Возможно, АБС сочли, что акцентировать на этом внимание значило бы солидаризироваться с некоторыми реальными тогдашними гонителями абстракционизма.) С литературой несколько проще — можно ведь наряду с выдуманным великим писателем будущего Строговым любить читать и книги, написанные давно. Поначалу в списке предпочтений планетологов рядом со Строговым стоит Олдингтон. Но, вероятно, как раз во время завершения работы над текстом Стругацкие впервые прочли и полюбили творчество Грэма Грина, поэтому в рукописях и в издании «Мира приключений» (об этом издании — чуть ниже) планетологи любят читать Олдингтона и Строгова, а во всех последующих изданиях — Грэма Грина и Строгова.

И еще об именах собственных. Среди названий типов фотонных ракет («Хиус», «Джон Браун») в некоторых вариантах рукописей и изданий вместо «Янцзы» стоит «Эдокко» — это, видимо, очередные последствия ухудшения отношений между СССР и КНР.

Из множества примеров, иллюстрирующих тщательную стилистическую правку рукописи, приведем лишь небольшую часть.

Сначала Быков говорит сыну: «Пока я в рейсе, будь все время возле мамы». Это позже исправляется Авторами на более точное: «Пока я в рейсе, будь поближе к маме».

О том, что Дауге остается, а они улетают, в рукописи Юрковский говорит Быкову: «Плохие мы с тобой товарищи». Позже: «Нехорошо. Нечестно». А Быков отвечает в рукописи: «Перестань ныть», а позже просто: «Перестань».

Изменяется причина горечи Дауге. В рукописи: «Если бы здесь был Володька, — продолжал Дауге, — если бы остался твой отец, Михаил Антонович... Я страшно буду тосковать по ним. Я уже тоскую. Я уже старый, Гриша. Старый! Мне нельзя одному». В публикациях: «Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...»

На фразу Гриши о последнем рейсе Крутикова в рукописи Дауге отвечает: «Вот и Миша тоже». В публикациях: «Миша наш состарился...»

После обидчивого «спасибо» Маши Юрковской на замечание Дауге о мещанах он говорит: «Я не хотел тебя обидеть», — и добавляет: в рукописи: «Просто всех вас очень жаль», в публикациях: «Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас».

О мирских удовольствиях в рукописи Дауге говорит: «Я очень доволен своей жизнью», в изданиях: «Я даже был изрядным шалопаем».

Последние слова Дауге, обращенные к Маше Юрковской, в рукописи сначала были: «Прощай, Маша, — сказал он. — Нехорошо быть эгоистом, но спасибо за этот разговор. Ты мне очень помогла, а я... — Он слегка развел руками». Абзац Стругацким не нравится, в более поздней рукописи они меняют «Он слегка развел руками» на «Извини меня, если я говорил жестоко». А в книжной версии абзац переделывается полностью: «Прощай, — сказал он, ласково улыбаясь. — Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня».

«Солнце светило точно вдоль проспекта» в ранних черновиках рукописи было заменено далее на «Солнце жгло вдоль проспекта», а в публикациях все стало совсем коротко и ясно: «Солнце жгло проспект».

После слов Юры, что «ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой», в ранних вариантах рукописи стоит: «Сказав это, он сильно покраснел и испугался: “Не бестактно ли?”» В поздних вариантах рукописи это убирается.

Юра о Джойсе в ранних вариантах черновика говорит: «Мне он как-то неприятен», затем: «Какой он там славный!», а в поздних вариантах рукописи и в публикации: «Никакой он не славный».

На предположение Матти о разумности пиваков в ранних вариантах рукописи Сергей обращается к Феликсу: «А что скажут наши Следопыты?» В поздних рукописях и в публикациях: «...уничтожь это изящное рассуждение».

Во фразе «У нас тут за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый и совершенно чужой мир» Авторы меняют и убирают несколько слов, и результат звучит гораздо лучше: «Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир».

Пеньков в рукописи говорит: «Брось ты все это, Серега. Зачем себя насиловать? Попросись к строителям или вот к Феликсу». Авторы исправляют речь немногословного Пенькова, получается удачнее: «А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу».

В черновике: «Сергей, поджав губы, помотал щеками». «Щеками» исправлено на «светлым чубом», ибо Сергей все же по комплекции не Михаил Антонович...

В рукописях Наташа замечает среди развалин Старой Базы «человеческие следы». Впоследствии этот не очень конкретный образ заменяется «следами ботинок».

В первом черновике Юра думает: «Это, наверное, здорово плохо...», во втором черновике: «Это, наверное, ужасно плохо...», затем: «Это, наверное, ужасно...».

Юра при помощи инфракрасных очков различил широкую корму танка, «где находился атомный реактор» (в рукописи), «нагретую атомным реактором» (в печатных изданиях).

Юрковский говорит о поселенцах Марса, что у них «ЗАВЯЛИ извилины, ведающие ЛЮБОПЫТСТВОМ». В опубликованных вариантах: СГЛАДИЛИСЬ и ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ.

При радиовывозе Титана в рукописи требуется сойти с линии, в «Мире приключений» — сойти с волны, далее — освободить частоту.

После спора с Быковым об исследовании колец Сатурна Юрковский в рукописи «схватился за лицо», в «Мире приключений» «схватился за голову», позже — «закрыл лицо руками».

«Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг?» — думает Юра. В раннем варианте рукописи последние слова: «...плевать тебе на подвиг».

При подготовке текста «Стажеров» для публикации не была, видимо, оставлена без внимания критика в адрес вышедшего ранее сборника «Путь на Амальтею» (см., к примеру, статью Ю. Горбунова с характерным заголовком «Неужели так будут говорить люди будущего?»). Язык персонажей был существенно «облагорожен».

«Ни черта бы вы друг друга не поняли», — говорит Жилин в рукописи о Юре и Джойсе. «Ни черта» изменено на «нипочем». Подпольного вербовщика Жилин в рукописи называет: «Дерьмо собачье».

«Необычайно дурацкие рекламы» (как видится Юре) становятся просто «рекламами».

«Сергей скорчил ужасную» не «рожу» (рукопись, сокращенный вариант «Мира приключений»), а «мину».

Вместо слов Жилина по поводу его работы «Радуюсь, горжусь и прочее» в черновике — «Думал, и радовался, и слюноточил».

Капитан Варшавский в рукописях не выражается: «Динозавры, прохвосты, тунеядцы несчастные». Он ругается: «Сук-кины дети, австралопитеки, пропадите вы все пропадом».

Быков компанию «Спэйс Пёрл» и тому подобных в рукописи называет «всякой сволочью», а в изданиях уже «всякими лишенцами». Юрковский ему отвечает: «Сколько СВОЛОЧИ еще у нас в системе». А в изданиях: БЕЗОБРАЗИЙ.

Смерть-планетчики в рукописи говорят, что «жрать нечего», в издании «Искателя» — «есть нечего», потом Стругацкие находят компромисс — «лопать нечего».

Бэла Барабаш о секретаре профсоюза на Бамберге в рукописи и в «Искателе» говорит: «Эта сволочь», а в других изданиях: «Этот подлец».

Юрковский говорит, что космический жемчуг нужен горстке сытых ДАМОЧЕК, в рукописи и в «Искателе» более грубо: БАБ. Ричардсона в рукописи Юрковский называет не господином, а субчиком.

Убран вопрос Юры о столкновении грузовиков: «И есть жертвы?» Убрано замечание бармена Джойса: «Знаете, как говорят: “Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и большим”».

Порой «сомнительными» оказывались не только слова, но и жесты. После слов Юры «Вот этот баллон не пойдет» в рукописи было: «...сказал Юра и ткнул пальцем».

Повесть «Стажеры» впервые увидела свет в 1962 году сразу в трех изданиях. Полный вариант вышел отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия», сокращенный вариант под названием «Должен жить» — в сборнике «Мир приключений» и две главы («Эйномия» и «Бамберга») под общим названием «Генеральный инспектор» — во 2-м номере журнала «Искатель». Во всех трех изданиях, помимо чисто количественных различий, обнаруживается масса разночтений. Где-то поработали редакторы, где-то — сами Авторы.

Можно с уверенностью предположить, что сокращенный вариант повести готовился для «Мира приключений» по какой-то рукописи, предшествующей чистовику, так как некоторые первоначальные варианты слов или фраз идентичны в рукописях и в издании «Мира приключений», но отсутствуют или переделаны во всех остальных изданиях. Кроме того (и это гораздо существеннее), повесть по-прежнему имеет концовку, в которой нет финального внутреннего монолога Жилина и его решения остаться на Земле.

При сравнении этой публикации с полной версией «Стажеров» видно, что главы 7–9 и 11 отсутствуют, главы 1 и 2 в сокращенном и измененном виде сведены в одну, нумерации глав нет. В результате некоторых сокращений возникли логические нестыковки. К примеру, дежурную по пассажирским перевозкам заменили на появляющуюся позже администратора гостиницы. И несколько странными выглядят слова администратора гостиницы, что сведения о специальных рейсах к ним не поступают (а кто бы вообще подумал информировать гостиницу о рейсах?).

В первой, объединенной, главе изменен порядок повествования: бармена Джойса нет, а Жилин и Юра знакомятся на пляже. Вот как выглядит текст этой главы в «Мире приключений»:

МИРЗА-ЧАРЛЕ. ЮРА БОРОДИН

Администратор гостиницы — маленькая жизнерадостная женщина — очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна еще не существовало. Не существовало еще даже регулярного грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли — и того реже. Администратор дважды послала запрос электронному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид, потому что в конце концов она сказала с жалостью:

— Не надо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета! И зачем вам надо так далеко?

— Я от ребят отстал! — расстроено сказал Юра. — Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь...

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

— Пойдите, голубчик! — окликнула его администратор.

Юра сейчас же повернулся и пошел обратно.

— Понимаете, голубчик, — проговорила нерешительно женщина, — случаются иногда специальные рейсы.

— Правда? — с надеждой спросил Юра.

— Да. Но сведения о них к нам в гостиницу не поступают.

— А меня могут взять в специальный рейс?

— Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома?

Юра молчал.

— Попробуем начальника ракетодрома, — решительно сказала она. Она сняла трубку и набрала номер. — Валя? — спросила она. — Зоя? Слушай, Зочка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает?.. Ага. Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да. Ну хорошо, спасибо. Извини, пожалуйста.

Экран видефона во время разговора оставался слепым, и Юра счел это за плохое предзнаменование. «Плохо дело», — подумал он.

— Так вот, голубчик, дело обстоит следующим образом: начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... — Она торопливо писала на гостиничном бланке. — Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра взял листок и обрадованно поблагодарил.

— А где вы остановились?

— Понимаете, я пока еще нигде не остановился, — сказал Юра. — Я и не хочу останавливаться. Мне нужно улететь сегодня.

— А, ну счастливого пути, голубчик! Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетники.

Юра еще раз поблагодарил и пошел к выходу.

Прямо перед гостиницей проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Справа, над зелеными купами деревьев, поднимались в жаркое белесое небо белые здания. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра спросил, что это такое, и ему ответили, что это СЭУК — Система Электронного Управления и Контроля, электронный мозг ракетодома Мирза-Чарле. Где-то там должен быть начальник ракетодома.

Юра взглянул на часы. Было начало первого. Что же делать? Осмотреть город? Пообедать? Он спустился на дорогу, поколебался немного и, вздохнув, свернул налево.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых коттеджей, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, уставленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем.

Улица была пуста. Магазины, кинотеатры, кафе были закрыты. «Сьеста», — подумал Юра. Было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячего черного чая. «Да, — подумал он, — сьеста. Хорошо бы забраться в холодильник».

Обедать не хотелось. Юра свернул в тенистый переулок и совершенно неожиданно вышел к большому прозрачному озеру, вокруг которого росли араукарии и пирамидальные тополя. При виде такой массы прохладной воды Юра даже застонал от наслаждения и двинулся к берегу почти бегом, на ходу стягивая через голову сорочку. Искупавшись, он вылез на берег, лег животом на песок и огляделся.

На той стороне несколько молодых людей и девушек, выскакивая из воды по пояс, перебрасывались огромным блестящим мячом. Посередине озера ныряли с надувной лодки. Шагах в двадцати в тени араукарии сидел, скрестив по-турецки ноги, грузный мужчина в белой чалме, черных очках и ярко-красных трусах и читал книгу. Книгу он держал в правой руке прямо перед лицом, а левую руку упирал в бок. Рядом с ним лежали четыре бутылки из-под лимонада. Юра лег лицом на сорочку и закрыл глаза.

Кто-то похлопал его по плечу холодной ладонью и сказал:

— Сгоришь, эй, паренек!

Юра поднял голову. Перед ним сидел на корточках коричневый молодой человек великолепного сложения. Он глядел на Юру сверху вниз веселыми синими глазами.

— Сгоришь, — повторил он. — Перейди в тень.

Юра сел.

— Да, я, кажется, задремал немного, — сказал он смущенно.

— Приезжий? — спросил незнакомец.

— Приезжий. Как вы узнали?

Незнакомец засмеялся:

— Все местные сейчас скрываются в помещениях с кондиционированным воздухом.

Они поднялись и отошли в тень араукарии.

— А вы тоже не местный? — спросил Юра.

— Да, пожалуй, что и не местный.

— Интересный город — Мирза-Чарле, — сказал Юра. — Никого сейчас на улицах. Словно здесь съеста, правда?

— Съеста... — согласился незнакомец. — Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

— Из Вязьмы.

— И зачем, если не секрет?

— Почему же секрет? Мне нужно на Рею. — Юра взглянул на незнакомца и пояснил: — Рея — это один из спутников Сатурна.

— Ах, вот как! — сказал незнакомец. — Интересно. И что тебе надо на Рее?

— Там новое строительство. А я вакуум-сварщик. Нас было одиннадцать человек, и я отстал от группы, потому что... ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов иду к начальнику ракетодрома... Вы тоже летите куда-нибудь?

— Да, — ответил незнакомец. — Так ты идешь к Майкову?

— К Майкову? Я иду к начальнику ракетодрома. Не знаю, как его фамилия. Может быть, Майков.

Незнакомец с интересом его рассматривал.

— Как тебя зовут?

— Юра... Юрий Бородин.

— А меня — Иван... Так вот что, Юрий Бородин, — незнакомец сокрушенно покачал головой, — боюсь, что к Майкову тебе не попасть. Дело в том, что начальник ракетодрома товарищ Майков, как мне доподлинно известно, вылетел в Москву... — он посмотрел на часы, — двенадцать минут назад.

Это был удар. Юра сразу сник.

— Как же так? — пробормотал он. — Мне же сказали...

— Ну-ну, — сказал Иван, — не нужно огорчаться. Всякий начальник, улетающий в Москву, оставляет заместителя.

— Правда! — воскликнул Юра, воспрянув духом. — Вы меня извините, я должен немедленно пойти и позвонить.

Он вскочил и стал натягивать брюки.

— Позвони. Телефон в этом переулке, сразу за углом.

— Я сейчас вернусь, — пообещал Юра и побежал к телефону.

Когда он вернулся, Иван ходил на руках вокруг араукарии. Увидев Юру, он встал на ноги и отряхнул с ладоней песок.

— Ну что? — спросил он.

— Опять неудача! — огорчился Юра. — Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

— Завтра?

— Да, завтра после семи.

Иван задумчиво уставился куда-то на вершины пирамидальных тополей.

— Завтра, — повторил он. — Да, это слишком поздно.

— Придется все-таки ночевать в гостинице, — вздохнул Юра. — Надо будет взять номер.

— Пошли еще раз искупаемся, — предложил Иван.

Они сплавали на середину озера и поныряли с надувной лодки.

Когда они плыли назад, Иван спросил:

— Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

— Нас рекомендовал наш завод. Вязьминский завод пластконструкций. Как лучших сварщиков.

Они вышли из воды и снова растянулись на песке.

— А если ты не доберешься до Реи, — спросил Иван, — что тогда?

— Ну что вы, — сказал Юра, — я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень нехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться!

Некоторое время они молчали. Затем Иван вскочил и стал одеваться.

— Мне пора, — сказал он, натягивая клетчатую ковбойку. — До свидания, Юрий Бородин.

— До свидания, — несколько обиженно ответил Юра. — Может, еще раз искупаемся?

— Нет-нет, я тороплюсь.

Они пожали друг другу руку.

— Послушай, Юра... — начал Иван и замолчал.

— Да?

— Насчет Реи. — Иван опять замолчал, глядя в сторону. (Юра ждал.) — Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты, брат, сегодня часов этак в семь вечера в гостиницу, в триста шестой номер.

— И что?

— Что из этого получится, я не знаю. В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

— А кто это такой? — спросил Юра.

— До свидания, — сказал Иван. — Не забудь, номер триста шесть, после семи.

Он повернулся и быстро пошел по тропинке.

— Номер триста шесть, — озадаченно повторил Юра. — После семи.

Ровно в семь часов вечера Юра поднялся в холл гостиницы и подошел к администратору. Она встретила его приветливой улыбкой.

— Добрый вечер, — сказал Юра. — К начальнику мне попасть не удалось — он улетел в Москву.

— Я знаю. Мне позвонили, едва вы ушли, голубчик. Но вы можете обратиться к его помощнику, не правда ли?

— Возможно, так и придется сделать. Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

— Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

— Спасибо, — поблагодарил Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

— Войдите! — произнес за дверью низкий, хрипловатый голос.

Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолбенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, уперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий — точно такой же, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с безгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра

никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть, даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

— Что вам? — глуховато спросил Быков.

— Это триста шестой номер? — неуверенно спросил Юра.

— Да-а, — бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. — Вам кого, юноша?

Да ведь это Юрковский, вспомнил Юра. Планетолог с Венеры. Про них есть кино...

— Я... я не знаю... — проговорил он. — Понимаете, мне нужно на Рею. Сегодня один товарищ...

— Фамилия? — спросил Быков.

— Чья? — не понял Юра.

— Ваша фамилия!

— Бородин. Юрий Михайлович Бородин.

— Специальность?

— Вакуум-сварщик.

— Документы.

Впервые в своей жизни Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

— Вот, пожалуйста, — сказал Юра.

Он положил рекомендацию завода на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные старомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

— Как случилось, что вы отстали от своей группы?

— Я... Понимаете, по семейным обстоятельствам...

— Подробнее, юноша, — пророкотал Юрковский.

Он читал рекомендацию, держа ее в вытянутой руке и отхлебывая из бокала.

— У меня внезапно заболела мама, — сказал Юра. — Приступ аппендицита. Я никак не мог уехать. Брат в экспедиции. Отец на полюсе сейчас. Я не мог...

— Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в Космос? — спросил Быков.

— Да, конечно.

— Она согласилась?

— Д-да...

— Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

— Скажите, юноша, — произнес он, — а почему вас... э-э... не заменили?

Юра покраснел.

— Я очень просил, — сказал он тихо. — И все думали, что я догоню. Я опоздал всего на сутки...

Воцарилось молчание.

— У вас есть... э-э... знакомые в Мирза-Чарле? — осторожно спросил Юрковский.

— Нет. Я только сегодня приехал. Познакомился на озере с одним товарищем — Иван его зовут. И он...

— А куда вы обращались?

— К администратору гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

— Ну, это еще не страшно, — проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

— Совершенно не понимаю: зачем нам пассажир?

Быков думал.

— Честное слово, я никому не буду мешать, — убедительно сказал Юра. — И я на все готов!

— Готов даже красиво умереть... — проворчал Быков.

Юра прикусил губу. «Дрянь дело! — подумал он. — Ох, и плохо же мне. Ох, плохо...»

— Мне очень надо на Рею, — сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

— М-м? — сказал Быков и посмотрел на Юрковского.

Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола — Юра даже попятился, такой он оказался громадный и грузный — и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радиодинамика. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

— Шарль? — глухо осведомился Быков. Он прижимал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. — Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17... Да, я беру стажера... Начальник экспедиции не возражает... — Юрковский сильно поморщился, но промолчал. — Что?.. Сейчас. — Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил ему в руку. — Сейчас. Так... От коллектива Вязьминского завода пластконструкций... Боже мой, Шарль, это совершенно не твоё дело! В конце концов, это спецрейс!.. Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович. Восемнадцать лет... Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик. Стажер. Зачислен моим приказом от вчерашнего числа. Прошу тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы... Нет, не он, я сам заеду. Завтра утром. До свидания, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радиодинамик обратно в карман куртки.

— Это незаконно, Алексей, — негромко произнес Юрковский.

Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе... Стажер, можете сесть, — обратился он к Юре. Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку. — Жилин, зайдите ко мне. — Он повесил трубку. — Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит бортиженер Жилин, который сейчас придет.

— Алексей, — величественно сказал Юрковский, — наш... э-э... кадет еще не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — пробормотал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О-о! — удивился Юрковский. — Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иван в той же самой клетчатой ковбойке.

— Прибыл, Алексей Петрович, — весело сообщил он.

— Принимай своего крестника, — буркнул Быков. — Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

— Слушаю, — сказал Жилин, поднял Юру со стула и вывел его в коридор.

Юра медленно осознавал происходящее.

— Это вы — Жилин? — спросил он. — Бортиженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

— Водку пьешь?

— Нет! — испуганно ответил Юра.

— В бога веруешь?

— Нет.

— Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

В этом издании встречаются и несколько странные «эксклюзивные» изменения, которых нет ни в рукописях, ни в других изданиях. Дауге на вопрос Маши Юрковской, сколько лет Грише Быкову, отвечает не «восемнадцать», а «семнадцать». Отвечая на вопрос Пучко, сколько потребуется человек для облавы на пиявок, во всех рукописях и изданиях Ливанов говорит о четырехстах пятидесяти, а в этом издании — о пятистах. Но если эти изменения, в общем-то, не ухудшают текста, то многие другие заставляют только пожалеть об избыточном усердии редактора.

После того как Дауге сказал, что счастливее теперь он, Маша Юрковская «откровенно оглядела его и засмеялась». В данном издании «откровенно оглядела его» заменено на «оглядела его уничтожающим взглядом», что существенно меняет акценты.

«Не опоздаем?» — спрашивает Дауге у своего тезки. В этом издании, вероятно, чтобы подчеркнуть принадлежность Григория-младшего к рабочим, он спрашивает: «На фабрику к себе не опоздаешь?»

На вопрос, не дует ли ему, Дауге «повел носом». Это очень удачное выражение здесь почему-то заменено на привычное «поежился».

«Вот подлюга!» — говорит Матти во всех изданиях, кроме этого, где сказано «Скверное животное».

«Кому Володя, а кому генеральный инспектор Международного управления космических сообщений», — произносит директор системы Теплый Сырт. В рукописях и во всех других изданиях он это «с тихим отчаянием сказал». Здесь — «простонал», что не столь зрелищно.

Размышления Юры («Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно плохо, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты это дело разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то не похоже, чтобы Ивану было тошно...») заменены на: «Жилин всегда с готовностью отвечал на все его вопросы относительно технических деталей своей работы, но терпеть не мог касаться ее психологической стороны. «И кто меня за язык тянет?» — с досадой подумал Юра».

Вместо «Безобразий в космосе» (по выражению Юрковского) обнаруживаем всего лишь «нарушения режима работы в космосе», а высокопарное жилинское «Зевес» в отношении Юрковского превратилось в обыденное «Зевс».

Отрывок «Генеральный инспектор» в «Искателе» включает восьмую и девятую главы «Стажеров» — «Эйномия. Смерть-планетчики» и «Бамберга. Нищие духом». Это издание также печаталось по более ранним вариантам рукописей, чем полная книжная публикация того же года. В частности, отсутствуют принципиально важные для окончательной редакции повести слова Юрковского о «стажерах на службе у будущего».

Есть здесь и более мелкие разночтения. К примеру, одного из космогонистов в рукописи и в данном издании зовут не Пагава, а Франта, также там есть дополнение: «По-видимому, генеральные инспектора накатывали на «Эйномию» не реже трех раз в сутки: к завтраку, к обеду и ужину». А после вопроса Кости, зачем Юрковский занялся генеральной инспекцией, во всех изданиях сказано: «Юра весь сжался, ожидая, что вот-вот разразится гром», а в рукописи и здесь: «Юра кусал губы, чтобы не рассмеяться непочтительно».

В последующих изданиях «Стажеров» существенных различий текста почти нет, хотя кое-что любопытное обнаруживается и здесь. Например, в рукописи говорилось: «Утром Быков дочитал последний журнал, долго и внимательно разглядывал обложку и даже, кажется, посмотрел, сколько он стоит». Тот же вариант был повторен в полных книжных изданиях в 60-е годы. Однако цены журнала при коммунизме, где все бесплатно, быть не должно, и вряд ли можно предположить, что Быков читает капиталистический журнал. Поэтому в нескольких изданиях 80–90-х годов фраза заканчивалась словами «внимательно разглядывал обложку», а с 1997 года и по сей день используется взятая из «Мира приключений» альтернативная концовка фразы: «и даже, кажется, посмотрел, каков тираж».

Подготовлено: С. Бондаренко, В. Казаков

II. Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Дорогой читатель!

Гребнев Г. Пропавшее сокровище; Мир иной. — М.: Детгиз, 1961. — [Не подписано.]

Две повести, включенные в эту книгу, принадлежат перу талантливого писателя Григория Никитича Гребнева, ныне покойного, известного советской молодежи по научно-фантастической повести «Арктания».

Существует легенда, что четыре века назад Иван Грозный спрятал в неизвестном потайном месте библиотеку своей бабки: бесценную книжную сокровищницу, вывезенную из осажденного турками Константинополя. Крупнейшие ученые и отчаянные авантюристы пытались разыскать ее, но безуспешно. В наши дни такую попытку предпринял Международный антикварный трест. Задание разыскать исчезнувшее сокровище и выкрасть его из Советского Союза получили двое: проходимец-скоробогач Кортес и сын белоэмигранта князь Бельский. О похождениях этой достойной пары, о смелости и находчивости бригадмилца Вани Волошина и студентки Таши, о необычайных находках в новгородском музее-монастыре вы узнаете из приключенческой повести «Пропавшее сокровище».

Накануне Первой мировой войны петербургские геологи, работавшие на Дальнем Востоке, обнаружили у подножия вулкана, под мощным слоем застывшей лавы, странный маленький город, накрытый непроницаемым прозрачным колпаком. Что это? Гнездо контрабандистов новейшей формации? Аванпост неведомой цивилизации, фантастическая «Тихоокеанида»? Прошло несколько дней, и геологи поняли, что действительное положение вещей превосходит все их самые смелые предположения. О необычайной находке в горах Корякского полуострова рассказывает научно-фантастическая повесть «Мир иной».

Аркадий Стругацкий. Примечания

Уэда Акинари. Луна в тумане. — М.: Гослитиздат, 1961.

Господин Ло — Ло Гуаньчжун (1330–1400), известный китайский романист, автор исторического романа-хроники «Троецарствие». Уэда приписывал ему и роман «Речные заводи», действительным автором которого является Ши Найань.

Госпожа Мурасаки — Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI века), известная японская поэтесса и писательница, автор романа «Повесть о Гэндзи» — крупнейшего прозаического произведения классической литературы Японии т. н. Хэйанской эпохи (IX–XII вв.).

Год Земли и Крысы правления Мэйва — 1768 год по летосчислению, принятому в Японии до буржуазной революции Мэйдзи.

Чудак Сэнси — Сэнси Кидзин, один из псевдонимов Уэда.

Третий год правления Нинъан — 1168 год.

Карма — один из догматов буддизма, согласно которому судьба человека является необратимым результатом его деяний в прошлых существованиях.

Энъи — одно из монашеских имен Сайгё. Сайгё (1118–1190), в миру Сато Норикиё, известный поэт, участник феодальных междоусобиц. После поражения императора Тоба,

на стороне которого он выступал, постригся в монахи и остаток жизни провел в странствиях по Японии.

Год правления Хэйдзи — 1159 год.

Годы правления Хогэн — 1156–1158 годы.

Год правления Эйдо — 1141 год.

Чжоуская династия — династия в Древнем Китае (1027–249 гг. до н. э.). Была основана У-ваном, вождем племени чжоу, свергнувшим власть императоров династии Инь.

Конфуций — Кун-цзы (551–479 гг. до н. э.), древнекитайский философ, основатель получившего огромное распространение на Дальнем Востоке морально-этического учения (конфуцианства).

Сакья-Муни — мифический основатель буддизма, религиозного учения, существенным элементом которого является проповедь полной пассивности в отношении всех явлений жизни.

Хань — древнее название Китая.

Поднебесная — здесь: Китай.

«Мэн-цзы» («Философ Мэн») — четвертая книга конфуцианского четверокнижия. Автор Мэн Кэ (372–289 гг. до н. э.), китайский философ, последователь Конфуция. Занимался вопросами этики. Утверждал, что государь, который не заботится о благосостоянии народа, теряет права на престол и должен быть свергнут. Позднее Мэн Кэ стали называть Мэн-цзы.

Богиня Аматаэрасу — в японской мифологии богиня Солнца; считалась прародительницей японской императорской династии.

Махаяна — одно из двух направлений в буддизме.

Ямато — древнее название Японии.

Год правления Охо — 1161.

Год правления Тёкан — 1163 год.

Ри — мера длины, равная 3927 метрам.

Третий год Тисё — 1179 год (здесь автор допускает неточность: после мятежа Хэйдзи прошло не тринадцать, а одиннадцать лет).

Свершилось все согласно предсказанию без единой ошибки. — Призрак императора рассказал Сайгё о последнем этапе борьбы между Тайра, одним из сильнейших феодальных домов средневековой Японии, стоявшим у власти в XII веке, и мощным феодальным домом Минамото. К этому времени императоры уже не играли никакой политической роли и были лишь марионетками в руках фактических правителей — крупных феодалов. В 1185 году армия Тайра потерпела тяжелое поражение в морской битве в заливе Данноура, после чего власть в стране перешла к дому Минамото.

Самурай — представитель военно-феодального сословия мелких дворян в средневековой Японии.

«Биншю» — классические военные трактаты Древнего Китая (два из них: «Сун-цзы» и «У-цзы» переведены на русский язык академиком Н. И. Конрадом).

Гуми — плодородное дерево в Японии.

Кудзу — кустарниковое растение, листья которого не опадают осенью, а сворачиваются в трубку.

Правление Кётоку — 1452–1455 годы.

Сёгун — военно-феодальный диктатор в средневековой Японии, фактический полновластный правитель государства.

Второй года правления Кансё — 1461 год.

Пятая стража — по старинному времячислению — промежуток между тремя и пятью часами утра.

Проделки лисы. — Лисы и барсуки согласно японским народным поверьям считаются оборотнями и колдунами.

Сасими — японское кушанье из сырой, мелко наструганной рыбы.

Го — национальная японская игра, напоминающая шашки.

Сёдзи — раздвижные, оклеенные бумагой перегородки в японском доме.

Кобо-дайси (774–835) — буддийский монах, один из проповедников буддизма в Японии; считается создателем японской азбуки «кана».

Сутра Дхарани — одна из сутр Махаяны.

Хайку — японский стихотворный жанр, лирическое стихотворение из трех строк размером в 5–7–5 слогов.

Наоси — старинная придворная одежда высших сановников.

Эбоси — старинный головной убор, высокая шапка без полей.

Хоккё — монашеский чин.

Демон Асура — злой дух в древнеиндийской мифологии.

Кото — старинный музыкальный инструмент типа цитры.

Тё — мера длины, около 110 метров.

Дзабутон — подушка для сидения.

Цукуси — старинное название острова Кусю.

Токонома — стенная ниша с приподнятым полом в гостиной японского дома.

«...вот стежки на моей одежде, вот моя тень от солнца». — По японским народным поверьям оборотень не отбрасывает тени и не имеет швов на одежде.

«Манъёсю» — антология старинной японской поэзии, один из первых письменных памятников Японии (VIII в.).

Бог Тоцу — один из богов синтоистского пантеона.

Сяку — мера длины, равная 30 см.

Якша — в индийской мифологии сказочное чудовище.

Тоётоми — Тоётоми Хидэёси (1536–1598), полководец и государственный деятель феодальной Японии, один из первых диктаторов в японском централизованном государстве.

Нобунага — Ода Нобунага (1534–1582), феодал и полководец; рядом победоносных войн за расширение своих владений положил начало созданию в Японии централизованного государства. После его гибели от руки одного из ближайших сподвижников власть в большей части страны перешла к Тоётоми Хидэёси.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Вопрос писателям-фантастам:

После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?

Советская культура (М.). — 1961. — 15 апр.

Фантаст сейчас, как и раньше, может писать о чем угодно, он даже обязан это делать. Идей всегда будет бесконечно много. Но все эти идеи неизбежно покажутся когда-нибудь привычными и обыденными. Потому что человеку свойственно стремление знать, потому что всегда были, есть и будут люди, превращающие фантастику в реальность. И если фантаст хочет создать что-нибудь действительно полезное, он должен в меру своих сил и способностей писать прежде всего об этих людях. О настоящих людях. О таких, как Юрий Гагарин, и тех, кто силой знания и упорным трудом дали человечеству возможность совершить прыжок в космос.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий [Предисловие к главам из повести «Возвращение»]

Урал (Свердловск). — 1961. — № 6.

Хмурый, пропитанный радиоактивными туманами рассвет. Гигантские города в развалинах. Зловещие пятна остекляневшего шлака — неизгладимые следы атомных ударов. Зброшенные поля. Ржавые остовы танков и бронемашин на растрескавшемся бетоне шоссе. Одиавшие люди — несчастные потомки наших современников — ожесточенно воют между собой за уцелевшие пастбища. Они дерутся ножами и самодельными копьями. Забыта письменность, забыто искусство обрабатывать металлы, нет больше истории, само понятие гуманизма кануло в вечность. И над этими последними людьми на земле нависла страшная угроза: в подвалах мертвых городов кишат, готовые выйти на поверхность, орды чудовищных полулюдей-полукрыс, порожденных смертоносной атомной радиацией...

Так представляют себе будущее нашей планеты западные писатели-фантасты. Таким рисует мир будущего известная американская писательница Эндрю Нортон в своем романе «Рассвет, 2250 год».

Нам видится в будущем совсем иное. Не хмурый рассвет перед последней отчаянной битвой за само существование рода человеческого, а горячий сияющий полдень над цветущей планетой, где человек человеку друг, где каждый ищет и находит радость в громадном творческом труде на благо каждого, где жизнь человека является величайшей ценностью, где счастье — обычно, а горе — светло...

Борис Стругацкий. Жизнь обгоняет фантастику

Вечерний Ленинград. — 1961. — 29 июля.

Наконец-то сбылась заветная мечта человечества — побеждена грозная сила земного притяжения. Сколько писателей-фантастов мечтали об этом! И вот уже не фантастический герой, а наш, советский человек — Юрий Гагарин совершил полет в космическом корабле...

Как собираются откликнуться на этот беспримерный подвиг наши писатели научно-фантастических книг? На эту тему мы вели беседу в одной из тихих комнат вычислительной лаборатории в Пулкове с молодым ленинградским писателем-фантастом Борисом Стругацким.

...Здесь, у электронно-счетных машин, чаще всего и можно застать старшего лаборанта Б. Н. Стругацкого.

— Да, действительно, проблемы проникновения человека в космос давно интересуют меня, — рассказывает он. — Но я ими занимаюсь не только как астроном, а в свободное от работы время пишу научно-фантастические повести и рассказы. А основная работа — вот... — и Борис Натанович показывает на груды листов, испещренных цифрами и математическими знаками. Борис Натанович с увлечением рассказывает о своей специальности, о том, что астрономы не могут сейчас обойтись без огромного количества вычислений и что вскоре сюда, в лабораторию, придут новые электронные машины... Но нас сейчас больше интересует его работа как писателя-фантаста, а не астронома.

Писать Борис Стругацкий начал еще в студенческие годы, на последних курсах математико-механического факультета Ленинградского университета, который окончил в 1955 году. Вместе со старшим братом Аркадием — по специальности переводчиком-японистом — Борис в 1958 году выпустил повесть «Страна багровых

туч». Молодые писатели в очень занимательной форме рассказали об экспедиции советских звездолетчиков на Венеру. В 1959 году братья подготовили к печати вторую книгу научно-фантастических рассказов «Шесть спичек». А в прошлом году вышла в свет повесть «Путь на Амальтею». В этом произведении действуют те же герои, что и в «Стране багровых туч». Авторы очень образно показали трудные будни советских космонавтов, исследующих Марс, Юпитер.

— А какие планеты вы собираетесь «освоить» в ваших будущих книгах? — спросили мы Бориса Стругацкого.

— Аркадий и я задумали послать наших героев на все планеты Солнечной системы. Это будет третья, заключительная книга, в которой действуют те же герои, что и в «Стране багровых туч». А вообще-то нам, писателям-фантастам, приходится теперь очень осторожно обращаться с космической темой. Жизнь догоняет и опережает замыслы.

А сейчас братья Аркадий и Борис Стругацкие заканчивают работу над последними страницами нового большого научно-фантастического романа «Возвращение».

— В этой книге, — говорит Борис Стругацкий, — мы надеемся «оторваться» от нашего времени так, чтобы наши ученые не наступали нам на пятки, так как события происходят в 2060 году. В этой повести мы затронули научные проблемы звездоплавания, кибернетики, биохимии, физики, астрономии и других наук. Но основной нашей целью было показать отношения между людьми в коммунистическом обществе, их разнообразные интересы, увлечения, мечты. Главные герои посвятили свою жизнь поискам следов цивилизации на других мирах. И чем быстрее черты будущего коммунистического, которые мы стараемся отобразить в повести, будут переходить в настоящее, в жизнь, тем больше удовлетворения получим мы от работы в области фантастики.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий **От бесконечности тайн к бесконечности знаний**

Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 10.

Много десятков или сотен веков назад кто-то где-то впервые произнес слово «МОЕ». Железные законы истории двинули человечество по дороге жестокой эксплуатации, истребительных войн, великих открытий и великой борьбы угнетенных с угнетателями.

Мы живем в замечательное время. Заканчивается стотысячелетний виток спирали истории. Человечество идет к коммунизму. Коммунизм — это могучее объединение человечества, человечества богатого и свободного. Богатого знанием и свободного от забот о хлебе насущном, от гнетущей эксплуатации, не зависящего от природы и диктующего природе свои законы.

Есть люди, которые представляют себе этот коммунизм как-то странно. Человечество перестает трудиться. Изобилие создают машины. В баках для питьевой воды — лимонад. Или даже пиво. Есть все и в любых количествах. Нет только невыполнимых желаний. Человечество томно нежится на полном иждивении машин. Нечего хотеть, не о чем мечтать, не к чему стремиться.

Это не коммунизм. Это мертвящая скука. Коммунизм — это братство закаленных бойцов, знающих, жизнерадостных, честных. Да, будет изобилие. Да, будут машины — множество хитроумных машин, выполняющих всю неприятную и однообразную работу. Но не для того, чтобы человек заплыл салом от лени. Изобилие и машины нужны для того, чтобы освободить человека для выполнения высшего его назначения — для творчества.

Мы уверены: коммунизм — это не жирный рай проголодавшегося мещанина и не сонно-розовая даль поэтического бездельника, коммунизм — это последняя и вечная

битва человечества, битва за знание, битва бесконечно трудная и бесконечно увлекательная. И будущее — это не грандиозная богадельня человечества, удалившегося на пенсию, а миллионы веков разрешения последнего и вечного противоречия между бесконечностью тайн и бесконечностью знания.

Из архива

Борис Стругацкий [Предисловие к повести «Возвращение»]

Эта книга — о людях коммунистического завтра, об их жизни, об их труде, об их подвигах¹.

Многие почему-то представляют коммунизм как некий рай земной, где всего вдосталь, где нечего хотеть, где работают машины, а люди предаются блаженному безделью и поэтически порхают в поднебесье — безмятежные, беспорочные, ангельски кроткие и чистые. Нам очень не нравится такой розовый и скучный коммунизм. О таком коммунизме и мечтать не стоит. Мы представляем себе коммунизм как последнюю и вечную войну человечества, войну с Природой — суровую, жестокую, но желанную, потому что человек, освобожденный от забот о хлебе насущном, будет желать только одного — Знания, а Знание не дается без тяжелой увлекательной борьбы. И человек будущего будет замечательным бойцом — закаленным, умным, знающим, честным. Это будет не розовый кроткий ангел, чуждый нам и незнакомый. Мы глубоко убеждены, что и сейчас среди нас — строителей коммунизма — уже живут и работают люди коммунистического завтра. Перенесите их на два века вперед — и они прекрасно приживутся там, и будут, как и сейчас, жить и работать, и их будут любить и уважать наши замечательные потомки. По сути дела, для этого не так уж много надо: люби свое дело, интересуйся тем, что происходит в Большом мире, вмешивайся активно в дела человечества и будь честен с людьми, далекими и близкими. Право же, таких людей много и сейчас, а завтра — все станут такими.

Об этих людях мы пишем в нашей книге — о людях коммунистического завтра².

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Про критику научной фантастики

Швейк тщетно старался завязать разговор с ефрейтором и по-дружески объяснить ему, почему ефрейторов называют ротной язвой.

Я. Гашек

1. Преамбула

Вид художественной литературы, именуемый научной фантастикой, существует. Другое дело, что многочисленные попытки теоретически отграничить научную фантастику от других видов художественной литературы не привели к сколько-нибудь определенным результатам. Мы поэтому исходим из предположения, что нормальный человек интуитивно улавливает разницу между, скажем, «Искателями» Гранина и «Туманностью Андромеды» Ефремова и между «Аэлитой» Толстого и народной русской сказкой про Лихо Одноглазое. Итак, научная фантастика существует. Она существует для

¹ Начало чернового варианта: «Нам не раз приходилось говорить и спорить о коммунизме с самыми разнообразными людьми».

² В черновом варианте абзац был продолжен: «А что будет “послезавтра”? Об этом очень трудно фантазировать. Человек вечен, и мы сейчас даже не можем представить тех высот, которых он достигнет. Мы не претендуем на полноту картины. Мы только хотим сказать, что впереди — не безмятежный рай, впереди — миллион веков трудной и необычайно интересной жизни».

того, чтобы удовлетворять естественное стремление человека к необычному, будить воображение, утолять любознательность. Это специфическая цель научной фантастики, и это знает каждый фантаст. (Хотя до сих пор еще попадаются скучные личности, которые хотят, чтобы научная фантастика выполняла функции учебников для средней школы.)

Чтобы покончить с банальными истинами, приведем еще две.

1. Современная научная фантастика отягощена многочисленными недостатками.

2. Тем не менее она является одним из наиболее массовых, наиболее читаемых видов литературы.

Отсюда следует тривиальный вывод: научной фантастике нужна доброкачественная критика.

2. Научная фантастика, какой ее видим мы

Начнем с того, что с нашей точки зрения нет принципиальной разницы между научной фантастикой и другими видами литературы и между работой писателя-фантаста и любого другого писателя-беллетриста. Как и всякий вид литературы, научная фантастика не однородна, она содержит ряд различных идейно-тематических течений. Вот некоторые из них: судьбы величайших изобретений и открытий современной науки; создание образа человека будущего — романтического героя; создание образа обыкновенного человека будущего, — принципиально не отличающегося от героя нашего времени; создание гротескных ситуаций как следствий столкновения человека с необычными свойствами природы. Как и любой честный писатель-беллетрист, писатель-фантаст в своем творчестве прodelывает какую-то эволюцию, совершенствуется, иногда меняет взгляды. Писатель-фантаст, начиная работать над произведением, ставит перед собой определенную задачу, вытекающую из его взглядов и вкусов, и решает ее характерными для себя средствами, применяя ему одному присущие методы воздействия на читателя.

Как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике правомерны все проводимые идеи и все разрабатываемые темы (за исключением, разумеется, идей и тем, противоречащих коммунистическому мировоззрению). О критике речь еще будет впереди, но заметим, что, как и всякий писатель-беллетрист, фантаст крепко держится за свои взгляды, и если критика не способна эти взгляды изменить, то это, между прочим, может означать и слабость позиций критики. Отметим, наконец, что, как и в любом другом виде литературы, в научной фантастике есть случайные авторы и авторы-новички. Бывают и халтурщики — тоже как и в любом другом виде литературы.

Такова научная фантастика с нашей точки зрения, и возможностей для другой научной фантастики мы не видим.

3. Научная фантастика, как ее видит критика

Все изложенное в предыдущем разделе критика игнорирует. Вот как выглядит современная научная фантастика с точки зрения одной критикессы — с точки зрения, которая представляется нам довольно характерной.

«...Очень уж трудно обнаружить в ... этих произведениях ... индивидуальность пишущего, его личную особую тему. Попробуйте различить писателей-фантастов по голосам, попытайтесь найти в каждом из них своеобразие — у вас это вряд ли получится...» «...Большинство наших фантастов по большей мере озабочены только одним: они стараются писать как можно более фантастично, вовсе не заботясь о том, чтобы подняться «просто» до настоящей, хорошей литературы. Вот почему главное для них — некая гипотеза, а все остальное: характеры, конфликты, сюжет — не больше чем «упаковка»...» «Берется набор стандартных ситуаций, характеристик героев, описаний — набор, напоминающий коробку с планками, винтами и колесиками из детского

конструктора... Все это замешивается на дрожжах более или менее реальной научной гипотезы, потом выливается в многократно использованную форму «новеллы ужасов», детектива, монолога «раскаявшегося скептика» или «пламенного энтузиаста» — и рассказ готов». Как видите, от первого абзаца предыдущего раздела не осталось камня на камне.

Не менее любопытные сведения о нашей научной фантастике мы узнаем из других критических работ. Безграмотными невеждами оказываются научные фантасты, коим по сюжетным надобностям потребовалось выскочить за пределы современных научных представлений. Скучными техницистами оказываются, с другой стороны, те фантасты, сюжетные надобности коих позволили им существовать на грани возможного. Критики из среды самих научных фантастов изобретают прелюбопытные теории, суть которых сводится к тому, что лишь направление, представленное автором теории, является истинным, а остальные направления следует карать беспощадно. Вот и второй абзац предыдущего раздела разнесен в пыль.

Таким образом, общая картина борьбы критики против научной фантастики выглядит так. Берется вся научная фантастика — скажем, за последние три года. Заметьте, если мы говорим «вся» — это значит вся. Молодые и старые. Новички и маститые. Халтурщики и честные. Способные и бездари. Произведения 59-го года и произведения 61-го. Все смешивается в кучу. Из этой кучи, как изюм из батона, выбирается самое неудачное и подвергается осмеянию. При этом, как правило, происходят такие вот вещи. Например, кто-нибудь из этой кучи авторов страдает склонностью к штампам. Берут из него пример, поднимают этот пример на надлежащую сатирическую высоту и объявляют: «Вот они какие, эти нынешние фантасты!» Попробуй потом оправдайся... Но мы забежали вперед.

Такова научная фантастика, которую видит критика, и никакой другой она почему-то не видит.

4. Критика, какой ее видим мы

Интересно, что бы сказал А. Н. Толстой, если бы увидел на третьей полосе какой-либо литературной газеты такую заметку:

НЕ ТО!

Я не раз пытался представить себе образ честного интеллигента, принявшего Октябрьскую Революцию. В воображении возникали образы самоотверженных людей, проводивших дни и ночи в тифозных бараках, с воспаленными от бессонницы глазами заседающих у Луначарского, беззаветно идущих в бой за молодую Республику.

Счастливым случаем помог мне избавиться от заблуждений. Я прочитал книгу А. Н. Толстого «Восемнадцатый год». И теперь доподлинно знаю, чем занималась интеллигенция в дни Революции... Конец семнадцатого года. Необычайные трудности испытывает молодая Республика. Рабочий Рублев с гранитного цоколя памятника Александру III агитирует солдат повернуть штыки в защиту революции. И вот «здесь же у памятника остановился по малой надобности широкоплечий человек с поднятым воротником. Казалось, он не замечал ни памятника, ни оратора, ни солдат с узлами». Позже оказывается, что это интеллигент Телегин. Вот он, образ честного интеллигента по А. Толстому! Он не проводит дни и ночи в тифозных бараках. Он справляет малую надобность, не замечая ничего вокруг!

Хочется искренне поблагодарить редактора издательства, позволившего автору донести до нас живое дыхание великого прошлого.

Ж. Обмылкин, журналист

Классик советской литературы был бы наверняка удивлен таким лихим и странным толкованием образа Телегина. А вот нас, простых советских научных фантастов, этакой лейб-гусарской атакой в пешем строю — сабли наголо, на нижней губе изжеванная пахитоска, холодно и спокойно поблескивает голубоватое пенсне — не удивишь. Мы уже привыкли. Мы только слабо повизгиваем, когда нам в бок втыкают золоченую авторучку. Хочется иногда, конечно... но...

К сожалению, в советской научной фантастике не создано пока еще ни одного произведения, достойного стоять хотя бы полкой ниже «Восемнадцатого года». Вероятно, именно поэтому разбором научно-фантастических произведений никогда не занимаются генералы-от-критики. Их как-то не тянет. А может быть, они просто не знают, что есть у нас такая научная фантастика, в которой честно и профессионально работают уже несколько писателей. Редко-редко (и такие события отмечаются у фантастов иллюминацией и сатурналиями) величественно выступит с проблемной статьей критический майор или полковник. Обычно же критическим обслуживанием научной фантастики занимаются ефрейторы. Иногда унтер-офицеры. В порядке отхожего промысла. И вот берет автор научно-фантастического произведения какую-нибудь литературную (а то и экономическую) газету, распахивает ее на какой-нибудь странице, судорожно пробегает штурмовой опус Ж. Обмылкина, журналист-ефрейтора, похожий на хриплую команду: «Сдеть шинеля!», и жалобно стонет: «Ну за что же? Ну неужели он действительно не понял? Ну что за кретин!»

Представим себе, что при этой сцене присутствует сам журналист-ефрейтор. «Ты это брось, — с ленивой ухмылкой скажет он автору. — Чего еще там понимать. Все и так ясно». И наверное, ему действительно все совершенно ясно. Небрежно, не глядя, берет он очередную научно-фантастическую повесть, бегло проглядывает ее, молча спешивается, обнажает саблю и идет в атаку. Таковы рефлекс критического лейб-ефрейтора.

Несколько (а в некоторых случаях и гораздо) более сложны рефлекс унтер-офицера. Если принципы ефрейтора характеризуются просто возгласом: «Р-руби!», то принципы всякого уважающего себя унтер-офицера всегда заключаются им в следующую стандартную схему:

А. Наши ученые, одну за другой, завоевывают вершины науки.

Б. Развитие науки вызывает огромный спрос на научную фантастику.

В. И это не удивительно.

Г. В последнее время после долгого периода застоя научная фантастика наконец проснулась.

Д. Появились новые авторы (Иванов, Петров, Сидоров, А. Н. Лев-Толстой), которые очень увлекательно написали про завоевание Венеры, про завоевание недр земли и про достижения геронтологии.

Е. Но все ли у нас благополучно?

Ж. Не все. Бытуют еще некоторые недостатки. Образов нет. Людей нет. Художественного вкуса нет. Мастерства нет. Ничего нет. Скучно. Грустно.

З. Хочется пожелать нашим фантастам еще больших успехов.

Если ефрейторы унижаются все-таки до атаки на одного отдельно стоящего автора, то унтер-офицеры, как мы уже говорили, никак не способны подняться до этого. Он критикует оптом, окружая и перемалывая сразу целые подразделения авторов. Очевидно, унтер-офицеру тоже все ясно. Он явно считает, что понимать тут нечего, и потрошит научную фантастику, не замечая, где кончается один автор и начинается другой.

Кто станет спорить, что критик имеет полное право расчленивать и исследовать литературное произведение, а автор имеет не меньшее право жалобно закричать: «Увы мне, опять не поняли!» Это несомненно бесспорное положение становится спорным, когда речь заходит о научной фантастике. Вот мы считаем, что это положение следует

распространить и на научную фантастику. Мы считаем, что критику в любом случае невместно заявлять: «Чего-де там понимать? Все и так ясно».

Мы считаем, что научного фантаста тоже можно понять, а можно и не понять. Переведем это на привычный ефрейторам язык письменного приказа: «Критикам навсегда запомнить надлежит, что всякий честный писатель-фантаст — это прежде всего писатель, обремененный мыслями и идеями, и удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говаривал Моэм, и пишущий потому, что не может не писать».

Такова критика, которая у нас перед глазами, и другой критики мы не видим.

5. Критика, какой бы мы хотели ее видеть (с приложением списка некоторых запрещенных приемов)

Мы боимся, что нам опять придется говорить банальности. По нашему глубокому убеждению, критикам следует работать так (мы хотим сказать, что если бы мы были критиками, мы работали бы именно так):

1. Заинтересоваться данной книгой. (Только не говорите нам, что в нынешней фантастике нечем заинтересоваться — мы все равно не поверим: мы же интересуемся! Есть, правда, критики, которые не любят научную фантастику вообще, — о них речи нет, пусть они критикуют то, чем они интересуются.)

2. Несколько раз внимательно прочитать книгу. (Иногда это бывает трудно, но это же ваша работа! Писать тоже трудно, уверяем вас.)

3. Постараться понять замысел автора. Путеводной звездой да послужит вам мысль о том, что таковой замысел наличествует почти всегда. (Тут, главное, не закричать еще над обложкой: «Чего там, все ясно!» Остальное пойдет как по маслу.)

4. Разобраться в художественных средствах, которыми пользуется автор для проведения своего замысла. (При этом по возможности не стремитесь рассматривать каждый необычный эпизод как элемент разнузданного развлеченчества. Так, например, появление на страницах кошмарного чудища отнюдь не всегда задумывается автором-фантастом только для того, чтобы не дать заскучать читателю.)

5. Оценить замысел и художественные средства и установить, насколько они соответствуют друг другу. Это самый существенный момент. Выяснение, как соотносятся форма и со...

Знаете, это все, наверное, уж слишком банально. Вы, вероятно, нас уже поняли, товарищи критики. По сути дела, мы хотели бы только, чтобы вы были добросовестны. И еще. Есть такое понятие — запрещенный прием. На всякий случай список таких мы прилагаем.

Список запрещенных приемов

1. Лихие наскоки журналист-ефрейторского типа. Нехорошо, нечестно выдирать из произведения одну-две строчки, обставлять выдранное насмешливо-уличающей фразеологией и сбывать то, что получилось, неприхотливым редакторам. Нехорошо, например, взяв на рассмотрение известный тургеневский рассказ, тщательно выписать оттуда все, что говорит немой Герасим, язвительно заметить, что во всем могучем русском языке автор находит только одно мычание, и снести этот нехитрый опус в редакцию, озаглавив его «Ни му, ни му».

2. Обвинение научной фантастики в восьмом, девятом и прочих смертных грехах. Обычно этим занимаются критики, которые научную фантастику терпеть не могут и потому видят в ней источник

разнообразных бед. Нехорошо, нечестно фантастов, по каким-то соображениям вышедших за пределы современных научных представлений, либо обвинять в подрыве достоинства науки, либо объявлять ответственными за появление прожектеров и всяких там перпетууммобилистов. Обвинения, при всей их нелепости, звучат очень обидно, прежде всего потому, что практически каждый фантаст очень любит науку и презирает перпетууммобилистов. Современным фантастам остается утешаться мыслью о том, что в том же положении оказываются Гомер и Сирано де Бержерак, ответственные, по мнению нынешних критиков, за появление в отдаленные времена такой армии изобретателей вечного двигателя и искателей трисекции угла и квадратуры круга, что Парижская Академия наук вынуждена была отгородиться от нее специальным постановлением.

3. Унтер-офицерские шалости и передержки разных калибров. Например, передержка крупного калибра. Нехорошо, нечестно, взяв рассказ Уэллса «Яблоко» и кокетливо спутав цель с методом, объявить великого фантаста-реалиста мистиком-мракобесом на том основании, что в рассказе имеется одно яблоко с древа познания. А вот передержка калибром поменьше. Уцепиться за естественное желание какого-нибудь героя светлого будущего поспать, попить или поесть и торжествующе воскликнуть: так вот каковы, по мнению автора, заветные стремления героев-покорителей иных планет! Нехорошо, нечестно.

Если критики откажутся хотя бы от этих трех перечисленных запрещенных приемов, то даже при прочих равных условиях мы увидим почти такую критику, какой мы хотели бы ее видеть.

6. Должны ли писатели заниматься критикой критики

В идеале — не должны. Писатели вообще гораздо более миролюбивы, чем критики. Но уж очень донимают иной раз ефрейторы и унтеры — без всякой, что самое печальное, пользы для себя и для других. И вот тогда писатель, потный от злости, хватается неуклюжую критическую рапиру и начинает неумело тыкать ею в серую критическую массу.

А теперь, расставаясь с читателями, хочется пожелать нашим критикам еще больших успехов.

Тексты подготовлены: Ю. Флейшман

III. Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1961

Борис — брату, 6 января 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я находился в недоумении и до сих пор не знаю, правильно ли поступил. Исходил из следующего: 1) как сценарий написан — неважно; 2) нужно спешить вернуть его тебе. Посему переписывать заново ничего не стал, только там, где душа моя взрывывала, ставил-таки пометки. Если время на переделку есть — высылай обратно, буду переписывать, или привези с собой, когда приедешь (уверен, что ты приедешь).

Считаю долгом сделать следующие замечания:

1). Очень неудачны образы Краюхина и Юрковского. Ничего общего с тем, как я их себе представляю. Краюхин — лектор из Общества по распространению, Юрковский растерял изысканность и стал просто треплом.

2). Ужасно много объяснительных диалогов, перекрывающих друг друга. Точнее — всего два, но их следует слить в один. Скучно.

3). Крики о Party and Government¹ совершенно ни к чему. Даже сейчас об этом не кричат нигде, кроме прессы и торжественных заседаний.

4). Быкову не может быть 25 лет. Ему 30, и всем 30–35. И никто никогда не будет летать в космос, когда ему 20.

5). Мелочи: нехорошо, когда Ермакова называют «командир». Непочтительно. Ермаков со всеми д<олжен> быть на «Вы».

Кроме того, я понаписал на полях всякого.

Одним словом, в таком виде сценарий, конечно, годен к употреблению, но не совсем хорош. Будем надеяться, что в процессе съемки он станет лучше.

Жду твоих писем [подпись].

P. S. И вообще, изволь всегда писать сопроводилку с точными — по пунктам — указаниями, что делать с вещью. Вот-с!

Аркадий — брату, 10 января 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Собственно, я посылал тебе этот кусок гл<авным> обр<азом> для ознакомления. И поглядеть, какова будет твоя реакция. Она у тебя еще довольно приличная, что меня весьма удивило. Сам я, когда перечитывал, прямо в ужас пришел. Если бы я был киношником, такой сценарий прошел бы только через мой труп. Но дело в том, что мы с тобой не киношники. Им это, понимаешь ли, нравится. Я имею в виду Журавлева.

Ход рассуждений Журавлева — и его понимание задач картины — примерно таков. «Кино, как известно, самое массовое из всех видов искусства. Эрго — кино будут смотреть миллионы сто человек (считая и по телевизору), в том числе сопливые ребятишки в Канске и на Абакане, для которых в основном и ставится картина. Значит, с одной стороны — надо любыми, хотя бы и противопоказанными средствами дать понять последнему дураку, что происходит на экране. С другой стороны — нужно швырнуть кусок и искусствovedческой элите, прославленной своей безграмотностью в науке и технике — эти при малейшем недоумении завопят, что раз они, элита, не понимают, значит рядовой зритель и подавно. С третьей стороны — необходимо дать материал для

¹ Партия и правительство (англ.).

игры актеров — не мимикой только, не аллегорическими телодвижениями, но и так называемыми «ударными репликами» типа «Елки-палки», или «Пошел вон», или «Да будет вам известно, что рецессивная аллель...» и т. д. Вот из смеси этих требований и еще дюжины других, помельче, и составляется базис, на котором строятся требования, предъявляемые к сценарию». Журавлев все время мне напоминает: «Сценарий — это не литература. Книжечку человек может полистать и положить, а вот в зрительном зале он завопит: деньги назад!»

Я лично больше никогда в жизни за сценарии не берусь, а ты — как хочешь. Да будет это нам уроком. Это, кажется, единственный вид искусства, где ты не имеешь права пользоваться собственным вкусом. И самое главное — я ни одной секунды не вижу, что же будет происходить на экране.

Теперь о других делах. Немедленно вышли справку от нотариуса и справку из домоуправления о наличии детей на этот год.

Дела наши в С<оюз> С<оветских> П<исателей> отнес.

Получил рецензию на «В» от Ефремова. Очень хвалит, но не одобряет «рваный» сюжет, недоговорки в «СПП», «ЗЗН» и «Д». Не совсем понятно, что имеется в виду. Скорее, это просто мнение читателя. И еще — ему не нравится, что мы плохо изобразили любовь. В этом союзное командование совершенно право. Но очень, очень хвалит, считает выдающимся вкладом и т. д. и т. п.

В армию я уйду и в Ленинград, следственно, не буду. Но работать над «В» будем непрерывно. Учти вот что — от «В» многие ждут многого, считается, что это первое в литературе (мировой!) произведение об «уютном» коммунизме. К сожалению, опять заболел Кассель, и я не знаю, каковы будут его замечания. Да это в общем не суть особенно важно — можно работать и без них. Главное — еще две главки, о кормильцах и об управлении. Вот кончим с этим фердамте сценарием и я займусь тоже. Кстати, в связи с моим стажерством «Стажер» удалось оттянуть еще на три месяца, а там видно будет.

Работай спокойно, не очень торопись, но и не задерживайся. И надо распределить обязанности. Личная встреча совершенно необходима. Здесь мы сделаем так. Явка в военкомат у меня 14-го. Значит, примерно числа двадцатого я уже буду знать, как я буду занят. И тогда ты возьмешь отпуск на недельку и приедешь ко мне. Мы отлично устроимся, никто мешать не будет. Хорошо? Это, во всяком случае, единственный выход.

А пока пришли мне свои соображения по распределению обязанностей. «В» должно быть мировой книгой.

М<ежду> п<рочим>, из вашего Детгиза мне прислали «СПП» с жалобами на тебя и с просьбой «исправить, что найду возможным». Кретины. Переслать тебе, что ли?

Вот и все. Не забудь справки от домуправа. Выбери время и сходи к нотариусу.

Привет мамочке и Адке <Стругацкой>.

Жду письма, целую, Арк.

Борис — брату, 18 января 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Наконец-то я собрался ответить. Заездили тут меня насмерть. Близится солнечное затмение, радиоастрономы попросили срочно им кое-что посчитать. Вот только сегодня немножко ослобонился, а то пропадал днем и ночью на станции, совсем умучился. Вчера ушел спать в полтретьего ночи. Так-то.

Жаль, что ты не приедешь. Очень жаль. Но учти, что я готов лететь к тебе на крыльях любви хоть немедленно. Вызывай! Жду вызова.

Новости у меня такие: написал заново «Зл<оумышленников>». Читал Адке, она похвалила. Мне тоже нравится этот новый вариант больше, чем старый. Я плюнул на все свои привычные представления о школе и писал, ориентируясь на будущее. В детали административной структуры не вдавался отнюдь, ставил целью: дать образ Учителя —

героя того времени. Кажется, получилось. Если не рассказ, то скелет вполне приличный, а вдвоем мы его отточим. Если тебе понравится новый вариант, можно считать, что главное мы сделали. Остаются «Кормильцы» и «Член Совета» — вещи не столь необходимые, сколько... э-э... словом, не необходимые. Правда, остается еще любовь, но тут уж!.. (Развожу руками.) Подумай вот над чем: хорошо бы роман Лурье—Шейлы дать в аспекте изумления. Именно: вначале Лурье по обыкновению завязывает легкую привычную интрижку (он таков, наш Лурье), относится к Шейле как к приятной и умной женщине, но — по привычке — чуть свысока. Но Шейла-то — Учитель! И вот показать бы, как он обнаруживает, что он ничтожество, мушка по сравнению с Шейлой, и вот тогда-то переполняется любовью и привязанностью по гроб жизни.

Значит, три объекта для размышлений:

- 1). Любовь Шейла—Лурье.
- 2). «Кормильцы».
- 3). «Член Совета».

Все прочее — от лукавого.

Хорошо, что для «Стажера» ты вырвал время. Оно нам пригодится. Вообще я сейчас живу в номере и пишу почти каждый вечер. Высвободилось 3 h времени, которое раньше уходило на автобусы. Стало мне легче. Но хочется в отпуск, пописать с тобой, как встарь писали. Почему ничего не ответил мне насчет сборника молодых фантастов? Именно: что нам туда дать, if any¹.

Жду писем [подпись].

P. S. Справки о детях мама или выслала, или вышлет днями. К нотариусу никак не выберусь, будь он неладен.

Борис — брату, 27 января 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Вот что произошло:

1). В Риге создан новый журнал — «Наука и техника». Приехал оттуда сотрудник редакции, некто Поок Пауль Иоганович. Дали ему мои координаты в отделе кадров АН СССР. Звонил, просил. Я порекомендовал ему напечатать что-нибудь из уже напечатанного. Он сказал — посмотрит. В крайнем разе пошлю им «ПуРО». Как раз и наука и техника.

2). Звонили молодые писатели. Просили. Сборник они хотят печатать в Новгороде. Надо им что-то дать. Предлагаю «Благоустр<оенную> планету».

Согласие телеграфируй срочности для.

Я сижу над «Кормильцами», а равно и наслаждаюсь «Ярче тысячи солнц». Жду твоего вызова.

[подпись]

P. S. Так согласие шли побыстрее.

Борис — брату, 17 марта 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Что-то завяла наша переписка. Я тут лежу в болезнях — нога, что одесную, покрылась волдырями в области стопы. Ходить на работу не могу и очень этому рад.

Стажерство идет как-то туго. Не стажерствуется. Готовлюсь к «Седьмому небу», прочел отличную книгу «Забавная Библия» и «Рукописи Мертвого Морья». Ничего особенного не извлек, хотя читалось с интересом. Прочел интересную книжку Тьюринга

¹ Если вообще (давать) (англ.).

«Может ли машина мыслить?». Очень понравилась постановка вопроса: мыслить значит уметь отвечать на вопросы и приврать при случае. Ты достань и прочти.

Изучил «В». Какое огромное количество опечаток и пропусков! Надеюсь, ты всё тщательно просмотрел.

Напиши, как идут дела.

Что со Свердловском?

Что с «В»?

Что с названием «БП»?

Что с апрельской конференцией?

Как идет стажерство?

Пошел ли «ВНИВ»?

Почему нет в продаже сливочного масла? И пр<очее>.

Жду ответа, как соловей лета.

Как дела с ССП?

Был я тут на весьма интересном собрании о летающих тарелках. Встретимся — расскажу.

Жму руку, твой [подпись].

P. S. Ну вот! Дал письмо одному приятелю, чтобы он отправил, а он, подлец, забыл. Теперь я уже выздоровел и могу отправить сам.

Аркадий — брату, 19 марта 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб!

Получил твое письмо и чуть не повесил его в клозет. Можно подумать, что ты писал из окопов Сталинграда. Что за манера, право? Обросшая волдырями ступня не дает права на нарушение принципа [иероглифом «мыслить»].

Ну-с, отвечаю по порядку. Я сейчас, как тебе, возможно, известно, на вечерних военных сборах. Скоро им конец. Смотрел фильмы ужасные и отвратительные. Обратил внимание на то, что в первые несколько секунд после взрыва А-bomb отчетливо видна взрывная волна — этаким красивым, медузообразным расширяющимся куполом и кольцом. Тьюринга читал — но то ли потому, что читал на скучных лекциях, то ли от усталости — впечатления не получил. Сейчас читаю любопытную книжку Вильямса «Совершенный стратег» — азбука теории игр. В «В» пропуски и опечатки по мере сил исправил, но не уверен, что все. Наш редактор читал, ему (вернее, ей) очень нравится, хотя имеет «ряд замечаний», как всегда. Она — баба серьезная, к ней надобно прислушаться. В связи с этим — очень важная вещь: ни один из читавших (а читало уже человек пять) не понял, что случилось в «ЗЗН». Ergo¹ — надо объяснить. Никуда не денешься. Срочно пришли вставку в один абзац, где дается объяснение, и страницу и место, куда вставить. Срочно — потому, что ЗЗН идет в «З-С» № 5.

«В» отдал на иллюстрацию. Иллюстрировать будет Юрка Макаров — тот, что всегда иллюстрирует Казанцева и большую часть серии презервативиздата — знаешь, такие красивые книжечки с цветными обложками. Он же иллюстрировал «Черную Брамму» в альманахе. Парень славный, с очень интересной судьбой. При встрече расскажу.

В Свердловск письмо отправил, оттуда ответа нет. Да, впрочем, и не должно быть.

С названием «БП» ничего не вышло. Ругался, но безрезультатно. Никаких изменений по сравнению с тематическим планом 61-го года, где наша повесть отпечатана как «Возвращение». Лично мне плевать.

Конференция фантастов перенесена на 8 мая. Докладывать будет, по-видимому, Андреев. Тебе пришлют приглашение, заверенное правлением ССП.

¹ Следовательно (лат.).

«ВНИВ» не идет. Никто не желает брать. Некоторые рассматривают его как неудачную шутку. Послал в известинскую «Неделю», но оттуда уже две недели ни слуха ни духа.

Сливочное масло в продаже есть. И я еврей. Впрочем, не знаю.

Теперь о стажерстве. Ты зря взялся сейчас за восьмое небо. Давай все-таки делать стажера. Идея вот какая. Надо написать хорошую историю пацана-стажера (безотносительно к его профессии) в столкновении с людьми и обстоятельствами. Фантастика — только фон. Соответственно создать и новый план на фоне плана формального, который у нас уже есть. Дать образ удачливого, смелого, веселого парня. Можно или нет? Я вот-вот начну. Если хочешь, пиши «Седьмое небо», а я «Стажера». А потом — взяли! — и сделали сразу две вещи. А?

Наши дела в ССП. Ну, на бюро секции прозы нас приняли без слова. Впереди самое страшное — комиссия.

Вот и все.

Жму волдырчатую ногу,
твой Арк.

Борис — брату, 26 марта 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Высылаю вариант вставки. Ни за что не ручаюсь, ибо не понимаю, что еще нужно объяснять. Если получилось плохо... Что ж, тогда разъясни еще подробнее и приложи принципиальную схему работы великого КРИ. Черт бы побрал этих любителей инженерно-технической морали!

Теперь о стажере. Писать об умном, смелом и т. д. парне, конечно, можно. Но нужна, по-моему, более глубокая и более активизирующая идея. По-моему, надо сделать упор на переходный период. Мы написали книгу о коммунизме. Теперь мы напишем книгу о первых шагах к этому коммунизму. Мир, где война уже невозможна, где соцлагерь необычайно могуч и служит активным примером прочему миру; где уже невыгодно жить по-старому, но еще никто не умеет жить по-новому; где, собственно, нет никакой базы для волчьей морали, но мораль еще остается — по привычке, по традиции, как инстинкт. Вот в таком вот плане бы засветить. Это будет наша последняя подготовка к повести о НАШЕМ времени. Э?

А в общем-то все это слова! Писать по-настоящему мы можем только вместе. Ужо отправлю всех на дачу — приедешь, и мы недельки за две накачаем. А пока надо думать, придумывать эпизоды и записывать.

Очень меня беспокоят опечатки в «В». Кроме просто ошибок, там до черта пропущенных фраз и есть ляпы, которые мы сами не заметили. Например, в главе «Пациенты д<окто>ра Протоса» Кондратьев узнает имя-отчество Званцева каким-то совершенно мистическим путем. Проверь немедленно и исправь. Есть пропуски в речи Горбовского о лежбищах. Осталось много изменившихся ныне фамилий (Комов, Лин в «Моби Дике» и т. д.).

Жаль, что не проходит «ВНИВ». Здесь он вызвал интересные споры: понравился очень всем дамам и не понравился очень всем мужчинам. Первые считают это шагом вперед, вторые — шагом назад. Хохма!

А мне очень хочется написать рассказ! Именно рассказ. С приключениями и тайнами. Но висит доклад на философском семинаре: «Новейшие взгляды современной космологии». Голова забита тензорами и метриками. Никак не пойму, где кончаются старые взгляды и начинаются новые (не говорю уж о новейших).

Ну, пиши мне, пожалуйста,
твой [подпись].

Р. С. Получил 83 р. за «БП». Написано: «За II завод». А где за I-й? Или я уже получил? И вообще, что это значит — «За II завод».

Аркадий — брату, 29 марта 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Второй завод — это второй запуск в типографии. Сначала отпечатали первые сто тысяч и заплатили, затем отпечатали остальное и заплатили тож. За первый завод тебе должны были бросить на книжку — что-то триста с чем-то, ты проверь.

Вставку, я полагаю, принять можно. Пусть будет так, пес с ней. Что до опечаток и пропусков, то хорошо было бы, если бы ты дал постраничный список — просто номера страниц и строчек, а я уж исправлю.

Вчера подписал за тебя и себя договор на «Стажера», двенадцать листов, срок — 1 октября, будут у нас и льготные два месяца, так что времени остается восемь месяцев. Сдать можно будет первого декабря.

Я написал пролог. Читал Ленке <Воскресенской>, ей понравилось. Больше пока ничего не известно. Идею ты предлагаешь хорошую, переходный период и прочее, но вся штука в том, что нужно будет набрать ситуаций, а ситуации для пояснения такой сугубой политэкономии изобрести будет нелегко. Засим, чтобы написать за две недели, надо все-таки иметь какие-то заготовки. Так что ты как хочешь, а я буду продолжать работать. Пусть будет плохо, это мы потом исправим, в худшем случае плохое всегда поможет отыскать хорошее.

Да, рассказ очень хотелось бы написать — с тайнами и прочим. Да черт его знает... Я ведь тоже загружен ужасно. Кассель получил инвалидность, я сейчас работаю совершенно один, меня одолевают. Тьфу, даже вспоминать неохота.

Ладно. Пиши, давай.

Привет всем. Твой Арк.

Аркадий — брату, 9 апреля 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Излагаю новости и события.

1) «ЗЗН» определенно не везет. Несмотря на яростные старания Варшавского, начальство в «З-С» взять рассказ отказалось. Причина — непонятность. В общем, в конечном свете пришлось мне утешать бедного Варшавского и обещать, что когда-нибудь мы еще напишем что-нибудь понятное и принесем ему.

Почти аналогичное положение сложилось и в молодогвардейском сборнике. Там начальство тоже воспротивилось рассказу, рассыпало по полям резкие язвительные и саркастические замечания и иронично пожимало плечами. Узнав об этом, я взбеленился и потребовал, чтобы рассказ немедленно вернули. Боюсь, я даже был груб и хамовит с бедной Белой Григорьевной Ключевой, уж она-то совсем ни при чем, потому что вместе с заведующим редакции Жемайтисом изо всех сил рассказ отстаивала. Но она меня уговорила повременить. Я повременил. Что там в недрах молодогвардии происходило, я не знаю. Сборник из-за нашего рассказа задерживался уже вторую неделю. За это время из него успели удалить рассказ Днепров. Затем мне опять позвонили — Ключева совместно с Варшавским (он ведь составитель) — и стали меня уговаривать со слезами внести кое-какие пояснения. Ты знаешь, Боб, я ужасно устал, и мною овладело отчаяние, и мне было жалко их и себя, и я того, внес. Рассказ, естественно, изуродован. Между прочим, это первый вариант, который мы еще в Ленинграде писали. Я виноват, но прошу снисхождения. И теперь молодогвардейский сборник пошел в набор.

2) Приезжал на два дня редактор «Урала» Румянцев. Привез готовую рукопись. Уже, так сказать, отредактированную. Я ее стал читать и править. Скажем, справедливости ради, они совершенно ничего нигде не меняли. Попытки изменить есть только в тех местах, которые оказались трудны для перепечатки — ведь я посылал им свой черновой экземпляр. Но уж в области слов, долженствующих заменять сакраментальное «сказал», Румянцев порезвился. На нашу беду, он оказался нилинцем. Он считает, что экономии ради не надо вообще употреблять слово «сказал». Надо заменять его выражением действия. Знаешь, типа: «— Да, — поставил он на стол чайник». Или: «— А вы как думаете? — поковырял он в заднице». Я его долго уговаривал не восстанавливать то, что я исправил. Кажется, он согласился, но не знаю, не знаю. Нужно быть готовым ко всяким неожиданностям. 15-го рукопись пойдет в набор, так мне было сказано.

Таковы дела. Засим еще раз прошу снисхождения. Как со «Стажером»? Не проклевывается ли что-нибудь у тебя?

Твой Арк.

Борис — брату, 11 апреля 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо с описанием злоклучений «ЗЗН». Увы, видимо, ничего не поделаешь. Пусть будет так, как будет, провались оно пропадом. У меня новостей нет. Получил письмо от одного астронома. Он, зольдатик, написал н<аучно>-ф<антастический> рассказ и прислал мне на отзыв (он знает меня через общих знакомых). Рассказ весьма серенький, но если его ужать, то будет не хуже инж<енера> Биленкина. Я напишу парню про это, а рассказ перешлю (после переделки) тебе: может, пристроишь.

Я сейчас занят подготовкой к докладу. Тема: «Новейшие космологии». Голова гудит и пухнет. Плохо мне. Но кое-что усваиваю-таки. Единственно, что меня утешает, это мысль, что все это, м<ожет> б<ыть>, пригодится нам для наших дел.

Вообще мне плохо. Хочется, чтобы ты приехал. И чтобы писать. «Стажера». На диване. Вот уедет мама с Андрюшкой на дачу, может, приедешь, а? Я бы отпуск взял за свой счет. Выдали бы «Стажера». Со «Стажером» совсем плохо. Ничего не получа. Нужно встретиться.

Вообще-то работы у нас до черта. Если бы мы жили вместе и занимались бы только писделом, мы бы работали как проклятые день и ночь. Смотри:

- 1). «Стажер».
- 2). «Седьмое небо».
- 3). «Республика магов».
- 4). «Звездочеты».
- 5). Рассказы о пришельцах (уже сейчас есть пять штук на примете).

Тут работы на год, если работать добросовестно. Знаешь что, надо устроить такую штуку: бросить обоим работу месяцев на шесть и поселиться вместе. А все остальное пусть идет к чертовой матери. Пора становиться профессионалами. Не маленькие. Подумай об этом. М<ожет> быть, поехать жить в это ваше Останкино или как оно там. Где гиены пера живут. Писали бы каждый день, с утра, как Джек Лондон. Тысячу слов — минимум. Эх, зажили бы!

Ну, это всё мечты, а пока — доклад по философии, осточертевшие машины, опустившиеся руки и вообще.

Целую, жду писем и хороших вестей.

Твой [подпись].

Р. S. А в «Республику магов» вставим изобретателя, который придумал брюки-невидимки. Работают устойчиво, но неудобны в эксплуатации.

Борис — брату, 13 апреля 1961, Л. — М.

НАШЕГО ИМЕНИ ДАЛ ИНТЕРВЬЮ СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРУ ВЕЧЕРНИЙ
ЛЕНИНГРАД НАДЕЮСЬ ТВОЕ СНИСХОЖДЕНИЕ = БОРИС

Аркадий — брату, 16 апреля 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Получил твое письмо с ламентациями. Что ж, такова жизнь, се, так сказать, ля ви. Дроп ит.

Новостей особенных нет. Наша зануда-заведующая требует, чтобы «Возвращение» предварительно прочитали директор и гл<авный> редактор. Я сказал, что все равно никаких фундаментальных переделок я делать не буду. Все-таки она настаивает, <...>. Ну и хрен с нею. Я полагаю, обойдется. Наш редактор, Вика Мальт, самый грамотный редактор в Детгизе, считает, что можно сдавать рукопись как она есть, без правки. Она дала только несколько замечаний-предложений, которые мы вольны принять или отвергнуть.

Здорово получилось с Гагариным. Большая победа. А вот интервью ты дал зря. Я понимаю, когда пристали, как с ножом к горлу, трудно было отбиться, но все равно зря. Интересно, что ты, босяк, натворил в «Вечернем Л<енингра>де». Пришли хоть вырезку. Я здесь отбивался весьма лихо. Впрочем, нашим здесь твой кель выражанс понравился. Даже Ошанину. Очень скромно, говорят, и вполне по-деловому.

Я тоже работаю много. Никак не могу приступить к «Стажеру». Есть новая идея, но надо ее обдумать. Встретиться и написать было бы вот как неплохо. Но неизвестно, где встретиться — у вас или у нас. Скорее всего, встретимся все-таки у нас. Впрочем, там видно будет. Рад, что ты так уверен в том, что мы сможем написать быстро.

Прочитай новую н<аучно->ф<антастическую> повесть Забелина «Пояс жизни». Не без недостатков, но хорошо. Отличные идеи, большая эрудиция и люди ничего.

Вот и все. Жму руку, целую, твой Арк.

Пиши. Привет всем.

Борис — брату, 19 апреля 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое послание — то самое, в коем ты самонадеянно утверждаешь, что ля ви все еще, так сказать, се.

Я разделался наконец с докладом и сегодня же сажусь за «Стажера». Точнее, ложусь. (Отличное выражение для Горбовского: «Сегодня же залягу за эту проблему...») Будем писать вещь веселую, печальную и полную бесед и приключений. «Стажер» «Стажером», но во мне крепнет решение уйти с работы в ноябре. Хватит. Три года поломал спинной мозг, пора работать полушариями — всеми четырьмя. Тогда ты приедешь к нам, и мы напишем много веселых и интересных книг. Месяца за два.

Что касается всяких там интервью, то я совсем тут оскоромился. Чем кончилось дело с «Вечеркой», не знаю, а вот давеча поймал меня радиокорреспондент и, угрожая магнитофоном, увез в радиокомитет. Там он вырвал из меня ряд признаний относительно наших биографий и планов на будущее. При этом он нахально шантажировал меня заявлениями о том, что страстно любит наше творчество, и напоследок вырвал из меня два автографа — один для себя, другой для сына. Интервью получилось препохабнейшее, но он обещал его подчистить и урезать перед употреблением. Какого черта! Я человек мягкий и не могу отказывать, когда просят и когда это не требует времени и траты сил! И

у меня еще нет твоей закалки. Меня еще никто не интервьюировал. Опять же этот Гагарин. Весь шум из-за него, а он хоть что-нибудь бы рассказал толком.

Ну ладно. Буду писать «Стажера». Не поминай лихом. Твой [подпись].

P. S. Всем привет. Спасибо, что поздравили.

Аркадий — брату, 6 мая 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю тебе приглашение на семинар. Признаться, программой одного я разочарован. Если она и тебе не улыбается, можешь воздержаться от приезда, только тогда напиши по указанному адресу, что, мол, начальство тебя не отпускает, и что ты просишь извинения, и что наш творческий коллектив будет представлять твой брат и соавтор. А если тебя это устраивает и тебе интересно, то приезжай. Хоть потреплемся лишний раз, да и скажешь там на семинаре веское слово. В любом случае сообщи мне, что ты решил.

Что до биографических данных и прочего, это я подам сам. Ты можешь не беспокоиться. Рукописи свои, я полагаю, обсуждать мы не будем.

Я поработал над планом «Стажера», разработал схемы пролога и первой главы. В разработке привожу несколько альтернативных вариантов. Вчера ездил в «Мол<одую> гв<ардию>» — там уже получена верстка «Великого КРИ» и «Белого конуса», которые входят в нынешний сборник «Золотой лотос». Взял верстку домой, только что кончил ее читать. Ничего, читается. Сейчас поеду возвращать.

Вот и все пока. Пиши. Твой [подпись].

Пользуюсь случаем еще раз поздравить маму. Поцелуй ее за меня.

Борис — брату, 7 мая 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Спешу ответить на твое письмо. Во-первых, относительно семинара. Я поехать с удовольствием не прочь. Однако ты там выясни у себя дома, удобно ли мне впереться на три дня. Если будут хоть малейшие трения, напиши — я тогда преспокойно перебыюсь. Выясни и напиши поскорее.

Я тут сделал два захода на пролог. Оба кажутся мне неудачными, однако я не <...> и иду на третий. Меня смущает в основном то, что будут две скучные главы подряд (мои обычные унылые сомнения), и то, что пролог, по идее, получается печальным. Постараюсь как-либо избежать этого. Больше ничего не произошло, и посему вынужден письмо закончить. На редкость бессобытийное время. Правда, был на днях в ГАО ученый совет. Обсуждались планы. Выдвинуты две совершенно новые проблемы, над коими начинают работать: заатмосферные наблюдения светил и постройка астрономической обсерватории на Луне (!). Странно и чудно было слушать это в привычной затхлости конференц-зала.

Целую, всем привет, твой [подпись].

Борис — брату, 10 июля 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Посылаю тебе два письма. На письмо любителя я ответил, предоставляю тебе ответить «Бром-уралу». Напиши им, что они гады. А если это не поможет, пришли мне номер «Урала» — я тоже хочу почитать и похвастаться.

Никаких событий не происходит. Начальник мой ушел в отпуск, и я теперь стараюсь осознать, хорошо это или плохо. С одной стороны, хорошо, ибо я теперь сам себе

начальник — этакая безответственность и бесконтрольность. Но с другой стороны — я стал ВРИО и, следовательно, несу ответственность.

В общем, пиши да присылай поскорее «Урал».

Целую, [подпись].

Борис — брату, 22 июля 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Чегой-то ты помалкиваешь. Я, впрочем, тоже. Я здесь теперь начальствую, хлопот до черта и спасу нет. Пробую писать бытовой рассказ — идет туго. «Стажера» получил и перечитал не без удовольствия. Кое-что нам все-таки удалось. Интересно, какова была реакция Ошаниных? Мне ясно, что больше всего возни будет с Юрой. Очень уж он получился безликий и сопливый. Надо ему дать побольше собственных суждений и побольше резкости. Молодость резка. Очень хочется прочесть, наконец, «Полдень, XXIV». Когда пришьешь? Где справедливость?! Я очень жду. Комиксы тоже присылай — любопытно. А гады все-таки все иностранцы. Неужели трудно было прислать авторские? Ей-ей, сволочи.

Сегодня суббота и надо ехать на дачу пропадать. На обратном пути (в воскресенье) мы с Адкой оказываемся в гуще народа и изучаем быт. Давеча попался в электричку пьяный дядька с сопровождающим. Сопровождающий тоже был хорош, но еще разбирался, что к чему. Дядька начал буянить. Озверевший народ взял его за бока. Раздались вопли: «Выкинуть его, матершинника, к е... матери!» Пьяный напугался, решив, что его хотят выбрасывать на ходу. «Что — понесли?! — жалобно завопил он. — Что, понесли, да?! И-э-эх!» И стал драться. Тут ему намяли бока и, как только поезд остановился, с бешеной скоростью вышибли вон. Страшная штука — народный гнев.

Ну ладно. Надо ехать.

Пиши и присылай книжки.

Твой [подпись].

Аркадий — брату, 23 июля 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Живу в блестящем одиночестве, никого в квартире нет. Впрочем, Ленка вернется 1-го.

«Стажера» в Мол<одую> гв<ардию> сдал, пока, конечно, никаких известий нет.

В ноябре я сдаю наш «Мир приключений» — что, если нам попробовать за это время добить «Магов»? Если не более 4-х листов — вышло бы очень неплохо. Отдельно издать их будет все равно невозможно, а в альманахе они бы пошли хорошо.

Что до денег, что я у тебя брал, то пришлю тебе, как только получу из «Урала». А если у тебя терпится, то лучше привезу лично при встрече зимой. А если очень не терпится, сообщи, тогда сниму с книжки.

«Урал» у нас с тобой в единственном экз<емпляре>. Писать этим вонючкам я не буду. Пришлю тебе, когда вернется Ленка, чтобы не истрепать вконец. Впрочем, я тут заказал, возможно, достанут.

Сижу сейчас над переводом «Каппы».

Вот и все.

Передай привет и поцелуй маму и Адку.

Твой Арк.

Борис — брату, 29 июля 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Снова суббота. Снова ехать на дачу. За окном клубится туман, оседает на мою истрадававшуюся душу. Неделя прошла в печатании статьи на машинке. Сейчас статья готова: вписаны формулы, вычерчены рисунки 1, 2 и т. д., составлен список использованной литературы (2 названия), резюме и «эконолежментс». Тяжелая рука Провидения опустилась над Козыревым, и весь свет скоро узнает, что «у Сатурна заметная асимметрия отсутствует», а у Юпитера хотя и имеется заметная асимметрия, «однако она не имеет ничего общего с асимметрией, предсказываемой Н. А. Козыревым, и есть следствие асимметричного расположения полос на диске Юпитера». Теперь на очереди еще одна статья, тоже совместная (я пишу статьи только в соавторстве, как и романы), но писал ее уже не я, а соавтор. Надо доставать машинку и писать ее заново, ибо соавтор написал так, что читать тошно. На этот раз речь идет о составлении таблиц для наблюдений на призмной астролябии с помощью счетно-аналитических машин. Вот скука-то!

Твоя идея насчет «Магов» хороша, но, право же, не знаю, что из этого получится. Надо, честно-то говоря, работать над «Стажером». И много работать. Есть в «Стажере» какая-то незаконченность. Черт знает, в чем там дело, но — есть! Что-то псевдожизненное, невсамделишное. Надо переделать многие разговоры и влить туда яду (разговоры астрономов на Марсе, разговор Бэлы с инженером, разговоры Юрковского с Быковым). Какие-то у нас получились бесплотные разговоры, формальные, нехудожественные. А что касается «Магов», то, помимо всего прочего, неясно, как писать. Плана нет, ситуаций нет, ничего нет. По крайней мере, у меня ничего нет. Если у тебя есть — поделись. Вообще, надо почаще друг другу писать. Хоть раз в неделю. Я, лично, буду писать по субботам. А ты отвечай порегулярнее.

Тут меня надолго оторвали дела. А пока я их делал, аппетит писать пропал. Я буду ждать:

- 1). Соображений по «Магам».
- 2). Ленкиных замечаний по «Стажеру».
- 3). «Полдень, XXIV».
- 4). Комиксы AV-Golkonda.

Подумать только — еще и месяца не прошло, как мы расстались, а кажется, что прошел год. Эта дача меня в гроб вгонит.

Целую, жду регулярных писем, [подпись].

P. S. Слушай, а тебе гонорар за «XXIV» прислали? Лично мне — нет. Странные, однако, у них порядки! Э-э-э... удивительные!..

Аркадий — брату, 4 августа 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Отвечаю по пунктам.

1. «Стажер». В «Мол<одой> гв<ардии>» получила полное одобрение. Наш редактор уехал вчера в отпуск, по возвращении будет сдавать в набор. Нам рекомендуют (настоятельно) сделать только две поправки и уточнения, а именно: в связи с решением в инстанциях по вопросам о научной фантастике предложено в романах о будущем умертвить капитализм, особенно теперь, в связи с новой программой КПСС. Что мы можем сделать? Показать капитализм при последнем издыхании, так, остался кое-где в мире еще частнокапиталистический сектор, не имеющий никакого значения, остались кое-где страны, где еще не отменили деньги. Глава о Бамберге — дать ей другое содержание: капитализм успел так загадить людские души, что требуются усилия, чтобы очистить их.

Вербовка проводится тайно, под разными благовидными предложениями. Рекламные щиты в Мирза-Чарле придется снять, но это ничего. В общем, работа нужна небольшая и на наименее ответственных с художественной стороны участках — думаю, я справлюсь сам, тебя привлекать не буду, о вставках и заменах сообщу дополнительно.

«Стажера» здесь читали двое — наш художник Макаров и Ленка. Макаров сказал, что это гораздо лучше «Возвращения». Ленка, когда я кончил читать ей, ревела полчаса, а затем объявила, что это очень хорошо и что мы наконец-то уходим от научной фантастики. Она категорически возражает против того, чтобы что-нибудь делать с Юрой. Все наши попытки к его активизации-де приведут к ненатуральности и неправдоподобности образа. Если что-нибудь и надо сделать, то это показать, как он умнеет после каждого эпизода. А так, она говорит, хорошо: хороший наивный парнишка среди людей, намного мощнее его интеллектуально и морально. Еще она считает, что нужно хоть в нескольких словах дать психологическое ясное оправдание образу Шершня. Шершень иначе производит впечатление патологического субъекта.

Итак, Клюева возвращается из отпуска 8-го сентября, у нас в распоряжении месяц.

2. Соображения по магам. Не знаю. Это должна быть небольшая веселая вещичка. Три листа от силы. Три части. Первая написана. Вторая. Герой уверен, что теперь его маги оставят в покое. Но весь день, куда бы он ни пошел, маги преследуют его а ля секретарь Прыща. Они жалобно высовываются из стен и канализационных люков, делают ему непонятные знаки, мешают ему на свидании с девушкой и с тоскливым воем улетают, когда он начинает свирепеть. Серость и неграмотность их наводит изумление. Мага можно легко отличить от прочих людей, спросив таблицу умножения на семь. На Земле собрались маги со всех концов вселенной. Им нужен Белый тезис, утраченный в незапамятные времена — его спрятали в какое-то дерево, потом он перешел в мастерской в диван, а потом в нашего героя. Свой мир маги уже проели на нарушении принципа термодинамики, они теперь, чтобы не погибнуть, хотят как люди, но это у них не получается. Третья и последняя часть — Конгресс. Конгресс проходит ночью в пустом зале московского крематория. Ругань между младомагами и стариками. Парня насильно притаскивают на Конгресс, и тут выясняется, что Белого тезиса у него нет. Белый тезис безнадежно затерялся в огромной толще человечества. Маги уныло разъезжаются. У них только один путь: идти в ликбезы. В эпилоге — наш парень тайно руководит кружком ликбеза магов. Они являются к нему по ночам раз в неделю, и он их учит. Но маги ленивы и постепенно перестают приходить на занятия. У парня остаются прочно только два ученика: тот домовый с мохнатыми ушами и Калиостро. Калиостро мечтает стать наладчиком автоматов для продажи газированной воды.

3. «Урал» и «Голконду» высылаю.

4. Деньги с «Урала» получил — почему-то только 667 р. Выслал тебе должное. Подтверди получение.

Вот пока все. Пиши. Привет маме и Адке. Привет всем от Ленки.

Твой Арк.

Борис — брату, 5 августа 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Верный своему обещанию пишу субботнее письмо. Ну-с, деньги я получил — и от тебя, и из Бромурала. С этим порядок. Писем от тебя не вижу и паче не вижу многожданной бандероли. Квалифицирую такое явление как хроническую невнимательность к брату и соавтору.

Главным событием недели было появление некоего Арнольда Лещинера, который заявил, что близко знаком с нами по Ташле. Тогда ему было 13, и ты поверял ему свою душу (ибо «кому еще было верить?»). Я его не помнил абсолютно, что его, кажется, обидело, но не помешало просидеть весь вечер и переночевать. Парень он неплохой, но

нуден до чрезвычайности и очень любит себя и все, что с ним связано. Весь вечер он лекционным голосом излагал нам случаи из своей скучной жизни и делился опытом тренерской работы (он тренер по фехтованию). Скуку навел страшную, и я был весьма рад от него избавиться. Он вырвал у меня твои координаты, так что жди и готовь какое-нибудь неотложное дело на тот вечер, когда он позвонит. А еще лучше — настропали домашних, чтобы они говорили, что ты где-нибудь на Камчатке. Не люблю людей, которые не задают вопросов, а он именно таков.

Ходят слухи, что в «Вечернем Ленинграде» появилось наконец мое интервью, которое я давал еще в гагаринские дни. Интервью, говорят, начинается со слов: «Шумят счетные машины...», но я лично его не читал и не знаю, как там и что.

Дочитал я «Звездный билет», и очень захотелось написать какую-нибудь острую книжку о современности. Чтобы там герои спорили, почему нет положительного героя в нашей литературе, и почему не пускают за границу всех, и почему все время приукрашивают, и где свобода информации, и будет ли коммунизм и т. д. Я даже начал список составлять, о чем будут спорить герои.

Ну ладно. Пиши хоть что-нибудь.

Целую [подпись].

Борис — брату, 12 августа 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил все высланные тобою матерьялы. Просмотрел их не без удовольствия. У меня к тебе два дела.

1). Собирай и записывай все острые, животрепещущие вопросы, которые тобой или при тебе обсуждаются в жизни. Если при этом употребляются хорошие обороты или интересные рассуждения — тоже записывай. Но главное — собрать коллекцию вопросов, обсуждаемых сейчас людьми. Это нам очень понадобится.

2). Вероятно, в декабре я буду вынужден сделать последний и самый крупный взнос за квартиру. Денег на этот взнос мне, по-видимому, не хватит. Выясни, пожалуйста, не могут ли в Детгизе или в МолГв сделать исключение — выдать мне аванс за «В» или «С». Если могут, то: а). Что я должен предпринять (заявление и пр<очее>). б). Когда выдадут. с). Сколько максимум. Эти сведения постарайся раздобыть побыстрее. У меня не хватает 16 тыс<яч> (старых). Я надеюсь высосать сколько можно из редакций, а остальное (как можно меньше!) занять у тебя.

Насчет Магов надо работать. Собраться осенью и за неделю написать. Чего там возиться.

Целую, твой [подпись].

Р. С. Читал «Искатель» № 4? Там интересный романчик «Робинзоны Космоса». Дешевка, но читать интересно. И появился еще некий Борис Худенко. Ну и дерьмо же он выдал! Да еще с продолжением!

Аркадий — брату, 17 августа 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой и любезный брат мой!

Острые и животрепещущие вопросы и беседы записывать начал и продолжаю. Коллекцию вопросов соберем, будь покоен. Что касается острого денежного вопроса, то он обстоит так. Во-первых, будет нам одобрение за «Стажера» в Мол<одой> гвардии. Во-вторых, возможно, к тому времени подпишут в печать «Возвращение», тогда получим еще 40 %. В-третьих, Детгиз жаждет взять «Стажера», частично, конечно, в альманах «Мир приключений», который сдается в ноябре, что тоже, разумеется, поможет. Одним словом, вывернешься.

Со своей стороны у меня есть несколько соображений по «Стажеру», которые я хотел бы обсудить. Я, кажется, понял, чего у нас там не хватает. И в «Амальтее» тоже. У нас в наших вещах нет будущего, перспектив. У нас нет авторской уверенности: вот как это есть, а что будет — закачаешься. Наши герои смотрят под ноги, а не вперед, в будущее, в этом несчастье. Какие-нибудь интересные проблемы на будущее, интересные мысли о том, что предстоит, — это нужно обязательно. Подумай и отпиши.

«Искатель» действительно дерьмовый. Да что ты с ними поделаешь, не желают прислушиваться к голосу разума, и только. Ну, жду писем.

Целую [подпись].

Привет маме и Адке.

P. S. Немцы прислали целых шесть экз<емпляров> Atomvulkan и еще комиксов. Ужо пришлю.

Борис — брату, 21 августа 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Получил твое письмо и уже сожалею, что, обозлившись на молчание твое, не отослал кондиционного субботнего сочинения на тему «И скучно, и грустно, и дачи бежать невозможно». А ты отвечай вовремя!

Новости твои приятны для слуха и полезны по сущности. Однако сомневаюсь, чтобы именно в отсутствии перспектив был основной недостаток «Стажера». Сумнительно! А то, что герои смотрят под ноги, — это даже хорошо. Всякий живой человек в основном смотрит под ноги, а если и поднимает глаза к будущему, то взирает с таким сомненьцем. Не уверен, что нужно вводить перспективы, разве что найдется какой-нибудь очень естественный прием, позволяющий сделать это мягко и нежно. Очень меня беспокоит требование убрать капитализм. Как бы это не исковеркало всего, что сделали. Хотя в конечном счете мы о капитализме как таковом ничего не пишем, так что и уничтожать нечего. Но если ты там будешь уничтожать, то постарайся обойтись без «ура». Надеюсь, у нас еще будет достаточно времени, чтобы собраться и обсудить в нормальной обстановке требуемые изменения.

Так. Пришел из отпуска наш механик. Сидел тут полтора часа, рассказывал про рыбалку. Как он поймал сома на 11 кг. С большой живостью изложил. Как он лежал на этом соме и бил его ножом в затылок. С большим вкусом было рассказано.

Итак, о чем бишь я? Достали мне тут «Звездные дневники Йона Тихого». Почитаю сегодня. А в общем-то читать нечего. Перечитываю. И все пытаюсь написать что-нибудь бытовое. Два раза уже начинал, и оба раза ничего не вышло. Очень трудно. И труднее всего найти сюжет. Сначала я думал, что можно обойтись без сюжета, теперь вижу — нельзя. Нужен сюжет. И трудно писать одному. Писать надо вдвоем. Но наметки нужны, и поэтому буду пытаться еще.

Ну, пока больше писать не о чем. Пописывай мне в ответ. Как там дела в литературном мире? Что Андреев? Что молодые писатели? Как насчет ССП? Отпиши.

Целую, твой [подпись].

P. S. Когда ты сможешь приехать? Пора об этом думать.

Борис — брату, 28 августа 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Большое спасибо за книжки — очень они меня порадовали. Эдакий луч света в царстве тьмы тьмущей. Что-то нам последнее время не везет. Разругали в «Юности». Обманули в «З-С». Причем вот гады — совсем исключили нас из рассмотрения — ни

рассказа, ни пародии. Плохо наше дело. Мы начинаем карабкаться по торным тропам непризнанных гениев. Ну да плевать, переживем.

Последнее время мысли мои текут в два слоя. С одной стороны, вдруг снова загорелся двойными звездами, с другой — думаю о том, что писать дальше. И чем больше думаю, тем более крепнет во мне решимость НЕ уходить от НФ. Рано. Еще не все сделано. Еще не создан герой, точнее, еще не доказано, что не может быть героя. Время героев прошло, пришло время Соединенных Усилий. Написать бы книжку о хорошем человеке, ценность которого как такового — нуль, а в коллективе — бесконечность. Взять девизом слова Гарри Моргана: «Человек... один... не может... ни черта...»

Короче, мне хочется написать сборник рассказов о Л. А. Горбовском. От юности до смерти. Влюбленный Горбовский. Пьяный Горбовский. Могучий Горбовский. Бессильный Горбовский. Всё о Горбовском. Рассказов пять-шесть. Различные эпизоды из жизни Горбовского. С философией и приключениями, с рассуждениями о прошлом и будущем. Чего-то мы еще не сказали. Рано еще ставить точку. А действие хорошо перенести в неопределенное время. Чтобы было непонятно, когда происходят события — как у Лема. То ли 2000 год, то ли 2200-й. Словом, переходный период. Все это у меня очень смутно в голове, но ясно одно — хочется. Хочется побродить еще по Пространству. А тебе не хочется?

Мало ты пишешь мне. И совсем не ясно, о чем ты думаешь. Всякие маги — моча. Нужно думать о серьезном. И когда ты приедешь?

Твой [подпись].

P. S. Прочел Лема «Йон Тихий» — не очень. Да-с!

Ну вот. Получил твое письмо. Совсем плохо стало. И ССП, и еще, оказывается, «Природа». Отлягиваться смысла нет. Чего уж там.

А на юг я не поеду. Неохота тратить на это время. Буду ждать тебя здесь.

Эх, дела, дела...

Привет всем передавай.

Твой [подпись].

Аркадий — брату, 30 августа 1961, М. — Л.

Дорогой Борис.

Главное — не вешать носа. Мало ли что — вон как Аксенова мордуют за «Звездный билет», аж кулаки чешутся бить подлые педагогические ханжеские рыла. А ведь Аксенов держится и улыбается. Я нынче послал ему ободряющее письмо.

Тебе не ясно, что я думаю. А я сам не знаю, что я думаю. Во всяком случае, о нашей писанине *in the future*¹. Взялся я за очередной перевод, буду не торопясь кропать. А вот что мы с тобой писать будем — не знаю. Мне страшно надо с тобой встретиться. Не могли бы ты приехать в Москву на два-три дня? Суббота, воскреснье, понедельник. У нас никого в квартире нет. Славно бы поговорили и поспорили. И дышалось бы легче. А то я прямо не знаю, что делать дальше, и это очень угнетает меня. Решай скорее и двигай.

Целую, твой Арк.

Борис — брату, 7 сентября 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Несколько задержался из-за гриппа. Сегодня уже *all right*². Посылаю тебе «Магов». Это письмо внеочередное, очередное будет, как всегда, в субботу. Пиши и ты мне. Пиши о

¹ В будущем (*англ.*).

² Здесь: нормально (*англ.*).

чем хочешь — не обязательно о делах. Плачь в жилетку и вообще не стесняйся. Будет время — выясни все-таки насчет авансов где можно. Ну, good bye¹!

Целую, жду писем [подпись].

P. S. Да! Маме бы написал, что ли. А то она, по-моему, обижается.

P. P. S. Ляпунову «ПХХПВ» послал.

Аркадий — брату, 9 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Наверное, ты получил уже статью. Я ее прочитал, посоветовался с друзьями (Андреева еще не видел) и пришел к выводу, что надо из нее вынуть 2-ю, 3-ю и 4-ю стр. Вынул, стал читать — и что же! — статья стала лучше. Посмотри и скажи.

Второе. Пришла рецензия Андреева на «Стажера». Пересылать ее я, пожалуй, не буду, громоздко, а вот ее главные положения.

1. «Написана повесть умно и талантливо, но торопливо и фрагментарно».

2. Авторы произвольно и очень неудачно объединили эти, в общем разрозненные, рассказы фигурой Ю. Бородина.

3. Неудачно название, стажер в действии не участвует и не является глазами авторов.

4. В отличие от других трилогий, «Стажер» хорош — фигурой Юрковского, «это очень яркий герой, с очень сложным и одновременно цельным характером, и это большая удача авторов». Он всех заслоняет.

5. «Юра должен либо совсем исчезнуть, либо получить свою судьбу, свой характер и принять участие в действии».

6. «Внешний сюжет повести — облет Солнечной системы, внутренний — смерть старого представления о героизме и победа нового героизма, растворившегося в пафосе труда».

7. «Все время ждешь, что пессимизму пролога будет противопоставлен пафос новой победы гения и труда, что Быков поведет первую звездную... Однако в рукописи этого нет; нет и эстафеты поколений, которая может быть противопоставлена уходящей эпохе».

8. Предложено показать Урановую Голконду и перенести на Венеру «Нищих духом».

Вот, в общем, и все. Остальное — разговоры для тех, кто рукопись не читал.

Жду ответа. Твой [подпись].

Большой привет маме и Адке.

P. S. Начальство все настаивает отдать «Стажера» в альманах. Я отговариваюсь ожиданием Жемайтиса. Привет тебе от Толи Днепра.

Борис — брату, 11 сентября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Прости, слегка задержался с ответом. Последнее твое письмо было очень интересно. Хотелось бы все-таки прочесть рецензию Андреева полностью — мне это было бы полезно. Там есть здравые мысли. Придется, по-видимому, как-то усиливать образ Юры. Подчеркивать его перерождение. Это раз. Во-вторых, конец надо слегка изменить: добавить туда радости. Пусть, действительно, Быкова посылают в хороший рейс, чтобы он развеялся. Куда — я не придумал, но придумаю. Короче, вот над чем я буду сейчас возиться:

1). Усиливать образ Юры.

2). Усиливать образ Быкова. Надо сделать его тоже ярким, чтобы противопоставить Юрковскому.

¹ До свидания (англ.).

3). Изменить эпилог (вставить туда немного радости).

Изменения пойдут в основном в главу о Шершне (усилим там образ Юры). М<ожет> б<ыть>, стоит написать еще главку — беседу Быкова с Мих<аилом> Ант<оновичем> и Жилиным (без Юрковского). Пришли мне все-таки рецензию — это будет полезно.

Я тут сейчас занят всяким дерьмом. Плевать хочется, но надо делать дело. Машины мои у меня вот тут сидять. Скоро, правда, возвращается начальство и мне станет легче. Кстати, насчет поездки на юг. Я выяснял, сколько у меня отпуска. Говорит, осталось пять дней. Если даже дадут еще пять за свой счет, то и то мало для поездки. М<ожет> б<ыть>, все-таки ты съездишь на пару недель, а потом мы поотдыхаем дома? Сейчас мама уезжает в Крым к Наталии Петровне <Митрофановой>. Вернется через месяц — в середине октября. Вот бы и ты нагрязнул. Вы с мамой были бы отдохнувшие, а я бы взял свои десять дней и тоже отдохнул бы в спокойной рабочей обстановке. А?

Ну, пока. Целую Ленке ручки. Твой [подпись].

Р. S. Статью курочь как хочешь, но если ее примут к печати (что сомнительно — особенно без 2-й, 3, 4 страниц) — быстро мне отпиши обо всех изменениях. Тогда и думать будем.

Р. P. S. Я тут пытаюсь бросить курить. Пока добился только того, что у меня перестали стрелять сигареты, а я сам выкуриваю 5–10 шт<ук> в день. Но раньше-то было 20–30! А вообще ты гигант, если до сих пор не куришь. Я просто преклоняюсь.

Да напиши ты маме! Так тебя и не так. Хоть пару слов!

Аркадий — брату, 12 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Сидел я это, сидел над андреевской критикой и решил вот что. Надо бы действительно Венеру дать. Махонькую главку, куда и Бамбергу перевести. Задумал — сделал. Набросал черновую главку на семнадцать страничек. Идет все вместе таким образом: после последней марсианской главы «Облава» идет новая глава «Венера. На берегах Урановой Голконды». Затем идет «Венера. Нищие духом». Затем идет «Тахмасиб. Гигантская флюктуация». Затем «Эйномия. Смерть-планетчики», затем «Диона. На четвереньках» и дальше по-старому. Ну-с, это все в порядке предложения. Если ты в принципе не возражаешь, черновик тебе вышлю, а ты тогда его как следует переделаешь, утвердив те идеи, которые тебе понравятся, и выбросив те, что тебе не поличат. Писал я без ссылок на художественный вкус, блевотно писал, ты уж извини.

Это о делах. Теперь о развлечениях. Прочитал я в «Неве» интереснейшую повесть — это 6, 7, 8 №№, Глеба Алехина «Мертвый хватает живого». Интересна она помимо всего прочего (детектив) еще и тем, что наводит на размышления о возможности применения такого метода в нашей литературе. Метод в том, что движущей пружиной повести служат не внешние события, не психологические скачки, а философско-логические идеи. Прочитай и напиши свое мнение.

Как у тебя дела в рассуждении отпуска? Отпустят тебя или нет? Об этом отпиши скорее. А неплохо будет проболтаться вместе недельки две, никуда не спеша, со вкусом все обговаривая и набирая новых идей, а?

Статью нашу Андреев раскритиковал, я возражать не стал, хотя критика не показалась мне убедительной. Андреев сказал, что через недели две сам выступит в «Литературке» со статьей, да мне <в> это как-то не шибко верится. Треплы они все, эти баре из ССП. Что Андреев, что Кассель, что все остальные. Активно они начинают двигаться только тогда, когда им самим наступят на хвост. Как Казанцев — задвигался мартышкой прямо. Ну, черт с ними. Мы еще посмотрим вместе эту статью и, возможно, все же сунем ее куда-нибудь.

Вот пока все. Целую, твой Арк.

Привет маме и Адке.

Борис — брату, 14 сентября 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Я вот тоже сижу и думаю над «Стажером». То, что ты написал еще главку — хорошо. И в принципе нет у меня особенных возражений против нового плана (разве что — сомнительны петли, описываемые в этом случае «Тахмасибом»: Земля — Марс — Венера — Сатурн — ... — но это не весьма существенно). Дело, однако же, совсем не в этом. Прочитал конспект рецензии (а ты мог бы выслать и самой рецензию — я бы лично на твоём месте выслал) и пришел к следующим окончательным выводам.

1). Для того чтобы не разило пессимизмом, необходимо закончить повесть исполнением какого-нибудь заветного желания Быкова. Какого — надо придумать. Надо, чтобы это желание связано было бы с мощным скачком в развитии науки или общества. Быкова пускают в I межзвездную. Или Быкову дают разрешение принять школу межпланетников. Или принят закон о наказании за мещанство смертной казнью. Не знаю. Но что-то надо.

2). Для того чтобы повесть была полноценной, необходимо:

а). Определить отчетливо идею повести и развить ее.

б). Очеловечить героев хотя бы в рамках этой идеи.

С идеей у нас бордель. Сначала мы хотели стержнем сделать процесс взросления человека. Потом прицепили сюда мещанство и десантников. В результате отчетливость идеи совершенно исчезла. Трудно сказать — о чем написана повесть. Я думаю, нам надо хоть одну из идей взять за главный и абсолютный стержень и все происходящее нанизать на этот стержень. Я думаю, что таким стержнем должна быть борьба с мещанством. Все силы надо бросить на этот фронт. Все написанные эпизоды переориентировать на эту тему и, м<ожет> б<ыть>, написать еще что-нибудь дополнительно. Чтобы читатель, закрыв книгу, скрипнул зубами и пошел бить морду мещанину.

Т<аким> образом, наша конкретная задача № 1:

Переориентировать повесть так, чтобы во главу угла встал вопрос о мещанстве и чтобы повесть воспитывала лютую ненависть к мещанину.

Для этого, возможно, придется вводить новых героев или менять старых. М<ожет> б<ыть>, придется выбрасывать некоторые эпизоды совсем, некоторые существенно дополнять, некоторые придумывать заново. Это тяжело, но это надо.

Аркашенька, пойми меня, пожалуйста. Никогда еще мы, честно говоря, не писали от души. Мы только занимались литературной эквилибристикой. Все, что мы писали, было, по сути дела, нам довольно чуждо. И вот мы напали наконец на тему, на ТЕМУ! Здесь есть всё. Мы ненавидим мещанство во всех его проявлениях — значит, мы будем писать по-настоящему, от души. Мы сами в какой-то степени мещане — значит, мы неизбежно будем писать противоречиво и со знанием дела. Мещанство — самое страшное и тяжелое наследие и нашего времени и всех прошлых времен — значит, это проблема будущего, и очень важная проблема. Наконец, мещанство заедает нас и сейчас, хотя это и не самый страшный враг нашего времени — значит, эта борьба актуальна и сейчас. Поэтому надо сделать так, чтобы инспекторская поездка Юрковского была демаршем против мещанства в космосе, мещанства, перенесенного туда с Земли. Герои наши должны быть все воителями против мещанства — в этом их суть, их гвоздь, основа всех их поступков. И почти все они в том или ином виде несут мещанство в себе (Юрковский — пижон, Быков — ограничен, Крутиков — пассивен как боец), но растет новое поколение воителей, Жилин и Юра. Особенно Юра — дитя нового времени, когда равнодушие впору карать смертью. Когда с детства в человеке воспитывают необходимость вмешиваться во все происходящее. Пусть будет много шума, споров, ссор, недоразумений, ошибок сгоряча, даже крупных ошибок — но только не мертвое спокойное болото, где каждый делает свое дело и на все отвечает: «Там виднее. Там сидят поумнее нас». Вот где столкновение старого с новым — между людьми и внутри каждого человека. Мещанство — настолько

грандиозное общественное явление, что охватывает массу любопытнейших тем. Вопрос о правде и секретности. Вопрос истинного доверия человека человеку. Вопрос об отношении к своему делу и делам других. Вопрос о маленьком человеке. И пр<очее>, и пр<очее>.

Такая постановка сразу приводит нас к возможности расширения образов. Нам нужно только придумать ситуации, в которых каждый из героев ПО-СВОЕМУ сражается с мещанством — и образы готовы.

Образ Юрковского ясен и вряд ли требует особых дополнений.

Образ Быкова. Человек нашего с тобой склада. Чистый интеллект, причем интеллект грубоватый и прямолинейный. Воображает, что самое верное решение вопроса — самое простое. При этом наталкивается на массу противоречий. Мещанина — в морду, НО! Маленький человек — суть земли, основа всего. Мещанство состоит в ограниченности, НО! Человек должен знать свое дело, и прежде всего свое дело, и лучше все о немногом, чем немного обо всем. Быков — человек слишком простой, чтобы разобраться в сложности жизни, и потому — втиснувший себя в тиски раз и навсегда определенных и неизменяемых принципов. Человек, старающийся изо всех сил задавить в себе чувства и оставить только логику. И он сам не понимает, какую огромную роль в его жизни и поведении играет привычка. Так он привык к Крутикову, хотя штурман вылезает за рамки его принципов, и то же относится к Юрковскому. В мещанстве Быков более всего ненавидит беспринципность, точнее, чуждые ему принципы вроде корысти и эгоизма. Но, сам того не замечая, страдает искусственной ограниченностью, скованностью чувств и интересов, консервативностью. Его любят за силу, за твердость, за несгибаемость, но ограниченность его и принципиальность, доходящая до тупости, должны вызывать раздражение.

Образ Крутикова. Штурман не понимает, что такое мещанин и мещанство. Он вообще не видит угрозы. Он более, чем кто-либо другой, мещанин, просто из-за доброты своей и близорукости. Он слишком любит людей — всех людей — и жизнь во всех ее проявлениях, какие ему знакомы (а знакомо ему очень мало из-за его пассивности и неприхотливости). Он совершенно не боец и никогда не сражается, и даже когда мещанин уязвляет его, он склонен винить самого себя. Он слишком стеснителен и не уверен в себе. Классический старинный интеллигент. Со всеми прелестями и недостатками. Ненавидеть его нельзя, в худшем случае его можно не уважать.

Образ Юры. Юный борец против всего старого. Готов мести все под метелку, но по неопытности видит только то, что лежит на поверхности. Считает, что человек может быть либо мещанином, либо не мещанином. Никаких середин. Видит в человеке либо только хорошее, либо только плохое. Страстно хочет познать жизнь и познает ее по книжкам. Читает чудовищно и все, что попадется. зубрит факты, но обобщать даже не пытается. Прорезаться по-настоящему должен на Дионе. Это мы совершенно упустили. Надо, чтобы его там оставили на пару дней ради чего-нибудь очень рискованного и чтобы он поднял на Дионе революцию. Не побежал жаловаться Юрковскому, а сам что есть силы вцепился в Шершня. Поднял бы самый настоящий бунт.

Образ Жилина. Вот где должен быть герой! Он очень любит и жалеет людей. Способен понять все их порывы (что не дано более никому из героев). Очень не любит себя, считает себя дурацким мечтателем, и в этом мощное влияние Быкова. Но он выходит из-под этого влияния. Его не удовлетворяет нынешнее его положение и ему очень мучительно осознавать это, но он медленно приходит к мысли, что с Быковым ему не по дороге. Он не работяга, он мечтатель. Ему нужна такая работа, где он бы мог развернуться вовсю. Это зреющий человек коммунизма, не удовлетворяющийся всю жизнь одним и тем же и во что бы то ни стало стремящийся от добра добро искать.

Вот так я представляю себе образа. Очень схематично и неконкретно, наверное, но что я могу — один? Без тебя я как без ног на бабу скок. Мне, однако, совершенно ясно:

1. В настоящем виде «Стажер» — сопля трясухая, бесхребетная.

2. Необходимо пронзить эту соплю хребтом. Этот хребет — ненависть к мещанству. Это — основная идея вещи, и нужно сделать, чтобы это стало ясно даже и ежу.

3. Разработка идеи и образов требует выдумывания конкретных ситуаций. Ситуации, разрабатывающие ИДЕЮ, у нас есть или почти есть (можно придумать еще одну, от силы — две). Но ситуаций, раскрывающих образ, у нас почти нет. Они есть только для Юрковского. Для всех остальных героев их надо придумать, придумать во что бы то ни стало. И именно над этим нужно сейчас думать. Я считаю, что мы способны это сделать. Пусть каждый думает. Забросим все — Магов, Горбовского — все. Только ситуации. Может быть, придется перепланировать и перекроить повесть — пусть. Ради одной хорошей ситуации, раскрывающей образ Жилина, я готов выбросить к чертовой матери весь Марс с этой идиотской облавой, от которой ни тепло ни холодно основной идее и основной задаче. Может быть, придется ввести на корабль еще одного человека, чтобы ситуации могли разыгрываться на «Тахмасибе». Я готов и на это. Давай писать настоящую, злую книгу, хотя бы для этого пришлось переписать все заново.

Теперь вот что. Ты должен приехать в Ленинград. Хотя бы на неделю. Лучше всего сделать это во второй половине октября, когда вернется мама — она очень просила, чтобы ты не приезжал раньше ее возвращения. Ты устал, Аркашенька, и езжай на юг. Побездельничай там пару недель, поразмысли и попиши мне много писем о своих размышлениях. Я, как ты уже, вероятно, знаешь, сижу на голодном пайке в смысле отпуска. Сейчас ситуация особенно неудобна в связи с вероятным прибытием электронных машин и с возможным командированием меня в Минск. Через месяц-полтора все уляжется и как-то решится (либо машина будет и тогда наймут спецчеловека с ней возиться, либо ее не будет и тогда все в ажуре). Так или иначе, через полтора месяца я смогу получить свои пять дней остатка и даже, может быть, еще столько же за свой счет (если буду паинькой, а я им буду). Умело спланировав дни, можно будет выгадать недели две (с учетом ноябрьских праздников). К этому времени ты отдохнешь, наберешься идей и попросишь отпуск для поправки здоровья. И мы с тобой напишем настоящего Стажера — книгу, пронизанную любовью и ненавистью, книгу о Переходном Периоде, о человеке, поднявшемся наконец с четверенек. Вот мой план. Молю тебя — внемли! Отбрось все. Все постороннее. Мы можем и должны написать наконец НАСТОЯЩУЮ книгу.

С нетерпением жду ответа, твой [подпись].

R<ost> T<extum>. Восхищен твоим упорством! Неужели так и не закуришь?

Привет всем, а особенно Ленке.

И вышли все-таки рецензию!

Борис — брату, 18 сентября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Нужны по возможности точные и конкретные ответы на следующие вопросы:

1. Какова самая большая сумма денег, которую любыми правдами и неправдами Детгиз может мне выплатить в течение сентября-декабря сего года? Я имею в виду различные честные по существу, но не совсем законные формально выплаты в счет «Возвращения».

2. Аналогичный вопрос относительно МолГв. В счет «Стажера» при условии его немедленного одобрения и пуска в производство. (Если эти выплаты малы, то, может быть, не стоит и связываться и голову ломать.)

3. На какой срок возможно отодвигание одобрения без риска кого-нибудь обидеть или подвести? Было бы неприятно подвести кого-нибудь из МолГв своими стремлениями «очистить» рукопись.

Ответы на эти вопросы было бы желательно получить поскорее. При этом речь идет, собственно, не о существовании дела — просто я хочу быть в курсе тех неприятностей, которые ожидают прежде всего лично меня в связи с нашим решением. А решение мое таково:

плевать я хотел на все квартиры и благополучия. Отцы-деды в дерьме жили, и мы проживем. В конце концов влезу в долги — надо и это попробовать: я еще ни разу не залезал в крупные долги. Решено: пишем заново. Жду тебя в середине октября с идеями и пр<очим>.

Прочитал твой отрывок — неплохо. Есть один недостаток: сей отрывок никак не помогает раскрытию образов. А по форме совсем неплохо, и читал я с удовольствием. Ясно мне стало и то, что Венеру вставить — хорошо. Придется ее вставить. Между прочим, есть у меня еще одна мысль: не сделать ли все приключения в системе Сатурна. Чтобы не было перелетов, во время которых образы не раскрываются из-за бездействия. Тогда будут только три места действия: Земля, Венера, система Сатурна. Что касается Юры, то я предлагаю все-таки что-то с ним делать. Может быть, сделать его настоящим стажером и героем — не таким сопливым.

Перечитал написанное — ну и сумбур! И в голове у меня этакая веселая каша. Причиной тому то, что разругали нас мои друзья за «Стажера», за то, что не понять, зачем эта повесть написана. И еще — прочитал я «Дорогу на Океан». И захотелось писать так же, но интереснее. Описывать, между прочим, и передвижения гигантских масс людей и техники, а не только копаться в характерах. И вообще радует меня, что есть еще за что сражаться, что мы еще поборемся с тобой, брат мой и великий соавтор! Пришла, кажется, пора — Хемингуэя разнообразить и писать смелее, как Леонов, как Аксенов, о судьбах государств и идей. Изложить художественно нашу точку зрения на переходный период.

А пока картина такая: желания наши сталкиваются лбами с изначальным замыслом. Мешает название «Стажер», мешает выбранный сюжет — люди в стальной коробке, — мешают традиции изображать космонавтов людьми без ущербинок. А вот если уцербить Быкова! А? То-то. А Курилов — тот был не без уцербинки-с!

Мы как-то страшно раздробили сюжет. А как хорош был бы единый лозунг на всю вещь: «Все на мещанство! Караул! Юрковский—Быков, на выручку!» Сражение передовых мещан с отсталыми. Люди, мучительно перешагивающие через собственные недостатки. Было время, когда малограмотные, но сознательные боролись за поголовную грамотность. А это время — когда мещановатые сражаются с омещанившимися. Эх, несую всякое, но это от полноты души. До чего же охота написать злую и правдивую книгу.

А конкретно мне кажется следующее. Надо выкинуть к чертовой матери Марс и в виде отдельной квазиповестушки дать его в альманах. Будет милая неприятная вещица. Три рассказика — как огурчики. И увлекательно, и мимикродонов можно вставить в угоду Кириллу Константиновичу <Андрееву>.

Ну, пока прощаюсь. Жду ответа на вопросы, и выясни еще насчет заглавия — нельзя ли переменить. Целую, твой верный, повеселевший [подпись].

P. S. Привет Ленке.

Мама уехала, но пока не пишет.

Аркадий — брату, 26 сентября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Неприятные известия.

Меня забрали в армию на три месяца, буду стажироваться в одной из академий на казарменном положении с послезавтра до Нового года, с отпусками на воскресенье. Т<аким> о<бразом,> «Стажер» придется делать порознь, и притом срочно. Времени уже мало. Пиши и присылай мне свои соображения. Пиши чаще. В казармах, я думаю, найду время для работы.

Действуй.

Жму руку, твой Арк.

Борис — брату, 3 октября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Я страшно огорчен. Неужели ничего нельзя предпринять? Проклятые идиоты! Эта казарма срывает все планы. Я сейчас пытаюсь что-нибудь делать сам, пишу маленькие эпизоды, отрывки разговоров. Не знаю, что получится, и, главное, не знаю, как я это буду компоновать в одиночку.

Письмо Ключевой я отправил. Деньги от тебя получил, все в порядке. Еще один непорядок: долго не было писем от мамы, и вдруг приходит мое письмо, отправленное ей давным-давно. Письмо до мамы не дошло — нет адресата. Я не могу понять, в чем тут дело. Может быть, мама написала мне неверный адрес? Что ты знаешь об этом, нет ли у тебя писем от мамы, по какому адресу пишешь ты? Обязательно ответь.

А событий никаких нет. С восторгом прочел третью книгу Эренбурга — стонал от наслаждения! В газете «Смена» появились три письма читателей об Аксенове — одно другого гаже и подлее и глупее. Воистину «подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас!»

Как ты распутался со своими делами? Обязательно напиши.

Привет Ленке, крепко целую [подпись].

P. S. Неужели ничего нельзя сделать с этими вонючими солдафонами?

Аркадий — брату, 8 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Приехал вчера на побывку, получил твое письмо. Только без паники. В нашем случае обстоятельства сильнее нас, а посему придется нам применяться к обстоятельствам. Работай, присылай, я тоже буду работать (гл<авным> образом по твоим материалам) и посылать, глядишь, все и будет хорошо.

Относительно мамы. Я от нее тоже не имею ничего, послал ей письмо, ответа нет. Вот адрес, который она дала мне: Крым, Гурзуф <...> Митрофановой Н. П., для нее. Пиши еще раз. Я написал.

В «Ли<тературе и> Жи<зни>» за 4 окт<ября> в статье о журнале «Урал» некто Лобанов обляял «Возвращение». Опять та же история, то же недомыслие и скудоумие, то же барское пренебрежение и пр<очее>. Я как-то не реагирую. Надоело, понимаешь, реагировать. Даже какое-то удовлетворение испытываю. Если, мол, «ЛиЖи» ругает — значит, даже в уральском варианте что-то удалось.

А я, брат, снова в казармах. Прочно, до Нового года. И ничего, знаешь ли. Глупая и формалистическая военная жизнь на 3 месяца — не так страшно. Лишь бы не навсегда. Построения, направо, налево, кругом, встать, мать, трах-тах, тах... Ничего. Это не опасно, переживем. К тому же меня поставили командиром, так что я еще в привилегированном положении. Ну, а ты не дрейфь. Работай. Я буду приходить домой каждую субботу и буду надеяться, что сразу обнаружу у себя на столе конверты и бандероли от моего брата и соавтора.

Целую крепко, привет Адке,
твой Арк.

Борис — брату, 13 октября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Писать, собственно, не о чем. Пишу только потому, что знаю, что ты ждешь письма. Жизнь идет размеренно и бесплодно. Пишу обрывки разговоров, записываю отдельные мысли, приходящие в голову. Но разговоры плоски, а мысли банальны. Работа

не двигается. Большие и последние надежды возлагаю на отпуск. Приедет мама, и я возьму свои остатки — порядка недели — и просижу дома в темной родимой комнатухе с машинкой на коленях. Может быть, что-нибудь и накропаю. Вообще у меня (как и у тебя, вероятно) депрессия. Смотрю на будущее полузакрытыми глазами и тихо постанываю от невеселых предчувствий. Проклятая квартира!.. Но — тихо, тихо... Спокойно.

Читаю сейчас разнообразные писательские мемуары, прочел Эренбурга, Паустовского, буду читать Пушкина. Хочется понять, в чем же правда, как надо поступать и куда смотреть. Пока пришел к неутешительным выводам — вероятно, нужно все бросить и уйти по дорогам эдак на пару лет — смотреть жизнь. Перспектива не такая уж и унылая — но, черт возьми, оказывается, что ты прикован к так называемой реальности тысячами тонких нитей — как Куинбус Флестрин. Нити тонкие, каждую в отдельности оборвать ничего не стоит — и это особенно обидно. Одно утешение — еще не пришла старость, впереди лет эдак десять — шансы есть.

Был давеча в НИФИ на семинаре «Творчество Эрвина Бауэра и вопросы биологов к физикам». Э. Бауэр — беглый венгр 1919 года. Физик и биолог, весьма талантливый дядька, выпустивший в свое время (30-е годы) несколько любопытных книг о физической сущности жизни и начисто забытый теперь. Доклад делал один биолог, по слухам сыгравший в жизни Бауэра вполне определенную роль. Теперь он распинаяется в похвалах и требует, чтобы Бауэра вспомнили и вознесли. А Бауэр — покойник с 1942 года. Основное, что я вынес: так называемый принцип Бауэра (это докладчик предложил такую терминологию) — жизнь есть постоянное неравновесие. Живой организм — это машина, превращающая свободную энергию внешнего мира (хаос) в структурную организацию. Короче — «отрицательная энтропия», как у Ефремова. Интересно было узнать, что живое вещество излучает мощную линию в 3000 Å и линия эта исчезает после смерти. Словом, все мы возбужденные структурные поля, уныло бродящие среди терпеливо ждущего хаоса. Из хаоса пришли, в хаос же и обратимся.

Посмотрел фильм «Человек ниоткуда» — глупая комедия, но, черт побери, какая идея пропала, уэллсовская идея! Все мы, дескать, снежные люди и даже хуже.

Говорят, сильный фильм — «Мир входящему», но я не видел, а вот «Визит инспектора» по Пристли — это вещь! Умница Пристли! Хотя и несколько однообразен.

Умоляю! Пришли ты мне хоть одну ситуацию! Ты был всегда силен по части ситуаций. Не пиши ничего, только думай, а придумав, присылай.

И все-таки что мне делать с деньгами? Ты мне так и не выяснил с гонораром в Детгизе. Посоветуй же что-нибудь — осталось всего 1.5 месяца до выплаты.

Крепко жму руку, жду писем [подпись].

P. S. А всякое там «ЛиЖи, орган ССП» не читаю. И так плохо, а иммунитет я еще не выработал.

Аркадий — брату, 15 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Борис!

Получил твое отчаянное письмо. Наныл ты в нем ведра на два, меня даже зло взяло. Тоже мне, структурное поле, бродящее в г... по колено и излучающее... Возьми себя в руки. Совершенно уверен, что весь твой пессимизм вылутился из квартирного вопроса.

Что касается денег, то

1) Вышло одобрение в «Мол<одой> гв<ардии>» — значит, пришлют деньги. На всякий случай напиши по тому же адресу в бухгалтерию: «Так и так, одобрение есть, а деньги прошу перевести туда-то и туда-то».

2) Зайди в Лендетгиз, узнай, как дела там, попроси свои 100 %; они в печать подписали, ты имеешь право.

3) Скоро в «Мол<одой> гв<ардии>» выйдет очередной сборник, тоже выплата.

4) На Украине в «Наука та праця» в № 10 вышли «Свічки перед пультом». Тоже деньги.

5) Наконец, если всего этого не хватит, напиши в Детгиз аналогичное письмо (как ты писал Клюевой) на имя Виктории Сергеевны Мальт, это наш редактор. Напишешь, что надо бы 100 % выплатить, ибо нуждаюсь сильно в деньгах. Понял?

По пунктам 1–4 получишь, вероятно, ок~~оло~~ 700 руб (новыми). И Детгиз отломит ч~~то~~-л~~ибо~~. Ну и, в крайнем разе, я соскребу последнее. Вывернемся, надо думать.

Ситуаций никаких прислать не могу. Мне, брат, не до ситуаций. С 7.30 утра до 11 вечера хожу в ремнях и сапогах, не чаю до кровати добраться. Впрочем, если что придет в голову, напишу незамедлительно.

Сегодня иду встречать маму. Как это ни странно, не получила она ни одного письма от нас. И очень обижена.

Ну, все. Жму руку, целую.

Не зверей от отчаяния, не уподобляйся. И немедленно пиши.

Твой всегда Арк.

Борис — брату, 19 октября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Ничего интересного не произошло. Единственная приятная новость, которую я мог бы тебе сообщить («Свічки перед пультом»), уже тебе известна. С понедельника ухожу в отпуск, буду писать. Может быть, дней через десять пришлю тебе что-либо существенное. А может быть, и не пришлю. Скушное письмо, не так ли? Но предложить больше нечего. Пишу только, чтобы ты знал, что я жив и еще теплюсь.

С приветом, [подпись].

P. S. Если у вас сохранилась газета, где написано про Адку, — пришли, а то мы не читали даже.

Аркадий — брату, 21 октября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Ну что это ты совсем раскис? Мало ли как могут сложиться дела, так что же теперь — кровью блевать, что ли? Ну, не удастся нам встретиться до Нового года, что из того? Все сделалось слегка сложнее, только и всего. Будь ироничен и преисполнен жалости! Вперед, к победе на литфронте! Видишь, «Свічки» вышли, позавчера мне сказали, что уже продается молодогвардейский сборник с нашими «Великим КРИ» и «Алаидом», а там, глядишь, выйдет и ленинградский сборник. Так что вообще-то все хорошо, а «хвале и клевете внимайте равнодушно». Все это грязная газетная сволочь, и ни хрена их похвалы и их бл...словие не стоят.

Как все-таки со «Стажером»? Ты давай вот что: если к концу недели ничего порядочного не сделаешь, посылай все эти обрывки и эпизоды, о которых ты писал. Гони их сюда, они меня вдохновят, как всегда, и я чего-нибудь [слово густо зачеркнуто] (pardon) выложу. Гони, браток. Ведь 1 декабря совсем рядом.

Ну, крепко целую тебя, твой Арк.

А газеты с Адкой у нас, конечно, нет. Ее без нас давно того, на гвоздь.

Борис — брату, 25 октября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Снова пишу ни о чем. Три дня уже в отпуске, даже четыре. Написал несколько разговоров и отдельных фраз. Ситуации в голову не приходят, и я не знаю, откуда их

взять. Да, никогда я не думал, что так тяжело работать в одиночку. Невольно задумаешься, стоит ли уходить в отставку и на пенсию. Трудно будет без повседневной осточертевшей работы, некуда руки девать, словно стоишь нагишом в витрине.

Получил деньги откуда-то, наверное из «Знания та праця». Ходил тут от велией тоски в ленинградский писдом, хотел посмотреть как там и что. Никого не оказалось, все в отпуске, а заместительша дала адрес Геннадия Гора — он зав<едующий> секцией науч<ной> фанта<стики>. При этом она пообещала, что Гор подыщет мне занятие — «может быть, почитаете отрывки из ваших работ в качестве агитпропа...». Я завял и спасся бегством. Ну их в баню. Кстати, думаю, тебя обманули насчет закрытого временно приема в ССП. Эта тетка очень удивилась, услышав об этом, и выразила сомнение, смешанное с подозрением.

Вот и все, что стоило писать. Целую, твой [подпись].

P. S. Видел в одном магазине перспективные планы Детгиза и МолГв. Там есть и «Возвращ<ение>» и «Стажер». 115 тыс. экз. ц. 63 коп., кварталы соответственно I и III.

Аркадий — брату, 29 октября 1961, М. — Л.

Мой дорогой мальчик!

Получил твое письмо, и очень меня беспокоит твое настроение. Что это ты так уж опустил крылья... Не выходит, и плешь с ним. Я же тебе говорю: в ближайшее же время посылай свои скетчи и отдельные фразы, а там я, даст бог, что-нибудь придумаю. И книжечка пойдет. Держи хвост трубой, паря, не вешай носа! Жду эти самые разговоры, фразы и все наброски. Оных чтение облегчит мне детонацию к взрыву фантазии, надо думать. И так, жду.

Теперь мне хотелось бы изложить тебе кое-какие мыслишки по поводу, пришедшие мне во время моих армейских бдений. Буду их излагать в той последовательности, в какой они ко мне приходили. И так:

А) Стоит ли нам нашу новую повесть (о Горбовском) делать фантастической? Отлично можно было бы изложить историю человека нашего времени, применив методику «дней рождения» или иных «пунктирных» изложений, отражающую только отдельные, решающие этапы жизни главного героя и его приятелей. Тут и война, тут и разгул Берии, тут и обсерватория, и армия, и писательство, и дружба, и вражда, и прочее. Что нам хуже всего удастся в нашей фантастике, так это детали. Их вообще почти не бывает. И вот мы дадим книжку, набитую деталями. И настоящей жизнью.

Б) Стоит ли в дальнейшем вообще работать на научную фантастику? Брат наш и соавтор решительно высказался в одном письме, что стоит. Что ж, он прав. Но писать серьезно в области фантастики мне как-то сейчас кажется странно. В фантастике остается одна генеральная несработанная идея: создать хороший приключенческий веселый кровавый роман с героями. На романтической, а не реалистической платформе. Вот почему. Если мы ставим перед собой задачу высказать то, что мы думаем за жизнь, то фантастика в наше время — это средство негодное. Никто ее не принимает всерьез. Наверное, такое впечатление произвела бы счетная машина, украшенная коньковой крышей с петухами и слюдяными разноцветными окошечками. Все ожидают, что это украшение и забавная шутка, а это машина. И все говорят разочарованно: мы к настоящим машинам и сами можем сходить, вы давайте нам шутку, раз уж пообещали. И Вася-кот.

В) А что же фантастика? Думается мне, что для решения морально-этических проблем, кои нас все время волнуют, фантастика перестала быть радикальным средством. Разве что так, попутно. Вот если бы мы могли или попробовали бы взяться за такую проблему, как «Мораль и наука в будущем», или «Следствия воздействия полного бытового комфорта на формирование личности члена коммунистического общества» — то это другое дело. Но согласись, что все весьма спекулятивно и не очень практично. А в общем, отпиши свое мнение. Ну вот и конец.

Передай привет Адке.
Твой Арк.

Аркадий — матери, 29 октября 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогая мамуська!

Письмо твое получил в пятницу, а Борькино — в субботу, так что все пришло вовремя.

У нас все по-прежнему, хорошо. Я тружусь в рядах, слушаю, как спорят у нас по поводу выступлений на съезде — а выступления, согласись, весьма и весьма интересные и неожиданные. И если дальнейшая жизнь в стране нашей будет определяться положениями заключительного выступления Никиты Сергеевича <Хрущева>, то можно предположить: наступает для народа действительно удивительная и замечательная эпоха.

Я же изрядно устал, а томиться еще надобно два месяца, и раздражает бестолочь и казенщина — отвык я все-таки, вероятно. Ну, да вынесу все. А что касается не пить и не курить, то никакими особенными причинами это не вызвано. Курить бросил наполовину из азарта: смогу или не смогу. Оказалось — смог. Ну, а возобновлять не стоит. И пить бросил примерно из тех же соображений. Так что ты уж не беспокойся.

Ну вот, такие у меня дела. Мамуся, есть у меня к тебе просьба. Мои девки занимаются английским, так нужен им учебник вот какой:

Valentine Skultey
«English for Little Ones»
Book One
Учпедгиз 1961

Это первая часть, а хорошо бы еще и вторую. Если сможешь — достань и пришли, пожалуйста.

Ладно?

Ну, вот все. Крепко целую и обнимаю тебя, родная мамуська.

Твой Арк

Борис — брату, 1 ноября 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вот и кончился мой отпуск. Завтра на работу. Пиши теперь по старому адресу, на гостиницу.

Итак, что же я сделал за это время? Сделал я мало. Но кое-что сделал. В основном я исправлял разговоры. Из того, что я сделать собирался, невыполненным осталось, честно говоря, самое главное. Я пока не переделал «Четверенек» так, чтобы Юра там блеснул, и не закончил новую главу — написал только разговор в начале, в коем разговоре обнаруживается тоска Жилина по главному — по воспитанию человека. Содержанием этой новой главы я хотел сделать учебную тревогу, затеянную Быковым. Пусть там Юра тоже прорежется. Итак, с Юрой я ничего не сделал, но либо то, либо то постараюсь закончить за праздники, после чего все перешлю тебе на доделку и переделку. Как человек кристально честный не могу не признать, что из грандиозного замысла переделать книгу на большой ни хрена не вышло. И ладно, и культ с ним. Даже то, что у нас есть, меня вполне удовлетворяет. Хорошая книжка, славная.

Получил деньги из МолГв, не пойму, правда, за что — 560 руб. После праздников напишу Вике Мальт, как ты советовал — глядишь, и вывернемся. Может, еще подкинут за «Белый Лотос» или как он там.

Помнишь, я писал о попытке приобщиться к ЛенПисДому? Так вот, пришло письмо от Брандиса — приглашает на собрание секции. Будем обсуждать Г. Гора «Докучливый собеседник». Приобщаться так приобщаться. Толкну там речь.

Присвоили мне наконец звание мл<адшего> науч<ного> сотр<удника>.

Читал книжку Рюрикова «Через 100 и 1000 лет» — ничегё. Вот, между прочим, тема — расформирование гигантского завода, перешедшего полностью на автоматы и киберы. Пять тысяч инженеров и рабочих — не у дел. Вообще, повесть о Горбовском мы таки напишем. Тебя интересует формирование личности в условиях полного удовлетворения? Вот на эту тему и напишем. Так и формулируем задачу: представить себе как можно более четко, детально и полно жизнь человека середины будущего столетия. Там тебе будут и детали, и философия, и душевные травмы, и все такое. Такой кусок упускать нельзя. Это наша последняя н-ф задача. Подведем итог всему, что мы делали. А что касается кибермашины, украшенной вязью и петушками, то это порочное лжехудожественное, буржуазно-имперьялистическое измышление. Уверяю тебя, любому искушенному читателю будет чрезвычайно интересно прочесть книгу с заглавием, скажем: «Петр Хризантемович Вольтметр (2032–2069)». А там чередом и кровоподтечный н-ф-детектив и, наконец, «Звездочеты», не говоря уже о «Магах».

Да, пока не забыл! «Стажера» впредь предлагается именовать «СТАЖЕРЫ»! Я там сделал соответствующие основания в тексте.

Вот пока все. Жди от меня толстой бандероли со «СтажерАМИ» после 8.11.61. Крепко жму руку, всем привет, твой [подпись].

P. S. Не думай — не так уж я упал духом. Просто досадно, что из нашего грандиозного плана ни хрена не вышло из-за этой вонючей казармы.

Аркадий — брату, 6 ноября 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мальчик!

Очень рад, что твоя работа заканчивается. Жду с исполинским нетерпением, и чешутся руки. Рад, ужасно рад. И книга получилась, вот те крест! Я уж это предчувствую! К первому декабря сдадим с машинки в двух экземплярах в «Мол<одую> гв<ардию>» честь по чести.

Деньги, кои ты получил в «Мол<одой> гв<ардии>», видимо, по одобрению, хотя не исключено, что это и за «Лотос». Теперь так. Я забежал перед праздниками на работу, Вика показала мне твое письмо и сказала, что тотчас после праздников возьмется за дело. Так что все будет хорошо.

Упреки принимаю и со стопами и визгами отмежевываюсь от прежних точек зрения, узколого кретинизма, биологизма и пр<очего>.

Заметано: «Стажеры».

Целую, твой Арк.

Привет Адке.

Борис — брату, 8 ноября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Высылаю все, что сделано. Тебе остается:

а) Переделать «На четвереньках» — чтобы там Юра проявил себя как боец, а Жилин сформулировал бы окончательно мысль об уходе на фронт воспитательной борьбы.

б) Найти место, куда воткнуть написанную мною главу.

в) Пройтись по всему тексту, исправляя, что захочется.

Жду твоих писем, целую [подпись].

Аркадий — брату, 15 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Бобкинс!

Прости, что задержал ответ. Получил рукопись, но взяться за нее не мог, ибо замотали в казарме, да еще пришлось выезжать в поле, на холод, заниматься топографическим онанизмом.

Рукопись прочитал сходу, понравилось. Сейчас начинаю работать. Глава, коию ты написал, неплохая. Дает сразу и Жилина, и Быкова. Слегка подправил, и все будет хорошо. О ходе работы буду писать.

С дополучением денег в Детгизе ничего, к сожалению, не вышло. Оказывается, они могут давать такие ссуды только под гарантийное письмо Литфонда. А мы с тобой не являемся членами оного. Так что придется изворачиваться как-нибудь. Но я полагаю, теперь у нас капиталов хватит. У тебя есть рублей шестьсот, а то и больше, и у меня около тысячи, обернемся. Ты только напиши, когда и куда высылать.

Ну, пока все. Спешу к рукописи, к Стажерам, на крыльях этой, как ее... Мельпомены? Или Афробздиты?

Целую, твой Арк.

Чего это мама мне не пишет?

Аркадий — брату, 20 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Я немного выбился из графика переписки, буду наверстывать. Полагаю, что ответ на это письмо я уже получу не позже след<ующего> воскресенья.

Ну, дела такие. Вожусь со «Стажерами». Сейчас дошел до ответственного места и делаю передышку. Главу, которую ты написал, я слегка (на одну страницу) сократил, кое-что подправил и вставил после «Марс. Облава» и перед «Эйномия. Смерть-планетчики». Как ты полагаешь? По-моему, это своевременно. Вовремя дать образы Быкова и Жилина, чтобы читатель ими заинтересовался. Назвал я главу «Тахмасиб. Польза инструкций». Пусть будет так.

Изменений мало, больше стилистического порядка. Твои вставки приемлю. Сделал изменение в «Облаве» — то место, где Жилин пихает Юру. Юра обижается, а Жилин его ласково утешает, извиняется и просит не беспокоиться о Юрковском. Жилин сделал вид, что понял этот порыв Юры как желание защитить прыгнувшего к пиявкам Юрковского. И Юра после этого удручен и устыжен. Не знаю, как это получилось у меня, но мысль, по-моему, недурна. Столкновение с Жилиным приобретает идейный смысл и как-то характеризует Жилина, а?

Так, благословясь, добрался до «Четверенек» и остановился. Глава нуждается в коренной переделке. Все характеристики, все разговоры надо изменить. Юра — откровеннее сделать его неприязнь к фальши, которую встречает сразу же. Смелее его, драчливее и холоднее. Благослови, владыко, приступаю.

Самораскрытие Жилина, кое ты мне поручил, полагаю сделать внутренним монологом в виде отдельного раздела в «Гигантской флюктуации», после всего. Но еще не уверен. Решу окончательно, когда стану проходить по книге второй раз.

Вот и все дела. Что мама не пишет? Привет Адке.

Ужасно хочется в Ленинград.

Твой Арк.

Борис — брату, 22 ноября 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Как-то ты там поживаешь? Что поделываешь? Последнее твое письмо, точнее подтекст его, показывает, что ты сачкуешь. Я тоже сачкую не без удовольствия. В голове этак лениво ворочаются разнообразные мысли о грандиозном романе, который мы с тобой напишем в следующем году. Житие святого.

Был я в Писдоме. Приняли меня очень любезно и уважительно. Познакомился с Гором, с Мартыновым, с Дмитревским (редактором «Невы»), с Макрушиным (он интересовался, что думает Арк<адий> Нат<анович> о его повести «Первый день на Марсе» или что-то вроде того). Были там еще какие-то старые дядьки и тетки, и какие-то молодые пижоны, и какие-то чернявые с усиками, и целая плойма Рабиновичей в хороших костюмах с неряшливыми галстуками. Обсуждение было нудное — сплошные восхваления, — роман был скучный, и вообще мне там не понравилось. После собрания Гор подошел ко мне с целью пожать руку (зачем — неясно), и я ему все выложил (в вежливой форме). Он смотрел на меня огромными глазами через телескопические очки, со всем соглашался и клялся, что следующий его роман будет хорошим. Потом все ушли, и остались я, да Брандис, да Дмитревский, да еще какой-то грузин с усиками. Обнюхивали друг друга, строили гигантские планы по отделению фантастов от научпопов и вообще подружились. <...> Дмитревский мне понравился — такой хромой, злобно-веселый тип — сразу видно: пьяница, циник и матерщинник. Просил чего-нибудь в журнал, и я пожалел, что у нас ничего нет. В следующий раз иду туда 8 дек<абря>.

Володька Луконин защитил с блеском диссертацию. Я был на банкете. Володьке ребята подарили моржовый <...> — здоровенную, тяжелую дубину длиной в полтора метра и толщиной см 5–10.

В «Октябре» № 10 (или 11?) была статья Брандиса—Дмитревского о научной фанта<стике>. Есть там немного и о нас — и плохое, и хорошее.

Что-то еще происходило, но я забыл. Напишу в другой раз.

Крепко целую, твой [подпись].

P. S. Нельзя ли там раздобыть «Белый лотос»?

Аркадий — брату, 26 ноября 1961, М. — Л.

Здравствуй, дорогой мой дружище!

Дела идут ничего. Казарма осточертела до кадыка. Да ладно, хрен с ней. Вот какие новости:

а. «Золотой лотос» авторские я взял. Если хочешь — пришло, а то и привезу.

б. Дней через десять пришлют договор на «Стажера» в сокращенном виде в альманах «Мир приключений» (детгизовский). В альманах я дал главы: Мирза-Чарле, Марс, Флюктуация, Кольцо-1 и пролог с эпилогом. Героем там, естественно, получается отчетливо Юрковский, и повесть названа «Генеральный инспектор». Изменений, которые мы даем в молодогвардейское издание, делать там не буду (помимо стилистических).

в. «Мол<одая> гвардия» требует заявку на повесть в план 1963 года. Не отказываюсь. Даю от нашего с тобой имени заявку на утопическую повесть «Родился в 2017-м» (название условное), рассказывающую об эпизодах обычной для современников, но необычной для нас жизни молодого человека середины 21 века. Это та самая повесть, которую мы замыслили. Объем положил 10 авт<орских> листов. Ладно ли?

г. В Румынии вышла «СБТ». Скоро, думаю, получим.

д. Послал в ГДР письмо (от них пришло поздравление к празднику, больше хамить было нельзя) с благодарностью за перевод.

е. В новом выпуске альманаха «На суше и на море» есть статья французского ядерника о советской фантастике. Очень нас хвалит.

ж. Прочитал в «Октябре» Брандиса и Ко. Дрек. Надоели уже эти общие соображения.

з. Сижу над «На четвереньках». Идея коренной ломки не получилась. Делаю малые исправления. Да оно и так не плохо.

Что бы тебе еще сообщить? Да!

и. Прочитал н-ф повесть японца Масао Сэгава «61 Лебедя». Отличная приключенческая гуманистическая светлая штука! Сразу захотелось написать ч<то>-л<ибо> в том же роде. Чтобы были джунгли Пандоры, исчезновения, случайности, пальба, аварии и прочее, и без особой психологии.

Вот и все. Крепко целую, твой Арк.

Поцелуй Адку.

Да сообщи, когда нужны деньги.

Аркадий — брату, 28 ноября 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Посылаю варианты «Четверенок» и начало «Кольца-1».

Исправь и по исправлении живо верни. Не держи ни единого лишнего дня.

Целую, Арк.

Борис — брату, 29 ноября 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

С удовольствием прочел твое письмо. Новости действительно хорошие. Отвечаю по твоим же пунктам.

а). «Золотой лотос» высылай немедленно. Достаточно 1 экз<емпляра>.

б). Договор на «Стажера», они же «Стажеры», он же «Ген<еральный> инспектор» — это хорошо. И подборка хороша. А не выдадут ли они под договор кое-чего бумажного? С водяными знаками? Было бы желательно, да поскорее!

в). «Родился в 2017» — пошлó. Успеем ли только написать по-настоящему? Я ведь мыслил душу вложить в эту книжку. А на это нужно время. Ладно, приедешь — обсудим. Ты приезжай, кстати, ненадолго — дней на пять. Чтобы мне не тратить отпуск (беречь его для «2017»). Просто — ты полежишь на диване у мамы под крылышком, а вечером будем обсуждать перспективы.

Кстати, о «МолГв». Принято ли название «СтажерЫ»? Убедительно прошу настаивать изо всех сил, а то будет ляп — стажер-то наш Юра так и не получился.

г). Получишь из Румынии «СБТ» — высылай немедленно.

Ты, между прочим, пишешь маме, что нас печатают еще и в США, Англии и Франции. Это как понимать? Откуда у тебя такие сведения? И что именно печатают?

д). Если бы ты также прислал «На суше и на море» со статьей фр<анцузского> ядерника — было бы уютно и славно.

е). Про джунгли Пандоры мы еще напишем. Мы еще такой кровосмесительный детективус выдадим — закачаются! Но сначала надо все-таки доказать, что мы и людей можем, и образá, и социологию. И потом — уж очень меня эта идея увлекает — биография будущего человека. Редкостные возможности открывает она! Эх-ма! Только бы фантазии хватило! Ты вот что — ты, брат, перед сном кажинный раз представляй себе этого человека. Какой он с виду? Кто его родители? Как он потерял невинность? И с кем? Любит ли он музыку? Какую? Любит ли мыться, чистить зубы, ходить на лыжах, читать

мемуары, рассказывать анекдоты, участвовать в общественной работе? Почему он стал тем, кем он стал, и не стал тем, кем не стал? И прочее».

ё) Теперь самый больной вопрос. Квартира. Есть шансы, что будет от государства полегчение — ссуда. Это хорошо, но: 1). Может ее и не быть. 2). Если она и будет, то не сразу — а в феврале-марте, так что вносить деньги в начале декабря все равно необходимо. В настоящий момент мне не хватает ровно 676 руб. Сделаем так: вышли мне, скажем, 376, а лучше — 476 руб. Остальное даст мама. У посторонних я занимать не хочу — разве что припрет. Если у тебя нет этой суммы — не беда. Присылай, сколько можешь, а остальное я доберу по мелочам, у ребят. Долг сей, думаю, ненадолго. Во всяком случае в первом полугодии 62-го — отдам всё. Если будет ссуда (и деньги вернут) — то даже раньше — в первом квартале. Вот и все с этими погаными деньгами. А «МолГв» молодцы — не в пример Детгизу — дали и за «Стажера» (600 с лишним) и за «Лотос» (200 с лишним). Здорово помогли! Да! Еще не все насчет денег! Я тебе должен еще какую-то сумму за «Амальтею» — так сказала мама. Это что же значит — платить за «Амальтею» дополнительно они не собираются? Вот гады! Ну ничего — и этот долг я отдам! Со временем, впрочем. Сразу после ссуды.

А новостей особых нет. Читаю «Литгазету», «Инлитературу», «Новый мир» и Фейхтвангера. Лениюсь изо всех сил. Следующий год будет трудный! Нужно согласно традиций написать две повести.

А пока целую, твой [подпись].

Р. S. Между прочим, кто это сунул в «Тех<нику> — мол<одежи>» предисловие к «Возвращению»? Ну и срам же!

Аркадий — брату, 2 декабря 1961, М. — Л.

Здравствуй, Боб.

Итак:

1. «Золотой лотос» выслал.
2. Аванс под «Генерального инспектора» мы получим.
3. Насчет отпуска надлежит уточнить. Я, признаться, просто хотел взять отпуск в феврале и приехать. А ты как считаешь?
4. Насчет Стругацких в странах дикого Запада — это я узнал из той же статьи француза, а также звонил Лева Петров, приехавший из Канады. Но своими глазами я эти журналы не видел.
5. «На суше и на море» прислать не могу, понеже сам не имею.
6. Просил сообщить, получил ли ты 600 рьяб, посланных тебе. Почему не сообщаем, скотина?
7. За «Амальтею» они не платят и платить в ближайшее время не будут, будь покоен. И ты мне действительно должен за «Амальтею» 852 рьяба новыми деньгами, на какую сумму есть оправдат<ельный> документ из Гострудсберкасс, откуда я деньги переводил назад в «Мол<одую> гв<ардию>». Но это пока не имеет значения. Когда (и если) будем строить квартиру — тогда другое дело.

Ну, все.

Целую, [подпись].

Р. S. А предисловие в «Тех<нику>-мол<одежи>» сунул я, понеже от него в Детгизе решительно отказались.

Борис — брату, 5 декабря 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Сделал с наивозможной поспешностью. Как видишь, переделок мало, я только свел на нет речь Юрковского, она мне не понравилась — не люблю речей. Пусть будет покороче, но с чувством.

Деньги от тебя пришли, большое спасибо, но зачем так много? Ну ладно, это, я думаю, ненадолго, особенно если пришлют кое-чего за «Мир приключений». За «Зол<отой> лотос» спасибо. На редкость убогий сборник. Там достойны внимания только «Баллада» и «Белый конус», остальное все — дрянь.

Подробное письмо еще напишу, а пока — гуд байчик.

Крепко целую,
твой верный [подпись].

P. S. Прислал бы уж и «На суше и на море»!

P. P. S. Кстати, напиши номер и адрес твоей сберкнижки. Я буду переводить долги.

Вообще, дареному коню в зубы не смотрят, но никак не могу понять — зачем ты перевел деньги на К. Маркса? Теперь мне будет очень сложно выцарапать их оттуда. А ведь адрес гостиницы нисколько не хуже!

Аркадий — брату, 8 декабря 1961, М. — Л.

Дорогой Борик!

Вот посылаю тебе — выжал из себя с превеликим трудом, просто не знал, что и делать. Это долженствует идти в конец главы о «Гигантской флюктуации», заканчивать ее. Посмотри, почитай, может, ты что-нибудь придумаешь, а может, и забракуешь вовсе.

Здесь я бил на три линии:

1. Восполнить пробел между первой беседой Юры с Жилиным (перед учебной тревогой) и новым концом эпилога.

2. Дать намек на новую «мораль подвига».

3. Дать еще одно звено в цепочку развития Юры: его понимание Жилина — к его слезам в конце книги.

Ну вот все. Правку от тебя получил, всё принял.

Целую, твой Арк.

P. S. Возможно, стоит здесь резче подчеркнуть, что Г<игантская> Ф<люктуация> была протестом Жилина против трезвой уверенности Быкова в защиту Случая.

Борис — брату, 14 декабря 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Пишу тебе пока коротенькое письмо. Особых новостей нет, но звонили из ЛенДетгиза и просили дать координаты и справку о детях. Посему СРОЧНО напиши письмо по адресу:

Ленинград, наб<ережная> Кутузова, 6, Детгиз, Бухгалтерия,

к письму приложи справку о детях и адрес, куда деньги пересылать. Напиши также мне адрес твоей сберкнижки.

Занимаюсь чепухой. Изучаю английский и автомобиль. Иду сегодня проваливать экзамен на шоферские права.

Если приедешь в феврале, будет смачно, но надо все-таки работать, а потому нужно приезжать с идеями.

Целую, жму руку [подпись].

P. S. Привет Ленке и отпиши все новости. Что слышно из «Юности»?

Аркадий — брату, 17 декабря 1961, М. — Л.

Дорогой Боб.

Все идет хорошо. «Возвращение» в наборе, скоро будет верстка.

Договор на детгизовский вариант «Стажеров» скоро будет готов.

Я сейчас усиленно работаю над этим самым детгизовским вариантом. Приходится многое вынимать — ссылки на Бамбергу, на международные обстоятельства и т. д. Просят сменить название — действительно, «Ген<еральный> инспектор» здесь не то. А я назвал: «Должен жить». Вот это, по-моему, то. Напиши мнение.

Скорее высылай окончание «ГФ», я должен был сдать «Стажеров» еще позавчера. Притворяюсь, что меня никогда нет дома. Давай-давай! Плюнь и на английский, и на автомобиль. Давай!

Из «Юности» ни сл<уху> ни д<уху>. Плевать я на них...

Адрес моей сберкнижки тебе ни к чему.

Справку послал.

Раздобудь мне два экз<емпляра> ленинградского сборника.

Целую, твой Арк.

Привет маме и Адке.

Борис — брату, 18 декабря 1961, Л. — М.

Дорогой Аркашенька!

Вот, пересылаю свой вариант. Я тут изо всех сил тужился сделать разговор поестественней, не знаю, что получилось. Во всяком случае, весь этот отрывок в том или ином виде нужен, и ты молодчага, что додумался до него. Теперь очень неприятная брешь будет забита.

Тут я получил письмо из Чехословакии. Пишет некто Тыч — переводчик с русского. Просит новеньких произведений для перевода. Именно новеньких — неопубликованных. Хочу с тобой посоветоваться, как ответить. Он, видимо, халтурщик-любитель и хочет подзаработать на малоизвестных произведениях советских фантастов. Я предполагаю ему ответить, что неопубликованных вещей у нас нет, а опубликованные — такие-то и такие-то — можем прислать. Хотя лично я вообще прислать ничего не могу — у меня ничего нет. В общем, отпиши свое мнение.

Получил чешскую «Страну». Ничего себе издана, но уж больно тоненькая, сократили, наверное, вдвое.

Напиши мне, что слышно о «Стажерах» — ведь их надо было сдать в редакцию к первому. Как с переменной названий «В» и «Стажеров». Что вообще слышно.

Договоримся: ты приезжаешь в феврале. Предупреждаешь о выезде за неделю, чтобы я устроил свой отпуск и пр<очее>. Работать будем над «2017». Идет?

Ну, крепко жму руку. Взвейтесь, соколы, орлами — в смысле «ВСО».

Твой [подпись].

P. S. Ленке привет.

Борис — брату, 26 декабря 1961, Л. — М.

Дорогой Арк!

Проездом в Ленинграде был редактор «Знання та Праці» — собирал материал. Звонил мне, просил что-нибудь. Я сказал, что посоветуюсь с тобой. Идея состоит в следующем — дать им главы про Марс из «Стажеров» — пусть пользуются. Им важно только, чтобы книжка не вышла раньше журналов. Сейчас набирается материал для марта-апреля-мая. Сообрази там: успеют они до книжки или нет. Если успеют — вышли

по адресу: Киев-54, ул. Воровского 22, редакция журнала «Знания техника Прогресс», товарищу Шияну. Кроме того нужна еще и врезка о повести. Если тебе, скажем, лень возиться — напиши мне, я отошлю. Главное — выяснить, что выйдет раньше. Шиян, кстати, говорил, что на «Свечки на пульте» поступают в общем благожелательные отзывы читателей (поэтому он, наверное, к нам и обратился).

Пришло письмо из Ленинградского радио — приглашают нас принять участие в работе, просят о свидании. Я пока еще не решился ни на что, но в конце концов, наверное, съезжу — посмотрю, что и как. Может быть, окажется интересно.

Думаю над «2017». А что если положить в основу сюжета борьбу между любовью к женщине и любовью к науке? Сначала обе его отталкивают, а потом обе — становятся благосклонны, но он выбирает науку + случайные совоккупления на различных планетах. Вообще, главное в этой повести должно быть: показать, до чего интересна и полна событий жизнь человека. Не успеваешь сделать одного — начинается другое и все более увлекательное, и нет времени «потихонечку прилечь и отдохнуть». Настроением повести должен быть вихрь впечатлений, головокружительный темп жизни — то, чего нет в нашей жизни, когда все идет стороной.

А читал ты статью Солоухина о назначении писателя? Молодец, дал по морде Шолохову и прочим кретинам-формалистам.

Надеюсь, ты теперь избавился от казармы и зажил полной жизнью, насколько это возможно для человека, который не пьет, не курит и не наблюдает на меридианном круге Тепфера. Опиши мне, как ты живешь и чему посвящаешь досуг.

Передавай всем привет и поздравления с Новым годом. Надеюсь, для нас сей год будет плодотворен. Хорошо бы написать две повести!

Ну-с, крепко жму руку, твой верный [подпись].

P. S. А сборник ленинградский то ли достану, то ли нет — не знаю. Некогда. Трудно очень выбраться в город в рабочее время.

P. P. S. Какие новости в мире НФ? Я тут совсем отстал — читаю одну «Технику» — молодежи», а там дерьмо.

Аркадий — брату, 27 декабря 1961, М. — Л.

Дорогой Боб!

Опять несколько подзадержался. Да и ты хорош. У меня хоть уважительная причина — последние три дня заканчивались сборы. Да, брат, вот и кончилось это девятидневное безобразие, и я теперь свободен.

Дела обстоят так:

1. «Возвращение» получено версткой. Я прочел внимательно, по мелочам поправил. Наши <...> требуют, чтобы было предисловие кого-нибудь маститого. А я не хочу. Во-первых, это задержка, а во-вторых, кланяться не хочется. Да и на что предисловие? Я предложил редакторскую аннотацию, завтра буду ее отстаивать. Вика на моей стороне, будем драться вместе.

2. «Стажеры» сданы в «Молодую гвардию». Там всё возятся, никак не могут подобрать художника. В набор пойдет, видимо, в феврале.

3. Вариант «Стажеров» — «Должен жить» готов и включен в альманах. Макаров на свой страх и риск подготовил иллюстрации, но не знаю, примет ли наша художественная редакция.

Вот и все, собственно. Письмо от чеха я получил тоже, но ответ уж ты — именно так, как ты хотел, т. е. весьма уклончиво. Ничего не обещаю и ничего не предлагаю. Можешь написать, что, мол, наши обязательства перед издательством не позволяют нам пересылать за границу рукописи.

Есть здесь еще одно письмо — от нашего переводчика в Румынии. Он просит прислать для работы «Путь на Амальтею». Ну, с этим я сам справлюсь. Вот пока все.

Приехать в феврале хочу обязательно. А идеи две есть, и ни одна из них не имеет отношения к «2017». Идея № 1 — сюжет приключенческо-фантастической повести. Идея № 2 — мысль написать пьесу. Давай попробуем, а? На современную тему. Про людей современных, удивительных, веселых, немного злых и оптимистов великих. А? Давай, Боря, а? А пьеса у нас с тобой преотлично бы пошла, уверяю тебя. Диалоги, монологи, полилоги — так бы и посыпалось. И образá бы создали смачные. Как ты, дружище? Про веселых свирепых оптимистов, умных, знающих, честных. А? Давай попробуем? А «2017» пока отложим. Напишем приключенческую фантастику без особых психологий и пьесу. Вот было бы сма-а-ачно!

Привет Адочке. Поцелуй крепко маму.

Целую, твой брат Арк.

Борис Стругацкий. Письмо супруге, 1961

Борис — супруге, 10 февраля 1961, М. — Л.

Здравствуй, маленькая!

[Вычеркнуто машинописное: «Сразу — пока не забыл — тутошние женщины (Кат<ерина> Евг<еньевна> <Ошанина> и Ленка <Воскресенская>) мечтают иметь «Конец главы» Голсуорси. Очень тебя прошу, купи и пришли бандеролью. Если сделаешь, будет смачнейше!» Сбоку рукописно: «Мама прислала.»]

Теперь, какие новости. Мы вышли из сценария. Съездили к Журавлеву, побеседовали с ним с большой приятностью (чистый цирк этот Журавлев, не хуже Райкина), а потом заявили, что писать сценарий не способны и выходим из игры. Журавлев уговаривал — не особенно, впрочем, настаивая — мы отбрыкивались, и теперь все кончено, мы свободны. Правда, денег за сценарий теперь не будет, но зато в остальных отношениях это прелестно: можно прочно засесть за «Возвращение». Что мы и сделали.

Вчера Арк принес сигнальный номер альманаха «Мир приключений», там наша «Благоустроенная планета». Было приятно.

Сегодня, может быть, пойдем к А. Соколову, смотреть его научно-фантастические картины. Одну он подарил Арку — иллюстрацию к «Пути на А<мальтею>» — «Тахмасиб» в бездне, широкие молнии и гигантские пузыри. Буду надеяться, что и мне что-нибудь перепадет. Повешу на стену в роскошной раме. Кстати, есть шанс, что у Соколова сегодня будет и САМ (Ефремов). Познакомиться бы!

Были мы в «Пекине», ели всякие вкусные вещи, много говорили о летнем отпуске. Вопрос остался открытым, но мы с Аркашкой пришли к единодушному выводу, что жен надлежит пороть. Приеду — попробую. Ау, маленькая! Как ты там без меня? Помнишь ли? А? Напиши: как дела с Андрюшкой; как себя чувствуют мамы; что в 18-й; как твои планетные дела; что ты видишь во сне; как спорт в Пулкове без меня — не завял ли; кого покусала Мидия; с кем не разговаривает Галка П<анова>; какие есть вопросы у Новопашенного; по-прежнему железный ли парень Чистяков; похудела ли Тимошкина; жива ли Наталья <Свенцицкая>; есть ли еще порох в пороховницах; не оскудела ли сберегательная книжка; и прочее и прочее и прочее. И не забудь про «Конец главы».

Крепко, крепко тебя целую, твой верный [подпись].

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961

26 января 1961 г.

Вчера перечитывал старый дневник — за 58-й и 59-й годы. Пожалуй, дневник вести нужно. Да я еще и раньше думал об этом, жаль как-то, что дни уходят и уходят совсем без следа. Казалось бы, остаются книги, рассказы, редаKTура, но это все пустота, неопределенность. Хочется, чтобы оставалось каждодневное слово. Вот и пусть остается. Хотел начать с Нового года, и гимнастику делать тоже, да вот только нынче собрался. Ну-с, с чего начнем?

Вчера ночью — это я тогда решил окончательно — думал дать положение с нашим творчеством. Да стоит ли? Просто расскажем, как прошел день 26 января 1961 года.

Был отличный мороз. В Детгиз явился, как всегда, за четверть часа. Потом пришли Вика <Мальт> и Леночка <Махлах-Львовская> и наконец М. М. <Калакуцкая>. Выписал Мизиано за рецензию на Ноче, «Приключения Лайки», и составил проект договора на Трофимова и Чижевского. «Следопыт над пропастью веков». Скверное название. Приходил автор «Сына Земли» — не то Стрижевский, не то Стажинский. Хорошая рукопись, но пришлось вернуть — он ее забил в «Сов<етскую> Россию», а нам приносил для альманаха. Затем составлял план на 1962 год. Дали всего десять названий. Плохо, вся резервная дрянь из 61-го года заняла как раз эти 10 пунктов. Готовые хорошие рукописи пришлось оставить в резерве. Затем говорил с Минервиным — это роман о нефти и контрразведке. Больше толком ничего не успел. Обедал в «Гранде» с Майкой Брусиловской и Лидой из иностранной редакции. Девчонки распинались насчет театра. Не понимаю, как можно интересоваться театром. Скука. Купил «Путь на Амальтею», раздарил М. М., Лене, Вике, Мих<аилу> Антоновичу <Зубкову>, Майке и Эле Микоян.

В полпятого отпросился к Касселю. Бедняга болеет, а Ляшенко на него слезно жалуется М. М. Я думал — справедливо, но у Касселя увидел его рукопись и понял, что Исаак прав. Поговорили с Исааком за «Возвращение», поспорили. Посмотрели план. Исаак очень быстро все переделал. Он поставил в основной план: Альманах 8, Болдырев, Стругацкие, Войскунский и Лукодьянов, Журавлева, Сат-Ок, Цирулис и Имерманис, Тушкан, Пальман, Наковский, Голицын (условно). В резерве остаются: Андреев, Гансовский, Гуревич, Голубев, Тельман, Савченко. Посмотрим, как среагирует М. М. Прогулял Пульку, оставил Касселю папиросы и вернулся на такси домой. Вскоре позвонил Анатолий Семенович <Варшавский>. Он только что оправился от спазма сосудов каких-то, собирается завтра в журнал, хочет определить «Свечи перед пультом» и «Загадку Задней Ноги».

Сейчас собираюсь почитать то, что сделал Исаак с Ляшенкой. Жду звонка Журавлева. Да, звонила Галина Владимировна <Малькова>, требует от директора, чтобы я составил телеграмму с проектом приветствия «Вокруг света», 100 лет. Не было печали.

27 января 1961 г.

Сижу дома. Проспал до половины десятого. Лешка <Фортулатов> и Е<катерина> Е<вгеньевна> ушли за покупками, Наташка <Воскресенская> — на английский, Машка <Стругацкая> — в группу. Должен звонить Журавлев, коего вызвали к Фурцевой. Составил текст приветствия «Вокруг света», сейчас хочу взяться за «Год 37-й» — будет подарок Лешке к дню рождения. Хорошо сейчас, уютно и тихо.

Работал до 4-х. Перепечатал всю Борькину часть, стал делать свою и сразу запнулся. Пришлось отставить — только нашел идею — не лестница, а кабинет следователя. И тут позвонил Журавлев и я поехал к нему. У него просидел до восьми, составили новый план

сценария. По приезде домой читал мусатовские «Костры на сопках», про оборону Петропавловска. Напыщенная дрянь.

Крыса чего-то надулась. Допечатал «37-й», прочитал, что-то не нравится. Ладно, спать.

29 января 1961 года

Вчера на работе получил II и III части «Меконга». Отлично сделано, редактировать совсем не придется, по-видимому. Талантливейшие ребята.

Звонил Тушкан, ужасался, что Кассель все болеет, просил прислать ему «Путь на Амальтею». Беспокоится за свою книжку. Я выразил М. М. желание взять эту книгу на себя. Она сказала, что книга резервная и может подождать. Попросила взять на себя Вадецкого «Полярный юг». Я согласился. Созвонились с Вадецким, а он, оказывается, ничего не сделал. М. М. с ним ругалась. Потом пришел Томан. Поболтали с ним, он принял известие о том, что «Пленники Джо» исключены, совершенно спокойно. Деньги за перепечатку отдаст. Из «Вокруг света» прислали 1-й № «Искателя» — в порядке дразнилки, что ли?

Чествовать 100-летие «Вокруг света» я, натурально, не пошел. Может, и пошел бы, но у нас свой юбилей с Ленкой. Отправились к Витьке с Нелькой < Гайдадымовым > и напились, а по возвращении я прочитал ей «37-й». Ей понравилось, только, как она выразилась, рассказ оставляет ощущение тошноты. Пришло письмо от Бориса. Просит согласия на включение «БП» в Новгородский сборник молодых.

Утром, вернее — в 12, отправился к Касселю. Он весь в пятнах от пиявок и еле дышит. Удалось уговорить его сдать мне Вадецкого. Тут же ему позвонили и договорились встретиться во вторник. Он, оказывается, член приемной комиссии ССП, знает, что я «увел жену у полковника». А затем Кассель рассказал, что члены приемной комиссии звонили в Гослитиздат и к Пискунову, и вообще всюду собирали обо мне сведения. Неприятно и смешно. Я почти силком забрал у Касселя Ляшенко и вернулся домой.

Что же нужно сделать?

1. Подготовить материалы по новому сценарию.
2. Проработать Ляшенко.

И все — в кратчайшие сроки. Сейчас позвоню в Ленинград.

Позвонил, с Борисом договорился, с мамой поцеловался. Все.

31 января 1961 г.

Вчера с утра читал Ляшенко, к 12 ездил на Мосфильм к Журавлеву. Обсуждали новый сюжет (ныне «Гайны далекого мира») в кабинете у Солдатенки втроем — Журавлев, Лозинская Наталия Борисовна (редактор) и я. Лозинскую убедили. Теперь красное кольцо играет от начала до конца. Затем закончил Ляшенко и стал думать над «Членом Совета». Пытался связать его с «Ночным полетом» Экзюпери, но не вышло.

Пили здоровье Сергея Михайловича <Ошанина>.

Сегодня пришла рукопись Журавлевой, читал ее «Уранию», плохо это, все эти девицы с звездным блеском в глазах и пр<очее>. Затем явился Борис Александрович Вадецкий. Постнейшая шевелюра и медовый голос. Сразу дал мне понять, что в высших сферах он свой. Ныл, что вовсе не собирался сделать свою повесть приключенческой. Одним словом, мы расстались друзьями. Он поехал в Африку, а я — редактировать его писанину.

Звонил Ефремову, дал ему адрес Андрея Соколова. Ефремов хочет зайти к Соколову, посмотреть.

Приходила Ариадна Григорьевна Громова. Говорили об ее «Поединке с собой». Она в депрессии, удручена непринятием повести. А повесть хороша. Она у Ефремова, надо будет спросить, какого он мнения.

В два я плюнул на все и отправился к Касселю. Он по-прежнему доходит. Поговорили об «Амальтее», поспорили об искусстве и его роли в будущем. Черт его знает, я не вижу для него большой роли в сообществе веселых ребят, увлеченных своим трудом. Разве отдых и медицина?

Купил коньяку, будем в своем углу праздновать с Ленкой наши медовые месяцы.

3 февраля 1961 года

Завтра приезжает Борис. Читаю Вадецкого «Полярный юг». Читать можно, написано необычно, слишком «психично», пожалуй, но это вовсе не занудь. Только издавать эту книжку в «Библиотеке НФП» было бы ошибкой. Впрочем, мне наплевать.

Был у Андрюши Соколова. Распили бутылочку шампанского, поговорили за летающие блюда и за машину, что умнее человека. Выморщил у него, наконец, картину в подарок — ««Тахмасиб», в пучинах Юпитера гибнущий».

А сегодня с раннего утра пошли с Ленкой делать покупки — масса птицы, ромштексы, эскалопы и прочее. Был у Журавлева. Надоел мне этот старый хрен. Теперь ему не нравится ленинградий. Господи, дурак же я, что спутался с этим сценарием! Отлично было бы развязаться. Но не знаю как. Звонил Вадецкий, я его похвалил из подхалимажа. Вообще, не могу говорить людям неприятное, хоть тресни. И уехал Вадецкий в Африку счастливый.

Послано маме письмо с просьбой прислать «Последнюю главу». А в метро читал Дашкиева «Зубы дракона». Завлекательно, но наивно. А ребятишкам должно нравиться.

Совсем забыл. Борунь прислал из Польши свой «Антимир» с дарственной надписью. Он шлет Вайсброту Евгению Павловичу, а тот тащит мне.

21 февраля 1961 года

Вчера Борис уехал. Немножко грустно. Поработали мы эти две недели на славу.

Во-первых, переделали «Возвращение» — кстати, дали новое название, «Благоустроенная планета». Написали главу «Крестьяне», переделали — по Борькиному варианту — «Злоумышленников», выбросили «Погружение у Октопуса». Сменили много фамилий, изменили ряд эпизодов. Хотели написать «Член Совета» и главу, где бы действовал Лурье, но не смогли.

Во-вторых, написали маленький рассказ «В наше интересное время». Собственно, написал Борис, я только отредактировал.

В-третьих, составили перспективный план работы. Очередность такая:

- 1) «Стажер».
- 2) «Седьмое небо».
- 3) «В стране магов».

И придумали сюжеты для серии рассказов о пришельцах.

В-четвертых, развязались, кажется, окончательно со сценарием. Возможно, с нас даже не станут брать аванс. Ездили к Журавлеву, беседовали и расстались. Впрочем, на днях он опять звонил ко мне, просил подумать. А мне так думать не хочется, и Борьке тем более.

Были мы с Борисом у Андрея Соколова. Он показывал Ефремову свои картины. Приехал мэтр со всей семьей, с Еленой Дометьевной <Конжуковой>, с дочерью и с сыном с женой. Говорил мэтр снисходительно и с большой охотой. Объясняя жене изображенный скафандр с реактивным двигателем, сказал между прочим: «Бах! И... э...

продвинулся». Это выражение стало у нас с Борькой девизом. При сем присутствовал и Кассель. Мы получили приглашение на следующий вечер пожаловать к мэтру — и пожаловали. Было весело, хорошо, Борьке понравилось. Смотрели по теле Иму Сумак, затем пили коньяк и чай. При уходе Ефремов дал мне читать «Days of triffids» и еще две книжки. «Дни триффидов» — страшная штука, очень волнует воображение.

Тем временем я сдал в производство касселевского Ляшенко и Вадецкого. За мной остается только Перля «Телевидение за работой».

Кассель совсем плох. Ему дали инвалидность второй группы, отправляют «в сухой док» на полгода. Значит, временно я остаюсь командовать научной фантастикой.

Вышел альманах № 6. Один экземпляр с надписью маме Борька увез в Ленинград.

Вот, кажется, все. Если вспомню еще что-либо, допишу после. Сегодня произвел генеральную уборку своего книжного хозяйства. Главное, уничтожил огромную гору лишних рукописей. Теперь в шкафу посвободнее. Затем ответил журналу «Урал». Они пишут, что «Благоустроенная планета» (она же «Полдень, 22-й век») пойдет целиком (в обусловленном составе) в 6 номер. Затем почитал «An English Murder» в переводе Фельдман — ничеГё, но уж перевод ужасный, поспал.

На столе у меня перед носом стоят научные книги, которые я должен прочесть. Буду пробовать, что ж. Итак, снова за текущую работу. А новый вариант «Возвращения» уже у машинистки.

Интересно, что № 1 «Природы» и «Знание — сила» пришли во второй половине февраля. А «Техники — молодежи» нет и по сей день.

24 февраля 1961 г.

Много читаю. Отличные вещи: Митчел Уилсон «Встреча на далеком меридиане», «Дело Оппенгеймера» и т. д. Одновременно вчера начал трудиться над Перлей. Редактирую его «Телевидение» и одновременно подставляю иллюстрации.

Вчера собрались с Олегом <Соколовым>, Викой Мальт и Леночкой Махлах, заперлись в кабинете и распили поллитру в честь 23 февраля. Затем я удрал в Гослитиздат. На месте были только Томка <Редько> и Миша Малышев. Погода мерзейшая. Мокрый слякотный снег.

Сейчас только что звонил Олег, оказывается, меня спрашивает Компаниец, поскольку из Ленинграда приехал некий хмырь и хочет беседовать со мной о фантастике. Вероятно, из студии Ленфильма. Так что придется сейчас подаваться на работу.

26 февраля 1961 года (воскресенье)

Тогда, 24-го, поехал к Касселю вместе с Олегом. Выяснилось, что Касселя не будет месяца три, а за это время ставку его должен получать Олег. Посмотрели, что у нас в плане 1962 года. И тут Кассель объявляет, что «Возвращение» он берет на себя. Мне этого очень не хотелось бы, да видно ничего не поделаешь. Как подумаю, что он будет молоть чепуху и выдвигать свои идеи, и тянуть, тянуть, тянуть... страшная тоска. От Касселя пошли с Олегом в Дом Архитектора, что на Щусева, пообедали, а затем он отправился в университет, а я — за подписными книгами: 23-й том Диккенса, последний том Шекспира, 9-й том Твена, 9-й том Толстого, 10-й (сразу!) Детской энциклопедии.

В энциклопедии оказались и мы с Борисом — «СБТ». Между тем Кассель подsunул мне «Мол<одую> гвардию» за прошлый год с «Болотными огнями» Чайковской. Я уже прочитал, и мне понравилось. Потом сидел до полуночи над Перлей.

Вчера на работе принимал Ляпунова (он подарил свою книжку «По следам Жюль Верна»), потом пришли старые <...> узнавать, как дела с гонораром Вацлава Клички.

Оказывается, необходимо за гонораром приехать сюда. А если нет — то через Иньюрколлегию. Да еще гонорар половинный.

Кстати, забыл упомянуть. В среду приходил Бердник, договаривался насчет нового произведения в следующий альманах и попутно принес фотографии летающих тарелок и интервью польского корреспондента с Адамским. Интересно, но, кажется, все-таки чепуха. Впрочем, это мнение определилось у меня после ругани Ошанина, который разнес Адамского в пух и прах.

После работы мы с Ленкой отправились пировать. Сначала думали — в «Пекин», но животы так подвело, что свернули в «Украину». Поели плотно, немного выпили, купили мороженого и бутыл шампанского и вернулись домой часов в восемь.

Когда гости разошлись, ели мороженое, пили шампанское и беседовали. Затем почитали в своем закутке и заснули.

Сегодня проснулся в половине десятого, и Ленка подала мне «ЛиЖи», где какой-то каспийский капитан громит Журавлеву. Должен позвонить и подойти Андрей Соколов.

И никак не собраться работать и читать. Вот перед носом ряды литературы, а взяться за них почитай и некогда.

28 февраля 1961 г.

Большую часть дневник заполняется утром. Так почему-то удобнее. Ну-с, был Андрей Соколов, распили коньячку, а затем родители подались на день рождения к Поликарпу <Афанасьеву>, мы с Ленкой подвыпили, и я отправил ее спать. Поговорили. Только что прочли «Banana Fish» Сэлинджера, очень понравилось, и мне пришло в голову, что таким же образом можно описать и радость. Но Ленка сказала, что единственный в мире рассказ о радости — это «Моби Дик». Приятно, но неубедительно.

Вчера старуха <т. е. М. Калакуцкая> опять болела, и я поработал над Перлей, затем с Соней Хохловой ездил за гонораром в И<здательство> И<ностранный> Л<итературы>, а потом стал читать новую рукопись «Сумерки на юте», по сути дела — интерпретация нескольких морских легенд. Я бы ее взял с удовольствием, но придется проламываться через редколлегию.

Сейчас принял ванну и собираюсь к Макарову, а после иду к Беле Григорьевне Клюевой в «Мол<одую> гв<ардию>». Не надраться бы с Макаровым.

3 марта 1961 года

У Макарова ничего особенного не было. Просто познакомились, поговорили об общих принципах, а затем отправились в «Пекин», где и надрались до сумления, и пришел я домой вечером. Следующий день пережил с некоторым трудом, обедал в «Метрополе» и выкушал стопку. Деньги, которые мне должна была Марина <Зарецкая>, оказались в столе у Эли Микоян, так что с этой стороны все благополучно. Вчера, наконец, закончил Перлю. Тут приехала Лидия Григорьевна и привезла с машинки «Возвращение». Я сейчас же упаковал один экз. и отправил Борису вместе с «В наше интересное время». «ВНИВ» отвез и Беле Григорьевне и один экз. послал Иващенко в «Известия». Послал письмо маме. Начал читать Казанцева «Внуки Марса» — это лучше, чем я думал. Но самое интересное вышло в разговоре с Жемайтисом, когда я был в «Мол<одой> гв<ардии>». Жемайтис меня предупредил, что в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ Карпинский готовит поход на научную фантастику. О том, в какой форме этот поход будет проводиться, он говорил смутновато. Дело сводится к тому, что они собираются изгнать фантастику о космосе — опять эта глупость о фантастике ближнего прицела. Удручает это и руки опускаются. А тут еще директор попросил составить список научно-фантастической л<итерату>ры для рекомендации японцам. Ergo, Пискунчик все-таки поедет в Японию.

Бог с ним, а я буду сейчас менять ленту на машинке и составлять этот список. Да еще надо составить проект письма в Мосфильм — вчера звонил Журавлев и опять будет звонить.

Надо как-то упорядочить занятия. У меня в неделю три свободных дня. Надо худ<ожественную> литературу читать в рабочие дни, а в свободные — понемножку жать на научную. С сего дня и начнем.

Сегодня сообщили, что связь с АМС потеряна. Что бы это могло значить? «Бах! И продвинулся».

Сделал директору список. 35 названий, будет с него. Затем долго читал Келера «На пороге неведомого». Хорошая книжка, проще объяснить передний край науки, пожалуй, и невозможно. Затем запаковал и приготовил к отправке «Путь на Амальтею» в адрес Руденко, Яновского и Дегтярева. И еще — составил черновик послания на Мосфильм. А вечером придет Нелька с младенцем и будет выпить. Скушноовато.

4 марта 1961 года

Сегодня явился на работу и обнаружил, что Пальман прислал свое «Красное и зеленое». Читать я не стал, потому что другое было на уме. Наскоро пополнил директорский список десятком новых названий и засел за оформление сдачи рукописей художникам. И так, «Экипаж “Меконга”» и «Возвращение» художникам сданы. Виктория Сергеевна <Мальт> забрала «Возвращение» домой и будет читать. Очень интересно. Либо разругает вдребезги, либо похвалит?

После работы пошли с Олегом по Кузнецкому мосту, ничего интересного не обнаружили. На главпочтамте отправил «ПНА» своим благожелателям. Да, приходила Наталия Ильинична. От редакции к дню рождения Исаака дали коробку конфет, а я подарил еще «Американское искусство». Пусть пользуется. Вроде взятки, чтобы не обижался, что «В» отдано Вике.

Дома была выкушана бутылка коньяка. Сейчас И. М. <Ошанин> храпит в своем кресле, остальные кто где. Собираюсь с Ленкой прогуляться, может, зайдем в ресторацию, а может и купим что-либо домой.

Пришел № 2 «Природы». Надо читать. И № 1 надо читать. И много что надо читать.

5 марта 1961 года

Вчера вечером два часа гуляли с Ленкой, сделали огромный круг, купили по дороге две бутылочки вина и шоколадку и вернулись домой.

Нынче утром сходили проголосовали за местных, затем я сел и прочитал рукопись Пурмаля про кремний — просила Нина Матвеевна Беркова. Интересно, кое-что новое узнал, но что именно — хоть убей, не помню. Хотя важны и общие впечатления, при необходимости, конечно, конкретные факты все равно вылезут на память. Собирался сесть за «Внуков Марса» Казанцева, да что-то не хочется. Завтра. Надо бы пописать, а не хочется тоже.

6 марта 1961 г.

Вчера весь вечер читал Келера и сегодня, наконец, его добил. Ничего книжка. Много лучше многих. Но все-таки как-то нет четкости, хотя он, молодчина, смело вводил такие понятия как Ψ-функция и т. д.

С утренней почтой прибыло приглашение из ССП от Бюро секции прозы — будут разбираться заявления о приеме в СП, нас будут прикрывать тов. Казанцев. Заседание послезавтра, в 5 вечера. Сейчас малость поработаю и отправлюсь к Юре Макарову.

12 марта 1961 г.

Настроение паршивое. Всюду какие-то неувязки, какая-то неудовлетворенность. Публично ругал учреждение, а теперь боюсь, что донесут? Может, и так. Главное — дела не могу делать. Получил 10-го мзду за «БП» в альманахе — 327 р. Пора прекратить свинское пьянство. Ничего хорошего от этого. А с другой стороны — не пить может только рационалист. Тот, который имеет силы спросить: «Зачем пить?» Который рассуждает, как Борька. Вот 9-го пили с Ленкой и ее компанией в «Будапеште». Опился ужасно и наговорил всяких глупостей. А Ленка, бедняжка, расстроилась. И без того огорчений пруд пруди. Пурмаля с машинки никак не получу. <...> Сердюченко копает под большой китайский словарь и уже похоронил рериховский тибетский. У Ленки на работе неприятности. От мамы пришло письмо — ей очень трудно с Андрюшкой <Стругацким>. И никак не могу настроиться на рабочий лад. И в довершение всего — вызов на 13-е в военкомат.

Прочитал рукопись Пальмана «Красное и зеленое». НичеГё. Печатать, вероятно, можно. Ну, на всякий случай, дадим почитать рецензентам. Да все одно, попадет только в 1963 год. Ужасно писать не хочется. Надоело.

Ах, самое главное. 8-го нас приняли в ССП, вернее, рекомендовали в следующую инстанцию. И еще — ходят отвратные слухи, что Карпинский (зав<едующий> отделом пропаганды ВЛКСМ) готовит наступление на фантастику. Не дать, не дать. А как? Ведь мне ничего даже официально не известно. Может, сказать Ефремову?

17 марта 1961 г.

Ловко идет дневник — пишу только по утрам, ерго — когда я утром дома. Ну, ладно, хорошо хоть так. Хожу на сборы, покидаю издательство в три и плетусь в дом культуры Горбунова, на Фили. Скука, но я стал, видимо, толще и покорнее (сегодня вешу 90 кг) и потому не очень страдаю. Вчера смотрели секретные фильмы — одна гадость. Взрывы, огонь, атомные взрывы — сначала было интересно, а затем тошнотворно. Утверждали альманах — Гансовского утвердили только один рассказ, «Хозяин бухты». Дерусь за Ерофеева «Под флагом Персея». Есть мнение вставить Рысса. Томан говорит, что Казанцев обиделся — его не позвали на редколлегию. Плевать. Самое скверное там — это то, что Дегтярев отказывается утвердить Макарова в качестве художника для «Возвращения». Придется бороться, а я этого страсть не люблю.

Купили мне ботинки — черные, остроносые, бр-р! В тот же день, по дороге на сборы я купил себе другие, нормальные. Крыска грозит купить мне в ателье выходной костюм. Вот будет диво.

Пока ходили за покупками, я сформулировал credo научной фантастики: фантастическое должно быть либо фоном, либо прокладкой для реальных человеческих отношений. Собственно, это credo специально для «Стажера». Когда же я начну «Стажера»?

А тут еще у Ленки неприятности — какая-то сука из их главной редакции обвинила ее в приписывании и в прочих грехах. Мор-р-дворот. Уйти бы ей из этой клоаки, где хозяйничают завывивными ларьками.

Сейчас надо подготовить для Варшавского «ЗЗН» и «СПП». Пусть публикует их в своем «Знании», которое «сила». Наша колыбель, так сказать.

19 марта 1961 г. (воскресенье)

Вчера сильно с Лешкой упились — еще бы, постились целую неделю. Прочитал Рысса «Остров Колдун». Хорошо он пишет, легко и чисто.

Варшавскому дал только «ЗЗН». «СПП», по его мнению, надо сильно изменять, а я не стал и забрал обратно. И не огорчаюсь. Молодогвардейский сборник сильно распотрошили, поэтому потребовали туда еще чего-нибудь. Я предложил «Белый конус» и Гансовского «Стальную змею». Может быть, дать им «Гигантскую флюктуацию»? Подумать. Получил письмо от Александра Стругацкого из Магадана. Нужно будет ответить. А что ответить? Получил письмо от Борьки и тут же написал ответ.

Господи, когда наконец возьмусь за «Стажера»? И неплохо бы дать рассказик какой-нито. Но нет вдохновения. Не идет, и только. Может быть, что-нибудь о дочеловеческих цивилизациях? И нечеловеческих притом. Что-нибудь вроде гигантского муравьеподобного организма. Без орудий, без письменности. Вместо орудий — собственные члены, вместо письменности — колоссальный живой информарий. От разума у них — только совершенствующиеся трудовые навыки. Цивилизация погибла потому, что была лишена воображения и была слишком рационалистична. Не поощряла полет мысли. Надо подумать. Вместо машин — сами. Составляют себя в машины. Впрочем, это уже шаг назад в принципах нашей фантастики. Хотя можно сделать, конечно, так, что это человек, фантазер, выдумывает все это, и у него получается верно. Этаким гимн фантазии. А ля «Когда мир завопил». Природа делала уже несколько проб цивилизаций. И самая удачная — наша. Мы переделываем мир. У нас есть воображение. А там был коллективный мозг. Рационально могли делать только все сообща. Каждый в отдельности был животным.

22 марта

Никак не могу взяться за «Стажера». Все думаю. Как сделать, чтобы НИКОМУ не было скучно читать? Вкрапливать намеки на фантастические обстоятельства? Вероятно, так. В диалоге упомянуть про «тяжелую борьбу с пиявками на Марсе» и т. д. Ну, это потом.

Был у Ефремова. Хорошо побеседовали, но вопросов я так задать и не успел, потому что явился Вадецкий и, кривляясь по-бабьи, стал нудить о своем «Полярном юге».

Говорил с Дегтяревым. Все обошлось отлично. Макарова мне отдали. Он уже начал рисовать. Я ничего не делаю. Читаю — в три дня прочел «The Power» про сверхчеловека и «The Kraken Wakes» о нашествии из-под воды. Отличную тему загубил подлец Уиндем — жители Юпитера живут у нас под водой под огромным давлением. Получил деньги за второй завод альманаха — 85 р.

«ЗЗН» приняли в З-С. А в молодогвардейский сборник пошла «ЗЗН» и «БКА», хотя я сегодня завез им на пробу ГФ. Вряд ли что-либо выйдет. Бела Григорьевна, к моему изумлению, жалуется на то, что «сборник получается слишком веселый». Вот уж не стал бы печалиться об этом!

Скандал с Рыссом: старый <...> напился и стал звонить Андрееву, спрашивать о своем «Острове Колдуне». А «Остров» не у Андреева, а у Томана, я совсем забыл. Так он звонит мне ночью, чтобы я немедленно отправил Андрееву. Ох, доведут меня когда-нибудь эти хвастуны <...>...

Перехожу на толстую тетрадь.

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

1961

28 марта

Только что закончил вариант «Пролога» к «Стажеру». По-моему, идея неплохая — расстаются навсегда парень и девушка в связи с тем, что парень получил назначение. И девушка говорит ему все, что она думает о «женском рабстве». Но вот за исполнение не ручаюсь. Вечером почитаю Крысе.

Сегодня кончаются военные сборы. Вчера сидел и задыхался от тошноты — до чего надоели все эти автоматы и пулеметы. На работе тоже невесело — редактирую Казанцева. Необычайно многословен. В каждой строчке есть не менее одного слова, совершенно ненужного.

Звонила Бела Григорьевна <Клюева>, просила зайти и подписать договор на «Стажера». Пожалуй, надо бы зайти и подписать. Дома сейчас тошновато, хочется удрать и выпить. А пить разрешено только по субботам и воскресеньям. Будем терпеть.

У Крысы идет война с Главной редакцией. Зануды.

2 апреля, вс

Очень устал. Договоры подписал и все такое, работаю над казанцевской истерической тяготиной, одолеваем Поповским, одолевая худреда Ленку Бирюкова насчет договора Макарову, «но тяжесть на сердце моем».

Ну, ладно, пролог к «Стажеру» написан, есть идея для первой главы — завязка, небольшая тайна, международная инспекция идет карать разболтанных торгашей-иностранцев. Сейчас буду продолжать.

В. Мальт настаивает, чтобы я занялся квартирным вопросом. Если сейчас дать заявление, то к концу 62-го получится квартира. Сказал Крысе, не знаю, что будет. 220 р. за м². Найдутся ли деньги? Если работать основательно...

7 апреля

Ну, квартиру я решил пока не строить. Скушная возня, да и отвык я без дотаций сберкассовских. Тружусь сейчас над редактурой казанцевских «Внуков Марса». Пошлятина отчаянная. С работы прихожу взмыленный от злости.

Была верстка «Угэцу». Бисти сделал отличные, на мой взгляд, заставки. Тамара Редько и С. С. Иванько уговаривают взять перевод Х. Нома «Небо азарта». 36 а<вторских> л<истов> — труда масса! Я склоняюсь к этому. Правда, предварительно поговорю с Харуном <Рахимом>. Без подстрочника нечего и думать братья. Пока поднял заявку на «Каппу» Акутагава. Здесь тоже затор — оказывается, Харун тоже ее переводил, и все это нужно как-то улаживать.

Случились и неприятности. Во-первых, «З-С» отказался от «ЗЗН». Никому из начальства не понравилось. С тем же рассказом получилась масса мытарств в «Мол<одой> гвардии». К счастью, теперь это, кажется, позади.

Приехал из Свердловска наш редактор Лев Григорьевич Румянцев, привез для контроля вариант «Возвращения». Смех и грех, всем им не нравится наше «сказал». Надо будет объяснить. В общем, будем надеяться, что в № 6 «Урала» «Возвращение» впервые увидит свет.

Из украинского «З-С», куда я послал «СПП», пришло извещение, что рассказ получен и рассматривается.

Теперь о «Стажере». Что-то не хочется писать. Но ведь надо! Может, изменить сюжет? Не стажер-межпланетник, а, скажем, юноша, специалист по вакуумной сварке, опоздавший на пассажирскую ракету, берется Быковым из снисхождения на грузовик в качестве пассажира. Надо подумать над этим.

Ленка уходит с работы 10-го. Вчера окуривалась в газовой камере и пропоролa ногу ржавым гвоздем. Сегодня идем пить к Вале Глуховой.

9 апреля, вс

В пятницу встречался с Харуном. Как видно, с Акутагавой он расставаться не собирается. Хрен с ним. Я было согласился делать Нома «Сайкоро-но сора», а вчера раздумал. Скука это. Лучше уж я на свой страх и риск переведу «Четвертый ледниковый период» Кобо Абэ. Буду работать не торопясь, потихоньку, со вкусом. По страничке-другой в день will do¹. Отличная практика в японском, а заодно и вообще в литературе.

На работе Казанцева у меня осталось совсем мало. Сдал альманах на иллюстрацию. Взял домой Гребнева «Аляска», да Вайсброт прислал «Антимир» Боруня. Прочитал и то, и другое. Интересно. «Антимир»-то я и раньше читал, но... Одним словом, будем пытаться вставить его в альманах № 8. Все думаю, не слишком ли многим я наобещал место в альманахе. Я уж и листаж альманаха увеличил в плане выпуска, а все кажется мало.

Пуще всего ненавижу субботы и воскресенья. Полно народу, деться некуда, к этому крестину Алексею <Фортунатову> приходят два таких же балбеса. И ничего невозможно сделать. Хоть в петлю — вот такое чувство. И приходится себя все время одергивать. Вчера Ленка рассорилась с матерью и будто согласилась на поиски квартиры, но боюсь, что это так, под настроение.

Сейчас надо написать Борису обо всех изменениях и событиях.

13 апреля

Вчера, 12 апреля 1961 г., первый человек побывал в Космосе и благополучно вернулся на Планету — Юрий Алексеевич Гагарин. Ура! Ура! Ура!

Написал Борису и маме. Закончил редактировать Казанцева. Поскандалил с Крысой по поводу водки. Начал переводить Акутагава. Одолжил Юре Макарову 250.

Сегодня с утра был у Казанцева. Он яростно отбивал все мои поправки и попытки указать ему на литературные несовершенства. А мне просто лень было ему указывать и настаивать. В конце концов он маститый и может отвечать за себя. Подарил мне «Лунную дорогу». Сокровище. Я ответил, что очень польщен и тоже поднесу ему что-нибудь из своего барахла. Потом сидел и занимался «Каппой». Хочешь — не хочешь, а придется каппу склонять, иначе читается трудно. Затем перечитал статью Кардова в «Октябре» и еще раз подивился силе пера критика. Почитал и Мартынова тут же. Кардов прав — это скука. Вообще Кардова надобно перечитывать время от времени. Чтобы не было «отрепетированных» вопросов-ответов, чтобы психология героя была продуктом эпохи. Эх, для этого надо очень много знать. И вот меня все время беспокоит «Стажер» в этом смысле.

М. М. <Калакуцкая> все тянет с «Возвращением». Теперь она открыла, что книгу надо показать Компанийцу. Этого только не хватало — сейчас, когда Компаниец на меня зол за мое вмешательство в их интриги с увольнением Касселя. <...> трусливая.

Получил письмо от Борьки — жалуется на усталость, хочет встретиться, чтобы поработать вместе. И сегодня же телеграмма от него: дал интервью в «Сов<етскую>

¹ Сделаю (англ.).

культуру» и «Вечерний Л<енингра>д» и просит снисхождения. Да, и пришел договор на «Стажера».

Вот, кажись, и все новости. Но как быть со «Стажером»? Мальчик, восемнадцать-двадцать лет, специалист по вакуумной сварке. Опоздал на пассажирский корабль. Летит окружным путем с Быковым. Так? Идея хорошая, только как вот Борис? Надо ему написать, посоветоваться.

Сегодня должен был встретиться с Гансовским, так и не встретился. И кормят дома плохо. И вообще очень грустно почему-то. Или просто беспокойство за «Возвращение»? Чего-то явно нехвата.

Вадецкий подарил своего «Акына Терези». Надо читать. Поповский все звонит и требует, чтобы я прочитал «Повесть о любви и ненависти». Хвастает, старый кретин. Прочитаю и ошарашу его. Будет знать.

18 апреля

Погода чудесная. Сейчас ходил в плаще, взмок, пришел домой и открыл окно в кабинете. Звонил Макарову, его нет, а меня спросили: «Кто звонит? Стругацкий? Макарова нет». Возможно, отвечала Сафо, боялась, что вопрос о деньгах, а может быть, они на меня обиделись из-за тогдашнего посещения Ленки.

У нас с Ленкой в воскресенье был по пьяному делу скандал, я даже уже хотел уходить, но потом мы помирились. Устал я очень, и все на свете надоело.

Вика <Мальт> дала замечания по «Возвращению». Вчера и сегодня эти замечания отработывал, сделал две новых страницы и две вклейки. Но треть замечаний оставил без внимания.

Делаю понемножку «Каппу». Видимо, придется делать и предисловие.

21 апреля

Тоска. Наша идиотка М. М. вся извелась, делая книгу про Гагарина. Ну что за кретины, право! И кто в этом виноват — не понять. А «Возвращение» лежит мертвым грузом, и эта <...> все твердит: «Надо, чтобы почитал Василий Георгиевич <Компаниец> и Константин Федотович <Пискунов>». А Вика и Андреев говорят, что надо издавать скорее. Но ведь эта гоп-компания не за идею. Она за то, чтобы их хвалили и гладили по головке за оперативность. Бред!

Дома плохо. С тещей почти не разговариваю. Господи, до каких пор я буду приживалкой! Без дома, практически без семьи, а уже седой и старый. Хочу вот на праздники съездить в Ленинград, передохну немножко, побыв хоть приблизительно сам собой.

Ходили к Ире Бажутиной. Муж у нее — глуп как пробка. И она почти не изменилась. Тоже живут не в ладу. Одна комната, разделенная пологом. Подписал и отправляю сегодня расторжение договора с Мосфильмом. Иду сегодня в ЦДЖ на избивание «Знания — силы».

Итак:

«Возвращение» — висит в Детгизе.

«Возвращение» — в «Урале», я еще не уверен.

«ЗЗН» — в сборнике «Мол<одой> гв<ардии>».

«Стажер» — только в мыслях. Что еще?

28 апреля

За неделю ничего особенного не произошло. Погода отличная, уже несколько дней хожу без плаща. Позавчера был у Ефремова, он рассказывал проект повести-детектива «Корона Искандера», пришел Вадецкий, я рассказывал о единой теории поля, а затем все рассказывали анекдоты. Домой вернулся поздно. Как всегда перед праздниками, был перебой с продуктами, сейчас, говорят, стало лучше. Какой идиот это вытворяет? Все в панике закупают что попало. Вадецкий рассказал между прочим, что в ССП в приемной комиссии есть нам оппозиция «за младостью могут подождать», затем поговорил о своем отношении к нашей литературе. Я и сам в последнее время как-то не очень доволен «Путем на Амальтею», а после разговора и вовсе задумался. Пустенькая вещица. Нет в ней ничего, кроме фамилий, что указывало бы на национальность, идейные убеждения героев. Без толку написано.

Кстати, по поводу «ПНА» приходило письмо с бранью от некоего Черных из Брянска. Сердится Черных на грубость героев. Вообще в эти дни очень много писем. Пришлось оправдывать Гансовского, отвечать на жалобу Волкова, писать Макрушину.

Имело место в понедельник обсуждение «Лунной дороги» Казанцева. Вот срамотища-то! Все, не глядя друг от друга, деревянными от стыда голосами говорили, что «Лунная дорога» — это хорошо и современно, а Кардина за критику надо вогнать по плечи в землю. Да, а Кардина я накануне видел. На обсуждение его приглашали, но он отказался. Он храбрится, да парень, видно, уже битый, и все робеет. Я ему дал на рецензию книгу Пальмана.

Завтра уезжаю в Л<енингра>д.

6 мая

Пробыл в Л<енингра>де три дня — 30, 1 и 2. Очень смачно поговорили с Борисом. Составили более или менее окончательный план «Стажера» — весьма развернутый и с эмбрионами эпизодов. Вернувшись в Москву, сижу в бесте. По телефону за меня говорят, что я буду послезавтра утром. Пока я понемножку разрабатываю план и гл<авным> образом работаю над «Каппой».

Вчера сделал вылазку в «Мол<одую> гв<ардию>», получил, сколь ни быстро это кажется, верстку их сборника «Золотой лотос». История с «Задней ногой» мне так надоела, что я уже не разбираюсь, хорошо или плохо получилось.

Отправил маме телеграммы от себя и от Ошаниных, а Первушину послал 5 руб. за книги — он прислал мне «The Isotope Man» и сборник Брауна, который у меня уже есть. Лишний сборник подарю Ефремову.

Пришло приглашение на семинар. Судя по всему, это ничего не даст. Надо написать Борису, может быть, все-таки захочет приехать, хотя, на мой взгляд, это ни к чему.

С Борисом мы договорились встретиться 1-го июня в Л<енингра>де и проработать вместе месяц. Одни во всей квартире.

3-го по приезде отправились с Ленкой в «Пекин». Отлично провели время, а потом мечтали, как будем жить одни, купив дачку в Переделкине. Говорят, дачки сейчас подешевели.

6 июля, чт

Вот как нужно вести дневники. Ну, коротко говоря, Лена с детишками в Крыму, в селе Рыбачьем. Я вчера прилетел из Л<енингра>да, где мы закончили с Борисом «Стажера». В Л<енингра>де был с 9.06 по 5.07. Сегодня «Стажер» сдан Клавошке на машинку. От немцев в Детгиз пришел в 2-х выпусках «Atomvulkan Golkonda».

В № 6 «Урала» вышел «Полдень. XXII век». Купил в ленинградском аэропорту. Был нынче у Макарова. Спит, пьян.

9 июля, вс

День ВВФ.

Вчера выпил 2 рюмки коньяка.

Третий день делаю зарядку и хожу под душ. Самочувствие неплохое. Надо делать «Магов». Есть шанс дать их в след<ующий> Альманах.

Идея: маги неграмотны. На выучку к людям. Но слишком отстали, консервативны и невежественны. Право на сотворение чудес перешло к человеку.

16 июля, вс

История с телеграммой от Корзетова. Чуть не вылетел в Крым.

«Стажера» с машинки взял. Один экз<емпляр> отдал Макарову, один отослал Борису.

Был с Левиным и его женой у Клички в «Национале». Затем был у Ефремова.

Постригся.

Послал Крыске телеграмму.

Кличка подарил транзисторный приемник.

Вчера все уехали, остался один.

Пришел договор на «Каппу». «Каппы» осталось страниц 10. И еще два рассказа.

25 июля, вт

Ленка прилетает 1-го 274-м рейсом. Послал деньги, просил подтвердить, послал письмо, просил написать — никаких результатов. Молчит.

Тошно, скушно, места себе не нахожу.

Макаров обещает сдать рисунки завтра.

28 июля, пт

Закончил «Каппу». Осталось перевести «Табак и дьявол» и «Ду Цзычунь» — всего 18 страниц. Попробую управиться за месяц, чтобы сентябрю к 15 сдать.

От Ленки ничего нет, только телеграмма с сообщением о деньгах. Тоска, тоска, тоска. Ничего не хочется делать. Нудит меня Александр Михайлович <Лейтес>. Завтра идти в ЦДЛ лобзаться с японцами.

Макаров, конечно, рисунков не сдал. Надоело это мне. Сегодня иду к нему, заберу «Возвращение» и «Стажера». Кстати, «Стажера» надобно забросить либо к Варшавскому, либо в «Юность». Или в «Мол<одую> гв<ардию>»? Жалко, я там никого не знаю.

Приходила киска из телевидения, требовала инсценировок. Я ей показал на порог.

Господи, какая тоска!

И надо еще зайти в кооператив, приписать, что согласен на 9-й этаж. Так советует Варшавский.

30 июля, вс

Пришли письма. Сначала было страшно тяжело, не мог ни пить, ни есть. А хорош у меня инстинкт самосохранения: в десять пошел в магазин, купил бутылку вина и икры и все разом потребил. Сейчас сижу и читаю Чехова, и странно — судьбы этих недоносков

интересны мне более, чем моя собственная. Смерть? Убийство? А зачем? И дети вдобавок. Жизнь. Жизнь.

На окне сидела девушка в халате на голое тело, а внизу, на скамейке под будкой, валялись двое парней. Девушка смотрела на них с гадливостью, потом ушла.

31 июля

Леонид Обливальный.

25 августа, пт

Муть какая-то. Попытался подготовить «В дебрях Европы», да так и бросил.

«Крестьяне» зарезаны.

«Возвращение» лежит у Пискунова.

В «Юности» облаяли, в «Природе» облаяли.

Сегодня тесть с тещей уехали в Подмосковье.

31 августа, чт

«Возвращение» все еще у Пискунова. Обещают вернуть в понедельник.

У Крысы сильный фурункулез на руке.

Андреев недоволен «Стажером».

Буду работать:

а) «Пионовый фонарь», 190 стр.;

б) «61 Лебеда», 190 стр.;

в) «В дебрях Европы»;

г) Наука.

Со вчерашнего дня бросил курить. Делаю зарядку.

1 сентября, пт

Отличная это идея — книга о Горбовском. Только сделать ее надо по прожекторному типу, а не сборником рассказов. Немножко, конечно, влияние Бёлля, но это пустяки. Приглашаю Бориса сюда на обсуждение. А 4-го у Карпинского совещание относительно «Искателя».

12 сентября, вт

«Возвращение» все еще у Пискунова. Ирония и жалость: он еще удивляется, зачем ему эту рукопись дали! Хочется пальцы себе кусать, право.

Да, 2-го приезжал Борька, 4-го после совещания у Карпинского уехал. Обговорили о Горбовском.

Проект новой повести.

Сделал вводную главу «Венера. Берег Ермакова».

«Пионового фонаря» считано 3 стр.

К переводу «61» еще не приступлено. Колеблюсь, не взять ли лучше «4-й ледниковый»? По крайней мере книга серьезная, не детская. А с другой стороны...

И еще хочется перевести все самые интересные англо-американские sf.

А «Дебри» бросил. Здесь Борька прислал «Магов» — вот над чем надо поработать.

28 сентября, чт

На работе. Бегал в Л<енингра>д от тещи. Глупо ужасно. Потерял лицо. Вернулся в понедельник, две ночи ночевал у Гайдадымовых, затем вернулся домой. Хорошо, что мама была на курорте.

Взят в армию до Нового года. Говорят, Вадецкий хочет вмешаться и не пустить, но это не выйдет.

В общем, работа над обновлением «Стажера» будет врозь.

«Возвращение», потеряв вставки о современности, пошло в производство.

Макаров просит иллюстрировать «Стажера». Пусть. На его страх и риск. А там видно будет.

Касселя, видимо, назад в Детгиз не примут. Вот дали бы мне в начальники В. Мальт! Да куда там! Возьмут, скорее всего, Морозову.

Витя Санович сделал предисловие к «Каппе». Это здорово получилось. И стихи тож.

30 сентября

Военкоматская точность: повестка к 9.00. Сейчас уже половина 10-го. В дежурке майор: «Вас вызовут». Сажу напротив двери: «2-я часть» (на стекле), «Прием и снятие с учета призывников» (на бумаге). Сначала просто сидели — молча и серьезно вдоль коридора. У моей двери собираются призывники — молодые ребята. Один нервически зевает, смеется, неловко шутит. Остальные помалкивают, напускают солидность. Один — громадный, широкий — учится в консерватории. Служащая сказала. Сейчас же разговор об институте военных дирижеров. Спорят: бывают в армии институты или нет. «Хорошо, если бы с нами попал. Я сам артист, мое место в буфете». Опять все сидят молча. Ждут каких-то майоров. А майоры задерживаются. Наш брат переводчик стоит на улице, острит. В коридоре, кажется, один я. Плакаты: «Новости жизни» (стенд), «Честь и звание солдата береги свято». Когда же придут, часа через два? Какое через два? Они у военкома. Сейчас придут. А, у военкома, вон что...

Все бы хорошо, только бы не подстригаться. А то заделают под Котовского. Как Хрущев. Важно ходят дамочки с папками.

1 октября, вс

Нас позвали без 20 десять. По одному вызывал капитан Филиппов, спрашивал, нет ли у нас претензий. Я встретил Мишу Маяковского, он был у меня на 1 курсе в 1950–51 году, славный румяный мальчик. Сейчас работает конструктором в п<очтовом> я<щике>. И еще я встретил Рагимова — азербайджанца-перса.

Некто Грошин (или Грошинов) явился тих-бух, его выгнали. Затем мы отправились на трамвай и ок<оло> одиннадцати высадились на Краснокурсантской перед Академией БТМВ. Нас сразу же отправили за пропусками. Погода изумительная, пахнет осенью, мы лениво сидели и трепались, вставая по одному за пропусками. Оказалось, что нас 16, есть японисты, иранисты и тюркологи. Затем нас отвели собственно в Академию, в коридор перед строевым отделом, и Филиппов сдал нас какому-то подполковнику. Нас построили и сделали переключку. Называя мою фамилию, подполковник на меня как-то странно поглядел. М<ожет> б<ыть,> мне показалось. Затем мы сходили в книжный фонд за литературой. Мне достались 2 тома учебника Фомина и Катаямы, два словаря и хрестоматии Андриевича и Пашковского. Затем мы до трех сидели во дворе и ждали, после чего явился подполковник и разогнал нас по домам. Все притворились, что это весело, но были явно разочарованы.

Сегодня гулял с Крыской по Москве на предмет обмена жилплощадью. Отправил Борису его 50 и вернул Томану Г. Уэллса.

Завтра в 8.45 явиться на этот сакраментальный двор Сталинской академии. Будем получать шмутки.

3 октября (утро)

Только что с физзарядки. Проводил я. Пробежались, а затем я объявил, что комплекса не знаю, и предложил делать зарядку кто во что горазд.

Вчера получили обмундирование — знакомая вонь кирзы, кожи и г... — облачились на 4-м этаже в коридоре. Обмундированьице х<лопчато->б<умажное>, черные погончики, кирзовые сапоги, портянки.

Назначили на построении начальство: старшина Мельников, ст<арший> л<ейтенан>т, окончил курсы во Владивостоке в 45-м, знает наших канских ребят. Я — ком<андир> (пока) 1-го, японского отделения, Кривко — турецкого, Рагимов — персидского. У Кривко и Рагимова кавказцы, с ними морока будет — не обобратся.

Обедали. Борщ из-под мяса без сметаны, кусочек г... вместо котлеты и пюре. И у меня сразу изжога. В буфете можно прикупить.

Затем заняли свою казарму — длинное, только что отремонтированное здание в 1 этаж. «Начальство» поселено отдельно. Ребята — по отделениям. 5–3 чел<овек> в комнату. Общее ощущение неприкаянности, все брюзжат. Вечерняя поверка вызвала почти суеверный ужас. На ночь надел теплое белье и не раскаялся.

Утром выяснилось, что в казарме есть клопы. Художник Акоюн: «Я не выношу всех этих построений. Я один пойду. И нельзя делать зарядку в погонах» — это он Мельникову. Мельников неловко ухмыляется, не знает, что делать. А что, действительно, делать? Я тоже чувствую себя немного предателем.

4 октября (начало самоподготовки)

Втягиваемся. Ужасно мучают изжоги — каждый раз через 2 часа после еды. А уж еда здесь! Преподает у нас Головина — нестарая еще японистка, очень мало знающая, нас боится, поэтому старается держаться запанибрата.

Ребята в отделении хорошие, умницы, работать с ними приятно. Потом буду писать о них подробнее. По крайней мере трое язык знают неплохо.

Начал переводить «61 Лебедя». Идет легко.

У персов и тюркологов кавказцы и среднеазиаты. Никакого понятия о дисциплине. Подполковник Фролов (наш начальник) понемногу свирепеет. Впрочем, кажется, скорее для вида.

Вечером звонил Крысе.

6 октября

Утро. Подъем был в 6, потому что идет гарнизонная партконференция и в столовой кушают генералы. Кормят до того отвратно, что есть по утрам практически невозможно. Я ем только хлеб с маслом и чай. Изжога.

Расту. Вчера заболел Кривко, и старшиной назначили меня. Я сопротивлялся, но потом плюнул. Ничего типично старшинского я еще не сделал и, вероятно, вряд ли сделаю. Только вот наряды приходится составлять.

Ребят в нашем отделении можно, грубо, разделить на три группы. Мельников, Гинзбург, Петров и Рамазанов — старички, окончили курсы переводчиков во Владивостоке в 45-м вместе с Ковалевым, Обливальным и т. д. Хорошие ребята,

Мельников работал в дисциплинарном батальоне, но тоже ничего. Мы с ним в одной комнате (командирской). Гинзбург — почти пожилой еврей, седой, смешливый, симпатично-неумный. Петров — из Башкирии, любит старые анекдоты, да они все любят. И огромный, важный, серьезный Рамазанов. Это одна группа.

Другая — москвичи, не очень тянущие. Это мой Миша Маяковский, Овечкин, Романча, Вольнов. Вольнов спортсмен, застенчивый, широкий, румяный. Армией несколько ошеломлен. Овечкин и Романча — веселые, неунывающие, серьезные, как щенки.

И третья — самые сильные японисты. Они таскались по Японии со всякими поручениями и заданиями. Это Гавриленко — похожий на борца, умница, Соловьев — мальчишка, и Гуськов — тоже огромный, широкий, уже почти пожилой. Буду стараться всех их уберегать от нарядов по воскресеньям и субботам, а равно и праздникам.

9 октября, пн

Вот и неделя прошла. Впереди их еще 11. Позавчера ходил домой, много спал, настроение было скверное, какая-то тоска и подавленность. Может быть, виной тому идиотская статья некоего Лобанова в «ЛиЖи» от 4.10 о «Возвращении». Как не надоест, право! «Люди — придатки механизмов» и т. д. Все по единой схеме, списанной с десятков посредственных статей о НФ. Создается впечатление, что сей Лобанов и не читал «Возвращения». А может быть, тоска эта — от недобрых предчувствий войны и пр^{очего}.

Старшиной я быть перестал вчера вечером, пришел Кривко. Но в субботу я успел наорать на одного грузина, отчего тоже самому же было противно.

Наши ребята, кто был в Японии, рассказывают много интересного. О том, как наследный принц Акихито женился на хорошенькой дочке миллионера-мельника, как она не хотела, а ее заставили, ибо императорский дом Японии вырождается, и наследный принц при возрасте 25 лет выглядит сорокалетним. Ее склонили, но она поставила много условий, в частности, не позволила ограничивать свою свободу. И о деле Растворова, и о крестинах-перебежчиках, и так далее. А фамилия профессора — Клавко, и не в Швеции это было, а в Канаде, и бежал он от уязвленного самолюбия, никто не хотел опубликовывать его бред, и он привез его в Канаду, а там тоже отказались.

Миша Маяковский привез мне Такэнобу.

У нас уже ЧП. Вчера вечером Дмитриев и Хомерики напились и угнали такси, сбили «Москвича», покалечили свою машину. Ожидаются репрессии.

10 октября

Сегодня Генка Гавриленко сказал за обедом: осталось девять десятых времени. Одну десятую прошли. Да, а вообще-то остались те же три месяца без какой-то мелочи.

Садыков. Молодой азербайджанец, учитель азербайджанской литературы, цитирует наизусть Самеда Вургуну. Что мне надо? У меня 15 барашков да 100 рублей зарплаты. Коммунист. Лицо глупое, как у персонажа народных сказок про незадачливых дурачков. Русского языка совсем почти не знает, персидского тоже, зачем его сюда прислали — непонятно. Когда принимали присягу, его в список не включили. Оказалось, он в подписке о присяге написал, что принимал в 42-м году (сам он 30-го года рождения), списал это у кого-то из русских соседей, решил, что «так положено». Принимал присягу, когда все разошлись. Читал: «И пусть посыпет меня суровая корова советского народа...» Ясно, такая присяга может и должна быть опротестована. Да кому какое дело, что он не знает по-русски?

Позавчера — он влюбился в девушку на междугороднем телефоне в столовой — он понес этой девушке гранаты и яблоки, от волнения вспотел, забыл все русские слова и, сунув ей сверток, заорал: «Давай! Давай, да?» Она страшно перепугалась и сконфузилась, а он совал ей дары и кричал: «Давай, да? Что, у тебя нет, да? Нет, да? Давай!» Мы ржали ужасно.

Дмитриев и Хомерики оправданы, их освободили после очной ставки с тем мерзавцем, с которым они пили. Сегодня Головина привела на урок Женю Тулинову — устраивала смотрины Романче.

17 октября, вт

Вчера приехала мама проездом из Гурзуфа. Мы с Ленкой ее встречали, затем поехали к нам. Я-то уж даже портфель захватил, думал, сразу от тети Мани <Теселько> в казармы. Ну, вечером мама все равно поехала к тете Мане, и я проводил ее, посадил на трамвай. Мама обижается, говорит, что нет у нас прежней любви и ласки к ней, а это неправда, просто мы устали очень оба, и я, и Борька. После Нового года возьму отпуск, поеду в Л<енинград> и проведу там месяц как в старину, с джокером и отдыхом.

Вчера был зол, глупо раздражен, потому что пропала книжка, которую я читал, и потому что пришлось брать из ателье дурацкий костюм (элегантный, серый, глупый, как попугайские перья) <...>.

Ну, ладно. Это дела домашние. А вот и дела казарменные. Берелидзе: «Зачем, понимаешь, пригнали нас сюда? Какие мы переводчики с персидского? Вон пусть берут узбеков, их шесть миллионов готовых переводчиков!» Ахроров: «Ты что же, хочешь, чтобы грузины сидели, вино пили, а узбек эту вот рвань носил?» (дергает себя за рукав гимнастерки).

Сичикава и Барков надрались, стали в коридоре бороться, и Барков трахнул Сичикаву башкой о косяк. Мы сидели с Гавриленкой, болтали в нашей аудитории, вдруг дверь распаивается, и вкатывается голова Сичикавы. Ходит теперь перебинтованный.

Одновременно испортился электрический утюг. Ходит параша, что Барков треснул Сичикаву утюгом по черепу, отчего утюг испортился.

Был строевой смотр. Все почти получили «плохо». А Костя Гуськов ухитрился приветствовать левой рукой. Все ржали.

С 16-го перешли на зимнюю форму. Я в шапке и солдатской шинели. Кажется, зрелище чудовищное. Да ничего, перебежусь. Сбавил еще на 1,5 кг. Теперь вешу 88 кг. Будем продолжать в том же духе. Начал читать «Семью Звонаревых», да так и бросил. Дерьмо это. Лучше читать Фолкнера по-английски. Продолжаю «61 Лебедя». Перешел на стр. 34.

Да, звонила Нина Матвеевна <Беркова>. Из корректорской пришло «Возвращение», а Вики нет. Мы с Н. М. быстро все вопросы решили. Главное — убрать большие буквы, «чертей» и упорядочить фамилии. И пришла «Наука та праця» со «Свечками перед пультом».

21 октября, сб

Тошно и нудно. В четверг нас распустили ночевать по домам, теперь мы приходящие.

<...> в Детгизе задержали «Возвращение», были очень растеряны, когда я пришел туда и спросил, что с рукописью. <...>

Вышел в свет молодогвардейский сборник «Золотой тюльпан». Больше новостей нет. Сегодня думаю потребить рому или коньяку.

Да, пришел из Украины перевод на 98 руб. за «Свічки».

Съезд просто поражает. Что за наивное бесстыдство: порицать и предавать анафеме культ личности и одновременно превозносить «лично Никиту Сергеевича»?

Странно, странно. К чему все это идет?

29 октября, вс

Отличная заключительная речь Хрущева.

Борькины письма печальны. Он взял отпуск на 10 дней.

А я служу — командир отделения. Все глупо, бессмысленно. На уроках языка перевожу «61 Лебедя». Неплохо было бы, если бы приняли куда-либо.

Все хочется не упустить, записать анекдоты, армянское радио, да стоит ли... Хрен с ним, пожалуй.

С середины недели стали с Ленкой учить японский — прямо по книге «[иероглифами «Одержимый человек»]», пер^{евод} с английского. Ленка молодчина, хорошо занимается. Только надолго ли хватит? Звонил Гуревич, сказал, что Кумкес из Географгиза передал для меня «Моби Дика» — славно!

12 ноября, вс

Жалко, что уходят много анекдотов об армянском радио — лень записывать. Впрочем, вот несколько:

«Старый рубль — ничего, новый — в 10 р^{аз} больше».

«Изобилие — надеть авоську на репродуктор».

«Н^{икита} Х^{рущев} — умеем сажать не только кукурузу».

«Машина “Жопарожица”».

«Еврей и китаец в самолете — а вы не еврей?»

«За что сместили Даллеса».

И прочие. Все забыл. А хороший набор кавказских фамилий: Сичикава, Хомерики, Пагава, Садыков, Гугушвили. Надо использовать где-либо. Берелидзе.

Борис прислал «Стажеров». Будем работать — взял на понедельник отпуск.

Читаю старого Шкловского «О теории прозы». Занятные мысли.

Нарочитая запутанность сюжета старого романа, совпадения, узнавание, побеги и пр. — «поэтому на вопрос Толстого: «почему Лир не узнает Кента и Кент Эдварда» можно ответить: потому что это нужно для построения драмы, а нереальность беспокоила Шекспира так же мало, как беспокоит шахматиста вопрос — почему конь не может ходить прямо». стр. 41

Дон-Кихот и Панса, в начале и 2-й части безмозглые, становятся противоречием себе, кладзем мудрости. Если в 1 части Кихот заблуждается, то дальше его все мистифицируют.

Любопытны приемы Толстого: там, где можно было бы усилить сюжетный интерес вещи, он это в первых же строках снимает. Как если бы в детективе говорилось сразу же: труп там-то, а убийца — тот-то, а нашли его так-то. Толстой, видимо, хотел переносить все ударения на анализ, на «подробности». Подумать над этим.

Возможна новелла ошибки:

У Чехова: длинные волосы у попов и социалистов. Надо их смешать. Мотивировка — дело происходит в бане.

А любопытно было бы написать детектив, в котором разгадка не одна, а две равноправных. И сыщик, разгадавший правильно, оказывается в глупом положении — когда его спрашивают, а почему не могло быть по-другому, он изумлен, ему вторая разгадка и в голову не приходила.

Сейчас звонила Вика, дело с «Возвращением» все еще тянется. Я прямо из себя вышел от злости. И с деньгами для Бориса ничего не вышло. Дерьмо. Будь они прокляты, поклонники серятины!

20 ноября, пн

Работаю со «Стажером» — вернее, со «Стажерами». «Возвращение» (если верить Вике) в субботу пошло в набор. Проблема с предисловием: Андреев? Ефремов? Свое?

«Стажеры» — т. е. «Генеральный инспектор» как будто взят в «Альманах». Пока ничему не верю. Это сегодня сказала Нина Матвеевна (звонила). Она будет делать этот «Мир».

Написал деловое письмо Борьке.

Все.

5 декабря, День Конституции

Странно, декабрь — а день совсем весенний. Солнце, синее небо, лужи.

Что делаю?

Для «Стажеров» осталось доделать размышления Жилина. «На четвереньках» переделал кое-как, отправил Борьке. Жду сейчас его правку.

«Генеральный инспектор» идет в альманах, сейчас он у Томана.

«61 Лебедя» переведен до половины. Думаю предложить его в «Пионер». По моим подсчетам он будет на 8 листов. Только хочется убрать там эти «цереброприемники». Это и сократит повесть, и сделает ее лучше.

Неделю назад послал из Детгиза Сэгаве письмо и бандероль с английскими переводами наших вещей.

«Возвращение» где-то в недрах производства.

Были с Ленкой вчера у Виктора Семеновича Михайлова. Там были Томан и С. Смирнов с супругами. Супруги нам с Ленкой не понравились.

<...>

Скоро конец казарме. Угрожают взять в армию.

Сегодня идем к Макаровым.

Послал Борьке 600 р., «Золотой лотос», письмо.

26 декабря, вт

Вчера закончились сборы. Последний экзамен — японский устный — даже не пытались сдавать: просто нам поставили пятерки, всему отделению, кроме Гриши Гинзбурга. Грузины («черные» или «чернож...е», как их называл Вася Мельников) предлагали выпить совместно, но мы (Гуськов, Соловьев, Гавриленко, Миша Маяковский, Леня Вольнов и я) удрали в харчевню у церкви Петра и Павла и там поднадрались. Позже к нам присоединились Мельников и Рагимов. Рагимова пришлось вести домой. Затем сбежал на вокзал, уже в поезде попрощался с Васей, Лукой Петровым и Гинзбургом. Рагимов говорил, что грузины страшно обиделись.

Как бы то ни было — теперь я свободен.

Сегодня был в Детгизе, говорил с Исаем Борисовичем Лукодьяновым. Девушки сделали роскошный завтрак — оладьи. Поехал в Гослитиздат, потрепался с нашими, поглядел иллюстрации Бисти к «Каппе» — отличные.

Сегодня получился сигнал Уэда Акинари.

Верстка «Возвращения» у Вики. Я вместо предисловия предложил дать редакционную аннотацию.

«Стажеры» сданы в «Мол<одую> гв<ардию>» в окончательно исправленном виде. Теперь о них беспокоиться не буду.

Альманашный вариант «Стажеров» — «Должен жить» — тоже закончен, лежит в редакционном столе.

«61 Лебедя» сделан на 2/3 (в черновике, разум<еется>).

Из журналов — Варшавский собирается взять в «Знание — сила» «Злоумышленников», а «Искатель» — «Нищие духом» и «Смерть-планетчиков».

Вышел ленинградский сборник «Янтарная комната», где наши «Свечи перед пультом». Прислано 279 руб.

Наташка <Воскресенская> болеет коклюшем, <...>.

Завтра мне в биб<лиотечный> техникум, присутствовать на сборе Клуба ЛКМ (Лощманы Книжных Морей). Вот и все дела пока. Сейчас буду писать письмо Борису.

31 декабря, вс

Получил поздравления от гослитовцев и от Майки Глумовой.

Гуревич сообщил, что в ССП нас не приняли. Отнесся я к этому очень спокойно, даже сам удивился; ни гроша не стоят симпатии и антипатии людей, которые имеют сейчас власть и возможность порицать и хвалить в литературе. Они только раздражают. От них отмахиваешься, как от навозных мух, и идешь своей дорогой.

Костя Семенов предложил перейти в агентство «Новости». Не знаю, может, и врет, но утверждает, что я там буду приветствоваться. 250 р. + 20 % за два языка, свободный распорядок и перспектива смотаться в страну.

Получены иллюстрации к «Меконгу» Высоцкого. Все восхищаются, а мне они не нравятся. Ну да хрен с ними. Скорее бы книжку сдать и выпустить. Отменная книжка. Сейчас спешно редактирую «Гибель Синего Орла» Болдырева.

Приходил Абызов (наш латышский доброжелатель). Я очень огорчен, что не могу протолкнуть «Эдем» в его переводе.

Получился сигнал «Угэцу» — да я уже писал об этом.

Из «Искателя» и «З-С» — ни слуха ни духа. Приходил Варшавский, сказал, что у них не до работы: потеряли всю верстку 1-го новогоднего номера.

Ну-с, с Новым годом, тов. Стругацкий.

В январе необходимо закончить «61 Леб<едя>». Осталось 107 столбцов. По 4–5 в день — и все будет в порядке.

Варшавский подал любопытную идею о цикличности развития человечества.

Высокая цивилизация — крах — средневековье — на периферии развивается новая. Она достигает высоты, снова крах, опять средневековье и опять периферия и т. д.

[См. рисунок-схему на с. 15 вклейки.]

Это хорошая тема для романа в стиле Фейхтвангера. Вспоминаются замыслы: «Рабы. Палачи. Пираты. Диктаторы». Показать, в какой грязи и крови выковывался человек.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961

Эта зарплата ему как-то к лицу. Идет.

Г<орбовский> в юности. Всегда недоволен собой. Вечно готовится к чему-то «настоящему».

Мальчик в обществе девушек. Ему нудновато и не радуется, что он самый сильный и ловкий.

Написать бы «Старинную песню». Академический интерес. В 22 веке пятеро готовятся к «Голосам десяти поколений». «Сотня юных бойцов из буденовских войск». Спевка. Повар-бас. Изучают песню, заинтересовываются филологией. Роятся в словарях. Девушке обидно. Представляет себе своего друга в буденовке, на коне, с шашкой, голодного и не может.

Стоит передо мной парень, косая сажень, грудь, на голову выше меня. Посмотрели его — в водолазы. Он — за что? Не разговаривать. Ему говорят: там питание хорошее. Он: ладно. Тут мне. Выдохнул я — тысяч пять-шесть кубиков. Смеются: тебя тоже в водолазы. Я: это я пошутил. Какие там шутки. Это же последний воздух из легких.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961–1962

There is so much good in the worst of us,
And so much bad in the best of us,
That it's hard to tell which of us
Ought to reform the rest of us¹.

Нуль есть наивысшее выражение двойственности.
(точка перехода)

Родники, забившие некогда в тесноте эмигрантских квартир и в застуженных залах экспроприированных дворцов, разлились в исполинский океан, волны которого залили планету и докатились до отдаленных звезд. Теперь нет не-коммунистов. Корыстолюбец, капиталист, эгоист был бы теперь белой вороной, дурацким чучелом в необъятном огороде изобилия. Но ведь и коммунисты теперь не такие, и это естественно — нет угнетенных, и нет борьбы за дело угнетенных. Есть изобилие, и нет больше борьбы за изобилие. У всех коммунистическая мораль, и нет больше борьбы за коммунистическую мораль. Но борьба-то есть! За что же они борются? За счастье — для всех... А что такое счастье — теперь?

Почему Гаганова в ЦК?

Быков приходит к Жилину с жалобой, что перестал понимать. Почему Жилин поддерживает Юрковского? Счастье!

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962

— А себе вы купили отраду?
— Купили. Две отрады.

— Я был дурак.
— Короче. Расскажи мне что-нибудь, что я не знаю.
[Более поздняя помета: «В беседу Ивана с Юрой».]

¹ Есть так много хорошего в худших из нас
И так много плохого в лучших из нас,
Что трудно сказать, какие из нас
Должны изменить остальных из нас (англ.).

Из машинного отделения вылетел взволнованный Иванов.
— Что случилось? — сварливо спросил Петров. — Ноготь сломал?

Дело идет о жизни или смерти, — сказал он, подумал и добавил: — Об очень веселой жизни и об очень скучной смерти.

Устами соплика глаголет истина, — устало сказал он.

— ... — проворчал он из-за огромного бутерброда с ветчиной.

Пляшет, как блоха, которую щекочут.

— Так что сначала подумай, а потом можешь даже не говорить.

— Моя фамилия Куроедова. Но мне жаловаться не приходится — до замужества меня звали Дерьмова.

— Нельзя ли где отдых взять?

Добежал до провалища и скрылся из глаз.

Птица весь народ окаменила.

Сем, думаю, зайду в эту комнату. Зашел, никого там нету, пусто, нехорошо.

Вышли ему совершенные годы, и захотелось ему жениться.

— Знаешь, Владимир, ты просто удивишься, без скольких законов я могу обойтись.

Быкову закон не писан.

«Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват».
(Из заповедей коллектива ком<мунистического> труда)
Лит<ературная> газ<ета> 4 мая 61 г.

Ты думаешь, я собака? Погладил по головке и дал пинок в зад?

Стюардесса в сопровождении двух пилотов, ухаживающих за нею, прошла через зал и скрылась в служебный вход. Через полчаса она появилась снова, уже без пилотов, с таким видом, словно она съела их за завтраком.

Он разразился широкой улыбкой.

Все время улыбался, словно знал, что без улыбки его физиономия станет слепой деревянной доской.

Если ты его вытерпишь, он, возможно, вытерпит тебя.

Крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла! Отличный экземпляр.

Очень хочется кушать, где тепло и уныло.

Человек, который все время носит очки в руках и размахивает ими во время разговора. Никто не видел их у него на лице.

Теперь я знаю, как себя чувствовал слепой дядюшка Тэда в темной комнате ночью, когда он искал черную шляпу, которой там не было.

— Это он виноват!

— Отлично. Дай-ка твой пульс. Ты не потеешь по ночам? Высуни язык и скажи «А».

Он представлялся другой половиной полоумного.

— И скажите этому вашему интеллигентному павиану, что он кретин.

— Наш павиан польщен. Его никто раньше не называл интеллигентным.

Родильный дом имени сиамских близнецов.

Маги-мутанты.

[Выписки к «В дебрях Европы (Три богатыря)»]

Чудо чудное, диво дивное (Добрыня?).

Опять калики тащатся... Не люблю я их...

— Давай заложимся за Святослава, что ли...

Палица булатная.

Рубану я тебя по крутым бедрам, Алешка, чтоб не взбрыкивал... до черного мяса просеку, ей-ей.

— Снять тебе голову — царские семена погубить... Ступай с богом, дурак.

— В лесу Брынском на Самородине-реке повстречал я Соловья-разбойника.

— Не тумайся, стой тихо, а то...

— Милосердие, милосердие... А сам у Соловья всех детей порезал.

— За досаду мне показалось, что он братьев на сестрах женит. А вообще зря, конечно...

А ежели я тебя того... выше дерева стоячего, а?

Не показалось это ему.

Ну, пошел я, сел, блюда мне нету. Тогда я этих пожал малость, они так со скамьи и посыпались.

А под городом силы нагнано — как черна ворона.

— Надо говорить: черным-черно.

— Тебя не спросил.

Соловей Разбойник Господин Одихмантьев.

Дороги: прямоезжая, окольная.

Волчья сыть травяной мешок.

Волчья сыть ты мешок с дерьмом.

Ества сахарная.
Питьице медвяное.

Подколенный-младший.

Во глазах подлыгаешься да насмехаешься. Где ж это видано — одним духом бочку?

Зелено вино разводить стоялыми медами.

Наказать бы тебя по нагому телу.

До-люби наелся.

Долонь — ладонь.

Речи не к лицу пришлись, не слюбились.

Ка-ак я его... Он в дверь... а дверь-то с ободвериной вместе и выскочила, и он с нею...

Крепок поганый на жилочках,
Тянется поганый, сам не рвется.

Красно золото, скатен жемчуг, чисто серебро.

Не ради басы, а для прочности, чтоб не сорвалось.

— Курева стоит... Едет кто-то.

Теперь мне не до вас стало.

Надо б эту башню на дым спустить.

Ах ты собачище изменное!

Никак это они нас обневолить наладились?

Circuit quaerens quem devoret¹.
Рыщет, чего бы пожрать.

Производился великий эксперимент, а ты и тебе подобные делали все, чтобы не дать нам в нем участвовать. Вы вопили об энтузиазме и тут же гасили этот энтузиазм...

Маги не могут входить в комнату, где висят часы. Циферблат часов для них табу.

Ложно понятое гостеприимство. Зачастили в гости, очарованные первым приемом.

Люди самодовлеющие и люди, которые вечно шляются в гости.

¹ Ходит вокруг и ищет, кого поглотить (*лат.*).

Какая ты плохая, Наташа, всегда смеешься надо мной, когда мне попадает. А я ухожу смеяться в другую комнату.

— Кого из русских царей ты знаешь?

— Царя Салтана.

Пхнул в нос охапку табаку.

Эй, братцы, не уснем, не воздремлем!

Идите дальше!

Костей его сюда ворон не занесет.

Мириться, что ли, али драться?

Ведь здесь живет прелихой змей.

Нужды нет. Мы и с тем справимся.

Средних лет или немного старше.

А что, Аркаша в полку?

— Дурак!

— Подлец!

— А что, если вы оба правы?

Отличный фехтовальщик — острием шпаги набрал номер на диске телефона.

Юрковский называет Быкова сухарем. Быков Юрковского — болтуном. Оба правы.

Пьеса

«Братья», «Новый год»

Три брата:

старший — писатель, из сидевших, талант, пишет мало;

средний — физик или математик, веселый, безалаберный талантище, «знакомьтесь, это моя новая жена, тоже физик»;

младший — биолог-кибернетист, страстно увлеченный, влюблен в среднего, уважает за отца старшего.

Мать — заслуженная учительница, из низов, с братьями немного робка и заискивает.

Муж погиб в репрес<сиях>.

Младшая сестра, студентка, очень независимая.

Действие — Л<енингра>д, 1961–2, Н<овый> г<од>.

Возрасты:

старший — 1920 — 41 год, сидел с 50-го по 54-й;

средний — 1925 — 37 лет, в атомный вуз не взяли, работал с математикой и механикой;

младший — 1928 — 33 года;

сестра — 1939 — 22 года;

матери 62 года.

Средний приезжает в Л<енингра>д на Н<овый> Г<од> со своей возлюбленной.

[Вычеркнуто «Гости:»]

Еще:

- 1) жена старшего — домохозяйка; возлюбленная среднего — физик;
- 2) друг и ухажер дочери, слушатель военной академии;
- 3) подруга матери — заведующая детской редакцией в одном из издательств.

История в США ставит опыт: высокая цивилизация без культуры.

Написать рассказ о людях будущего, разучивающих древнюю песню «Шинель» или ч<то>-л<ибо> в этом роде.

Роются в словарях, не понимают, а поняв — плачут.

Мысль о физическом вырождении людей. Вот, мол, были богатыри, на земле спали, в снегу, и хоть бы хны!

Ответ: посмотрел бы я на этих богатырей в окопах при танковой атаке.

Главное — усиление духа!

Человек, не признающий собственность, — не из политических принципов, как Нагульнов, а из удобства, чтобы не обременять мозг.

Деталь: аккуратно достает из кошелочка мелочь, билеты на метро. Ищет упавшую копейку; но щедр со всеми, денег не жалеет.

Новое направление, новое направление!

О людях необычайных, как жители иных миров. Воздействие цивилизации коммунизма таково, что люди стали психически и умственно невероятно отличаться друг от друга. Вот бы описать встречу трех таких людей от лица одного из них, такого же странного, как остальные!

На первый взгляд одинаковы совершенно. Но, познакомившись, находят друг в друге целые новые и незнакомые вселенные.

И это — основа счастливых браков, и счастливых дружеских союзов, и искреннего горя и ужаса при смерти и расставании.

А не использовать ли это в развлекательной вещи? Сделать иноземцев с нашей теперешней психикой, а землян — с новой и разнообразной?

Разная логика.

Вот у Лема в «Эдеме» и «Солярисе» люди с совершенно современной реакцией на неожиданное. А надо сделать другое.

Потрясающие открытия в области психологии, логики и воображения! «Оказалось, что если подвергнуть сознание долговременному воздействию мысли, то...»

Дон Кихота никогда не существовало. Но на нем видна вся Испания того времени.

Нужно дать тоже тип exaggerated¹ героя, напр<имер,> с огромным любопытством к людям. Он ничего иного не желает, кроме как заглядывать в души. И попадает в смешные и страшные положения.

¹ Преувеличенного (англ.)

Изнурять себя зарядкой.

Разговор на поздне-верхне-среднем марсианском языке.

— Ужасно секретная книга. Чуть ли не «перед прочтением сжечь».

Янь Чжитуй «Домашние наставления», 6-й век н. э.

В Еся есть пословица: «Когда ученый человек покупает осла, он напишет три акта о покупке, и в них ни разу не будет упомянут осел».

Аркадий Стругацкий Рабочие материалы к «В дебрях Европы» («Три богатыря»), 1961

Выехали в 1146 г., когда после смерти черниговского узурпатора Всеволода II Ольговича (1139–46) в Киеве началась резня. Попали в Галич при Владимирко Володаревиче (Галицкое кн<яжест>во) (1141–1153). Затем направились в Краков. В Кракове встретились с арабом Идриси (стр. 435). Здесь княжит Владислав II (по Статуту Болеслава Кривоустого 1138 г.), внук по матери Святопулка (киевского). Бежал из Польши как раз в это время. Они встретили его кавалькаду. В Опаве сталкиваются с маркграфом моравским, затем едут в Прагу, где княжит Владислав II — готовится стать королем. Но сам князь таскается с Барбароссой в Италии, вымаливает себе королевский титул. Масса немцев в Праге. В Германии императорствуют Штауфены (Гогенштауфены) из герц<огства> Швабия.

Рассказы:

о саксонских восстаниях,
об отражении тевтонов у зап<адных> славян,
о крестовом походе бедноты.

Встреча с молодым Барбароссой (род<ился в> 1125) в Страсбурге. Столкновение с Конрадом III, ведущим 2-й крестовый поход. Конрад — основатель Гогенштауфенов (1093–1152).

Во Франции — сожжение на кострах.

Веселые жонглеры.

Турниры?

Миракли.

стр. 353:

«Рим и всех, и каждого

Грабит безобразно;

Пресвятая курия —

Это рынок грязный».

Встреча с автором рыцарских романов Кретьеном де Труа.

Людовик VII (1119–80). Плохо живет с женой, Алиенорой Аквитанской. Вот их папаша, Людовик Толстый, это да. А у этого фактическим правителем аббат Сугерий (1081–1151). Сочинитель. Поддерживал города.

Нестор (ему ок<оло> 80 лет) — сидит в Киево-Печерской лавре.

«Повесть временных лет».

«Чтение о князьях Борисе и Глебе».
«Житие Феодосия».

1. У Нестора в келье. Алеша и Добрыня беседуют со старцем. Приходит Илья. В Киеве резня.

Этот паразит Всеволод Второй.

Решение ехать на Запад.

Алеша — за знаниями. Добрыня — за женой и богатством. Илья — надоело служить этим паразитам князьям.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1

1961

25.10

Встал в 10 ч. С утра было сумно — наверное, от дыни. А м<ожет> б<ыть,> после этой книжки «У черты заката». Там есть страшное место, когда художник вдруг понимает, что палитра и холст не влекут его больше, а наоборот внушают неприязнь.

Переделал разговор 8 гл<авы> «Марс. Астрономы». Получилось немногим лучше. Нет сочности и свежести слов. Все серое, как день за окном.

Ходил в писдом. Как вошел — стало уныло. Это учреждение, служба. Не знаю, чего я ждал — ярких современных комнат, толпы народа с трубками в зубах, огромных кресел с беседующими легко и интересно. Предложили раздеться. Я сказал, что я писатель, и швейцариха тонко заулыбалась.

Раздеваться надо в подвале, похожем на курительную перед общественным клозетом. На вешалке симпатичная тетя взяла у меня плащ и заявила:

— Кошки и собаки куда лучше людей.

— Почему?

— Люди уж такие гадкие стали, такие гадкие.

Я выразил надежду, что ко мне это не относится, она подтвердила.

Лестницы какие-то ущербные и похожи на заплыванные. Я все ждал почему-то, что запахнет солями аммиака.

В пустой комнате меня приняла очень милая старуха — армянка или еврейка. Но узнав, что я сам не знаю, чего хочу, помрачнела и перестала улыбаться. Впрочем, была очень любезна, дала адрес Г<еннадия> Самуиловича Гора. «Напишите ему открытку. М<ожет> б<ыть,> он даст вам возможность выступить с чтением отрывков — по линии политпропаганды...»

Я завял и ушел.

26.10

Встал в 10.30. Ночью снилось, что иду куда-то представителем от лаборатории, а Гельфрейх должен нести «красный флаг вертолета». Какого вертолета, какой флаг? Не понимал, но завидовал.

А чтобы писать сочно, надо хорошо представить то, что пишешь, ту жизнь, которую описываешь. Вот где нужна фантазия. Это фантазия высшего класса. Кто ею может похвастаться? Уэллс, Толстой, Ж. Верн? Да, пожалуй. Более всех, все-таки, Толстой. Это был Фантаст! Я убежден, что он все придумывал. Какой же силой воображения надо обладать?!!

Герой должен все время поступать. Все время. Поговорил. Выпил. Вытащил кого-то из петли. Выпил. Переспал. Поговорил. Убил. Поговорил. Выпил и т. д. В Равика все-таки не веришь. Что-то в нем не так. Не м<ожет> б<ыть> одинокий, циничный, отчаявшийся таким гуманным. Дело пахнет развесистой клюквой и душистыми лаптями. Челкаш сплошной.

А если бы Равик бежал в СССР? Что, собственно, ему нужно было для счастья? Паспорт? Родина?

28.10

Дождались светлого праздничка! Хрущев сказал, что не имеет права марксист-ленинец восхвалять и выдвигать одну личность.

Неужели же нашелся, наконец, честный человек! И не начало ли это нового утонченнейшего культа!

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3

1961

26.12

Вот, спрашивается, как прошел день? Убавилась черта, не прибавилось ни черта. (Что, интересно, Есенин имел в виду под словами «убавилась черта»?) Хочется жить, впитывая впечатления, как губка. Не получается. Наверное, потому что губка впитывает, только если ее предварительно сожмут. И чем крепче ее сожмут, тем больше она впитывает. Что ты запомнила, губка? Чистый прозрачный ручей, песчаное дно, на котором черными гибкими палочками колебались рыбы — их очень хотелось поймать и подержать в руке. Поперек ручья было бревно. Наверное, не бревно, а ствол. Ничего не помню — что было по сторонам ручья, только ствол поперек, и я держусь за него руками, а сам вытянулся по течению, и где-то рядом отец, которого совершенно не помню, и Арк, которого тоже не помню. И отец весело кричит: «По бим-бом-брамселям!» И нужно сразу же поднырнуть под бревно — весело ужасно, но я нырнул и стукнулся головой о торчащий сук, так что в глазах потемнело. Губку нажали, и она впитала.

Потом какая-то странная ночь — мама не спит и очень испугана, а в небе гудят самолеты — много-много.

Как вышли с Арком ловить кошку и шли сначала по двору, потом вышли на Саратовскую — людей не было, только белый глубокий снег — совсем как сейчас. Потом отец с Арком что-то делали в ванной. Шума почти не было, но потом вышел кто-то из ванной с окровавленным топором и стал его мыть под рукомойником. Было совсем не страшно. А потом в кухне было тепло, светло, чисто. Мама скоблила кошачьи внутренности и жарила их. Было жареное мясо, и вареное мясо, и бульон. Это случилось в ноябре, когда у мамы украли карточки в магазине.

Был еще какой-то жирный кот из магазина — целая горка жира на плите — и еще последняя наша кошка — тринадцатая. Маленький, невообразимо тощий котенок — рыжий с зелеными глазами. Я все хотел его погладить, но он кидался к пальцам и хватал их зубами. Тогда мясо уже не жарили — только варили, варили всё — мясо, кости, внутренности, голову.

Все это было, но странно, что сейчас нет ни ненависти, ни ужаса. Конечно, ум протестует против этого, мозг называет это преступлением, кошмаром, но чувства молчат — было и было. Просто было — как многое и многое другое. А вот как вышел встречать маму и шел по снежному Карла Маркса — все черное и белое вокруг, черное и белое —

мимо грязно-белой стены завода, мимо ворот, из-под которых выходили паровозные рельсы, мимо мертвой женщины на снегу под самой стеной и запеленутого ребенка рядом — он еще пищал, — мимо церкви со сбитой верхушкой и дальше, дальше, а мамы все не было, а она должна была уже давно встретиться, и больше ничего не было, только плач — тихий, но отчаянный до ужаса — и детский страх и жуткий рассказ Арка в памяти, как его преследовала какая-то угрюмая женщина, а потом повернулась, и только топор метнулся в сложенных за спиной руках... В исполкоме сказали, что мама давно ушла — и снова пять километров по черно-белым улицам с черными медленными людьми, которым на тебя наплевать, и слезы, замерзающие на ресницах. Женщина все еще лежала под стеной, но запеленутый сверток молчал. У женщины было белое спокойное лицо. А потом — мама с мокрыми щеками и почему-то черными глазами — можно кинуться, прижаться к холодному мерзлому пальто и изо всех сил реветь от счастья и облегчения. Вот тогда, наверное, и родилось это — всем на тебя наплевать, кроме мамы. Нет на земле родных, кроме мамы. Тогда это, наверное, началось и осталось до сих пор, хотя были и друзья, и возлюбленные, и любимая, и такие люди, как Виктор <Новопашенный> и Галя П<анова>. С нее я начну завтра. Надо писать каждый день. Если что-нибудь хочешь делать по настоящему — делай, пробуй каждый день.

А если голова разламывается? Или надо идти в кино? Или плохое настроение? Или ждешь дряни, которая должна случиться через месяц? Вот от чего надо излечиться — от ожидания дряни. Научиться жить сегодняшним днем — тогда сможешь радоваться изо всех сил и работать изо всех сил.

27.12

Голова, положим, не разламывается, и особой дряни в ближайшем будущем не предвидится, однако хочется спать и уже десять минут двенадцатого, так что голова будет разламываться завтра. Сегодня третий день разгребал архивы. Черт возьми, не так уж мало сделано, не так уж мало обдуманно! И целая куча вещей «законченных, не опубликованных» — они никогда и не будут опубликованы, а читать все равно интересно. Надо будет ребятам прочесть «Импровизатора». Никогда, наверное, не пойму, чем мне так нравится этот на редкость бессодержательный рассказ — наверное, потому, что мне самому всегда хотелось быть таким, как этот искалеченный парень с приступами неуправляемого связного бреда.

Вот Галя. Стройная изящная женщина с юношеской фигурой и старым лицом. Впрочем, сразу неверно — лицо у нее молодое, когда ей хорошо, и старушечье, когда ей плохо. Не знаю другого человека с такими резкими и причудливо неожиданными перепадами настроений. Ее может обидеть чья-то радость и утешить минимальное внимание. Она полна твердокаменных заблуждений и постоянно спотыкается о них, и это расстраивает ее ужасно, а когда она расстроена, то все вокруг виноваты. Она наверняка знает этот свой дефект, но ничего не может с ним поделать. Странное, какое-то книжное сочетание редкой доброты душевной с негибаемыми принципами, от которых никакой пользы, а одни неприятности. Наверное, про таких именно людей сказано: чем больше делаешь добра, тем хуже к тебе относятся. Наверное, всем своим знакомым она когда-нибудь, как-нибудь, чем-нибудь помогла, но я не знаю ни одного человека, который относился бы к ней так хорошо, как некоторые относятся ко мне, хотя я если и делал когда добро, то редко, случайно или через силу. Несправедливо и нечестно. Потому что она человек, на которого можно положиться во всем. Потому что главное в ней — доброта и большое чутье к чужому несчастью, и она готова делать добро даже перешагивая через свои принципы. Есть такие люди, у которых жизнь вечно идет наперекосяк, все добрые намерения оборачиваются несправедливым злом, а они все-таки ухитряются сохранять веру в хорошее, а поэтому и доброту, и жизнерадостность, и интерес, активный интерес к окружающему. И всегда они так жадно тянутся к доброму слову, к ласке, хоть к какому-

нибудь вниманию и признанию — и всегда все это для них редкость, лакомство. Тоска по теплу человеческому. Тепла нет и нет, они взрываются, расстраиваются, отчаиваются, а потом упадет лучик — случайный, небрежный, брошенный словно подачка — и они снова оживают, как стрекозы под солнцем.

Не понимаю, почему так трудно их переносить даже в небольших дозах. Может быть, потому, что они радуются непонятному, может быть, потому, что они так жалки в тот момент, когда на них падает лучик, а может, потому, что они не способны понять, что люди вокруг, по сути дела, не добрые и не злые, а просто не похожие на них. Они как-то всегда всё меряют на свой аршин и не могут понять, почему ты злой, когда они веселы. Они очень хотят, чтобы человек был прост, но мало ли кто чего хочет, а человек не прост, и надо к этому привыкнуть. Это чертовски важная в жизни штука — привыкнуть к тому, что человек не прост и может сильно отличаться от тебя. Про тех, кто привык, обычно говорят — умный человек, а имеют в виду просто — человек, который умеет не обижаться. А Галя не умеет, но она много знает, но, к сожалению, еще больше говорит. Совершенно не способна фильтровать свои сообщения: «Я выскочила из семнадцатой и вдруг смотрю — Дейч. Он говорит: здравствуйте, Галя. Я поздоровалась, а он пошел по коридору так, помахивая ручкой, а я прямо сюда...» Зачем рассказано и к чему? Ведь дальше речь пойдет о том, что пора обедать. Ей-богу, если бы писатель попробовал фотографически изображать жизнь — роман бы раздуло газами таких вот разговоров — без вкуса, цвета и запаха. Что за дурацкое устройство человека! С трудом переносишь Галю, которая, чтобы сделать тебе приятное, выстояла вчера после работы очередь за книгой для тебя, и готов часами трепаться с Копыловым, который пришел забрать у тебя последние два рубля и которому плевать на это.

28.12

Все Пулково замело снегом, все белое, синее, хрустящее, ледяное. На газонах — заструги, около углов домов ветер поднимает белый дым. Мы с Сашкой <Копыловым> тащим магнитофон, подцепив его ремнями за ручки. У Сашки ремень короткий, он перекинул его через плечо и ноет, что тот по миллиметру выскальзывает. Магнитофон тяжело упирается ему в зад. Мы бредем проваливаясь по дорожкам, как планетолечики, попавшие в аварию. Увязываются краснолицые ребятишки с соплей по губе. «Ух, и ящичек». — «А чево это в нем — он пустое?» — «Мы вам поможем». Подхватывают грузно покачивающийся саркофаг — серый, шершавый и привлекательный. Вдруг один говорит: «Мне таким операцию делали», а другой: «Во пахнет, законно!» Мы ржем. Ай да парень! Надо же среди всех мыслимых качеств магнитофона, который приходится тащить, обнаружить и выделить запах! Это и называется — найти и увидеть в жизни новое, никем не замеченное.

Про «соплю по губе» Галя сказала бы: «Не надо. Как-то грубо. Мне не нравится». Понадобилось года три, чтобы она привыкла к словам «дерьмо» и «унитаз», и еще три — чтобы начать употреблять их как все — с небрежностью. Ее реакция на «простые» слова так нелепа для немолодой уже женщины из студентов, что доставляет какое-то извращенное удовольствие произносить их при ней и смотреть, как ее коробит.

А ведь есть в человеке эдакая подсознательная склонность к уродливому, склонность — в смысле влечение, любовь, интерес. Отсюда, наверное, страшные аллегорические картины вроде «Искушения св<ятого> Антония», и гравюры Дюрера, и иллюстрации Доре, и весь Рабле, и Гашек, и Ремарк — с публичными домами, извращенными и нарочито грубыми людьми. В определенном возрасте перестает нравиться чистое, возвышенное, героическое и начинаешь импонировать грязному, уродливому. Наверное, из-за того что практически нет в жизни первого, но все время то тут, то там проглядывает вонючая морда. А может быть, это реакция на скуку и добропорядочность. Страшная это вещь, добропорядочность. Глухая, размалеванная ширма. Милый, славный, умный,

воспитанный юноша онанист — вот что такое порядочность. И не то даже противно, что он онанист, а то, что милый и воспитанный онанист. Извечная мечта мыслителей — четко разграничить добро и зло. Хотя бы по времени в одном и том же человеке: с 6 до 18 ты доктор Джекил, а с 18 до 6 — мистер Хайд. А ведь по сути-то дела так оно и есть, только не существует ни сатиров, ни ангелов, а только хорошо вымытые сатиры с образованием и ангелы с грязными ногами и вот такими яйцами. Если бы каждый мог себе отчетливо представить Сталина сидящим в клозете — никогда бы не было культа личности.

Рюриков пишет: «Вы сводите процесс возникновения человека будущего к одному моральному совершенствованию», — но он не способен предложить ничего другого. Мы ведь не говорим, что для возникновения такого достаточно одного морального совершенствования. Мы говорим только: возьмем сегодняшнего человека и его праправнука — чем они будут отличаться (статистически, конечно)? Вот тут и вступают три «моральные» пункта. Ядро будущего человека надо искать в силах, движущих миром. До сих пор — «любовь (к женщине) и голод (телесный)», а потом — любовь (к человеку) и голод (духовный). Это гипотеза, но без нее не сдвинешься с места. Пока человек будет ставить материальные блага выше прочих, не уйти из порочного круга: потребности-возможности. Гипотеза разрывает этот круг, какой бы утопической она ни выглядела. В Программе об этом ни слова прямо не сказано, а потому — недоумение: что это за человек будущего, если ему подавай то вертолет, то астроплан, то какой-нибудь там визиостатор по принципу — раз промышленность освоила — хочу иметь, вплоть до революции. Смешно и дико. Проще уж предположить, что ему будет плевать на все это, и считать капризом желание иметь лучшее при наличии хорошего.

Это вообще забавная проблема — социальной экстраполяции. Материализм настолько въелся в плоть и кровь, что говорить о духовной стороне вопроса даже как-то неудобно — словно сидишь на философском семинаре в обнимку с Дидеротом или там Томасом Муром.

29.12

Сегодня тетка сказала: «Слыхали, третий-то космонавт скапутился». — «Откуда вы знаете?» — «Да знаю уж. Слухи ходят». Стало неприятно, во-первых, потому что она сказала это совершенно равнодушно, чуть ли не злорадно, во-вторых, потому что самому было как-то все равно. А потом вдруг представил, как Юра Гагарин снимает трубку, слушает, лицо у него сморщивается, а потом встает, по-стариковски скособочившись идет по комнате и думает: «Володька, Володька, Володька...» Снова берет телефонную трубку и говорит: «Гера <Титов>, здравствуй. Слыхал про Володю?» — «Да». И оба молчат, каждый в свою трубку.

Из всех возможных аспектов и вариантов, связанных со штурмом космоса, фантасты не учли, пожалуй, только двух вещей: того, что все это будет иметь большое стратегическое и поистине гигантское политическое значение, и того, до какой степени быстро мир привыкнет ко всему этому. И уж во всяком случае никто из фантастов не предполагал, что, слушая репортаж о полете, мы будем больше всего думать: а он действительно летает или все это делается апостериори?

Но я уверен, что он катапультировал. Просто неудачный запуск и все. Ему крикнули в микрофон: «Володя! Вон из кабины!» Он нажал на оба рычага, и страшным ударом его кинуло по огромной дуге — прочь, подальше, на сто, на двести метров на упругую густую сетку, и пока он подпрыгивал там, стараясь за что-нибудь зацепиться, под металлической башней ракеты что-то рвалось, грохотало, полыхало желтым и валил густой жирный дым. А потом он сказал, пока его раздевали бледноватые люди в халатах: «Ну и усрался я, ребята!»

Плохо в наше время много знать, но еще хуже — знать мало.

Наверное, невозможно даже представить, сколько на свете разных забот. Их больше, чем людей. Вот забота — как сделать, чтобы Новый год прошел весело и хорошо. Чтобы все были довольны. Ну и забота! Тоска это, а не забота. Поэтому и сделано ничего не будет — как пойдет, так и пройдет. Или забота — приедет Адока, смогу я писать каждый вечер, как задумал? Когда вдвоем, то и работать веселее, но и бездельничать легче. Эх-ма, дескать — всего не переделаешь, поболтаем-ка лучше! Это здорово, когда есть с кем поболтать и чтобы ему не было безразлично, что у тебя на душе.

И забота забот — Человек, родившийся в 2017-м. Какой ты, человек! Как сделать тебя живым? И — гораздо важнее — как сделать тебя так, чтобы тебя полюбили? Чтобы ты вызывал сочувствие, когда тебе плохо. Чтобы радоваться за тебя, когда ты радуешься. Чтобы с досадой говорить: ну что ты, ей-богу, затеял! Далась тебе эта баба! Да она мизинца твоего не стоит! А ведь любишь ты ее! Сидишь около нее, беременной твоим мальчишкой, на которого тебе глубоко начхать. За окном проходит изумительная жизнь, и ребята смотрят на тебя с жалостью и сочувствием, а ты и рад бы уйти, да не можешь! А она о тебе и не думает — только о нем, созревающем, как нарыв. И никогда больше не будет любить тебя как прежде, а только его — мокрого, теплого и вопящего. И сопли его ей дороже всей твоей судьбы. Такая уж попалась тебе, и что поделаешь — без таких вымер бы род человеческий.

Нет, неинтересно. Бывает, конечно, но неинтересно. Тебе бы прорываться, ни о чем не думая, и знать, что жизнь как воздух, никогда ею не наглотаешься. И так жадно глотать ее, как будто это последний твой глоток, а за ним — ничто.

30.12

Сегодня особенно неохота писать. Адка не приехала — аэропорт не принимает. Где-то она сейчас бедует? В светлых вонючих залах ожидания, на широких коричневых креслах Аэрофлота, среди разношерстной, жующей, сопящей, засыпающей публики. «Ввиду неблагоприятных метеорологических условий рейс 271 Киев-Ленинград отменяется ориентировочно до одиннадцати часов утра». Одна надежда, что спит все-таки дома, хоть и на чемоданах, конечно. Адка, моя Адка.

Арк прислал письмо — предлагает отложить 2017. Пасует. И я пасую. Но делать-то его все равно надо.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 4

Может быть, мы всё слишком усложняем? Может быть, так и надо — прийти на работу — все равно какую, — честно и добросовестно отбарабанить семь часов, а потом вернуться домой, поужинать, прочесть газету, поиграть с сынишкой и засесть за телевизор? Раньше усаживались за преферанс, теперь — за телевизор. По сути дела — совсем неплохая и очень честная жизнь. Работа — честная, повторяю, и добросовестная, без всяких там перекуров и передыхов. За работу — честные деньги. Деньги — на телевизор, на одежду и прочее. Юнец скажет — неинтересно. А что интересно? И что это вообще значит — интересно? С винчестером в руках, в колючем кустарнике, кто-то вопит в зарослях, а над темными деревьями наполовину выкатилась красная луна? Во-первых, это не так уж интересно, голубчик. Пробовал ты сидеть верхом на суку? Сколько? Десять минут. А десять часов не пробовал? Совсем не интересно. Но, в конце концов, это дело вкуса. Одним нравится с винчестером, другим — за стойкой с шикарной девчонкой, а третьим желательно твердой рукой сжимать штурвал или что там сжимают на реактивных самолетах. Но никому почему-то не нравится, когда это затягивается. И каждому хочется попробовать всего понемножку. Надоело — следующее, потом еще что-нибудь, потом

еще. И так всю жизнь. Я знал одного парня, который пытался так жить. Ну и намучился же бедняга, а кончил тем, что женился и, наверное, сидит сейчас и смотрит телевизор.

Так что же интересно, а что наоборот?

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2

[Записи к «Стажерам»]

Все помолчали, и было слышно, как Пеньков задумчиво и шумно прихлебывает кофе.

— До какой же все-таки степени мы ничего не знаем, — сказал вдруг Сергей с досадой. — Копаемся в наших делишках, считаем, ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статеечки, составляем отчетики — ну что за тоска! Что за тухлая повседневная глупость по расписанию и с важным ученым видом. Бродим по колону в мелочах и ничего не видим и не знаем, кроме ерунды. — Он вдруг бешено поглядел на Пенькова. — Нечего хихикать и мотать головой! Построили домик, повешали на стены картиночки и довольны. Вокруг на тысячу километров чужой мир, а мы тридцать лет сидим под одеялом и ничего не узнали, ничему не научились. — Он махнул рукой. — Выйдешь иногда наблюдать, посмотришь за ограду — ночь, тьма, пустыня — так бы и плюнул на все и пошел бы искать настоящей жизни — без кофейка и без твоей, Пеньков, самодовольной физиономии 24 часа в сутки. — Он повернулся к Феликсу. — Слушай, Следопыт, возьми меня к себе, ну что тебе стоит. Не пожалеешь.

Феликс спросил не поднимая глаз:

— А что ты умеешь?

— Да. Что я умею. В том-то и дело. Что я умею. Ничего я не умею. Умею наблюдать мерцания и чинить электронику. Умею считать до двух и интегрировать на малых машинах. Умею водить краулер. Что я еще умею?

— Нить ты умеешь, — сказал Пеньков веско.

— Я не ною. Меня зло берет на нашу самодовольную ограниченность. Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем рвануться к полюсу и пройти всю планету по меридиану? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что у нас, мало нефти?

— Что у нас — мало тайн, — сказал Пеньков сердито. — Взял бы и решил обобщенную Т-задачу, если в извилинах свербит.

— Мне скучно ее решать! Я хочу в пустыню, на большие дела. Это же смешно — здоровый парень сидит над бумажками. Как старое дерьмо.

Мы все слишком любим насиженные места, привычные условия, одинаковое расписание, традиции! (Остальные злятся — он в чем-то прав.) Как люди уходили на освоение целины и в колхозы — с привычных мест навстречу совершенно незнакомой работе.

Жилин — припадок тоски и нелюбви к своей работе.

— Вот были люди! — и читает заметку из пожелтевшей газеты (про нас). [Отсюда идет стрелка к предыдущему размышлению о колхозах и целине.]

— Почему вы так любите притчи и всякие там анекдоты. Почему не говорите просто?

— Это у меня атавизм. Вроде аппендикса.

Можно быть кем угодно, но не циником а la Ремарк.

Юрк<овский>. Жизнь состоит из вспышек на сером однообразном фоне.
Жилин. Жизнь чудесна в кажд<ый> момент.

В «облаве» Юрк<овский> вспоминает разговор Жилина с Сергеем о специальности.

Человек должен быть легок на подъем!

Все мы стажеры будущего. И стажируемся всю жизнь...

Человек д<олжен> быть где-то на главном направлении. Воспитание, или проблема информации, или технология мышления (Жилин).

Юра сбросил одеяло и уселся на кровати, обхватив руками голые колени. Он не мог уснуть. Эйнумия осталась позади. «Тахмасиб», набирая скорость, несся к Сатурну, к Рее, где ребята сейчас варят щелевые конструкции, вися в черной звездной пустоте, захлестнутые гибкими невесомыми нитями тросов безопасности. Белый огонь окситанов плещет по силикетовым щиткам, тихонько звенят в шлеме потоуловители, но по лицу все-таки бегут капли оттого, что неудобно и приходится все время напрягаться и смотреть в оба. Женька Сегал поет на весь эфир, придерживая локтем цилиндр со смесью, который он всегда вешает на грудь, а не на спину, как требует инструкция. Ему так удобно, и никто на свете не переубедит его до тех пор, пока с цилиндром на спине или на боку или хоть на носу не перегонит его на инерционном шве, на длинном стыке или хотя бы на вертикальном проходе без троса. А если перегонит, тогда Женька не задумываясь перевесит цилиндр на бок, на спину или на нос. Он единственный, кто умеет работать вкусно. Так что становится завидно и тоже хочется попробовать — слюнки текут, когда смотришь на его работу. Все умеют работать в этой бригаде, но любому из нас далеко до Женьки. Глядя на него, смешно становится при мысли, что такого сварщика может заменить машина. Это называется искра божия. Есть в Женьке искра божия. Но эти смерть-планетчики... Юра снова повалился на подушки, закинув голову. Такое не часто увидишь. То есть, наверное, много есть на свете людей вроде смерть-планетчиков, но вряд ли они часто собираются вместе.

— Не хочу быть великим, но не хочу быть и маленьким.

— Значит, хочешь быть средним?

Глава «Тревога» (между ГФ и НЧ).

Разговор Жилина и Юры.

Рассказ о маленьком человеке.

Тревога. («Где место стажера по расписанию?»)

Сделать:

1). Гл<аву> «Тревога» заново.

2). Переделать «НЧ» с участием Юры.

3). Жилин уходит на Землю. («Да, именно сейчас, потому что сейчас это труднее всего — будут думать, что струсил. И Быкову легче — пусть думает, что струсил, а не бросил от скуки».)

[Стрелка от первого пункта.]

Жилин читает речь о мещанстве и об его опасностях и о том, как надо думать. «Мы люди особенного воспитания — не можем стоять в стороне и созерцать с эдакой усмешечкой».

[Вычеркнуто: «— Ваня, — сказал он. — Вот вы борт-инженер. Вы всю жизнь так и будете регулировать фазоциклеры?»]

По аварийному расписанию место стажера было в отсеке вакуум-скафандров. В этой скучной серой комнате не было мебели. Шкафы с вакуум-скафандрами были вделаны в стены.

Юра побежал по кольцевому коридору в отсек вакуум-скафандров, где было его место по аварийному расписанию. Он бежал быстро, сдерживаясь, чтобы не пуститься во всю прыть. Стажеру надлежало быть «спокойну, выдержану и всегда готову», но когда вдоль коридора несется тоскливый угрожающий вой и весь корабль судорожно вздрагивает, как раненый, у которого копаются в ране неумелыми пальцами, и когда смутно представляешь, что тебе нужно делать, и совсем уж не представляешь, что происходит, — трудно сохранять требуемые спокойствие и выдержку. Когда в конце коридора, в тупике, где был вакуум-отсек, вспыхнули красные лампы, Юра окончательно не выдержал и кинулся теперь уже со всех ног.

Он влетел в серую скучную комнату, где вдоль стен темнели стеклянные боксы с вакуум-скафандрами. Надо было распахнуть двери в каждый бокс, проверить комплектность костюмов, давление в баллонах, электропитание, перевести крепление скафандров на аварийное и еще что-то. Потом надо было надеть свой скафандр и с откинутым колпаком ждать дальнейших событий и распоряжений.

Юра сделал все это довольно быстро и, как ему показалось, толково, хотя немножко дрожали пальцы и он ощущал напряжение во всем теле — очень сильное и неприятное, похожее на затаившуюся судорогу.

Сирена перестала выть, и наступила звенящая тишина. Юра кончил контроль последнего скафандра и остановился, озираясь. Дверцы боксов были распахнуты, в боксах горел сильный голубоватый свет, озаряющий огромные блестящие костюмы с откинутыми колпаками, похожие на безголовые уродливые статуи. Потом Юра вытащил свой костюм и влез в него. Костюм был немного великоват и неудобен — Юра чувствовал себя в нем неуклюже и непривычно. Костюмы сварщиков были гораздо более гибки и уютны. В этом костюме было жарко, и Юра включил потоуловитель. Потом, тяжело переставляя ноги, лязгая металлом о металл при каждом шаге, он подошел к двери и стал ждать.

Было очень тихо, и корабль все вздрагивал, и вдоль коридора под потолком через каждые два метра мертво и зловеще горели красные аварийные сигналы.

Юра прислонился откинутым колпаком к косяку, ногой уперся в противоположный косяк. Теперь он стоял, перегородив дверь, и войти в отсек можно было только сбив его с ног. Было немного дико читать это место в инструкции, что стажеру предписывалось *охранять* вакуум-отсек во время тревоги. От кого охранять? И зачем? Во всяком случае, войти в отсек вакуум-скафандров разрешалось только человеку (пассажиру или члену экипажа — безразлично), который имеет приказ капитана. Для этого в каюте укреплен маленький репродуктор, работающий на волне капитанского радифона. Юра посмотрел на репродуктор и вспомнил, что не сделал самого главного. Он торопливо ткнул механическим пальцем в клавишу вызова.

— Слушаю, — сказал голос Быкова. Голос был, как всегда, скрипучий и недовольный.

— Стажер Бородин на месте, — сказал Юра.

— Хорошо, — сказал Быков и отключился.

Юра сердито уставился на репродуктор. «Хорошо», — сказал он скрипучим голосом. Вот деревянное существо, подумал он, высунул язык и скорчил рожу, адресуясь к репродуктору. Корабль тряхнуло, и он чуть не прикусил язык. Юра стыдливо оглянулся по сторонам. Потом ему вдруг пришла в голову одна мысль — а вдруг всезнающий и всепредусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы прикусить язык

обнаглевшему стажеру. Можно было представить, что Быков на это способен — очень уж он молчаливый и сердитый. Наверное, у него была тяжелая жизнь, подумал Юра. Наверное, жизнь его терла и перемалывала и содрала с него всякую шелуху эмоций, которые в общем-то не нужны, но без которых человек не человек, а Быков. С годами человек меняется только в одном — он становится терпимее. К Быкову это, по-видимому, не относится.

Корабль снова тряхнуло, и Юра уперся в косяк попрочнее. Непонятно было, что происходит. На метеоритную атаку не похоже, на какое-нибудь столкновение — тем более... Жилин когда-то сказал, что в пространстве опасности бывают двух родов — воображаемые и реальные. Реальные характерны тем, что никогда не успеваешь представить все последствия, а сразу с последствиями сталкиваешься, и в этот момент тебе уже все равно. «Это как удар шпаги, — заявил Жилин, — от него либо умираешь сразу, либо вообще не умираешь». Корабль тряхнуло. У Юры свело икру, и он переменял ногу. Вдоль коридора мертво, тихо горели красные огни. Юра все пытался вспомнить, что это ему напоминает, и никак не мог, но это было какое-то неприятное воспоминание. Хоть бы прошел кто-нибудь, подумал он с надеждой. Можно было бы спросить, что случилось и что надо ждать. Он посмотрел на репродуктор с кнопкой вызова и микрофоном. Вот взять и обратиться непосредственно к Быкову: «Товарищ капитан, — сказать, — прошу объяснить задачу». Потом он вдруг представил: сколько стажеров стояло здесь — потных от волнения, — упершись ногой в косяк и страшно переживая, и не понимая, что происходит и что придется делать дальше, и думая: «Успею, ежели что, надвинуть колпак — или не успею». ...Юра представил себе эти лица — славных неопытных ребят, с которыми здорово можно поиграть в ду-ду или поспорить насчет смысла жизни — теперь они все уже взрослые и умудренные, теперь они все там, наверху, в рубке и очень уверены в себе и готовы ко всему... От этих мыслей сначала стало веселее, а потом ни с того ни с сего представилось залитое потом и кровью лицо Быкова, который остановившимися глазами с чисто человеческим понятным отчаянием следит за чем-то, что учесть не удалось, и что теперь приближается совершенно неотвратно...

В глазах у Юры вдруг все поплыло и перевернулось, он потерял равновесие и вдруг очутился на полу. Под низким потолком раздался лязг. Юра, бешено царапая гигантскими башмаками по металлическому полу, перевернулся на живот, поднялся и кинулся к двери. Он встал в прежнюю позу и изо всех сил расперся между косяками. Его била знакомая крупная дрожь, совсем как тогда, на Северном Ключе, на вечно сырых травянистых торах, когда ночью их, совсем еще зеленых, застигла горная гроза. Они только что улеглись спать рядом с машиной на разостланном войлоке, залезли в спальные мешки, и сверху Тоня, ночевавшая в машине, закрыла их брезентом. И вдруг рванул страшный ветер, брезент стал дыбом и Миша — старожил этих мест — завопил клопочущим голосом: «Прочь! Скорее! В машину!» Они кинулись в машину, и было холодно, неудобно, страшно, и била крупная дрожь, а потом в машине Юра лежал, стараясь не прикоснуться к металлическим частям, слушая, как дождь бьет по брезентовой крыше, смотрел на [4 слова нрзб], и кто-то сказал хрипло в темноте: «Наутро нашли там кучку пепла и четыре пломбы от зубов»...

Теперь корабль вибрировал непрерывно, словно ему тоже было страшно. Юра весь напрягся, стараясь преодолеть дрожь. Хоть бы прошел кто-нибудь, хоть бы Быков приказал что-нибудь, хоть бы понять что-нибудь. Мама будет, наверное, горевать ужасно, это будет просто удар для нее. Как это ей скажут, кто найдется такой смелый и жестокий... Мама, ну что я мог сделать? Она умереть может, сердце у нее очень плохое, нельзя ей этого говорить... А ну-ка поспокойнее, ты сам этого хотел! Нечего теперь... Юра закусил губу и крепко стиснул зубы. Стало больно, но дрожь не прошла. Корабль тоже вибрировал по-прежнему, и по-прежнему было тихо и горели красные лампы вдоль коридора. Да что там у них случилось, в конце концов! Двигатель забарахлил, что ли? Так что же они смотрели. Межпланетники, называется. Такой рейс и — пожалуйста — барахлит

двигатель. Сходить посмотреть, подумал Юра. Заглянуть в рубку, небрежно спросить: «Ну, долго еще?», кивнуть и уйти. Это было бы здорово! Юра судорожно вздохнул и огляделся. Хоть бы случилось что-нибудь. Скафандр бы вывалился, например, из бокса. Было бы дело. И, как назло, здесь все в порядке. В общем, если останусь жив, будет что рассказать, подумал он. Куда все-таки Жилин смотрит со своим сверхъестественным чутьем? Мог бы и починить, наконец, машинку. А вдруг их там всех поубивало? Юра с опаской посмотрел вдоль коридора, ожидая, что сейчас вот из-за поворота выползет с искаженным от боли лицом Жилин, посмотрит потухшими глазами и уронит голову на руки... Юра опустил ногу и сделал несколько неуверенных шагов по коридору. По вибрирующему полу, мимо красных огней, в лифт, на второй этаж — и там люди... Юра остановился и вернулся к двери. «Поспокойнее, — сказал он и откашлялся, чтобы не хрипело в горле. — Воображение любит шутить, но шутит оно зло и нечестно. Не славный парень — это воображение». Он снова расперся в дверях. Так вот оно каково, подумал он вдруг. Так вот оно каково, ждать и быть всегда готовым — в шлепанцах, под торшером, с газеткой... Ничего не знать наверняка, но всегда быть готовым...

Он стал старательно прислушиваться к вибрации. Вибрация явно то усиливалась, то спадала. Он представил себе «Тахмасиб» — километровой длины сооружение из качественного металлопласта, похожее на гигантский бокал. Вот сейчас вдоль всего тела корабля — от грузовых отсеков до кромки отражателя — волной проходит судорога вибраций. То усиливается, то спадает. Тут не надо обладать никаким чутьем, чтобы разобраться. Если бы так же вибрировал, скажем, окситан, все было бы ясно — надо отрегулировать гаситель или хотя бы уменьшить приток смеси... Юра отчетливо ощутил, как корабль заваливается набок — это чувствовалось по давлению на ступню. «Тахмасиб» разворачивался — сначала плавно, а потом начались рывки. У Юры тряслась голова от каждого рывка — рывки были ощутимы. «Что же это, — бормотал Юра, упираясь изо всех сил в косяк. — Что же это, а?..»

И тут он услышал шаги — в звенящей, аварийной тишине коридора. Шаги были неторопливые и уверенные, незнакомые, а м<ожет> б<ыть,> Юра просто не узнавал их. Он стал смотреть вдоль коридора, а шаги все приближались, и из-за поворота появился Жилин в рабочем комбинезоне, с черным плоским ящичком тестера на груди. Лицо у него было серьезное и угрюмоватое, светлый чуб падал на глаза. Он подошел к Юре вплотную и, похлопав его по колену, сказал:

— Ну-ка! — он хотел пройти в вакуум-отсек.

Юра открыл и закрыл рот, но ногу не убрал. Это был Жилин — милый, славный Жилин — большой человек — но ногу Юра не убрал, а только сказал:

— Что там у вас? — он хотел сказать это небрежно, но в конце глотнул и совсем испортил впечатление.

— Ну что там может быть у нас? — с какой-то горечью произнес Жилин. — Пропусти-ка меня, — сказал он. — Мне там нужно одну вещь...

В голове у Юры была каша и от всей стройности системы принципов осталась одна инструкция.

— Подожди, Ваня, — пробормотал он и нажал кнопку вызова.

Капитан не отвечал.

— Юрка, — сказал Жилин, — да что с тобой, братец? Пропусти же меня — я забыл в скафандре...

— Не могу, — сказал Юра. — Как я могу? Вот сейчас Алексей Петрович отзовется.

Жилин внимательно посмотрел на него.

— А если не отзовется? — спросил он.

— Почему не отзовется? — Юра с ужасом вытаращил глаза и схватил Жилина за рукав. — Что случилось?

— Ничего. — Жилин вдруг заулыбался. — Не пропустишь?

Юра отчаянно замотал головой.

— Ведь нельзя же, Ваня... Ты же знаешь... — он даже перешел на «ты». — Ведь сам же был стажером...

— Да-а-а... — неопределенно протянул Жилин, разглядывая его. — А как же пренебрежение к инструкциям и всяким там системам...

— Не знаю... — Юра помирал от стыда, но ему было ясно, что ногу он не отпустит. «Дал бы он мне по челюсти, — подумал он с надеждой. — Сшиб бы на пол и шел куда надо...»

— Капитан Быков слушает, — раздалось из радиодина. —

Юра уже был не в силах говорить.

— Ал<ексей> Петр<ович>, — сказал Жилин. — Я хочу пройти в вак<уум>-от<сек>, а стажер меня не пускает.

— Зачем это тебе туда надобно? — осведомился Б<ыков>.

— Я сириус-рубин забыл в прошлый раз в скафандре...

— А-а... Так, стажер. Пропусти его. — Быков отключился. Юра с огромным облегчением убрал ногу. Жилин ласково посмотрел на него и похлопал по плечу.

— Ваня, вы не сердитесь, — пробормотал Юра.

— Наоборот, — сказал Жилин. — Очень было на тебя интересно смотреть.

— У меня была такая каша в голове...

— Вот-вот! — Жилин прошел к своему скафандру. — Вот на этот случай и придумывали инструкцию. Все в голове превращается в кашу, и остаются одни инструкции.

— Ваня, а что там происходит?

Жилин снова помрачнел.

— Что у нас может произойти? — сказал он сквозь зубы. — Искусственное питание. Учебная тревога. Сейчас все кончится... — Он вынул из скафандра белую спираль толщиной в палец и со злостью грохнул штормом. — Уходить отсюда надо, Юра. Бежать, искать главное...

Юра глубоко вздохнул и посмотрел вдоль коридора. Красные огни погасли. Пол больше не вибрировал. Юра увидел, как из каюты вышел Юрковский в роскошной пижаме, остановился в дверях, посмотрел на Юру, зевнул, прикрыв рот рукой, и неторопливо скрылся за поворотом.

1. Что вы делаете? Зачем? (Страшно растерян.)

Делали эксперимент по регенерации атмосферы для устр<ойст>ва лаборатории.

В конце — о факте.

Жилин «Первооткрывателей» уже видел и теперь ему было гораздо интереснее смотреть на Юру и на штурмана.

Юра глядел в экран, не отрываясь, и только иногда нетерпеливо поправлял на голове тонкий обруч фонодемонстратора. Первооткрыватели нравились ему беззаветно и безотчетно, хотя совершенно ясно было, что переться в джунгли без вездехода и воды глупо, а такого командира, как Сандерс, надо немедленно сместить, отправить на Землю и не подпускать к командованию ни под каким видом. Самое забавное заключается в том, что даже Юре, наверное, была понятна нелепость задуманного Сандерсом демарша и обреченность всего поиска, понятна с того самого момента, как вездеход не вернулся из разведки. На месте Сандерса Жилин бы поставил на место эту истеричку Прасковину и подал бы SOS, и уж во всяком случае не потащился бы навстречу неминуемой гибели за двести километров только для того, чтобы водрузить знамя над собственным трупом. Неминуемая гибель всей группы стала очевидна уже полчаса назад, а смотреть осталось еще минут двадцать, и никаким силам, конечно, нельзя было оторвать сейчас Юру от экрана и, скажем, заставить его читать о принце Гэндзи.

[Записи к «Далекой Радуге»]

— Ты мне надоел с этими эмоциями! Сок жизни, аромат знания... Слушать тебя нудно, как пьяного. Все эти эмоции, эта половая истома разума, какая мерзость. Природа тужилась, двигая материками, чтобы породить эмоции? С маслом! Она рожала разум. Великолепный логический аппарат переработки информации...

— Вот-вот. И тут явился диавол...

— Да, явился. Природа существо слепое. Ей было не под силушку! Это тебе не материка двигать. Не революции устраивать... Геологические, разумеется. Приемник создан, но шум остался.

— Ты, между прочим, тоже очень образен. Это хорошо. Это значит — ты человек. Образность речи — выражение эмоций. А без них нет человека. Остается машина.

— Ты мне еще скажи, что без потребления водки нет человека. Только без разума его нет.

Надо создать человека искусственно. Природа слишком медлительна. Мешают и соц<иальные> условия. Вживлять новые органы.

Судьба кибернетика — умирает, вживив в себя орган. Без трагедии. Он был уверен и не совершал ничего геройского. На собаках все получалось. Умер неожиданно во время автомобильной поездки. Просил все время замерить потенциалы на клеммах, потом сказал: «Да, опыт не удался. Теперь все задержится на двадцать лет».

Обязательно:

- 1). О вреде точки зрения: «Наука все превзошла. Мы величайшие и всемогущие».
- 2). О стихийной научной работе — люди не в силах удержать начатое (на примере мыслящей машины).
- 3). Лингвист читает рассказ «В наше интересное время». Разговор о предугадывании. Роль политики в освоении космоса (один Беляев).
- 4). Два взгляда на создание нового человека без мещанства:
 - а). Создание «чистого разума» искусства.
 - б). Воспитание. Сидеть и идти рядом с выбранным. Всю жизнь отдать этому.

— Мне бы хирурга бы хорошего, знакомого!..

Прибор, усиливающий мышцы. Выталкивал машину. Называл самым примитивом. У его друга — точно такой прибор, и ничего.

Лингвист — это, т<ак> ск<азать>, «добрый человек» а la Пиквик или Луконин. Совершенный альтруист и в этом смысле очень несовременен. Никакое гос<ударственное> дело ему поручить нельзя.

[вычеркнуто: «Был такой — развелся: жена к нему пришла и от него ушла.»]

Основной мотив его действий: а если бы тебя так, а? Представь себя на его месте.

Он обязательно женат и привык к жене, но мечтает о свободе, хотя не знает, что с ней делать.

Кибернетик: сущность жизни человека — разум. Пусть будут ошибки, но надо жать, давить. Цель оправдывает средства — надо быть политиком во имя дела, которому служишь.

Судьба лингвиста — судьба Коли. Русиш — арбайтер.

* * *

Ответы на письма — это не ответы авторам писем, а ответы кому-то постороннему, поучения.

— Будешь читать книги! Это нужно нашему герою. Он будет у нас культурнейшим человеком.

«...мозг, по словам Галена, есть наисовершеннейшая пища, изготовленная природой».

«...порядочный и здравомыслящий человек верит во все, что ему говорят и что написано».

Работать было невозможно. Сынишка, разместившись на балконе, возил по перилам машину, исполненный самого громкого оптимизма, и орал на разные лады. Он изображал рев мотора, рычание передач, гудок, свист ветра, шипение тормозов, а также и многое другое. Больше всего это было похоже на переполненный зубоврачебный кабинет. Жена занималась уборкой. Это была знакомая, раздражающая картина. Сначала три часа вытиралась пыль и ящики выстилались газетами. Газеты при этом прочитывались. Потом убирать надоедало и начиналась торопливая укладка содержимого ящиков. Потом оказывалось, что уже одиннадцать часов, а еще не выстирана куча белья, не приготовлен ужин, не умыт сынишка и вообще не сделана масса дел, куда более важных, чем вытирание пыли.

Писатель попытался сосредоточиться. Так хотелось написать об этом, как человек возвращается из далекого скучного полета на чужую звезду, возвращается домой, на радостную, пеструю, шумную землю. К друзьям, которые соскучились без него. К жене, которая стоит бледная от волнения и радости.

Маги

Человек — это животное, которое может стать магом. Волк рождается волком и всю жизнь остается волком. Свинья рождается свиньей и всю жизнь остается ею. Человек рождается обезьяной, но вырасти он может волком, свиньей и магом.

Директор института — оборотень Кир Янус. Он может растриваться. «Я говорю с вами как человек» (или как директор или как...). (Отец, сын и дух святой.)

Контракт — заставление магов заниматься ерундой: собрания, поездки в колхоз.

Бухгалтерия, где берегут копейку (а не миллионы и не время).

Маги страшно хотят сделать всех людей счастливыми. Основная сюжетная линия — работа отдела «Счастья».

Идея: нельзя обрушить благосостояние на головы нынешних людей. А для них это самое легкое.

— Вот Левин. Оброс волосами, потерял человеческий облик... Кх-х!

Отдел «Счастья и довольства». Там все время получается не то, что задумано.

Отдел «Цирковой техники». Исторически институт сложился как НИИЦИРТЕХ. Об этом вспоминают с благоговением, и до сих пор образцом служит отдел «Циртех». (Аналогия с астрометрией.)

Показать, как мешает работать догматическая, все подавившая официальная теория.

— Счастье — это ощущение неудовлетворенности. Неутолимое и непрекращающееся желание...

— Смачно! Организуем человека с неутолимым желанием помочиться. Это будет колоссально: он устроен так, что терпит месяцами, мучится, рвется и все время ему что-нибудь мешает, как во сне, и вот, наконец, на двадцать девятый день — о счастье — он запирается в исправном клозете, с безумным наслаждением мочится, расслабленно спускает воду, застегивается, покачиваясь выходит вон и... все начинается сызнова.

— Муки Тантала — недержание кала... Н-да. Не подходит. Не укладывается. Не вписывается в образ.

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Т<ак> к<ак> появилась статья Арцимовича, многих докл<адов> не будет. Таким буду я.

долгая пауза,
крики: «Следующий!»

При чем здесь письмо Арцим<овича>?

— Я думаю, это ясно. Если вспомнить историю запрещ<ения> киберн<етики>, теорию резонанса...

— Чего вы боитесь?

Выступил апологет и понес с Волги и с Дону. В общем виде.

По рядам ходят фотошаржи.
Блюдце на фоне известных картин.
Дикари, вооруж<енные> техникой.

Форрестол выкинулся из окна — «Больш<евики> под Вашинг<тоном>».

Сел в президиум и задрал очки на загорелую лысину.

— Все имеет причину, — загадочно сказал А<лексей> П<етрович>. — Человек хромает, когда у него болит нога.

— Симулянты тоже хромают, — проворчал Юра.

Молчаливый бедлам.

— Можно быть человеком простым, но нельзя же быть, черт возьми, простейшим.

Брюки-невидимки.

«Люби труд, презирай господство и не води знакомство с властью».
Шемайя (фарисей).

Апокалипсис, кн<ига> Баруха:

«Юношеское время мира уже прошло, и лучшая пора творений уже давно пришла к концу, и время почти уже прошло, уже почти миновало».

«...Низкие будут властвовать над почтенными, ничтожные возвысятся над славными. Масса будет отдана во власть немногих, и кто был ничем овладеет властью над могучими.

Бедные получают преимущества над богатыми, преступники возвысятся над героями. Мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить. Ничто из того, что люди думают, не осуществится...»

Рассказы о Пришельцах.

1. Дом на холме.
2. Туристы.
3. Белка и Стрелка.
4. Искавший рыбу.
5. Реактивная пирога.

ГЕРОНТОЛОГИЯ — наука о биологических аспектах старения и омоложения.

Несли на дощечке студента с транспарантом: «Чур, я второй!»

«В настоящее время существует упорная гипотеза о том, что центры галактик представляют собою особые точки, из которых материя изливается в нашу вселенную из некоторого другого пространств<енного> измерения, что нам кажется непрерывным творением материи». Джинс «Astronomy and Cosmogony» 1928.

Космонавта ложками вычерпали из ракеты.

— Сегодня же залягу за эту проблему!..

ОДНОНОГИЙ СЛЕД

- 1). Принесли, поставили на ногу и унесли.
- 2). Прилетел (одноногий, но крылатый), оттолкнулся, улетел.
- 3). Очень широкий шаг (двуногий).
- 4). Двуногий, потерявший ногу в экспед<иции>.
- 5). Нога пришельца в ботинке.

Мих<аил> Ант<онович> пишет мемуары.

5 мая 1961 г. на уч<еный> совет внесена новая проблема: «Постройка астроном<ической> обс<ерватории> на Луне».

Разговор о мещанине. Инженер оперирует конкр<етными> примерами.

Юре — побольше самомнения; все проблемы решаются легко. Побольше резкости в суждениях.

Выступает толстый тип, говорит об ответственности и озорстве.

Ругань с критиком по поводу Винера. (Ильин)

[От «Карпинский» до «Альтов» — записи на семинаре молодых авторов, работающих в научно-фантастической литературе (с участием секретаря ЦК ВЛКСМ Л. Карпинского) 4 сентября 1961 г.]

Карпинский. Загнул немного. Требуется вып<олнения> плана по н<аучной> ф<антастике>. «Мы д<олжны> хвалить свою старт<овую> площадку». Рано отвлекаться в ком<муни>зм (д<олжны> б<ыть> следы полит<ической> и идеолог<ической> борьбы).

Человек с нехорошими глазами (тухлый взгляд).

Даешь политическую насыщенность.

Ура-патриотизм! Русские имена.

Т<ак> к<ак> я в отпуске, прошу меня отпустить.

Андреев.

Насчет Икара — это ведь легенда.
(трали-вали шесть пружин)

Лейтес по Хр<ущеву>.

- 1). Ком<мунистическая> идея — верить ей.
- 2). Верность правде.

Угадывал людей будущего!

Это мастерски сделано, но очень вредно.
(Вылитый райкинский теакритик)

Слишком много научного и ненаучного.

Я уже устал и я теперь заканчиваю (шум). Вы тоже устали, да-а?

Казанцев все про себя.

Пошло он рассказ-то воспринял!
Тонкий!!!

Шкл<овский>. Все теор<етические> работы по теор<ии> литературы есть роли фантаст<ики>.

Гур<евич> Григорий Иосифович.
О космосе писать в аспекте открываний надоело.
Опасно: остановиться.

Громова Ариадна Григорьевна.
Идея через произвед<ение> (рассказы типа Росоховатского, «Зв<ездные> корабли»)
Не верит в то, что создаем чел<ове>ка будущего!

Образ Варечки.

Анатолий Петрович Днепров.
За науку! Нет фантастики без науки!
Больше пользы, если будет разбужено воображение!

Володя Савченко.
Надо воспитывать душевную красоту. Равняйтесь по героям (согласен!).

Сафронов Юрий Павлович.
Люди технич<еского> профиля.
1). Научн<ая> идея.
2). Человек.

«НС» — не нужно было называть н<аучно>-ф<антастический>, можно ф<антастический>.

«ЗЭ» — энергия двигателя д<олжна> б<ыть> мала и никак не обоснованы большие порции энергии.

БКА. Зачем кино-температурные аппараты?

Леваковская Евгения Владимировна.

Нельзя довести идею без образа.

Продумывать каждый поступок и каждое слово.

Кредо не новое — и не хотели.

[Перечеркнуто:] Кроме языковых неправильностей.

НС — быт<овой> рассказ, это и хотели.

О Савченке.

Удивительно вкусно работают люди. Блестящая и важная задача (потому что сам он работник Вселенной).

О Земле пишет В. Савченко (без космоса).

Исаак Маркович <Кассель>.

Многозначительная туманность.

Игорь Забелин.

Совершенно согласны — космос не прост.

Герои слишком просты и прямолинейны.

Андреев.

Человек меняется медленно.

Альтов.

<тезисы отсутствуют>

Почему нет положит<ельного> героя?

Нужна ли свобода информации? Слухи и газеты.

Можно ли перевоспитать человека?

Возможен ли коммунизм?

Почему не пускают за границу?

Почему у нас врут и приукрашивают? Всё для заграницы.

Нужна ли философия?

Как установить ровную оплату? (Юра)

О чем думает наша молодежь? Лучше они или хуже?

Контрвозражение: разводы. Не зря делают волокиту. Чел<ове>к не знает сам, что такое счастье, но все значит мощь привычки.

Мы даже не верим передачам о запусках. Истинная радость омрачена возможной фальшью.

Даже хорошо задуманное объявление в метро и то — суконными словами.

Черти с проклятиями мостят добрыми намерениями дорогу в ад.

...А этих бокситов и прочих удобрений я не помню.

— Вся беда в том, что выживают не самые лучшие, а самые приспособленные...

Наверняка почти любой из великих, узнав, как истолковывают (примитивно и в лоб) его слова, завопил бы в ужасе и возмущении: «Да что с вами! Я же совсем не это имел в виду» (так Эренбург цитирует мнения великих о нынешних «клеветниках» а la Белый).

Будешь жить, не верить, бороться, делать все, что можешь, и стонать от бессилия — а потом Эренбург напишет о тебе уважительно, жалостливо и человеколюбиво.

«Уж не потому ль, что он «неверный»,
Он молчал, когда его пытали».

ИЛИ (?)

Уж не потому ли он — неверный — что молчал, когда его пытали.

Он не говорит ничего особенно нового (разве что отдельные незнакомые и совершенно неожиданные цитаты) — но как приятно узнавать, что и ОН думает так же.

Дело писателя — думать и писать, дело читателя — читать и думать.

Мозг — огромный неуклюжий гроб — полное несоответствие представлениям об изящном приборе. Кожуха снять, гроб набит — осциллографы, генераторы и пр<очее>.

Доклад о Бауэре.

— Я просил Палладия Палладиевича <Павинского> сидеть. Я буду сидеть... И я буду читать. Не потому что я не могу говорить, а потому что это сэкономит время. Сэкономит время! (с отчаянием в голосе)

Принцип Бауэра — вечное неравновесие организма (усвоение свободной энергии).

Внешняя энергия (жратва) идет на образование и поддержание структур, структурная энергия идет на внешнюю работу.

Несчастные средние люди. А вдруг они не любят свое дело — что им еще остается? (Джаз с девицей в кино.)

— Если бы вы спросили меня официально, я бы pokrылся салом и вывернулся, но... Тут никого нет? Тогда я вам скажу...

Летом в Италии очень жарко, и итальянки не любят покупать детей летом. Они делают это зимой. (Беседа с Петруччио)

Пора, наконец, понять, что по-настоящему вреден не тот, кто честно пытается осмыслить происходящее, изо всех сил стараясь из кучи грязи выделить жемчужные зерна человеческого духа, а тот, которому наплевать, кто не думает, кто пишет просто то, что требуется, абы получить наличность и общественное положение. Честен, кто ищет — равнодушный и смирившийся — всегда подлы<й>.

Тбилиси — СССР.

Заварушка — чем кончилась, а?

Миф о смерти Ст<алина>.

Зло активно, добро — пассивно (см. «Наш чел<овек> в Гаване»). Но активное добро всегда приводит к злу. Неужели действие всегда обременено злом?

Вся предыдущая история чел<овечест>ва была историей борьбы за удовлетворение материальных потребностей. Эта борьба двигала человечество. А что будет двигать его при коммунизме? Борьба за удовлетворение духовных потребностей. Почему, принимая, что ради хлеба можно умирать и убивать, мы не задумываемся, на что способен человек ради знания? Во всяком случае умирать он способен. Вот материализм, подрывающий самого себя (диалектический процесс прерывается, если отрицать силу и роль духовного).

Чистое искусство — это та часть искусства, кот<орая> действует на эмоциональную сторону натуры — не на мозг. Спрашивают: «Нужны ли нам пейзажи и натюрморты?» Демагог отвечает: «Нужны». Это неверно. Никому эмоциональная сторона в наше время не нужна. Она только мешает. Иногда, правда, она дает такую сентиментальную отдушину. Старый хулиган помог поднять даме картофелину и скрылся в толпе. Сердце разрывалось противоречивыми чувствами. Он думает: «И я мог бы вести другую жизнь. Ведь я же хорош!»

Эмоции служат для того, чтобы обманывать мозг. Эмоции — это интеллектуальный шок.

Жена ждет ребенка, и он отказывается от работы и остается с ней и ждет вместе с ней. Воспоминания. Свобода любви.

— Сморкаетесь тут — в рабочее время!

Проститутка Львов — отвечает на приветствие и говорит «о рукописях, кот<орые> ... выходят испорч... — ах нет! (хи-ху) — улучшенными».

Вопрос о счастье — это вопрос о борьбе противоположностей.
Мартынов Георгий Сергеевич.

Простой человек В<ладимир> И<ванович> Д<митревский>.
— Полюбила, сволочь такая!

Юмореска на биологическо-физиологическую тему.

Тексты подготовлены: В. Курильский

IV. Приложения

Необходимые пояснения

Этот том собрания сочинений содержит следующие приложения: Комментарии и примечания, Библиография, Указатель имен, Указатель заглавий произведений и их аббревиатур.

Комментарии и примечания касаются специальных терминов, реалий прошлых лет, явных и скрытых цитат, авторских неологизмов и пр. Прослежены пересечения между дневниковыми записями и собственно художественными произведениями Стругацких. Отдельно даются примечания к помещенным в том фотографии и рисункам.

В примечаниях использован ряд ранее опубликованных материалов из следующих источников:

Миры братьев Стругацких. Энциклопедия: В 2-х тт. / Сост. В. Борисов. — М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”»; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Курильский В. Комментарии / Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 10 тт. — М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2006, 2007.

Составители комментариев выражают благодарность за помощь в атрибуции цитат других авторов в этом томе Владимиру Антропову, Владимиру Борисову, Юлии и Вадиму Казаковым, Александру Кобринскому, Юрию Флейшману, Илье Юдину.

Подробная информация о библиографии, очередной фрагмент которой предлагается вниманию читателей, содержится в томе 1. Здесь же упоминается лишь самое существенное, что следует знать для поиска нужной информации.

Библиография разделена на фрагменты в соответствии с периодом времени, охватываемым тем или иным томом. Фрагмент может включать до четырех разделов: первый рассматривает художественные произведения Стругацких, второй — их статьи, интервью, выступления и т. п., третий — работу в качестве переводчиков, а четвертый — редакционно-составительскую деятельность. В первых двух разделах произведения, созданные Стругацкими вместе и по отдельности, находятся в разных подразделах. Если фрагмент библиографии охватывает несколько лет, то материал в соответствующих разделах и/или подразделах разбивается по годам и нумеруется независимо. Таким образом, каждая библиографическая позиция имеет уникальный в пределах данного года, раздела и подраздела номер, состоящий из трех частей, разделенных точками.

Указатель имен относится только к реальным персоналиям, упомянутым в художественной прозе Стругацких, их публицистике и переписке. Характеристики даются вынужденно краткие, но позволяющие заинтересованному читателю отыскать в специальной литературе и Интернете более подробную информацию. Определения «российский», «русский», «советский» опущены.

Братья Стругацкие в переписке предпочитали использовать вместо полных заглавий своих произведений аббревиатуры. Указатель таких аббревиатур и ранних (впоследствии измененных) названий поможет читателю ориентироваться в весьма обширном и сложном их массиве.

Следует также отметить, что в комментариях и указателях всех томов широко используется уже традиционное для любителей творчества Стругацких сокращение имен авторов до аббревиатур: А. и Б. Стругацкие — АБС, А. Н. Стругацкий — АНС, Б. Н. Стругацкий — БНС.

Комментарии и примечания

Художественные произведения

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Стажеры

Беловой вариант из одноименной папки архива. На его основании в 1997 г. С. Бондаренко с согласия БНС проводилось восстановление канонического текста повести.

Написано в 1961 г.

Первые публикации: сокращенного варианта («Должен жить») — Мир приключений. — Кн. 8. — М.: Детгиз, 1962; полного — М.: Мол. гвардия, 1962.

С. 5. *Он методически заталкивал в автомат ~ Дауге рассеянно кивнул.* — Фрагмент в первоизданиях был сокращен и изменен, восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 6. *Джеймо* — *јато* (англ.) — коктейль из ирландского виски, сока лайма и сухого имбирного эля.

С. 9. *Мирза-Чарле* — населенный пункт Мирза-Чарле (написание топонима неоднократно варьировалось) расположен в северной части Туркмении (ранее — в Марыйской области Туркменской ССР). Упоминается также в вариантах ПНА, в ХВВ и ВГВ.

С. 9. *Я от ребят отстал...* — См. записи от 7.04 и 13.04.61 в дневнике АНС 1961–1965 гг.

С. 11. *Варяжский гость* — действующее лицо оперы Н. Римского-Корсакова «Садко», либретто Н. Римского-Корсакова и В. Бельского.

С. 12. *Шишкинские медведи* — картина И. Шишкина «Утро в сосновом лесу».

С. 12. *«Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания»* — борьба за всевозможные звания была распространенным явлением в СССР, частью «социалистического соревнования», призванного заменить недостаточные материальные стимулы к производительному и эффективному труду.

С. 15. *...откуда ты, прелестное дитя?* — Неточная цитата из пьесы А. Пушкина «Русалка», сц. «Берег»: «Откуда ты, прекрасное дитя?»

С. 17. *Вербовщики получают с каждой головы, посаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле.* — См. «Рекламные щиты в Мирза-Чарле придется снять» в письме АНС от 04.08.61.

С. 22–23. *Водку пьешь? / — Нет, — испуганно ответил Юра. / — В бога веруешь? / — Нет. / — Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.* — Восходит к сцене набора запорожцев из фильма «Богдан Хмельницкий» реж. И. Савченко со следующим диалогом: «— Веры святой не предавал? — Ни, святой отче. — «Отче наш» знаешь? — Знаю. — А ну? — Отче наш, иже еси... — Горилку пьешь? — Пью. — От истинно христианская душа. Целуй крест, раб божий Иван».

С. 23. *Краулер* — гусеничный трактор. От англ. crawler — ползающий.

С. 23. *Теплый Сырт* — вариация марсианского топонима Большой Сырт.

С. 23. *Блинк-автоматы* — ср. «блинк-телескоп» в набросках «Экспедиция на Северный Кавказ».

С. 26. *Уж полночь близится, а Рыбкина все нет...* — «Уж полночь близится, / А Германа все нет, все нет». Опера П. Чайковского «Пиковая дама», либретто М. Чайковского по одноименной повести А. Пушкина, действ. 3, карт. 6, сц. 1.

С. 29. *Качество изображения (...) наводит изумление.* — Фраза восходит к словам Ноздрева из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души»: «...крепость черных мясов просто наводит изумление...» (т. 1, гл. 4).

С. 30. ...*острые немигающие звезды*. — На Марсе звезды не мигают (не мерцают) из-за недостаточной плотности атмосферы.

С. 32. ...*жилищный кризис ~ Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу*. — Иностранцу и правда было трудно понять советского человека, привычного к стесненным жилищным условиям.

С. 32. ...*пиф-паф, ой-ей-ей...* — Строка детского стишка, восходящего к стихотворению Ф. Миллера.

С. 40. *Бойцы вспоминали минувшие дни*. — Цитата из стихотворения А. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: «...Бойцы поминают минувшие дни...»

С. 40. *В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урана*. — Ср. в ХВВ: «А в этом их году Весов ~ он вместе с Дауге заканчивал исследования Аморфного Пятна на Уране».

С. 41. *Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда!* — Демографические прогнозы конца 50-х — начала 60-х хоть и обещали экспоненциальный рост населения Земли, но все же оказались заниженными.

С. 42. *Церера* — карликовая планета в поясе астероидов.

С. 44. *Я, Юрочка, уже десять лет хожу в повелителях*, — сказал он с какой-то странной интонацией ~ *Неужели Ивану надоело?* — См. в этом томе рабочие записи БНС 1961–1962 гг. № 2: «Жилин — припадок тоски и нелюбви к своей работе».

С. 44–45. *Они, бедняжки ~ мелкодробленого камня. (...) Однажды, когда мне показалось ~ это оказался Михаил Антонович (...) Странно, что ты не слышал о нем ~ гигантские брендспойты*. — Фрагменты в первоизданиях были опущены, восстановлены из черновики в 1997 г.

С. 45. «*Спэйс Пёрл*» — «Космический Жемчуг» (англ.).

С. 47. *Хомерики* — см. запись от 12.11.61 в дневнике АНС 1961–1965 гг.

С. 47. *Боюсь, что после этой облавы ~ немножко разочаровался*. — Фрагмент в первоизданиях был сокращен и изменен, восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 51. *Будем надеяться, что это не Опанасенко*, — пробормотал кто-то из Следопытов. — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 53. *А я тоже сгоряча решил, что пропадет старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился...* — См. письмо АНС от 20.11.61.

С. 57. «*Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества*». — Ср. в т. 4 запись в записной книжке БНС 1960–1962 гг.: «Инструкция по половой дисциплине лейб-гусар ее имп<ераторского> вел<ичест>ва».

С. 60. *Стажеру надлежит быть «спокойну, выдержану и всегда готову»...* — Восходит к пункту 14 «Науки побеждать» А. Суворова: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву».

С. 61. ...*отлично сыграть в бок-ап-штаг...* — **БНС, 3.06.2011**: Полная и абсолютная выдумка авторов. Что они тогда имели в виду, сейчас установить уже невозможно.

С. 64. *Стихи ты писал и в космосе...* — См. СБТ: «В каюте Юрковского валялась толстая тетрадь ~ никогда не делал тайны из своих стихов, тем более для ближайших друзей».

С. 65. *Я страстно и длинно обнял ее*. / — «Всю», — добавил Юрковский. — Ср. с ремаркой из пьесы Ф. Панфёрова «Когда мы красивы» (Октябрь (М.). — 1952. — № 6): «не отдавая себе отчета, подхватывает ее, кладет на диван, обняв всю» (акт 2, карт. 3). Предыдущие ремарки: «заулыбался, стал очень красивый, раскинул руки, пошел на Веру», «обнимает ее», «не выпуская ее», «снова обнял ее». Возможно, это фрагмент несохранившейся пародии на Панфёрова, написанной АНС для дружеского круга; см. запись от 1.04.59 в дневнике АНС 1958–1959 гг.: «Пародию на Панфёрова все переписывали».

С. 66. ...который понял, что Юрковский во что бы то ни стало хочет произнести речь. — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 68. *Вернись на двадцать километров, я все прощу.* — Реминисценция романса на слова Д. Ленского и музыки Б. Прозоровского «Вернись, я все прощу».

С. 68. ...запорожцы на картине у Репина! — «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

С. 69. *Зачем он прибыл, я не знаю. Сейчас он держит ось. Его уговорил Эзра. Не надо смеяться, вы мне сглазите весь опыт.* — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновики в 1997 г.

С. 69. *Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.* / — *Одолжайтесь...* — Реминисценция «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. Гоголя: «Иван же Никифорович дает вам прямо в руки рожок свой и прибавит только: “Одолжайтесь”».

С. 69. ...и вы узнаете, каково было слепому, который ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году! — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновики в 1997 г. См. в этом томе рабочие записи АНС 1961–1962 гг.

С. 70. *Кое-какеры* — неологизм Стругацких. Использован также в сценарии «Чародеи» и ОЗ.

С. 70. *Что гигантские планеты должны иметь кольца...* — Сейчас наличие колец у Нептуна, Урана, Юпитера общеизвестно. Во время написания повести это было лишь предположением.

С. 71. *Вдвое подает тот, кто подает вовремя.* — От *Bis dat, qui cito dat* (лат.) «Вдвойне дает тот, кто дает быстро», Публилий Сир, «Сентенции», строка 245.

С. 71–72. *Послушай, человек будущего ~ Ничего, залечим. (...) Если нет — сходи в коридор, там в углу чья-то валяется.* — Фрагменты в первоизданиях были опущены, восстановлены из черновики в 1997 г.

С. 72. *Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?* — Реминисценция строф стихотворения Н. Гумилёва «Капитаны», 1: «...И, взойдя на трепещущий мостик, / Вспоминает покинутый порт, / Отряхая ударами трости / Ключья пены с высоких ботфорт, // Или, бунт на борту обнаружив, / Из-за пояса рвет пистолет, / Так что сыплется золото с кружев, / С розоватых брабантских манжет».

С. 73. *Узнаю космогониста по изящным словесам.* — Перефразировка строк стихотворения А. Пушкина «(Из Анакреона) (отрывок)»: «Узнают коней ретивых / По их выжженным таврам...»

С. 76. ...*солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления...* — Ср. в ПХХІВ: «...я застал еще то время, когда в Северной Америке подвизались всякие там фирмы и монополии. Так вот, дольше всех продержалась небольшая фирма, которая сколотила себе за полтора века баснословный капитал на матрацах. Она выпускала какие-то особенные шелковые матрацы — немного, но страшно дорого. Говорят, миллиардеры дрались из-за этих матрацев. Замечательные были матрацы! На них ничего нельзя было отлежать».

С. 77. ...*дайте ему набить брюшко и дайте ему раз в день посмеяться над каким-нибудь нехитрым представлением.* — Инженер Ливингтон имеет в виду известное требование римского плебса «Хлеба и зрелищ» (источник — строка 10-й «Сатиры» Ювенала).

С. 77. *Сегрегация* — политика принудительного отделения какой-либо группы населения. Сегрегация по расовому признаку была распространена во многих странах до 70–80-х гг. XX века.

С. 78. «*Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить; ничто из того, что люди думают, не осуществится.*» — Цитируется апокрифический Апокалипсис Баруха: «Всемогущий приведет на землю, на ее жителей и

на ее правителей смятение ума и душу раздирающий страх. Они будут ненавидеть друг друга и подстрекать друг друга к войне. Низкие будут властвовать над почтенными, ничтожные возвысятся над славными. Масса будет отдана во власть немногих, и, кто был ничем, овладеет властью над могучими. Бедные получают преимущество над богатыми, преступники возвысятся над героями. Мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить. Ничто из того, что люди думают, не осуществится...» (70, 2–6). Перевод фрагмента приведен в издании: Амусин И. Рукописи Мертвого моря. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. См. в этом томе выписки из книги Амусина в записной книжке БНС 1960–1962 гг.

С. 78. *...время нищих духом прошло (...). Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.* — Возможна связь с другим фрагментом Апокалипсиса Баруха: «Юношеское время мира уже прошло, и лучшая пора творений уже давно пришла к концу, и время почти уже прошло, уже почти миновало» (85, 10). Собственно выражение «нищие духом» относится не только к Евангелию от Матфея: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (гл. 5, стих 3). Оно также встречается в текстах кумранской общины ессеев, например, в свитке «Война сынов света против сынов тьмы» (14, 7).

С. 79. *...ясно даже и ежу.* — Цитата из стихотворения В. Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий», 1: «Ясно даже и ежу — / Этот Петя был буржуй».

С. 85. *...рассказ Колдуэлла, как парень в жаркий полдень состругивал ножом маленькую палочку и как все ждали, что будет, когда палочка кончится.* — Отсылка к рассказу «Августовский полдень».

С. 86. *«Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца», — как говорит Киплинг.* — Цитата из главы «Охота Каа» «Книги Джунглей», перевод С. Займовского.

С. 86. *Безумству храбрых поем мы песню!..* — Цитата из стихотворения М. Горького «Песня о Соколе».

С. 88. *...какой-то древний правовой кодекс учитывает такую ничтожную возможность и предусматривает наказание владельцу того петуха, который своим криком расколет кувшин у соседа.* — Возмещение убытка владельцу кувшина владельцем петуха предусмотрено Талмудом в трактате Бава Кама, глава 2, страница 18 б: «Приди и услышь: Рами бар Езекиль познал, что когда петух сунет голову в стеклянный сосуд и закричит там, и сосуд от этого разобьется, оплата [убытков] должна быть полной».

С. 89. *Математическое ожидание* — обобщение понятия «среднее значение» для произвольной случайной величины.

С. 90. *...известный пример с воздухом, который весь собрался в одной половине комнаты.* — Приведено в качестве примера практически невозможного события в книге Е. Дынкина и В. Успенского «Математические беседы» (М.–Л.: Гос. изд-во техн.-теорет. лит., 1952), в разделе 3 «Случайные блуждания (цепи Маркова)»; в примере комната разделена на верхнюю и нижнюю половины.

С. 90. *Брокенское видение* — оптический эффект, названный по имени горы Броккен в Германии: если на восходе или закате тень человека, стоящего на вершине горы, падает на облака, то она становится неправдоподобно огромной.

С. 90. *Зеленый луч* — редкое оптическое явление, вспышка зеленого света в момент исчезновения солнечного диска за горизонтом (обычно морским) или появления его из-за горизонта.

С. 93. *«Повесть о принце Гэндзи»* — повесть Мурасаки Сикибу.

С. 94. *Князь Андрей, Сомс, Форсайты, Катя с Дашей* — персонажи следующих произведений: князь Андрей — «Войны и мира» Л. Толстого; Сомс, Форсайты — «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси; Катя с Дашей — «Хождения по мукам» А. Н. Толстого.

С. 94. *Хэйан* — период в истории Японии с 794 по 1185 гг.

С. 94. *...в трезвом уме и здравой памяти...* — Ироническая вариация формулы начала завещания в русском дореволюционном праве: «в здравом уме и твердой памяти».

С. 95. *Все мы немножко лошади (...)* Каждый из нас по-своему лошадь. — Цитата из стихотворения В. Маяковского «Хорошее отношение к лошадям».

С. 95. *Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни.* — Ср. императив из «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского об истине и замученном ребенке (ч. 2, кн. 5, гл. 4).

С. 96. *И научить их, что один человек ни черта не стоит.* — Приблизительная цитата из романа Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь»: «Все равно человек один не может ни черта» (ч. 3, гл. 23). Перевод Е. Калашниковой.

С. 97. *...хитрыми разумом Мюллерами.* — Ироническая перефразировка слов из «Оды на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» М. Ломоносова: «...быстрых разумом Невтонов...»

С. 97. *...властью разрешать и вязать...* — Евангелие от Матфея: «что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (гл. 16, ст. 19).

С. 97. *...победителя не судят...* — «Победителей не судят» — слова, по документально не подтвержденному преданию, принадлежат российской императрице Екатерине II; якобы сказаны в защиту А. Суворова.

С. 98. *...в Абастумани...* — Абастуманская обсерватория (современное название — Грузинская национальная астрофизическая обсерватория им. Е. Харадзе), основанная в 1932 г., расположена в 200 км к западу от Тбилиси на горе Канобили.

С. 98. *Потом я у них принимал экзамен у обоих сразу, и они еще отвечали мне с этакой... лихостью. Дескать, знай, кого выгоняешь.* — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 100. *...дайте мне отработать мои три года...* — В СССР «молодые специалисты» по окончании высшего учебного заведения были обязаны отработать три года «по распределению» там, куда их направляла специально работавшая в ВУЗе комиссия.

С. 102. *Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват...* — Эпиграф к первой части статьи С. Львова «Письмо без подписи»: «Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват. (Из заповедей коллектива коммунистического труда. Газета «Купавинский текстильщик» 2 апреля 1959 г.)». «Литературная газета», 4 мая 1961 г. См. также в этом томе рабочие записи АНС 1961–1962 гг.

С. 102. *Я спешу на Рею. Не на ту рею, на которой вешали пиратов, а на спутник Сатурна.* — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 103. *Опять глаза красные будут, — сказала она почти спокойно. — Опять он за обедом будет спрашивать: «В чем дело, Зинаида? Когда же кончатся ваши эмоции?»* — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 104. *...а кто ему не подчиняется, тому творческой работы не видать на обсерватории как своих ушей.* — Фрагмент в первоизданиях был опущен, восстановлен из черновиков в 1997 г.

С. 107. *Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолобивый маньяк и один провинциальный интриган.* — **БНС**, офлайн-интервью от 25.10.2008: *Вопрос:* Ситуация, происшедшая на Дионе. Вы с подобным сами сталкивались, или это так сказать, с потолка... *И Ваше мнение:* почему так происходит, неужто в каждом человеке при определенных обстоятельствах просыпается тиран, интриган и главарь? *Ответ:* Ситуация на Дионе — почти точный слепок ситуации, которую я лично наблюдал на одной из удаленных обсерваторий (куда попал случайно, будучи членом экспедиции и человеком здесь посторонним. Совсем как Юра Бородин). Ситуация, я думаю, не слишком частая, но и не рядовая в то же время. Все-таки требуется (при прочих равных условиях), чтобы

встретились начальник с повадками тирана и такой совсем уж бесхребетный и забитый коллектив. Но, к счастью, и такие вялые коллективы образуются не часто, и нормальный человек (хоть он и начальник) совсем не обязательно превращается в тирана-властолюбца, даже когда открывается ему такая возможность... *БНС*, 20.09.2012: <...> был начальником Горной станции под Кисловодском. Наша экспедиционная группа базировалась на этой станции. Наблюдение за царившими там нравами вдохновило АБС на написание главки «На четвереньках» в «Стажерах».

С. 109. *Музыка сфер* — музыкой сфер или небесной гармонией Пифагор называл звучание, производимое при движении планет, находящихся между Землей и сферой неподвижных звезд.

С. 114. *Данно-ура* — современное написание — Данноура.

С. 114. *...небоблистающей Аматаэрасу*. — Аматаэрасу — О-ми-ками, верховное божество в японской мифологии и религии синто, олицетворение Солнца, имя означает «величественная, которая заставляет небеса сиять».

Из архива

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Экипаж «СКИФа»

Машинопись на оборотах черновиков папки «Стажеры».

Написано в 1960–1961 гг.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2005.

С. 133. *Видит око, да зуб неймет*. — Строки басни И. Крылова «Лисица и виноград».

С. 140. *Курвиметр* — прибор для измерения длины извилистых линий на картах, планах и чертежах.

С. 142. *Овод* — роман Э. Л. Войнич.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. В наше интересное время

Машинопись из папки «Неопубликованное законченное (рассказы)».

Написано в 1960–1961 гг.

Первые публикации: журнальная — Фантакрим MEGA (Минск). — 1993. — № 1; книжная — Страна багровых туч; Рассказы; Статьи, интервью. — М.: Текст, 1993. — (Собрание сочинений; Т. 2 дополнительный).

С. 165. *Мефистофель* — персонаж трагедии И. Гете «Фауст».

С. 166. «Победа» — ГАЗ М–20, советский легковой автомобиль.

С. 166. «Как в моем садочке...» — «Как у нас в садочке, / Как у нас в садочке / Розы расцвели» — чешская песня «Красная розочка», музыка Б. Седлачека, слова Р. Жака.

С. 168. *На ладони лежал камешек. Обыкновенный камешек, пористый, серенький, похожий на песчаник*. — Ньюслеттер В. Борисова «Понедельник–Э», выпуск от 31.03.2003, *БНС* о рассказе ВНИВ: «Интересно: хоть один читатель понял, что «человек в черном» вернулся из первого полета на Луну и что камешек этот — с Луны? Именно таким образом авторы все это тогда себе представляли».

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Из повести о Горбовском]

Машинопись с рукописной правкой из папки «Отрывки, замыслы».

Написано, вероятно, в 1961 г.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2008.

С. 169. *Но беспокоят тебя только платформы, коим цена — дерьмо.* — Перефразировка из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «Всему этому цена дерьмо!» (ч. 1, гл. 1). Перевод П. Богатырёва.

С. 169. *Олгой-хорхой* — см. одноименный рассказ И. Ефремова.

С. 169. *Но все же, зачем платформы ломать?* — Возможная реминисценция комедии Н. Гоголя «Ревизор»: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (действ. 1, явл. 1).

С. 172. *Человек ни черта не может сделать один.; Учи, что один человек ни черта не сделает.* — См. примечание к с. 96.

Варианты рукописей и изданий

«Стажеры»

С. 174. *А также все, что понадобится впредь.* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок», ч. 2, гл. 19.

С. 177. *Анаэробная жизнь* — анаэробы, иначе анаэробиионты, аноксифионты — организмы, живущие при отсутствии свободного кислорода.

С. 178. *Полиэдр* — многогранник.

С. 179. *...приплести и идею Циолковского о непременно заселения человеком пустоты. «Из воды на сушу, с суши в пустоту».* — Сквозная мысль К. Циолковского. См., например, «Грезы о земле и небе»: «Вообще на планетах сначала появлялись водные животные, потом — живущие в воздухе и, наконец, — в пустоте...» (7 (29)).

С. 180. *Гибель Портоса* — отсылка к роману А. Дюма «Виконт де Бражелон», т. 3, ч. 6, гл. 31.

С. 184. *Ты притворяешься, как подлый Ахав.* — Имеется в виду главное действующее лицо романа Г. Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит». Конкретная цитата: «...он [Ахав. — *Сост.*] долго притворялся перед людьми, да в какой-то мере продолжал притворяться и теперь...» (гл. 41). Перевод И. Бернштейн. Персонаж Мелвилла назван по имени царя Израиля в 873–852 гг. до н. э.

С. 185. *Ариадна брошенная. Любезный друг сделал ей амур и уплыл, видишь парус?* — Скрытая цитата из романа А. Н. Толстого «Петр Первый»: «Сердечный друг сделал ей амур и уплыл — видите — парус... Называется — «Ариадна брошенная...» (т. 2, гл. 2, глава 3).

С. 194. *...их легендарный вездеход-транспортёр, погибший в атомном взрыве...* — Ср. СБТ: «В центре города стоит наш «Мальчик». ~ На броне вырезали короткую надпись: «Первым»».

С. 196. *Венузианский* — то есть «венерианский». От лат. Venus — Венера.

С. 200. *«Ай ты волчья сьть, травяной мешок...»* — былинное выражение, означающее недовольство конем. См., например, былины «Михайло Потык», «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

С. 203. *Молокане* — секта в христианстве.

С. 206. *Бладсакер, тора, перро* — соответственно: пиявка (англ.), тигр (яп.), собака (исп.).

С. 212. *Эта глава — соответствует «Быту мушкетеров» у Дюма.* — См. «Три мушкетера», ч. 1, гл. 7 «Мушкетеры у себя дома».

С. 214. *Мазер* — квантовый генератор, излучающий электромагнитные волны сантиметрового диапазона.

С. 227. *Эдокко* — уроженец Токио.

Публицистика

Опубликованное

Аркадий Стругацкий. Дорогой читатель!

Рукопись не сохранилась. Предисловие АНС не подписано, но авторство подтверждено им самим. См. материал «Беседа с АНС 26 августа 1990 г.» в издании «Неизвестные Стругацкие: Черновики. Рукописи. Варианты: От “Отеля...” до “За миллиард лет...”» (Донецк: Сталкер, 2006).

Написано в июле 1960 г.

Публикуется по изданию: Гребнев Г. Пропавшее сокровище; Мир иной. — М.: Детгиз, 1961.

С. 236. «Арктания» — Гребнев Г. Арктания (Летающая станция). — М.–Л.: Детиздат, 1938.

С. 236. *Бригадмилец* — член бригады содействия милиции.

С. 236. «Мир иной» — фактически повесть по черновикам Г. Гребнева написана АНС, редактором этого издания.

Аркадий Стругацкий. Примечания

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1961 г.

Публикуется по изданию: Уэда Акинари. Луна в тумане. — М.: Гослитиздат, 1961.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Вопрос писателям-фантастам: После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?

Ответы писателей-фантастов на вопросы газеты. Интервью давалось Б. Стругацким, возможно — по телефону. См. телеграмму БНС брату от 13.04.61 и запись того же дня в дневнике АНС 1961–1965 гг.

Публикуется по изданию: Сов. культура (М.). — 1961. — 15 апр.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Предисловие к главам повести «Возвращение»]

Рукопись не сохранилась.

Написано в 1961 г.

Публикуется по изданию: Урал (Свердловск). — 1961. — № 6.

С. 239. ...Эндрю Нортон в своем романе «Рассвет, 2250 год». — Norton A., Daybreak — 2250 A. D. (Orig. title: Star Man's Son). — NY: Ace Books, 1954.

Борис Стругацкий. Жизнь обгоняет фантастику

Беседа с корреспондентом газеты. См. телеграмму БНС брату от 13.04.61 и запись того же дня в дневнике АНС 1961–1965 гг.

Публикуется по изданию: Веч. Ленинград. — 1961. — 29 июля.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От бесконечности тайн к бесконечности знаний

Рукопись не сохранилась. Черновик под заглавием «Предисловие к повести “Возвращение”» публикуется ниже.

Написано в 1961 г. Упоминается в письмах БНС от 29.11.61 и АНС от 2.12.61.

Публикуется по изданию: Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 10.

Из архива

Борис Стругацкий. [Предисловие к повести «Возвращение»]

Рукопись черновика из папки «Чужое. Стихи и песни; АБС. СВД». См. выше «От бесконечности тайн к бесконечности знаний».

Написано в 1961 г. Упоминается в письмах БНС от 29.11.61 и АНС от 2.12.61.

Публикуется впервые.

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Про критику научной фантастики

Машинопись из папки «Черновики статей».

Написано в начале сентября 1961 г. См. письма АНС брату от 9.09.61 и 12.09.61.

Первая публикация: Куда ж нам плыть?: Сб. публицистики — Волгоград: Людены: МППО, 1991. — [Фактич. выход: 1993].

С. 242. *Швейк тщетно старался завязать разговор с ефрейтором и по-дружески объяснить ему, почему ефрейторов называют ротной язвой.* / Я. Гашек — «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: «С этого момента Швейк тщетно старался завести с ефрейтором разговор и любезно растолковать ему, почему ефрейторов называют “ротными язвами”» (ч. 4, гл. 3). Перевод А. и Г. Зуккау.

С. 242. *Лихо Одноглазое* — фольклорный персонаж, упомянутый в СОТ.

С. 243. *Герой нашего времени* — заглавие повести М. Лермонтова.

С. 243–244. *«...Очень уж трудно обнаружить в ... этих произведениях ... индивидуальность пишущего, его личную особую тему. Попробуйте различить писателей-фантастов по голосам, попытайтесь найти в каждом из них своеобразие — у вас это вряд ли получится...» «...Большинство наших фантастов по большей мере озабочены только одним: они стараются писать как можно более фантастично, вовсе не заботясь о том, чтобы подняться «просто» до настоящей, хорошей литературы. Вот почему главное для них — некая гипотеза, а все остальное: характеры, конфликты, сюжет — не больше чем «упаковка»...» «Берется набор стандартных ситуаций, характеристик героев, описаний — набор, напоминающий коробку с планками, винтами и колесиками из детского конструктора... Все это замешивается на дрожжах более или менее реальной научной гипотезы, потом выливается в многократно использованную форму «новеллы ужасов», детектива, монолога «раскаявшегося скептика» или «пламенного энтузиаста» — и рассказ готов». — Шитова В. Вымысел без мысли. Заметки о научной фантастике // Юность (М.). — 1961. — № 8.*

С. 244. *...заседающих у Луначарского...* — То есть в наркомате просвещения.

С. 245. *...сабли наголо, на нижней губе изжеванная пахитоска, холодно и спокойно поблескивает голубоватое пенсне...* — Ср. в ХС: «...бледный красавец в черкеске и с тухлым взглядом отпетого дроздовца; как он, докурив пахитоску до основания, двумя пальцами осторожно отлепляет заслуненный окурок от губы, сощуривается на мою беззащитную книгу, неторопливо обнажает шашку и легко разбегается на цыпочках, занося над головою голубую сталь...» В обеих фразах можно отметить отсылку к роману А. Н. Толстого «Хмурое утро»: «...у дроздовцев — в лице ирония, любят носить пенсне — в честь их покойного шефа; у корниловцев — традиционно тухлый взгляд и в лице презрительное разочарование...» (гл. 19).

С. 245, 261. *Скучно. Грустно.*; «*И скучно, и грустно, и дачи бежать невозможно*» — перефразировка строк стихотворения М. Лермонтова «И скучно, и грустно, и некому руку подать»: «И скучно, и грустно (...) вечно любить невозможно».

С. 246. ...удовлетворение свое ищущий «в освобождении от груза своих мыслей», как говаривал Моэм... — Цитата из гл. 2 романа «Луна и грош». Перевод Н. Ман.

Письма. Дневники. Записные книжки

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1961

Письма АБС — как машинописные, так и рукописные. Часть писем авторами не датирована. Такие письма датировались составителями, что отмечено в нижеследующих примечаниях. В этом же разделе помещено и одно письмо АНС матери. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в текстах писем в угловых скобках.

Часть писем публиковалась в издании: Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962. — М.: АСТ; Донецк: НКП, 2008. Настоящее издание дополнено публикуемыми впервые письмами, обнаруженными позднее в архиве АБС и М. А. Стругацкой.

С. 249. *Аллегорические телодвижения* — цитата из «Современной идиллии» М. Салтыкова-Щедрина (гл. 8).

С. 249. *Рецессивная аллель* — реминисценция использованной в СБТ фразы из монографии Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики?» (М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947; перевод А. Малиновского).

С. 249. *Союзное командование* — реминисценция к/ф «Чапаев», реж-ы Г. и С. Васильевы.

С. 249. *Фердаммте* — verdammte — проклятым (нем.).

С. 250. *«Ярче тысячи солнц»* — Юнг Р. Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках. — М.: Атомиздат, 1960.

С. 250. *Одесную* — справа.

С. 250. *«Забавная Библия»* — Таксиль Л. Забавная библия. — [М.: Госполитиздат, 1961].

С. 250. *«Рукописи Мертвого Моря»* — Амусин И. Рукописи Мертвого моря. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

С. 250–251. *Прочел интересную книжку Тьюринга «Может ли машина мыслить?»*. — Тьюринг А. Может ли машина мыслить? С прил. статьи Дж. фон Неймана «Общая и логическая теория автоматов». — М.: Физматгиз, 1960.

С. 251. *Почему нет в продаже сливочного масла?* — Реминисценция романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «А пророку Самуилу задают одни и те вопросы: “Почему в продаже нет животного масла?” или: “Еврей ли вы?”» (ч. 1, гл. 6).

С. 251. *Можно подумать, что ты писал из окопов Сталинграда.* — Реминисценция заглавия книги В. Некрасова «В окопах Сталинграда».

С. 251. *...книжку Вильямса «Совершенный стратег»...* — Вильямс Дж. Д. Совершенный стратег, или Букварь по теории стратегических игр. — М.: Сов. радио, 1960.

С. 251. *Презервативиздат* — т. е. Трудрезервиздат, см. в т. 3 письмо АНС от 2.04.59.

С. 251. *Он же иллюстрировал «Черную Брамму» в альманахе.* — Михайлов В. Черная Брами // Мир приключений. Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961.

С. 252. *Переходный период* — имеется в виду переходный период от социализма к коммунизму.

С. 253. *Почти аналогичное положение сложилось и в молодогвардейском сборнике.* — Речь о сборнике «Золотой лотос» (М.: Мол. гвардия, 1961), где «Загадка задней ноги» была опубликована под заглавием «Великий КРИ».

С. 254. *Зольдатик* — словоупотребление восходит к «Похождениям бравого солдата Швейка во время мировой войны» Я. Гашека: «Ах, как ему вкусно, зольдатику! —

восторженно зашептала доктору Грюнштейну старая баронесса. — Он уже здоров и может поехать на поле битвы» (ч. 1, гл. 8). Перевод П. Богатырёва.

С. 254. *Гиены пера* — цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (ч. 1, гл. 13).

С. 254. Брюки-невидимки — использовано в ПНВС.

С. 255. *НАШЕГО ИМЕНИ ДАЛ ИНТЕРВЬЮ СОВЕТСКУЮ КУЛЬТУРУ ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД...* — После полета Гагарина что вы считаете фантастическим? // Сов. культура (М.). — 1961. — 15 апр.; Жизнь обгоняет фантастику / [Беседу записал] И. Охотников // Веч. Ленинград. — 1961. — 29 июля.

С. 255. *Drop it* — drop it — брось (англ.).

С. 255. *Кель выразанс* — здесь: способ выразаться (франц.-рус.).

С. 255. *...повесть Забелина «Пояс жизни»*. — Забелин И. Пояс жизни. — М.: Географгиз, 1960.

С. 256. «Бром-урал» — «Бромурал» — снотворное и седативное лекарственное средство. Здесь имеется в виду журнал «Урал».

С. 257. *Блестящее одиночество* — или «блестящая изоляция», Splendid isolation (англ.) — английская доктрина внешней политики, заключающаяся в отказе от длительных международных союзов.

С. 257. *В ноябре я сдаю наш «Мир приключений»...* — Мир приключений. Кн. 7. — М.: Детгиз, 1962. Редактор А. Стругацкий.

С. 257. *Сижу сейчас над переводом «Каппы»*. — Будущее издание: Акутагава Рюноске. В стране водяных / Перевод А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1962.

С. 258. *Экноулежментс* — acknowledgements — благодарности (англ.).

С. 258. *...и весь свет скоро узнает...* — Реминисценция романа Л. Толстого «Война и мир»: «И весь свет узнал» (т. 1, ч. 1, гл. 4).

С. 258. *...«у Сатурна заметная асимметрия отсутствует», а у Юпитера хотя и имеется заметная асимметрия, «однако она не имеет ничего общего с асимметрией, предсказываемой Н. А. Козыревым, и есть следствие асимметричного расположения полос на диске Юпитера»*. — Будущая публикация: К вопросу об асимметрии фигур больших планет / Х. Поттер, Б. Стругацкий // Известия Главной астрономической обсерватории в Пулкове (Л.). — 1962. — Т. 23. — Вып. 1. — № 171.

С. 258. *Теперь на очереди еще одна статья, тоже совместная (...). На этот раз речь идет о составлении таблиц для наблюдений на призменной астролябии с помощью счетно-аналитических машин*. — Будущая публикация: О составлении таблиц для астролябии Данжона с использованием современных вычислительных машин / Е. Крейнин, Д. Положенцев, Б. Стругацкий // Труды 15-й астрометрической конференции СССР. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.

С. 258, 261. *Комиксы AV-Golkonda.; Немцы прислали целых шесть экз<емпляров> Atomvulkan и еще комиксов*. — Речь о двух изданиях одного перевода: Atomvulkan Golkonda / Über. von W. Berger. — Berlin: Kultur und Fortschritt, 1961. — Нем. яз. — Загл. ориг.: Страна багровых туч. Одно издание вышло в томе в 288 страниц в библиотеке «Buch de Monats». Другое, сокращенное, — в трех иллюстрированных В. Рунером выпусках по 64 страницы в библиотеке «Kleine Jugendreihe» (именно его АБС именуют «комиксами»).

С. 258. *Странные, однако, у них порядки! Э-э-э... удивительные!..* — Автоцитата из повести «Стажеры», написанной в то время в черновике.

С. 258. *...особенно теперь, в связи с новой программой КПСС*. — Третья программа КПСС, называвшаяся также программой построения коммунизма, была принята на XXII съезде КПСС (17–31.10.61). До съезда проходило обсуждение проекта программы.

С. 259. *...маги преследуют его а ля секретарь Прыща*. — Точнее, не как секретарь, а как предводитель дворянства из гл. «Эпоха увольнения от войн» «Истории одного города»

М. Салтыкова-Щедрина, заподозривший, что у градоначальника Прыща фаршированная голова.

С. 259. *Серость и неграмотность их наводит изумление* — слова из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души»: «...крепость черных мясов просто наводит изумление...» (т. 1, гл. 4).

С. 259. *Борис — брату, 5 августа 1961...* — Датировка составителей.

С. 260. *Нуден до чрезвычайности* — реминисценция «Пушист до чрезвычайности». И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев», ч. 2, гл. 23.

С. 260. «Звездный билет» — Аксенов В. Звездный билет // Юность (М.). — 1961. — №№ 6, 7.

С. 260. *...захотелось написать какую-нибудь острую книжку о современности. Чтобы там герои спорили, почему нет положительного героя в нашей литературе, и почему не пускают за границу всех, и почему все время приукрашивают, и где свобода информации, и будет ли коммунизм и т. д. Я даже начал списочек составлять, о чем будут спорить герои.* — См. в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг.: «Почему нет положит<ельного> героя? ~ Нужна ли философия?».

С. 260. *У меня не хватает 16 тыс<яч> (старых).* — «Старыми» называли суммы до реформы (деноминации в 10 раз), проведенной 1 января 1961 г.

С. 260. *Читал «Искатель» № 4? Там интересный романчик «Робинзоны Космоса». (...) И появился еще некий Борис Худенко.* — Карсак Ф. Робинзоны космоса // Искатель (М.). — 1961. — №№ 4–6; Худенко Б. Здравствуй, сапиенс // Искатель (М.). — 1961. — №№ 4, 5.

С. 261. «Звездные дневники Йона Тихого» — Лем С. Звездные дневники Йона Тихого. — М.: Мол. гвардия, 1961.

С. 261. *...луч света в царстве тьмы тьмущей.* — Аллюзия на заголовок статьи Н. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (о драме А. Островского «Гроза»).

С. 261. *Разругали в «Юности».* — Шитова В. Вымысел без мысли. Заметки о научной фантастике // Юность (М.). — 1961. — № 8.

С. 262. *Взять девизом слова Гарри Моргана: «Человек... один... не может... ни черта...»* — персонаж и цитата из романа Э. Хемингуэя «Иметь и не иметь».

С. 262. *Получил твое письмо. Совсем плохо стало. И ССП, и еще, оказывается, «Природа».* — Упомянутое письмо АНС не сохранилось. В статье Ю. Леплинского «Против антинаучной фантастики» («Природа», 1961, № 8) утверждалось, что произведения Стругацких противоречат марксистской концепции развития разума и природы.

С. 263. *Аркадий — брату, 9 сентября 1961...* — Датировка составителей.

С. 263. *Наверное, ты получил уже статью.* — «Про критику научной фантастики».

С. 263. *Предложено показать Урановую Голконду и перенести на Венеру «Нищих духом».* — См. в разделе «Варианты рукописей и изданий» главу «Венера. Архаизмы». Урановая Голконда — отсылка к СБТ. Голконда — государство в Индии в XVI–XVII вв., славилась добычей алмазов. В переносном смысле — место с несметными сокровищами.

С. 264. *Так тебя и не так.* — Восходит к «ругани» из «Гиперболоида инженера Гарина» А. Н. Толстого: «Не так и не мать! (...) так и не так и не мать...» (гл. 35).

С. 267. *P<ost> T<extum>* — АБС использовали это сокращение, поскольку на клавиатуре пишущих машинок не было латиницы. Но в рукописных письмах употребляли обыкновенное «P. S.».

С. 268. «Дорога на Океан», Курилов — роман Л. Леонова, главное действующее лицо романа.

С. 268. *Мимикродон* — марсианская ящерица из ПНА и ПХХПВ.

С. 269. *...прочел третью книгу Эренбурга...* — Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Книга 3 // Новый мир (М.). — 1961. — №№ 9–11.

С. 269. В газете «Смена» появились три письма читателей об Аксенове... — Резников Д. Жизнь сложнее; Альтварг Н., Ясногорская И. Спор решают случайности; Пруссак И. Незрелость авторской мысли // Смена (Л.). — 1961. — 1 окт.

С. 269. «Подите прочь! Какое дело поэту мирному до вас!» — цитата из стихотворения А. Пушкина «Поэт и толпа».

С. 269. В «Ли<тературе и> Жи<зни>» за 4 окт<ября> в статье о журнале «Урал» некто Лобанов облаял «Возвращение». — Лобанов М. Человек или муляж? По страницам журнала «Урал» // Литература и жизнь (М.). — 1961. — 4 окт.

С. 269. Борис — брату, 13 октября 1961... — Датировка составителей.

С. 270. Куинбус Флестрин — «Человек-Гора», именование Гулливера лилипутами. Дж. Свифт, «Путешествия Гулливера», Путешествие первое.

С. 270. Был давеча в НИФИ на семинаре «Творчество Эрвина Бауэра и вопросы биологов к физикам». — НИФИ — Научно-исследовательский физический институт Ленинградского Государственного университета (ныне — НИИФ им. В. А. Фока). См. также в этом томе записную книжку БНС 1960–1962 гг.

С. 270. ...«отрицательная энтропия», как у Ефремова. — Понимание жизни как непрерывной борьбы с энтропией — сквозная мысль И. Ефремова. См. «Туманность Андромеды» и «Сердце Змеи».

С. 270. Посмотрел фильм «Человек ниоткуда» ~ Все мы, дескать, снежные люди и даже хуже. — К/ф 1961 г., реж. Э. Рязанов. Комедия о приключениях «снежного человека» — дикаря из фантастического племени тапи.

С. 270. «Мир входящему» — к/ф 1961 г., реж. А. Алов и В. Наумов.

С. 270. ...«Визит инспектора» по Пристли... — Англ. к/ф 1954 г. «An Inspector Calls» по одноименной пьесе Дж. Б. Пристли, реж. Г. Хэмптон.

С. 271. На Украине в «Наука та праця» в № 10 вышли «Свічки перед пультом». — Свічки перед пультом // Знання та праця (Київ). — 1961. — № 10.

С. 271. Если у вас сохранилась газета, где написано про Адку, — пришли, а то мы не читали даже. — Чураков Н. В объективе — Венера // Известия (М.). — 1961. — 22 сент. Отрывок из статьи: «С этого года в Пулковской обсерватории для фотографирования Венеры используется нормальный астрограф, оснащенный уникальной планетной камерой, изготовленной в Пулковских оптико-механических мастерских. Основные конструкторские расчеты прибора сделаны научным сотрудником А. А. Стругацкой, которая и производит фотографирование».

С. 271. ...так что же теперь — кровью блевать, что ли? — Цитата из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (ч. 2, гл. 4). Перевод П. Богатырёва.

С. 271. Будь ироничен и преисполнен жалости! — «Ирония и жалость» — название песни из главы 12 романа Э. Хемингуэя «Фиеста (И восходит солнце)». Перевод В. Топер.

С. 271. «Хвале и клевете внимайте равнодушно» — приблизительная цитата из стихотворения А. Пушкина «Ехегі monumentum»: «Хвалу и клевету приемли равнодушно».

С. 272. Велией — т. е. «великой»; архаизм.

С. 274. Будем обсуждать Г. Гора «Докучливый собеседник». — Гор Г. Докучливый собеседник // Звезда (Л.). — 1961. — № 7.

С. 274. Читал книжку Рюрикова «Через 100 и 1000 лет»... — Рюриков Ю. Через 100 и 1000 лет: Человек будущего и соврем. художеств. фантастика. — М.: Искусство, 1961.

С. 274. Ничегё — **БНС, 17.07.2010**: Словечко «ничеГё» придумано было и имело хождение у нас в ГАО, в компании 18-й комнаты. Кто придумал, теперь уже и не вспомнить. По-моему, оно плавно перешло в реальность из известного анекдота: «...А не испить ли нам кофейкЮ, граф?.. ОтчегЁ же...»

С. 274. ...со стонами и визгами отмежевываюсь... — Цитата из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»: «И вы будете долго и тоскливо его судить, а он будет с визгом и стонами отмежевываться» (ч. 3, гл. 26).

С. 276. ...с Макрушиным (...) о его повести «Первый день на Марсе»... — Макрушин В. Первый день на Марсе // Молодая гвардия (М.). — 1961. — № 5. Публикация не была завершена.

С. 276. Плойма — здесь: скопище, сборище, тьма.

С. 276. В «Октябре» № 10 (или 11?) была статья Брандиса—Дмитревского о научной фантастике. — Брандис Е., Дмитревский В. Орбита большой мечты // Октябрь (М.). — 1961. — № 11.

С. 276. В Румынии вышла «СБТ». — Țară porilor purpurii / Trad. de I. Block. — București: Ed. Tineretului, 1961.

С. 277. В новом выпуске альманаха «На суше и на море» есть статья французского ядерника о советской фантастике. — Бержье Ж. Советская научно-фантастическая литература глазами француза // На суше и на море. 1961 год. — М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1961.

С. 277. Дрек — dreck — дерьмо (нем.).

С. 277. ...Масао Сэгава «61 Лебедя». — Черновой перевод АНС повести Масао Сэгавы сохранился в его архиве.

С. 277, 278. Ты, между прочим, пишешь маме, что нас печатают еще и в США, Англии и Франции. Это как понимать? Откуда у тебя такие сведения? И что именно печатают?; Насчет Стругацких в странах дикого Запада — это я узнал из той же статьи француза... — Le robot déchaîné / Trad. anonyme // France-URSS (Paris). — Décembre, 1958. — Фр. яз. — Загл. ориг.: Спонтанный рефлекс; Initiative / Transl. by H. Rutley // Amazing Science Fiction Stories, May 1959. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Спонтанный рефлекс. Цитата из вышеупомянутой статьи Ж. Бержье: «С удовольствием отмечаю и тот факт, что американские журналы, например «Amazing Stories», начинают переводить на английский язык рассказы Стругацких».

С. 278. Между прочим, кто это сунул в «Тех<нику> — мол<одежи>» предисловие к «Возвращению»? — См. в разделе публицистики материал «От бесконечности тайн к бесконечности знаний».

С. 278. Аркадий — брату, 2 декабря 1961... — Датировка составителей.

С. 279. «Зол<отой> лотос», «Баллада» — Альтов Г., Журавлева В. Баллада о звездах // Золотой лотос. — М.: Мол. гвардия, 1961.

С. 279. Аркадий — брату, 8 декабря 1961... — Датировка составителей.

С. 280. Раздобудь мне два экз<емпляра> ленинградского сборника. — Янтарная комната. — Л.: Детгиз, 1961. В сборнике опубликован рассказ «Свечи перед пультом».

С. 280. Получил чешскую «Страну». Ничего себе издана, но уж больно тоненькая, сократили, наверное, вдвое. — В 1961 г. вышло словацкое издание СБТ: Krajina purpurových mračien / Prel. K. Izakovic. — Bratislava: Smena, 1961. В письме от 5.01.62 АНС отвечает на предположение брата: «Чешское издание СБТ отнюдь не сокращено».

С. 280. Взвейтесь, соколы, орлами — народная солдатская песня.

С. 280. ВСО — **БНС, 19.12.2010, 6.08.2012**: Думаю, что имелась в виду расхожая фраза из фильма (кажется) «Близнецы». Там герой-бюрократ, товарищ Еропкин, частенько объявлял просителям: «С этим вопросом ВСО!» Я просто использую это словечко как аббревиатуру «Взвейтесь, соколы...» **Сост.**: «Близнецы» — к/ф 1945 г., реж. К. Юдин.

С. 281. Кроме того нужна еще и врезка о повести. — См. в разделе публицистики т. 6 материал «Врезка к отрывку из “Стажеров” в журнале “Знания та праця”».

С. 281. «Потихонечку прилечь и отдохнуть» — реминисценция строки песни П. Лещенко «Все, что было»: «...На минуточку прилечь и отдохнуть».

С. 281. А читал ты статью Солоухина о назначении писателя? — Солоухин В. Маршруты жизни — маршруты творчества // Лит. газета (М.). — 1961. — 19 дек.

С. 281. Меридианный круг Тенфера — астрономический прибор ГАО, предназначенный для определения координат светил.

С. 281. *Аркадий — брату, 27 декабря 1961...* — Датировка составителей.

С. 281. *Письмо от чеха я получил тоже...* — От чешского переводчика И. Тыча.

С. 281. *Есть здесь еще одно письмо — от нашего переводчика в Румынии.* — От румынского переводчика И. Блока.

Борис Стругацкий. Письмо супруге, 1961

Единственное сохранившееся письмо БНС Аделаиде Андреевне за 1961 г. автором не датировано. Его датировка была выполнена составителями. Фамилии персоналий, именованных кратко, даются прямо в тексте письма в угловых скобках.

Публикуется впервые.

С. 282. ...«*Конец главы*» *Голсуорси*. — Голсуорси Дж. Конец главы. — Л.: Лениздат, 1960.

С. 282. *Мидия* — прозвище Лидии Камионко. Упоминается также в ДЗ.

С. 282. ...*есть ли еще порох в пороховницах; не оскудела ли сберегательная книжка...* — Перефразировка из повести Н. Гоголя «Тарас Бульба»: «Есть еще порох в пороховницах? Не ослабела ли козацкая сила?» (гл. 9).

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961

Тетрадь из папки «Рабочие записи АНС разных лет».

Публикуется впервые.

С. 283. ...*Ноче, «Приключения Лайки»...* — Издание перевода сказки Т. Ноче «Приключения Лайки» не осуществилось.

С. 283. ...*составил проект договора на Трофимова и Чижевского. «Следопыт над пропастью веков». Скверное название.* — Будущее издание: Чижевский Г. В дебрях времени: Палеонтологическая фантазия. — М.: Детгиз, 1963. Ответственные редакторы Н. Беркова и А. Стругацкий. Повесть написана при фактическом участии АНС.

С. 283. *Приходил автор «Сына Земли» — не то Стрижевский, не то Стажинский. Хорошая рукопись, но пришлось вернуть — он ее забил в «Сов<етскую> Россию», а нам приносил для альманаха.* — Возможно, речь о фактически вышедшем издании: Бовин Г. Дети Земли. — М.: Сов. Россия, 1960.

С. 283. *Затем говорил с Минервиным — это роман о нефти и контрразведке.* — Неизвестная рукопись неустановленного автора. Сленговое «роман», как пояснено в ОЗ, означает: «байка, рассказываемая на нарах в целях утоления сенсорного голода воров в законе».

С. 283. *Он поставил в основной план: Альманах 8, Болдырев, Стругацкие, Войскунский и Лукодянов, Журавлева, Сат-Ок, Цирулис и Имерманис, Тушкан, Пальман, Наковский, Голицын (условно). В резерве остаются: Андреев, Гансовский, Гуревич, Голубев, Тельман, Савченко.* — Будущие издания: Мир приключений. Книга 8. — М.: Детгиз, 1962; Болдырев В. Гибель Синего Орла. — М.: Детгиз, 1962. Отв. ред. А. Стругацкий; Стругацкие А. и Б. Возвращение (Полдень, XXII век). — М.: Детгиз, 1962; Войскунский Е., Лукодянов И. Экипаж «Меконга». — М.: Детгиз, 1962. Отв. ред. А. Стругацкий; Журавлева В. Человек, создавший Атлантиду. — М.: Детгиз, 1963; Сат-Ок. Земля Соленых Скал. — М. Дет. лит., 1964; Цирулис Г., Имерманис А. Квартира без номера. — М.: Дет. лит., 1967; Тушкан Г. Друзья и враги Анатолия Русакова. — М.: Детгиз, 1963; Пальман В. Красное и зеленое. — М.: Детгиз, 1963; Наковский А. Три дня. — М.: Детгиз, 1962; Голицын С. За березовыми книгами. — М.: Детгиз, 1963; Андреев К. Искатели приключений. — М.: Детгиз, 1963; Гансовский С. Шаги в неизвестное. — М.: Детгиз, 1963. Отв. ред. А. Стругацкий; Гуревич Г. Пленники астероида. — М.: Детгиз, 1962. Отв. ред. А. Стругацкий; Голубев Г. По следам ветра // Мир приключений. Кн. 7. — М.: Детгиз, 1962. Отв. ред. А. Стругацкий; Нет, Тельман не погиб! Рассказы и

воспоминания об Эрнсте Тельмане. — М.: Детгиз, 1963.. Отдельное книжное издание повести Голубева в Детгизе не состоялось. Издание Савченко, вероятно, не состоялось.

С. 284. ...*читал мусатовские «Костры на сопках», про оборону Петропавловска.* — Мусатов А., Чачко М. Костры на сопках. — М.-Л.: Детгиз, 1950. Повесть о защите русскими войсками г. Петропавловска (ныне Петропавловск-Камчатский) и территории полуострова Камчатка во время Крымской войны 1853–1856 гг.

С. 284. *«Меконг»* — Будущее издание: Войскунский Е., Лукодянов И. Экипаж «Меконга». — М.: Детгиз, 1962. Редактор книги — А. Стругацкий.

С. 284. *Попросила взять на себя Вадецкого «Полярный юг».* — Будущее издание: Вадецкий Б. Полярный юг. — М.: Детгиз, 1961. Редактор — А. Стругацкий.

С. 284. ...*«Пленники Джо» исключены...* — Речь о повести Н. Томана «Пленники “Большого Джо”», издание которой планировалось в Детгизе.

С. 284. ...*забрал у Касселя Ляшенко...* — Будущее издание: Ляшенко М. Человек-луч. — М.: Детгиз, 1961. Редактор И. Кассель.

С. 284. *Красное кольцо* — реалья СБТ.

С. 284. *Сегодня пришла рукопись Журавлевой, читал ее «Уранию»...* — «Урания» была опубликована в 1961 г. в сборнике ленинградского отделения Детгиза «Янтарная комната».

С. 285. *«Поединок с собой»* — будущее издание: Громова А. Поединок с собой. — М.: Детгиз, 1963. Редактор — А. Стругацкий.

С. 285. *«“Тахмасиб”, в пучинах Юпитера гибнущий»* — картина-иллюстрация к ПНА.

С. 285. *Послано маме письмо с просьбой прислать «Последнюю главу».* — См. примечание к с. 282.

С. 285. ...*читал Дашкиева «Зубы дракона».* — Дашкиев Н. Зубы дракона. — Алма-Ата: Казгослитиздат, 1960.

С. 286. *При сем присутствовал...* — Восходит к фразе «Сожалею, что не присутствовал при сем хотя мичманом», являющейся вариацией анекдота о А. Суворове. Получив известие о взятии Ф. Ушаковым острова Корфу, Суворов воскликнул: «Зачем не был я при Корфу хотя мичманом?»

С. 286. *«Days of triffids», «Дни триффидов»* — перевод АНС романа Дж. Уиндема «The Day of the Triffids» вышел в 1966 году в т. 8 «Библиотеки современной фантастики» под заглавием «День триффидов». Рецензию АНС на этот роман см. в разделе публицистики т. 10.

С. 286. *За мной остается только Перля «Телевидение за работой».* — Будущее издание: Марьянин Я., Пономарев Д. Телевидение в действии. — М.: Детгиз, 1961. Редактор издания — А. Стругацкий. (Марьянин — псевдоним Перля.)

С. 286. *Вышел альманах № 6.* — Мир приключений. Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961.

С. 286. *Затем почитал «An English Murder» в переводе Фельдман...* — Перевод Н. Фельдман романа С. Хэйра (псевдоним Альфреда Кларка) был опубликован в 1970 г. под заглавием «Чисто английское убийство».

С. 286. ...*Митчел Уилсон «Встреча на далеком меридиане»...* — Уилсон М. Встреча на далеком меридиане // Иностран. лит. (М.). — 1961. — №№ 1–4.

С. 286. *«Дело Оппенгеймера»* — Путик Я. Совесть (Дело профессора Оппенгеймера) // Иностран. лит. (М.). — 1961. — №№ 1, 2.

С. 286. *Вчера собрались с Олегом <Соколовым>, Викой Мальт и Леночкой Махлах, заперлись в кабинете и распили поллитру в честь 23 февраля.* — Праздник «День Советской Армии и Военно-Морского флота» не был выходным днем.

С. 286. *В энциклопедии оказались и мы с Борисом — «СБТ».* — Цитата из статьи «Советский научно-фантастический роман»: «Один из интересных романов о полете на Венеру — «Страна багровых туч» А. и Б. Стругацких (1959). Цель экспедиции — разведка на планете залежей радиоактивных руд неслыханной концентрации. Великолепная

подготовка участников, чувство локтя и товарищеская дисциплина делают свое дело — задание выполнено» (Детская энциклопедия. Том 10. Литература и искусство. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961).

С. 286. *Между тем Кассель подсунул мне «Мол<одую> гвардию» за прошлый год с «Болотными огнями» Чайковской.* — Чайковская О. Болотные огни // Молодая гвардия (М.). — 1960. — №№ 5–7.

С. 286. *Вчера на работе принимал Ляпунова (он подарил свою книжку «По следам Жюль Верна»)*... — Ляпунов Б. По следам Жюль Верна. — М.: Профтехиздат, 1960.

С. 286. *...потом пришли старые <...> узнавать, как дела с гонораром Вацлава Клички.* — За публикацию: Ломм А. «Преступление» доктора Эллиотта // Мир приключений. Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961.

С. 287. *Инюрколлегия* — подразделение Министерства иностранных дел СССР «Иностранная юридическая коллегия» ведало, в частности, вопросами получения гражданами СССР денежных средств из иных государств, а иностранцами — денежных средств из СССР.

С. 287. *В среду приходил Бердник, договаривался насчет нового произведения в следующий альманах.* — Будущая публикация: Бердник О. Пути титанов. — Мир приключений. Кн. 7. — М.: Детгиз, 1962. Отв. ред. А. Стругацкий.

С. 287. *...«ЛиЖи», где какой-то каспийский капитан громит Журавлеву.* — Каспаров А. «Тугой воротник зюйдвестки». Загадка, оставшаяся нераскрытой // Литература и жизнь (М.) — 1961. — 26 февр. «Капитан А. Каспаров» критикует рассказ В. Журавлевой «Поправка на икс» («Комсомольская правда», 5 февраля 1961).

С. 287. *Большую часть дневник заполняется утром.* — Реминисценция «Записок сумасшедшего» Н. Гоголя: «Большую часть лежал на кровати».

С. 287. *...«Banana Fish» Сэлинджера...* — Рассказ «A Perfect Day for Bananafish» в переводе Р. Райт-Ковалевой носил заглавие «Хорошо ловится рыбка-бананка».

С. 287. *...стал читать новую рукопись «Сумерки на юте», по сути дела — интерпретация нескольких морских легенд.* — Возможно, это рукопись А. Смурова, рассказы которого были изданы в девятом выпуске «Мира приключений» (М.: Детгиз, 1963; отв. редакторы Н. Беркова, А. Стругацкий).

С. 288. *Сегодня сообщили, что связь с АМС потеряна.* — Речь об автоматической межпланетной станции «Венера-1», запущенной 12 февраля.

С. 288. *Затем долго читал Келера «На пороге неведомого».* — Келер В. На пороге неведомого. — [М.:] Мол. гвардия, 1960.

С. 288. *...Пальман прислал свое «Красное и зеленое».* — Будущее издание: Пальман В. Красное и зеленое. — М.: Детгиз, 1963. Редактор М. Сальникова.

С. 288. *...пошли с Олегом по Кузнецкому мосту, ничего интересного не обнаружили.* — На улице Кузнецкий мост располагалось несколько букинистических магазинов и «Книжная лавка писателей», а также «книжная толкучка», где можно было с рук купить дефицитные издания.

С. 288. *Нынче утром сходили проголосовали за местных...* — В воскресенье 5 марта 1961 года состоялись выборы в местные Советы депутатов трудящихся.

С. 288. *...прочитал рукопись Пурмали про кремний...* — Будущее издание: Пурмаль А. В мире кремния. — М.: Детгиз, 1962.

С. 288. *Ψ-функция* — пси-функция или волновая функция — одно из основных понятий квантовой механики.

С. 289. *Дерусь за Ерофеева «Под флагом Персея».* — В альманахе «Мир приключений» рукопись не была опубликована. Возможно, впоследствии она была издана в Казани: Лавров В., Ерофеев П. Под флагом созвездия. — Казань: Таткнигоиздат, 1964.

С. 289. *Прочитал Рысса «Остров Колдун».* — Упомянутые выше «Внуки Марса» А. Казанцева, «Хозяин бухты» С. Гансовского, а также «Остров Колдун» вошли в седьмую книгу альманаха «Мир приключений» (М.: Детгиз, 1962).

С. 290. «*Когда мир завопил*» — повесть А. Конан Дойла «When the World Screamed»; в русском переводе — «Когда Земля вскрикнула».

С. 290. ...*прочел «The Power» про сверхчеловека...* — Роман Ф. Робинсона «Власть».

С. 290. «*The Kraken Wakes*», *Уиндем* — Перевод романа был опубликован в 1990 г. под заглавием «Кракен пробуждается».

Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965

Фрагмент дневника за 1961 г. Часть записей выполнена иероглифами. Составители признательны Н. Караеву и Д. Макарову за перевод с японского.

Публикуется впервые.

С. 291. *На работе тоже невесело* — редактирую Казанцева. — В кн. 7 «Мира приключений» опубликована книга первая романа А. Казанцева «Внуки Марса» («Планета бурь»).

С. 291. «*Но тяжесть на сердце моем*» — строка «Песни Маугли, которую он пел на скале совета, когда плясал на шкуре Шер-Хана» из «Книги Джунглей» Р. Киплинга. Перевод С. Займовского.

С. 291. *220 р. за м².* — Деньги уже «новые», послереформенные. Для сравнения: зарплата инженера сразу после вуза — 106 руб. в месяц.

С. 291. *Была верстка «Угэцу».* — Будущее издание: Уэда Акинари. Луна в тумане (Угэцу моногатари) / Перевод З. Рахима и А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1961.

С. 291. *Из украинского «З-С»...* — Имеется в виду киевский журнал «Знания та праця».

С. 292. *Сдал альманах на иллюстрацию.* — Будущее издание: Мир приключений. Кн. 7. — М.: Детгиз, 1962. Ответственный редактор — А. Стругацкий.

С. 292. *Взял домой Гребнева «Аляска»...* — Возможно, ошибочное именование «Арктании» Г. Гребнева, изданной в 1938 г.

С. 292. ...*Вайсброт прислал «Антимир» Боруна.* — Будущее издание перевода Е. Вайсброта: Боруна К. Антимир // Иностран. лит. (М.). — 1962. — № 3.

С. 292. *Подарил мне «Лунную дорогу».* — Казанцев А. Лунная дорога. — М.: Географгиз, 1960.

С. 292. ...*перечитал статью Кардова в «Октябре»...* — Точнее, В. Кардина. В статье «Преодолевая земное притяжение» (Октябрь (М.), 1961, № 3) Кардин критикует новинки фантастики: «Сестра Земли» Г. Мартынова, «Лунная дорога» А. Казанцева, «Последний полустанок» В. Немцова.

С. 293. *Вадецкий подарил своего «Акына Терези».* — Вадецкий Б. Акын Терези. Шевченко в ссылке. — М.: Гослитиздат, 1961.

С. 293. *Поповский все звонит и требует, чтобы я прочитал «Повесть о любви и ненависти».* — В то время повесть не была опубликована.

С. 294. *Позавчера был у Ефремова, он рассказывал проект повести-детектива «Корона Искандера»...* — Одна из сюжетных линий будущего романа «Лезвие бритвы».

С. 294. *За младостью* — перефразировка слов «За древностью лет» из комедии А. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 2, явл. 5).

С. 294. *Вернувшись в Москву, сию в бесте.* — «Уйти в бест», «сесть в бест» — скрыться от наблюдения, не проявлять себя.

С. 294. «*The Isotope Man*» — повесть Ч. Мэйна.

С. 294. *От немцев в Детгиз пришел в 2-х выпусках «Atomvulkan Golkonda».* — Вышеуказанный перевод СБТ на немецкий вышел также в сокращении в том же издательстве в трех выпусках «Юношеской библиотечки».

С. 295. *День ВВФ.* — Возможно, речь о Военном факультете восточных языков при Московском институте востоковедения, иногда именовавшемся Военно-восточным факультетом. Организованный в июле 1940 г., в апреле 1941 г. он вошел в состав ВИИЯКА, где позднее учился АНС.

С. 295. *Осталось перевести «Табак и дьявол» и «Ду Цзычунь»...* — Эти рассказы в следующих изданиях Акутагавы Рюноскэ: Избранное. В 2-х т. / Т. 1. — М.: Худож. лит., 1971 и Новеллы. — М.: Худож. лит., 1974. — (Б-ка всемирной литературы) переведены В. Сановичем и В. Марковой соответственно.

С. 297. *Витя Санович сделал предисловие к «Каппе».* — Предисловие было опубликовано: В. Санович. Фантазия или реальность? // Акутагава Рюноскэ. В стране водяных. — М.: Гослитиздат, 1962.

С. 297. *Я сам артист, мое место в буфете* — цитата из пьесы А. Островского «Без вины виноватые»: «Мы артисты, наше место в буфете» (действ. 2, явл. 4).

С. 297. *Почтовый ящик* — «почтовые ящики», они же просто «ящики», они же номерные предприятия — неофициальные названия секретных предприятий и учреждений в СССР.

С. 297. *Академия БТМВ* — Академия бронетанковых и механизированных войск.

С. 297. *Мне достались 2 тома учебника Фомина и Катаямы...* — Фомин А., Катаяма Я. Учебник японского языка. Часть 1, 2. — М.: Военное издательство министерства вооруженных сил Союза ССР, 1946–1947.

С. 298. *...окончил курсы во Владивостоке в 45-м, знает наших канских ребят.* — Школа военных переводчиков восточных языков (ШВПВЯ) первоначально базировалась во Владивостоке, а позднее была переведена в Канск, где преподавал АНС.

С. 299. *Дело Растворова* — в 1954 г. сотрудник резидентуры при советском представительстве в Японии Ю. Растворов бежал в США.

С. 300. *«Семья Звонаревых»* — роман А. Степанова, продолжение романа «Порт-Артур».

С. 300. *«Золотой тюльпан»* — точнее, «Золотой лотос».

С. 301. *Съезд просто поражает.* — XXII съезд КПСС (17–31.10.61).

С. 301. *«Одержимый человек»* — яп. перевод 1956 г. романа амер. писателя и врача А. Нурса «A Man Obsessed» (1955).

С. 301. *А хороший набор кавказских фамилий: Сичикава, Хомерики, Пагава, Садыков, Гугушвили. Надо использовать где-либо.* — В «Стажерах» использована фамилия Хомерики, в ДР — Пагава.

С. 301. *Читаю старого Шкловского «О теории прозы».* — Шкловский В. О теории прозы. — М.–Л.: Круг, 1925.

С. 301. *У Чехова: длинные волосы у попов и социалистов. Надо их смешать. Мотивировка — дело происходит в бане.* — Рассказ А. Чехова «В бане».

С. 302. *«Стажеры» — т. е. «Генеральный инспектор» как будто взят в «Альманах».* ~ Она будет делать этот «Мир». — 8-й выпуск альманаха «Мир приключений» с сокращенным вариантом «Стажеров» «Должен жить».

С. 302. *...бандероль с английскими переводами наших вещей.* — Six Matches / Transl. by R. Prokofieva // The Heart of the Serpent. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Шесть спичек; Spontaneous Reflex / Transl. by V. Dutt // A Visitor from Outer Space. — Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1961. — Англ. яз. — Загл. ориг.: Спонтанный рефлекс.

С. 303. *Клуб ЛКМ (Лоцманы Книжных Морей)* — работал в 1960-х гг. в Московском библиотечном техникуме под руководством Л. Гребенниковой.

С. 303. *...не могу протолкнуть «Эдем» в его переводе.* — «Эдем» С. Лема был впервые опубликован на русском языке в журнале «Звезда», (1966, №№ 9, 10) в переводе Д. Брускина.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961

Книжка включает в себя заметки, конспекты лекций на военных сборах, адреса и телефоны знакомых.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 304. «Сотня юных бойцов из буденовских войск» — строки песни о гражданской войне 1918–1921 гг. «Там вдали, за рекой»; слова Н. Кооля. Буденовские войска — Первая конная армия под командованием С. Буденного.

Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961–1962

Книжка включает в себя заметки, выписки из книг, запись песни А. Вертинского «То, что я должен сказать их светлой памяти», адреса и телефоны знакомых. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1961 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 304. *There is so much ~ the rest of us.* — Вариант известного афоризма, приписываемого чаще всего Р. Л. Стивенсону и Дж. Адамсу.

С. 304. *Почему Гаганова в ЦК?* — Герой Социалистического Труда бригадир прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината В. Гаганова на XXII съезде КПСС была избрана в состав ЦК КПСС.

Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962

Блокнот из папки «Рабочие записи АНС разных лет» заполнен разнообразными записями: заметками по «Стажерам», «В дебрях Европы», ПКБ, ДК, запомнившимися фразами и диалогами. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1961 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 305. *Сем, думаю, зайду в эту комнату.* — Сем — здесь: а ну, ну-ка.

С. 305. *Знаешь, Владимир, ты просто удивишься, без скольких законов я могу обойтись.* — Использовано в «Стажерах».

С. 305. *«Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват». / (Из заповедей коллектива ком<мунистического> труда) / Лит<ературная> газ<ета> 4 мая 61 г.* — Использовано в «Стажерах». См. примечание к с. 102.

С. 305. *Крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!* — Цитата из поэмы Н. Гоголя «Мертвые души» (т. 1, гл. 4). Использовано в «Стажерах».

С. 306. *Теперь я знаю, как себя чувствовал слепой дядюшка Тэда в темной комнате ночью, когда он искал черную шляпу, которой там не было.* — Использовано в «Стажерах»: «...узнаете, каково было слепому, который ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году!»

С. 306. *Отлично. Дай-ка твой пульс. Ты не потеешь по ночам? Высуни язык и скажи «А». (...) — И скажите этому вашему интеллигентному павиану, что он кретин. / — Наш павиан польщен. Его никто раньше не называл интеллигентным.* — Использовано в ДК.

С. 306. *Рубану я тебя по крутым бедрам, Алешка, чтоб не взбрыкивал... до черного мяса просеку...* — Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 306. *Снять тебе голову — царские семена погубить...* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

С. 306. *...выше дерева стоячего...* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 306. *А под городом силы нагнано — как черна ворона.* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 306. *Волчья сыть травяной мешок.* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник». Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 307. *Во глазах подлыгаешься да насмехаешься.* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

С. 307. *Зелено вино разводит стоялыми медами.* — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

С. 307. *Наказать бы тебя по нагому телу.* — Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 307. ...а дверь-то с ободвериной вместе и выскочила... — Из былины «Илья Муромец и Поганое Идолище».

С. 307. Крепок поганый на жилочках, / Тянется поганый, сам не рвется. — Из былины «Илья Муромец и Поганое Идолище». Использовано в «Венера. Архаизмы».

С. 307. Курева стоит... — Из былины «Илья Муромец и Соловей-Разбойник».

С. 308. Царь Салтан — персонаж «Сказки о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди» А. Пушкина.

С. 308. Пхнул в нос охапку табаку. ~ Мы и с тем справимся. — Из былины «Фролка-сидень».

С. 308. Пьеса — см. письмо АНС от 27.12.61.

С. 309. Написать рассказ о людях будущего, разучивающих древнюю песню «Шинель» или ч<то->л<ибо> в этом роде. / Роятся в словарях, не понимают, а поняв — плачут. — Ср. в записной книжке АНС 1961 г. запись «Написать бы «Старинную песню». ~ и не может». «Шинель» — возможно, песня военных лет «Серая шинель».

С. 309. Нагульнов — персонаж романа М. Шолохова «Поднятая целина».

С. 309. Дон Кихот — персонаж одноименного романа М. де Сервантеса Сааведры.

С. 310. Изнурать себя зарядкой. — Использовано в «Стажерах»: «...эспандерами изнурать себя...».

С. 310. Ужасно секретная книга. Чуть ли не «перед прочтением сжечь». — «Top Secret. Burn Before Reading» — заглавие рецензии в журнале «Панч» британского юмориста А. Герберта на книгу американского журналиста Р. Ингерсолла «Top Secret» (об англо-американских разногласиях в 1944–1945 гг.). Фраза часто цитировалась, в частности Р. Хайнлайном («Гражданин Галактики»).

Аркадий Стругацкий. Рабочие материалы к «В дебрях Европы» («Три богатыря»), 1961

Рукопись из папки «Отрывки, замыслы». Карту к рукописи см. на с. 16 вклейки.

Написано в августе 1961 г.

Первая публикация — Неизвестные Стругацкие. От «Града обреченного» до «Бессильных мира сего»: черновики, рукописи, варианты. — Донецк: Сталкер, 2008.

См. записи от 25 и 31.08.61 в дневнике АНС 1961–1965 гг., также в этом томе см. рабочие записи АНС 1961–1962 гг.

С. 310. Крестовый поход бедноты — начальный этап Первого крестового похода.

С. 310. Миракли — франц. miracle, от лат. miraculum — чудо; средневековые мистерии, сюжетом которых было чудо или житие святого, или чудо Богородицы.

С. 310. «Рим и всех, и каждого / Грабит безобразно; / Пресвятая курия — / Это рынок грязный» — цитата из стихотворения Вальтера Шатильонского «Обличение Рима». Перевод О. Румера.

С. 311. Алеша, Добрыня, Илья — былинные богатыри Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1

Фрагмент блокнота с записями дневникового характера, датированными 1961 г.

Публикуется впервые.

С. 311. «У черты заката» — роман Ю. Слепухина.

С. 312. Равик — персонаж «Триумфальной арки» Э.-М. Ремарка.

С. 312. Челкаш — персонаж одноименного рассказа М. Горького.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3

Машинописные листы с записями дневникового и мемуарного характера, датированными 1961 г.

Публикуется впервые.

С. 312. *Что, интересно, Есенин имел в виду под словами «убавилась черта»? — См. стихотворение «День ушел, убавилась черта».*

С. 312. *«По бим-бом-брамселям!»* — использовано в ДР, М, ЖВМ и вариантах ПНА.

С. 314. *«Искушение св<ятого> Антония»* — триптих И. Босха.

С. 315. *...с 6 до 18 ты доктор Джекил, а с 18 до 6 — мистер Хайд.* — Отсылка к «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона.

С. 315. *В Программе об этом ни слова прямо не сказано, а потому — недоумение: что это за человек будущего...* — Т. е. в Третьей программе КПСС (см. выше), в которой одним из условий построения коммунизма было названо «воспитание нового человека».

С. 315. *Апостериори* — из восприятия, на основании опыта; от лат. «a posteriori», буквально — «из последующего».

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 4

Машинописный лист из папки «Переписка АНС» с наброском, предположительно относящимся к будущей повести «Стажеры». Не датировано.

Публикуется впервые.

Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2

Фрагмент блокнота с записями по «Стажерам» и «Магам».

Публикуется впервые.

С. 317. *...ничего не узнали, ничему не научились.* — Вариация фразы Ш. Дюмурье времен Великой французской революции «Они ничего не забыли и ничему не научились».

С. 323. *И тут явился диавол...* — Аллюзия на строки эпитафии А. Поупа И. Ньютону: «Был этот мир извечной тьмой окутан / «Да будет свет!» — И вот явился Ньютон». Перевод С. Маршака.

С. 323. *Пиквик* — персонаж «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса.

С. 324. *Судьба лингвиста — судьба Коли. Русиш — арбайтер.* — **БНС, 8.01.2009:** Кажется, здесь имеется в виду пулковский инженер Коля Быстров. Он прошел через немецкие работы во время войны. **Сост.:** Russisch Arbeiter — русский работник (нем.).

С. 324. *Вот Левин. Оброс волосами, потерял человеческий облик... Кх-х!* — **БНС, 9.03.2010:** Это шутка еще университетских времен. «Вот Имярек. Оброс волосами, потерял человеческий облик» — точная цитата из обличительной речи какого-то местного комсомольского вождя. Мы использовали ее для уязвления оппонента, но с добавлением: на уязвляемого наставлялся указательный палец как пистолет и говорилось: «Кх-х!» (имитация выстрела, как это водилось у малых ребяташек).

Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962

Книжка включает в себя запомнившиеся фразы и диалоги, цитаты из книг, адреса и телефоны знакомых и корреспондентов. Для настоящей публикации отобраны записи, предположительно относящиеся к 1961 г.

Выдержки из записной книжки публикуются впервые.

С. 325. *Выступил апологет и понес с Волги и с Дону.* — **БНС, 11.06.2006:** «Нести с Волги и с Дону» — поговорка, означающая «болтать о том, о сем, о разном и всё не по делу». Ходила у нас в семье издавна, откуда взялась, — не помню.

С. 325. *Брюки-невидимки* — использовано в ПНВС.

С. 325–326. *Апокалипсис, кн<ига> Баруха: / «Юношеское ~ не осуществится...»* — цитаты из издания: Амузин И. *Рукописи Мертвого моря*. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Используются в повести «Стажеры».

С. 326. *Несли на дощечке студента с транспарантом: «Чур, я второй!»* — Запись о стихийной демонстрации 12 апреля 1961 г. после сообщения о полете Ю. Гагарина.

С. 326. *Одноногий след* — использовано в «Стажерах».

С. 326. *Мих<аил> Ант<онович> пишет мемуары*. — Использовано в «Стажерах».

С. 326. [*От «Карпинский» до «Альтов» — записи на семинаре молодых авторов, работающих в научно-фантастической литературе (с участием секретаря ЦК ВЛКСМ Л. Карпинского) 4 сентября 1961 г.*] — **БНС, 16.01.2007**: У АНа никаких записей об этом нет. Но я там тоже был, воспоминания смутные и неприятные: мы, фантасты, старые и молодые, сидим в ампирном зале и ждем, — распахивается огромная дверь, все (в едином порыве) встают, стремительно входит, в сопровождении двух молодых штурмфюреров, тощий, страшный (жуткие отеки под глазами) Лен Карпинский (тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ), и с ходу, без всякого вступления, резко, неприязненно, начинается накачка — как именно надлежит нам, фантастам, исполнять решения партии и правительства и почему наша критика капитализма недостаточно наступательна. Фантасты блеяли в ответ что-то покорно-просительное насчет журнала и нехватки издательств, благодарили за неопределенные обещания. Никаких деталей и эмоций не помню, кроме ощущения стыда и неловкости за себя и за всех. Много лет спустя мне сказали, что Карпинский был из прогрессивных и «левых» (как их тогда называли), и я, помнится, подумал: ну-ну.

С. 326. *Тухлый взгляд* — см. цитату из А. Н. Толстого в примечании к с. 245.

С. 327. *Трали-вали шесть пружин* — в слегка измененном виде использовано в ПХХПВ: «Высаживаемся, исследуем, трали-вали семь пружин, как говорит мой дед». См. также эту фразу в т. 1 (письмо БНС от 12.05.57 и запись в записной книжке БНС 1951–1952 гг.).

С. 328. *Почему нет положит<ельного> героя? ~ Нужна ли философия?* — См. письмо БНС от 5.08.61.

С. 329. *«Уж не потому ль ~ его пытали». / ИЛИ (?) / Уж не потому ли он — неверный — что молчал, когда его пытали.* — Финал стихотворения И. Эренбурга «Самый верный». Вариация текста и пунктуации после «ИЛИ (?)» — попытка прояснения смысла фразы, весьма туманного у Эренбурга.

С. 329. *Заварушка — чем кончилась, а?* — Использовано в ГО.

С. 329. *Миф о смерти Ст<алина>*. — См. в т. 6 запись от 4.01.62 в рабочих записях БНС 1961–1962 гг. № 3.

С. 330. *«Наш чел<овек> в Гаване»* — роман Г. Грина.

Примечания к фотографиям и рисункам

Вкл. С. 15. Нижний рисунок — из дневника АНС 1961–1965 гг. Запись от 31.12.61: «Варшавский подал любопытную идею о цикличности развития человечества. Высокая цивилизация — крах — средневековье — на периферии развивается новая. Она достигает высоты, снова крах, опять средневековье и опять периферия и т. д.»

Вкл. С. 16. Карта из Рабочих материалов к замыслу «В дебрях Европы»; см. с. 310.

В. Курильский, Р. Муринский, Л. Рудман

Библиография. 1961 г.

1. Художественные произведения

1.1. А. и Б. Стругацких

1.1.1. Белый конус Алаида // Золотой лотос. — М.: Мол. гвардия, 1961. — С. 218—238. — (Фантастика. Приключения. Путешествия).

1.1.2. Великий КРИ // Золотой лотос. — М.: Мол. гвардия, 1961. — С. 153—171. — (Фантастика. Приключения. Путешествия).

1.1.3. Благоустроенная планета: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. А. Иткин // Мир приключений. — Кн. 6. — М.: Детгиз, 1961. — С. 64—77.

1.1.4. Свечи перед пультом: Науч.-фантаст. рассказ / Худож. В. Спицын // Янтарная комната. — Л.: Детгиз, 1961. — С. 611—629.

1.1.5. Полдень, XXII век: Главы из повести «Возвращение» / Предисл. авторов; Худож. А. Туманов // Урал (Свердловск). — 1961. — № 6. — С. 13—89. — [1-й вариант, сокр.].

1.1.6. Путь на Амальтею: Фрагменты из науч.-фантаст. повести / Худож. А. Мисюрев // Наука и техника (Рига). — 1961. — № 8. — С. 36—41; № 9. — С. 37—44.

1.3. Б. Стругацкого

1.3.1. В окна сонные луна льет синий свет... // Поют студенты матмеха: Сб. песен. — Л.: ЛГУ, 1961. — С. 11—12.

1.4. Произведения других авторов, созданные при участии Стругацких

1.4.1. Мир иной: Науч.-фантаст. повесть / Г. Гребнев [при участии А. Стругацкого]; Худож. Н. Поливанов и В. Трубкович // Гребнев Г. Пропавшее сокровище; Мир иной. — М.: Детгиз, 1961. — 256 с.: ил. — (Б-ка приключений и науч. фантастики).

2. Статьи, интервью, выступления

2.1. А. и Б. Стругацких

2.1.1. [Предисл. к главам из повести «Возвращение»] // Урал (Свердловск). — 1961. — № 6. — С. 13.

2.1.2. От бесконечности тайн к бесконечности знаний // Техника — молодежи (М.). — 1961. — № 10. — С. 6. — [Ответ на анкету].

2.1.3. Вопрос писателям-фантастам: После полета Гагарина что вы считаете фантастическим? // Сов. культура (М.). — 1961. — 15 апр. — С. 4. — [Подборка высказываний].

2.2. А. Стругацкого

2.2.1. Дорогой читатель! // Гребнев Г. Пропавшее сокровище; Мир иной. — М.: Детгиз, 1961. — С. 4. — [Не подписано].

2.2.2. Примечания // Уэда Акинари. Луна в тумане. — М.: Гослитиздат, 1961. — С. 130—134.

2.3. Б. Стругацкого

2.3.1. Жизнь обгоняет фантастику / Беседу записал И. Охотников // Веч. Ленинград. — 1961. — 29 июля. — С. 4.

3. Работа над переводами

3.1. Уэда Акинари. Луна в тумане: Новеллы / Пер. с яп. З. Рахима и А. Стругацкого. — М.: Гослитиздат, 1961. — 136 с.

4. Редакторская и составительская работа

4.1. Вадецкий Б. Полярный юг / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1961.

4.2. Гребнев Г. Пропавшее сокровище. Мир иной: Повести / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1961.

4.3. Марьянин Я., Пономарев Д. Телевидение в действии / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1961.

4.4. Томан Н. Говорит Космос! / Отв. ред. А. Стругацкий. — М.: Детгиз, 1961.

В. Казаков, Ю. Флейшман

Указатель имен

Skultey Valentine — Скультэ Валентина Ивановна, автор учебника.

Абызов Юрий Иванович — переводчик, критик.

Абэ Кобо (Кимифуса) — японский писатель.

Адамский, Адамски Джордж — американский «контактер» с пришельцами из космоса.

Акихито — наследный принц Японии, впоследствии — император.

Акопян — участник военных сборов.

Аксёнов Василий Павлович — писатель.

Акутагава Рюноске — японский писатель.

Александр III Александрович (Романов) — император.

Алексей Михайлович (Романов Алексей Михайлович, Тишайший) — царь.

Алёхин (Масловский) Глеб Викторович — писатель.

Алиенора Аквитанская — королева Франции, позднее — королева Англии, мать Ричарда Львиное Сердце.

Альтов (Альтшуллер) Генрих Саулович — писатель, теоретик изобретательства.

Андреев Кирилл Константинович — критик, рецензент.

Андреевич С. Ф. — филолог, автор учебника.

Арцимович Лев Андреевич — физик.

Афанасьев Поликарп Григорьевич — супруг Н. Фортунатовой.

Ахроров — участник военных сборов.

Бажутина Ирина Борисовна — одноклассница АНС.

Барбаросса — Фридрих I Гогенштауфен, король Германии, император Священной Римской империи.

Барков — участник военных сборов.

Барух (Варух) — древнееврейский пророк.

Бауэр Эрвин Симонович — биолог.

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) — писатель, поэт, филолог, философ.

Беляев Александр Романович — писатель.

Бердник Олесь Павлович — писатель.

- Берелидзе — участник военных сборов.
- Берия Лаврентий Павлович — политический и государственный деятель.
- Беркова Нина Матвеевна — редактор издательства Детгиз, критик, писательница.
- Бёлль Генрих Теодор — немецкий писатель.
- Биленкин Дмитрий Александрович — писатель, журналист.
- Бирюков Леонид Денисович — художественный редактор издательства Детгиз, иллюстратор.
- Бисти Дмитрий Спиридонович — график, иллюстратор.
- Бовин (ошиб. Стрижевский, Стажинский) Георгий Михайлович — инженер-конструктор, писатель.
- Болдырев Виктор Николаевич — писатель.
- Болеслав III Кривоустый — князь Польши.
- Борис и Глеб — князья, сыновья великого князя Киевского Владимира Святославича.
- Борунь Кшиштоф — польский писатель.
- Брандис Евгений Павлович — критик, библиограф, литературовед.
- Браун Джон — американский общественный деятель.
- Браун Фредрик Уильям — американский писатель.
- Брусиловская Майя Самойловна — редактор издательства Детгиз.
- Буонапарте — см. Наполеон.
- Быстров Николай Фёдорович — астроном, сотрудник ГАО.
- Вадецкий Борис Александрович — писатель, сотрудник издательства Детгиз.
- Вайсброт Евгений Павлович — переводчик, педагог.
- Варшавский Анатолий Семёнович — редактор журнала «Знание — сила», писатель.
- Верн Жюль Габриэль — французский писатель.
- Вильямс (Уильямс) Джон Дэвис — американский математик, популяризатор науки.
- Винер Норберт — американский математик, создатель кибернетики.
- Владимирко Володаревич — первый князь единого Галицкого княжества.
- Владислав II — князь Чехии, позднее — король Чехии Владислав I.
- Владислав II Изгнанник — князь-принцес Польши, князь Краковский.
- Войскунский Евгений Львович — писатель.
- Волков Александр Мелентьевич — писатель, драматург, переводчик.
- Вольнов Леонид — участник военных сборов.
- Воскресенская (урожденная Ошанина, фамилия по первому замужеству; домашние прозвища — Крыса, Лёшка) Елена Ильинична — супруга АНС.
- Воскресенская Наталия Дмитриевна — приемная дочь АНС.
- Всеволод II Ольгович — князь Черниговский, позднее — великий князь Киевский.
- Вургун Самед (Векилов Самед Юсиф оглы) — азербайджанский поэт.
- Высоцкий Владимир Петрович — художник-иллюстратор.
- Гавриленко Геннадий — участник военных сборов.
- Гаганова Валентина Ивановна — бригадир хлопчатобумажного комбината.
- Гагарин Юрий Алексеевич — первый космонавт.
- Гайдадымов Виктор Борисович — ученый, изобретатель.
- Гайдадымова Елена (семейное имя — Неля) Евгеньевна — двоюродная сестра Е. Воскресенской.
- Гален (Клавдий Гален) — античный врач.
- Гансовский Север Феликсович — писатель.
- Гашек Ярослав — чешский писатель.
- Гейзенберг Вернер Карл — немецкий физик.
- Гельфрейх Георгий Борисович — астроном.
- Гинзбург Григорий — участник военных сборов.
- Глумова Майя Ивановна — одноклассница АНС.

- Глухова Валентина — однокурсница Е. Воскресенской.
- Гогенштауфены, Штауфены — династия южно-германских королей и императоров Священной Римской империи.
- Голицын Сергей Михайлович — писатель.
- Головина — филолог, преподаватель.
- Голсуорси Джон — английский писатель.
- Голубев Глеб Николаевич — писатель, журналист.
- Гомер — легендарный древнегреческий поэт-сказитель.
- Гор Геннадий (Гдалий) Самойлович — писатель.
- Гранин (Герман) Даниил Александрович — писатель.
- Гребнев (Грибоносов) Григорий Никитич — писатель.
- Грин Генри Грэм — английский писатель.
- Громова Ариадна Григорьевна — писательница, критик.
- Грошин (или Грошинов) — участник военных сборов.
- Гуаньчжун, Ло Гуаньчжун — китайский писатель.
- Гугушвили — участник военных сборов.
- Гуревич Георгий (ошиб. Григорий) Иосифович — писатель, критик, популяризатор науки.
- Гуськов Константин — участник военных сборов.
- Даллес Аллен Уэлш — директор ЦРУ США.
- Дашкиев Николай Александрович — писатель, поэт.
- Дегтярёв Борис Александрович — главный художник издательства Детгиз.
- Дегтярёв Виктор Алексеевич — корреспондент АБС.
- Дейч Александр Николаевич — астроном, сотрудник ГАО.
- Джинс Джеймс Хопвуд — английский физик, астроном.
- Дидерот — см. Дидро.
- Дидро Дени — французский философ, писатель.
- Диккенс Чарльз Джон Хаффем — английский писатель.
- Дмитревский Владимир Иванович — писатель, литературовед, критик.
- Дмитриев — участник военных сборов.
- Днепров (Мицкевич) Анатолий Петрович — писатель.
- Доре Поль Гюстав — французский художник.
- Дюма Дави де Ла Пайетри Александр (отец) — французский писатель.
- Дюрер Альбрехт — немецкий художник.
- Ерофеев Павел Николаевич — океанолог, популяризатор науки.
- Есенин Сергей Александрович — поэт.
- Ефремов Иван Антонович (Антипович) — писатель, палеонтолог.
- Жемайтис Сергей Георгиевич — заведующий редакцией издательства «Молодая гвардия», писатель.
- Журавлёв Василий Николаевич — режиссер.
- Журавлёва Валентина Николаевна — писательница.
- Забелин Игорь Михайлович — писатель.
- Зарецкая Марина Александровна — редактор издательства Детгиз.
- Зубков Михаил Антонович — редактор издательства Детгиз, писатель.
- Иван Грозный, Иоанн IV Васильевич — великий князь Московский и всея Руси, первый царь всея Руси.
- Иванько Сергей Сергеевич — старший редактор Гослитиздата.
- Иващенко Юрий Данилович — журналист, заведующий отделом литературы и искусства газеты «Известия».
- Идриси — аль-Идриси Абу Абдаллах Мухаммед ибн Мухаммед, арабский географ и путешественник.
- Ильин — неустановленное лицо.

- Имерманис Анатолий Адольфович — латышский поэт, писатель.
 Казанцев Александр Петрович — писатель.
 Калакуцкая Мария Михайловна — заведующая редакцией издательства Детгиз.
 Камионко Лидия Александровна — астроном, сотрудник ГАО.
 Кардин В. (Кардин Эмиль Владимирович; ошиб. Кардов) — критик, писатель.
 Кардов — ошиб., см. Кардин.
 Карпинский Лен Вячеславович — секретарь ЦК ВЛКСМ.
 Кассель Исаак Маркович — старший редактор издательства Детгиз.
 Катаяма Ясуко — автор учебника.
 Келер Владимир Романович — писатель.
 Киплинг Джозеф Редьярд — английский поэт, писатель.
 Клавдия — машинистка.
 Клавко — перебежчик на Запад.
 Клейн Феликс Христиан — немецкий математик, педагог.
 Кличка Вацлав (псевдоним Ломм Александр Йозефович) — чешский и русский писатель.
 Клюева Бела Григорьевна — редактор издательства «Молодая гвардия».
 Кобо-дайси — буддийский монах.
 Ковалёв — участник военных сборов.
 Козырев Николай Александрович — астроном.
 Колдуэлл Эркин Престон — американский писатель.
 Компаниец Василий Георгиевич — главный редактор издательства Детгиз.
 Конжукова Елена Дометьевна — палеонтолог, супруга И. Ефремова.
 Конрад III — первый король Германии из династии Гогенштауфенов.
 Конрад Николай Иосифович — востоковед, переводчик, педагог.
 Конфуций, Кун-цзы — китайский философ, основатель конфуцианства.
 Копылов Александр Иванович — инженер ГАО, друг БНС.
 Корзетов — вероятно, фиктивное лицо, часть розыгрыша.
 Котовский Григорий Иванович — герой Гражданской войны.
 Кретьен де Труа — французский писатель.
 Кривко Борис Георгиевич — участник военных сборов.
 Крупп — семья немецких промышленников.
 Крыса — см. Воскресенская Елена.
 Кумкес Соломон Наумович — редактор издательства Географгиз.
 Лаплас Пьер Симон — французский астроном, математик, физик.
 Леваковская-Логинова Евгения Владимировна — писательница, редактор, критик.
 Левин Абрам Евсеевич — редактор издательства Детгиз.
 Лейтес Александр Михайлович — критик, литературовед.
 Лем Станислав — польский писатель, философ.
 Леонов Леонид Максимович — писатель.
 Лещинер Арнольд Александрович — тренер по легкой атлетике и фехтованию в г. Измаил.
 Лидия — редактор издательства Детгиз.
 Лидия Григорьевна — машинистка.
 Ло Гуаньчжун — см. Гуаньчжун.
 Лобанов Михаил Петрович — критик, публицист.
 Лозинская Наталия Борисовна — редактор объединения детских фильмов киностудии «Мосфильм».
 Лондон Джек (Гриффит Чейни Джон) — американский писатель.
 Лукодянов Исая Борисович — писатель.
 Луконин Владимир Григорьевич — историк, археолог, друг БНС.

- Луначарский Анатолий Васильевич (Антонов Анатолий Александрович) — общественный и политический деятель, писатель, критик.
- Львов Владимир Евгеньевич — журналист, популяризатор науки.
- Людовик VI Толстый — король Франции.
- Людовик VII Молодой — король Франции.
- Ляпунов Борис Валерьянович — писатель, критик, библиограф.
- Ляшенко Михаил Юрьевич — писатель.
- Макаров Юрий (Георгий) Георгиевич — художник-иллюстратор.
- Макрушин Валентин Александрович — писатель, редактор.
- Мальшев Михаил Михайлович — переводчик, редактор Гослитиздата.
- Малькова Галина Владимировна — редактор издательства Детгиз.
- Мальт Виктория Сергеевна — редактор издательства Детгиз.
- Мартынов Георгий Сергеевич — писатель.
- Махлах-Львовская Елена Константиновна — редактор издательства Детгиз.
- Маяковский Михаил — переводчик, участник военных сборов.
- Мельников Василий Константинович — участник военных сборов.
- Мёбиус Август Фердинанд — немецкий математик, астроном.
- Мизиано Сандро — переводчик.
- Микоян (Лозовская) Элеонора Петровна — редактор издательства Детгиз, филолог.
- Минервин — автор рукописи.
- Митрофанова Наталия Петровна — хозяйка квартиры в Гурзуфе, в которой останавливалась А. И. Стругацкая.
- Михайлов Виктор Семёнович — писатель.
- Монтень Мишель Эйкем де — французский философ, писатель.
- Морган — семья американских предпринимателей и банкиров.
- Морозова Вера Александровна — заместитель главного редактора издательства Детгиз.
- Моэм Уильям Сомерсет — английский писатель.
- Муавр Абрахам де — английский математик.
- Мур Томас — ирландский поэт, экономист.
- Мурасаки Сикибу — японская поэтесса, писательница.
- Мусатов Алексей Иванович — писатель.
- Мэн-цзы, Мэн Кэ — китайский философ.
- Наковский Атанас — болгарский писатель.
- Наполеон I Бонапарт (Буонапарте) — французский военный и государственный деятель.
- Наталия Ильинична — неустановленное лицо.
- Нестор Летописец — монах Киево-Печерского монастыря, летописец, сочинитель.
- Николай — см. Быстров.
- Новопашенный Виктор Борисович — астроном, сотрудник ГАО.
- Нома Хироси — японский писатель.
- Нортон Эндрю (Нортон Алиса Мэри) — американская писательница.
- Ноче Тереза — итальянский политический и профсоюзный деятель, писательница.
- Обливальный Леонид — переводчик, участник военных сборов.
- Овечкин — участник военных сборов.
- Ода Нобунага — японский военный и государственный деятель.
- Олдингтон Ричард (Эдвард Годфри) — английский писатель.
- Оппенгеймер Джулиус Роберт — американский физик, общественный деятель.
- Охотников Иосиф Вадимович — журналист, сотрудник редакций газет «Вечерний Ленинград» и «Смена».
- Ошанин Илья Михайлович — синолог, составитель словарей, тесть АНС.
- Ошанин Сергей Михайлович — военный педагог.

- Ошанина-Фортунатова Екатерина Евгеньевна — теща АНС.
 Павинский Палладий Палладиевич — физик, профессор ЛГУ.
 Пагава — участник военных сборов.
 Пальман Вячеслав Иванович — писатель.
 Панова Галина Валентиновна — инженер ГАО.
 Паустовский Константин Георгиевич — писатель.
 Пашковский Алексей Антонович — переводчик, педагог, составитель словарей.
 Первушин Сергей Н. — знакомый АНС.
 Перля (псевдоним — Марьянин) Ян Зигмундович — писатель, популяризатор науки.
 Петров Лев Сергеевич — журналист, писатель, соавтор АНС.
 Петров Лука Степанович — участник военных сборов.
 Петруччо (в тексте — Петруччио) Даниэле — итальянский медик, биолог, по некоторым источникам — авантюрист.
 Пискунов Константин Федотович — директор издательства Детгиз.
 Пифагор Самосский — древнегреческий математик, философ.
 Поок Пауль Иоганович — сотрудник редакции журнала «Наука и техника».
 Поповский Александр Данилович — писатель.
 Пристли Джон Бойнтон — английский драматург, писатель.
 Пурмаль Анатолий Павлович — химик, педагог, популяризатор науки.
 Пушкин Александр Сергеевич — поэт, писатель.
 Рабле Франсуа — французский писатель.
 Рагимов Шамсудин — участник военных сборов.
 Райкин Аркадий Исаакович — артист.
 Рамазанов — участник военных сборов.
 Растворов Юрий Александрович — перебежчик на Запад, ранее — сотрудник разведки.
 Рахим Зея Абдулкерим-оглы Харун Аль-Каири — переводчик.
 Редько Тамара Прокофьевна — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Ремарк Эрих Мария (Эрих Пауль) — немецкий писатель.
 Рерих Юрий Николаевич — востоковед, лингвист, искусствовед, этнограф, путешественник, составитель словарей.
 Рокфеллер — семья американских предпринимателей.
 Романча — участник военных сборов.
 Росоховатский Игорь Маркович — писатель.
 Руденко Виктория и Алексей — корреспонденты АБС, супруги.
 Румянцев Лев Григорьевич — редактор отдела прозы журнала «Уральский следопыт», поэт.
 Рысс Евгений Самойлович — писатель, публицист, сценарист.
 Рюриков Борис Сергеевич — критик, литературовед, публицист, редактор.
 Савченко Владимир Иванович — писатель.
 Садыков — участник военных сборов.
 Сайгё, Сато Норикиё — японский монах, поэт.
 Сакья-Муни (Шакьямуни, Сиддхартха Гаутама, Будда) — легендарный основатель буддизма.
 Санович Виктор Соломонович — переводчик, редактор Гослитиздата.
 Сат-Ок (Суплатович Станислав) — польский писатель.
 Сафо — супруга Ю. Макарова.
 Сафронов Юрий Павлович — писатель.
 Свенцицкая Наталия Александровна — физик-оптик, знакомая БНС, супруга Ю. Чистякова.
 Святопулк, Святополк (Михаил) II Изяславич — великий князь Киевский.
 Святослав Всеволодович — князь Волынский, позднее — великий князь Киевский.

- Семёнов Константин Игоревич — журналист АПН.
 Сент-Экзюпери Антуан Жан Батист Мари Роже де — французский писатель, летчик.
 Сердюченко Георгий Петрович — лингвист.
 Сирано де Бержерак Эркуль Савиньен — французский поэт и писатель.
 Сичикава — участник военных сборов.
 Смирнов Сергей Сергеевич — писатель, историк, общественный деятель.
 Соколов Андрей Константинович — художник, иллюстратор.
 Соколов Олег Игоревич — редактор издательства Детгиз, позднее — сотрудник различных изданий и издательств.
 Солдатенко Юрий Фёдорович — директор 4-го творческого объединения детских фильмов киностудии «Мосфильм» «Юность».
 Соловьёв Николай — участник военных сборов.
 Солоухин Владимир Алексеевич — поэт, писатель.
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — политический и государственный деятель.
 Стрижевский, Стажинский — ошиб., см. Бовин.
 Стругацкая Аделаида Андреевна — супруга БНС, астроном.
 Стругацкая Александра Ивановна — мать АБС, педагог.
 Стругацкая Мария Аркадьевна — дочь АНС.
 Стругацкий Александр — корреспондент АБС.
 Стругацкий Андрей Борисович — сын БНС.
 Сугерий Сочинитель — французский церковный и государственный деятель.
 Сумак Има (дель Кастильо Зоила Аугуста Императрис Каварри) — перуанская оперная певица и актриса.
 Сэгава Масао — японский астроном, писатель.
 Сэлинджер Джером Дэвид — американский писатель.
 Такэнобу Ёситаро — редактор-составитель японо-английского словаря.
 Твен Марк (Клеменс Сэмюэл Лэнгхорн) — американский писатель, журналист.
 Тельман Эрнст Фриц Йоханнес — немецкий политический деятель.
 Тёпфер Отто — немецкий конструктор астрономических приборов.
 Теселько Мария Ивановна — тетя АБС, сестра А. И. Стругацкой.
 Тимашкова (дружески — Тимошкина) Галина Михайловна — астрометрист ГАО, супруга В. Новопащенко.
 Тимошкина — см. Тимашкова.
 Титов Герман Степанович — второй космонавт.
 Тоба — японский император.
 Тоётоми Хидэёси — японский военный и государственный деятель.
 Толстой Алексей Николаевич — писатель.
 Толстой Лев Николаевич — писатель, философ, публицист.
 Томан (Анисимов) Николай Владимирович — писатель, критик.
 Трофимов Борис Александрович — палеонтолог, популяризатор науки.
 Тулинова Евгения — неустановленное лицо.
 Тушкан Георгий Павлович — писатель.
 Тыч Иосиф — чешский переводчик.
 Тьюринг Алан Матисон — английский математик.
 У-ван — китайский император.
 Уилсон Митчелл — американский писатель.
 Уиндем Джон (Харрис Джон Уиндем Паркес Лукас Бейнон) — английский писатель.
 Уэда Акинари — японский писатель.
 Уэллс Герберт Джордж — английский писатель.
 Фейхтвангер Лион — немецкий писатель.

Фельдман-Конрад Наталия Исаевна — филолог, переводчик, составительница словарей.

Феодосий Печерский — монах, один из основателей Киево-Печерской лавры.

Филиппов — руководитель военных сборов.

Фолкнер Уильям Катберт — американский писатель.

Фомин Александр Иванович — филолог, автор учебников.

Форрестол Джеймс Винсент — министр обороны США.

Фортунов Алексей Михайлович — племянник Е. Ошаниной-Фортуновой.

Фролов — руководитель военных сборов.

Фурцева Екатерина Алексеевна — политический и государственный деятель, министр культуры.

Хемингуэй Эрнест Миллер — американский писатель.

Хомерики — участник военных сборов.

Хохлова Софья Владимировна — редактор Гослитиздата.

Хрущёв Никита Сергеевич — государственный и политический деятель.

Худенко Борис Григорьевич — писатель.

Циолковский Константин Эдуардович — основоположник теоретической космонавтики, писатель, философ.

Цирулис Гунар (Цивьян Габриэль Хаимович (Гавриил Ефимович)) — писатель, драматург, сценарист.

Чайковская Ольга Георгиевна — писательница.

Черных — корреспондент АНС.

Чехов Антон Павлович — писатель, драматург.

Чижевский Герман Михайлович — писатель, биолог, популяризатор науки.

Чистяков Юрий Николаевич — астроном, друг БНС.

Шекспир Уильям — английский драматург, поэт.

Шемайя — древнееврейский законоучитель, глава Синедриона.

Ши Найань — китайский писатель.

Шиян Леонид — ответственный секретарь журнала «Знання та праця».

Шкловский Виктор Борисович — писатель, литературовед.

Шолохов Михаил Александрович — писатель.

Экзюпери — см. Сент-Экзюпери.

Эренбург Илья Григорьевич (Гиршевич) — писатель, поэт, публицист.

Яновский Юрий Леонидович — писатель, критик.

Янь Чжитуй — древнекитайский историк, педагог, литератор.

В. Курильский

Указатель заглавий произведений и их аббревиатур

37-й — Год тридцать седьмой.

2017 — см. Человек, родившийся в 2017-м.

4-й ледниковый — см. Четвертый ледниковый период.

61 Лебеда — перевод АНС повести Сэгава Масао.

XXIIВ — см. Полдень, XXII век.

Алаид — см. Белый конус Алаида.

Амальтея — см. Путь на Амальтею.

Бамберга. Нищие духом — глава из повести «Стажеры».

Белка и Стрелка — замысел из подборки «Рассказы о Пришельцах».

Белый конус Алаида.

БКА — Белый конус Алаида.

Благоустроенная планета — новелла из повести «Полдень, XXII век».

БП — Благоустроенная планета.

- В — Возвращение.
 В дебрях Европы (Три богатыря) — замысел.
 В наше интересное время.
 В стране водяных — перевод АНС повести Акутагава Рюноскэ. Японское заглавие: Каппа.
 В стране магов — см. Маги.
 ВГВ — Волны гасят ветер.
 Великий КРИ — см. Загадка задней ноги.
 Венера. Берег Ермакова — планировавшаяся глава повести «Стажеры».
 Венера. На берегах Урановой Голконды — планировавшаяся глава повести «Стажеры».
 Венера. Нищие духом — планировавшаяся глава повести «Стажеры».
 ВНИВ — В наше интересное время.
 Возвращение — см. Полдень, XXII век.
 Волны гасят ветер.
 Восьмое небо — см. Седьмое небо.
 Генеральный инспектор — сокращенный вариант повести «Стажеры».
 Гигантская флюктуация — см. Тахмасиб. Гигантская флюктуация.
 Глубокий поиск.
 ГО — Град обреченный.
 Год 37-й — Год тридцать седьмой.
 Год тридцать седьмой.
 ГФ — Гигантская флюктуация.
 Град обреченный.
 Д — Десантники.
 Далекая Радуга.
 Дебри — см. В дебрях Европы.
 День затмения.
 Десантники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ДЗ — День затмения.
 Диона. На четвереньках — глава из повести «Стажеры».
 ДК — Дни Кракена.
 Дни Кракена.
 Должен жить — сокращенный вариант повести «Стажеры».
 ДР — Далекая Радуга.
 Забытый эксперимент.
 Загадка задней ноги — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Великий КРИ.
 Задняя нога — см. Загадка задней ноги.
 Звездочеты — замысел.
 ЗЗН — Загадка задней ноги.
 Злоумышленники — новелла из повести «Полдень, XXII век».
 ЗЭ — Забытый эксперимент.
 [Из повести о Горбовском.]
 Импровизатор.
 Искавший рыбу — замысел из подборки «Рассказы о Пришельцах».
 Каппа — см. В стране водяных.
 Кольцо-1 — глава из повести «Стажеры».
 Кормильцы — см. Томление духа.
 Крестьяне — см. Томление духа.
 Луна в тумане — перевод З. Рахима и АНС сборника новелл Уэда Акинари. Японское заглавие: Угэцу моногатари.

- М — Малыш.
- Маги — замысел, позднее воплотившийся в повесть «Понедельник начинается в субботу». Варианты заглавия: В стране магов, Республика магов.
- Малыш.
- Марс. Астрономы — глава из повести «Стажеры».
- Марс. Облава — глава из повести «Стажеры».
- Мирза-Чарле — главы из повести «Стажеры».
- Моби Дик — новелла из повести «Возвращение».
- На четвереньках — см. Диона. На четвереньках.
- Нищие духом — см. Бамберга. Нищие духом.
- Ночь на Марсе — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Нужен специалист.
- НС — Нужен специалист.
- НЧ — На четвереньках.
- Облава — см. Марс. Облава.
- ОЗ — Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.
- ПХХПВ — Полдень. XXII век.
- Пациенты доктора Протоса — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- Пионовый фонарь — перевод АНС повести Саньютэя Энтё.
- ПКБ — Попытка к бегству.
- ПНА — Путь на Амальтею.
- ПНВС — Понедельник начинается в субботу.
- Погружение у рифа Октопус — новелла, не вошедшая в повесть «Полдень, XXII век».
- Полдень, XXII век. Вариант заглавия: Возвращение.
- Понедельник начинается в субботу.
- Попытка к бегству.
- Пролог — глава из повести «Стажеры».
- ПУРО — Погружение у рифа Октопус.
- Путь на Амальтею.
- Рассказы о Пришельцах — замысел.
- Реактивная пирога — замысел из подборки «Рассказы о Пришельцах».
- Республика магов — см. Маги.
- Родился в 2017-м — см. Человек, родившийся в 2017-м.
- С — Стажеры.
- СБТ — Страна багровых туч.
- Свечи перед пультом — новелла из повести «Полдень, XXII век».
- Седьмое небо — замысел. Вариант заглавия: Восьмое небо.
- Смерть-планетчики — см. Эйномия. Смерть-планетчики.
- СПП — Свечи перед пультом.
- Стажер — см. Стажеры.
- Стажеры. Варианты заглавия: Генеральный инспектор, Должен жить, Стажер.
- Страна багровых туч.
- Тахмасиб. Гигантская флюктуация — глава из повести «Стажеры».
- Тахмасиб. Польза инструкций — глава из повести «Стажеры». Вариант заглавия: Тревога.
- Томление духа — новелла из повести «Полдень, XXII век». Вариант заглавия: Кормильцы, Крестьяне.
- Тревога — см. Тахмасиб. Польза инструкций.
- Туристы — замысел из подборки «Рассказы о Пришельцах».
- Угэцу моногатаи — см. Луна в тумане.

Флюктуация — см. Тахмасиб. Гигантская флюктуация.

ХВВ — Хищные вещи века.

Хищные вещи века.

Чародеи.

Человек, родившийся в 2017-м — замысел. Вариант заглавия: Родился в 2017-м.

Четвереньки — см. Диона. На четвереньках.

Четвертый ледниковый период — перевод АНС повести Абэ Кобо.

Член Совета — планировавшаяся глава повести «Полдень, XXII век».

Эйномия. Смерть-планетчики — глава из повести «Стажеры».

Экипаж «СКИФа».

В. Курильский

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Стажеры	3
ИЗ АРХИВА	
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Экипаж «СКИФа»	130
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. В наше интересное время	164
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Из повести о Горбовском]	168
ВАРИАНТЫ РУКОПИСЕЙ И ИЗДАНИЙ	
«Стажеры»	174

Раздел II. ПУБЛИЦИСТИКА

ОПУБЛИКОВАННОЕ

Аркадий Стругацкий. Дорогой читатель!	236
Аркадий Стругацкий. Примечания	236
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Вопрос писателям-фантастам: После полета Гагарина что вы считаете фантастическим?	238
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. [Предисловие к главам повести «Возвращение»]	239
Борис Стругацкий. Жизнь обгоняет фантастику	239
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. От бесконечности тайн к бесконечности знаний	240
ИЗ АРХИВА	
Борис Стругацкий. [Предисловие к повести «Возвращение»]	242
Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Про критику научной фантастики	242

Раздел III. ПИСЬМА, ДНЕВНИКИ, ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Переписка, 1961	248
Борис Стругацкий. Письмо супруге, 1961	282
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961	283
Аркадий Стругацкий. Дневник, 1961–1965	291
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961	303
Аркадий Стругацкий. Записная книжка, 1961–1962	304
Аркадий Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962	304
Аркадий Стругацкий. Рабочие материалы к «В дебрях Европы» («Три богатыря»), 1961	310
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 1	311
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 3	312
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 4	316
Борис Стругацкий. Рабочие записи, 1961–1962, № 2	317
Борис Стругацкий. Записная книжка, 1960–1962	325

Раздел IV. ПРИЛОЖЕНИЯ

Необходимые пояснения	331
Комментарии и примечания	332
Библиография. 1961 г.	355
Указатель имен	356
Указатель заглавий произведений и их аббревиатур	363